ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛ

ЗВЕЗДНЫЙ СТРАЖ

ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛ

ЗВЕЗДНЫЙ СТРАЖ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ERIC FRANK

RUSSELL

ЭРИК ФРЭНК

РАССЕЛ

Звездный страж

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Р24

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством «Томас Шлюк» (Германия)

Художник А. Лидин

Подписано в печать 26.09.01. Формат 84x108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4351.

Рассел Э.Ф.

Р24 Звездный страж: Фантаст. повести и рассказы: Пер. с англ. / Э.Ф. Рассел. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 702, [2] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-010643-2

Поклонники классической научной фантастики!

Кто из вас не знает имени Эрика Фрэнка Рассела?

И правда — трудно, наверное, найти в нашей стране любителя научной фантастики, не знакомого с именем человека, на книгах которого выросли ВСЕ МЫ — поколение за поколением. Автора рассказов «Мы с моей тенью» и «Небо, небо», «Пробный камень» и «Мыслитель» — и множества других произведений, буквально знакомивших нас всех с «золотым веком» англоязычной фантастики? Автора тонкого, мудрого и откровенно, весело ироничного?

Перед вами — Эрик Фрэнк Рассел в лучшей, блестящей своей форме.

Не пропустите!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2001

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В БОЛЬШОМ КОСМОСЕ

Английский писатель-фантаст Эрик Фрэнк Рассел, как и его творчество, кажется, прямо-таки состоят из парадоксов. Родившись и значительную часть своей жизни проведя в Британии (он умер в 1978 году в возрасте семидесяти трех лет), большинством любителей фантастики Рассел всегда воспринимался как американский автор. Даже на русский язык в 1960-х годах он начал переводиться как один из «типичных представителей гуманистического направления в американской фантастике».

Впрочем, ничего удивительного здесь нет: англичанин по происхождению, мировоззрению и складу характера, Эрик Фрэнк Рассел был одним из создателей (наряду с Артуром Кларком) современной британской научной фантастики — но при этом наибольшую известность приобрел именно в США, где печатался наиболее часто и регулярно. Даже публиковавшиеся в Англии книги Рассела, как правило, почти без задержки переиздавались в США — честь, которой кроме него удостаивался разве что сам Кларк.

Впрочем, и в ранней биографии этих двух авторов можно найти немало общего. Оба они еще в 1930-х годах увлеклись фантастикой, были активистами зарождавшегося тогда британского фэн-дома, а также состояли членами созданного в 1933 году «Британского межпланетного общества» (в 1946 году Кларк стал его председателем). Оба стали литераторами достаточно поздно, хотя Рассел — он был старше Кларка на двенадцать лет — начал писать фантастику еще до Второй мировой войны. Его первый рассказ *«Сага о Пеликане Уэсте»* (*«The Saga of Pelican*

West») был напечатан в 1937 году в американском журнале «Эстаундинг Сайнс Фикшн», причем тридцатидвухлетний Рассел стал первым британским автором, опубликованным в этом журнале. А вскоре после этого события редактором журнала стал легендарный Джон Кэмпбелл, благодаря которому *«Эстаундинг»* превратился в культовое издание, сыгравшее ключевую роль в формировании лица американской фантастики сороковых-шестидесятых годов.

В оставшиеся до войны два года Рассел активно сотрудничал в тогдашней британской фэн-прессе, представленной единственным массовым научно-фантастическим журналом (по американской классификации — «пульп-мэгэзин»), редактором которого был Т. Стенхоуп Спригг. Следующим периодическим изданием, участие в котором принял Рассел, стал любительский журнал («семипрозин») с безыскусным названием «Журнал Научной фантастики» («The Magazine of Science Fiction»), издававшийся Уолтером Джиллингом в 1946–1947 годах. Кстати, именно в этом журнале были опубликованы первые рассказы Артура Кларка, писавшего в то время под различными псевдонимами. Сам Рассел поначалу тоже часто пользовался псевдонимами — из них наиболее известны Вебстер Грэйг (Webster Craig) и Дункан Х. Монро (Duncan H. Munro).

И Рассела, и Кларка в то время увлекала идея о «наставничестве» над человечеством мудрых и высокоразвитых цивилизаций, незримо подготавливающих обитателей Земли к переходу на более высокий духовный и культурный уровень. В 1950 год одновременно вышло два рассказа, изображавших инопланетных наставников человечества — *«Дорогой Дьявол» («Dear Devil»)* Рассела и *«Ангел-хранитель» («Guardian Angel»)* Артура Кларка. Три года спустя последний был переиздан в переработанном виде под заглавием «Конец Детства». Однако вскоре после этого пути двух авторов разошлись — Кларк увлекся исследованием ближайших и наиболее реалистических перспектив развития земной цивилизации и технологии, Рассел же с самого начала был не слишком уверен, что «космические наставники» обязательно должны быть дружественными по отношению к человеку.

Дело в том, что еще до своего увлечения фантастикой Эрик Фрэнк Рассел являлся горячим приверженцем идей американского писателя и журналиста Чарльза Форта (1874–1932). За три десятка лет работы на основе обширного газетного материала Форт собрал огромное количество необъяснимых историй о

паранормальных явлениях, систематизировал их и опубликовал в нескольких сборниках — в том числе *«Книге Проклятых» («The Book of the Damned», 1919)*, *«Новые Земли» («New Lands», 1923)*, *«Ло!» («Lo!», 1931)*, *«Дикие таланты» («Wild Talents», 1932)*. Чарльз Форт буквально фонтанировал идеями и гипотезами, каждая из которых смотрелась безумнее другой: он писал о полой Земле, о живущих среди нас пришельцах с Марса, о разумных животных, об экстрасенсах, о метеорологических и биологических феноменах. Главный вывод Форта сводился к тому, что в жизнь землян постоянно вмешиваются представители других цивилизаций — причем вмешательство это продиктовано отнюдь не благими намерениями. Большинство критиков и ученых считали работы Форта антинаучными, их автора неоднократно обвиняли в использовании недостоверной информации и прямой подтасовке фактов. Действительно, объем собранной Фортом информации был воистину огромен, и отсеять правду от вымысла или просто газетных «уток» в нем уже не представлялось возможным. «Чтение книг Форта подобно поеданию блюда, приготовленного из сомнительных продуктов: вкус неплох, но мысль об источнике этой пищи способна испортить весь аппетит»,— высказывался один из современников.

Тем не менее сам Форт искренне верил в то, что писал, и эта чрезвычайно эмоциональная вера не могла не заразить его читателей и почитателей. Одним из таких поклонников оказался и Эрик Фрэнк Рассел, считавший Форта «единственным настоящим гением научной фантастики». До конца жизни он оставался активистом основанного в 1931 году «Фортианского общества» и собирал информацию о различных загадочных происшествиях, необъяснимых с точки зрения науки и обыденной логики. В 1957 году Рассел даже издал собственный сборник эссе, продолжающий книги Форта,— он так и назывался *«Великие мировые тайны»* (*«Great World Mysteries»*)[1]. Стоит заметить, что идеи Форта оказали довольно значительное воздействие на американскую фантастику тридцатых-пятидесятых годов XX века — их влияние испытывал Джон Кэмпбелл и Альфред Элтон Ван-Вогт, оно заметно в ранних вещах Хайнлайна. Уже в 1970 году из-

[1] В первой половине 1990-х годов фрагменты из этой книги Рассела публиковались на русском языке в нескольких выпусках альманаха научной фантастики *«Фата-Моргана»*, выходившем в Нижнем Новгороде.

вестный американский фантаст Деймон Найт выпустил биографическую работу, названную *«Чарльз Форт, пророк необъясненного»*. Да что там фантасты — в «Фортианском обществе» состояло много известных и уважаемых людей, в том числе и знаменитый американский писатель Теодор Драйзер. В конце 1960-х годов Эрих фон Дэникен использовал многие «наработки» фортианцев для создания своего знаменитого документального фильма *«Воспоминания о будущем»*. В советской фантастике фортианская линия отчетливо прослеживалась в произведениях Александра Казанцева (например, его роман *«Фаэты»* прямо перекликается с фильмом Дэникена).

Высказанная Фортом гипотеза о том, что у рода человеческого могут быть свои хозяева-паразиты, тщательно скрывающиеся от людских глаз, легла в основу первого романа Рассела *«Зловещий барьер» («Sinister Barrier»)*, опубликованного в 1939 году в первом номере американского журнала *«Анкноун» («Unknown»)*. Кстати, основной тематикой журнала были паранормальные явления, и в целом он чурался классической научной фантастики. В 1943 году роман Рассела был переиздан, а в 1948 году появилась более развернутая версия этой книги. Таким образом, к автору пришла известность — причем в первую очередь не на родине, а в Соединенных Штатах Америки. Стоит напомнить, что знаменитый роман Роберта Хайнлайна *«Кукловоды»*, основанный на той же самой идее об управляющих людьми незримых *«кукловодах»*, впервые был опубликован только в 1951 году.

Следующий роман Рассела, *«Ужасное святилище» («Dreadful Sanctuary»)*, впервые опубликованный в кэмпбелловском «Эстаундинге» в 1948 году и впоследствии неоднократно переиздававшийся как в Англии, так и в США, тоже был навеян фортианскими идеями. Здесь автор, не мудрствуя лукаво, предположил, что Земля издавна является то ли убежищем, то ли местом ссылки для сумасшедших инопланетян из других миров. Впрочем, в предлагаемом вашему вниманию романе *«Часовые Космоса» («Sentinels from Space», 1951)*[1] схема «Зловещего Барьера» вывернута наизнанку — сверхразум не паразитирует на человечестве, а лишь внимательно следит за ним, давая возможность куколкам пройти весь цикл метаморфоза и превратиться

[1] Впервые опубликован в американском журнале *«Стартлинг Сториз»* в 1951 году, а через два года переиздан в США отдельной книгой.

в прекрасных бабочек... А в романе *«Трое для победы» («Three to Conquer», 1956, США)* вторжение на землю очередных разумных инопланетных паразитов достаточно быстро и без особых трудностей обнаруживается и пресекается благодаря телепатическим способностям главного героя.

Тем не менее уже с середины 1940-х годов стало ясно, что лучше всего Расселу удаются рассказы и небольшие повести. Собственно, в советское время у нас он был известен именно как автор короткой фантастической прозы, а после выхода в 1973 году сборника «Ниточка к сердцу» слава Рассела как рассказчика в среде отечественных любителей фантастики приблизилась к безумной популярности Шекли. Удивительно, но рассказы Рассела сразу же составили разительный контраст его мрачноватым (и, чего греха таить, зачастую чересчур затянутым) романам — они были емкими, динамичными и, как правило, необычайно светлыми. С изрядным скепсисом относившийся к цивилизации в целом, Рассел проявил удивительный оптимизм при описании отдельных, ничем не выдающихся ее представителей, демонстрируя неизменное чувство юмора, веру в разум, здравый смысл, доброту и обыкновенное везение маленького человека — классического персонажа так называемой Большой литературы. Таков, к примеру, рассказ *«Эл Стор» («Jay Score», 1941)*, героем которого является робот-андроид, наделенный человеческими эмоциями. Новелла *«Метаморфозиты» («Metamorphosite», 1946)* посвящена идее, ранее многократно тиражированной Э. Э. *«Доком»* Смитом и нашедшей наиболее яркое воплощение в романе Хайнлайна *«Дети Мафусаила»* — освободившись от оков плоти, наши потомки не только обретут бессмертие, но и станут подобны богам. В рассказе *«Хоббиист» («Hobbyist», 1947)* Господь Бог создает Галактику просто ради эстетического развлечения. Короткий рассказ *«Персона нон грата»* заставляет вспомнить кое-какие творения отечественной фантастики последнего времени — только вот мысль, для изложения которой авторам пресловутой *«Черной книги Арды»* потребовалось два пухлых тома, за полвека до этого Рассел сумел уложить буквально в пару страниц изысканного текста. А ставшая классической новелла *«Немного смазки»* (1952, рус. перевод 1973) исследует проблемы психологической совместимости в замкнутом коллективе — предлагая для них весьма нестандартное, но эффективное решение.

Обращение к «микромоделям» социума выявило и новые увлечения Рассела. Одним из них стала психология — точнее, то

ее направление, которое называется бихевиоризмом. Основой человеческой активности бихевиоризм считает не рефлексию (то есть размышление и анализ), а действие, вызванное теми или иными внешними причинами. У нас в стране он долгое время провозглашался очередной буржуазной лженаукой, однако при этом широкую публику не стремились информировать о том, что на Западе одним из главных его столпов является широко почитаемый у нас зоолог и писатель Джеральд Даррелл.

Впрочем, от столь глубоких материй Рассел был предельно далек. Сам он воспринимал теорию бихевиоризма как воплощение формальной логики, того самого знаменитого принципа «Бритвы Оккама», которому должна всецело подчиняться человеческая психология. Разум человека велик, но бездна подсознания способна поглотить и его. Поэтому для того, чтобы разрешить как психологические, так и социальные проблемы, не стоит заниматься самокопанием или строить заумные философские концепции — достаточно лишь опираться на здравый смысл и твердую логику. В этом ключе выдержан роман Рассела *«Ближайший родственник»*, где офицер земной разведки ловко пудрит мозги целой инопланетной цивилизации, а также представленная в данном сборнике повесть *«Похитители разума»* (*«With a Strange Device»*, 1964)[1].

При этом нельзя сказать, чтобы сам Рассел не занимался строительством психологических или социальных концепций. Да и кто из американских писателей в те годы не занимался этим? Впрочем, Рассел все-таки оставался англичанином, и его модели оказывались весьма не похожими на построения, создаваемые большинством его коллег по писательскому цеху из журнала «Эстаундинг».

Во-первых, он увлекся антивоенной фантастикой — что для чрезвычайно милитаризованных Соединенных Штатов послевоенных лет было явлением весьма нетипичным. Во-вторых, он начал конструировать социальные системы, не соответствующие принципам американской демократии, что по меркам маккартистских времен выглядело откровенной ересью, чреватой подозрением в тайном сочувствии коммунистам. Напомним, что вплоть до середины шестидесятых годов, то есть до появления «Новой волны», в американской фантастике царили три непреложных

[1] В 1965 году переиздана в США под названием *«Искажающие память»* (*«Mindwarpers»*).

табу: на секс, на подрыв устоев христианской религии и на изображение в положительном ключе любых социальных систем, похожих на социализм или коммунизм. Безусловно, даже в США никакого юридического оформления этих запретов существовать не могло, но редакторы журналов научной фантастики и занимающиеся ей крупные издательства старались всемерно блюсти «идеологическую чистоту жанра» — а Филип Жозе Фармер вынужден был публиковать свою эротическую фантастику в порнографическом издательстве «Шаста-Пресс».

На этом фоне Рассел по американским меркам выглядел едва ли не диссидентом. Опубликованный в 1948 году рассказ *«Все кончилось глубокой ночью» («Late Night Final»*, рус. перевод — *«Ночной мятеж»*, 1964) повествует о дезертирстве команды земного корабля, отказавшейся подчиняться военной дисциплине. Эта же пацифистская идея была развита в рассказе *«Я — Ничто» («I am Nothing»*, 1952) и блестящей сатирической повести *«И не осталось никого» («...And Then There Were None»*, 1951, рус. перевод 1973), впоследствии ставшей частью романа *«Большой Взрыв» («The Great Explosion»*, 1962). Интересно, что обитатели планеты, на которой решили остаться «выбравшие свободу» земляне, именуют себя «гандами» — по имени Махатмы Ганди, отца идеи всеобщего ненасильственного сопротивления. Столкнувшись с таким сопротивлением, земная военно-бюрократическая машина дает сбой, не в силах противопоставить ему что-либо конструктивное.

Конечно, существовали у Рассела произведения и совсем другого плана. Его романы *«Космическое сумасшествие» («The Space Willies»*, 1956, в рус. переводе — *«Ближайший родственник»*) и *«Оса» («Wasp»*, 1967 — США и 1958 — Великобритания) вполне можно обозвать милитаристскими — или же превознести как антитоталитарные. Ведь их герои являются солдатами «невидимого фронта» в галактической войне, ведущейся Землей против бесчисленных сил слаборазвитых, но чрезвычайно многочисленных и агрессивных врагов, не ведающих великих принципов Свободы и Демократии. Словом, вполне в духе хайнлайновской «Звездной пехоты» — тем более что короткое название первого романа можно прочесть и как чрезвычайно распространенную аббревиатуру WASP (White Anglo-Saxon Protestant) — белый протестант-англосакс, то есть стопроцентный янки. К этому ряду можно добавить и рассказ «Дьявологика» («Diabologic», 1955), в котором, по мнению энциклопедии Клюта и Николсона, явственно

прослеживаются идущие еще от Кэмпбелла черты земного шовинизма — изобретательные земляне противостоят лишенным воображения инопланетянам.

Но в то же самое время Эрик Фрэнк Рассел пишет рассказ *«Пробный камень»* (1954, рус. перевод — 1966), в котором отношение землян к чернокожим служит мерилом отношения к ним самим. Год спустя появляется знаменитая *«Абракадабра»* (*«Allamagoosa»*, 1955) — блестящая антибюрократическая и антивоенная сатира, за которую автор получил свою единственную литературную премию, «Хьюго-56».

Еще в 1954 году в США вышел его сборник *«Глубокий космос»* (*«Deep Space»*), год спустя появляется еще один сборник — *«Люди, марсиане и машины»* (*«Men, Martians and Machines»*), собравший в себя значительную часть ранних рассказов автора, опубликованных в 1943—1943 годах. Таким образом, Рассел постепенно переключается с романов на менее объемистую прозу. Одновременно он принимает участие в создании сценария для грандиозного «межавторского» киносериала *«Звездный Путь»* (*«Star Track»*). Его повести и рассказы многократно публиковались отдельными сборниками: *«Вот эти шесть миров»* (*«Six Worlds Yonder»*, 1958), *«Далекие звезды»* (*«Far Stars»*, 1961), *«Темные потоки»* (*«Dark Tides»*, 1962), *«И послышался голос»* (*«Somewhere a Voice»*, 1965), *«Непохожий ни на что земное»* (*«Like Nothing on Earth»*, 1975) и *«Лучшее Эрика Фрэнка Рассела»* (*«The Best of Eric Frank Russell»*, 1978) — последний сборник вышел под редакцией Алана Дина Фостера, знаменуя тем самым преемственность литературных поколений.

Владислав Гончаров

ПОХИТИТЕЛИ РАЗУМА

1

Государственный научно-исследовательский центр, самое средоточие интеллектуальных усилий страны, размещался в огромном угрюмом здании, мрачноватом даже по стандартам двадцатого столетия. В сравнении с ним Форт-Нокс и Алькатраз, Бастилия и Кремль должны были смотреться бревенчатыми фортами времен покорения Дикого Запада. Но все же и это грандиозное сооружение не было неприступным. Враждебные глаза неусыпно наблюдали за ним, подмечая самые мелкие детали, враждебные умы тщательно анализировали все огрызки информации. И в итоге даже столь закрытое и засекреченное учреждение могло оказаться менее безопасным, чем изъеденная молью палатка пионера-первопроходца.

Фасад здания возвышался на сорок футов над землей и еще на тридцать футов уходил под землю. Его толщина составляла восемь футов, а сложен он был из гранитных блоков, покрытых снаружи гладким как шелк полированным алюминием. На этой глади не нашлось бы и выбоинки, за которую могла зацепиться нога паука. Под основанием стены, на глубине тридцати шести футов, располагалась многократно дублированная сенсорная система, рассчитанная на обнаружение и пресечение любых попыток подкопа, кто бы их ни производил — человек или крот. Те, кто проектировал и строил эту стену, были твердо уверены, что фанатики способны на все и что ни одна из принятых мер

предосторожности не окажется излишней перестраховкой.

По всему периметру здания имелось лишь два прохода, нарушавших монолитность его стен,— маленькая узкая дверь на фасадной части, служившая для входа и выхода персонала, и большие ворота с задней стороны, через которые на грузовиках доставлялось все необходимое для работы, а также вывозилась готовая продукция и отходы. Обе бреши прикрывались тройными стальными дверьми, массивными, как ворота судоремонтного дока. Все двери открывались и закрывались автоматически, причем по очереди, и ни в коем случае не могли быть открыты одновременно. Каждая дверь охранялась своим взводом охраны. Охрана состояла из здоровенных мордоворотов — при одном взгляде на их физиономии становилось ясно, что с этими должностными лицами лучше не ссориться.

Впрочем, выйти из здания было несколько проще, чем в него войти. Для этого требовалось только иметь пропуск на выход, а единственной трудностью была длительная задержка в тамбуре перед каждой дверью, которая могла быть открыта только после того, как закроется предыдущая. Но движение в обратном направлении, то есть внутрь, представляло собой нечто невообразимое. Если сотрудник был хорошо известен охранникам, то его при входе ожидала только задержка на открытие дверей и не слишком длительные проверки пропуска, который периодически менялся. Это было обычной процедурой, но для незнакомца проверка оказывалась куда более серьезной. Какой бы важной птицей этот человек ни являлся и сколь бы авторитетные документы он ни предъявил, ему приходилось выдержать продолжительное и дотошное собеседование с первой группой охраны.

Если в ответах посетителя охранникам что-то не нравилось или они просто были не в настроении, посетитель подвергался обыску, которой в числе прочего включал в себя изучение всех естественных отверстий входящего. Любой найденный предмет, который охрана рассматривала как подозрительный, необъяснимый или просто не относящимся к теме визита, несмотря ни на

какие протесты, безжалостно конфисковывался и возвращался владельцу только при выходе.

Но это был только первый этап. Второй эшелон охраны должен был обнаружить то, что не сумел найти первый. Повторный обыск мог включать в себя даже снятие зубопротезных мостов и внимательное изучение полости рта — эта тактика была введена после изобретения передающей телекамеры величиной в половину сигареты.

Третий эшелон охраны состоял из хронических скептиков. Эти охранники имели право задержать любого незнакомца и устроить ему повторную проверку по всем пунктам, относящимся к ведению первых двух постов — тем самым бросая тень на добросовестность своих коллег. К моменту появления проверяемого лица сюда уже должен был поступить полный отчет о двух произведенных обысках, и любой промах в технике проверки подвергался немедленному исправлению — даже если для этого посетителя приходилось снова полностью раздеть. Охранники третьего эшелона имели в своем распоряжении такие серьезные приборы, как рентгеновские установки, детектор лжи, ультразвуковые камеры и устройство для проверки отпечатков пальцев,— правда, целиком весь этот набор использовался довольно редко.

За неприступной сверкающей стеной скрывалась «начинка» научно-исследовательского центра. Подразделения, цеха и лаборатории были отделены друг от друга стальными дверями и суровыми охранниками, так что проход из одной части комплекса в другую был крайне затруднителен. Каждый такой отсек был обозначен своим цветом, которым были выкрашены все стены и двери. Чем дальше в спектре располагался цвет, тем выше была секретность данного подразделения и тем больший приоритет давался этому отделу. Работники подразделения с желтым цветом не могли пройти в отсек с голубым цветом. Работники «голубого» отсека могли пойти «полировать пол» (как они это называли) к своим «желтым» или «красным» коллегам,

но им было строжайше запрещено совать нос за фиолетовые двери.

Но даже охранники не могли пройти через черные двери без формального приглашения с той стороны. И лишь люди «черного» сектора, президент да сам Господь Бог могли свободно ходить по всей территории Центра.

И весь этот лабиринт был покрыт густой сетью проводов, укрытых в стенах, дверях и потолках. Провода были соединены с устройствами блокировки дверей, микрофонами, телекамерами и сигнализацией тревоги. Подглядывание и подслушивание за происходящим на территории Центра находилось в ведении специалистов «черной» секции. Вновь прибывшим приходилось долго привыкать к мысли о том, что здесь нет закрытых мест и что любой работник или гость Центра постоянно находится на виду и на слуху у охраны. От ее недреманного ока и уха нельзя было укрыться даже в туалете, ибо именно это тихое место всегда являлось излюбленным убежищем шпионов всех сортов и званий.

Но в сущности все людские и финансовые ресурсы, затраченные на обеспечение наивысшей степени безопасности исследовательского комплекса, были выброшены на ветер. Во-первых, теоретически существовала масса возможностей атаковать Центр с неожиданной стороны, используя неизвестные науке методики. Все прекрасно понимали, что предусмотреть подобный вариант было в принципе невозможно из-за ограниченности научного знания. Но, к сожалению, создатели Центра упустили и более очевидные возможности...

Люди, стоящие на высших ступенях научной иерархии Центра, были блестящими специалистами — но каждый лишь в своей области. В чужих же областях они являлись полными невеждами и профанами. Главный бактериолог был в состоянии часами рассказывать о новом вирусе, но мог ответить на вопрос, сколько спутников имеет Сатурн. Главный баллистик мог быстро нарисовать сложнейшую траекторию движения для любого твердого тела, но вы вряд ли смогли бы добиться от него ответа на простейший вопрос, к како-

му биологическому классу относится окапи — к лошадям, оленям или жирафам? Все учреждение было битком набито специалистами самого высокого класса, но в нем не оказалось ни одного человека, способного понять и сопоставить друг с другом знаки и симптомы, которые становились все заметнее.

К примеру, никто не придавал значения тому факту, что среди сотрудников Центра цвет стал символом престижа. Да, ученые, техники и лаборанты, давно смирившиеся с постоянным подслушиванием, подсматриванием и периодическими обысками, продолжали ненавидеть цветовую систему. Но работники «желтого» отдела рассматривали себя обделенными по сравнению со служащими «голубого» отдела — хотя и те, и другие получали совершенно одинаковое жалованье. Человек, работающий за красными дверями, считал себя на голову выше, чем человек, работающий за белыми.

Женщины, которые в социологическом плане всегда были наиболее чувствительным элементом общества, раздули это еще сильнее. Женщины-служащие, как и жены сотрудников, в своих связях твердо придерживались цветового принципа. Жены работников «черного» отдела считали себя выше остальных и гордились этим, а жены работников белого отдела считали себя самым «дном» общества и были немало этим огорчены. Их нормой приветствия стали сладкая улыбка и воркующий голос, за которыми чувствовались по-кошачьи показанные когти.

Такое положение дел давно было принято всеми в качестве нормы и рассматривалось просто как заведенный порядок. Но это был далеко не просто порядок. В Центре работали не стальные роботы, а обычные человеческие существа, подверженные человеческим недостаткам и человеческим комплексам. Грамотный специалист-психолог увидел бы эти комплексы с первого взгляда, даже если бы он и не мог отличить систему навигации ракеты от системы наведения артиллерийского орудия. Именно он бы мог понять, где лежит главная слабость. Не в бетоне, граните или стали, не в механизмах или электронных устройствах, не в

порядке ведения документации и не в бдительности охраны, а в неотъемлемых свойствах человеческого существа.

К сожалению, психологи в штат Центра не входили.

Отставка Хаперни вызвала больше раздражения, чем тревоги. Этот сорокадвухлетний темноволосый и склонный к полноте мужчина был специалистом по глубокому вакууму. Все, кто его знал, считали его умным, трудолюбивым и спокойным, как гипсовая статуя. Насколько было известно, Хаперни не интересовался ничем, кроме своей работы. Он был холостяком, и это тоже считалось доказательством отсутствия у него каких-либо посторонних интересов. И вот этот человек внезапно подал прошение об увольнении.

Байтс, начальник отдела, и Лейдлер, начальник охраны, вызвали его для собеседования. Они сидели рядом за большим письменным столом, когда Хаперни, шаркая ногами, вошел в кабинет и, подслеповато мигая, уставился на начальство сквозь толстые стекла очков. Байтс взял из стопки лист бумаги и положил его перед собой.

— Мистер Хаперни, я только что получил вот это. Ваше заявление об отставке. В чем дело?

— Я хочу уйти,— ответил Хаперни, теребя руками ремень брюк.

— Почему? Вы нашли себе лучшее место где-нибудь еще? Мы должны это знать.

Хаперни начал шаркать ногами. Вид у него был довольно несчастный.

— Нет, я не нашел еще другой работы. Да я и не искал... Пока что нет, может быть, потом...

— Тогда почему вы решили уйти? — спросил Байтс.

— С меня довольно! — выпалил Хаперни, смущенно покраснев.

— Довольно? — скептически переспросил Байтс.— Довольно чего?

— Этой работы.

— Давайте говорить прямо,— вздохнул Байтс.— Мы вас ценим. Вы работаете здесь уже четырнадцать лет и до сих пор казались вполне довольны службой. Ваша

работа расценивается как первоклассная, и никто никогда даже не пытался критиковать ее или вас лично. Если вы будете продолжать трудиться в том же духе, то сможете обеспечить себя до конца своих дней. Неужели вы действительно хотите отказаться от интересной и хорошо оплачиваемой работы?

— Да,— подтвердил Хаперни.

— И при этом не имея ничего лучшего в перспективе?

— Именно так.

Откинувшись на спинку стула, Байтс уставился на ученого и задумался.

— Знаете что,— произнес он наконец.— Наверное, вам стоит показаться врачу.

— Я не хочу этого,— ответил Хаперни.— Мне это не надо, и я не буду этого делать.

— Я думаю, что врач найдет у вас истощение нервной системы в результате долгой и напряженной работы. Скорее всего, он просто порекомендует вам серьезный отдых,— настаивал Байтс.— В этом случае мы предоставим вам продолжительный оплачиваемый отпуск. Отправляйтесь куда-нибудь в спокойное местечко порыбачить...

— Я не интересуюсь рыбалкой.

— Так что же вас тогда интересует? Что вы, черт возьми, собираетесь делать после того, как уйдете отсюда?

— Отправлюсь куда глаза глядят, попутешествую немного. Я хочу быть свободным и ехать, куда захочу.

На этом месте в разговор вступил нахмурившийся Лейдлер:

— Вы что, хотите выехать из страны?

— Не сразу,— ответил Хаперни.

— Их вашего персонального дела следует, что вы еще ни разу не запросили заграничного паспорта,— продолжал Лейдлер.— Я должен сразу предупредить, что вам придется ответить на много нескромных вопросов, если вы вдруг вздумаете это сделать. Вы были допущены к информации, которая может быть полезна нашему врагу, и правительство не может игнорировать данный факт.

— Вы хотите сказать, что я намереваюсь продать эту информацию! — спросил Хаперни, слегка покраснев.

— Нет, вовсе нет. По крайней мере, не при текущих обстоятельствах,— горячо заверил его Дейдлер.— На данный момент ваша репутация безупречна и никто не сомневается в вашей лояльности. Но...

— Что значит «но»?

— Любые обстоятельства могут измениться. Человек, катающийся по стране без работы и каких-либо других источников дохода, в конце концов встанет перед финансовой проблемой. После первого испытания бедностью его представления о некоторых вещах могут серьезно измениться. Вы понимаете, что я хочу этим сказать?

— Я найду какое-нибудь место, когда буду чувствовать себя в состоянии вновь заняться работой.

— Ах, так? — опять вступил в разговор Байтс, ехидно подняв брови.— Интересно, кому может понадобиться специалист по глубокому вакууму?

— С моей квалификацией я могу и мыть посуду,— возразил Хаперни.— Если вы не возражаете, я предпочел бы решать свои проблемы сам, так как я этого хочу. Мы ведь живем в свободной стране, не так ли?

— Нам просто хотелось бы внести ясность в некоторые вопросы,— с угрозой в голосе произнес Лейдлер.

Байтс глубоко вздохнул и возразил:

— Если парень настаивает на том, чтобы стать сумасшедшим, то нам его не остановить. Так что я принимаю его отставку и передаю его дело в штаб-квартиру. Если там решат, что вас, Хаперни, надо пристрелить еще до рассвета, то это будет уже на их совести...

Он сделал неопределенный жест рукой:

— Можете идти. Я постараюсь выполнить вашу просьбу.

Когда Хаперни вышел, Лейдлер хмыкнул:

— Ты обратил внимание, как изменилось его лицо после слов о том, что его могут пристрелить еще до рассвета? По-моему, оно было чересчур напряжено. Может быть, он действительно чего-то боится?

— Ерунда,— возразил Байтс.— Я не заметил в его эмоциях ничего необычного. По-моему, он просто нервничает от неопределенности. Судя по всему, он просто поддался естественному зову природы.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня создалось впечатление, что наш друг просто подзадержался в своем сексуальном развитии и окончательно созрел только сейчас. Но даже в сорок два года не поздно заняться тем, чем обычно люди занимаются в юности. Бьюсь об заклад, что, как только мы выпустим его отсюда, он пустится во весь галоп, как разгоряченный бык. И будет скакать так, пока не наткнется на подходящую самку. А воспользовавшись ею по прямому назначению, остынет и захочет обратно на свою работу.

— Возможно, ты и прав,— согласился Лейдлер.— Но я бы на это свои деньги не ставил. Я нутром чую, что его что-то беспокоит. Хорошо бы узнать, что именно...

— Не тот типаж, чтобы сильно волноваться из-за его переживаний,— пожал плечами Байтс.— Такие люди, как правило, не приносят окружающим серьезных неприятностей. Все, что он хочет,— это поваляться с кем-нибудь на сене. А против этого у нас нет закона, не так ли?

— Иногда я думаю, что такой закон не мешало бы создать,— хмуро возразил Лейдлер.— Во всяком случае, когда высококвалифицированные специалисты внезапно впадают в лирику, это не выглядит просто началом брачного сезона. Здесь могут быть более глубокие и опасные причины. И хорошо бы нам знать о них во всех подробностях.

— И что ты предлагаешь нам делать дальше?

— За Хаперни надо установить постоянное наблюдение и продолжать его до тех пор, пока мы не убедимся, что он не принес никакого вреда и не намерен делать в будущем. Придется паре агентов из контрразведки потаскается за ним некоторое время. Это, правда, будет стоить денег...

— Но не из твоего же кармана.

— И то верно.

— Так что же нам тогда волноваться? — резонно заметил Байтс.

Новость о грядущей отставке Хаперни быстро распространилась по Центру, но обсуждалась как бы между прочим. Ричард Брансон, металлург из «зеленого»

отдела, упомянул об этом своему сослуживцу Арнольду Бергу при встрече в столовой. В дальнейшем этим двум персонажам предстояло стать участниками еще более таинственных событий, но тогда ни один из них об этом еще и не подозревал.

— Арни, ты слышал, что Хаперни собрался слинять?

— Да, он сам мне это сказал несколько минут назад.

— Хм, неужели задержка с результатами по его тематике настолько выбила его из колеи? Или, может быть, ему где-то предложили еще более крупные деньги?

— Нет,— возразил Берг.— Он сказал мне, что устал от режима и хочет какое-то время пожить свободно. В нем просто проснулся цыган.

— Странно,— пробормотал Брансон.— Хаперни никогда не казался мне непоседой. Он всегда выглядел медлительным и неповоротливым, как скала.

— Да, он никогда не производил впечатление бродяги,— согласился Берг.— Но ты же знаешь, недаром говорят: чужая душа — потемки.

— Может быть, ты и прав. Я и сам иногда устаю от этих порядков — но уж, конечно, не настолько, чтобы бросать хорошую работу

— Тебе надо содержать жену и двух наследников,— возразил Берг.— А у Хаперни никого, кроме его самого, нет. Он может делать все, что захочет. Если ему вздумается поменять профессию научного работника на карьеру уборщика мусора, я могу пожелать ему только удачи на новом поприще. Кто-то же должен убирать за нами помои, а не то мы все в них утонем. Ты об этом не думал?

— Мои мысли заняты более высокими материями,— уклончиво ответил Брансон.

— Не беспокойся, твои мысли быстро опустятся до низких вещей, если твой задний двор будет тонуть в помоях,— пообещал Берг.

Проигнорировав последнее замечание, Брансон задумчиво произнес:

— Хаперни — зануда, но не дурак. Он тугодум, но голова у него варит хорошо. Если уж он решил уйти, то к тому должны иметься очень важные причины. Но

опять же, он достаточно умен для того, чтобы их не афишировать

— Интересно, какие это причины?

— Не знаю. Я могу только догадываться. Может быть, он нашел себе работу в какой-то другой государственной конторе, но ему велели держать язык за зубами.

— Может быть. В этом нестабильном мире возможно все. В один прекрасный день я сам могу уйти отсюда и сделать себе карьеру как танцор стриптиза.

— С таким-то пузом?

— А это может добавить интерес публики,— усмехнулся Берг, с любовью похлопывая себе по животу.

— Пусть будет так.— Брансон немного помолчал, потом задумчиво произнес.— Теперь, когда я думаю об этом случае, наша контора кажется мне все более гнилым местом.

— Все, что является бременем для налогоплательщиков, должно время от времени получать серьезные толчки,— с умным видом пояснил Берг.— В какой-то момент всегда появится кто-то, кто взвоет о непроизводительных расходах.

— Я не имею в виду разговоры о новых урезаниях бюджета. Я думаю о Хаперни.

— Ну, с его уходом работа на остановится,— заверил Берг.— Просто появятся небольшие затруднения. Для того чтобы найти специалиста, надо приложить некоторые усилия и потратить определенное время. Количество высококвалифицированных специалистов не безгранично.

— Вот-вот. А как раз в последнее время, по моему мнению, неоправданные траты сил и времени происходят все чаще и чаще.

— С чего ты это взял? — опешил Берг.

— Я работаю здесь уже восемь лет. За первые шесть лет текучесть кадров находилась во вполне разумных пределах, и ее нетрудно было предсказать. Одни достигали своих шестидесяти пяти лет и уходили на пенсию, другие продолжали работать и через какое-то время умирали или заболевали. Несколько молодых специалистов загнулось от естественных причин, кто-то погиб в результате несчастного случая, некоторое ко-

личество сотрудников было переведено в другие подразделения на более неотложные работы. Ну и так далее. Как я уже говорил, все эти процессы шли в рамках нормы и были вполне предсказуемы.

— Ну и?..

— А теперь посмотрим на ситуацию, сложившуюся в последние два года. Помимо обычного числа сотрудников, ушедших в отставку, переведенных на другую работу или просто умерших от более-менее естественных причин, появились и такие, которые исчезли по несколько менее обычным причинам. Например, помнишь Маклайна и Симпсона. Они поехали в отпуск на Амазонку и буквально растворились там. Никаких следов этой парочки не найдено до сих пор.

— Да, это было полтора года тому назад,— согласился Берг.— Бьюсь об заклад, что они давно мертвы. С ними могло произойти все, что угодно,— утонули, были укушены змеями, заболели местной лихорадкой. Или их просто живьем съели дикари.

— Затем был Жакобер. Он умудрился жениться на состоятельной даме, у которой было поместье где-то в Аргентине. Вот и уехал туда помогать супруге по хозяйству. Замечу — он был способным химиком, но вряд ли мог точно сказать, из какого конца коровы раздается звук мычания.

— Ну, знать это он был не обязан. Впрочем, из-за любви или денег можно научиться и не такому. Попадись мне шанс, я бы тоже сумел.

— А Хендерсон,— продолжал перечисление Брансон, не обращая внимания на комментарии Берга.— С ним произошла та же история, что и с Хаперни. Он тоже подал в отставку. Я слышал, что потом его видели где-то на Западном побережье, он заимел там промтоварный магазин.

— А я слышал, что как только его там обнаружили, он тут же исчез опять,— заметил Берг.

— Да, ты напомнил мне о слухах. Так вот, был еще один интересный слух — о Мюллере. Его нашли застреленным. Заключение следствия было таково: смерть от несчастного случая. Но люди говорили, что это было самоубийство. А ведь у Мюллера не было абсолютно никаких

причин лишать себя жизни. Да и на человека, способного небрежно обращаться с оружием, он тоже не был похож.

— Ты хочешь оказать, что его убили? — заинтересовался Берг, подняв одну бровь.

— Я хочу лишь сказать, что его смерть была весьма странной. К этому прибавь случаи с Арваньяном, который произошел пару месяцев назад. Его автомобиль упал в воду с набережной — сразу на глубину в сорок футов. Говорили, что Арваньян находился в обморочном состоянии. Ему было тридцать два года, атлетическое сложение и прекрасное здоровье. Словом, версия об обмороке не кажется мне слишком убедительной.

— А что, у тебя есть медицинская степень? — поинтересовался Берг.

— Нет, никакой,— согласился Брансон.

— Ну, а парень, который выдвинул версию с обмороком, был опытным врачом. Я думаю, он знал, что говорит.

— А я и не говорю, что он не знал. Я только предположил, что это был не диагноз, а лишь догадка, основанная на предположениях, а не на строгих результатах медицинского исследования. Но догадка есть догадка, вне зависимости от того, кто ее сделал.

— А у тебя есть лучшее предположение?

— Да. Если бы Арваньян был любителем заложить за воротник, можно было бы предположить, что он вел машину в пьяном виде. Тогда все сходится. Но, насколько я знаю, он не был любителем выпить. Не был он и диабетиком.— Брансон сделал задумчивую паузу.— Может быть, он просто заснул за рулем?

— Это вполне возможно,— согласился Берг.— Со мной самим такое однажды произошло. Правда, это случилось много лет назад. И причиной тому была даже не усталость. Меня просто убаюкал шум двигателя, вид безлюдной ночной дороги и монотонное шуршание шин. Помню, я несколько раз зевнул — а затем очнулся на противоположной полосе от фар в лицо. По счастью, водитель встречной машины успел затормозить и отвернуть в сторону. Да, после этого случая я несколько недель ходил, как пришибленный.

— Арваньян не ехал долгой и утомительной дорогой. Он проехал всего двадцать четыре мили.

— Ну и что? Это ведь происходило после рабочего дня. Он вполне мог умаяться на работе. Может быть, он не выспался накануне. Ты ведь знаешь, что несколько испорченных ночей могут набить человеку голову ватой настолько, что он будет готов улечься спать где угодно, даже за рулем.

— Ты прав, Арни. Как отец двоих детей я знаю, что это такое. Недостаток сна вполне может свалить человека с ног. Но это не может не отразиться на его работе,— Брансон постучал по столу, чтобы подчеркнуть свои слова.— А по работе Арваньяна никак не было заметно, что у него серьезный недосып.

— Но...

— Более того, он, по всем признакам, ехал домой. Но почему-то не самой прямой дорогой. Набережная находилась в стороне от кратчайшего маршрута, и ему пришлось сделать крюк примерно в три мили. Зачем?

— Понятия не имею.

— И я тоже. Извини, но все это слишком смахивает на самоубийство. Вполне возможно, что так оно и было. Ясно одно — никто не знает, что же все-таки произошло. У меня такое чувство, что здесь кроется какая-то тайна, до которой начальство не доперло. Или доперло, ног скрывает ее от нас.

— Ты чересчур подозрителен,— усмехнулся Берг.— Тебе следовало бы стать частным детективом и открыть сыскное агентство.

— Слишком беспокойная работа и никаких гарантий на старость,— пожал плечами Брансон и взглянул на часы.— О, нам уже пора идти вкалывать!

Берг исчез через два месяца. В течение десяти дней, предшествовавших этому событию, он выглядел тихим, задумчивым и молчаливым. Работавший рядом с ним Брансон первые дни относил это на счет плохого настроения. Но постепенно состояние Берга все меньше напоминало плохое настроение и все больше походило на осторожное молчание. В конце концов, Брансон осторожно поинтересовался у товарища:

— Тебя что-нибудь тревожит?

— А?

— Я говорю, тебя что-нибудь тревожит? Ты ходишь, нахохлившись, как большая ворона.

— Я этого на замечал,— пожал плечами Берг.

— Но теперь, когда я тебе про это сказал, ты можешь мне ответить, хорошо ли себя чувствуешь?

— Со мной все в порядке,— возразил Берг.— Не может же человек постоянно трепаться с окружающими и выглядеть веселым.

— Да, про тебя-то уж такого не окажешь.

— Ну, вот и нормально. Я говорю, когда мне это хочется, и молчу, когда хочу.

После этого молчаливость Берга лишь усилилась. В последний день перед исчезновением от него слышали только слова, которые были необходимы по работе. А на следующий день он не появился вовсе. В обеденный перерыв Брансона вызвали в кабинет к Лейдлеру. Хозяин кабинета хмуро приветствовал его и жестом указал на стул.

— Садитесь. Вы работаете вместе с Бергом, не так ли?

— Да.

— У вас с ним дружеские отношения?

— Достаточно хорошие, но я бы не назвал их дружбой.

— Поясните, пожалуйста, что вы имеете в виду? — хмуро поинтересовался Лейдлер.

— Мы вполне сработались,— ответил Брансон.— Он понимает меня, а я его. Каждый из нас знает, что может положиться на другого. Вот и все.

— То есть между вами существуют чисто рабочие отношения?

— Да.

— А вне работы вы как-либо общаетесь?

— Нет, вне работы у нас нет ничего общего.

— Хм...— Лейдлер был сильно разочарован.— Дело в том, что сегодня Берг не появился на работе. И никаких объяснений он не оставил тоже. Вы не знаете, в чем тут дело?

— Нет. Вчера он ничего мне не говорил. Может быть, он просто заболел?

— Мы бы тотчас об этом узнали,— возразил Лейдлер.— Но к нам еще не поступило никаких сообщений по медицинской линии.

— Ну, возможно, для этого прошло еще слишком мало времени. Надо подождать хотя бы до вечера.

— Если с Бергом что-то случилось, он вполне мог позвонить,— настаивал Лейдлер.— Он уже не маленький и знает, как пользоваться телефоном. Даже если он сейчас прикован к постели, он мог бы попросить кого-нибудь позвонить нам.

— Может быть, его привезли в больницу в бессознательном состоянии или он просто не мог говорить,— предположил Брансон.— Сами знаете, такое иногда случается. Во всяком случае, телефон работает в оба конца, и если бы вы сами позвонили ему...

— Гениальнейшая идея! Она делает честь вашему интеллекту! — раздраженно огрызнулся Лейдлер. Мы звонили ему два часа назад, но трубку никто не взял. Тогда мы позвонили соседу. Сосед поднялся на его этаж и несколько минут колотил в дверь. Никакого ответа. В конце концов мы нашли хозяина дома и он открыл дверь запасным ключом. В квартире никого не оказалось. Ничего необычного в ней тоже не обнаружили, все вещи пребывали в полном порядке. Хозяин дома не знает, когда Берг вышел из дому. Более того, ему неизвестно, возвращался ли жилец вечером домой...

Лейдлер потер подбородок, немного подумал, потом все-таки продолжил:

— Берг разведен. Вы не знаете, у него есть какая-нибудь знакомая?

Брансон задумался:

— Несколько раз он вскользь упоминал о девушке, с которой встречался и которая ему нравилась. Он упоминал о ней четыре или пять раз. Но мне кажется, что все это было не настолько серьезно, простое развлечение. В отношениях с женщинами он напоминал замороженную рыбу. Большинство из них это чувствовали — и платили ему тем же.

— В таком случае, не похоже, что он провел ночь в каком-нибудь любовном гнездышке и утром просто за-

был о работе,— заметил Лейдлер.— Если, конечно, он не восстановил отношения со своей прежней женой.

— Весьма сомнительно — хмыкнул Брансон.

— Кстати, Берг не упоминал о ней в последнее время?

— Нет. Я вообще думаю, что он не вспоминал о ней все последние годы. По его словам, как супружеская пара они были совершенно несовместимы, но выяснили это только после свадьбы. Ей нужна была страсть, а ему — покой. Она называла его интеллектуальным чудовищем и выбросила за борт так быстро, как только смогла. Насколько мне известно, довольно скоро она вышла замуж снова.

— В личном деле Берга сказано, что у него нет детей и что его ближайшей родственницей является восьмидесятилетняя мать.

— Может быть, с ней что-то случилось и он помчался туда? — предположил Брансон.

— В любом случае у него был целый день, чтобы связаться с нами и предупредить о своем отсутствии. А он не позвонил. Более того, с его матерью все в порядке, мы уже проверили это.

— Ну, тогда я совсем ничем не могу вам помочь.

— Нет, можете,— возразил Лейдлер.— У меня к вам последний вопрос: есть ли в Центре еще кто-нибудь, кто мог бы быть хорошо информирован о личных делах Берга? Кто-нибудь, кто разделяет его вкусы, увлечения и хобби? Например, человек, проводивший с ним выходные дни?

— Увы, никого из таких людей я не знаю. Берг не был замкнутым, но и общительным его тоже назвать трудно. Мне всегда казалось, что во внерабочее время он вполне удовлетворялся обществом самого себя. В принципе он производил впечатление достаточно самодовольного индивида.

— Ну, если завтра он появится на работе с улыбкой во всю физиономию, то ему понадобится все его самодовольство. За прогул без уважительной причины и даже без предупреждения его по головке не погладят. Наши правила внутреннего распорядка созданы не для того, чтобы их можно было нарушать. А охрана очень не любит волноваться по пустякам,— в голосе Лейд-

лера чувствовалось раздражение.— В общем, если Берг вдруг появится или вы что-либо услышите о нем, ваш долг — немедленно сообщить нам об этом.

— Я обязательно так и сделаю,— пообещал Брансон.

Покинув кабинет Лейдлера и направившись в свой «зеленый» отдел, Брансон продолжал думать о происшествии. Может быть, ему следовало рассказать Лейдлеру о недавнем разговоре с Бергом и о высказанных им тогда подозрениях? Но что это даст? Да, Берг был необычно груб — но, вполне возможно, Брансон, сам того не желая, задел его за больное место? Впрочем, Берг не походил на человека, который будет долго носить в себе обиду. И еще меньше он напоминал субъекта, который будет отсиживаться в укромном местечке, как обиженный ребенок.

Обдумывая и взвешивая все это, Брансон вспомнил замечание Берга, сделанное несколько месяцев назад: «В один прекрасный день я сам могу уйти отсюда и сделать себе карьеру как танцор стриптиза». Было ли это простой шуткой или здесь имелся скрытый смысл? И если смысл все-таки был, то что Берг подразумевал под «стриптизным танцором»? Словом, одни вопросы без ответов.

«Да бог с ним,— в конце концов решил Брансон.— С меня довольно своих собственных проблем. А Берг наверняка появится завтра или послезавтра и объявит об исключительно уважительной причине своего отсутствия».

2

Но Берг так и не появился, а за следующие три месяца Центр лишился еще трех высококвалифицированных специалистов. Обстоятельства их пропажи могли и должны были поднять тревогу — но так и не подняли. Один из этих ученых, подобно Бергу, просто исчез в неизвестном направлении, никого не предупредив. Два других ушли официально, сославшись на ма-

лоубедительные обстоятельства. Но это лишь усилило гнев Байтса и Лейдлера. Последний решил, что пора принимать какие-то меры. Да, в свободной стране каждый может оставить свою работу и заняться поисками другой, не опасаясь, что его арестуют за нелояльность или подвергнут операции на мозге,— но раз административные меры не дают результата, пора переходить к более крутым.

Потом пришла очередь Ричарда Брансона. Для него мир начал распадаться в пятницу, тринадцатого числа. До этого дня Брансон жил в приятной и удобной вселенной, не обращая особого внимания на ее отдельные недостатки. Да, здесь были случайности, рутина, скука, соперничество, страх и тысяча мелких бытовых неприятностей, которые переживает каждый человек. Но жизнь надо прожить. Она полна мелочей, которые мы воспринимаем как должные и почти не замечаем до тех пор, пока они внезапно не исчезнут.

Поезд отходил каждое утро в восемь часов десять минут. Те же лица на тех же сиденьях, тот же шелест разворачиваемых газет, тот же гул негромко переговаривающихся голосов. Или вечерняя дорога домой, идущая вдоль обсаженной деревьями аллеи, где всегда можно встретить кого-нибудь из соседей, занятых мойкой машины или стрижкой газона перед домом. Щенок, прыгающий вокруг тебя перед твоим крыльцом, улыбающееся, раскрасневшееся от кухонного жара лицо Дороти, приглашающей тебя в дом, в то время как двое детей виснут у тебя на руках и просят тебя сделать для них что-нибудь смешное и веселое.

Вот из таких маленьких, но ценных крупиц и состоит обычный день. А когда они разом вдруг теряют свою реальность, расплываются и превращаются в неустойчивые призраки, человек внезапно осознает, что его вселенная рушится у него под ногами. Он бросается вперед за ускользающей тенью бытия — но реальность тает у него в руках, а мировая твердь проваливается под ногами, открывая путь в бездну...

Все началось с нескольких слов. Холодным вечером, в котором уже чувствовались признаки приближающейся зимы, Брансон возвращался домой. Тонкий

слоистый туман сгущался вместе с сумерками, и на станционной платформе было довольно зябко. До поезда оставалось еще двенадцать минут, и он, следуя своей обычной привычке, зашел в буфет, чтобы скоротать это время за чашечкой кофе. Брансон устроился на высоком табурете у правой стороны стойки и сделал заказ, который делал до этого уже бесчисленное число раз.

— Один черный кофе, пожалуйста.

Рядом с ним сидели еще два человека, они крутили в руках чашечки с кофе и вели несвязную беседу. Эти двое выглядели как ночные шоферы-дальнобойщики, которым еще предстоит дальний ночной рейс. Один из них говорил со странным непонятным акцентом, происхождение которого Брансон никак не мог определить.

— Шансы пятьдесят на пятьдесят,— сказал тот, что говорил с акцентом.— Даже если это было сделано вчера. Полиция никогда не раскрывает более половины убийств — они сами в этом признаются.

— Не знаю,— возразил другой.— Цифры вполне могут врать. К примеру, сколько раз они прихватывают кого-нибудь, кто совершил более одного преступления — допустим, дюжину?

— Что ты этим хочешь оказать?

— Давай будем рассуждать о тех вещах, что происходят на самом деле, а не о тех, которые должны бы происходить. За убийство никто не понес наказания — это будет отправным фактом. Допустим, парня приговорили к смерти совсем по другим причинам. Но они знают, что он убийца, хотя и не могут этого доказать. А они должны доказать — иначе им его не прихватить.

— Ну и что отсюда следует?

— Можно предположить, что он замешан в нескольких других убийствах, о которых они не знают или не могут их доказать. Но все эти убийства останутся нераскрытыми. Что толку, если даже они сумеют повесить на него эти убийства? Все равно человека нельзя казнить несколько раз. Заплатив за одно убийство, он заплатит за все сразу. Да, этот человек заплатил за определенное преступление, которое было раскрыто,— говоривший задумчиво отхлебнул кофе,— но этот факт

никогда нигде не был опубликован и о нем никто не будет говорить. А если бы он был обнародован, то мы бы увидали, что шанс для убийцы остаться безнаказанным — сто двадцать из ста.

— Пусть будет так,— согласился тот, что говорил с акцентом.— Но они утверждают, что преступление было совершено лет двадцать назад. Согласись, это дает преступнику кое-какую фору.

— А как ты оказался в этом замешан?

— Я же тебе уже говорил. Вода подмыла это большое дерево, и оно очень низко склонилось над дорогой — я даже думал, что мне зацепит крышу кабины, однако пронесло. Через несколько миль я встретил патрульную машину, остановил ее и предупредил полицейских о том, что пятьдесят тонн древесины готовы перекрыть дорогу. Они поехали туда посмотреть.

— А потом?

— Затем в нашу контору пришел полицейский и спросил меня. Он сказал, что дерево спилили и увезли. А под корнями у него нашли человеческие кости, принадлежавшие женщине, убитой около двадцати лет назад. Они ждут какого-то эксперта, который осмотрит эти кости,— говорящий отхлебнул кофе, хмуро посмотрел на противоположную стену и продолжил.— Полицейский сказал, что у женщины был пробит череп. При этом он глядел на меня так, будто я и был убийцей. Он опросил меня, сколько лет я езжу по этой дороге и не видел ли я там кого-нибудь или чего-нибудь подозрительного.

— А ты ему ничего не сказал,— усмехнулся второй собеседник.

— А я и не мог ему ничего оказать. Он записал мой адрес на случай, если я им еще понадоблюсь. Может быть, теперь они будут за мной следить всякий раз, когда мне доведется проезжать через Бельстон. И это все, что я получил за заботу об обществе!

Бельстон!

Бельстон!

Человек, сидевший на другом краю стойки и краем уха слышавший весь этот разговор, уставился в свою чашечку кофе. Чашка опустилась вместе о рукой, как будто из руки внезапно ушла вся сила. Бельстон!

Чашечка, чуть не упала. Только собрав в кулак всю свою волю, он смог удержать ее на весу и аккуратно поставить на блюдечко. Затем он слез с табурета и медленно вышел на улицу. Оба шофера не обратили на это никакого внимания. Брансон шел по платформе, его колени дрожали, по спине бежали холодные мурашки, а голова кружилась.

Я, Ричард Брансон, государственный служащий, высококвалифицированный специалист-металлург. Мне доверяет начальство, уважают друзья и коллеги, любит моя жена, дети и даже щенок. Перед тем как быть допущенным к секретной работе, я прошел проверку у профессионалов. Мое личное дело чисто, моя репутация безупречна. На мне нет ни единого пятна.

Нет пятна?

Боже, почему мертвые встают из своих могил и вмешиваются в дела живых? Почему они не лежат у себя под землей и не дают живым жить в мире и покое?

Он стоял на платформе и пустыми глазами смотрел на подходящий поезд. Он ждал этого поезда — но сейчас не в силах был осознать даже его приближение. Ноги сами внесли Брансона в вагон, в котором он обычно ездил. Теперь же этот человек шел как слепой. Он непонимающе огляделся и сел на свое обычное место — проделав все это как во сне, не отдавая себе отчета в своих движениях.

Почему я убил Элайн?

Вагон, как всегда, был полон. Вокруг находились знакомые люди, они приветствовали его при входе обычным кивком и были готовы, как обычно, начать болтовню о пустяках.

Сидевший напротив человек (его звали Фамилоу), свернул свою вечернюю газету, сунул ее в карман, откашлялся и сказал:

— Сегодня был прекрасные день — я думаю, вы со мной согласитесь. А ведь последнее время погода нас

не баловала...— он осекся и озабоченно спросил: — Вы плохо себя чувствуете, Брансон?

— Я? — Брансон заметно вздрогнул.— Нет, спасибо, со мной все в порядке.

— Вы нехорошо выглядите,— сообщил Фамилоу.— У вас такое бледное лицо, будто его залили белилами.— Он наклонился в сторону и, хихикнув, легонько толкнул локтем сидящего рядом с ним человека по фамилии Коннелли.— Слышишь, о чем я говорю? Брансон такой бледный, будто его побелили.

— Да, он выглядит плоховато,— согласился Коннелли, не склонный восхищаться чужим остроумием, и отодвинул в сторону свои колени.— Будь другом, постарайся, чтобы тебя не стошнило на мои брюки.

— Все нормально,— выдохнул Брансон.— Со мной все в порядке.

Слова прозвучали какими-то чужими.

Почему я убил Элайн?

Тем временем Фамилоу оставил прежнюю тему в покое и начал жаловаться на итоги последних скачек и на падение деловой активности. Все это время он смотрел на Брансона своими бесцветными, слегка навыкате глазами. Казалось, что он ждет, что вот-вот произойдет что-то неприятное. У Коннелли тоже был ожидающий вид — правда, не столь явный. Словом, они производили впечатление людей, которым не по своей воле сейчас придется оказывать первую помощь человеку, катающемуся по полу в эпилептическом припадке.

Поезд продолжал громыхать по рельсам, разговор заглох, и все трое сидели молча, явно чувствуя себя не в своей тарелке. Но никто не попытался возобновить беседу. Наконец за окном показалась движущаяся полоса огней, постепенно она приближалась, замедляя свой бег, и наконец поезд остановился. В туманной полумгле на платформе послышались голоса. Ближе к голове состава грохотала тележка носильщика. Коннелли и Фамилоу не отрывали от Брансона выжидательных взглядов, но их попутчик, казалось, совершенно не замечал чужого внимания.

В конце концов Фамилоу наклонился вперед и похлопал Брансона по колену:

— Если вы, конечно, не переехали в другое место, то это ваша станция.

— Да? — Брансон недоверчиво поднял голову и посмотрел на него, а затем приподнял занавеску и уставился в окно.— Действительно.— Он подхватил свой портфель и ринулся в проход.— Должно быть, я просто задремал.

Уже выходя из вагона, он услышал слова Коннелли:

— Интересно, какие кошмары ему снились?

Брансон успел выскочить из вагона, прежде чем поезд тронулся. Он стоял на платформе, наблюдая, как мимо один за другим проплывают ярко освещенные вагоны. В окнах можно было видеть пассажиров, мирно беседующих друг с другом, читающих газеты или просто покачивающихся в полудреме. Ни у кого из них не было настоящих причин для волнения. Головы этих людей были заняты вполне тривиальными мыслями — что сегодня будет на ужин, какова вечерняя телепрограмма и хочет ли Мабл тоже провести вечер дома или она желала бы куда-нибудь сходить? Обыватели были ленивы и благодушны — точно так же чувствовал себя Брансон каждый вечер по дороге домой, вплоть до сегодняшнего дня.

Но сейчас началась охота, и дичью на этой охоте был сам Брансон. Теперь, стоя на платформе в полном одиночестве, если не считать проезжавшие мимо вагоны, он испытывал настоящий страх. Нет, это было не щекочущее нервы ощущение преследования — леденящий сердце ужас сковывал разум и заставлял мысли ползти медленно, как во сне. Такого психического состояния Брансон еще никогда не испытывал. А в конце длинного туманного коридора стоял приз для победителя — электрический стул. Этот стул представился ему с такой отчетливостью, что у Брансона закружилась голова.

Как он ни старался, ему не удалось отогнать эти мысли, и в то же время он не мог думать ни о чем другом. Выйдя со станции, пройдя по улице и завернув за угол, он продолжал идти, совершенно не представляя, где находится и куда движется. Автопилот, который находил-

ся у него в голове, взял управление на себя и вел его домой по хорошо известному маршруту. Брансон тупо смотрел на ярко освещенные окна соседей. Раньше эти огни наводили на мысли о жизни, существующей повсюду, теперь же он смотрел на них как на простые огни — потому что теперь думал только о смерти. Кости должны были остаться лежать под корнями дерева до тех пор, пока не пройдет столько времени, что связать их с настоящим будет просто невозможно. Казалось, в этой цепи случайностей скрывалась какая-то дьявольская ирония, направившая ее по определенному пути и через столько лет давшая возможность отыскать виновного. Из миллиона деревьев только одно, вполне определенное, должно было наклониться и начать охоту на человека...

Навстречу ему шел молодой Джимми Линдстром, таща за собой на веревке маленький грузовик ярко-красного цвета.

— Здравствуйте, мистер Брансон! — крикнул он...

— Здравствуй,— механически ответил Брансон, забыв прибавить «Джимми», как он это всегда делал, и механически двинулся дальше.

Пару месяцев назад, во время поездки на какую-то конференцию, он заполнял однообразные часы путешествия чтением сенсационного журнальчика на криминальную тему. Кто-то забыл этот журнальчик на сиденье в поезде, а Брансом, из любопытства подобрав его, начал машинально перелистывать. Одна из правдивых историй, рассказанных этим журналом, повествовала о том, как собака во время прогулки выкопала из земли кость руки с золотым кольцом на пальце. И отталкиваясь от одного-единственного кольца, шаг за шагом сыщики распутали весь клубок преступления. Шериф и его помощники, следователи и полисмены в течение двух лет разъезжали по всей стране, выясняя мельчайшие детали и незначащие подробности, собирая и складывая кусочки мозаики, пока вся паутина лжи не оказалась у них перед глазами. И когда вся картина случившегося стала предельно ясной, преступник был отправлен на электрический стул — через четырнадцать лет после убийства.

И вот теперь началось то же самое. Где-то недалеко находится большая контора, в которой работают столь

же опытные ищейки. Они уже изучают останки жертвы, определяют ее вес, рост, возраст, примерную дату убийства и множество других подробностей, которые понятны только специалистам. Распутывание паутины только-только началось, а окончание этой процедуры будет зависеть лишь от времени.

От таких мыслей его пульс участился. Как будет выглядеть этот финал и где он настанет? Дома, на работе или, может быть, вот как сейчас — по дороге из дома на работу или обратно? Больше всего он боялся, что это случиться дома. В возбужденном мозгу уже рисовалась жуткая сцена — Дороти открывает дверь и удивленно смотри на вваливающихся в прихожую двух или более суровых мужчин с грубыми лицами. Она стоит с широко раскрытыми глазами, пока один из них возглашает

— Ричард Брансон? Мы из полиции. У нас ордер на ваш арест, и мы должны предупредить вас, что все, сказанное вами с этого момента, может быть...

Дороти охает, поднимая руки к лицу. Дети плачут и пытаются выставить полицию за дверь, щенок пытается тявкать, защищая дом, а затем с повизгиванием ищет укромное местечко. А самого Брансона уводит полиция. Они идут рядом, стиснув его с обеих сторон, лишая всякой мысли о побеге. Его уводят от Дороти, от детей, от щенка, от дома, от всего, что для него так дорого. И это навсегда, навсегда, навсегда...

Несмотря на прохладный и ветреный вечер, Брансон почувствовал, что его прошиб холодный пот. Он остановился, поднял голову и обнаружил, что уже на пятьдесят ярдов прошел мимо собственного дома. Развернувшись на одном каблуке, он направился обратно, поднялся на крыльцо и, как пьяный, начал бессмысленно шарить в карманах в поисках ключа.

Как только он вошел в дом, дети с визгом бросились к нему и начали прыгать, стараясь повиснуть у папы на шее. Но теперь их радостный визг казался ему особенно пронзительным и бьющим по нервам. Такого он еще никогда не ощущал. Щенок повизгивал и крутил-

ся под ногами, заставляя Брансона постоянно спотыкаться. Ему потребовалось собрать все свои силы, чтобы не реагировать на эту какофонию и водворить на лице фальшивую улыбку. Брансон погладил две растрепанные головки, похлопал детей по мягким щечкам, осторожно переступил через щенка и, сняв пальто со шляпой, аккуратно повесил их на вешалку.

Дети сразу почувствовали, что с отцом что-то не в порядке. Они внезапно замолчали и, помрачнев, отошли в сторону. Брансон попытался их развеселить, но теперь это ему уже не удалось. Помимо всего прочего, во взглядах детей ему начало чудиться знание о том, что на нем уже лежит какое-то проклятие.

Из кухни послышался голос Дороти:

— Это ты, дорогой? Ну, как прошел день?

— Неспокойно,— признался Брансон. Он прошел на кухню, поцеловал жену и вдруг почувствовал, что ему хочется обнять ее как можно сильнее и стискивать так долго, как будто они уже вот-вот должны расстаться — может быть, навсегда...

Дороти высвободилась из объятий мужа, немного отодвинулась и внимательно посмотрела ему в лицо. Ее изогнутые брови нахмурились:

— Случилось что-нибудь серьезное, Рич?

— А что серьезное могло случиться?

— Ты чем-то очень озабочен.

— Да нет, меня ничего особенно не тревожит,— соврал он.— Просто пара новых сложностей в работе. С этими проблемами просто сойдешь с ума — но, в конце концов, именно за это нам и платят такие деньги...

— В таком случае,— сказала она с сомнением,—постарайся не поддаваться этому хотя бы дома. Дом — это место, куда люди должны уходить от всех проблем.

— Знаю,— согласился Брансон.— Но не всем удается от них так просто избавиться. Конечно, некоторые способны выбросить из головы все рабочие проблемы сразу по выходу из лаборатории, но у меня так не получается. Даже дома мне требуется еще хотя бы полчаса, чтобы от них окончательно избавиться.

— Но тебе за такую переработку не платят.

— Мне и так платят достаточно.

— Ну, положим, ты этого заслуживаешь.— Дороти улыбнулась.— Хорошая голова требует соответствующей оплаты.

Он погладил ее по щеке.

— Они это знают, милая. Но увы, на свете есть головы куда лучшие, чем моя.

— Ерунда,— ответила она, ставя под миксер чашку.— У тебя просто появился комплекс неполноценности. В последнее время ты меня просто удивляешь!

— Вовсе нет,— возразил он.— Хорошей головы вполне достаточно, чтобы обнаружить существование еще лучших голов. У нас в институте есть и такие, которые достойны мировой известности, уж поверь мне. Увы, я бы очень хотел быть столь же компетентным в своих вопросах, как они.

— Ничего, у тебя еще все впереди! — оптимистично заверила своего мужа Дороти.

— Я очень на это надеюсь.

Он задумался. «Все впереди» — сказала она. Увы, будущее время имело смысл еще вчера, но не сегодня. Его будущее уже было отнято — точнее, оно отбиралось чужими руками, медленно, по кусочку, частичка за частичкой. Но раньше или позже должен наступить тот день, когда его заберут все целиком...

— Ты действительно сегодня какой-то вялый. Есть хочешь?

— Не очень.

— Ничего, захочешь. Обед будет готов через несколько минут.

— Отлично, дорогая. Я как раз за это время успею умыться.

По пути в ванную он стянул с себя рубашку, а затем, наклонившись над раковиной, включил холодную воду во весь напор и принялся отчаянно тереть лицо, как будто таким образом пытаясь смыть всю сумятицу у себя в голове. Но беспорядок в мозгах не хотел исчезать. Каждый раз, когда Брансон наклонялся над раковиной, его слегка качало в сторону.

В дверь ванной вошла Дороти.

— Я забыла дать тебе сухое и теплое полотенце... Ой, Рич, ты где-то рассадил себе руку.

— Я знаю,— он взял из ее рук полотенце и начал промокать себе шею и грудь, а затем согнул руку, чтобы рассмотреть ссадину на локте. Локоть побаливал.— Это я споткнулся на ступеньках в Бранигане сегодня утром. Расшиб локоть и слегка ударился затылком.

Она торопливо ощупала его затылок, запустив в волосы мужа свои тонкие пальцы.

— Да, там чувствуется здоровая шишка.

— И не говори. Очень больно, когда до нее дотрагиваешься...

— Рич, ты можешь так сломать себе шею. Там очень крутые ступеньки. Как это случилось?

— Сам не знаю,— он кончил вытираться и взял свежую рубашку.— Я спускался по ним так же, как и тысячу раз до этого, и вдруг нырнул прямо вниз. Точно помню, что я не поскальзывался и ни за что не запинался. И никаких ушибов, боли и головокружения не почувствовал. Просто взял да и упал на спину. По счастью, навстречу поднимались двое парней, они увидели, как я пошатнулся, кинулись ко мне и сумели подхватить под руки. Думаю, если бы не они, все было бы гораздо хуже.

— Ну, а что потом?

— Судя по всему, на какое-то время я просто выключился, потому что когда пришел в себя, то увидел, что уже сижу на ступеньках, а один из этих парней хлопает меня по щекам и спрашивает: «Мистер, с вами все и порядке?» Я с трудом поднялся и пошел дальше, ноги у меня дрожали. Надо сказать, чувствовал я себя весьма глупо.

— Ты сходил к доктору?

— Нет. К этому не было каких-либо серьезных оснований. Пара синяков и все. Я не привык бегать к докторам, каждый раз как я ударюсь или поцарапаюсь.

Дороти озабоченно оглядела мужа.

— Но, Рич, если у тебя случился такой обморок, значит, с твоим здоровьем что-то не в порядке...

— Со мной все в порядке. Я настолько здоров, что вполне могу прыгнуть в Большой каньон, а потом за-

прыгнуть обратно. Не надо беспокоиться о мелкой ссадине или шишке. Дети, пока не повзрослеют, получают такое постоянно.— Брансон взял воротничок и галстук и начал их надевать.— Я просто о чем-то задумался и оступился. В будущем постараюсь внимательнее смотреть себе под ноги. Давай забудем об этом, хорошо?

— И все равно, я...— она вдруг оборвала начатую фразу на полуслове, на лице появилась озадаченность.— Ой, у меня что-то горит!

Дороти выскочила из ванной и бросилась на кухню. Брансон продолжил завязывание галстука, одновременно внимательно рассматривая себя в зеркале. Вытянутые аскетические черты лица, тонкие губы, темные глаза, брови и волосы. Маленький белый шрам на левом виске. Около тридцати лет, хорошо одет и чисто выбрит. Сколько времени у них уйдет на составление описания его наружности? Как долго придется ждать того момента, когда какой-нибудь газетный писака, без галстука и постоянно жующий сигареты, напишет о нем статью с кричащим названием — что-то вроде «Призрак-убийца из Купер-Крик»?

Лицо, глядевшее из зеркала, никак не походило на физиономию убийцы. Для этого оно было слишком интеллигентным. Но его вполне можно изменить — особенно на полицейской фотографии, где глаза будут уставлены в камеру, а на шее будет болтаться табличка с номером. В такой обстановке каждый может выглядеть убийцей — особенно, если твои глаза устали от яркого света, а сам ты валишься с ног от бессонной ночи, проведенной на допросе.

— Обед готов!

— Иду,— отозвался он.

Есть Брансону совершенно не хотелось, бьющаяся у него в голове тревога отзывалась болью в животе. Но через эту процедуру необходимо было пройти — отказ от пищи мог вызвать еще больше нежелательных вопросов. В результате есть пришлось буквально через силу.

Перед смертью не надышишься.

Смешно!

Когда человек видит свой конец, ему должно быть не до еды.

Он прошел мимо охраны, как всегда, в девять утра. Вежливо кивнул охранникам всех патрулей, переминаясь с ноги на ногу, подождал у каждой двери. По инструкции охранники должны были бы потребовать пропуск и изучать его в течение нескольких минут — несмотря на то что его физиономия и сам он были им хорошо знакомы. Но это правило перестало быть строгим после того случая, когда Кейн взорвался в ответ на требование собственного шурина предъявить пропуск в семнадцатый раз за день. Теперь охранники только кивали знакомым. И бросались тщательно проверять документы лишь у незнакомых лиц.

В раздевалке Брансон снял пальто и шляпу и повесил их в металлический шкафчик, затем натянул на себя рабочий халат темно-зеленого цвета с металлической круглой бляхой на груди. Миновав еще нескольких охранников, он прошел через темно-зеленые двери и оказался в хорошо оборудованной лаборатории. В дальнем конце ее имелась дверь в следующее помещение, своими размерами напоминавшее авиационный ангар. Кейн и Поттер были уже там, они водили карандашами по разложенному на скамье чертежу, обсуждая какие-то детали устройства, стоящего в центре зала.

Этот блестящий металлический объект напоминал нечто среднее между автомобильным двигателем и длинноствольным зенитным орудием. Но вид его не смог бы обмануть никого из местных сотрудников. Любой грамотный специалист-баллистик был способен понять назначение этого устройства после самого краткого осмотра. Ряд маленьких ракет, стоящих у основания устройства, с головой выдавал его предназначение.

Это была опытная модель автоматического зенитного орудия для стрельбы безгильзовыми снарядами. Высочайшая эффективность пушки достигалась за счет использования нового жидкого взрывчатого вещества. Этой взрывчаткой можно было заправлять ракеты в самый кратчайший срок, ее можно было пропускать

через форсунку реактивного двигателя или использовать в качестве разрывного заряда. Каждая такая ракета снабжалась электрическим детонатором. Согласно спецификации, эта установка могла выпускать шестьсот снарядов в минуту и вести огонь на высоту до семидесяти тысяч футов. Вот только на испытаниях добиться таких характеристик пока не удалось, да и траектория полета снарядов оставалась нестабильной.

Теперь конструкторскому коллективу требовалось преодолеть создавшиеся трудности. Сама идея, заложенная в артиллерийской установке, была прекрасна, но на практике в устройстве не срабатывало огромное количество мелочей — их было больше, чем блох у бродячей собаки. Если многие месяцы проб и ошибок, споров и поисков приведут к разрешению проблемы, то страна получит оружие, способное буквально разорвать небо пополам.

Но сейчас работы находились в такой стадии, когда, кусая ногти, разработчики мучительно думали над единственной проблемой: как снизить нагрев ствола, не снижая при этом темпа стрельбы? Это было не так уж невозможно, как могло показаться с первого взгляда: последним из предложенных вариантов решения проблемы являлось создание многоствольной установки, в которой каждый ствол использовался бы по очереди. Но для итоговых испытаний орудие еще не было готово.

Кейн прекратил ворчать на Поттера и повернулся к Брансону:

— Ну вот еще один непризнанный гений! — оживился он.— Да будет вам известно: мы, судя по всему, пришли к решению проблемы.

— И что же вы придумали? — спросил Брансон.

— Либо направляющие, либо корпус ракет следует делать из сплава, обеспечивающего минимальное трение,— улыбнулся Кейн.— А тебе как специалисту в области сплавов здесь и карты в руки. Так что давай, дерзай!

— Прекрасно. Я сделаю все, что смогу.

— Но в этом случае нам любой ценой надо обскакать Хиндельмана,— заметил Поттер.— Если его ребята смогут стабилизировать полет снаряда тем путем, каким

собираются, то нашу установку можно будет просто выбросить на свалку. Коли ракеты будут управляемыми, тогда от нас потребуется не пушка, а самая примитивная стартовая установка. Словом, вся эта штука превратится в управляемую радаром большую базуку.

— Я не специалист по взрывчатым веществам, но не понимаю, чем их способ лучше нашего,— заметил Кейн.— Но, возможно, и его следует попробовать.

Он четыре раза обошел вокруг установки, потрогал что-то рукой, а затем произнес:

— Эта штука — жертва собственной эффективности. Нам надо найти способ устранить все кроющиеся в ее устройстве пакости и при этом в полной мере сохранить все преимущества конструкции. Черт возьми, ну что бы мне в свое время ни заняться литературой! Тогда бы у меня сейчас была на редкость спокойная и легкая жизнь.

— Установка должна быть многоствольной,— сказал Поттер.

— Это будет означать, что мы признали свое поражение. А я не хочу признавать поражение, да и ты, думаю, тоже этого не желаешь. Так что сдаваться нельзя. Я строил эту штуку, это — моя жизнь и моя любовь. И пусть идут к чертям все критики! — Кейн взглянул на Брансона и поймал в его глазах сочувствие.— Вот ты бы смог выбросить предмет своей любви на свалку, если бы решил, что он приносит тебе слишком много забот?

Заметив, что Брансон при этих словах слегка побледнел и, не отвечая, отошел в сторону, Кейн замолк. Через несколько минут он тихо спросил Поттера:

— Я сказал что-нибудь не то? Черт возьми, мне показалось, что он готов то ли броситься на меня, то ли выброситься в окно. Я никогда его таким на видывал.

Поттер посмотрел на дверь, через которую вышел Брансон, и заметил:

— Судя по всему, ты зацепил его любимую мозоль.

— Какую мозоль? Я же только сказал, что...

— Я прекрасно слышал, что ты сказал. Судя по всему, что-то в твоих словах показалось ему гораздо более важным, чем мы можем подумать. Может быть,

у него неприятности дома. Поругался с женой и в запарке пожелал ей чего-нибудь нехорошего.

— Брансон на такое не способен. Я знаю его очень хорошо. Он никогда не походил на человека, способного поддаться сильным эмоциям — даже дома.

— Тогда, может быть, его жена? Некоторые женщины могут впасть в истерику из-за любого пустяка. Если жена довела его до такого состояния, что ему белый свет стал не мил?

— Я думаю, в таком случае он просто умолкнет и не будет подливать масла в огонь. В последний раз на курорте в аналогичной ситуации он просто собрал чемодан и уехал.

— Да, он не производит впечатление хлюпика, которого легко выбить из колеи,— согласился Поттер.— Но мы вполне можем и ошибаться. Никто не в состоянии сказать, что следует ожидать от человека в критической ситуации. Любая неожиданность способна вызвать совершенно неожиданную реакцию. Здоровенный и сильный мужчина начинает зарывать голову в песок, подобно страусу, в то время, как хилый мужичонка совершает героические подвиги.

— Ну и бог с ним,— прервал Кейн рассуждения напарника.— Пусть он сам решает свои собственные проблемы, а нам хорошо бы хоть наполовину сократить собственные.

И, вернувшись к чертежам на скамье, они снова принялись обсуждать устройство пушки.

3

Брансон покинул свою работу в пять часов вечера. Он кивком попрощался с охранниками и направился домой. Этот день был очень неудачным, самым неудачным из тех, что он мог вспомнить. Все получалось не так, как надо. Казалось, что все рабочее время он провел, оглядываясь через плечо, отгоняя страх перед будущим и пытаясь сосредоточиться на работе.

Способность сосредоточиться на своей работе — главная черта любого научного работника. Но может ли

человек решать научные задачи, если в его голове постоянно крутятся мысли о электрическом стуле? Теперь Брансон страдал все двадцать четыре часа в сутки, изнемогая от нервного напряжения только из-за того, что подслушал болтовню двух водителей грузовика о преступлении, совершенном много лет назад где-то в районе Бельстона. Но ведь дерево, о котором они говорили, не обязательно являлось *тем самым* деревом, а кости под ним могли вовсе не быть костями *его* жертвы. Вполне возможно, что на свет выплыл совсем не его старый грех, а чей-то другой, и сейчас полиция ищет вовсе Ричарда Брансона, а кого-то совсем другого.

Иногда Брансон просто жалел, что у него не хватило находчивости и храбрости вмешаться в разговор водителей и выпытать у них кое-какие детали происшествия, которые дали бы ему полную уверенность. Но, впрочем, может быть, именно это и было самым мудрым решением? Ведь если бы то, что они рассказали, подтвердило самые худшие его предположения, он мог бы просто-напросто выдать себя, привлечь к своей персоне совершенно излишнее внимание. Нет, в такой ситуации лучше сохранять максимальную скромность.

«А что вам за дело до всего этого, мистер?»

Как ответишь на такой вопрос? Что тут можно сказать? Только что-нибудь глупое или совсем не подходящее, а это может вызвать еще большие подозрения.

«Да просто так... Я там раньше жил поблизости».

«Около Бельстона? А вы не помните, как в этих местах пропала женщина? А может быть, вы сами что-нибудь знаете об этой пропаже?

Если эти двое опять окажутся в том станционном буфете, что ему лучше сделать: не обратить на них никакого внимания или, наоборот, подсесть к ним и попробовать навести их на разговор о происшествии выяснить какие-нибудь подробности? Он никак не мог прийти к окончательному выводу. Если бы Брансон умел употреблять спиртное в больших дозах, то можно было подсесть к парням и исподволь навести их на эту тему за пивом, купить несколько бутылок и пить с ними вместе. Увы, он чрезвычайно редко употреблял спиртное, да еще в таком обществе, и поэтому опасался,

что не сможет сделать это естественно, не вызывая подозрений.

Все эти мысли вылетели из его головы, как только он завернул за угол и лицом к лицу столкнулся с полицейским. Сердце Брансона так и подпрыгнуло. Он постарался пройти мимо с видом полной независимости и безразличия и даже начал насвистывать какую-то песенку.

Увы, полисмен внимательно следил за ним, глаза его поблескивали из-под козырька фуражки. Брансон постарался двигаться как можно более спокойно, хотя его затылок ощущал тяжелое сверлящее давление полицейского взгляда. Мелькнула мысль, а не привлекает ли он к себе дополнительное внимание именно тем, что переигрывает,— точно так же, как ребенок выдает свой проступок, делая слишком невинный вид.

Брансон шел вперед с нервами, натянутыми, как гитарная струна, и прекрасно понимал, что, раздайся сейчас за его спиной повелительный оклик, он тотчас бросится бежать. Он побежит как сумасшедший по тротуару, рванется через улицу, не обращая внимания на проезжающие автомобили, потом свернет куда-нибудь в дальние аллеи парка — а за его спиной будут греметь чьи-то шаги, заливаться свистки и звучать грозные крики. Он будет бежать, бежать, бежать, пока не упадет без сил. И тогда они его получат.

Но окрика, который заставил бы его сорваться на бег, так и не последовало. Дойдя до следующего угла, Брансон не смог удержаться от искушения взглянуть назад. Полицейский стоял на том же месте и все так же смотрел ему вслед. Оказавшись за углом, Брансон остановился, досчитал до десяти и после этого снова выглянул за угол. Полицейский стоял все на том же месте, но теперь его внимание привлекло что-то на другой стороне улицы.

Брансон облегченно вздохнул. От ощущения миновавшей опасности его прошиб холодный пот. Немного постояв на месте, он двинулся дальше к станции. В привокзальном киоске продавались вечерние газеты, развернув одну из них, он спешно проглядел страницу криминальных новостей, ища там известия на волновавшую его тему — но так ничего и не нашел. Правда,

это еще ни о чем не говорило. Полиция вполне может дать материал в газеты лишь после ареста преступника. Обычно власти не любят вовлекать прессу в свои дела раньше времени. Конечно, если имя разыскиваемого им уже известно и огласка в прессе может помочь в охоте, тогда — другое дело.

Поезд довез его до станции, где надо было делать пересадку. Выйдя из вагона, Брансон направился прямо в буфет. Но вчерашних водителей там не было. Он даже не понял, что почувствовал, обнаружив это: облегчение или расстройство. Единственным посетителем заведения оказался здоровенный мужчина с невыразительным лицом, который сидел на высоком стуле возле стойки и со скучающим видом рассматривал свое отражение в зеркале, висящем по другую сторону стойки.

Брансон заказал черный кофе, придвинул свой табурет к стойке — и внезапно встретился в зеркале с глазами другого посетителя. Ему показалось, что взгляд незнакомца выражал некий подозрительный интерес. Брансон отвел глаза, подождал с минуту, потом взглянул в зеркало снова. Детина все еще изучал его отражение. Взгляд его был полон надменности и странного значения, будто он желал вызвать Брансона на какие-то действия.

В буфет зашел человек в железнодорожной форме, купил пару сандвичей и, завернув их в бумагу, вышел наружу. Детина продолжал сидеть на своем месте, вопросительно уставившись в зеркало, а Брансон медленно тянул кофе, изо всех сил стараясь сохранить безразличный вид и больше не смотреть в зеркало, но какая-то гипнотическая сила так и влекла его взгляд к предательскому стеклу. И каждый раз его взгляд встречался там с другим взглядом.

«Мне надо впредь избегать этого буфета,— решил он.— Я слишком часто и слишком давно захожу сюда. Надо постоянно менять свои привычки, иначе преследователи будут точно знать, где меня можно отыскать в любой момент. Все, что им потребуется это,— пройти по созданному мной же маршруту и взять меня в одном из его концов. Надо вести себя нестандартно, и тогда они не смогут меня найти.

«Они». Кто это — «они»?

Конечно же, служители закона всех рангов. И этот здоровенный детина вполне может быть одним из них. Да, это вполне вероятно. Очень может быть, что сейчас рядом с ним за стойкой сидит переодетый полицейский, которому не хватает только улик, чтобы арестовать Брансона тут же на месте. Вот за ним и следят — в надежде, что он совершит какую-нибудь оплошность и выдаст себя с годовой.

Ну нет, сам он себя выдавать не будет — по крайней мере, до той поры, пока пребывает в здравом уме и твердой памяти. Полиция нашла груду человеческих костей, вот пусть сама и решает их загадку, он им в этом не помощник. Пускай они сами делают свое дело. В конце концов, жизнь прекрасна — даже если у тебя в голове сидит дьявол и грызет ее изнутри. А смерть в любом случае полна ужаса.

Не допив кофе, он слез с табурета и направился к выходу. Детина за стойкой повернулся и тоже встал со своего стула. Все его внимание было устремлено на Брансона. Он как бы чуть-чуть ослабил веревочку, чтобы дать жертве отойти подальше и вызвать у нее надежду на спасение.

Если расчет полиции заключался в том, что Брансон сейчас же бросится бежать как заяц, то он оказался не верен. Хотя в деле уклонения от карающей длани закона Брансон являлся новичком, он все же не был полным идиотом. Его интеллект далеко превышал средний уровень и позволял действовать разумно даже в незнакомой и тревожной обстановке — хотя любой уголовник совершал бы такие действия просто автоматически. Но у Брансона имелось огромное желание остаться в живых, и он постепенно осваивал эти законы. Та встреча с полицейским на улице научила его не действовать слишком поспешно. Торопливость — это поражение.

«Правильная тактика,— решил Брансон,— это вести себя совершенно нормально и притвориться, что человек рядом с тобой является всего лишь одним из многих, даже если ты прекрасно понимаешь, чем он отличается от других и какую опасность несет лично

тебе. Да, это тяжело, чертовски тяжело, особенно для человека, у которого совсем нет актерской подготовки, а в мозгу звенит, как сигнал тревоги, одна и та же мысль. Но этому необходимо научиться, если хочешь остаться в живых и на свободе.

Выходя их буфета, Брансон постарался ответить на взгляд детины таким же взглядом. Он прошел дальше по платформе и сел в самый последний вагон. Это давало некоторое преимущество: можно было наблюдать за всей платформой и видеть, что происходит снаружи, в то время как окружающие решат, что он просто читает газету.

Вглядываясь поверх края газеты в происходящее на перроне, он увидел как детина из буфета тоже вышел на платформу и сел в третий вагон — как раз туда, где обычно ехали Коннелли и Фамилоу.

Почему детина сел именно в этот вагон? Было ли это просто совпадением или же они уже выяснили его привычки? Очевидно, если последняя догадка верна, детина должен будет что-то предпринять, когда обнаружит, что Брансона в вагоне нет. Но что он тогда сделает? Времени, чтобы обследовать поезд до отправления, у него уже не останется, и поэтому ему придется либо остаться в поезде и осмотреть его во время пути или же остаться на станции и обыскать ее в надежде, что Брансон скрывается именно там.

Раздался гудок, поезд дернулся и стал набирать скорость, все быстрее и быстрее постукивая на стыках. Брансон не заметил, чтобы детина выходил из поезда. Очевидно, он все-таки остался в вагоне. Если он не выйдет на станции, где обычно выходит Брансон, то все в порядке. Это просто станет подтверждением старой мудрости о том, что перепуганная ворона куста боится. Но если этот тип пойдет вдоль поезда или выйдет на одной станции с Брансоном и попытается проследить за ним...

Возможно, именно сейчас он сидит на том месте, где обычно размещался Брансон, и пытается втянуть в разговор Коннелли и Фамилоу, выуживая из них отрывочные кусочки информации — не имеющие никакого значения для говорящих, но представляющие огромный

интерес для полиции. И это делается с привычной профессиональной сноровкой. Может быть, именно в этот момент детина узнает от попутчиков, что сегодня первый раз за много месяцев Брансон не оказался на своем обычном месте, что вчера он вел себя очень странно — был чем-то озабочен или просто напуган. Ну и так далее...

Это ставит перед преследуемым еще один выбор: стоит изменить свои обычные действия, которые уже известны противнику или же продолжать вести себя как ни в чем не бывало. Резко изменить привычки — значит, привлечь к себе внимание. Вести себя так же, как обычно,— значит, смириться с тем, что враг в любой момент будет знать, где тебя можно найти. Стоит изменить привычку, и они потеряют тебя, но получат дополнительное доказательство твоей виновности.

«Невиновен, да? А почему же ты бегал от нас и петлял, как заяц?»

Или же: «Нам пришлось немало побегать за тобой, а от нас бегают только виновные. Как ты все это объяснишь?»

С этого момента все и начнется:

«Почему ты убил Элайн?»

«Ну давай рассказывай нам про Элайн!»

Это ударило его, будто кирпичом по затылку.

Элайн. А что же дальше?

Поезд подъехал к его станции и остановился. Брансон автоматически вышел из вагона, не вполне отдавая себе отчет в своих действиях. Он был так занят попыткой вспомнить полное имя своей жертвы, что совсем забыл проследить за детиной из буфета.

«Я должен точно знать полное имя женщины, которую я убил. Да, у меня случаются провалы в памяти — но ведь не до такой же степени. Ее имя должно оставаться у меня в глубинах памяти, просто я не могу его так быстро отыскать. Двадцать лет — слишком большой срок. Я знаю, я очень старался стереть этот эпизод из моих воспоминаний, забыть его как дурной сон. Я пытался убедить себя в том, что этого никогда не было, что все это я просто придумал. И все равно — очень странно, что я не могу вспомнить ее полного имени».

Элайн?..

Детина из буфета попал в поле его зрения лишь тогда, когда поезд дал гудок и тронулся с места. В тот же момент проблема имени полностью вылетела у Брансона из головы. Он спустился с платформы и направился по дороге к дому, чувствуя, как от спокойных и уверенных шагов за спиной по коже ползут ледяные мурашки. Неизвестный из буфета держался всего лишь в двадцати шагах позади.

Вопросы один за другим нанизывались на длинную нить. Брансон завернул за угол — шаги последовали за ним, пересек улицу — шаги не отставали. Он вышел на свою улицу, но преследователь все так же неотступно маячил позади.

Теперь перед ним стоял новый вопрос: знает ли преследователь его адрес или же он устроил слежку именно с целью выяснить, где живет предполагаемый убийца? В первом случае Брансом может спокойно идти домой, но во втором варианте это означало бы снабдить врагов информацией, которой они пока не имеют.

Наконец он пришел к окончательному решению и твердо прошел мимо собственного дома, в душе вознося молитву Всевышнему, чтобы дети не увидели его и не выбежали навстречу, раскрывая незнакомцу то, что от него должно быть скрыто. Ни на одно мгновение в голове Брансона не возник вопрос — почему его преследователь делает свою работу так небрежно? Если бы он задуматься об этом, то сразу же понял бы, что вся слежка имела лишь одну цель — заставить его запаниковать и тем самым выдать себя.

По счастью, на дальнейшем пути ему не попалось ни одного знакомого, встреча с которым поставила бы под угрозу столь глубокий обходной маневр. Только один раз он заметил вдали фигуру молодого Джимми Линдстрома, но очень удачно избежал встречи с ним, свернув на боковую улицу. А тяжелые шаги продолжали греметь позади.

На другом конце своей улицы Брансон заметил полицейского, прислонившегося к столбу. Вид этого человека заставил его на мгновение остановиться — а затем он понял, что судьба послала ему исключительно удачный выход из сложившейся ситуации.

Ускорив шаги, он подошел к полицейскому и сказал:

— Этот здоровенный детина преследует меня вот уже полчаса. Мне это очень не нравится. Я боюсь, что он хочет ограбить меня.

— Что это за парень? — спросил полицейский, взглянув вдоль улицы.

Брансон обернулся, но преследователя уже нигде не было видно.

— Я слышал, как он повернул за мной еще у того угла.

Полицейский со свистом втянул воздух сквозь сжатые губы и сказал:

— Ну давайте пройдем туда.

Они вместе подошли к углу. Парня из буфета нигде не было видно.

— Вы уверены, что вас действительно кто-то преследовал? Может быть, вам это просто показалось?

— Вполне уверен,— ответил Брансон.

— В таком случае он свернул в одну из боковых аллей или зашел в какой-нибудь дом.

— Возможно. Но я знаю почти всех жителей здешних мест, а этого типа увидел впервые.

— Это ничего не значит,— отрезал полицейский.— Люди приезжают и уезжают. Если бы я стал подозрительно разглядывать каждое новое лицо, я бы поседел уже лет десять назад.

Он внимательно осмотрел Брансона:

— У вас что, с собой большая сумма денег?

— Да нет...

— Где вы живете?

— Вон там,— указал Брансон.

— Знаете, мистер, вам лучше отправиться домой и забыть о случившемся. Я некоторое время понаблюдаю за вашим домом. А вы, если что-нибудь случится, сразу же вызывайте полицию. И, пожалуйста, успокойтесь.

— Спасибо,— ответил Брансон.— Извините, что побеспокоил вас.

Он направился к дому, стараясь сообразить, правильно ли поступил. Этот детина может и сейчас на-

блюдать за ним издалека, просто присутствие полицейского заставило его быть более осторожным. Хотя, конечно же, этот преследователь вполне мог быть и невинным новоселом в этом районе. А если нет...

Находиться в бегах или воображать, что тебя преследуют,— все равно что играть в шахматы на время, имея на кону ставку ценой в собственную жизнь. Неправильный ход или малейшая ошибка неизбежно ведут к поражению. Удивительно, как преступники способны вести подобную жизнь месяцами и даже годами, до тех пор пока у них все-таки не наступает нервный срыв.

Впервые он начал задумываться, сколько еще времени сможет выдержать эту игру и к какому финалу она приведет.

Дороти встретила его с видом заботливой жены:

— Рич, у тебя такое разгоряченное лицо, а на улице сегодня очень холодно.

Брансон поцеловал супругу:

— Я очень спешил, не знаю даже почему. Просто хотелось быстрее попасть домой.

— Спешил? — Дороти удивленно нахмурилась и глянула на часы.— Но ты пришел минут на семь позже обычного. Неужели опоздал поезд?

Брансон едва удержался, чтобы не подтвердить эту догадку. Соврать столь же просто, как и разоблачить ложь. Вопросы продолжали нанизываться на нить. Что же делать? Как вести себя со своей собственной женой. Он очень не хотел начинать врать ей — по крайней мере, до тех пор пока ситуация не станет совсем безвыходной.

— Нет, дорогая. Просто я остановился поговорить с полицейским.

— Неужели это заставило тебя бежать, как сумасшедшего? В конце концов, обед всегда может подождать несколько минут, ты же знаешь,— она положила свою изящною руку на его щеку.— Рич, ты мне говоришь правду?

— Правду о чем?

— О себе. Ты действительно чувствуешь себя хорошо?

— Да, конечно. Я сейчас вообще в зените. И на работе дела наладились.

— А голова у тебя не болит? И озноба нет?

— С чего это ты вдруг задаешь такие вопросы? — искренне удивился Брансон.

— Ты весь буквально горишь, я тебе это уже сказала. И вид у тебя какой-то необычный. Я это очень хорошо чувствую. Я ведь прожила с тобой довольно долго, достаточно, чтобы определить, когда у тебя что-то не в порядке...

— Хватит придираться ко мне,— огрызнулся он, тут же остро пожалев о собственной резкости.— Извини, дорогая, у меня сегодня был довольно тяжелый день. Сейчас я умоюсь, прочищу голову, тогда она будет работать немного лучше.

По дороге в ванную в его голове крутилась мысль о том, что все это с ним уже было. Нервозное возвращение домой, раздражающие вопросы Дороти, резкий ответ и бегство в ванную. Но не может же это продолжаться из вечера в вечер, неделю за неделей! Он рассчитывал, что у него еще есть время, но теперь и на этот счет появились серьезные сомнения.

Раздевшись до пояса, он осмотрел свой локоть. Синяк и подсохшая царапина еще были заметны, но место ушиба больше не саднило. Шишка на голове тоже уменьшилась. В конце концов, это падение оказалось не слишком серьезным.

Скоро он присоединился ко всей семье за обеденным столом. Но сегодня прием пищи проходил в непривычней тишине. Даже щенок вел себя необычно тихо. Над домом будто бы нависла какая-то темная туча, присутствие которой ощущали все, хотя никто еще ее не видел. Через некоторое время напряжение стало просто невыносимым. Тишина нарушалась лишь короткими вопросами и такими же короткими ответами, но разговор был вымученным и фальшивым, и все прекрасно понимали это.

В эту ночь в постели Дороти не могла успокоиться около часа. Она ворочалась с боку на бок и наконец прошептала:

— Рич, ты спишь?

— Нет,— ответил он, понимая, что он не смог бы ее обмануть, притворившись спящим.

— Может быть, тебе стоит взять неделю отпуска?

— Мне еще далеко до отпуска.

— Разве ты не можешь попросить одну неделю авансом?

— Зачем?

— Тебе надо отдохнуть, это пойдет на пользу и тебе самому, и твоей работе.

— Слушай...— начал он, но тут же постарался прогнать раздражение прочь, так как ему в голову действительно пришла идея.— Я посмотрю, как буду чувствовать себя утром. А сейчас давай спать, ладно? Уже очень поздно.

Она дотронулась до его щеки и нежно погладила.

За завтраком она снова вернулась к этой идее.

— Возьми себе внеочередной отпуск, Рич,— сказала Дороти.— Другие же делают это, если чувствуют себя хоть немного уставшими. Почему же ты не можешь? Ты ведь не железный.

— Но я и не устал слишком сильно.

— И не стоит этого дожидаться. Небольшой отдых сделает тебя совсем другим, вот увидишь.

— А почему другим? Каким другим? — спросил он.

— Ты будешь ко всему относиться гораздо спокойнее, чем сейчас, и перестанешь быть таким издерганным,— убеждала его жена.— Я знаю, что работа для тебя главнее всего, но поверь — здоровье еще важнее.

— Никто еще не умирал от работы.

— То же самое говорил Джефф Андерсен своей жене, помнишь?

Брансон кивнул, но возразил:

— Удар, который разбил Джеффа, не обязательно был следствием его работы. У многих людей случается такое.

— Возможно, это и так,— охотно согласилась жена,— но, может быть, и нет.

— Посмотри на меня,— сказал Брансон раздраженно.— Ты уговариваешь меня не нервничать, а сама

только тем все утро и занята, что действуешь мне на нервы.

— Рич, но мы же муж и жена. Мы должны заботиться друг о друге. Если не я, то кто же еще?

— Хорошо,— сказал он.— Извини меня

Он встал из-за стола, нашел свою шляпу и портфель.

Поцеловав Дороти на крыльце, Брансон сказал:

— Я еще обдумаю весь этот разговор в поезде.

С тем он и уехал.

Все это продолжалось еще четыре дня: попытки уйти от назойливых расспросов на работе и продолжительные споры с Дороти дома. На следующий вечер верзила опять преследовал его до самого дома, но со следующего дня Брансон начал менять маршрут и в конце концов отвязался от непрошеного попутчика. Однако поскольку каждый раз обходной маршрут был длиннее обычного, ему пришлось возвращаться домой все позже и позже. А это опять значило объяснение с женой и все большее волнение с ее стороны. Он видел, как беспокойство Дороти постоянно растет и как она прилагает все усилия, чтобы скрыть это.

На работе было еще труднее. Несмотря на то что Брансон изо всех сил старался казаться вполне нормальным и обычным, люди, хорошо его знавшие, были крайне удивлены резкой переменой в его поведении. Они с подозрением смотрели на него, когда он делал неожиданные промахи или не сразу соображал, о чем идет речь. Многие начали обращаться с ним так, как обращаются с больным или с человеком, который вот-вот заболеет.

Четвертый день оказался самым худшим. В отделе появился незнакомый рослый человек с цепким взглядом и все время околачивался недалеко от Брансона. Не заметить эту слежку было практически невозможно — человек вел ее почти в открытую. Но так как никто не может попасть в институт без разрешения властей, это означало, что соглядатай имел на то разрешение.

Боже правый, но не могли же эти ищейки так быстро напасть на его след! Ведь прошло целых двадцать

лет, двадцать долгих лет! Неужели они уже выяснили, что он и есть убийца, и теперь держат его под постоянным наблюдением просто для того, чтобы собрать достаточно доказательств его виновности? В конце концов Брансон решился заговорить об этом с Поттером во время обеда.

— Ты не в курсе, что это за парень болтается у нас в отделе и целый день ничего не делает?

— Насколько я понимаю, это детектив.

— Да? И что он здесь ищет?

— А черт его знает,— безразлично ответствовал Поттер.— Его зовут Ридон. Я как-то видал его раньше, года полтора назад.

— Но не у нас в отделе. Я никогда его не встречал.

— Он таскался по «красной» зоне,— пояснил Поттер,— поэтому ты его и не видел. Он появился вскоре после того, как пропал Хендерсон. Все думали, что это новый сотрудник, взятый на место Хендерсона, но он просто некоторое время болтался вокруг, ничего не говоря и ничего не делая, а потом убрался восвояси. А может быть, он просто приставлен следить за нами, чтобы никто не валял дурака на работе. Они там, в Вашингтоне, всерьез думают, что мы совсем обленились и разучимся даже ловить мышей, если за нами время от времени не приглядывать.

— Значит, детектив,— задумчиво повторил Брансон.— Болтается без дела, курит сигарету за сигаретой и ничего не говорит. Даже вопросов не задает.

— А тебе еще и вопросы нужны?

— Нет...

— Тогда чего ты дергаешься?

— Меня просто раздражает, что какой-то соглядатай дышит мне в спину.

— А меня это совсем не трогает,— сказал Поттер.— У меня совесть чиста.

Брансон бросил взгляд на Поттера и поджал губы. На этом их разговор и закончился.

Он знал, что еще один такой день ему просто не выдержать. Теперь острые глаза преследуют его и на работе, по дороге домой надо избегать встречи с верзилой, а дома опять придется объясняться с Дороти.

В голове постепенно созрело отчаянное решение: Дороти права, ему срочно надо брать отпуск.

Когда рабочее время кончилось, Брансон отправился в отдел кадров, отыскал там Маркхэма и сообщил ему:

— Очень сожалею, что явился без предупреждения, но мне надо бы взять недельку отпуска без содержания. Лучше прямо с завтрашнего дня.

— А почему без содержания?

— Хочется потом отгулять полный отпуск.

На лице Маркхэма появилось выражение сочувствия:

— Неприятности дома? Заболел кто-то из детей?

— Нет, мои все в порядке,— он судорожно начал искать подходящую причину. Черт возьми, похоже, теперь всю оставшуюся жизнь ему придется раз за разом подыскивать подходящие причины и объяснения.— Просто неприятности у родственников. Я съезжу навестить их, улажу все дела и сразу же вернусь обратно.

— Это не предусмотрено установленным порядком,— сказал Маркхэм, покусывая губу.

— Знаю, но я не стал бы просить, если бы не было крайней необходимости.

— Да, я понимаю.

Маркхэм немного подумал, потом потянулся к телефону и коротко переговорил с Кейном. Потом вновь повернулся к Брансону:

— Кейн не возражает, значит, Лейдлер тоже возражать не будет. В таком случае со мной все в порядке. Значит, исчезаешь на неделю? Хорошо, я отмечу это в твоем формуляре.

— Огромное спасибо. Я очень тебе благодарен.

Уже на выходе из отдела он столкнулся с Ридоном, а оказавшись на улице, через окно увидел, что тот беседует с Маркхэмом. По спине пробежал ставший уже привычным холодок, и Брансон машинально прибавил шаг.

Встреченный им по дороге случайный знакомый подвез его на машине почти до дому. Это позволило Брансону хотя бы на один вечер забыть о верзиле и прибыть к своему крыльцу вовремя. Возможно, к нему снова вернулась удача. Он сможет лучше обдумать происхо-

дящее и выработать новую тактику действий — если, конечно, обстановка не станет меняться к худшему.

Его возвращение раньше обычного срока вызвало у домашних радостное оживление. Брансон почувствовал, как все были удручены и обеспокоены его мрачным настроением. Дети радостно шумели вокруг него, а щенок не только повизгивал, но от полноты чувств даже напрудил на коврик у дверей. Дороти улыбалась, потом взглянула на часы и кинулась на кухню.

— Я должен буду ненадолго уехать, дорогая.

Она замерла, продолжая держать в руке сковородку.

— Ты хочешь сказать, что взял отпуск, как я тебе советовала?

— Увы, нет! Я бы на стал проводить отпуск один, без тебя и детей. К сожалению, это совсем не отпуск. Но, может быть, так и лучше.

— А что же тогда?

— Меня отправляют в командировку. Всего на неделю, но это станет хорошей переменой обстановки и в какой-то мере отдыхом.

— Я очень рада. Это как раз то, что тебе надо.— Она поставила сковородку на стол и накрыла ее крышкой.— И куда же они тебя посылают?

Куда?

До этого момента он и не задумывался о том, как будет отвечать на этот вопрос. Все, что ему хотелось, это как можно быстрее уехать отсюда, от всех этих соглядатаев, детективов, института — словом, просто найти укромное местечко, спрятаться там, все хорошенько обдумать и прийти к какому-нибудь спасительному решению.

Куда?

Она ждала ответа и уже начинала чувствовать заминку мужа.

— Бельстон,— ответил он в мрачном отчаянии.

Брансон не мог сказать, почему он назвал это местечко. Имя, которое он ненавидел, сорвалось с языка помимо его воли.

— Где это?

— Небольшой городок на Среднем Западе.

Он торопливо постарался предупредить дальнейшие вопросы:

— Я пробуду там дня четыре. На самолете не полечу: отправлюсь поездом, буду качаться в кресле и любоваться окрестным пейзажем. В этом безделье и отдохну.— Брансон выдавил из себя улыбку, очень надеясь, что она выглядит натурально.— Поездка, конечно, скучная, если едешь один. Жаль, что мы не будем вместе.

— Это ты к чему? В любом случае, мы не сможем оставить детей на неделю, предоставив самим себе. Или ты хочешь сказать, что их следует забрать на это время из школы? Не будь утопистом!

Дороти снова погрузилась в работу по кухне, но ее настроение заметно улучшилось.

— Это очень хорошо, что ты куда-то едешь, Рич. Хорошо питайся, хорошенько выспись и ни о чем не беспокойся. И тогда ты вернешься домой вполне отдохнувшим и посвежевшим.

— Слушаюсь, доктор,— с деланным послушанием отозвался он.

Но вернуться куда? Он может вернуться только в опасную зону. Не будет ли это бессмысленным шагом — вернуться туда, где он больше не в состоянии жить?

Таким образом, за эту неделю он должен найти место, где сможет начать новую, анонимную жизнь. Место, где за ним больше не станут неусыпно наблюдать чужие зоркие глаза, где за спиной не будут звучать тяжелые шаги. Но это еще не все. Ему придется найти способ внезапно и не оставляя следов переселить к себе Дороти и детей. То есть придется рассказать жене хотя бы часть правды, а это ставит новую проблему — как она воспримет его историю.

Но иной альтернативы не было. В противном случае ему придется просто покинуть семью и оставить ее на съедение детективам.

Нет, такого он не сделает ни в коем случае. Да, это огромный риск — связывать себя семьей в таких обстоятельствах. Но он никогда не бросит жену и детей, самых родных ему в этом мире людей,— конечно, если его не вынудят к этому совсем уж чрезвычайные обстоятельства.

К примеру, таким обстоятельством может оказаться смертный приговор.

4

Утром он выехал из дома на такси, взяв с собой всего один чемодан. Дороти стояла на дороге около их машины и улыбалась ему на прощание. Она собиралась везти детей в школу, а сами дети прыгали на лужайке перед домом и махали ему руками. Брансону в голову пришла мысль, которая чуть было не повергла его в панику: он подумал, что если его арестуют в ближайшие четыре дня, то это может быть последним разом, когда он видит их веселыми. Повернувшись на заднем сиденье такси, он не отрывал взгляда от своего дома, пока машина не завернула за угол.

Такси остановилось у местного отделения банка, и водитель подождал, пока Брансон снимет со своего счета некоторое количество денег. Большая сумма для него была бы удобней, но осложнила бы жизнь Дороти, если их воссоединение вдруг задержится. Он должен был идти на компромисс между своими неотложными нуждами и нуждами Дороти в будущем — хотя за время их совместной жизни на банковском счету скопилась солидная сумма.

Затем они доехали до станции. Водитель высадил Брансона и уехал, оставив его вертеть головой в опасливых поисках знакомых лиц. По счастью, никого из знакомых поблизости не оказалось, за что Брансон был очень благодарен судьбе. Он приехал сюда на час позже обычного, и это спасло его от любопытствующих взглядов.

До города он добрался без каких-либо происшествий. В суете миллионной толпы ему быстро удалось затеряться, как крупице песка в кузове самосвала. У Брансона не было никакого плана действий, у него имелось только желание избавиться от всех своих преследователей и попытаться найти выход из постепенно сжимающегося круга. Явившаяся на дне сознания смутная мысль подсказывала, что если он будет постоянно переезжать с места на место, его не так-то просто будет найти. Главное — делать это без всякой системы, без заранее продуманного плана.

Он бесцельно бродил до тротуарам с чемоданом в руке, пока внезапно не осознал, что ноги вынесли его к главному вокзалу. Только тут он понял, что какая-то часть его мозга, продолжая работать совершенно независимо, уже просчитала новый этап маршрута. Казалось странным, что в его подсознании сохранились отделы, способные работать спокойно и даже без паники. Брансон никогда не имел достаточно времени для самоизучения, а потому и не задумывался над тем, что все волнующие человека проблемы будоражат только поверхностную часть его мозга, в то время как более глубокие слои, в ведении которых находится не восприятие информации, а ее анализ, всегда остаются спокойными, как при кабинетной работе.

Во всяком случае, сейчас он руководствовался командами, получаемыми откуда-то из глубины сознания. Брансон вошел в здание вокзала, направился к кассе и совиными глазами уставился на кассира, как будто ожидая, что тот сам предложит ему нужный маршрут. Ведь нельзя же потребовать у железнодорожного служащего билет в самое тихое место на этом свете, где не властвуют закон и правосудие...

Брансон уже раскрыл рот, как вдруг с ужасом осознал, что чуть было не произнес имя того самого городка, которое назвал Дороти, когда судорожно подыскивал ответ на вопрос, куда он едет.

Та часть его мозга, которая продолжала работать ясно, как часы, остановила это слово на полпути к губам. Если они начнут искать тебя, подсказала она, то очень быстро проследят весь твой путь до города и начнут наводить справки о тебе на всех автобусных и железнодорожных станциях, пока в конце концов не нападут на след. До этого кассира они тоже доберутся, и он им все расскажет. Конечно, мимо него в день проходят сотни людей, но существует масса методик помочь человеку освежить свою память. Кассир может запомнить тебя по самой малюсенькой детали, и тогда он расскажет полиции все, что знает,— а это может быть очень и очень много. Никогда не рискуй без нужды. Большинство из людей, сидящих за решеткой, оказались там благодаря неоправданному риску.

Брансон купил билет до города, который находился на расстоянии трех четвертей пути от места, куда он хотел попасть. Положив билет в карман, он поднял чемодан, повернулся и почти столкнулся с высоким худощавым человеком с коротко подстриженными волосами и пронизывающим взглядом.

— А, мистер Брансон! — деланно улыбнулся Ридон.— Едете отдыхать?

— По официальному разрешению,— ответил Брансон, собрав в кулак всю свою волю. Ведь люди время от времени имеют право отдохнуть?

— Конечно, конечно,— согласился Ридон, уставившись на чемодан Брансона с таким видом, будто мог пронзить его взглядом насквозь и рассмотреть содержимое.— Желаю вам приятного времяпровождения.

— Ради этого и еду,— ответил Брансон, чувствуя, что в нем закипает злоба.— А вы-то что здесь делаете?

— То же, что и вы,— улыбнулся Ридон.— Отъезжаю. Интересно, нам случайно не по пути?

— Не знаю,— отпарировал Брансон.— Я не имею понятия, куда вы направляетесь.

— А разве это имеет значение? — философски заметил Ридон, отказываясь обижаться на замечание Брансона. Потом он взглянул на вокзальные часы и бросился к кассе.— Извините, мне надо спешить. Думаю, мы еще увидимся

— Может быть,— согласился Брансон, не выражая восторга по поводу этой идеи.

Он сел в поезд, слегка успокоившийся, но все же встревоженный неожиданной встречей с Ридоном. Сознание оставалось чистым и незамутненным, но мысли прыгали резвей, чем кошка на углях. Встретить этого парня здесь — это уже совсем не похоже на совпадение. Однако, проходя через перронный контроль, Брансон быстро и незаметно обернулся — в этот момент никакого Ридона поблизости не было.

До отправления поезда оставалось десять минут. Эти минуты Брансон провел очень беспокойно, в любой момент ожидая появления нежелательного попутчика. Если Ридон следит за ним, то у него должен быть соответствующий документ и ему не составит труда выяснить

название станции, до которой Брансон взял свой билет, соответственно, и взять билет на тот же поезд. Этого Брансону хотелось меньше всего. Хуже всего будет, если у Ридона хватит наглости взять место в том же вагоне. Провести несколько часов в компании сыщика за беседой, в ходе которой нельзя расслабиться ни на минуту и требуется постоянно обдумывать каждый свой ответ... Он с волнением глядел в окно, но так и не увидел, сел ли Ридон в этот поезд.

Прибыв на станцию назначения, Брансон некоторое время бесцельно бродил по городу, пытаясь выяснить, нет ли у него за спиной слежки. Никаких признаков «хвоста» ему обнаружить не удалось. Перекусив в небольшом кафе и совершенно не почувствовав вкуса пищи, он еще немного поболтался по городу, а затем вернулся на станцию. Насколько можно было определить, никто за ним не шел и никто не околачивался у входа на перрон в ожидании его появления.

— Мне надо попасть в Бельстон,— сказал он в кассе.

— С этим городом нет железнодорожного сообщения,— сообщил кассир.— Ближайшая к нему станция — Хенбери, она находится всего в двадцати четырех милях от Бельстона. Оттуда вы сможете добраться до нужного места автобусом.

— Большое спасибо. Тогда дайте мне, пожалуйста, билет до Хенбери,— согласился он.— Не подскажете, когда отходит ближайший поезд?

— Вам очень повезло. Поезд отходит через пять минут. Девятый путь, рекомендую вам поторопиться!

Схватив билет, Брансон галопом бросился к девятому пути. Он заскочил в поезд и не успел еще занять свое место, как состав тронулся. Это принесло ему громадное удовлетворение: если его действительно преследовали и он не смог этого обнаружить, то такой поспешный отъезд наверняка помог стряхнуть «хвост».

На нем лежало проклятие из прошлого, делавшее настоящее столь же мрачным и беспросветным. Брансон не мог избавиться от ощущения, что его продолжают преследовать и за ним неусыпно наблюдают чьи-то

недобрые глаза. Эти всезнающие глаза окружают его со всех сторон, они видят правду, они вопрошают его...

Почему я убил Элайн?

Когда в его голове мелькнул этот вопрос, он сразу почувствовал холод в животе. По каким-то непонятным причинам именно теперь у него перед глазами встали картины прошлого, и они были необыкновенно яркими, ярче, чем когда-либо. Наверное, это происходило потому, что его сознание на данный момент не было занято близкой угрозой.

Теперь он мог вспомнить ее полное имя: Элайн Лафарж. Да, так ее и звали. Как-то она сама объяснила ему, что ее первое имя происходит от обычного Эйлин, а фамилия напоминает о французских родственниках. У нее была замечательная фигура, которую она всячески стремилась подчеркнуть. Пожалуй, это и все. Еще можно сказать, что у нее были темные волосы и темные глаза. И она была совершенно бездушна. Расчетлива и бездушна. Старая ведьма в молодом облике.

Она имела на него почти гипнотическое влияние. Тогда ему не было и двадцати и он был вдесятеро большим дураком, чем когда-нибудь до или после этого. Она объявила, что будет использовать свой контроль над ним на все сто процентов, пока он будет набивать себе цену, то есть получать образование. А потом он кончит колледж, найдет себе работу и начнет зарабатывать хорошие деньги. До этого времени ему была предназначена роль горящего желанием влюбленного идиота, мечтающего когда-нибудь получить в награду ее тело. Время от времени она требовала подтверждения того, что ее влияние над Брансоном остается твердым и неослабным. А он покорно представлял ей такие подтверждения, желая и ненавидя ее одновременно.

Но в конце концов он все-таки взорвался. Она вызвонила его и позвала в Бельстон, просто на один день, желая помахать перед глупым жирным карасем наживкой, но с условием, что наживка останется в недосягаемости для рыбки. Она хотела просто вытереть об него ноги и в двадцатый раз убедиться, что он принадлежит ей и душой, и телом. В этом-то и крылась ее

ошибка: вызвать его тогда и туда. Что-то в нем лопнуло, что-то оторвалось от сердца, и его ненависть переступила границу критической массы. Он приехал в Бельстон, отправился с Элайн на прогулку — и проломил ей череп кирпичом, а затем зарыл тело под тем самым деревом.

Должно быть, тогда он был совсем сумасшедшим.

Подробности этой истории всплыли в его памяти так живо, как будто это было вчера, а не двадцать лет назад. Брансон увидел ее бледное лицо, сведенное судорогой от боли, вывалившуюся из выреза платья пышную белую грудь и тоненькую алую струйку, вытекающую из-под темных волос. Эта струйка так шла по цвету к ее ярко накрашенным губам!

Он до сих пор чувствовал ту ярость, которую вложил в удар, и живо представлял себе энергию, с которой судорожно выскребал в песке яму, чтобы спрятать тело, одновременно поглядывая на дорогу, где могли появиться нежданные свидетели. Брансон уложил труп между корней и замаскировал могилу вырезанными неподалеку кусками дерна, постаравшись как можно тщательнее скрыть следы своего преступления.

А потом последовал долгий период умственных тренировок, которыми он приучал себя забыть эту историю, похоронить ее на самом дне памяти. И самодисциплина ученого победила — ему удалось убедить себя, что ничего этого не было. Женщины по имени Элайн Лафарж просто никогда не существовало в природе, а сам он даже не знал о городке под названием Бельстон.

На какое-то время ему удалось изгнать ужасные воспоминания из головы. С тех пор прошли многие годы. Но сегодня Брансон вспомнил это преступление столь же явно и с такими мельчайшими подробностями, как будто с момента удара кирпичом прошли не годы, а минуты или часы. А ведь даже для того, чтобы вспомнить полное имя Элайн, ему потребовалось какое-то время. Но как он ни старался, ему все равно не удавалось воспроизвести в своей памяти вид Бельстона — этот городок сливался со множеством других маленьких населенных пунктов Среднего Запада, в которых он когда-нибудь побывал. В прошлом Брансон немало

поездил по американской глубинке и видел очень много одноэтажных провинциальных городков, поэтому ему было трудно отделить один от другого. Кроме того, он и сейчас не мог понять, почему Элайн выбрала тогда именно Бельстон.

Ко всему прочему, он так и не мог вспомнить — чем его так приворожила Элайн? А ведь он должен бы помнить это очень хорошо, в мельчайших подробностях, потому что именно здесь и лежало начало его преступления. И все равно история его влюбленности начисто стерлась у Брансона из памяти. Насколько он помнил свою юность, он отнюдь не превосходил в юношеских безумиях своих товарищей по колледжу или университету, никогда не был мартовским котом и ни до, ни после этого случая ни в кого не влюблялся без памяти! Почему же история с Элайн так повлияла на него, что он решился на убийство? Для этого должна была существовать особая причина! Может быть, когда-то он сделал что-то такое, что могло сломать его будущую карьеру — и Элайн знала об этом и держала молодого Брансона в своих цепких руках?

Но он не мог найти в глубинах своей памяти даже намека на это событие. Что же тогда могло случиться? Кража? Вооруженное ограбление? Растрата или подлог? Брансон снова прокрутил перед мысленным взором свое детство и юность, с пеленок до двадцати лет — но не вспомнил ничего, что могло бы отдать его во власть бесстыжей бабы. Насколько можно было доверять его памяти, кроме мелких детских проступков, таких, как синяк под глазом у соседского мальчишки или разбитое мячом окно, за ним не числилось.

Он откинулся на спинку сиденья и устало потер лоб: длительное нервное напряжение иногда играет странные шутки с памятью, он слыхал об этом от своих коллег. Иногда Брансону казалось, что где-то внутри его сознания есть маленький чердачок, в котором прячется безумие. Наверное, *тогда* он все-таки был не настолько нормален, как ему кажется *теперь*...

Когда поезд прибыл в Хенбери, было уже темно. Брансон снял комнатку в небольшой привокзальной гостинице, но спал беспокойно, постоянно ворочаясь и

вздрагивая во сне. Утром он позавтракал с тяжелой головой и без аппетита. Первый автобус на Бельстон отходил в девять тридцать. Он решил ехать на этом автобусе, оставив свои чемоданы в гостинице.

Автобус привез его в Бельстон в десять пятьдесят утра. Брансон несколько раз прошелся по главной улице взад и вперед, но так и не смог вспомнить эти места. Впрочем, это его не слишком удивило: за двадцать лет вид населенного пункта может измениться так же, как меняется за этот срок внешность человека. Иногда знакомые городки становятся совершенно неузнаваемыми — особенно когда сносятся старые дома, а на их месте вырастают новые, пустыри застраиваются, а на месте старых помоек появляются чистенькие зеленые скверы. За двадцать лет хутор может вырасти в деревню, деревня превратиться в уютный городок, а городок стать шумным и оживленным городом.

На его взгляд, Бельстон теперь был провинциальным городком с населением около четырех тысяч человек. Он оказался больше, чем ожидал Брансон. Впрочем, трудно сказать, почему он считал Бельстон таким маленьким городишком — видимо, память о первом визите сюда тоже была надежно укрыта где-то в глубинах подсознания.

Какое-то время он бродил по улицам, не зная, что делать дальше. Он даже не мог понять, почему внутренний страх привел его именно сюда. Возможно, это был тот самый пресловутый инстинкт, который вопреки всякой логике должен гнать преступника на место совершенного преступления. Действительно, Брансон очень хотел вновь взглянуть на это место, хотя совершенно не мог вспомнить, где оно находится — к югу, к северу или к востоку от города. А может быть, как раз на том самом месте, где он сейчас стоит?

В его памяти осталось только пригородное шоссе — абсолютно такое же, как и множество других дорог в этой стране. Прямое шоссе с двухсторонним движением, хорошо заасфальтированное, с молодыми деревцами по краям, высаженными с интервалом в пятьдесят футов. Вокруг расстилались хлебные поля, колосья были высотой примерно по колено человеку. Одно дерево

он помнил особенно хорошо — то, под которым пришлось рыть яму для того, чтобы спрятать труп жертвы. Он запихнул туда тело головой вперед. Туфли никак не хотели помещаться в дыре, и их удалось замаскировать, только притащив несколько больших кусков дерна.

Да, это произошло где-то в пригороде Бельстона. По крайней мере, должно было произойти именно там. Но далеко ли от города — в одной миле, в пяти, в десяти? И в каком именно направлении? Этого он не знал тоже. И ничто не могло подсказать ответ.

Видимо, придется выяснять, где были обнаружены кости, о которых болтал шофер из привокзального буфета. Город, несомненно, должен знать о таком событии. Но как выудить из обывателей подробности, не вызвав у них чрезмерных подозрений и не напоровшись на ответные любопытствующие вопросы?

Немного подумав, Брансон остановил такси. Он назвался бизнесменом, который ищет место для небольшой фабрики за городом, и водитель, которого заработок интересовал гораздо больше, чем цель поездки, провез его по всем пригородным дорогам в радиусе десяти миль от окраины Бельстона. Увы, это стало напрасной тратой времени. Ни одной из дорог он так и не смог узнать.

Когда машина вернулась на место, откуда началось путешествие, Брансон осторожно сказал шоферу:

— Мне советовали посмотреть одно место среди полей, около шоссе, по краям обсаженного деревьями через равные интервалы. Где бы это могло быть?

— Не знаю,— пожал плечами водитель.— Мы проехали по всем местным дорогам, которые идут вблизи городи. Других асфальтированных дорог здесь нет. Я не знаю обсаженной деревьями дороги ближе, чем в десяти милях в другую сторону от города, в направлении Хенбери. Могу отвезти вас туда, если хотите.

— Нет, спасибо,— поспешно отказался Брансон.— Мне определенно говорили про Бельстон.

— Тогда они что-то напутали,— предположил шофер.— Эти советчики всегда что-нибудь напутают.

На этом глубокомысленном рассуждении они и расстались.

Ну, положим, дорогу могли расширить, а деревья — спилить. Существует вероятность, что он уже проехал сегодня мимо этого места, но просто не смог его узнать. Нет, вряд ли. Шофер, чей рассказ так напугал его, совершенно определенно говорил о дереве, которое склонилось над дорогой и уже готово было упасть. То есть, по крайней мере, это дерево сохранилось. Следовательно, и другие деревья тоже должны были остаться на месте или же их спилили совсем недавно. Но во время поездки он нигде не увидел следов только что спиленных деревьев.

Брансон еще несколько раз прошелся взад и вперед по главной улице, рассматривая магазины, кафе и гостиницы и стараясь получить хоть какую-то зацепку для своей памяти. Бесполезно. Все оставалось столь же незнакомым, как и в любом другом незнакомом городе. Но если это действительно так, если он никогда не бывал здесь, значит, он просто неправильно запомнил название города. Значит, это был не Бельстон, а какое-то местечко с очень похожим названием. Например, Бельстаун, или Бельсфорд, или даже Бейкертаун.

– «Это был Бельстон» — настаивала его память.

Очень странно. Память говорила одно, а глаза утверждали другое.

Память сообщала:

«Именно сюда ты приехал, чтобы убить Элайн».

А глаза говорили:

«Этот город тебе знаком так же, как Сингапур или Серингапатам».

А затем началось самое плохое: сознание Брансона разделилось надвое. Одна из этих антагонистических половин твердила:

«Помни, полиция ищет доказательства преступления! Будь осторожен!»

Другая ей возражала:

«Да черт с ней, с полицией. Ты должен доказать это хотя бы для себя. Вот в чем все дело».

— Шизофрения,— со вздохом вынес он диагноз самому себе. Это объясняло сразу все. Он жил и живет в двух различных мирах, где его правая рука не знает, что делала и делает левая. Но тогда Брансон-ученый не может отвечать за деяние Брансона-убийцы.

Может быть, это и есть спасение? Сумасшедших не посылают на электрический стул, их отправляют в желтый дом, в дом для умалишенных.

Спасение?

Нет, лучше уж смерть!

Полный мужчина в дверях небольшого магазинчика обратился к нему, когда Брансон прошел мимо в шестой или седьмой раз:

— Вы что-нибудь ищите, мистер?

На этот раз Брансон не колебался. Умение легко придумывать правдивые истории приходит с практикой, а за последнее время у него была очень большая практика. Он сразу же сообразил, что история должна в целом повторять ту, что была рассказана шоферу такси. Люди в маленьких городках часто сплетничают между собой, и несовпадение может вызвать излишнее подозрение.

— Я ищу место для маленькой фабрики за городом, только вот никак не могу отыскать что-нибудь подходящее. Видно, мне что-то напугали, когда описывали то место...

— Вы хотите построить фабрику в Бельстоне? — переспросил толстяк и сощурил глаза, изображая тем самым глубокую задумчивость.

— Нет, в пригороде.

— А что за место? Если вы мне его опишите, я думаю, что смогу вам помочь.

Брансон, насколько мог, описал местечко с деревьями и добавил:

— Мне говорили, что недавно одно из этих деревьев подмыло потоком воды и оно упало на дорогу.

Это был очень рискованный шаг. Брансон с волнением ждал ответа, внутренне опасаясь, что вот сейчас его собеседник воскликнет: «Ах, это там, где нашли скелет этой бедной девочки!»

Но, к его величайшему удивлению, мужчина отрицательно покачал головой:

— Нет, такое могло случиться у нас только лет пятьдесят назад.

— Что вы этим хотите этим сказать?

— Я живу здесь уже пятьдесят лет и за это время не могу припомнить никаких наводнений и подмытых деревьев.

— Вы в этом уверены?

— Куда уж больше! Уж вы-то можете мне поверить.

— Может быть, в таком случае мне рассказывали совсем про другой Бельстон?

— Сомневаюсь,— возразил толстяк.— Я никогда не слышал о другом Бельстоне. По крайней мере, в этом полушарии.

Брансон пожал плечами, стараясь выглядеть как можно равнодушнее:

— В таком случае мне ничего не остается, как только вернуться и проверить эту информацию снова. Поездка оказалась пустой тратой времени и денег.

— Не повезло,— посочувствовал собеседник.— А почему бы вам не попробовать обратиться в контору Кастера по продаже недвижимости? Это в Хенбери, и они там знают все поля и фермы в радиусе ста миль.

— А это идея. Огромное вам спасибо!

Он вернулся на автобусную остановку в полной растерянности. В столь маленьком городке, как этот, убийство, пусть и очень давнее, должно было стать знаменательным событием и вызвать массу разговоров. А уж шофер такси непременно вспомнил бы о нем, когда они проезжали мимо того места, где под корнями обнаружили кости. И толстяк, услышав об упавшем дереве, должен был тут же выложить все детали происшествия, как они были описаны в полицейской хронике местной газеты. Но никто из них о подобном событии даже не заикнулся.

И тут Брансону в голову пришла светлая мысль. Ведь местные газеты должны содержать все городские новости! Из них можно почерпнуть исчерпывающую информацию о происшествии, при этом не рискуя привлечь чье-либо внимание. Он готов был волосы на себе рвать от того, что сразу не подумал о такой возможности. В полном смысле слова уголовник-любитель! Вместо того чтобы дрожать и метаться из стороны в сторону, ему с самого начала надо было обратиться к газетам.

Вряд ли заметки в местных газетах могли содержать сообщение о его приметах, особенно если полиция только-только напала на его след. Но статья о находке под корнями поваленного дерева вкупе с изложением всех возможных версий и туманным сообщением о грядущих действиях полиции должна была появиться там непременно.

Брансон огляделся и вежливо обратился к старику, сидящему на соседней скамейке:

— Мистер, не подскажете ли вы, где здесь редакция местной газеты?

— У нас нет такого заведения. Мы читаем «Хенбери газетт», она выходит по пятницам.

Подошел автобус. Брансон сел в него и устроился у окна. Напротив, в дверях магазинчика, все еще стоял толстяк и со скучающим любопытством наблюдал за автобусом. Скорее всего, если полиция станет его расспрашивать, он сможет дать точное описание внешности Брансона, а также сообщит время его появления и отъезда из города. Этот человек производил впечатление достаточно наблюдательного и не упустит никакой подробности.

Господи, почему другие люди обладают такой хорошей памятью, а он абсолютно ничего не может вспомнить?

Если его преследователи докопаются до этой поездки в Бельстон, то это может оказаться серьезной уликой. Возможно, что он допустил серьезную ошибку, отправившись сюда. Может быть, ему не следовало давать волю своим подсознательным порывам. Когда начнутся допросы, это путешествие станет тяжелой гирей на чаше обвинения.

«Очень хорошо. Допустим такой вариант, что вы ни в чем не виноваты. Допустим, что вы вообще не понимаете, о чем мы говорим, и никогда не были знакомы с Элайн Лафарж. Тогда почему вы пустились в бега? Почему вы покинули свой дом и помчались неведомо куда?»

«Я никуда не бегал. Мне не от кого бежать. Я просто решил недельку отдохнуть от работы. Я очень устал, и мне был нужен отдых».

«Это вам сказал ваш доктор?»

«Нет. Я не обращался к врачу».

«А почему не обращались? Если вы действительно устали, то доктор выдал бы вам бюллетень с рекомендацией отдыха, и все было бы намного проще, не так ли?»

«Ну, я не настолько устал... Я этого не утверждал — не надо приписывать мне лишнее».

«А вам не стоит нас учить. Лучше давайте прямые ответы на прямые вопроса. Вам ведь нечего скрывать, не так ли?»

«Да».

«Вот и отлично. Вы сказали, что очень устали и хотели немного отдохнуть?»

«Да. Закон ведь это не запрещает?»

«Вы сами поставили себе этот диагноз и сами прописали лекарство?»

«Да. Я не вижу здесь нарушения закона».

«Поверьте, мы гораздо лучше вас знаем законы. А теперь ответьте, пожалуйста, на такой вопрос: не кажется ли вам странным, что вы решили отдохнуть как раз в тот момент, когда мы напали на ваш след? И почему вы не могли отдохнуть дома, вместе с женой и детьми?»

«Вряд ли бы это принесло пользу».

«Что вы хотите этим сказать?»

«Мое состояние беспокоило их, а это в свою очередь беспокоило меня. Это был магический круг, и, пытаясь посвятить в свои проблемы семью, я только ухудшал положение. Чем хуже я себя чувствовал, тем хуже сказывалась на мне их тревога. В конце концов я решил, что единственным правильным решением будет отдохнуть где-нибудь в мирном спокойном местечке, не посвящая в это семью».

«Например, в таком местечке, как Бельстон?»

«Раз я уехал из дому, мне надо было куда-то двигаться и где-то остановиться, не так ли? Я мог поехать куда угодно, и я выбрал это городок».

«Вы сами сказали, что могли ехать куда угодно. Страна большая, но все-таки вы выбрали именно Бельстон. Как вы можете это объяснить?»

«Да никак. Просто выбрал, и все...»

Возможно, именно здесь он сорвется, начнет кричать, и они обменяются многозначительными взглядами, давая друг другу понять, что жертва наконец-то загнана в угол. Он будет изо всех сил стараться доказать свою невиновность, а на самом деле лишь подтвердит все их догадки.

«Я не могу сказать, почему я поехал именно туда. Я находился на грани нервного срыва и просто не мог рассуждать логически. Я двигался, куда глаза глядят, считая, что эта поездка поможет мне. То, что я оказался в Бельстоне,— не более чем случайность».

«Так и никак иначе?»

«Да».

«Вы совершенно случайно приехали именно в Бельстон?»

«Совершенно верно».

«Вы вполне в этом уверены?»

«Да».

Далее последует волчья улыбка.

«Когда вы уезжали из дома, то сказали жене, что едете именно в Бельстон».

«Неужели?»

Торопливое, лихорадочное обдумывание ответа.

«Неужели она так сказала? Наверное, она ошиблась...»

«Ваши дети тоже слышали это».

Молчание.

«Они что, тоже ошиблись, а? Неужели все трое ошиблись совершенно одинаково?»

«Возможно, я действительно говорил что-то подобное. Я совершенно не помню этого. Возможно, название этого города сидело у меня в голове, и я произнес его, не думая».

«И таким образом, вы отправились в Богом забытый уголок, про существование которого вряд ли подозревает большинство ваших соседей. А вот именно *вы* о нем знали. Вы сами только что сказали, что это название сидело у вас в голове. И как же оно пришло вам в голову? Как вы узнали о существовании этого места?

«Не знаю».

«Насколько нам известно, оно не является вашей родиной, вы никогда здесь не жили и женились совсем

в другом месте. Ваша жена родом тоже не отсюда. Таким образом, у вас с этим местом нет ничего общего. Так что же побудило вас поехать именно сюда?»

«Я вам уже несколько раз повторил: я совершенно не знаю, почему я поехал именно в этот город».

«В таком случае, почему вы лгали об этой поездке?»

«Я никому не говорил никакой лжи. Я сообщил об отъезде только своей жене. Вы сами это только что сказали».

«Не берите в голову, что мы говорили. Подумайте лучше о своих словах. Вы сказали Маркхэму, что у ваших родственников стряслись какие-то неприятности, а вашей жене про это ни словом не обмолвились. Жене вы сказали, что едете в Бельстон в командировку, но ваше руководство это полностью отрицает. Вы сказали шоферу такси и владельцу магазина, что ищете место для фабрики, а на самом деле болтались, по вашим собственным словам, без всякого дела».

«Я не хотел, чтобы Маркхэм знал о том, что я устал».

«А почему вы этого не хотели?»

«Я не хотел, чтобы он подумал, что я выбился из ритма. Я не хотел демонстрировать свою слабость».

«Согласитесь, что это звучит не слишком убедительно. Вполне нормально, когда служащий признается, что устал и что ему нужен отдых. Как правило, ему этот отдых предоставляют. Только за этот год десять процентов персонала вашего учреждения воспользовались таким внеочередным отдыхом. Почему вы вдруг решили, что станете исключением?»

Молчание.

«А как вы прокомментируете сказку, которую рассказали своей жене? Мужчины, как правило, не лгут симпатичным женам без основательных к тому причин».

«Дороти и так уже была чересчур взволнована моим состоянием. Я не хотел усугублять ее беспокойство».

«Хорошо. Значит, вы поехали в Бельстон искать место для фабрики — или, по крайней мере, сказали, что ищете. У нас есть два свидетеля на этот счет. Вы действительно хотели завести собственное дело? И что

за производство вы хотели там организовать? Почему вы выбрали Бельстон, где нет даже железной дороги?»

«Эти люди ошиблись».

«Что, оба сразу?»

«Да».

«Неужели они страдают такими же галлюцинациями, как ваша жена и дети? Странно, почему это все окружающие вас не понимают или понимают совершенно неправильно?»

Ответа нет.

«Медицинская экспертиза показала, что девушка была убита ударом тяжелого тупого предмета. Из всех, кого мы подозревали, вы являетесь единственным, у кого была такая возможность. Мотивы, судя по всему, тоже. Преступление было совершено двадцать лет назад, за это время вы успели сделаться любящим отцом, примерным мужем и благонадежным гражданином. Вы стали прямо-таки образцом респектабельности.

Молчание.

«Согласитесь, странное совпадение: ваша усталость проявилась как раз в тот момент, когда история с убийством внезапно выплыла наружу. И еще большее совпадение — вы почти сразу же, неожиданно для окружающих и втайне от семьи взяли на работе кратковременный отпуск. И куда же вы поехали? В Бельстон, на место убийства!»

Молчание.

«Хватит валять дурака, Брансон! Мы и так уже потеряли достаточно времени. Давайте посмотрим фактам в лицо. Новость о находке тела заставила вас перепугаться, поскольку к тому были вполне основательные причины. Вы решили проверить все на месте и выяснить, напала ли полиция на чей-нибудь след, а если напала, то на чей? Пока вы этого не сделали, вам не спалось».

Молчание.

«Мистер Брансон, вы достаточно выдали себя сами, поэтому имеющиеся улики удовлетворят любого судью. Ваша единственная надежда — чистосердечное признание. По крайней мере, это может спасти вашу жизнь».

Тишина, пристальный взгляд, потом небрежный взмах руки.

«Уведите его. Пусть посидит и поразмышляет в одиночестве, пока сюда не прибудет его адвокат».

Брансону не составило труда представить себе этот ужасный диалог, в котором ему была предназначена роль загнанной в угол крысы. Неужели все будет именно так? Когда он подумал об этом, его прошиб холодный пот, а сердце забилось, подобно обезглавленной курице под топором мясника.

5

Но к тому времени, как автобус достиг Хенбери, это неприятное чувство прошло. Он сумел убедить себя в том, что праздное предчувствие и реальность — совершенно разные вещи. Будущее может находиться в руках Господа, но не в слишком живом воображении, а худшие предчувствия не обязаны сбываться. Если же они и сбудутся, то в свое время и никак не раньше.

Брансон довольно быстро нашел редакцию «Хенбери газетт», которая располагалась буквально в нескольких ярдах от отеля, где он остановился. Войдя в редакционный вестибюль, он спросил худого юношу с болезненного цвета лицом, уныло сидящего за прилавком:

— У вас есть старые номера газет?

— Смотря насколько старые.

— За последние недели.

— Пожалуйста. Сколько вам нужно?

— Дайте мне, пожалуйста, дюжину,— сказал Брансон, немного подумав.

— Вы хотите двенадцать экземпляров последнего номера?

— Нет. Я хочу последние двенадцать номеров, по одному экземпляру каждый.

Парень хмыкнул, но подобрал номера, свернул их в рулон и перевязал веревкой. Брансон расплатился и возвратился к себе в номер. Он закрыл дверь, сел за стол у окна и начал изучать газеты, страница за страницей, колонка за колонкой, не пропуская ничего.

Газета была еженедельной, то есть эти двенадцать номеров охватывали период в последние три месяца. Они сообщали о пожаре и нескольких ограблениях, о кражах машин, одном самоубийстве где-то за городом и о перестрелке по пьяному делу, но ничего экстраординарного в Хенбери, Бельстоне и их окрестностях за последние месяцы не произошло.

Это могло иметь два объяснения. Шофер мог рассказывать о преступлении, совершенном в совсем другом месте. Такой оборот событий порождал у Брансона надежду, что его собственный грех имеет шанс остаться нераскрытым.

С другой стороны, рассказанная шофером история вполне могла оказаться чистой правдой, без всяких ошибок, и просто произойти гораздо раньше. Правда, тот парень имел такой вид, будто пережил все это совсем недавно: несколько дней или в крайнем случае неделю назад. Из подслушанной истории определенно следовало, что все это рассказывается по живым следам.

У Брансона закружилась голова. До этого момента он считал, что у властей было еще слишком мало времени, чтобы выследить его. Но если останки Элайн были обнаружены более трех месяцев назад, то полиция вполне может уже висеть у него на пятках. Вполне возможно, что в этот момент они уже дотошно расспрашивают несчастную Дороти.

«Куда, говорите, он поехал? В Бельстон? А где это? Джо, попробую связаться с тамошней полицией. Скажи им, что надо задержать человека по фамилии Брансон. Передай им все приметы. Если это не ложный след, то его следует взять немедленно».

Брансон сидел в своем номере, борясь с сомнениями. С того момента как он услышал разговор в буфете, он то и дело ударялся в панику. И вот теперь он пытался не поддаться ей в очередной раз. В его воображении уже звучали голоса полицейских, переговаривающихся с Бельстоном или Хенбери и сообщающих его приметы для ареста. День или два назад от одной такой мысли Брансон бросился бы наутек и без оглядки — но не сейчас. Он просидит здесь до утра и попробует еще раз проанализировать создавшуюся ситуацию.

Ему просто необходимо дождаться здесь утра, так как редакция «Хенбери газетт» сейчас уже наверняка закрыта, то есть более старые номера газеты он не сможет получить до завтрашнего утра. Та часть его мозга, которая боролась с паникой, убеждала: надо трезво оценить ситуацию и не уезжать отсюда, пока не удастся окончательно убедиться в том, что его ищут — либо не ищут, а преступление так и осталось похоронено навечно. Для такой цели можно и рисковать,

Бросив газеты в урну, он вернулся в кресло, потер подбородок и решил, что перед обедом стоит побриться. Брансон открыл свой чемодан и уставился в него о подозрением. Вещи были все так же аккуратно уложены, ничего не пропало. С самого отъезда он был очень аккуратен с их упаковкой и, подобно всем людям такого склада, мог с первого взгляда определить, заглядывал ли в его чемодан посторонний. Вещи лежали почти, но не совсем так, как он их уложил. Брансону вдруг показалось, что кто-то опорожнил чемодан, а потом заново сложил все на место.

Он не был в этом уверен на все сто процентов, но все равно это походило на тщательный и грамотный обыск. И что же они искали? При данных обстоятельствах можно было дать только один ответ: они искали доказательства. Вор не стал бы столь аккуратно паковать чемодан снова. Скорее всего, он просто бы разбросал вещи по всему номеру, срывая свою злость на то, что ничего ценного в чемодане не оказалось. Только официальные органы должны были стараться скрыть свое деяние.

Он проверил замки на предмет взлома, но замки чемодана работали легко и четко. Может быть, он все-таки ошибся? Что, если чемодан просто растрясло в дороге и лежащие в нем вещи слегка сдвинулись со своих мест? Или же полиция Хенбери уже начала действовать?

В течение последующих нескольких минут он тщательно осмотрел комнату, пытаясь найти либо окурок, небрежно сброшенный табачный пепел, либо что-нибудь в этом роде, свидетельствующее о пребывании в номере наепрошеных гостей, но ничего подобного не

нашел. Ни кровать, ни платяной шкаф не носили никаких признаков обыска. Словом, опасения не имели никаких доказательств — если не считать, что запасной галстук в чемодане был сложен слева направо, а не наоборот, а пара воротничков лежала кончиками вперед, а не назад.

Брансон боком подошел к окну и, скрываясь за занавеской, долго наблюдал за улицей перед отелем, пытаясь понять, находится ли его жилище под наблюдением. Но это тоже ни к чему не привело. Прохожих было много, но, насколько ему удалось заметить, никто из них не прошел в течение этих двадцати минут мимо отеля дважды и никто не проявил к этому зданию повышенного интереса.

Конечно, если какие-то сотрудники государственных служб наблюдают за отелем, им не обязательно шляться снаружи. Они вполне могут находиться в самом отеле, сидеть в холле с невинным видом ожидающего человека или болтаться в баре, изображая отдыхающего клерка. Не выдержав, Брансон решил спуститься вниз и самому глянуть, что там происходит. Но единственными посетителями фойе были две молодящиеся леди, которые что-то оживленно обсуждали. Ни одна из них не походила на полицейского сыщика. За стойкой сидел дежурный — очень тощий парень, наверное, способный весь вместиться в одну штанину полицейских брюк. Брансон подошел к нему:

— В мое отсутствие меня никто не спрашивал?

— Нет, мистер Брансон.

— А кому-нибудь показывали мою комнату?

— Насколько я знаю, нет.

— Хм...

— У вас что-нибудь не в порядке? — спросил клерк, подняв глаза.

— Ничего особенного. Просто у меня такое ощущение, что кто-то побывал в моей комнате.

— Что-нибудь продало? — спросил клерк, напрягаясь в предчувствии неприятностей.

— Нет, нет, ничего.

Служащий заметно расслабился.

— Может быть, это просто была уборщица?

— Вполне возможно.

Брансон в растерянности опустил глаза. Перед его носом оказалась раскрытая гостиничная книга. Она была развернута в сторону дежурного, но Брансон мог вполне четко разобрать последнюю запись. То, что она была вверх ногами, вызвало лишь небольшую задержку в прочтении. И вот теперь он растерянно уставился на книгу, в то время как мозг переваривал страшное сообщение.

Джозеф Ирдон, комната № 13.

— Спасибо,— поблагодарил он клерка.

Быстро поднявшись наверх, Брансон закрылся в своем номере и сел на кровать, судорожно сжимая и разжимая пальцы и пытаясь представить сколько в этом мире может существовать Ирдонов? Наверное, тысяч шесть или семь, может быть, даже десять или больше. В принципе, долговязый шпик с острыми глазами, встреченный им в институте, не обязательно должен быть Джозефом. Он вполне может зваться Дадли, или Мортимером, или еще как-нибудь, только не Джозефом...

И все равно это было чересчур неприятное совпадение. Точно так же, как случайная встреча с ним на станции перед самым отъездом. А также известие о том, что его чемодан был подвергнут обыску сразу же после того, как этот Ирдон прибыл в отель.

Какое-то время Брансон размышлял, не оплатить ли счет и уехать. Не уехать совсем из города, а перебраться куда-нибудь в пригород и провести ночь там. Конечно же, это будет не просто. В Хенбери есть всего два отеля, а ходить по улицам в поисках дома, где можно снять жилье, сейчас уже слишком поздно.

Существовала и другая альтернатива, с которой он поиграл, как загнанная крыса с мыслью самой атаковать терьера. Он может пойти в тринадцатую комнату, постучать в дверь и встретиться лицом к лицу с Ирдоном. Если этот парень окажется ему незнаком, то можно будет успокоится.

«Извините, я ошибся комнатой».

Но если это действительно окажется тот самый Рирдон, то у Брансона будет наготове несколько вопросов, которые он ему задаст, как только откроется дверь. «Какого черта ты здесь делаешь? На каком основании ты меня преследуешь?»

Да, эта может сработать. Рирдон не сумеет обвинить его в чем-либо, не имея надежных доказательств. Ведь если бы такие доказательства существовали, то Брансон был бы уже арестован. А если ему до сих пор не предъявили обвинения, значит, улик против него не хватает. Это дает некоторое преимущество, хотя и временное.

Преисполненный решимости, он вышел в коридор, двинулся к двери с номером тринадцать и решительно постучал в нее. Он был в полной готовности закатить сцену, как только в дверях покажется знакомое лицо. Но ответа не было. Брансон постучал еще, на этот раз более громко и нетерпеливо. Ни звука. Он приложил ухо к замочной скважине — в номере царила тишина. Еще одна попытка достучаться тоже ни к чему не привела, за дверью не было слышно ни звука. Судя по всему, в тринадцатом номере действительно никого не было. Брансон попробовал толкнуть дверь, но она была заперта на ключ.

В конце коридора послышались шаги. Брансон торопливо метнулся к своей комнате и нырнул в нее, оставив дверь слегка приоткрытой, а сам стал наблюдать за коридором через сохранившуюся щель. Крупный мужчина с большим животом прошел мимо тринадцатого номера и проследовал к выходу. Брансон запер свою дверь, сел на кровати и стал задумчиво смотреть на чемодан.

В конце концов он подставил под ручку двери стул (для большей безопасности), отошел к окну и начал изучать улицу напротив отеля, стараясь все-таки обнаружить соглядатая — если он там, конечно, есть. Но ничего подозрительного увидеть не удалось, и в итоге Брансон решил лечь спать. Увы, с таким же успехом он мог всю ночь бродить по улице, результат оказался бы тем же самым — уснуть ему не удалось. Он ощутил тоску по Дороти и детям, представлял их в мыслях,

пытался догадаться, что они сейчас делают и, прикинуть, когда снова увидит их. Несколько часов он лежал, находясь в каком-то странном состоянии, которое можно было определить как нечто среднее между бодрствованием и полубессознательной дремотой. Иногда Брансон погружался в царство кошмарных снов, но малейший посторонний звук из окна заставлял его тотчас всплывать наверх. К рассвету его глаза опухли и стали слезиться, а сам он ощущал себя совершенно разбитым.

В восемь тридцать утра он был уже в редакции «Хенбери газетт», которая только что успела открыться. В отель Брансон приволок огромную кипу газет, положил их к себе в номер и спустился завтракать. В кафетерии было около дюжины людей, которые ели и мирно общались друг с другом,— среди них не оказалось никого, кто показался бы ему хоть слегка знакомым. Брансон только подумал, что всех их вполне можно было бы назвать Ридонами — и клерка, и крупного мужчину, и даже обоих старых дев.

Покончив с завтраком, он поспешил к себе в номер, чтобы быстренько просмотреть все газеты. По газетам он вернулся на год назад, но нигде не упоминалось о его преступлении, и ни в одном номере не было ни слова про находку костей под корнями подмытого дерева. Может быть, полиция по известным только ей причинам решила не давать сообщение в прессу? Но столь долгое молчание тоже казалось маловероятным. А может быть, все это произошло больше года назад и упоминание о происшествии есть в более старых газетах? Или все же шофер говорил о похожем, но другом преступлении?

Брансон все еще считал, что должен узнать все точно, но не хотел испытывать судьбу методами, которыми этого можно будет добиться. В голову шел только один способ узнать всю правду. Это будет исключительно опасный ход, он даже не был уверен, хватит ли у него смелости пойти на такой шаг. Это будет все равно, что сунуть голову в пасть льву. Идея же была абсолютно проста — он должен пойти в полицию и прямо спросить, в чем его подозревают.

Но сможет ли Брансон улизнуть от них, если появится там под чужим именем и придумает какую-нибудь правдоподобную историю? Ну, например, он может представиться писателем, который пишет детективные истории и просит у полиции консультаций по какому-нибудь поводу. Например, ему требуются сведения по делу об убийстве. Элайн Лафарж... Нет, это уже слишком! Он хорошо мог представить реакцию полиции на такой поступок.

Так, а каким образом вы про это узнали? В газетах об этой истории ничего не сообщалось! А откуда вам известно имя жертвы и много такого, о чем мы сами еще не знаем? Нам кажется, мистер, что вы слишком хорошо осведомлены об этом деле, чтобы это не сказалось на вашем здоровье. Только один человек может знать такие подробности — тот, кто сам совершил убийство.

Затем они задержат Брансона в качестве подозреваемого, довольно скоро установят его настоящее имя, и вот тогда земля вспыхнет у него под ногами. Нет, слишком рискованно и столь же глупо.

А что, если позвонить им по телефону-автомату? Это идея. Они не смогут сразу же схватить человека, который находится от них на расстоянии нескольких миль, на другом конце медного провода, как бы они того ни хотели. Точно так же они не смогут проследить, откуда он звонит,— если, конечно, Брансон не будет затягивать разговор. Да, постепенно он начал обучаться тем трюкам, которые используют скрывающиеся от закона субъекты. Надо сказать, у них должна быть чертовски трудная жизнь!

Телефонная будка около автобусной станции представляла собой идеальное место для выполнения его плана. Самая лучшая тактика — узнать, когда отходят автобусы, и сделать звонок перед отправлением двух-трех машин в разные стороны. Как только полиция бросится в погоню за всеми сразу, он спокойно вернется к себе в отель. Без сомнения, полиция догонит все автобусы, но никого задержать не сможет, так как у них не будет даже описания преступника.

Отлично, он так и сделает. Может, хотя бы на этот раз ему улыбнется удача и он узнает что-нибудь дей-

ствительно важное. К примеру, если он скажет дежурному по участку, что знает кое-что о тех костях, которые нашли под деревом у дороги, а в ответ на это дежурный заинтересуется, начнет задавать вопросы, попросит подождать детектива, это будет значить, что случилось самое худшее — его преступление обнаружено и полиция ищет след.

Продумав все свои действия до мельчайших подробностей, Брансон решил, что нет смысла оттягивать выполнение операции, и отправился на станцию — предварительно убедившись, что дверь номера и чемодан надежно закрыты. Он бодро шагал по коридору, когда дверь тринадцатого номера распахнулась прямо перед его носом и из нее вывалился Ридон.

Даже не изобразив удивления, Ридон воскликнул:

— Ого, вот так встреча...

Он хотел сказать еще что-то, но не успел — Брансон тут же заехал ему кулаком по зубам, вложив в удар всю свою силу. Это был очень сильный удар: Ридон сразу же полетел обратно в комнату.

В отчаянной ярости Брансон бросился за ним вслед и нанес еще один удар, на этот раз в подбородок. Такой хук мог бы свалить с ног человека намного более тяжелого и здорового, чем Ридон. Но, несмотря на свою худобу, Ридон оказался весьма крепким малым. Хотя нападение оказалось для него совершенно неожиданным, он сумел удержаться на ногах, развернулся, взмахнул руками и попробовал сгруппироваться.

Брансон решил полностью использовать свое преимущество и не дать Ридону никакой возможности сопротивляться. Ярость породила в нем такую силу, о существовании которой он и не подозревал. Отскочив в сторону, нанес противнику еще один сильный удар по горлу. Ридон издал хриплый, кашляющий звук и начал падать, поднеся руки к лицу. Судя по всему, он хотел что-то сказать — но не мог.

Брансон нанес ему еще три удара, прежде чем Ридон упал — упал не резко, а тихо и спокойно, как лишенный человека костюм. Да, он был крепким мужчиной, и чтобы добиться такого результата, Брансону пришлось выложиться не на шутку. Тяжело дыша, ученый

склонился над поверженным противником, а затем обернулся назад и заметил, что дверь в номер широко раскрыта. Он подошел к двери и выглянул в коридор. Ни души. Никто не слышал шума короткой схватки, никто не поднял тревогу. Тщательно заперев дверь, Брансон вернулся к лежащему на полу телу.

Стоя над Ридоном и глядя на него, он задумчиво потирал костяшки пальцев. Внутри все дрожало от возбуждения, а нервы были натянуты, как стальные струны.

«Этот парень слишком упорен,— подумал он.— Было бы полным безумием не воспользоваться создавшейся ситуацией, чтобы стряхнуть его с хвоста так, чтобы они вообще потеряли его след».

Да, сейчас у него была отличная возможность избавиться от Ридона навсегда. Человека можно казнить за убийство только один раз. Они не смогут посадить его на электрический стул дважды. И в то же время мысль о том, что надо убить Ридона, никак не могла уложиться в голове Брансона. Он просто не мог сделать это настолько хладнокровно, даже если бы ему заплатили миллион долларов. При наличии какого-то количества времени для самоанализа можно было бы попробовать разбудить в себе убийцу, но как раз времени-то у него не было совсем.

Ридон лежал на полу вполоборота, подогнув под себя руку. Пиджак его расстегнулся и под мышкой была видна кобура, из которой торчала рукоять пистолета. Брансон задумчиво посмотрел на пистолет, но трогать его не стал.

Он нагнулся к чемодану Ридона и открыл крышку. Внутри находилось с полдюжины наручников, два галстука и прочие необходимые в путешествии вещи. Брансон связал руки и ноги Ридона галстуком, для верности добавил наручники и вбил в рот кляп. К тому времени, как работа была закончена, Ридон начал сопеть и потихоньку приходить в себя.

Брансом быстренько обыскал свою жертву, нашел бумажник и решил внимательнее изучить его содержимое. Бумажные деньги, пара не представляющих интереса писем, несколько расписок, сложенный вчетверо

страховой полис на машину. В другом отделении лежало несколько почтовых марок, а в кармашке под целлулоидом на другой стороне бумажника покоилась упакованная в пластик продолговатая карточка. Брансон взглянул на карточку, и волосы у него встали дыбом. На карточке помимо портрета владельца был вытиснен орел, серийный номер и надпись:

Федеральное правительство
Соединенных Штатов Америки
Служба военной разведки
Джозеф Ридон

Во имя всего святого, что общего у военной разведки с обыкновенным убийством? Брансон был ошарашен. Единственное объяснение, пришедшее ему в голову,— причастность убийцы к сверхсекретным правительственным разработкам. Впрочем, это тоже казалось чрезвычайно маловероятным. Насколько он знал, полиция никогда не отдавала никому свои дела, кто бы ни был в них замешан.

Но что теперь ни говори, ищейка на некоторое время выведена из строя. С этого момента все зависело от того, насколько быстро Брансон сможет исчезнуть из зоны ее досягаемости. Положив бумажник на место, он затащил Ридона под кровать и опять выглянул в коридор. Там все еще никого но было.

Брансон вышел из комнаты номер тринадцать и аккуратно захлопнул за собой дверь. Замок негромко щелкнул у него за спиной.

После этого он заскочил в свою комнату, схватил чемодан, быстро оглядел номер и убедился, что ничего не оставил. Опустившись в фойе, он оплатил счет за постой. Сегодняшний дежурный шевелился так медленно, будто нарочно хотел испытать терпение постояльца. Пока клерк возился с бумагами, Брансон оглядывал фойе на случай присутствия еще какой-нибудь ищейки и со страхом ожидал, что вот-вот наверху будет обнаружен узник тринадцатого номера... Взяв счет, он торопливо расплатился, буквально выскочил на улицу и быстрым шагом направился к автобусной станции. Увы, оказалось, что в ближайшие пятьдесят ми-

нут не отходит ни один автобус. Тогда Брансон отправился на вокзал. Но и там в ближайшие полтора часа не появлялось ни одного поезда.

Это означало непредвиденную и нежелательную задержку. Инстинкт преследуемого подсказал ему, что не стоит задерживаться в Хенбери ни на минуту дольше необходимого. На время он оставил идею звонка в полицию. Можно будет сделать его из любого места, даже отстоящего отсюда на тысячу миль. В принципе, звонок издалека будет даже более осмысленным.

Теперь главной его задачей было выбраться из города до того, как Ридон высвободится и власти перекроют все выезды. Брансон решил отправиться пешком по пути того автобуса, который должен будет выйти из города первым. Автобус подберет его в четырех или пяти милях от окраины и таким образом позволит избежать облавы — даже если в ближайшие пятьдесят минут Ридон сумеет высвободиться и поднять шум. Естественно, первым делом власти отправят патрули на автобусную и железнодорожную станции, а также опросят шоферов такси и водителей грузовиков.

Брансон быстрым деловым шагом двигался вдоль дороги по направлению к окраине, думая только о том, что до конца дня надо будет позвонить Дороти и узнать, как чувствуют себя она и дети. Кроме того, он выяснит, не интересовался ли кто-нибудь его местопребыванием.

И опять сказалось отсутствие у Брансона опыта преступника: ему и в голову не пришло украсть машину и быстренько исчезнуть на ней из городка. В первом же большом городе он мог бы украсть другую машину — и так далее. Но за всю свою жизнь он совершил кражу только один раз, в возрасте шести лет, и предметом этой кражи было большое яблоко.

С другое стороны, если дела обстояли так, как он предполагал, то именно отсутствие опыта давало ему существенное преимущество. С точки зрения полиции все закоренелые преступники действуют чрезвычайно похоже, на каждый шаг сыщиков у них существуют совершенно определенные контрмеры. А вот дилетанты и новички, напротив, чрезвычайно непредсказуемы.

Закоренелый рецидивист был бы уже далеко, мчась на чужой машине, неопытный же преступник вместо этого мог сотворить все, что угодно,— вплоть до попытки совершенно незаметного бегства пешком. Вот так Брансон и поступил.

Поначалу ему серьезно повезло. Минут через двадцать его обогнал изрядно помятый, фыркающий «седан». Машина остановилась сама, и шофер радушно предложил его подвезти. Брансон принял предложение, залез в машину и устроился рядом с краснолицым, красношеим водителем, честно сообщив ему, что просто идет по дороге, дабы убить время и рассчитывает сесть на автобус, когда тот его догонит.

— А куда ты направляешься-то! — полюбопытствовал краснолицый.

— Да в любой большой город,— ответил Брансон, похлопав по своему чемодану, чтобы привлечь к нему внимание шофера.— Я хожу по домам.

— А что продаешь?

— Страховку.

Неужели это никогда не кончится: вопросы и необходимость быстро придумывать к ним подходящие ответы?

— Гнилое дело,— заметил краснолицый с полным отсутствием такта.— Однажды мою жену тоже почти уговорили купить такую штуку. Точно тебе говорю! Я-то ей, конечно, сказал: «Только попробуй! Почему ты хочешь, чтобы я мертвый стоил больше, чем живой?» Говорю же, гнилое это дело — заинтересовать бабу трупом! В этом мире и так достаточно неприятностей, чтобы предлагать кому-нибудь сорвать банк за то, что другой парень сыграет в ящик.

— Я распространяю страховки против пожаров и ограблений,— попробовал успокоить его Брансон.

— Ну, это совсем другое дело, мистер. В этом еще имеется свой смысл. Вот у моего дяди из Дикейтора сеновал полыхнул прямо как вулкан. Дядя вообще-то скряга, а тут столько потерял сразу. Я всегда ему говорил...

Шофер продолжал болтать, пока «седан» кряхтел, подпрыгивал на ухабах и пожирал милю за милей. Шофер успел перечислить и описать в деталях все большие пожары в этом регионе за последние сорок лет и кончил заключением, что страховка от пожаров — это дело стоящее, а вот страховка против ограблении — это не дело, потому что в наших местах очень мало проходимцев.

— Это ты лучше попытай счастья где-нибудь в другом месте,— посоветовал он.— У нас даже жулики не задерживаются надолго.

— Должно быть, хорошо жить в таком уголке,— предположил Брансон.— А как насчет убийств? Такое у вас бывает?

— Да, случается. Но чаще всего из-за баб или спиртного. Вот только что копы раскрыли одно из таких дел.

— Это какое же! — навострил уши Брансон, рассчитывая хоть теперь услышать что-нибудь стоящее.

— Да это случилось лет восемь-десять назад,— охотно ответил краснолицый.— Старика Джефа Боткинса нашли здорово избитым. Он так и умер, ничего не сказав. Полиция искала одного сезонника, но его и след простыл. Так и не нашли.

— А что с той девочкой, которую обнаружили под деревом у дороги?

Краснолицый тут же переключил все свое внимание с шоссе на Брансона.

— Какой девочки?

— Может быть, все это, конечно, только слухи,— как можно более безразлично ответил Брансон.— Просто насколько дней назад я слышал, как два парня говорили, что где-то возле Бельстона нашли под деревом скелет девушки.

— Это когда же?

— Да я не знаю. Может быть, неделю назад, а может — насколько месяцев. Похоже было, что парень говорит о чем-то, что случилось совсем недавно.

— Выдумал он все это,— определенно заявил краснолицый.

— Может быть, и так.

— Если бы у нас такое произошло, известие разлетелось бы по округе на добрую сотню миль, как степной пожар,— заверил водитель.— В этих местах любят поговорить. Во всяком случае, я бы уж точно об этом услышал!

— А так вы ни о чем не слышали?

— Нет, мистер. Вы, наверное, просто что-то не так поняли из разговора того парня.

В это время машина въехала в городок — поменьше, чем Хенбери, но побольше, чем Бельстон. Краснолицый шофер взглянул на пассажира:

— Ну, как тебе местечко?

— Вполне подойдет, если дальше не едете

— Я могу провезти еще около сорока миль. Но тогда тебе останется еще миль двадцать, чтобы добраться до ближайшего города.

— Наверное, мне лучше поехать с вами. Может быть, там мне повезет и кто-нибудь подбросит дальше.

— Ты думаешь, что здесь ничего заработать не удастся?

— Сказать по правде, я очень устал от маленьких городков. Я думаю, мне лучше добраться до большого города.

— Не могу тебя за это судить,— ухмыльнулся краснолицый.— А что, ваша контора вас машинами не снабжает?

— Снабжает, но я оставил свою дома, жене.

— А у нее есть на тебя страховка?

— Конечно, есть.

— Женщины! — презрительно воскликнул шофер, наклонившись вперед.— Им лишь бы что-нибудь хапнуть. Все заберут, что мужчина имеет.

Он замолчал, покусывая нижнюю губу, и, пока машина тряслась через весь город, более не проронил ни слова. Увеличивающееся расстояние от Хенбери вполне устраивало Брансона, который считал: чем дальше, тем лучше.

Шофер продолжал молчать, очевидно, раздосадованный жадностью слабого пола. Они отъехали от города миль тридцать, и до цели путешествия краснолицего оставалось всего десять миль. В этом месте дорога выходила на прямое широкое шоссе, на котором впереди маячили

две машины. Когда «седан» приблизился к ним, от одной из машин отделилась фигура в форме и встала посередине дороги. Это был патрульный полицейский, который поднял руку, приказывая машине остановиться.

Один из стоящих на обочине автомобилей зафырчал и двинулся с места, в то время как «седан» свернул к обочине.

— Ну и что теперь? — буркнул себе под нос краснолицый.

Рядом с первым патрульным появился второй. Они подходили к «седану» осторожно, с двух сторон, всем своим видом выдавая, что их больше интересуют пассажиры, а не машина.

Заглянув внутрь машины, тот полицейский, который был повыше, спросил:

— А, привет, Вильмер. Как делишки?

— Так себе,— ответствовал краснолицый, не выразив особой радости.— И какого рожна вам надо на этот раз?

— Не суетись, Вильмер,— посоветовал другой.— Мы кое-что ищем,— он сделал жест в сторону Брансона.— А это что за парень?

— А вам-то что?

— Он едет с тобой, не так ли?

— Как видишь. Ну и что с того?

— Слушай, Вильмер, давай-ка будь разумным, а? Я — не твоя жена, так что попридержи язык и ответь нам на пару вопросов. Где ты откопал этого парня?

— Я подобрал его на окраине Хенбери,— признался краснолицый.

— Подобрал, да? — патрульный с интересом посмотрел на Брансона, то же сделал и его напарник.— Мистер, вы слишком подходите под описание человека, которого мы ищем. Как вас зовут?

— Картер.

— И чем вы занимаетесь?

— Я страховой агент.

— Это так,— подтвердил краснолицый, радуясь тому, что он тоже что-то может сказать.— Мы с ним об этом говорили. Я рассказал ему, как тот ханыга чуть было не уговорил мою Мейзи поставить на мои косточки ..

— Значит, Картер? — задумчиво произнес первый патрульный, не обращая внимания на болтовню краснолицего.— А как ваше имя?

— Люциус,— автоматически ответил Брансон, совершенно не понимая, из какого закоулка памяти выскочило это имя.

Эти данные поколебали уверенность допрашивающих. Они переглянулись и вновь принялись рассматривать Брансона — очевидно, сравнивая его вид с описанием, полученным по радио.

— И что вы делали в Хенбери?

— Продавал страховки,— криво улыбнулся Брансон.— Точнее, пробовал этим заняться.

В последнее время у него уже очень хорошо получалось вранье. Оказывается, для этого надо было просто держать себя в руках, да еще немного попрактиковаться. Но все же он здорово сожалел о новом занятии: по своей природе Брансон ненавидел ложь.

— У вас есть какие-нибудь документы? — спросил тот полицейский, что был пониже ростом.

— Думаю, что нет. В смысле, нет с собой. Я оставил все документы дома.

— И ни в чемодане, ни в бумажнике? Никаких писем, карточек, счетов и страховок?

— Извините, нет.

— Весьма странно для человека, который находится в пути, да еще и по работе. Никаких бумаг на его имя,— низенький полицейский поджал губы и бросил многозначительный взгляд на своего напарника.— Я думаю, вам лучше выйти из этой машины, мистер Картер,— сказал он, открывая дверцу и делая властный жест рукой.— Нам хотелось бы получше познакомиться с вами и с вашими вещами.

Брансон вылез из машины. В голове его билась мысль: «Ну вот, это случилось!» Краснолицый, нахмурившись, сидел за рулем. Коротышка-патрульный вытащил из машины чемодан и раскрыл его прямо на дороге, в то время как высокий стоял в нескольких ярдах за спиной Брансона, держа руку на рукояти пистолета. Бежать бесполезно. Полицейский всадит ему пулю в спину, не успеет он преодолеть и пяти ярдов.

— Ваш бумажник пожалуйста.

Брансон протянул свой бумажник. Патрульный тщательно осмотрел его содержимое и расплылся в довольной улыбке.

— Люциус Картер, жди больше! Это и есть тот парень, Ричард Брансон! — Он махнул рукой краснолицему.— Поехал отсюда!

Краснолицый со злостью захлопнул дверцу и заорал в открытое окно:

— Раскомандовались тут! Это моя машина! Я купил ее на свои денежки! И как налогоплательщик я могу...

Высокий патрульный наклонился к окну и сказал прямо в лицо краснолицему — очень медленно и очень тихо:

— Двигай отсюда, Вильмер... Ты уже большой и умный мальчик... Ну!

Краснолицый одарил Брансона и полицейских убийственным взглядом, нажал на газ, обдав их всех клубом пыли и бензина.

— Садитесь в машину, мистер,— сказал коротышка, указывая Брансону на патрульный автомобиль.

— В чем вы меня обвиняете? Я хотел бы это знать!

— Вам все расскажут в участке,— отрезал патрульный.— Мы имеем право задержать вас на двадцать четыре часа под любым предлогом. Так что успокойтесь и садитесь в машину.

Решив больше не спорить, Брансон залез в полицейскую машину. Коротышка тоже сел сзади, рядом с ним. Высокий занял место водителя, щелкнул выключателем рации и сообщил в микрофон:

— Номер девятый, Хили и Грег. Мы только что подобрали Брансона. Сейчас его привезем.

6

В участке их отношение к нему было по меньшей мере странным. С ним обращались бесцеремонно, но в то же время без той грубости, с которой принято относиться к людям, чья виновность очевидна. Складывалось такое впечатление, что полицейские совершенно не представляли, кто он такой — то ли похититель черте-

жей атомной бомбы, то ли кандидат на получение медали Конгресса. После тщательной проверки его личности, они дали ему поесть и отвели в камеру, не задавая больше никаких вопросов.

Все, что он получил в ответ на свои вопросы, заключалось в одной-единственной фразе:

— Молчите и ждите.

Ридон прибыл через три часа. На его верхней губе белела нашлепка медицинского пластыря, больше никаких повреждений видно не было. Ему предоставили маленький кабинет, где он терпеливо ждал, пока приведут Брансона.

Оставшись один на один, они без всяких эмоций оглядели друг друга. После продолжительного молчания Ридон сказал:

— Я полагаю, вы прекрасно понимаете, что мы можем обвинить вас в обычном нападении на человека?

— Пусть будет так,— пожал плечами Брансон.

— Почему вы это сделали? За что, черт возьми, вы набросились на меня?

— Чтобы научить вас заниматься своими делами, а не совать нос в чужие.

— Понятно. Вам не нравилось, что я все время попадался вам на глаза.

— Конечно. А кому это понравится?

— Ну, большинство людей ничего против этого не имеют,— сказал Ридон.— А с чего бы им иметь претензии? Им нечего скрывать. А вот что скрываете вы?

— Ваша работа, вот и выясняйте.

— Именно этим я сейчас и занимаюсь. А вы не хотите мне что-нибудь сказать?

Брансон не ответил, тупо уставившись в стену. Об убийстве речи пока не шло. Это было единственной хорошей новостью. Но, может быть, Ридон бережет самое вкусное напоследок, причмокивая своими разбитыми губами в предвкушении удовольствия? Садист, играющий с жертвой в кошки-мышки.

— Может быть, я смогу вам помочь? — продолжил Ридон спокойно и безэмоционально.— Поверьте, *я действительно хочу помочь вам.*

— Очень мило с вашей стороны,— ответил Брансон.

— Но очень трудно помочь, когда не знаешь, в какой именно помощи нуждается человек.

— Держи карман шире,— скривился Брансон.

Ридон возразил:

— Это не водевиль, Брансон. Это очень серьезное дело. Вы вляпались в дурную историю, и вам требуется срочная помощь. Вы должны рассказать нам все подробности.

— Спасибо, но я способен самостоятельно уладить все свои дела.

— Сбежав от работы, дома, семьи? Это не очень-то эффективный способ.

— А вот это уж мне судить.

— И мне тоже.— Ридон повысил голос.— Поверьте, я смогу докопаться до правды любым способом.

— До какой правды? — спросил Брансон с сарказмом.— Я всего лишь взял небольшой отпуск и оформил его как положено. Это было вполне законно, и с тех пор, насколько мне известно, закон еще не менялся.

Ридон глубоко вздохнул:

— Как видно, вы не хотите мне доверять. В таком случае мне придется отвезти вас обратно. Думаю, остальные вопросы мы обсудим по дороге домой.

— Вы никуда не повезете меня,— возразил Брансон.— Нападение на человека не является таким уж серьезным преступлением.

— Данное обвинение вам еще не предъявлено, и не будет предъявлено,— любезно сообщил Ридон.— Это будет совсем уж последний день, когда я прибегну к помощи закона из-за удара по зубам. Вы поедете со мной совершенно добровольно, по собственному желанию, или же...

— Или же что?

— Или мне придется официально возбудить в отношении вас дело об измене родине и разглашении государственной тайны. И вот тогда мы посмотрим, как вам это понравится.

Брансон побагровел и, наклонившись вперед, почти прокричал:

— Я не предатель!

— А никто и не говорит, что вы предатель.

— Вы только что сами это сказали.

— Ничего подобного я еще не сказал,— возразил Ридон.— По крайней мере, пока. На данный момент у меня нет оснований подвергать сомнению вашу лояльность. Но я вполне могу и покривить душой. Так что учтите — чтобы выяснить, что же вы скрываете, я готов пойти на самые грязные трюки.

— Вы хотите сказать, что не остановитесь и перед ложным обвинением?

— Вы поняли совершенно правильно. Мне нельзя оставлять ни одной неиспользованной возможности.

— И в то же время вы говорите, что желаете помочь мне?

— Конечно!

— В таком случае я могу сделать только два вывода: вы либо сумасшедший, либо считаете таковым меня,— ответил Брансон.

— Насколько я могу судить, вы действительно находитесь не в лучшем душевном состоянии,— согласился Ридон.— Если это действительно так, то я хочу знать, что с вами произошло.

— Зачем?

— Потому что вы не первый и, насколько я могу судить, не последний человек, с которым это случилось

Брансон прищурил глаза:

— О чем это вы?

— О помешанных. Я говорю об умных и талантливых людях, поведение которых вдруг неожиданно становится чрезвычайно странным. Добавлю, что таких людей уже достаточно много. Пора с этим кончать.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, и не хочу это понимать. Если вы считаете, что человек, взявший отпуск из-за того, что ему очень нужно отдохнуть, является сумасшедшим, то у вас самого не все в порядке с психикой.

— Но вы не просто взяли отпуск.

— Да?

— Если бы вы хотели по-настоящему отдохнуть, то взяли бы с собой жену и детей.

— У меня складывается впечатление, что вы гораздо лучше меня знаете, что мне надо делать, а чего

делать не надо,— сухо заметил Брансон.— И чем же, по вашему мнению, объясняется мое поведение?

— Вы бежите от чего-то. Или, может быть, за чем-то. Но более вероятно первое.

— Убегаю от чего?

— Именно это я и хотел бы от вас услышать,— сказал Ридон, не отрываясь взгляд от собеседника.

— Увы, это ваша теория, а не моя. И вы сами откапываете подтверждения для нее. Словом, либо вы рассказываете мне все, что знаете сами, либо наш разговор становится бессмысленным.

Нахмурившись, Ридон посмотрел на часы.

— Я не могу оставаться здесь еще на день из-за пустых словопрений. Через двадцать минут отходит наш поезд, и мы еще имеем шанс успеть на него, если выйдем прямо сейчас.

— Да, но для этого вам придется тащить маня волоком. И, может быть, тогда я тоже смогу возбудить против вас дело о нанесении телесных повреждений.

— Пустая надежда. Любой компетентный адвокат скажет вам, что судиться с правительством бесполезно. Кроме того, я знаю, что делаю. В случае необходимости я могу прибегнуть и к закону.

— Ну, хорошо. Поехали.

Брансон встал на ноги, голова у него слегка кружилась. Об убийстве Элайн Лафарж пока не было сказано ни одного слова. Манера поведения Ридона была угрожающей — но возможные обвинения, на которые он намекал, относились совсем к другой области.

Если человек преднамеренно и обдуманно убил женщину, то это является обычным преступлением, рассматриваемым в гражданском суде. Но здесь в дело вмешались военные власти. И при этом они откровенно намекают на безумие обвиняемого.

Интересно, что бы все это значило?

Когда поезд уже мчался вдоль пригородных полей и садов, Ридон опять возобновил разговор:

— Послушайте меня, Брансон. Я буду с вами предельно откровенным. Ради Христа, постарайтесь тоже

снизойти до этого уровня. Я могу сказать, почему мы так заинтересованы в вас. А вы в ответ сообщите мне, что вы скрываете, что заставило вас податься в бега.

— Я не нахожусь в бегах.

— Сейчас — безусловно, нет. С тех самых пор, как вы мне попались. Но до этого вы прятались от всех, как заяц от лисы.

— Вовсе нет. Это просто ваши домыслы.

— Давайте, поразмышляем вместе. Если мы будем продолжать сталкиваться лбами, то ничего, кроме синяков, не получим. Я хочу вам напомнить то, что вы, как мне кажется, забыли. А именно — что сейчас идет война. Пока еще без выстрелов, но это все равно война, Иначе вам и вашим коллегам не было бы необходимости так усиленно работать над еще более новым и более совершенным оружием.

— Ну и что из этого следует?

— Холодная война в любой момент может превратиться в горячую. Даже война без выстрелов ведется весьма жесткими способами. Каждая сторона старается вывести из строя лучшие головы на стороне противника — либо купить их, либо просто уничтожить. Мы теряем людей, лаборатории, идеи. Они тоже. Мы покупаем кое-какие их головы. И они покупают наши. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю. Старая песня.

— Ну, хоть она и старая, а популярная,— согласился Ридон. Он наклонился к Брансону и прищурил глаза.— Оружием в этой войне являются подкуп, шантаж, воровство, соблазнение и убийство — словом, все, что помогает достичь цели. Это происходит с обеими сторонами. Главная идея этой борьбы — как можно больше отнять у противника и как можно меньше потерять самому. При этом первая составляющая столь же важна, как и вторая. Я специализируюсь на второй. Это моя работа. Задачей нашего отдела является отражение покушений врага на мозги страны.

— Я не услышал ничего нового или удивительного,— пожал плечами Брансон.— Мне чертовски обидно, что человек не может взять отпуск, не будучи заподозрен в попытке продать врагу свои служебные секреты.

— Вы слишком упрощаете ситуацию,— покачал головой Ридон.— Существуют два основных способа ослабить противника. Во-первых, это попытаться использовать его умы для своей пользы. Во-вторых, если первое не удается, можно попытаться помешать противнику использовать его собственные интеллектуальные ресурсы. По принципу — ни себе, ни людям. Вы понимаете, что я имею в виду? А теперь представим, что вы слишком лояльны, чтобы продать секреты. Что враг должен делать в этом случае?

— Ну, и что же?

— Он попытается вывести вас из строя. Если он не в состоянии воспользоваться вашей головой, то пусть и другие этого не смогут.

— Чушь. Я не стою такой нежной заботы.

— Вы считаете, что солдата не стоит посылать на поле битвы? Конечно, если рассматривать его как одиночку, то реальное значение такого солдата окажется ничтожным. Но если их будут сотни, тысячи, десятки тысяч — то здесь уже можно будет вести речь об успехе или неуспехе кампании.

Ридон сделал паузу, чтобы его слова лучше уложились у Брансона в голове. Затем он продолжил:

— Лично я вряд ли стал бы беспокоиться о каком-то отдельно взятом Брансоне, но забота о судьбах сотни Брансонов входит в мои служебные обязанности.

— Ну, у вас есть хотя бы одно утешение,— усмехнулся Брансон.— Моя голова еще достаточно крепко держится на плечах.

— Как вы прекрасно понимаете, я имею в виду несколько иное. Голова, которая вдруг перестала работать, становится потерянной для своей страны. Это уже жертва в необъявленной войне, причем жертва достаточно серьезная. В наш век удары, наносимые по научному потенциалу страны, являются чрезвычайно опасными.

— Все это достаточно очевидно и понятно даже и дураку. Не сочтите за хвастовство, но я это знал уже много лет назад. Но как все это можно приложить ко мне в данный момент?

— Я к этому и двигаюсь,— ответил Ридон.— За последние два года нами было потеряно определенное

число хороших ученых — не только из вашего института, но и из некоторых других. Причем эта цифра значительно превосходит норму подобных потерь в естественных условиях — то есть от смерти, болезни и ухода на пенсию. Если мы не найдем способ остановить эту тенденцию, она будет нарастать. И тогда лет через десять нашу науку может постигнуть крах.

— Вы уверены, что потери превышают естественную норму? — спросил Брансон, вспоминая возражения, которые он высказывал Бергу.

— Увы, да. Но гораздо хуже тот факт, что мы потеряли очень много времени, прежде чем поняли, что происходящее выходит за рамки обычного. Все, с кем это происходило, являлись ценными сотрудниками, и большинство из них заслуживало абсолютного доверия. Но эти люди внезапно потеряли интерес к своей работе, начали действовать совершенно не в соответствии со своим характером и в конце концов оказались потерянными для своей страны. С одними это происходило быстрее, с другими — медленнее. И пути тоже были разные. Некоторые исчезали, едва успев крикнуть знакомым короткое «прощай!». Другие подавали в отставку или уходили в отпуск и больше из него не возвращались. Некоторые из ученых просто уехали за границу, и мы даже не знаем, что они сейчас делают. Это ни в коей мере не угрожает интересам страны, но мы не можем вернуть этих людей никакими уговорами. Они живут так, как хотят, и просто ничего не предпринимают. Недавно мы обнаружили троих исчезнувших, которые не покинули пределы страны.

— И что с ними произошло?

— Все трое упорно твердят, что имеют право жить, где хотят, и заниматься тем, чем хотят. Их теперешняя работа много хуже той, которую они оставили, но они уверяют, что такое положение их устраивает больше, и не хотят объяснять причины. По мнению наших сотрудников, которые с ними общались, все эти люди чем-то напуганы и очень неохотно отвечают на любые вопросы.

— И я не осуждаю их,— сказал Брансон.— Мне тоже не нравится, когда за мной следует хвост, что бы

мне ни вздумалось сделать. Я ударил вас по зубам не просто так. Я считал, что пришло время научить вас жить самому и дать жить другим.

Не обращая внимания на это замечание, Ридон продолжал:

— В конце концов мы решили оставить этих людей в покое, но не спускать с них глаз. Увы, их ложь, страх и бездействие — это слабость нашей добродетели: другие режимы заставили бы их работать и говорить.

— И вы решили зачислить меня в этот список мятежников? — спросил Брансон, облегченно вздохнув. Кажется, истинная причина его бегства до сих пор оставалась им неизвестной.

— Вас и еще одного человека,— сообщил Ридон.— Как раз в тот день, когда мы решили взять вас под наблюдение, появился еще один парень, который проявлял те же симптомы, что и вы.

— И вы смогли выяснить, что с ним стряслось?

— Нет, но я думаю, что нам это удастся. Вы, конечно, об этом не знали, но мы разослали своих агентов по всем научным центрам, занимающимся разработкой систем оружия. Эти люди собирают информацию о всех, кто вдруг резко бросил работу, начал проявлять признаки душевного надлома или просто стал странно себя вести. Таким образом, мы и вышли на вас.

— Кто навел вас на меня?

— Не будем об этом,— покачал головой Ридон.— Это был человек, который считал, что на данный момент вы находитесь слегка не в себе.

— Могу поспорить, что это был Кейн,— прошипел Брансон.— Он всегда считал себя потрясающим психологом.

— Я не играю с вами в отгадки, так что не стоит меня провоцировать.

— Хорошо. Я принимаю это правило.

— Итак, продолжим. Я рассмотрел все доклады о вашем поведении, проследил за вами лично и пришел к выводу, что вы очень нервничаете — настолько, что готовы бросить все и пуститься в бега. А ведь на такой шаг человека может толкнуть только что-то очень серьезное. Согласитесь, не так-то просто бросить хорошую

работу, обжитой дом и тем более семью. Поэтому мы должны знать, что заставило вас это сделать. Если мы поймем причины, мы сможем это остановить.

— Увы, не в моем случае. Вам придется долго искать то, чего нет.

— Я вам не верю. Моя рабочая гипотеза — вы узнали о какой-то угрозе для вас, вашей жены или детей.

Брансон на это ничего не ответил.

— Поверьте, не существует такой угрозы, которую мы не смогли бы от вас отвести,— сообщил Ридон, обнадеженный молчанием собеседника.— Но, чтобы мы смогли защитить вас, нам требуется знать, в чем заключается опасность, иначе нам придется действовать вслепую.— Ридон вперся в Брансона своими пронзительными глазами.— Если кто-то угрожает вам, скажите, как и кто. Я могу поклясться своей жизнью, что мы сумеем с ним справиться!

Да, это уж точно! Правительство обещает защитить преступника, которого само же и собирается казнить, если узнает правду. Ридон говорит о врагах на другом краю планеты, но истинную угрозу для Брансона представляет закон родной страны, вооруженный электрическим стулом и газовой камерой.

Теперь он понял, откуда здесь взялась военная разведка. Она работала с полицией рука об руку, даже не ведая об этом. Одни подозревают его в моральной неустойчивости, вторые ищут ниточку, которая должна вывести на убийцу. Печально, что разведка смотрит на него, как на потенциального дезертира, но хорошо, что полиция остается на своем месте.

— Я прав! — настаивал тем временем Ридон.— Жизнь кого-то из ваших близких действительно находится под угрозой?

— Нет.

— Вы лжете!

— Думайте об этом, что хотите,— устало сказал Брансон.

Ридон отвернулся к окну и начал рассматривать проплывающий мимо пейзаж. Несколько минут они сидели молча, погруженные каждый в свои мысли.

Вдруг Ридон резко обернулся к Брансону и спросил:

— Какое отношение ко всей этой истории имеет Бельстон?

Брансон вздрогнул и побледнел. Это было как удар в солнечное сплетение.

— Что вы имеете в виду?

— Вы все еще продолжаете лгать, но вас выдает ваше лицо. Бельстон по какой-то причине очень много значит для вас. Для вас это черное и жуткое место, и в то же время вас тянет сюда, потому что вы хотите что-то выяснить.

— Если вы знаете так много, то должны знать и про это.

— Увы, не знаю. Но думаю, что и вам очень трудно будет найти ответ.— Ридон сжал кулак, внимательно начал рассматривать костяшки пальцев.— Я догадываюсь, почему ваши поиски оказались безуспешны.

— Пожалуйста, можете догадываться сколько угодно, если это вас так развлекает.

— Судя по всему, вы хотите наладить контакт с кем-то, кто вам неизвестен. Игра началась по его инициативе, но я вам ее испортил. Они видели, что за вами следят, и мое лицо им не понравилось. Вот потому они и не вышли на контакт с вами, хотя, скорее всего, это уже было оговорено. А может быть, они не дали вам того, что обещали.

— Кто — они?

— Наши противники. Не притворяетесь невинной девушкой. Вы ведь прекрасно понимаете, о ком идет речь.

— А вы напоминаете здоровенную пчелу в улье и не хотите слушать ничего, кроме своего жужжания.

— Слушайте, Брансон, я информирован лучше, чем вы думаете. Вы бродили по Бельстону, аки потерянная душа по кругам ада, ища что-то или чего-то ожидая. Прекрасное времяпровождение для отпуска, не правда ли?

Брансон демонстративно молчал.

— Вы закупили целую пачку старых выпусков «Хенбери газетт» — очевидно, изголодавшись по старым новостям. Прошлой ночью мы тщательно проверили содержание этих газет, ища намек на зарубежную связь. Вы тоже просидели весь вечер в номере с прессой второй свежести, но ничего нужного не нашли.

Брансон продолжал молчать.

— Вы разговаривали со многими людьми в Бельстоне и Хенбери, мы проверили их всех. Абсолютно никаких намеков на попытки контакта с кем-то из-за рубежа. Это тоже завело нас в тупик. Все, с кем вы общались, были чисты, как новорожденные щенки. Либо вы, либо те, с кем вы хотели встретиться, обнаружили слежку и постарались не проявлять никакой активности.

— Да, вы совершенно правы. Я искал рыжую педикюршу, а таких в мире очень немного.

— Понятно, понятно,— сказал Ридон обиженно.

— А теперь я скажу вам еще кое-что,— добавил Брансон, наклоняясь вперед.— Самое трудное — это отыскать то, чего никогда не существовало в природе.

— То, что вы искали, существовало или существует. Человек с вашим уровнем интеллекта никогда не будет гоняться за хвостом вчерашнего дня.

— Я уже говорил вам: все это чушь!

— Да, вы ведете себя точно так же, как те трое. Не хотите разговаривать или отделываетесь бессмысленными ответами. Теперь вам остается только сообщить мне, что не существует закона, который запрещал бы людям маяться дурью.

— А если эта дурь будет вполне невинной? — заметил Брансон.

— Про вас это сказать довольно трудно,— отрезал Ридон.— Хендерсен, по крайней мере, завел собственный промтоварный магазин. И объяснил нам, что ему это нравится, что он устал от режима, от постоянных проверок и отныне хочет работать только сам на себя.

— Я бы назвал эти причины вполне разумными.

— А я не прошу вас оценивать эти причины,— резко произнес Ридон.— Они не имеют ничего общего с действительностью, и мы это знаем. Мы отыскали Хендерсена в Колумете и задали ему несколько вопросов. Всего лишь через месяц он продал свое дело и исчез, двумя неделями позже мы нашли его торгующим в Лейксайде. После этого случая мы стали следить за ним с безопасного расстояния. Судя по всему, у него есть серьезные причины избегать внимания официальных инстанций. То же самое происходит и с вами.

Брансон пожал плечами, изобразил на лице выражение полнейшей скуки и уставился в окно.

— Вас, должно быть, очень сильно припекло, и вы поехали в Бельстон искать выход. Я не знаю, каким вам виделся этот выход, но, так или иначе, вы все равно его не нашли. Вы оказались перед глухой стеной, поняли это и стали носиться по Бельстону, как крыса по клетке, но ничего хорошего этим не добились.

— Замолчите,— попытался остановить его Брансон.

— Но оседлавший вас черт не слез со спины, как вы втайне надеялись. Он крепко вцепился в вас и все еще скачет вместе с вами. Он так и будет скакать на вашей спине, пока вы не услышите голос разума и не позволите кому-нибудь, кто это может, стянуть его с вашей спины. Все, что вам надо, Брансон,— это открыть рот и сообщить нам имя черта.

— Извините,— сказал Брансон,— мне требуется ненадолго отлучиться.

Он вышел из купе, прежде чем растерявшийся Ридон смог ему помешать. Да и что бы он сделал? Направился бы вместе с Брансоном в ватерклозет? Но ведь Брансон еще не является арестованным, а Ридон — конвоиром. На данный момент Брансон был формально свободен и имел статус обычного пассажира.

Торопливо пройдя по коридору, Брансон боковым зрением заметил, что Ридон тоже вышел из купе, но нерешительно остановился в дверях. Очевидно, он еще не сообразил, что делать. Брансон тщательно запер за собой дверь туалета и распахнул окно. Примерившись, он встал на стульчак, просунул голову наружу и начал протискивать остальное тело, щурясь от набегающего потока воздуха. Некоторое время он стоял на раме, уцепившись пальцами за какие-то выступы на крыше вагона, а затем оттолкнулся от окна.

7

Брансон тяжело ударился о покрытый травой откос и покатился вниз, едва успев сгруппироваться. Хотя он приземлился на ноги, скорость поезда и уклон придали

его телу немалую начальную скорость. Ему показалось, что полет продолжался более мили, пока наконец он не плюхнулся на дно грязной канавы — исцарапанный, запыхавшийся, с забитым пылью ртом.

Некоторое время он лежал, тяжело дыша и прислуживаясь к грохоту удаляющегося поезда. Судя по всему, до ближайшей станции было еще далеко. Поезд мчался дальше, с каждой секундой унося прочь проклятого Ридона. Он промчится еще миль десять или двенадцать, прежде чем Ридон поймет, что Брансона уже нет в туалете, и предпримет какие-то действия.

А может быть, этот проницательный агент предвидел прыжок своего подопечного и сам тоже прыгнул с поезда? Эта мысль заставила Брансона резко вскочить на ноги и осмотреться. Он даже не подумал, что его может остановить резкая боль от какой-нибудь сломанное кости, растянутых связок или ушиба. Но ничего подобного не произошло. Он внимательно осмотрел себя — при прыжке пострадала только одежда. Да, такой удачный побег редко случается даже в кино.

Последняя мысль внезапно заставила его насторожиться.

Такой побег редко бывает даже в кино? От этой мысли он чуть было не выскочил из канавы. Кино?

Кино?

Странно, но случайно пришедшая в голову мысль о кино подействовала на него чрезвычайно возбуждающе. Раньше он воспринимал кинематограф так же, как собак, французские булки, цветы перед крыльцом и прочие обыденные бытовые явления, представляющие собой неотъемлемую и ничем особо не выдающуюся часть цивилизации. Но теперь он думал о кино с непонятным чувством, которое нельзя было даже назвать страхом или ужасом. Это ощущение было абсолютно новым и трудно поддающимся описанию. Будто бы в понятие кино отныне вкладывалось какое-то несоответствие или нарушение закона природы, и это лично задевало Брансона.

Может быть, Ридон и в самом деле был прав, когда говорил, что Брансон стоит на пути к сумасшествию? Возможно, он уже идет к тому состоянию, когда нео-

жиданная и совершенно обыденная мысль будет вызывать у него неадекватно сильную реакцию не раз в неделю, а каждый час. И тогда он действительно окажется в аду причудливых и жутких иллюзий, из-за решетки которых сможет в минуты просветления видеть плачущую Дороти...

Выбравшись из канавы, Брансон поднялся на насыпь и посмотрел вдоль нее. Поезд давно скрылся из глаз, запыленного и поцарапанного Ирдона тоже нигде не было видно. То есть Брансон, хотя бы на некоторое время, был освобожден от его нежелательного общества. Удовлетворенный этим выводом, Брансон осмотрел себя и решил, что выглядит достаточно прилично, а страдает от чего угодно — только не от безумия. Нет, он еще мог управляться со своими чувствами и сохранять вполне ясную голову.

Отправившись вдоль железнодорожного полотна в обратном направлении, он вскоре добрался до моста через грязную дорогу. Здесь Брансон спустился с насыпи и призадумался. В какую сторону следовало двигаться для скорейшего достижения цели, он не знал, а времени для того, чтобы отыскать кого-нибудь из местных жителей, у него тоже не имелось. Можно было спорить на что угодно, что Ирдон уже водит пальцем по карте, определяя возможное местопребывание своего беглого спутника.

В итоге Брансон решил двинуться налево. По узкой проселочной дороге с глубоким колеями от колес он прошагал мили две, после чего очутился на более широком и асфальтированном шоссе, где минут через десять его подобрал грузовик с овощами. Не донимая Брансона расспросами, шофер грузовика подбросил его на двадцать миль до ближайшего города и высадил на окраине, попрощавшись коротким кивком.

Это место скоро тоже станет довольно опасным, поэтому терять время было бы непозволительной глупостью. Брансон сел на ближайший автобус, благодаря бога за то, что бумажник и деньги все еще находились при нем.

Он проехал около шестидесяти миль, пока не добрался до довольно большого города. Здесь требовалось

несколько задержаться — хотя бы для того, чтобы привести себя в должный порядок, вымыться побриться и приобрести новую одежду. Затем Брансон пообедал в ресторане, что восстановило его силы и придало больше уверенности. Из ресторана он вновь отправился на автобусную станцию, по дороге миновав одного за другим двух скучающих полицейских. Ни один из них не обратил на прохожего никакого внимания. Очевидно, тревога еще не дошла сюда — хотя вполне может докатиться в любой момент.

От автостанции вскоре отходил автобус, двигавшийся до города, расположенного примерно в семидесяти милях к востоку. Он сел на этот автобус и без всяких приключений добрался до конечного пункта маршрута, где слился с толпой и стал еще более незаметен. Теперь он находился уже не так далеко от своего дома.

Дом! Брансон вдруг понял, что до боли хочет услышать или увидеть что-нибудь, что напомнило бы ему о доме. Конечно, он прекрасно понимал, что его домашний телефон уже давно прослушивается, все разговоры аккуратно записываются на магнитофон, а место, откуда он позвонит домой, немедленно будет отслежено. Попытка услышать голос Дороти приведет лишь к тому, что федеральные агенты вновь обнаружат его след. Но Брансон готов был пойти даже на такой риск — учитывая моральную поддержку, которую звонок домой окажет его духу. Кроме того, город, где он сейчас находится, обыскать будет гораздо сложнее, нежели такое маленькое местечко, как Бельстон или Хенбери. Если он наберется достаточно смелости, то даже сможет провести здесь около месяца, несмотря на то что полиция будет занята его поисками.

В помещении местного почтамта нашелся ряд кабин междугородной телефонной связи. Он выбрал одну из средних и набрал свой домашний номер. Трубку сняла Дороти.

Брансон изо всех сил старался, чтобы его голос звучал бодро и спокойно:

— Привет, крошка, это твой сбежавший любовник!

— Рич! — воскликнула она.— Я ждала твоего звонка вчера вечером.

— Я собирался это сделать, но у меня никак не получилось. Тут один зануда полностью наложил лапу на мое свободное время. В конце концов я решил отложить это дело на сегодня. Лучше поздно, чем никогда, ведь правда?

— Конечно! А как у тебя дала? Ты чувствуешь себя лучше?

— На пять,— соврал он.— А у вас?

— Все хорошо. Правда, были два странных события.

— Что случилось?

— На следующий день после того, как ты уехал, кто-то звонил, якобы из Центра, и спрашивал, куда ты направился.

— И что ты ему сказала?

— Такой вопрос показался мне очень странным, ведь ты же поехал в командировку. Кроме того, ты сам всегда просил меня быть очень аккуратной в разговорах о твоей работе. Ну я и сказала этому типу, чтобы он поинтересовался в твоем отделе.

— И что он на это ответил?

— Не думаю, что ему это понравилось,— в голосе Дороти послышались нотки беспокойства.— Он повесил трубку, но, по-моему, был очень раздражен. Я надеюсь, что не отшила кого-нибудь из твоего начальства.

— Ты поступила совершенно верно,— успокоил ее Брансон.

— Но это еще не все,— продолжала она.— Через пару часов после этого звонка к нам явились двое мужчин и сказали, что они из охраны вашего института. Они даже показали документы, удостоверяющие это. Один из них был высокий, худой парень с маленькими глазками, а другой — коренастый, с сильно развитой мускулатурой. Они сказали, что не стоит беспокоиться, это обычная проверка, а затем спросили меня, сказал ли ты, куда едешь, и если да, то что еще ты об этом говорил. Я им сказала, что ты поехал в Бельстон, а зачем — я не знаю, да и не интересуюсь. Они заявили, что этого им вполне достаточно, еще немного поболтали и уехали. Они вели себя вполне прилично.

— Что-нибудь еще произошло?

— Да. На следующее утро явился здоровенный мужчина и спросил тебя. Но было похоже, что он прекрасно знает, что тебя нет. Я сказала, что ты ненадолго уехал — он спросил, куда и насколько. Этот человек не назвал мне ни своего имени, ни зачем ты ему понадобился. Мне очень не понравилась его настырность, и я отослала его в твой институт, хотя мне показалось, что он вовсе не собирается туда обращаться. Правда, не могу сказать, почему я так решила. Во всяком случае, от него я тоже отделалась.

— Возможно, это был тот же самый человек, который звонил перед этим,— предположил Брансон, пытаясь переварить услышанную информацию.

— Не думаю — его голос звучал совсем по-иному, чем голос в телефонной трубке.

— А сам он как выглядел?

Будучи очень наблюдательной от природы, Дороти сумела описать посетителя достаточно подробно. Получившийся портрет очень напоминал того самого человека, которым следил за ним и несколько раз провожал до дома. По крайней мере, Брансон не мог больше припомнить никого, кто бы подходил под описание Дороти.

— А он не сказал, зачем я ему нужен?

— Нет, Рич, он больше ничего не сказал.— Дороти на секунду задумалась, потом добавила.— Может быть, это просто мои глупости, но мне показалось, что он совсем не собирался тебя увидеть. По-моему, он просто хотел убедиться, что тебя здесь нет и что ты действительно уехал. У меня сложилось твердое впечатление, что он прекрасно знал, что я ему ничего не скажу, и поэтому совсем не удивился, когда я так и сделала.

— Вполне возможно.

— Но надо отдать ему должное, он был чрезвычайно вежлив. Он был так вежлив, как бывают вежливы только иностранцы.

— Да? — Брансон навострил уши.— Ты думаешь, это был иностранец?

— Собственно говоря, я уверена в этом. В нем был какой-то... ну, я не знаю, как это описать, излишнее манерничанье, что ли. Он говорил по-английски до-

вольно свободно, но в его речи слышался легкий гортанный акцент.

— Ты позвонила в институт, тем двоим из охраны, и сообщила им об этом?

— Нет, не звонила. А что, надо было это сделать? Мне не показалось, что произошло что-то серьезное, о чем стоило бы сообщать в государственную службу.

— Ладно, выбрось все это из головы, оно не столь уж важно.

Они поболтали еще немного. Брансон спросил, как ведут себя дети, немного пошутил, предупредил, что может задержаться с возвращением на несколько дней. Положив трубку, он поспешно покинул кабину, чувствуя, что разговор продолжался чересчур долго. Это было неосторожностью. Он быстро перешел на другую сторону улицы, мысленно пытаясь переварить полученные от Дороти сведения и понять, что же все это значит.

Если последний посетитель являлся тем, кого он подозревал, и если версия Дороти об иностранце была верной, тогда этот парень действительно не имел отношения ни к полиции, ни к каким-то другим федеральным службам. Он действительно следил за ним, но делал это отнюдь не по поручению официальных властей.

Итак, сначала кто-то позвонил, уверяя, что звонит из института, но не получил никакой внятной информации. Затем явился Ридон со своим коллегой. Характерно, что он не бросился за ним тогда на станции, а по каким-то причинам задержался. Возможно, он хотел доложить о результатах своей беседы начальству и обсудить план дальнейших действий. Или ему зачем-то требовалось поговорить с Дороти, прежде чем начинать преследование.

А потом появился этот иностранец. Логически и непротиворечиво объяснить всю эту неразбериху можно было только одним способом — предположить, что за Брансоном действительно следили две совершенно разные группы людей.

И ни одна из них не имела отношения к полиции.

В то же время лишь полиция могла иметь основание для повышенного интереса к его персоне. Чем больше

Брансон размышлял над ситуацией, тем более запутанной она ему представлялась.

Но во всей этой бессмыслице обязан быть некий смысл. Проблема должна иметь какое-то решение — только вот где его следует искать?

Следующую ночь Брансон провел в маленьком меблированном домике на окраине города. Это местечко было грязным и походило на крысиную нору, но хозяйка, некрасивая женщина с мрачным лицом, не задавала никаких лишних вопросов и не производила впечатление человека, способного без надобности поделиться новостями с кем угодно. Именно эта ее добродетель, как предположил Брансон, и привлекала сюда людей, не стремившихся афишировать свою личную жизнь. Он отыскал это место, поговорив на углу с мальчишкой — разносчиком газет.

К десяти часам Брансон опять был в центре города. Он нашел библиотеку, спросил там национальный справочник и уселся с ним в читальном зале. В справочнике оказалось множество населенных пунктов имеющих в своем названии корень «Лейк» — Лейктизес, Лейктезис, несколько Лейктаунов, Лейквиллов, Лейкхерстов и Лейквьюсов и ни больше, ни меньше целых четыре Лейксайда. Лишь последние заинтересовали его, и он углубился в подробности. В первом Лейксайде население составляло около четырехсот человек, а во втором было всего тридцать два жителя. Хотя Брансон ничего не смыслил в торговле промышленными товарами, он без труда сообразил, что ни в том, ни в другом месте нет смысла чем-то торговать. А вот последние два Лейксайда оказались более многообещающими — каждый из них имел население свыше двух тысяч человек. Но который из них стоит попробовать первым?

Немного подумав, он пришел к выводу, что, сидя здесь, вряд ли сможет определить, который именно город ему нужен — даже если прямо сейчас попытается позвонить туда. Ему придется ехать наугад, и если потребуется, то из одного Лейксайда направиться во второй. Из соображений экономии самым разумным

было бы сначала попробовать ближайший — ведь более дальний маршрут вполне мог оказаться пустой тратой времени и денег.

Придя к такому решению, Брансон отправился на центральный вокзал. Покупая в кассе билеты и двигаясь к вагону, он внимательно следил, не идет ли за ним кто-нибудь еще. Вокзалы и автостанции были узловыми точками для любых передвижений по стране, и поэтому в случае всеобщего розыска на них вполне могло быть установлено наблюдение. Как оазисы в пустыне, они могли стать наиболее вероятным местом встречи охотников и дичи. Поэтому Брансон был начеку до тех пор, пока не сел в поезд. Но повышенного интереса к его личности никто так и не проявил.

Путешествие заняло добрую часть всего дня, к тому же ему пришлось сделать две пересадки. Ранним вечером он сошел с поезда и оказался в маленьком городке, затерянном в лесистой местности. С южной стороны город охватывало длинное узкое озеро. Брансон зашел в ближайшее кафе, съел несколько сандвичей и выпил чашку кофе, а потом спросил у хозяина:

— Вы не подскажете, где здесь находится ближайший хозяйственный магазин?

— Пройдите квартал вверх по улице и увидите его,— ответил владелец кафе.

— У этого магазина недавно сменился хозяин, не так ли?

— Вот чего не знаю, того не знаю.

— Все равно большое спасибо,— поблагодарил Брансон и подумал, что в таком маленьком городке каждый должен знать почти все о каждом.

Покинув кафе, он понял, что не может определить, в какую сторону по улице будет «вверх» или «вниз». Ни там, ни там не было видно никакого уклона. Ну хорошо, двинемся наугад. Брансон повернул направо и прошел один квартал, еще раз повернул за угол и понял, что он выбрал правильное направление. Он оказался перед маленьким магазинчиком. Толкнув дверь, он вошел внутрь.

В магазине находилось всего четыре человека. Один покупатель брал моток проволоки для забора, а другой

внимательно изучал сорта машинного масла. Продавцом был долговязый молодой человек с прической, напоминающей воронье гнездо. Рядом со вторым покупателем стоял мужчина в очках с толстыми стеклами. Когда Брансон вошел в дверь, этот человек глянул на него и по его лицу проскользнула тень удивления. Но он тут же отвернулся к витрине и продолжил обсуждение сортов масла.

Брансон сел на деревянный ящик у входа и стал ждать, пока клиенты закончат свои дела и удалятся.

Когда все посторонние покинули магазин, он произнес:

— Привет, Хенни.

— Что вы желаете? — ответил Хендерсон, не выразив никакого восторга.

— Вот это я и называю сердечным приемом,— усмехнулся Брансон.— Разве ты не рад видеть своего старого коллегу?

— А я думал, что знаю тебя только в лицо и по имени. Что ты мой приятель — для меня новость!

— Знания имени человека вполне достаточно для начала долгой и крепкой дружбы, не так ли?

— Ты что, проделал весь этот путь только для того, чтобы поцеловать меня? — недовольно спросил Хендерсон.— Давай-ка отбросим всю эту чушь. Чего ты от меня хочешь?

— Поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Кто тебя сюда послал?

— Никто. Ни одна живая душа меня сюда не посылала. Я приехал исключительно по собственной инициативе.

— Я не верю тебе,— возразил Хендерсон, не скрывая своего раздражения.— Ты хочешь сказать, что увидел мой адрес в кофейной гуще?

— Нет.

— Тогда откуда ты его взял? Кто тебе его вручил?

— Я объясню тебе все и ручаюсь, ты останешься полностью удовлетворен. Но я бы хотел это сделать в более приятной и конфиденциальной обстановке.— Он поднял руку, предупреждая желание Хендерсона перебить его, и добавил:

— Это не слишком подходящее место для перепалки. Как насчет того, чтобы я зашел к тебе после того, как ты закроешь магазин?

Хендерсон нахмурился и с большим недовольством согласился:

— Хорошо. Появляйся здесь в восемь часов. Позвони в боковую дверь.

— Договорились!

Брансон вышел как раз в тот момент, когда в магазин вошел еще один покупатель. Уже находясь снаружи, он вспомнил, что Ридон упомянул о слежке, установленной за домом Хендерсона. Проклятие, они ведь наверняка смогут достаточно быстро определить личность человека, которого ищут. Брансон внимательно оглядел улицу, в надежде определить соглядатая, но тот либо был большим профессионалом, либо же сегодня взял себе выходной. Насколько можно было определить, никто на вел пристального наблюдения за этим местом.

Оставалась еще одна проблема — как убить время до встречи с Хендерсоном. Конечно, можно было просто болтаться взад и вперед по главной улице, но два часа такого променада непременно привлекут к нему внимание обитателей городка, а этого он хотел меньше всего. В конце концов, Брансон решил эту проблему, спустившись к озеру и начав прогуливаться по берегу с видом праздного туриста. Когда ему это наскучило, он вернулся в город. Был уже вечер, но ему требовалось убить еще, по крайней мере, полчаса. Тогда он решил еще раз подкрепиться в кафе, где уже один раз был.

— Кофе с молоком и сандвич с ветчиной, пожалуйста.

Через полминуты хозяин поставил заказ на стол:

— Шестьдесят центов.

Вернувшись на место, владелец кафе бросил счет на прилавок и принялся наводить порядок на задних полках.

Ровно в восемь часов Брансон уже звонил в боковую дверь магазина. Ему открыл Хендерсон и сразу провел его в гостиную, указав на мягкий стул. С непроница-

емым липом он устало сел напротив, закурил сигарету и заговорил первым:

— Я сразу хочу предупредить тебя, Брансон, что эту музыку слышал много раз. Ее исполняли, по крайней мере, дважды или трижды — и неизменно все сводилось к моей же собственной пользе,— он выпустил в воздух струйку дыма и задумчиво понаблюдал за тем, как сизые кольца растворяются в воздухе. Твоя работа на оборону страны приносит в год немалую сумму. Разве этот затхлый магазинчик способен принести столько же? Как можно сравнить провинциальную торговлю с исследованиями на переднем крае науки? В чем действительные причины того, что ты променял научную карьеру на заштатный магазинчик? — Он немного помолчал, потом спросил.— Именно это ты хотел мне сообщить?

— Нет,— ответил Брансон.— Мне все равно, содержи ты хоть бордель.

— Приятная перемена,— цинично усмехнулся Хендерсон.— Значит, они решили взять меня под другим углом атаки?

— Я приехал сюда совсем не для того, чтобы брать тебя куда-то.

— Тогда зачем?

— У меня достаточно своих неприятностей. И я думаю, что ты можешь мне здорово помочь.

— А причем тут я?..

— И у меня такое чувство,— невозмутимо продолжил Брансон,— что я тоже могу оказать тебе некоторую помощь.

— Мне не нужно никакой помощи,— заверил его Хендерсон.— Все, что я хочу,— это спокойной жизни.

— Того же самого хочу и я, вот только у меня это не получается.— Брансон щелкнул пальцами, чтобы подчеркнуть собственные слова.— Впрочем, тебе, судя по всему, это тоже удается плохо.

— А вот это решать не тебе.

— Я вовсе не собираюсь сейчас обсуждать твои гражданские права. Как и ты, я тоже больше всего хотел бы обрести покой. Вот только добиться этого оказалось крайне тяжело. Да и ты не выглядишь спокойным че-

ловеком. Мне кажется, что вместе мы сумеем сделать гораздо больше. Хочешь узнать, что произошло со мной?

— Можешь рассказывать мне все, что угодно,— но только не заводи, пожалуйста, эту старую песню — «вернись домой, я все прощу».

— Ты все еще подозреваешь меня в том, что я явился по поручению начальства,— грустно подытожил Брансон.— Я тебя понимаю. Но когда ты услышишь, что я тебе скажу, ты, возможно, изменишь свое мнение...

Историю своих злоключений он начал так:

— Хенни, мы с тобой являемся учеными, хотя и работаем в разных областях. И мы хорошо знаем, что главной чертой любого исследователя или просто хорошего инженера является прекрасно тренированная память. Без нее просто невозможно получить нужное образование, а также нельзя заниматься научной работой и систематизацией данных своих и чужих исследований. Для нас и подобных нам хорошая память — необходимое условие существования, ты с этим согласен?

— Это слишком очевидный факт, чтобы посвящать ему столь длинное предисловие,— заметил Хендерсон.— Надеюсь, далее ты перейдешь к чему-нибудь более интересному.

— Не сомневайся, потерпи немного. Я продолжаю свою мысль: моя память всегда была прекрасной — если бы это было не так, я просто не смог бы стать ведущим специалистом в своей области. Я привык использовать свою память полностью и полагаться на нее без сомнений. Думаю, что то же самое относится и к тебе.

— Безусловно,— согласился Хендерсон, изображая на лице скуку.

— А теперь я скажу тебе больше: я — убийца. Около двадцати лет назад я убил девушку и тщательно выбросил этот случай из своей памяти. Полностью выбросил его из головы, чтобы он меня больше никогда не тревожил. А совсем недавно я услышал, что об этом

преступлении узнали. Это значит, что полиция начала расследование по этому делу. И если они еще не знают обо мне, то вполне могут узнать очень скоро. Вот поэтому я и в бегах, Хенни. Я очень не хочу попасть на электрический стул или в лучшем случае получить пожизненное заключение.

Хендерсон с изумлением уставился на него:

— Ты хочешь мне сказать, что ты действительно настоящий убийца?

— По крайней мере, в этом меня уверяет моя роскошная память.— Брансон подождал, пока его собеседник переварит эти его слова, потом резко закончил.— Увы, моя память врет самым бессовестным образом.

Недокуренная сигарета выпала из руки Хендерсона. Тот наклонился, чтобы поднять ее с ковра, и совсем уже собрался сунуть ее в рот зажженным концом, обнаружив это лишь в самый последний момент. В конце концов Хендерсон перевернул сигарету и глубоко затянулся. Но дым попал не в то горло, и собеседник Брансона шумно закашлялся. Прошло несколько минут, прежде чем он смог начать говорить:

— Слушай, давай поставим все точки над «i». Ты виновен в этом убийстве или же нет?

— Моя память уверяет меня, что да. Она же описывает все это дело в мельчайших подробностях. Я как сейчас вижу перед собой рассерженное лицо этой девушки, когда мы орем друг на друга. Я прекрасно помню то оцепенение, которое накатило на меня после удара, нанесенного кирпичом по ее голове. Я запомнил, как менялся цвет ее лица, пока она лежала у моих ног и умирала. Я помню, насколько безразличным было ее мертвое лицо, пока я закидывал его землей. Все это со мной, в моей голове, и свежо, как только что отпечатанная фотография. И у меня родилась странная теория: все эти воспоминания настолько живы потому, что убийство действительно было совершено неделю или две назад.

— Но ты же сам сказал, что сделал это двадцать лет назад.

— Об этом говорит мне моя память. Но теперь я уверен, что моя память — искусный и умный лжец.

— Откуда ты это знаешь?

— Дело в том, что собранные мной факты противоречат тем, что хранятся в моей памяти. Точнее, они утверждают, что я никогда не совершал этого преступления.

— Что же это за факты,— спросил Хендерсон, безуспешно пытаясь скрыть проснувшийся в нем интерес.

— Я набрался смелости и сбежал из дому. Я был перепуган и, очевидно, рассчитывал лишь на то, что движущуюся цель труднее поразить. Я мог двигаться в любом направлении, но сделал именно то, что любят приписывать преступникам и что они делают в настоящей жизни чрезвычайно редко. Я отправился на место преступления.

— Ага.— Хендерсон в полном внимании подался к собеседнику и даже затушил сигарету.— И что же дальше?

— Я не нашел никаких доказательств убийства.

— Никаких?!

— Абсолютно никаких. Я помню, что убил эту девушку в окрестностях маленького городка под названием Бельстон. Слышал о таком?

— Нет.

Казалось, Брансона не вполне удовлетворил такой ответ, но он продолжал:

— Я поехал в Бельстон и разговаривал с жителями, которые провели там всю свою жизнь. И оказалось, что они ничего не слышали о недавно обнаруженных следах убийства. Я обошел все окрестности, стараясь найти то место, но не обнаружил ничего даже похожего на него. Я просмотрел подшивки местных газет за целый год, но и там не было никаких намеков на это преступление

— Может быть, ты просто попал не в тот Бельстон? — предположил Хендерсон.

— Мне тоже пришла в голову такая мысль, и я проверил по национальному справочнику — в стране существует только один Бельстон

— Ну, хорошо, может быть, ты перепутал названия? Что, если этот городок назывался не Бельстон, а как-то по-иному?

— Моя память говорит мне, что это был именно Бельстон.

Хендерсон на минуту задумался, потом криво усмехнулся:

— Послушав тебя, можно подумать, что твоя память просто издевается над тобой с удовольствием записного садиста.

— Чертовски верно,— согласился Брансон со странной интонацией.— А твоя?

Хендерсон резко вскочил на ноги:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты помнишь девушку по имени Элайн Лафарж?

— Могу поклясться на Библии, что никогда не слышал такого имени! — Хендерсон немного остыл, но не вернулся на место, а начал расхаживать взад-вперед по комнате, держа руки за спиной. Лицо его было сосредоточенно, а во всей позе чувствовалось напряжение.— Это та самая женщина, которую ты убил?

— Да.

— Тогда почему я должен знать про нее?

— Я очень надеялся, что ты убивал ее тоже,— спокойно произнес Брансон.— Согласись, это многое объяснило бы нам. Мы бы тогда смогли вместе разобраться, что с нами произошло и как лучше действовать дальше.— Он внимательно наблюдал за Хендерсоном, мечущимся взад и вперед по комнате, будто загнанный зверь.

Некоторое время стояла тяжелая гнетущая тишина, после чего Брансон спросил:

— Кого ты убил, Хенни?

— Ты с ума сошел! — Хендерсон резко остановился и обернулся к собеседнику.

— Вполне возможно. Но если это произошло, то далеко не со мной одним. Судя по информации, полученной из самых достоверных источников, за последние два года уже несколько человек покинули Центр при самых загадочных обстоятельствах. Другие секретные исследовательские учреждения теряют свой персонал таким же образом. И никто не может понять, что происходит. Я тоже до последнего времени не мог это понять. Но теперь все стало становиться на свои места. Я являюсь одним из таких беглецов и хорошо знаю,

что заставило меня пуститься в бега. Остальные беглецы тоже хорошо знают свои причины — но имеют основания их скрывать. Большинство из них даже не догадываются, что они не одиноки в своей беде.

— Я знаю об этом,— тихо произнес Хендерсон, ковыряя ковер носком ботинка.— Я еще находился на службе, когда случились первые исчезновения.

Не обращая внимания на его слова, Брансон продолжал:

— Я решил проверить все подробнее. Бог знает почему, может быть, просто у меня оказалась более упрямая и подозрительная натура. А может быть, у меня просто не было норы, где я мог бы отсидеться, свернувшись клубком. Как бы то ни было, я приехал в Бельстон и обнаружил, что преступление, в котором считал себя виновным, судя по всему, там не совершалось, а информация о находке его следов оказалась ложью.

— Для чего ты все это мне рассказываешь?

Брансон ответил, внимательно следя за выражением лица собеседника:

— Если все исчезнувшие бросились в бега по причинам, сходным с моей, то неплохо бы каждому из них проверить доказательства собственного преступления. Могу поклясться, что результаты окажутся весьма занимательными. Возможно, объединив усилия, мы поймем, что на самом деле произошло.

— Поэтому ты и приехал сюда? — спросил Хендерсон.

— Да.

— Ты сумел отыскать еще кого-нибудь?

— Нет. Остальные либо исчезли без следов, либо находятся слишком далеко. Я вышел на тебя только по счастливой случайности. Было бы обидно упускать счастливый случай, ведь такие выдаются крайне редко. Но он не даст нам ничего, если мы оба не будем друг с другом предельно откровенны.

— Этот шаг сделал ты, а не я.

— Да, я первый рассказал тебе о своих причинах. Я также могу дать тебе прекрасный совет: если на твоей совести что-нибудь висит, то лучше проверь это со всей возможной тщательностью. Я готов поставить

десять к одному, что ты не сумеешь доказать, что этот случай имел место в действительности, хотя твое сознание будет отчаянно убеждать тебя в обратном.

— Я не считаю описанную тобой проверку убедительной,— возразил Хендерсон.— Она убедительна только на твой взгляд. Ведь ты всего лишь ищешь доказательства того, что ты свихнулся, потому что свихнувшимся быть легче, чем убийцей. Но мне этого недостаточно.

— Не могу с тобой не согласиться,— спокойно заявил Брансон.— Именно поэтому завтра я собираюсь окончательно решить данный вопрос.

— И каким же образом?

— Я переложу решение на плечи полиции.

— Ты собрался идти сдаваться?

— Ни за что на свете! Я признаю свою вину не раньше, чем они мне ее докажут. Нет,— он улыбнулся и продолжил,— я собираюсь просто позвонить по междугородному телефону в полицейское управление Бельстона и поговорить с ними. Если они не проявят интереса к сообщению об убийстве или будут сильно озадачены, то все встанет на свои места, а я обрету надежное доказательство того, что просто свихнулся.

— А потом?

— Я постараюсь понять, что могло послужить причиной этого сумасшествия. Если удастся, я даже попытаюсь что-нибудь с этим сделать. У меня совершенно нет желания получить новый кошмар в будущем.

— Логично,— согласился Хендерсон. Он перестал теребить ногой ковер, опять сел на место, закурил новую сигарету и задумчиво посмотрел на своего собеседника.

— Ладно, давай ради эксперимента предположим, что ты невиновен, как новорожденный,— в конце концов произнес он.— Ты хочешь узнать, откуда у тебя появилась память о несовершенном убийстве. Но знаешь ли ты, где начать искать корни этого происшествия?

— Конечно, дома.

— Прямо у себя в доме?

— Нет. Я имею в виду наше место жительства. Дом, институт или что-нибудь посередине. В общем, где-то там. Единственная другая зацепка — это Бельстон. Но если тамошняя полиция ничего не знает...

— Отлично! У тебя есть даже предположение, где следует искать. А что именно искать?

— На данный момент я понятия об этом не имею,— признался Брансон.— Но если окажется, что полиция Бельстона не имеет ко мне никаких претензий, то я просто вернусь домой и попытаюсь докопаться до истины на месте. Я не профессиональный детектив, и мне придется многое делать по наитию, уповая лишь на Бога и на удачу.

Хендерсон переварил это и задумчиво сказал:

— Хотел бы я, чтобы здесь оказался Мэрсоу.

— Кто это такой?

— Один знакомый парень. Он работал в отделе бактериологического оружия. Я слышал кое-какие странные слухи, ходившие там. Говорят, что они изобрели какой-то вирус, который сводит людей с ума. Возможно, просто произошла утечка этой гадости? Да, Мэрсоу мог бы рассказать нам об этом немного подробнее.

— Нам? — переспросил Брансон, ухватившись за слова Хендерсона.

— Конечно, это исключительно твоя проблема, но ведь обсуждаем мы ее вместе, не так ли? — вывернулся тот.

— Соглачен. Только это пока нас никуда не привело. И знаешь почему?

— Почему же?

— Я неоднократно поддевал тебя, и тебе это не нравилось. Ты слишком уклончив в своих ответах. С самого начала ты практически ничего не сказал о себе.

— Ну, я имею полное право хранить...

— Ты что-то скрываешь и хочешь оставаться в безопасности до тех пор, пока это не раскроется. Ты явно заинтересовался моей историей, начал проявлять сочувствие и понимание, втайне надеясь, что все рассказанное мной — правда. Но ни на что большее ты не рискнул. Я тебя вполне понимаю — весь этот разговор может быть простой приманкой, на которую тебя хотят поймать. Но трусость — не украшение мужчины.

— А вот об этом...

— Слушай меня внимательно,— твердо приказал Брансон.— Давай предположим, что ты находишься в таком же положении, что и я. Но ты не рискнул за-

явиться на место преступления или просто не подумал о такой возможности. Ясно, что ты не хочешь создавать себе неприятности, сознавшись в преступлении и назвав имя жертвы. С твоей точки зрения, это бы явилось достаточным доказательством вины.

— Да, но...

— Однако предположим, что ты все-таки признаешься мне в убийстве, изнасиловании или ограблении банка. Предположим, я сразу же побегу доносить об этом в полицию. Знаешь, что они сделают? Они проведут меня в кабинет, будут улыбаться до ушей, слушая мой рассказ. Может быть, они даже усадят меня в кресло и предложат кофе. А потом они захотят узнать подробности твоего преступления. А я скажу, что не знаю этого. Тогда они просто выкинут меня из кресла, отберут кофе и пинком вышвырнут за дверь.

Если же они после этого все-таки явятся к тебе, что ты им скажешь? Ты будешь все отрицать и заявишь, что я просто сумасшедший. Думаю, что полиция на этом и успокоится, перестав копаться дальше. У них и так по горло работы, чтобы терять время на выслушивание психов.

Хендерсон потер подбородок и взъерошил ладонью волосы. Он выглядел совершенно озадаченным.

— И что ты хочешь, чтобы я ответил на этот бред?

— Мне не надо имен, дат и прочих подробностей. Я хочу получить четкий ответ на прямой вопрос. Точнее, даже на два вопроса. Во-первых, действительно ли ты уверен в том, что кого-то когда-то убил? И во-вторых, нашел ты какие-нибудь доказательства этого преступления и пытался ли их искать вообще?

После продолжительной паузы Хендерсон ответил:

— Да и нет.

8

Брансон поднялся со стула и сказал:

— Вот именно это я и хотел от тебя услышать. Очень трудно плыть одному в лодке по океану иллюзий. Намного спокойней знать, что ты в этой лодке не один. А что чувствуешь ты?

— То же самое.

— Жаль, что мы не можем добраться до других. Вдвоем мы бы смогли заставить их говорить. И тогда нам бы удалось хоть немного приблизиться к ответу на вопрос — что так подействовало на наши мозги?

Он начал оглядываться в поисках пальто и шляпы.

— Ты собираешься уходить? — спросил Хендерсон.

— Да, вечеринка окончилась. Надо же мне идти устраиваться на ночь.

— Куда ты поедешь в такой час?

С удивлением взглянув на часы, Брансон поднял брови и покачал головой:

— Да, ночлег сейчас будет найти достаточно нелегко. В крайнем случае я могу подремать и в зале ожидания на вокзале.

— Ты разве не на машине?

— Нет, я оставил ее жене.

— Не забывай, что здесь не центр цивилизации,— напомнил Хендерсон.— Это глухая лесная провинция, ближайший поезд отправляется отсюда в десять тридцать утра. Почему бы тебе не остаться здесь. У меня есть свободная кровать.

— Очень мило с твоей стороны. А ты уверен, что я тебе не окажусь в тягость?

— Вовсе нет! Я буду очень рад твоей компании. У нас ведь есть что-то общее, пусть даже это и умственное расстройство.

— Наконец-то ты начал говорить правду,— не удержался от язвительности Брансон, снова садясь на стул.— В таком случае, чем мы собираемся заниматься дальше?

— В плане вышесказанного мы должны что-то предпринять. Сейчас я уже сам удивляюсь, почему мне самому не пришла в голову мысль проверить подсказанные памятью факты, как это сделал ты. Но единственное, что мне хотелось тогда,— это как можно быстрее исчезнуть.

— Наверное, потому что тебе было куда прятаться, а мне — нет. Единственным местом, которое пришло

мне в голову, был Бельстон. Я отправился туда просто потому, что не смог придумать ничего другого,— он немного подумал и добавил: — А может быть, я просто был напуган до полного безумия и не мог придумать ничего лучшего.

— Сомневаюсь. Я думаю, что у тебя в голове все-таки оставалась маленькая частичка недоверия, она-то и заставила тебя поехать туда. И вообще, люди далеко не одинаковы. Они могут действовать похожим образом, но никогда не идентично.

— Наверное, ты прав.

— Но вернемся к нашей проблеме,— продолжил Хендерсон.— Мне надо будет тоже проверить все факты и детали. Я был последним дураком, что не сделал этого раньше. Значит,ы старик Эдди должен помочь вырваться мне отсюда — если, конечно, захочет это сделать.

— А кто это такой?

— Старик, который раньше владел этим магазином. Он истратил значительную часть выручки последних месяцев на отпуск, которого не видел уже в течение нескольких лет, и вернулся из него совсем недавно, проведя время настолько хорошо, насколько это возможно в семьдесят два года. С этих пор он болтается вокруг, как потерянный ребенок, и никак не может войти в колею. Он не раз намекал мне, что может помочь, если очень нужна его помощь. Думаю, сейчас я бы смог воспользоваться его любезным предложением. Увы, теперь я слишком завишу от выручки с этого магазина и не могу просто так закрыть его на неделю, дабы отправляться в путешествие по собственному прошлому. Если старик согласится взять на себя работу, я смогу выкроить время и съездить в...

На этом месте Хендерсон споткнулся, но Брансон махнул рукой:

— Можешь не произносить это название. Мне оно совершенно ни к чему.

— Ну, в конце концов, ты же сказал мне о Бельстоне.

— Да, но я чувствовал себя намного спокойнее, сделав этот шаг вперед. Я ведь кое-что уже проверил, а ты еще нет. В этом вся разница. Пока ты сам не убедишься в том, что твоя память тебе врет, ты будешь чувство-

вать себя спокойней, зная, что я не могу тебя выдать. И ты не станешь волноваться после моего отъезда, не сказал ли ты слишком много. У тебя и так достаточно поводов для беспокойства, как и у меня.

— Да, но ты со своими справляешься не в пример лучше.

— Впрочем, есть одна вещь, которую я и в самом деле хотел бы узнать — если ты, конечно, не возражаешь.

— Что за вещь?

— Допустим, ты проверишь все и убедишься, что преступление является лишь плодом твоей фантазии. И что ты сделаешь тогда? Ты успокоишь свою совесть и будешь продолжать заниматься торговлей? Или вернешься в институт?

— В институт мне уже не вернуться. Они меня давно списали. Во всяком случае, никому не нужны сотрудники, которые без предупреждения сбегают с работы и возвращаются по своему усмотрению.

— Но ведь они пытались уговорить тебя вернуться обратно.

— Вовсе нет. Пара любопытных ищеек заглянула туда, где я торговал раньше, пытаясь выудить у меня причины моего ухода. И это все, что их интересовало.— Хендерсон глубоко вздохнул.— Я их просто выгнал, и ничего им от меня добиться не удалось. Вскоре после этого я переехал сюда, и с тех пор меня никто не беспокоил. Я решил, что, если они меня выследят и явятся сюда, следующим шагом станет переезд за границу.

— Кстати, большинство сбежавших так и поступили.

— Я в курсе.

— Хотелось бы найти хоть кого-то из них и расспросить подробнее,— вторично проговорил Брансон. Он боролся с желанием сказать Хендерсону, что сам находится «под колпаком», но в конце концов решил не вызывать у собрата по несчастью лишнего беспокойства.— Но куда бы ты ни поехал, я думаю, мы должны поддерживать контакт друг с другом.

— Согласен.

— Как насчет того, чтобы мне время от времени звонить сюда. Если ты переедешь, думаю, для тебя не

составит труда оставить здесь свои новые координаты. Мне очень хочется узнать результаты твоей проверки, и, думаю, ты бы не отказался услышать о том, что выловлю я. Кто-нибудь из нас вполне может наткнуться на то, что окажет помощь обоим. И в любом случае, нам стоит сохранять друг с другом контакт.

— Да, ты прав. Звони мне в любое время, а я, как только узнаю что-нибудь новенькое, позвоню тебе домой.— Хендерсон взглянул на часы.— Не пора ли нам на покой.

Барнсон встал, подавив зевок.

— И то верно. Завтра у меня тяжелый день — надо звонить в полицию и выслушивать, что они по поводу меня скажут.

Утром Хендерсон хотел было проводить Брансона до вокзала, но последний наотрез отказался:

— Давай не будем привлекать к себе лишнее внимание. Наверное, и мне лучше выйти из магазина через общий вход, как простому покупателю.

Они крепко пожали друг другу руки и разошлись. Выходя из магазина, Брансон вновь осмотрел улицу, пытаясь обнаружить агента контрразведки. Но единственным аборигеном, которого можно было заподозрить в причастности к спецслужбам, был неряшливо одетый тип, бесцельно болтающийся на противоположном углу перекрестка. Пройдя дальше по улице, Брансон незаметно оглянулся — этот человек продолжал отираться на прежнем месте, не сделав никакой попытки проследовать за ним. Либо агент, наблюдающий за домом Хендерсона, был не слишком искусен, либо слежка велась эпизодически.

В поезде к нему тоже не присоединилось никого подозрительного. Путешествие протекало с двумя пересадками в тех же местах, что и в первый раз. На одной из станций пришлось ждать около часа, и Брансон использовал это время для того, чтобы найти телефон и позвонить в полицейский участок Хенбери. Когда ему ответили, он попросил к телефону начальника участка. Голос сразу же стал заинтересованным и на-

чал официально допытываться, зачем ему нужен начальник, но Брансон держался твердо и пригрозил повесить трубку, если его желание не удовлетворят. В конце концов, его соединили с начальником.

— Начальник Паскоу,— наконец-то ответил ему низкий, хриплый голос.— С кем я разговариваю?

— Меня зовут Роберт Лафарж,— бойко ответил Брансон.— Около двадцати лет назад моя сестра Элайн поехала в город Бельстон и оттуда не вернулась. Мы решили, что она просто сбежала с каким-то мужчиной или учудила что-нибудь подобное. Знаете, она была так импульсивна...

— Ну, и что вы хотите от меня?

«Не знает, не знает!» — буквально завопил голос в мозгу у Брансона.

— Не так давно один парень из ваших мест рассказывал мне, что где-то неподалеку от города был найден скелет девушки, убитой лет двадцать назад и зарытой под корнями дерева. Вроде как обнаружилось старое преступление. И я начал беспокоиться, может быть, это и была моя сестра. Я решил поинтересоваться, не установили ли вы личность убитой.

— Кто вам все это рассказал? Ваш приятель?

— Нет, просто случайный знакомый.

— Вы уверены, что он говорил именно про Хенбери?

— Нет, он сказал об окрестностях Бельстона. Но ведь это ваш округ, разве не так?

— Да, наш, и если бы там случилось что-нибудь подобное, мы бы наверняка знали об этом. Но вынужден вас огорчить, мы ничего об этом случае не слышали.

— Вы хотите сказать...

— Мы не находили никаких скелетов, мистер Лафарж. У вас есть основания подозревать, что ваша сестра встретилась с каким-нибудь преступником?

— Боюсь, что нет. Просто мы много лет ничего о ней не слышали, а эта история навела нас на мысль об ее смерти.

— Человек, рассказавший вам о находке, знал историю с вашей сестрой?

— Нет.

— И вы ему ничего про нее не говорили?

— Определенно нет.

— Ну, значит, он просто демонстрировал вам богатство своего воображения.

— Возможно, и так,— согласился Брансон, чувствуя, что от него хотят отделаться как можно скорее и никто не думает тянуть разговор, дабы выяснить, откуда идет звонок.— Но я не вижу в этом никакого смысла. Зачем человеку рассказывать сказки...

— Он приобретал дармового слушателя,— ехидно возразил шеф полиции.— Трепачу всегда нужен слушатель, как наркоману требуется шприц. Даже мы время от времени вынуждены принимать таких субъектов, и они признаются нам в преступлениях, которые никогда и никто не совершал. На мой взгляд, было бы неплохо принять какой-нибудь закон, наказывающий за подобные вещи. Мы теряем очень много времени, распутывая такие выдумки.

— Значит, вы считаете, что мне нет смысла приезжать к вам и смотреть на это своими глазами? — уточнил Брансон.

— Вам совершенно не на что здесь смотреть, мистер Лафарж.

— Спасибо,— ответил Брансон, чувствуя глубокое облегчение.— Извините, пожалуйста, за беспокойство.

— Ничего, вы поступили совершенно правильно. Нам всегда очень помогает население. Но в вашем случае мы не в состоянии ничего сделать для вас

Брансон еще раз поблагодарил полицейского начальника и повесил трубку. Выйдя из кабинки, он сел на большую скамью под деревьями и начал обдумывать ситуацию. Итак, его обманули. Насколько можно было судить о собеседнике по голосу и манере разговора, шеф полиции Хенбери держался совершенно искренне и бесхитростно. Он даже не пытался затянуть телефонный разговор, пока его полицейские определят местонахождение звонящего. А ведь если бы у них имелось нераскрытое преступление, хотя бы слегка похожее на описанное мнимым Лафаржем, они бы не преминули воспользоваться любой зацепкой.

Дело начинало проясняться. В Бельстоне не было обнаружено никакого трупа. Этот труп существовал толь-

ко в памяти Брансона — и в разговоре шоферов из станционного буфета.

Вполне возможно, оба шофера говорили о каком-то другом похожем преступлении, а Брансон по каким-то причинам принял это на свой счет. Но в таком выводе имелось несколько серьезных дыр. Ведь история Хендерсона, судя по всему, в точности напоминала его собственную. А откуда взялся тот тип, похожий на иностранца, о котором говорила Дороти. И наконец, Ридон...

Между прочим, объяснения Ридона не вполне вписывались в эту картину. Согласно его утверждениям, военно-научные учреждения страны за последнее время потеряли много ценных специалистов. В то же время Ридон следил лишь за двумя такими учеными, одним из которых был сам Брансон. Как все это можно связать с болтливыми шоферами?

Что там говорил Ридон? Если так будет продолжаться, то наши потери скоро составят целую армию. Это необходимо остановить. Но *что* остановить? Ответ: то, что заставляет человека внезапно начать поиски места, где он мог бы укрыться от общества и государства. Не следует забывать, что все беглецы являлись учеными и исследователями, крупными специалистами в своих областях. То есть это были спокойные образованные и культурные люди, менее всего похожие на тех, кто имеет склонность внезапно «сходить с катушек». Что же способно вывести их из равновесия?

Он мог придумать только одну вещь — страх смерти. Любой смерти, и в особенности казни за преступление.

Когда подошел поезд, Брансон выбрал себе уединенное кресло в дальнем конце вагона, где он мог бы спокойно решать свои проблемы. Впрочем, сейчас он едва ли чувствовал присутствие других пассажиров и уж тем более не интересовался, обращают ли на него внимание они.

Теперь он мог обдумать все более системно и продуктивно, так как наконец-то обрел долгожданное спокойствие. У него было такое чувство, будто чья-то рука забралась к нему в голову и вынула оттуда шар, катавшийся там в беспорядке туда-сюда и сбивавший мысли, словно картонные фигурки. Там, внутри, еще оставались кое-какие неприятные воспоминания, но

теперь они уже на внушали леденящий душу страх и не звонили в тревожные колокола. Начальник полиции Паскоу вынул все эти устройства и выбросил их на свалку. Впервые за много дней Брансон мог спокойно сидеть и думать о своих делах.

Во-первых: если даже он и убил Элайн, она все еще лежит там, под корнями дерева, и при благоприятных обстоятельствах пролежит до скончания веков. С его точки зрения, это первый по важности факт. Полиция не ищет его, не подозревает и даже не интересуется этим эпизодом из прошлого. Камера смертников ему, Брансону, не грозит.

Во-вторых: за ним наблюдают как минимум две группы людей, не имеющих отношения к полиции, и цель этого наблюдения не вполне ясна. В то же время это вовсе не является уголовным преследованием. Очевидно, эти люди подозревают, что Брансон либо что-то знает, либо может что-то сделать.

Но ничего необычного он еще не сделал — в этом Брансон был совершенно уверен. Несомненно, призрак Элайн завладел самыми дальними и темными уголками его мозга, но в остальном сознание его оставалось абсолютно ясным.

Значит, речь шла о преступлении, которое он с большой вероятностью мог совершить в будущем. Но по сути дела Брансон мог сделать только две вещи, способные взволновать власти: он мог перейти на сторону врага или просто дезертировать из рядов своей армии. Это и беспокоило Ридона, о чем он откровенно признался Брансону. То есть обе враждующие стороны, и своя, и вражеская, рассматривали его как слабое звено.

Брансона передернуло от этой мысли. Значит, мнение о нем все же было достаточно низким, если в нем могли видеть лишь слабость. Никто не обратил внимание на таких крутых мужиков, как Поттер, Кейн или Маркхэм. Нет, они все видели, что Брансону нужен только легкий толчок.

Он подумал, что здесь опять заговорили эмоции. Обида или сознание собственной неполноценности — очень опасный советчик. Нет, надо смотреть на вещи объективно.

Почему враги выбрали меня как подходящую цель и не обратили внимания на других? Ответ: потому, что в данных обстоятельствах я был более всего доступен, я подходил в качестве жертвы лучше всего. Это была чистая случайность. Почему Джо Соан был сбит машиной, когда никто из его друзей или соседей не пострадал от такого несчастья? Ответ: потому что Джо и машина в результате случайного совпадения встретились во времени и в пространстве.

Сбит?

Сбит?!

Неожиданно его глаза уставились в одну точку, а ладони покрылись липким холодным потом. Тот проклятый день начался с падения на лестнице. Брансон мысленно прокрутил события с самого начала. Он прошел уже десять или двадцать ступенек, и ему оставалось еще около двадцати. И тут перед глазами будто блеснула вспышка, он почувствовал, что падает, а затем двое мужчин, случайно оказавшихся рядом, подхватили его под руки и тем самым уберегли от более серьезных травм. Он прекрасно помнил их вытянутые руки, их взволнованные глаза...

Их руки подхватили его за мгновение до падения. Теперь, когда он подумал об этом, ему показалось, что они были чересчур уж проворны и умелы, как будто заранее знали, что должно произойти, и хорошо подготовились к своей роли. Они действовали так, будто предвидели все от начала до конца.

Возможно, они действительно спасли его от серьезных повреждений, но все-таки Брансон ударился намного сильнее, чем рассказал Дороти. Он потерял сознание и очнулся, уже сидя на ступеньках, а с двух сторон от него находились озабоченные спасители. Синяк и ссадина на локте были следствием удара о перила, это он хорошо помнит, а вот когда он получил шишку на затылке?

Боже, а если его ударили сзади?!

В тот момент случай на лестнице потряс его до глубины души — так, что все свободное от работы время было безнадежно испорчено. Вспоминая это теперь, он совершенно не мог восстановить в памяти свои дей-

ствия до прихода на работу. Брансон хорошо помнил, что его очень сильно беспокоило то состояние, из-за которого он упал, и он даже подумывал обратиться по этому поводу к доктору. У него было опасение, что виной всему стал сердечный приступ, но он очень боялся услышать подтверждение своей догадке и поэтому в конце концов решил не связываться с врачами.

Да, его состояние в тот день было таким, что несколько раз он полностью утрачивал ощущение времени. В результате он потерял очень много времени — непонятно, как и где, а когда он взглянул на часы и понял, что уже поздно, ему пришлось даже взять такси, чтобы успеть на работу.

Вот так и началась та пятница, тринадцатое число.

Это был несчастливый день. Падение на лестнице, удар по черепу, неизвестно куда исчезнувшее время. Двое шоферов-дальнобойщиков, рассказывающих страшные небылицы в станционном кафе, здоровенный детина, преследовавший его вечером. Вспышка страха и Рирдон, идущий по следу. Военная кампания, полк, армия...

Брансон замер на месте, прикусив губу, его кулаки сжались сами собой. Для того чтобы сделать атомную бомбу, требуется много тщательной и кропотливой работы. Но для того чтобы она сработала, необходим лишь небольшой детонатор.

«Она ничего не стоит, пока ты не дернешь за веревку».

Предположим, просто предположим, что кто-то придумал подобный же метод работы с человеческим мозгом. В память человека вносится определенная информация, способная составить что-то вроде «критической массы». Она спокойно лежит и ждет своего часа — недели, месяцы, может быть, годы. До того момента, пока не придет кто-нибудь и не дернет за веревочку. Всего несколько слов, сказанных шофером-болтуном, послужили тем самым детонатором.

И тогда с его психикой произошел взрыв.

Брансон соскочил с поезда на своей станции, почти бегом прошел по платформе, расталкивая прохожих и поминутно извиняясь. Несколько человек даже повер-

нулись ему вслед. Он понимал, что чересчур привлекает к себе внимание, что совершенно забыл о конспирации, но он был слишком погружен в свои мысли и слишком торопился, чтобы помнить еще и об этом.

Ответить на его гипотезу могут лишь те, что должны были стать полком и дивизией — но не стали, выбитые из рядов армии вражеским огнем. Некоторое из них могут даже вспомнить, с чего начались их кошмары, послужившие толчком к бегству. Возможно, кое-кто даже окажется более откровенным, чем Хендерсон, который ведь так ничего конкретного не сказал. Более того, возможно, что чей-то мозг удастся даже подвергнуть тестированию.

Но попробуем навести порядок хотя бы в собственной голове. Я не полицейский, не тайный агент и не представитель власти. Я — Ричард Брансон, ученый, такой же, как и ты. Я тоже нахожусь в бегах, потому что мой мозг существует в придуманном кем-то фантастическом мире. Меня не ловят за убийство, хотя я уверен, что его совершил. Мне чудится, что двадцать лет назад я убил девушку по имени Элайн Лафарж. А в каком преступлении обвиняет тебя твоя память?

Если хотя бы один из них, только один, скажет:

— Боже мой! Брансон, в этом действительно есть что-то странное! Это ведь я убил ее в местечке по имени Бельстон. Какого же черта ты...

— Скажи мне, почему ты это сделал?

— Она сама довела меня до такого состояния. Я вовсе не собирался бить ее кирпичом по голове, но в тот момент был совершенно не в себе...

— А почему ты забыл об этом?

— Ну... э... это было так давно, и я так старался выбросить эту историю из памяти.

— То же самое произошло и со мной. А может быть, нам стоит вместе объехать других беглецов и выяснить, сколько еще человек убили бедную Элайн Лафарж. Это будет весьма занимательное путешествие, мы узнаем много нового и интересного, а потом сможем составить в тюрьме целую камеру смертников. В такой компании не страшно будет ждать электрического стула, ведь правда?

Что ж, может быть, и так. Но вполне допустимо, что наши враги умнее и искуснее и вполне способны снабдить каждого своим собственным индивидуальным фантомом. К примеру, Хендерсон озабочен совсем другим преступлением: он даже глазом не моргнул, услышав об Элайн и про Бельстон.

Теперь Брансон был уже полностью уверен в том, что злосчастная Элайн была всего лишь иллюзией. Да, принять эту мысль оказалось довольно трудно, ведь против нее восставала память. А спорить со своей памятью так же нелегко, как отвергать свое отражение в зеркале.

Несмотря на отсутствие подтверждений и массу опровержений, его память цепко держалась за самый страшный момент в его жизни. И даже зная, что это был всего лишь дурной сон, он очень хорошо мог вспомнить черты лица умирающей Элайн, ее темные волосы, перехваченные голубой лентой, ее черные наполненные болью глаза и изломанные алые губы, тонкие ноздри и струйку крови, стекающую по лбу. На ней было жемчужное ожерелье, черные туфли, золотистый браслет на руке. Эта картина жила в памяти со всеми мельчайшими подробностями и оттенками, она была такой полной, какой может быть только в жизни.

Могла ли она быть реальной?

Или это был тот самый кусок информации, который и представлял собой критическую массу?

В конце концов, есть организация, способная с легкостью выяснить вопрос: существовала ли в природе Элайн Лафарж или же ее просто никогда не было? Но получить такую информацию без содействия Ридона будет нелегко, а ему пока не хотелось обращаться туда за помощью — особенно в свете последних событий. Кроме того, это может полностью связать его как раз в тот момент, когда он уже превратился из дичи в охотника. Нет, он обратится к Ридону и силам, стоящим за его спиной, только в крайнем случае, как к последней инстанции.

Конечно, его коллеги-беглецы могут оказаться еще менее разговорчивыми, чем даже Хендерсон. Но на данный момент ему требуется самому попробовать во

всем разобраться. Может быть, следует даже самостоятельно отыскать некоторые источники информации.

Пять человек могут разрешить загадку Элайн Лафарж.

Пять человек должны знать о ней, и их нужно заставить говорить.

Среди этих пяти были двое мужчин, которые подхватили его тогда на лестнице, два разговорчивых шофера и его преследователь, здоровенный иностранец, который и заставил его пуститься в бега. Если Брансон прав в своих догадках, то должен быть еще и шестой — невидимый руководитель, которого он не включил в список только потому, что пока не смог его идентифицировать. Любой из этих пяти мог дать ниточку, которая приведет к другим людям, а может быть, и целой организации, скрывающейся за их спинами.

Продолжая думать об этом, он забавлялся внезапно проснувшейся в нем жаждой мести. Будучи кабинетным мыслителем-аналитиком, Брансон всегда рассматривал желание заехать кому-нибудь кулаком в зубы как примитивный животный инстинкт. Но теперь этот инстинкт уже не казался ему таким первобытным.

Да, если отныне ему выпадет такой шанс, то он соберет всю свою злость в кулак и этим кулаком напрочь вышибет чьи-то зубы.

Иными словами, Брансон пребывал в ярости и чрезвычайно наслаждался этим новым для себя состоянием.

9

Темное покрывало ночи легло на небо, уличные фонари замерцали своим теплым светом, а витрины магазинов ярко осветились неоном. Это был его город, но он не шел домой: слишком велика была вероятность встретить где-то там нежелательных соглядатаев, ждущих, когда заблудшая овца вернется в свой хлев. Ну и пусть ждут, могут даже пустить корни — а у него еще есть много других дел. Ему требовалось некоторое время, чтобы побродить вокруг, присмотреться — а потом нанести свой сокрушающий удар.

Брансон двигался до городу быстро, но осторожно. В этом городе жили сотни людей, знавших его в лицо,— служащие института, просто знакомые или постоянные дорожные попутчики. Ему совершенно не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел и узнал его раньше времени. Еще меньше ему хотелось, чтобы кто-нибудь с ним заговорил. Чем меньше людей будут знать о его возвращении, тем лучше. Избегая хорошо освещенных улиц и улиц с крупными магазинами, он зашел только в маленький магазинчик, чтобы купить себе расческу, зубную пасту и бритву. Путешествие закончилось в мотеле на дальней окраине города, противоположной от его дома.

Там он помылся и поужинал. Какое-то время его снедал соблазн позвонить Дороти и договориться с ней о встрече где-нибудь в кафе на краю города или в ином укромном месте. Но детям скоро надо будет ложиться спать, и жене придется найти кого-нибудь из соседей, чтобы он посидел с малышами. Нет, звонить лучше утром, когда дети будут в школе. А пока лучше связаться с Хендерсоном — если тот, конечно, все еще находится в Лейксайде.

Он спустился вниз, к телефону, набрал номер и услышал голос Хендерсона.

— Ты все еще на месте? — спросил Брансон.— А я думал, ты уже уехал.

— Поеду завтра,— сообщил Хендерсон.— Старик Эдди согласился приглядеть за магазином, он просто в восторге от этого. Ну, а ты связался сам знаешь с кем?

— Да. Они абсолютно не в курсе.

— Что ты имеешь в виду?

— Совершенно ясно, что они об этом случае ничего не знают.

Но Хендерсон был завзятым скептиком:

— Если даже они что-то знают, они просто могли не сообщить об этом первому попавшемуся незнакомцу, да еще и по телефону. Скорее, они просто постарались бы тебя прихватить. Ты дал им достаточно времени на это?

— Нет.

— Тогда ничего нельзя гарантировать.

— Мне не надо было давать им время. Они вовсе не собирались меня прихватывать.

— Почему ты в этом так уверен?

— Потому что они даже не сделали попытки затянуть разговор и выяснить мое местонахождение,— объяснил Брансон.— Более того, я предложил самому приехать к ним, а они стали меня от этого отговаривать. Они сказали, что это будет пустой тратой времени. Словом, не проявили никакого интереса к моей персоне. Я говорю тебе, Хенни, все это дело — чистая иллюзия, и я собираюсь действовать дальше, целиком исходя из этого предположения.

— Действовать, исходя из этого предположения? Что ты имеешь в виду? Ты собираешься вернуться в институт?

— Нет. Пока нет.

— Тогда что?

— Поболтаюсь вокруг и суну свой нос в разные дыры. Авось обнаружу что-нибудь стоящее. По крайней мере, попробую это сделать. Без труда не вынешь и рыбку из пруда.

— У тебя есть ниточка, за которую стоит потянуть?

— Может быть, я еще не вполне в этом уверен.— Брансон нахмурился и продолжил.— Если твоя проверка докажет, что я прав и твои опасения беспочвенны, я советую тебе подумать об обстоятельствах, при которых все это началось. Особое внимание рекомендую обратить на все необычные события и обстоятельства тех дней. Тебе нужно вспомнить людей, при которых это происходило. Их-то ты должен подозревать в первую очередь. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Слушай, Брансон, по-моему, ты вполне можешь попытать свои силы на поприще частного детектива. Но я свои способности сыщика в этом деле испытывать не собираюсь. Я не приспособлен к этой работе ни по образованию, ни по наклонностям.

— Равно как и я, но кому-то же надо этим заняться? Кроме того, ты никогда не узнаешь, на что способен, пока не попробуешь это сделать.

— Ну, действуй по-своему.

— Я так и делаю. Я уже устал делать что-то по чужому желанию.— Брансон вновь почувствовал, что у него сжимаются кулаки.— Хенни, если ты выяснишь,

что ты чист, ради всего святого не успокаивайся на этом. Не впадай в спячку, как ленивая собака, вновь отыскавшая свой дом. Возвращайся и присоединяйся ко мне. Возможно, что с нами сотворили это одни и те же люди. Ты можешь опознать одних, а я — других. Мы должны помочь друг другу в поисках их.

— Ну, я еще ни в чем окончательно себя не убедил,— возразил Хендерсон, инстинктивно продолжая сопротивляться песне «вернись, я все прощу».— Ты-то во все поверил и жаждешь крови. А я еще только собираюсь проверить и получить надежду на избавление от болезни. Словом, в данный момент у нас разные позиции. Возможно, что через несколько дней я тоже буду ощущать себя так же, как ты. Вот тогда-то я и решу, что мне делать дальше.

— Хенни, извини меня за чрезмерную патетичность, но подумай: достоин ли ты звания мужчины, если все еще не хочешь посадить этих мерзавцев на электрический стул? — взорвался Брансон.

— Как только у меня появится такое желание, я тебе сообщу,— пообещал Хендерсон.— Ладно, желаю удачи!

Закончив разговор, Брансон взял у дежурного телефонный справочник, сел на диванчик в углу и начал изучать его — страницу за страницей, строчку за строчкой. Время от времени он делал выписки на листке бумаги.

В итоге у него на руках оказался короткий список адресов и телефонов нескольких адвокатских контор и известных психиатров, агентств по прокату машин и детективных агентств, одной частной транспортной компании, а также дюжины дешевых забегаловок, в которые он раньше и не подумал бы зайти. Большинство этих данных ему могут и не понадобиться, но иметь их под рукой было бы очень удобно.

Уложив список в свой бумажник, Брансон поднялся в номер и начал приготовления ко сну. В эту ночь сон у него был глубокий и спокойный.

В половине десятого утра, когда Дороти уже должна была проводить детей в школу и вернуться, он позвонил домой. Он был очень осторожен, организуя встречу с же-

ной: мало ли кто прослушивает их телефон. Требовалось назначить встречу так, чтобы это поняла только она.

— Слушай, дорогая, это срочно, и я не могу попусту терять слова. Можешь ли ты встретиться со мной за ленчем около половины первого?

— Конечно, Рич, я вполне...

— Ты помнишь то место, где ты потеряла свою серебряную пудреницу, а потом ее нашла? Я буду ждать тебя там.

— Дорогой, но почему...

Он повесил трубку, не дав ей договорить. Без сомнения, это ее очень обидело, но другого выхода просто не было. Ридон и те, кто стоит за ним, имеют полную возможность подслушивать телефонные разговоры и, несомненно, занимаются этим, если считают полезным. Краткость и неопределенность были единственным спасением от чужих ушей.

В десять он уже околачивался около ворот транспортной компании. Это был промышленный район, вытянувшийся вдоль широкой дороги, по обеим сторонам которой тянулись фабрики, заводы и склады. Движение здесь было не таким интенсивным, как в центре города, на дороге мелькали только грузовики. Прохожих тоже было очень мало. Ему пришлось гулять вдоль ворот около полутора часов, и за это время только один грузовик въехал в ворота и ни одного не выехало. Брансон внимательно рассмотрел шофера и его напарника — оба они были ему совершенно незнакомы.

Сразу же за воротами находились весы для автомашин, а рядом с ними стояла будка, в которой сидел скучающий мужчина. Он что-то записывал, когда мимо проезжала машина, а затем продолжал с тоской глазеть на мир. Заметив маячащего перед воротами Брансона, этот человек начал с любопытством за ним наблюдать. В конце концов он вылез из своей будки, подошел к воротам и сказал:

— Вы ждете кого-нибудь, мистер?

— Высматриваю пару знакомых парней,— лаконично ответил Брансон.

— Они долго не появляются, не так ли? Скажите, как их зовут, и я им передам, что вы здесь их ждете.

— К сожалению, я знаю их только в лицо.

— Это хуже,— заметил мужчина. Внезапно в его будке зазвонил телефон.

— Подождите немного,— сказал мужчина и вернулся к своему рабочему месту. Он снял трубку, посмотрел что-то в своей тетрадке, ответил и опять подошел к воротам.

— Я могу описать этих людей,— предложил Брансон без всякой надежды.

— Нет, это не поможет. Я вряд ли узнаю по устному описанию даже свою тетю Марту.

— Но, может быть, все-таки попытаться?

— Нет, не получится.— Человек в раздумье почесал свою лохматую голову, а затем показал рукой через двор.— Вот что я вам скажу: идите-ка вы в контору и спросите там Ричардса. Он знает всех служащих так же хорошо, как свое лицо. Это его работа, он их нанимает и увольняет.

— Огромное спасибо!

Брансон пересек широкий двор, вошел в контору и обратился к девушке, сидящей за барьерчиком:

— Могу я переговорить с мистером Ричардсом?

Она холодно, оценивающе оглядела посетителя.

— Вам нужна работа?

— Нет,— Брансон был несколько шокирован.— Мне требуется кое-какая информация.

Ричардс вышел через несколько минут. Это был мужчина с тонкими чертами лица и взглядом, лишенным юношеских иллюзий. Вежливость в общении давалась ему с видимым усилием.

— Чем могу вам помочь?

— Я пытаюсь найти пару водителей.

— Зачем?

— Э...

— Зачем они вам понадобились? Они что-нибудь натворили? И вообще, кто вы такой? Вы из полиции или расследуете страховое дело?

— Мне кажется, вы зря сразу же ожидаете худшего,— попытался улыбнуться Брансон.— Судя по всему, с этими ребятами много возни...

— Это уж мое дело. А вот в чем ваше дело?

Судя по всему, этот человек привык властвовать и подействовать на него могла такая же власть. Поэтому Брансон вывернулся, умудрившись даже остаться на грани правды:

— Я служащий министерства обороны,— он протянул Ричардсу свой пропуск в Центр, который тот изучил с большим вниманием и уважением,— благо на нем был изображен орел, но не указана должность.

— У меня есть основания считать, что двое ваших шоферов располагают информацией, которая может заинтересовать наш отдел. Если я найду их, я бы хотел задать им несколько вопросов.

Удовлетворенный таким оборотом дела, Ричардс стал куда более доброжелательным:

— Как их имена?

— Я не знаю. Я могу дать их словесный портрет. Ваш служащий у ворот сказал, что вы сможете их узнать даже по словесному описанию.

— Хорошо, я попробую. Как же они выглядят?

Брансон постарался дать максимально подробное описание двух мужчин, которые ужинали тем вечером в станционном буфете. Ему показалось, что эти описания весьма удались, поскольку портреты были с мельчавшими деталями.

Когда он закончил, Ричардс пожал плечами:

— У нас работает сорок восемь шоферов, разъезжающих по всей стране. Под ваше описание подходят порядка двадцати из них. Некоторые из них вернутся через пару дней, другие — через пару недель. Если вы захотите увидеть всех, то вам придется ждать довольно долго.

— Плохо,— заметил Брансон разочарованно.

— Вы уверены, что они работают в нашей компании?

— Я не знаю, где они работают.

— Святый боже! — Недоверчиво уставился на него Ричардс.— Какие знаки они носили на фуражке или на нагрудных карманах?

— Не знаю.

— Хорошо. На каких марках машин они были. Какого цвета были эти грузовики, какие на них имелись надписи и прочие знаки?

— Не знаю. Когда я их видал, они были без машин. Очевидно, они ждали поезда на железнодорожной станции.

— Господи,— Ричардс молитвенно взглянул на небеса,— позвольте мне вам кое-что объяснить. Обычные шоферы грузовиков не пользуются поездами — разве что только по дороге в крематорий. Они отвозят груз по назначению и при необходимости привозят другой обратно. Если обратного груза нет, то они возвращаются домой порожняком. Так что те люди, о которых вы ведете речь, скорее всего, были перегонщиками.

— ?...

— Перегонщиками автомобилей,— объяснил Ричардс с подчеркнутым терпением.— Они доставляют в нужное место не груз, а саму машину. А дальнейшие распоряжения получают уже там. Или им дают новую машину, с грузом или без, и они перегоняют ее на новое место, либо их направляют для получения новой машины в другой город, и тогда они пользуются автобусом или поездом. Иногда их используют и как подменных шоферов для замены тех, кто находится в отпуске или болен. Это своего рода цыгане, настоящие кочевники. Сегодня здесь, а завтра бог ведает где еще.

— Понятно,— сказал Брансон, осознавая, что детектив из него получился более чем слабый.

— Дело в том, что перегонщиков нанимают очень крупные фирмы, разбросанные по всей стране, а не такие маленькие компании, как те четыре, которые имеются в нашем городе. Таких фирм по всей стране лишь около дюжины, и каждая из них имеет более сотни шоферов. Ваше описание может подойти к сотням шоферов, которые в данный момент находятся в любой точке земного шара от Северного полюса до Южного.— Ричардсон театрально развел руками.— Искать их еще хуже, чем двух конкретных блох в собачьей будке. Я бы на вашем месте не стал этим заниматься: жизнь слишком коротка.

— Понятно,— сказал Брансон.— Я обязательно прислушаюсь к вашему совету. Большое спасибо за то, что вы мне рассказали, учиться никогда не поздно.

— Не стоит благодарности,— сказал Ричардс, провожая Брансона глазами.— Да, вот что еще, я только

что об этом подумал. Пара перегонщиков не могла ждать поезда на нашей станции.

— Почему?

— Они никогда сюда не заезжают. Здесь же нет их базы.

Брансон медленно переварил эту информацию:

— Значит, они были вовсе не теми, кем казались? Но выглядели они как обычные шоферы.

— В наши дни можно встретить даже человека, который выглядит как Наполеон, но все-таки им не является.

Брансон вернулся обратно к барьеру, перегнулся на другую сторону и, схватив Ричардса за руку, сильно потряс ее:

— Огромное вам спасибо. Вы действительно оказали нам серьезную услугу.

Он вышел из конторы, быстро пересек двор и подошел к воротам. Сторож вышел из своей будки и поинтересовался:

— Успешно, мистер?

— Нет,— ответил Брансон.— Их вчера повесили. Справедливость восторжествовала.

Он продолжал идти, не давая возможности для дальнейших вопросов. Сторож застыл, как громом пораженный, потом бросился в будку и схватился за телефон.

— Кого там повесили? Или этот парень сумасшедший?

— Суини, тебе платят за то, чтобы ты держал их снаружи, а не проводил внутрь. Рекомендую больше не спать на работе!

Зная по опыту, каким будет маршрут Дороти, Брансон стоял на краю небольшой стоянки для автомашин и наблюдал за ее приездом. Примерно за пять минут до назначенного времени она въехала на стоянку, ловко зарулила на свободное место, вышла из машины и захлопнула дверь. Задержавшись только для того, чтобы заплатить за стоянку, она вышла на улицу и поспешила вдоль нее. Сумка висела у Дороти под правой рукой,

хорошо знакомый ему чемоданчик, она взяла в левую. Она шла довольно быстро, демонстрируя в деле свои стройные ноги, на которые многие мужчины до сих пор бросали восхищенные взгляды.

Тем временем к стоянке подъехала еще одна машина и встала недалеко от автомобиля Дороти. Из нее вылезли двое мужчин, заплатили за стоянку и повернули направо. Они двигались неторопливым шагом всего в ста ярдах позади Дороти. Несколько дней назад Брансон отнесся бы к этой паре с немалым подозрением, но сейчас он решил, что эти двое были слишком седыми и пожилыми, чтобы играть в Шерлоков Холмсов. Тем не менее он направился вслед за ними весьма осторожно, наблюдая, не появятся ли другие сопровождающие, которых могла привести за собой Дороти.

Вскоре оба пожилых мужчины свернули к какому-то учреждению и прошли внутрь через вращающиеся двери. Дороти продолжала идти впереди, иногда замедляя шаги перед интересующими ее витринами. Внимательно оглядев окрестности, Брансон пришел к выводу, что слежки за Дороти все-таки нет. Он отметил только двух случайных прохожих, идущих в том же направлении. О том, что надо обращать внимание и на проходящий мимо транспорт, он просто не догадался.

Дороти подошла к небольшому ресторанчику, где несколько лет назад оставила на столике серебряную пудреницу, а потом вернулась и нашла ее. Она вошла внутрь как раз в половине первого. Двигаясь по противоположной стороне улицы, Брансон прошел еще сотню ярдов, затем пересек проезжую часть и вернулся к ресторанчику с другой стороны. Он не заметил никого, кого бы ввел в растерянность этот маневр. Насколько он мог судить, все было спокойно. Тогда он вошел в ресторанчик и нашел Дороти сидящей за дальним уединенным столиком для двоих.

— Здравствуй, дорогая,— сказал он, вешая шляпу на ближайшую вешалку и усаживаясь напротив жены.

— Здравствуй, дорогой,— ответила она.— Ты так в костюме и спишь?

Инстинктивно он разгладил рукава и возразил:

— Ну, положим, он не такой уж и мятый.

— А в чем же ты спишь? — продолжала она с опасной любезностью.

— Я сплю в кроватях,— ответил Брансон.— Послушай, Дороти, я встретился с тобой не для того, чтобы...

Он замер не полуслове, когда она наклонилась и, достав из-под стола чемоданчик, положила его на стол. Это был тот самый дорожный чемоданчик, который он оставил в поезде, во время бегства от Ридона. Брансон мрачно уставился на него.

— Где ты это взяла?

— Высокий темноволосый незнакомец пришел к нам, постучал в дверь и отдал мне его.

— Он не сказал, как его зовут?

— Сказал. Ридон. И я, естественно, хотела бы знать, как он попал к этому человеку и как же ты обходишься без своих бритвенных принадлежностей, полотенца и ночной пижамы.

— Если уж тебя это так интересует, могу ответить — я сплю в подштанниках. Что он тебе еще сказал?

— Он сказал, что ты отпускаешь бороду и предпочитаешь спать голым, а причины всего этого он просто не знает. Если я не буду задавать вопросов, то не услышу и лжи, а он не хочет быть виновником возможного развода.

— Верь ему больше,— хмыкнул Брансон.— Он хотел разозлить тебя. Судя по всему, он решил, что, если это получится, ты быстрее согласишься ему помочь. Он, конечно же, задал тебе вагон вопросов — когда ты обо мне последний раз что-либо слышала, где я нахожусь, что я делаю, и так далее.

— Он задал несколько вопросов. Но я ему ничего внятного не сказала, да и не могла этого сделать при всем желании. Слушай, Рич, что происходит?

— Я бы очень хотел рассказать тебе все, но пока не должен этого делать. Пока нет. Когда все это дело завершится, власти могут пожелать оставить подробности в тайне. Ты знаешь, что они способны сделать с людьми, которые разговаривают слишком много?

— Да, конечно.

— Пока я могу сказать тебе одно: все это очень секретно. Дело впрямую касается меня, именно это и бес-

покоило меня перед отъездом. С тех пор я узнал, что здесь запутан не только я, но и многие другие. Я также выяснил, что это все не так уж серьезно, как мне казалось вначале,

— Это успокаивает,— произнесла она с явным облегчением.

— Успокаивает, но только наполовину. По причинам, которые я сейчас не могу объяснить тебе, это дело надо довести до удовлетворительного конца...— Брансону очень хотелось хотя бы частично посвятить Дороти в проблему, не раскрывая всей ее сути.— Это как больной зуб: ты можешь положить на него ватку с каплями, и он на время перестанет болеть. Но это лишь полумера, на самом деле больной зуб надо просто вырвать

— И ты собираешься этим заняться сам?

— Я один из тех, кто пострадал из-за этой истории, и я считаю, что должен докопаться до ее истоков,— если, конечно, смогу.

— О каких страданиях ты говоришь? А власти разве не могут ничего сделать?

— Им пока не удается до этого дотянуться, к тому же они не понимают, что происходит. Я выяснил...— он заметил предупреждающий взгляд жены и обернулся. За его спиной молча стоял официант.

Взяв у официанта меню, он обсудил его с Дороти и сделал заказ. Официант ушел и Брансон продолжал:

— Я нашел одного парня, который мог бы мне в этом деле помочь. Это Хендерсон, баллистик из «красного» отдела. Ты помнишь его?

— По-моему, нет,— призналась она, немного подумав.

— Такой крупный мужчина, с брюшком и лысеющей макушкой, в очках без оправы.

— Все равно не могу вспомнить. Наверное, он не очень-то производит впечатление на женщин.

— Да он к этому никогда и не стремился. Он не из тех, на кого женщины обращают внимание.

— Хочешь сказать, что он очень замкнутый?

— Пусть будет так.— Он состроил физиономию, которая вызвала у нее улыбку.— Так вот, Хендерсон может позвонить мне в любой момент. Меня не будет

дома еще несколько дней, но пусть это тебя не тревожит. У меня есть веские причины для отсутствия...

— Именно об этом и говорил тот тип, Ридон.

— Чертов Ридон!.. Ладно, теперь слушай внимательно. Если Хендерсон позвонит, скажи ему, что я на работе, со мной нет связи, и спроси у него, что мне передать. Если ему надо, чтобы я позвонил, спроси, куда требуется звонить — в магазин или по какому-то другому номеру? Тебе все понятно?

— Я справлюсь. Искусство брака в том и состоит, чтобы уметь управляться с делами мужа...

— И еще, если кто-нибудь, Ридон или тот здоровенный тип с иностранным акцентом, заявится к тебе и начнет донимать вопросами, ты все еще про меня ничего не знаешь, понятно? И ты ничего не слышала о Хендерсоне — даже если только что разговаривала с ним по телефону. И не обращай внимания на то, кто меня спрашивает: репортер, агент ФБР или маршал в полной парадной форме. Ты все равно ничего не знаешь. Хорошо?

— Хорошо,— согласилась она.— Но могу я узнать, кто такой Ридон?

— Офицер разведки.

Ее лицо выразило удивление и озадаченность.

— А ты уверен, что занимаешься своей работой?..

Брансон довольно резко оборвал жену:

— Во-первых, страдания обучают, а он не страдает и вряд ли сможет понять психологию тех, кто страдает. Во-вторых, есть разные представления о том, чем должна заниматься разведка. И наконец, третье: он обучен иметь дело с обычными вещами и пользоваться обычными методами. Я не хочу, чтобы он путался у меня под ногами и предлагал мне свои методы. Мне достаточно правил внутреннего распорядка, которые я выполняю в институте, чтобы подчиняться чьим-то еще требованиям.

— Хорошо, если он покажется на горизонте, я буду разговаривать с ним, широко раскрыв ничего не понимающие глаза.

— Так и делай. Это, конечно, его не проведет, но и узнать от тебя он ничего не сможет.

Им подали заказ. Во время еды они вели ничего не значащую беседу, но за кофе Брансон опять вернулся к беспокоившему его предмету.

— Есть еще одна вещь: этот верзила, которого ты определила как иностранца. Я видел его несколько раз, но я бы хотел, чтобы ты мне его описала еще. Разные люди видят по-разному, и ты можешь дать мне дополнительные детали.

Дороти сделала то, что он просил, еще раз подтвердив свою наблюдательность. В дополнение к подробностям, которые помнил Брансон, она добавила маленький белый шрам длиною около дюйма, расположенный по диагонали с правой стороны верхней губы.

— У этого человека есть привычка морщить губы, после того как он задает вопрос, и тогда шрам особенно выделяется,— сказала Дороти.— А еще создается впечатление, что этого человека очень трудно вывести из себя, но если уж выведешь, то успокоить его будет очень трудно. Он весьма хладнокровен и может вынести очень многое, но если его разозлить, то он сам не будет знать, как остановиться.

— Он вел себя с тобой грубо?

— Нет, напротив, он был сама вежливость.

— Хм,— пробормотал Брансон, и начал в задумчивости постукивать пальцами по крышке стола. Официант неправильно понял этот его жест и принес счет. Брансон заплатил по счету, а когда официант отошел, вновь спросил Дороти:

— Ты не замечала, что за последние дни за тобой кто-то следит?

— Нет, Рич, я не обращала на это внимание. Ты думаешь, такое возможно?

— Возможно все. Любой желающий выяснить, где я, в первую очередь будет держать в поле зрения тебя.

— Да, наверное, ты прав.

— Поэтому отныне постарайся приглядывать, не околачивается ли кто-нибудь около нашего дома. Если ты заметишь, что кто-то все время топчется там, то не слишком беспокойся, но постарайся его получше рассмотреть — так, чтобы при встрече ты могла его мне подробно описать. Возможно, я смогу уцепиться за эту ниточку.

— Но он может быть просто другим сотрудником разведки?

— Да, вполне возможно, что он будет из конторы Рирдона. Но так же возможно, что он будет из совершенно другое компании, и тогда это именно тот, кого я ищу.— Брансон встал из-за стола и взял свою шляпу.— Скажи детям, что я скоро вернусь. Я позвоню тебе завтра вечером, когда они лягут спать.

— Хорошо,— сказала она, собрала вещи и вышла вместе с ним. На улице она опросила: — Тебе нужна машина? Может быть, тебя куда-нибудь подвезти?

— Нет, лучше обойдусь без нее. Слишком многие знают ее номер. Я не хочу афишировать свое возвращении в город.

Он положил руку на ее плечо и ободряюще сжал пальцы.

— Рич, ты точно знаешь, что ты делаешь?

— Нет. Я как слепой, идущий на ощупь с выставленными перед собой руками.— Он посмотрел на жену успокаивающим взглядом.— Вполне возможно, мне не удастся ничего добиться, но если так, то я не буду считать, что причиной тому стало мое бездействие.

— Я представляю, как ты себя чувствуешь.

С деланной улыбкой она направилась к автомобилю на стоянке. Брансон проводил ее взглядом, пока она не скрылась из глаз, потом остановил такси и направился к конторе другой транспортной компании. Он не возлагал особых надежд на этот визит, но ему нужно было получить подтверждения словам Ричардса.

Там ему сказали:

— Послушайте, мистер, без имен и фотографий шансов найти этих парней у вас не больше, чем выпить с Тутанхамоном. Они могут быть кем угодно и находиться в любой точке континента.

Он вышел оттуда с полной уверенностью, что этот путь бесполезен. Итак, ему следовало попробовать другой путь. Он признает себя побежденным только тогда, когда испытает каждую возможность, и не ранее того.

Побродив по тенистым окраинным улочкам, Брансон пришел к другой идее. А нет ли других путей, которые могут привести его к этим шоферам? Он мог

придумать только одно место, где можно попробовать их найти: это станция и тот самый станционный буфет. Кто-нибудь, кто часто бывает там, может вспомнить их внешность — дежурный, буфетчик или на худой конец уборщик мусора.

А если исключить эту пару, что останется у него тогда? Во-первых, этот детина, который за ним следил. В тот вечер он исчез около его дома, так что можно предположить, что он снял жилье где-нибудь по соседству. Кроме того, остаются те двое, которые поймали его на лестнице. Он видел их считанные доли секунды, когда падал, и с минуту после того, как пришел в себя. Но их лица запечатлелись в его памяти с фотографической точностью, и Брансон был уверен, что при встрече обязательно из опознает. Только вот где их искать? Как и исчезнувшие шоферы, они могут оказаться кем угодно и где угодно.

Словом, у него есть три пути. Используя Дороти как приманку, он может выйти на этого здоровяка и через него добраться до остальных. Если ему удастся связаться с Хендерсоном и тот согласится помочь, дела пойдут гораздо успешнее, чем у него одного. В конце концов, он может просто найти Ридона, все ему рассказать и отдать дело на откуп спецслужбам.

Последняя идея ему настолько не понравилась, что он автоматически ускорил шаги по направлению к станции. Брансон не знал, да и не мог знать, что это было первое его движение в правильном направлении. Лишь этим путем он мог чего-то добиться.

10

Явившись в буфет задолго до обеденного времени, Брансон уселся на высокий стул, заказал кофе и подождал, пока официант обслужит других посетителей. Когда парень освободился, он кивком подозвал его к себе, наклонился через прилавок и заговорил тихим голосом:

— Вольт, я кое-кого ищу, и ты, возможно, сможешь мне в этом помочь. Ты не помнишь двух довольно здоровых парней в комбинезонах и фуражках, пивших здесь

кофе около недели назад. Они выглядели как шоферы-дальнобойщики, а говорили о каком-то убийстве.

— Убийстве? — Вольт изогнул брови, на лице его появилось уныние человека, столкнувшегося с теневой стороной жизни.— Нет, мистер Брансон, я не помню ничего подобного. И этих двух парней тоже припомнить не могу.

— Постарайся вспомнить, два шофера. Сидели как раз вот здесь.

Вольт послушно задумался.

— Нет, мистер Брансон, извините, никого похожего не припомню. Я должен был их запомнить, если они были шоферами. Шоферы к нам редко заходят. Но я давно не видел здесь никаких шоферов.

Тут его осенила другая мысль:

— А вы уверены, что я в тот вечер работал?

— Да, ведь ты всегда работаешь вечером в пятницу, не так ли?

— Вы правы, но в таком случае в ту пятницу я был просто очень занят. Я и так не слишком-то часто смотрю по сторонам, особенно когда у меня много работы. Люди вокруг меня постоянно разговаривают, но я стараюсь их не слышать, пока они не называют заказ.

— Ты думаешь, ты бы запомнил их, если бы они появились здесь хотя бы несколько раз?

— Конечно,— ответил Вольт.— Я же говорю, шоферы к нам редко заходят.

— Значит, вывод один — они были здесь всего один раз и с тех пор ты их не видал?

— Выходит, так.

— Хорошо. А не видел ли ты несколькими днями позже крупного парня шести футов ростом и фунтов двести весом. Плоский нос, тяжелые скулы, грубоватое лицо и белый косой шрам над верхней губой, сам напоминает переодетого полицейского. В тот вечер он сидел вон там, как раз напротив зеркала, ничего не говорил, а только глядел в зеркало, как будто оно его загипнотизировало.

— Носит на левой руке кольцо в виде змеи,— продолжил Вольт, распрямив брови.

— Да, по-моему, у него было кольцо, но я внимательно не рассматривал.

— Разговаривает как иностранец?

— Я сам не слышал, как он произнес хотя бы одно слово, но очень может быть, что он приезжий.

— Был такой здесь несколько раз.— Вольт взглянул на часы.— Примерно вот в это же время. Но я не видел его уже около недели. Я его хорошо запомнил, потому что он всегда сидел, зыркая по сторонам глазами и не говоря ни единого слова. Он иногда уставится на меня, как будто хочет на что-то пожаловаться, но никогда ничего не скажет, кроме двусложного заказа.

— Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Только то, что он производит впечатление иностранца.

— А видел ли его когда-нибудь в компании с кем-то знакомым?

— Нет, мистер Брансон,— ответил Вольт и со скучающим видом стер с прилавка несколько невидимых пятен.

— Плохо,— вздохнул Брансон.

Вольта окликнул один из клиентов, и тот пошел обслуживать его, потом стал наводить порядок на дальних полках. Брансон все сидел над своей чашкой кофе. Наконец Вольт подошел к нему и сообщил:

— По-моему, его зовут Косси или Коззи, что-то вроде этого. А зачем он вам понадобился?

— Да тут о нем полицейский расспрашивал. А откуда ты знаешь его имя?

— Как-то вечером он сидел здесь, как всегда уставившись в зеркало, а тут пришли четверо парней. Один из них поздоровался и назвал его по имени. Ему это очень не понравилось. Он посмотрел на того парня своим тяжелым взглядом, надел кепку и вышел. Парень на это только пожал плечами.

— Ты знаешь этого парня?

— Нет. Я видел его несколько раз, но не часто. Просто случайный посетитель, который заходит сюда только под настроение.

— А тех трех других знаешь?

— Только одного из них, Джима Фолкнера.

— Ну ладно.— Брансон отодвинул чашку и встал со стула.— А где можно найти этого Джима Фолкнера?

— Я не знаю, где он живет, мистер Брансон, могу только сказать, где он работает.— Вольт опять взглянул на часы.— В парикмахерской Воуса на Бликер-стрит. Сейчас он как раз должен быть там.

Эта парикмахерская находилась неподалеку, и Брансон направился прямо туда. Цирюльня Воуса представляла собой небольшое грязное помещение с двумя служащими и четырьмя стульями для клиентов. На неприбранном полу валялись остриженные волосы. Один парикмахер, седой мужчина лет пятидесяти, обслуживал клиента, сидящего на дальнем стуле. Второй парикмахер, щуплый юноша, развалился на скамье и читал комикс. Когда Брансон вошел, юноша встал и жестом указал ему на стул. Брансон сел и сказал:

— Покороче сзади и с боков.

Когда юноша закончил, Брансон расплатился и, сунув ему чаевые, тихо сказал:

— Я бы хотел переговорить с тобой без посторонних.

Дойдя вслед за ним до дверей, юноша спросил таким же тихим голосом:

— Что вы хотите?

— Тебя зовут Джим Фолкнер?

— Да, а откуда вы знаете мое имя?

— Мне сообщил его один знакомый, Вольт, из станционного буфета.

— А, этот зомби...

— Я пытаюсь найти парня, которого последний раз видели в этом буфете с неделю назад. Такой здоровый тип, он был там несколько раз. Вольт сказал, что однажды вечером ты зашел в буфет с тремя друзьями, и один из них поздоровался с этим громилой. Ты не помнишь этого случая?

— Конечно, помню. Такой большой мужик, всегда очень мрачный. Джил еще засмеялся и сказал, что они такие же закадычные друзья, как кошка с собакой.

— Джил?

— Гилберт.— На лице юноши отразилось беспокойство.— А вам зачем это нужно? Вы что, из полиции?

— Разве я похож на полицейского? Я просто потерял след этого мужчины и хочу его отыскать по чисто личному делу. Гилберту не о чем беспокоиться, могу

тебе в этом поклясться. Так кто он такой, этот Гилберт, и как его можно найти?

Фолкнер ответил с явной неохотой:

— Его полное имя Гилберт Митчелл. Он работает в Стар-Гэрэж, в самом конце этой дороги.

— Это я и хотел узнать. Спасибо тебе за помощь.

— Пожалуйста,— ответил юный Фолкнер, все еще сомневаясь, мудро ли было выдавать своих друзей.

Митчелл оказался хорошо сложенным парнем с постоянно приклеенной к губам улыбкой. Его руки были перепачканы машинным маслом, пятна этого масла имелись даже на его щеках. Он вытер лицо и руки еще более грязной тряпкой и переключил на Брансона вежливое внимание.

— Я ищу одного здорового парня,— начал Брансон.— Не знаю ни его имени, ни адреса. В последний раз его видали в буфете на станции. Вольт сказал, что ты там тоже был с Джимом Фолкнером и парой других ребят. Ты поздоровался с этим верзилой, а он не очень-то этому обрадовался. Что ты о нем знаешь?

— Ничего.

— Но ведь ты с ним разговаривал, не так ли?

— Я просто терял время.

— Но что-то ты ведь должен о нем знать, если даже назвал его по имени.

— Я о нем абсолютно ничего не знаю. Несколько раз видел его в бильярдной в Нижнем Городе. Я ходил туда два-три раза в неделю и в большинстве случаев он там был. Обычно он играл за соседним столом, вместе с другим мрачным типом, который звал его Косси. Вот и все.

— А где находится та бильрдная?

Митчелл подробно расписал Брансону, как найти это заведение.

— Когда Косси обычно там появляется?

— По-разному. Иногда он приходит туда рано, иногда довольно поздно. Лучше всего искать его около девяти часов вечера.— Митчелл расплылся в улыбке.— И не вздумайте играть с ним на деньги, мистер. Он вас разделает.

— Спасибо за информацию и за совет.

У Брансона совершенно не было желания играть в бильярд с Косси или с кем-нибудь другим. Сейчас единственным его желанием было увидеть цель, а уж дальше он будет действовать по обстановке.

В бильярдной имелось около тридцати столов, примерно двадцать из них было занято. Брансон бродил среди табачного дыма, разглядывая игроков и зрителей, большинство из которых были настолько поглощены игрой, что не обращали на нового посетителя никакого внимания. Впрочем, никого из знакомых он тоже не нашел.

Тогда Брансон подошел к маленькой конторке в глубине зала и заглянул в дверь. За столом сидел лысый мужчина, он играл внутренностями шахматных часов с самописцем и курил тонкую сигару. У стенки стояло несколько киев с обломанными концами и большая раскрытая коробка с зеленым мелом.

— Мистер, вы случайно не знаете здесь здорового парня по имени Косси?

Мужчина поднял голову, показав морщинистое живое лицо, вынул сигару изо рта и спросил:

— А почему я должен вам отвечать?

Не обратив внимания на этот вопрос, Брансон достал бумажник и извлек из него банкноту. Мужчина взял банкноту, которая тут же исчезла у него в руках, как у профессионального фокусника. При этом выражение его лица не стало более доброжелательным.

— Его зовут Коставик или что-то в этом роде,— сообщил лысый, почти не двигая губами.— Он живет где-то поблизости. Ходит сюда недавно, недель пять или шесть, но довольно регулярно. По-моему, он часто переезжает с места на место. Чем он зарабатывает на жизнь, я не знаю, да и знать не хочу. Вот и все, что я могу о нем сказать.

— А что можно сказать о его приятелях?

— Одного из них зовут Шас, другого — Эдди. Есть и третий, но я никогда не слышал его имени. Все они говорят по-английски со странным и хорошо заметным акцентом. Если они и имеют американское гражданство, то ручаюсь, что в их паспортах еще не высохли чернила.

— Очень вам благодарен.— Брансон многозначительно посмотрел на собеседника.— Никто вас ни о чем не спрашивал.

— Да ничего такого и не было,— ответил лысый, вернув сигару обратно в рот и возобновив свою игру с самописцем.

Покинув бильярдную, Брансон перешел дорогу, устроился в ближайшей парадной и стал наблюдать за входом в заведение. Пока ему невероятно везло — он получил максимум возможной информации и вполне мог бы на сегодня удовлетвориться этим. Если громила так и не покажется, он будет дежурить здесь завтра, а при необходимости и послезавтра. Очень приятно быть охотником, а не дичью.

Небо постепенно темнело, на город опускались сумерки. Магазины постепенно начали закрываться, не составил исключение и тот, у входа в который пристроился Брансон. Отсутствие естественного освещения не принесло неудобств: свет от фонарей и витрин хорошо освещал лица прохожих на обоих сторонах улицы. Единственной проблемой оказалось уличное движение — поток машин иногда закрывал обзор, и тогда можно было не заметить человека, входящего в бильярдную. Кроме того, Брансон опасался, что им самим заинтересуется какой-нибудь ревностный полицейский. Полиция не любит бездельников в парадных, а особенно у входа в магазин.

Не успела эта мысль прийти ему в голову, как полицейский действительно появился, причем именно на этой стороне улицы. Он двигался неторопливо, свободным размеренным шагом, помахивая дубинкой.

Брансон вздохнул. У шпионов не такая уж простая работа, как это может показаться на первый взгляд. Он простоял здесь не более получаса и вот опять должен менять свой наблюдательный пункт. Причем избежать этого было невозможно: выйти и просто начать прогуливаться по улице было бы сейчас еще более подозрительно, чем оставаться в парадной.

Вальяжно вышагивая, полицейский подошел к парадной — и прошествовал мимо, будто не заметив Брансона. Это было очень странно. Не заметить находящегося

здесь человека было нельзя — и в то же время полицейский, глянув ему едва ли не в глаза, невозмутимо двинулся дальше. Это было совершенно нехарактерно для полиции. Брансон озадаченно проводил стража закона взглядом и вернулся к наблюдению за бильярдной.

Через некоторое время полицейский вернулся. Он внимательно изучил все парадные — за исключением той, в которой прятался Брадсон. У этой парадной он лишь остановился, улыбнулся и даже поприветствовал Брансона кивком. Затем полицейский прошел дальше, заглядывая в парадные и время от времени пробуя замки. Брансон чувствовал себя как человек, которому ни с того ни с чего вручили медаль, даже не объяснив, за что.

После этого его внимание снова переключилось на вход в бильярдную. Шесть человек вышло оттуда и четверо вошло. Он мог видеть лица тех, кто выходит, но разглядеть лица входивших было гораздо сложнее. Однако все они были среднего роста, не отличались массивностью, долгожданного Косси среди них явно не было.

Терпение Брансона было вознаграждено в половине двенадцатого, когда из бильярдной появились три человека. С трепетным волнением Брансон узнал в одном из них парня, который подхватил его на ступеньках лестницы. Остальные двое были ему совершенно незнакомы. Брансон не видел, как этот парень входил в дверь, и не заметил его там — очевидно, это был один из тех, кто при входе показал ему только свою спину. А не стоит ли на время оставить мистера Коставика в покое и переключиться на эту троицу? Судя по всему, одна ниточка другой стоила.

Беспечно беседуя, троица двинулась вдоль улицы. Брансон двигался за ними по другой стороне. Затем из темноты вышли еще два человека и последовали за Брансоном — каждый по своей стороне улицы. А еще дальше, на углу, полицейский дал знак, и машина с четырьмя пассажирами медленно развернулась и двинулась в том же направлении.

Вся эта процессия растянулась вдоль улицы на добрых полмили. Наконец, передняя троица добралась до места, где от главной магистрали отходило несколько

боковых улочек. Здесь все трое остановились, несколько минут поговорили и разошлись в три разные стороны. Брансон без колебания последовал за своим знакомым. Идущие за ним двое разделились и последовали за другими двумя, которых Брансон проигнорировал. Машина остановилась, и из нее вылез мужчина, который последовал за Брансоном, сам же автомобиль продолжал двигаться позади с почтительным интервалом.

Лидер этой цепочки, судя по всему, ничего не подозревал. Перейдя пустынную площадь, он подошел к телефонной будке на углу, вошел туда и начал набирать номер. Брансон остановился так, чтобы на него падала тень от стены, и прислонился к холодному кирпичу. Его преследователь сделал вид, что кого-то поджидает, а замыкающая шествие машина притормозила у тротуара.

Человек в телефонной будке дождался соединения и сказал в трубку:

— Косси, я на Десятой улице. За мной следят. Да, разрази меня гром! Этот парень настолько зеленый, что над ним словно мигает сигнальный огонь и вовсю воет сирена. Что? Хорошо. Я приведу его к Сэмми.

Выйдя из будки, он даже не взглянул в ту сторону, где в тени прятался Брансон, а по-деловому двинулся дальше. Брансон дал ему немного удалиться и последовал в том же направлении. То же самое сделала и машина.

Через полминуты она достигла телефонной будки и остановилась. Из автомобиля вылез человек, набрал специальный номер, о чем-то быстро переговорил, затем позвонил в другое место и вернулся к машине.

— Этот парень хорош. Надеюсь, он останется цел до конца представления.

— Что нового на связи?

— Они уже выяснили, кому был звонок.

Машина тронулась дальше. Ведущий цепочки был уже невидим, но это ничего не значило: человек, который шел за Брансоном, указывал путь.

Когда машина проехала еще несколько боковых улочек, человек, следовавший за Брансоном, вышел из тени и остановил машину. Он что-то прошептал сидя-

щим в ней и указал на большое здание из серого камня, возвышавшееся чуть впереди по правой стороне улицы. Когда он отошел от машины, шофер наклонился вперед, сунул руку под приборную доску, достал оттуда микрофон, включил радиостанцию и что-то передал в эфир. Где-то в городе еще две полные пассажиров машины развернулись и направилась к этому месту.

Так, ни разу не оглянувшись, человек из бильярдной резко повернул направо, поднялся на высокое крыльцо и вошел здание из серого камня. Его фигура растворилась в темноте парадной, дверь которой осталась открытой.

Все еще прижимаясь к стене на противоположной стороне улицы, Брансон осторожно продвигался вперед. Он прошел мимо серого здания, остановился на ближайшем углу и попытался оценить ситуацию. Выбор был невелик. У него оставалось два варианта действий: либо зайти в дом, либо оставаться на улице. Во втором случае ему надо было приготовиться проторчать здесь всю ночь, до тех пор пока этот парень не выйдет вновь и не выведет его на других участников. А без этих участников все догадки Брансона даже при официальном рассмотрении дела останутся не более чем догадками и предположениями. Слишком уж фантастично выглядело это дело.

Конечно, наблюдение за определенным домом или квартирой было работой, куда более подходящей для полиции или частного детективного агентства. У него в кармане лежали два адреса таких агентств. Но при данных обстоятельствах от них было мало пользы — так же, как и полиция, детективы просто не будут знать, за кем надо наблюдать. Брансон мог дать словесные описания подозреваемых, но после неудачи с транспортными компаниями он не очень-то доверял словесным портретам. То есть узнать этих людей в лицо был способен только сам Брансон. Таким образом, лишь он мог довести это дело до конца.

Для того чтобы околачиваться здесь всю ночь, надо было иметь большой запас терпения. У него хватало терпения для решения научных задач, но терпение проторчать всю ночь на улице было несколько иного свой-

ства. Кроме того, сегодня вечером он обнаружил безусловную связь между подозреваемыми: он следил за бильярдной в надежде выследить одного человека, а выследил совсем другого. Значит, по крайней мере, двое из подозреваемых часто бывают в одном и том же месте.

Но здесь, в этом каменном убежище, может быть и третий член этой банды. А может, их вообще тут пять или шесть. Собравшись вместе, они замышляют новые преступления и смеются, потягивая пиво. Да, они хихикают, потому что где-то лучшие люди прячутся от воображаемых трупов.

Брансон почувствовал, как в нем наливается гнев, и понял, что прямо сейчас войдет туда и испытает свою судьбу. В первый раз за всю свою жизнь он пожалел, что у него нет оружия. Хотя вообще-то оружие не было таким необходимым. Если уж гостиничные воришки могут проникать в комнаты и обшаривать у спящих людей карманы, то уж он наверняка сумеет проскользнуть в это логово, узнать что-нибудь полезное и исчезнуть оттуда невредимым.

Во всяком случае, поднявшись наверх, он узнает имена хозяев квартиры, которые наверняка написаны на дверных табличках. Если среди них окажется фамилия Коставик, то этого будет достаточно, чтобы выскочить из подъезда и позвонить в полицию. А затем уже можно будет ворваться в квартиру и до приезда полиции затеять там драку.

Брансон вернулся к серому зданию, поднялся на крыльцо, вошел в дверь и оказался в длинном узком коридоре, слабо освещенном одной лампочкой. Коридор заканчивался узкой лестницей с маленьким лифтом сбоку. Сюда выходили двери четырех квартир. На этаже было тихо, как будто здесь никто не жил, а вот сверху доносились приглушенные звуки радио, играющего «Марш Радецкого». Весь подъезд было грязным, с облупившейся штукатуркой, поцарапанными дверями и ободранными перилами.

Как можно тише он переходил от двери к двери и читал имена хозяев квартир. При слабом свете лампочки ему приходилось почти водить носом по табличкам. На одной из табличек надпись была особенно витиева-

той. Брансон смог только прочитать «Сэмюэль...», как вдруг дверь квартиры резко открылась. Одновременно сильный удар по затылку отправил его вперед.

Эта двойная неожиданность оказалась настолько ошеломляющей, что он потерял равновесие и, влетев в квартиру, пробороздил носом ковер. За спиной послышался стук захлопнувшейся двери. Это была заранее рассчитанная ловушка — и мысль об этом успела мелькнуть у него в голове еще в момент падения. Увы, противник все-таки сумел его обыграть. Надо было срочно выворачиваться и что-то быстро делать.

Таким образом, ударившись о ковер, он попытался сгруппироваться и быстро перекатиться вперед — прямо навстречу паре здоровенных ног. Оказавшись рядом с ними, Брансон обхватил их в районе коленей и изо всех сил дернул. Квартира содрогнулась, когда его противник рухнул на пол. Им оказался Косси.

Одновременно кто-то склонился над Брансоном, пытаясь его схватить, но падение Косси помешало это сделать. Человек выругался и попытался подобраться с другого края, однако в этот самый момент здоровенный сапог отчаянно дергавшегося Косси попал ему прямо по коленной чашечке. Человек еще раз грязно выругался и выронил из рук нечто металлическое.

У Косси были все основания двигать конечностями. Когда его голова коснулась ковра, Брансон извернулся и мертвой хваткой вцепился ему в горло.

Еще неделю назад он бы ни за что не поверил, что способен получить садистическое наслаждение от того, что будет кого-то душить. А вот сейчас он с огромным удовольствием стиснул толстую шею Косси, стараясь не дать тому никаких шансов вырваться. Отчасти этот неожиданный прилив сил был вызван яростью, а отчасти — сознанием того, что Косси намного сильное, и если дать ему хоть малейшую возможность вырваться, он тут же разорвет Брансона в клочья. Эта смесь гнева и страха придала скромному ученому такую силу, о существовании которой тот даже и не подозревал.

Словом, Брансон все сильнее сжимал горло Косси, а в его мозгу билась одна-единственная мысль: «Я тебе покажу Элайн! Я тебе покажу Элайн!»

Вцепившись своими волосатыми ручищами в запястья Брансона, Косси попытался оторвать его от себя. Но Брансон держал его столь крепко, что громиле удалось лишь немного приподнять голову над полом. Они отчаянно катались по полу, и Косси постепенно все больше багровел. Третий человек прекратил ругаться и, схватив Брансона за волосы, попытался оторвать его от Косси. Однако короткая прическа не позволила сделать это — руки противника попросту соскользнули с волос, не в силах их ухватить. Тогда этот третий попробовал сграбастать Брансона в охапку, но тот отчаянно лягался, как сумасшедший осел. И один из этих ударов достиг цели: Брансон услышал, как его противник взвыл и отпустил его плечи.

На крики и шум борьбы открылась дверь в другую комнату, и оттуда послышались шаги. Брансон не стал смотреть, кто идет на помощь противнику,— все его внимание было сосредоточено на жертве. К этому времени дыхание Косси уже стало тяжелым и хриплым.

Но вот сразу несколько рук вцепились в Брансона и оторвали его от жертвы. Кто-то сильный вздернул его вверх и поставил на ноги, а потом с размаху ударил в лицо. Перед глазами разлетелся сноп искр, пол ушел из-под ног, и Брансон опрокинулся на спину.

Впрочем, его тут же вновь поставили на ноги. Как сквозь вату он продолжал слышать вокруг себя различные звуки — тяжелое дыхание, восклицания, проклятия и шарканье многих ног. Еще один удар по уху вызвал у него головокружение. Он замигал, стараясь рассмотреть, что происходит вокруг, и вместо лица Косси увидел несколько других лиц — в том числе и физиономию того псевдошофера из станционного буфета, который так много распространялся о скелете под деревом на дороге в Бельстон.

На какой-то момент Брансон умудрился вывернуться из державших его лап и ударил по этому лицу, чувствуя, как костяшки его пальцев хрустят от соприкосновения с челюстью. Тут же в его левом глазу вспыхнуло множество искр — это последовал ответный удар, и Брансон упал во второй раз. Падая, он успел подумать, что все-таки допустил серьезную ошибку,

решив войти в это здание. Но еще более серьезным просчетом было то, что он никого не предупредил о своих действиях. Здесь оказалось как минимум шесть бандитов, справиться с которыми он не имел ни малейшего шанса. Увы, допустить следующую ошибку ему, пожалуй, уже не придется...

Кто-то подскочил к нему и пнул ногой в живот — так, что у него перехватило дыхание. Воздух покинул легкие и куда-то исчез. Брансон понимал, что следующий удар сломает ему одно или несколько ребер, но он почти потерял сознание, и у него не было сил попытаться увернуться от этого удара. Он лежал на спине, ловил ртом воздух и ожидал окончательной расправы.

И действительно, в следующий момент послышалось несколько тяжелых ударов — но отнюдь не по нему, а в дверь. Затем раздался треск, в комнату ворвалась струя свежего ночного воздуха и хриплый голос заорал:

— Всем стоять!

Упала полная тишина. Пинок, который должен был сокрушить его ребра, так и не обрушился. С большим усилием Брансон перевернулся на живот и постарался, чтобы его вырвало. Потерпев поражение и в этом деле, он перекатился на спину и попытался сесть, держась за живот. Левый глаз у него заплыл и ничего не видел.

Он был не прав. Противников было не шесть, а восемь. Они стояли все вместе, лицом к нему, но глядя лишь на входную дверь. Вся эта группа сильно напоминала восковые фигуры в музее.

Брансон почувствовал, что его снова подхватили под руки и пытаются придать его телу вертикальное положение. Более того, он понял, что может даже держаться на ногах. Повернув голову, он увидал четырех мужчин в гражданском и одного человека в полицейской форме, все они держали в руках пистолеты. Одним из штатских был Ридон.

Не придумав ничего более подходящего к данной ситуации, Брансон пробормотал:

— Привет.

И он улыбнулся одной половиной лица — другая наотрез отказалась ему подчиняться.

Но Ридон отказался увидеть в этом что-то веселое. С полной серьезностью в голос он спросил:

— С вами все в порядке?

— Нет. Я чувствую себя как подогретый покойник.

— Хотите в больницу?

— Нет, спасибо, думаю, сейчас мне станет лучше и все будет в порядке.

— Ну и задали вы нам работку,— сказал Ридон без обиняков.— Сначала вы отказались с нами сотрудничать и даже просто помочь, а потом решили сделать все сами.

— Похоже, что я и вправду это сделал — конечно, с вашей помощью.

— Ваше счастье, что мы подоспели вовремя.— Ридон указал полицейскому на восьмерых пленных.— Отправьте их в фургон. Выводить по одному.

Поодиночке, с мрачными лицами, восьмерка вышла из комнаты. Даже Косси не выразил никаких эмоций, он все еще массировал свое горло.

Окинув комнату своим цепким взглядом, Ридон сказал:

— Ну-ка, ребята, уделите квартирке должное внимание и не забудьте осмотреть все остальные в этом доме. А если какой-нибудь адвокат-любитель начнет говорить об ордере на обыск, запишите его в подозреваемые и отвезите в участок. Осмотрите все, если посчитаете нужным, то и стены разберите. Что-нибудь найдете — звоните прямо мне в управление.

Затем он повернулся к Брансону:

— Ну, Холмс, пойдемте.

Брансон последовал за ним, чувствуя боль во всем теле и легкое головокружение. Он сел на заднее сиденье машины, провел рукой по лицу и чуть не вскрикнул, задев синяк. Его лицо горело, один глаз заплыл, ухо распухло, нижняя губа была разбита, и из нее сочилась кровь. Живот все еще болел, и его продолжало поташнивать.

Усевшись на переднее сиденье, Ридон сказал несколько слов шоферу, переговорил с кем-то по рации, и они тронулись. К этому времени вокруг серого здания стояло уже три машины и собралась небольшая

толпа любопытных, причем часть зевак была полуодета. Машина вывернула из переулка и помчалась по пустынным ночным улицам. Ридон положил руку спинку сиденья и повернулся к своему пассажиру:

— Если мне потребуется узнать предел прочности на разрыв титановой пластины бронежилета, я обращусь к вам. Но если вам захочется выяснить, кто подсматривает в замочную скважину вашего кабинета, то вам следует обращаться ко мне, и никак не наоборот.

Брансон ничего на это не ответил.

— У меня нет сомнений в вашей компетентности как ученого,— продолжал Ридон.— Но как жулик вы — салага. Если же говорить о вас как о детективе, то я предпочту промолчать.

— Спасибо,— мрачно ответил Брансон.

— Этот ваш прыжок из поезда мог привести к очень печальным последствиям. Вы могли вообще разбиться насмерть, что было бы очень глупо. Ваша шея того не стоила. Да, вам удалось уйти — но не слишком надолго. С этого момента мы постепенно сужали круг поисков, ориентируясь в первую очередь на транспортную связность территории, где вы исчезли, и на ваши возможности.— Ридон на мгновение замолк и, ухватившись за ручку над дверью, подождал, пока шофер сделает резкий поворот.— Начальнику полиции Паскоу было отдано распоряжение — докладывать о любом странном запросе относительно Бельстона, причем делать это без промедления. Таким образом, о вашем телефонном звонке относительно убийства девушки мы узнали практически сразу и смогли определить, что вы находитесь именно там, где мы вас ищем.

— Вы сумели связать этот звонок со мной и с конкретным местом?

— Естественно. Никто, кроме вас, не мог позвонить из этого места и начать задавать совершенно идиотские вопросы о каких-то мифических костях, найденных под деревом. С этого момента мы увидели проблески света в конце тоннеля. На самом деле, этими намеками вы сами начали рассказывать нам то, о чем отказались говорить напрямую,— то, что на вашей совести, точнее, на вашем сознании, висело убийство.

Брансон сделал вид, что очень занят своим синяком, и ничего не ответил.

— С этого момента все постепенно стало проясняться,— продолжал Ридон.— Такого преступления никогда не было, Паскоу клялся в этом всеми святыми. Это же он сказал и вам. Теперь можно было предвидеть все ваши дальнейшие шаги: это либо приведет вас в ярость, либо вы почувствуете неописуемый восторг. Все зависело от вашего эмоционального состояния. Так или иначе, но вы кинулись обратно сюда. Если бы вы пришли в состояние эйфории, то просто бросились бы на грудь вашей семье и обо всем благополучно забыли. Но вы были в бешенстве и, вернувшись в город, решили вытряхнуть кое-кого из штанов. Увы, мы не могли ничего поделать, поскольку преступники еще не были нам известны. Вы же могли вывести нас на них. Таким образом, мы следили за всеми прибывающими в город машинами, автобусами и поездами. Отыскать вас прямо на станции оказалось проще простого.

И столь же просто было установить преследование,— заметил Брансон и облизал губы, которые на ощупь напоминали резину и с каждой минутой казались все толще.

— Мы именно на это и рассчитывали. Вы думаете, что мы работаем спустя рукава? — оскалился Ридон.— А вы, вместо того чтобы направиться домой, начали носиться кругами, возжаждав крови. Нет, это нас вполне устраивало. Вы получили ниточку от официанта в буфете, протянули ее до парикмахера, а затем до механика в гараже. А когда вы спрятались у входа в бильярдную, мы решили, что время настало и теперь вы действительно укажете нам кого-нибудь стоящего. Так оно и оказалось.

— Но двое исчезли,— заметил Брансон.— Я не мог следить сразу за тремя.

— Зато мы могли. Эти двое вывели нас туда, куда было надо, и сразу же были арестованы

Тем временем машина подъехала к большому, официального вида зданию, у которого был освещен только второй этаж. Ридон вышел из машины, Брансон последовал его примеру. Они вошли в здание, проигнорировали лифт и, поднявшись до лестницы, пошли по ярко

освещенному коридору. Весь этаж имел такой вид, будто здесь работают двадцать четыре часа семь дней в неделю.

Открыв дверь кабинета, на котором была только табличка с номером, Ридон прошел внутрь. Последовавший за ним Брансон сел на первый попавшийся стул и огляделся. Один его глаз видел хорошо, а другой — только наполовину.

— Не больно-то это похоже на полицейский участок,— заметил он.

— А это и не полицейский участок. Полиция появляется здесь только по вызову. Нашим делом являются шпионаж, саботаж и прочие преступления против конституции,— ответил Ридон, усаживаясь за письменный стол. Потом он включил переговорное устройство и наклонился к микрофону:

— Пригласите ко мне Касасолу.

Буквально через минуту в кабинете появился мужчина. Он был довольно молодой, иссиня-смуглый и имел вид доктора, которому некогда терять время.

Ридон кивнул в сторону Брансона и сказал:

— Этот друг позволил изрядно помять себя. Будьте так любезны, подправьте его и придайте ему сходство с человеческим существом.

Касасола кивнул Брансону и отвел его в комнату первой помощи, сразу же принявшись за работу. Он смазал чем-то радужный синяк под глазом, заклеил разбитую губу, полил распухшую щеку и ухо прохладной жидкостью. Все происходило быстро и молча — очевидно, доктор привык к такой работе в любое время дня и ночи. Когда врачебная процедура была завершена и Брансона вновь доставили в кабинет Ридона, тот все еще ерзал на своем стуле.

— Вы постоянно выглядите как после драки с кошками,— улыбнулся он и глянул на стенные часы.— Времени всего лишь без десяти два, но, похоже, нам придется бодрствовать всю ночь...

— Почему? Что-нибудь еще случилось?

— Да. Те двое привели нас еще в два адреса. В одном из них не обошлось без стрельбы, и одному из полицейских прострелили руку. Взяли еще четверых, и я еще надеюсь услышать о других адресах.

Он многозначительно посмотрел на телефон, и тот, будто поняв смысл начальственного взгляда, тут же зазвонил. Ридон схватил трубку.

— Кто? Мак-Кракен? Да? Еще троих? И уйма аппаратуры? Не старайтесь разбирать ее прямо сейчас. Я выезжаю со специалистами. А этих троих посылайте сюда и выставите у дома охрану,— он взял листок бумаги.— А скажи-ка мне еще разок адрес...

Повесив трубку, он сунул листок бумаги в карман и встал:

— Я думаю, это уже конец нашей охоты. Вам, наверное, лучше поехать со мной.

— С удовольствием,— ответил Брансон.— Может быть, удастся еще кому-нибудь съездить по физиономии.

— Ну, вот на это не рассчитывайте,— заверил его Ридон.— Я беру вас с собой в надежде, что вы сможете что-нибудь сказать нам о найденной аппаратуре. Мы хотим наконец-то разобраться, как она работает.

— Не думаю, что здесь я буду большим помощником. Я же в этой области совершенно не разбираюсь.

— Возможно, вы просто ее узнаете,— многозначительно пообещал Ридон.

По дороге они зашли еще в один кабинет и захватили с собой двоих мужчин, которых звали Сандерс и Уайт. Первый был средних лет, полноватый и очень важный, второй пожилой, задумчивый и близорукий. У обоих был вид людей, полностью уверенных в себе, которым еще не приходилось ошибаться и испытывать крупные неприятности. Все четверо сели в машину, и шофер отвез их через весь город к какому-то складу, расположенному в старом и довольно запущенном районе.

Дверь склада открыл человек с тяжелой челюстью и мощной мускулатурой.

— Мы забрали всех, кого здесь нашли,— доложил он Ридону, когда они вошли внутрь.— Двое спали вон там,— охранник указал на дверь в конце коридора,— а третьим был тот, кто нас сюда привел. Они были

очень возмущены, и пришлось несколько попортить им здоровье.

— С тех пор кто-нибудь посторонний здесь показывался? — спросил Ридон.

— Пока нет.

— Не исключено, что кто-нибудь может появиться еще до утра. Я бы выставил еще пару людей на улице.— Ридон осмотрелся вокруг.— А где та аппаратура, о которой вы докладывали?

Вон там — махнул рукой охранник.

Ридон тотчас же открыл указанную дверь и прошел внутрь. Остальные вошли следом. Висевшие то тут, то там по стенам обрывки рекламных плакатов говорили о том, что когда-то здесь находился склад игрушек. Теперь же комната была разделена легкими перегородками на четыре части, одна из которых представляла собой трехместную спальню, другая — кухню, в третьей размещался туалет, а четвертая была загромождена аппаратурой, о которой говорил Ридон.

Некоторое время они рассматривали это хитроумное изобретение. Само устройство было скрыто легкими панелями, которые быстро снимались, открывая доступ к электронной начинке. Аппарат имел шесть футов в длину, столько же в высоту и три фута в ширину. Весил он никак не меньше тонны, а то и двух. Сзади к устройству присоединялся электромотор, а впереди виднелась большая линза. Фокус линзы был направлен на черный бархатный занавес, висящий на противоположной стене.

Ридон повернулся к Уайту и Сандерсу:

— Начинайте работать. Я не ограничиваю вас во времени, но чем быстрее вы в этом разберетесь, тем лучше. Если понадоблюсь я, ищите меня в коридоре.

Сделав знак Брансону, он вышел из комнаты. В коридоре, где они опять оказались, было полутемно. У входа торчали охранники — уже не один, а трое.

Один из охранников проговорил:

— Увы, больше сюда не зайдет даже крыса — нас выдает машина на улице.

— Знаю,— ответил Ридон. Он уселся за обшарпанный стол и взгромоздил на него ноги.— Возьми машину

и доставь сюда тех двоих, которых здесь взяли. Припаркуй автомобиль где-нибудь в соседнем переулке, посади в него одного охранника и веди задержанных сюда. Нас здесь останется шесть — думаю, этого будет достаточно.

— Хорошо,— сказал охранник, открыл дверь и вышел наружу. Заработал мотор, и все услышали, как машина отъехала от дома

— Шесть достаточно — для чего? — спросил Брансон, почему-то снизив голос до шепота.

— Пока мы не покончим с этой бандой полностью, мы не будем знать, сколько в ней человек, двадцать или двести. Возможно, мы уже арестовали всех, но полностью быть уверенным в этом нельзя. Кое-кто мог остаться на свободе и поднять тревогу. Обнаружив, что часть из них уже пропала, оставшиеся могут прийти сюда, чтобы уничтожить это устройство. А может быть, они, наоборот, очень быстро разбегутся по своим лодкам и самолетам. Я не знаю, что они будут делать, но я не хочу пренебрегать и вероятностью того, что заявятся сюда.

— Думаю, это совершенно правильно,— сказал Брансон.

Ридон наклонился вперед и пристально посмотрел ему в глаза:

— Ты помнишь эту нору?

— Нет.

— Ну, а аппаратуру ты узнаешь?

— Нет.

— Ты вполне уверен, что никогда здесь не был?

— Нет, я не могу припомнить ничего похожего.

Разочарование Ридона было настолько очевидно, что Брансон попытался зарыться в недра своей памяти чуть глубже:

— Это место кажется мне смутно знакомым, но ничего конкретного я вспомнить не могу...

— Постарайся сделать это. Я был бы тебе очень благодарен...

Они надолго замолчали. Электричество не включали, чтобы не спугнуть возможных посетителей, но свет от уличных фонарей проникал внутрь и позволял ви-

деть обстановку. Так прошло часа три, за это время в прихожей появилось еще двое охранников, усевшихся на свободные места. В пять часов утра кто-то дернул дверь. Один охранник широко распахнул дверь, держа пистолет в руке, остальные тоже вскочили на ноги — но это оказался всего лишь дежурный полицейский.

Еще минут через двадцать из задней комнаты появился Уайт, державший в руке блестящую ленту, скрученную в моток. Лицо его было усталым, а очки съехали на кончик носа.

— Вот оно! — объявил ученый.— Парень, который придумал эту штуку, сделал бы миру большое одолжение, если бы разрешил ампутировать себе голову.

— Что это? — спросил Ридон.

— Сейчас увидите,— сказал Уайт и взглянул назад. Оттуда появился Сандерс, он сел на край стола, вытер свое пухлое лицо платком и странно посмотрел на Брансона. Лицо его было пунцовым, по лбу крупными каплями стекал пот.

— Будучи предупрежден и не напичкан наркотиками, я выжил. Другим вряд ли бы это удалось,— объявил он и снова вытер лицо платком.— В этой комнате пыток я только что убил человека. Я разделался с ним быстро и с большим вкусом. Я прижал его к кровати, сел верхом и вскрыл ему горло от уха до уха.

— Правильно,— подтвердил Уайт.— Это было обдуманное и хладнокровное убийство, настолько сочное, что не поверить в его реальность просто невозможно. Подкачало лишь одно...

— Что? — спросил Ридон, подняв свои колючие глаза.

— Сандерс не мог этого совершить, потому что это только что сделал я. Вот так, прямо от уха до уха.

Впечатленный такой конкуренцией, Ридон причмокнул, затем спросил:

— То же место, та же техника, тот же мотив и жертва?

— Конечно! — ответил Уайт.— Та же лента! — и помахал блестящей пленкой.

— Это сцены убийства.— Он бросил моток пленки на стол.— Желающие могут посмотреть сами. Вся эта

штука представляет собой нечто вроде стробоскопического кинопроектора. Картина проецируется на экран, сделанный из тысячи маленьких пластмассовых пирамидок, и пространственный эффект возникает без стереоскопических очков.

— Ничего нового,— пожал плечами Ридон.— Такое делали и раньше.

— Кое-что новое все же есть,— возразил Уайт.— Фильм снят таким образом, что камера все время смотрит на происходящее с ракурса совершающего действие.

— И это тоже делалось раньше,— опять заметил Ридон.

— А чего точно не делалось, так это врезок в пленке. Эта пленка не совсем стандартного образца, и она движется со скоростью триста тридцать кадров в минуту. Каждый пятый кадр дает резкую вспышку, которая создает у зрителя стробоскопический эффект с частотой одиннадцать вспышек в секунду. Это совпадает с частотой пульсации зрительного нерва. Понимаете, что это значит?

— Пока нет. Продолжаете дальше.

— Это эффект вращающегося зеркала. Он вводит зрителя в состояние гипноза.

— Черт,— сказал Ридон, взял пленку в руки и попробовал рассмотреть ее в свете уличного фонаря.

— Даже если предположить, что зрителя не напичкали наркотиками,— продолжал Уайт,— он лишь поначалу будет отдавать себе отчет в том, что это всего лишь кинофильм. Но вскоре он входит в состояние гипноза и начинает отождествлять себя с тем человеком, чье лицо заменяет камера. И тогда вся картина становится реальностью, превращаясь в фальшивую, подстроенную память. Да, память не сможет совместить события на экране с конкретным местом и временем. Но в воспоминаниях человека всегда существуют лакуны, пустые места, соответствующие событиям столь незначительным, что они не удостоились сохранения. И вот на эти-то места и кладется новая память. Мозг заносит ее туда, где раньше ничего не было.

— Можете поверить, это чертовски убедительное ощущение,— подал голос Брансон.

— Некий гений придумал очень эффективное средство промывания мозгов,— подытожил Уайт.— Этого вполне хватает, чтобы убедить человека в том, что черное — это белое, а белое — это черное. А если учесть, что все это делается без предупреждения и человек не подозревает, что с ним происходит...

Порывшись в кармане, он достал оттуда еще одну пленку и протянул ее Брансону.— Там имеется целая фильмотека убийств, совершенных в самых разных частях света. На этой изображена ваша бельстонская история, хотя у меня есть подозрение, что ее снимали за тысячу миль от Бельстона.

Брансон посмотрел пленку на свет.

— Боже мой,— сказал он.— Это — Элайн?

— Возможно, второсортная актриса с другого конца планеты,— предположил Ридон.

— Сомневаюсь,— вмешался в разговор Сандерс. Его глаза все еще были расширены.— Все эти убийства выглядят слишком реально. У меня есть подозрение, что исполнитель главной роли действительно гибнет.

— И у меня тоже,— заметил Уайт.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Ридон.

— Эта смерть слишком естественна, чтобы ее подделать. Я думаю, что для получения каждой такой пленки совершалось настоящее убийство.

Брансон сидел с бледным лицом, не выражая никаких эмоции, и лишь после продолжительной паузы заметил:

— Я просто не рискнул воспользоваться такой штукой.

— Но она действует отменно,— возразил Уайт.— Все, кто прошел обработку этими пленками, полностью убеждены, что совершили эти убийства.

— Я знаю,— заметил Ридон, многозначительно взглянув на Брансона.— Этот аппарат будет отправлен в столицу для дальнейшего изучения.— Он посмотрел на часы.— А нам нет смысла сидеть здесь дальше.

Потом он повернулся к Брансону:

— Вы тоже поедете со мной в управление. Мы дадим вам часов восемь поспать, потом покормим, а затем вы в подробностях расскажете нам всю свою историю и опо-

знаете всех задержанных, с которыми когда-либо встречались. И лишь потом вы сможете отправиться домой...

В шесть часов вечера Ридон вез Брансона домой. По пути они беседовали:

— Без сомнения, вас они выбрали только потому, что при сложившихся обстоятельствах вы были для них наиболее доступны. Вас сбили на лестнице, напичкали наркотиками и увезли, чтобы прокрутить этот фильм, а потом вернули обратно на лестницу и привели там в чувство... Затем оставалось только включить детонатор, то есть разыграть сцену в буфете с упоминанием о находке костей...

— Так оно и было,— согласился Брансон.— Только я не заметил тех двух пропавших часов.

— Вы же находились под воздействием наркотика,— возразил Ридон.— Нам требуется отыскать и других жертв, которые еще не знают, что бегают от призраков. И как прикажете быть с ними? Как нам убедить их в том, что мы не собираемся отправлять их на электрический стул. А ведь шайка, которую мы выловили, может оказаться только первой ласточкой. Вполне возможно, за ней появятся и другие.

— Ну, здесь ответ простой,— сказал Брайтон.— Вы можете использовать меня как живой пример. Расскажите всем, что произошло со мной и как это случилось. Я не против, я согласен стать хорошим противоядием. Ученые — люди, умеющие анализировать, они смогут сделать выводы из всего этого.

— Вы думаете, это сможет привести их обратно?

— Конечно! Они тут же появятся, как возвращающиеся домой овечки. Более того, думаю, что вся история, когда она выплывет наружу, так их разозлит, что эти люди будут согласны работать день и ночь, лишь бы нанести противнику контрудар. И рано или поздно, они этот контрудар нанесут.— Брансон взглянул на своего собеседника.— Есть еще одна вещь, которую вы мне не сказали и которую я хотел бы узнать.

— Какая же это вещь?

— Кто стоит за всем этим?

— Извините, но я не имею права вам это говорить. Но я скажу кое-что другое. Во-первых, по настоятель-

ному требованию госдепартамента три представителя посольства одной из держав сегодня ночью срочно покинули нашу страну. И во-вторых, медаль вы, конечно, не заслужили, но вот ваш семейный бюджет, думаю, несколько увеличится.

— И то хорошо. Я думаю, что честно заслужил это.

— Значит, вы все-таки верите, что в мире существует справедливость?

Машина остановилась напротив дома Брансона. Ридон вышел из нее вместе с хозяином и проводил его до крыльца. Когда в дверях появилась Дороти, он ей улыбнулся:

— Я привез вам беглеца обратно. Несколько поцарапанным, но все же относительно целым. Он обещал мне рисовый пудинг и большой стакан виски.

Застигнутая врасплох Дороти поспешила на кухню.

Держа перед собой стакан виски, Ридон объявил:

— За убийство! — и выпил все до дна.

Зазвонил телефон. Дороти сняла трубку, потом протянула ее Брансону:

— Это тебя.

Брансон улыбнулся ей и взял трубку.

В трубке радостный голос заорал:

— Брансон, ты был прав! Я совершенно чист! Ты слышишь, что я говорю? Я ни в чем не виновен! Мы должны разобраться в этом вместе, Брансон! Я уже на пути к тебе, поезд прибывает в десять тридцать. Ты меня встретишь?

— Конечно, встречу.— Он прикрыл трубку рукой и повернулся к Ридону.— Это Хендерсон, он приедет в десять тридцать, чтобы принять участие в охоте.

— Мы расспросим и его тоже. Возможно, он знает какие-то новые подробности.— Ридон загадочно посмотрел на бутылку виски.— Я думаю, что это тоже можно отметить, а?

Дороти, все еще не понимая, что происходит, наполнила его стакан.

Подняв стакан, Ридон объявил:

— Ну, за еще одно убийство!

Поиски ученого в горах

Баден-Баден, 4 октября, агентство «Рейтер». Спасательная группа обыскала сегодня самую высокую вершину Германии, гору Цугшпитце, высотой 9630 футов[1]. Группа ищет профессора Эдуарда фон Винтерфельда, эксперта в области электроники. Пятидесятисемилетнего профессора, ведущего специалиста в области радарных установок, последний раз видели в его горном домике 14 сентября. Он сказал, что собирается предпринять прогулку в горы в район Зеефельдер Доломит, недалеко от австрийской границы.

Сегодня его брат, доктор Аахим фон Винтерфельд сказал, что профессор находился в процессе работы над новым радарным устройством, которое могло найти применение в космической технике и особенно в противоспутниковых системах.

Вполне возможно, что это похищение. Однако брат пропавшего, а также его близкие друзья заявили, что в последнее время профессор был чем-то очень сильно встревожен.

«Гардиан», среда, 5 октября 1963 г.

Заметка перепечатана с любезного разрешения редакции газеты «Гардиан» и агентства «Рейтер».

[1] Ко времени написания повести находилась на территории Западной Германии, реальная высота 2963 метра, то есть 9714 футов.

ЧАСОВЫЕ КОСМОСА

17

Глава первая

Войдя в зал, он направился прямо к столу, за которым торжественно и важно восседали члены Всемирного Совета. Их было двенадцать человек — седовласых, умудренных немалым жизненным опытом, с проницательными, все подмечающими глазами. Они молча наблюдали за ним.

Царящая в зале тишина нарушалась лишь звуком его шагов. Выжидательное спокойствие, напряженные взоры и повисшая в воздухе гнетущая тревога подчеркивали важность приближающейся минуты.

Остановившись перед огромным подковообразным столом, за которым сидели члены Совета, он обвел их взглядом — всех поочередно: от взъерошенного невысокого человечка на левом конце стола до толстяка на дальнем правом. Этот немного странный, как будто буравящий взгляд, казалось, пронизывал насквозь. Кое-кто из членов Совета даже занервничал, чувствуя, что привычная уверенность в себе вдруг начинает таять, и каждый ощущал облегчение, когда этот пристальный взор наконец перемещался на соседа.

В конце концов его взгляд задержался на величественном, как лев, Освальде Герати, занимающем председательское кресло в центре; глаза блеснули, и раздался спокойный и размеренный голос:

— Капитан Дэвид Рейвен к вашим услугам, сэр.

Развалившийся в кресле Герати откашлялся и не спеша оглядел огромную хрустальную люстру. Трудно

сказать, собирался ли он с мыслями, старательно избегая взгляда собеседника, или просто считал второе необходимым условием первого.

Присутствующие повернулись к Герати — не только затем, чтобы послушать то, что он сейчас скажет,— просто это было отличным предлогом перестать смотреть на Рейвена. Они не сводили с него глаз, когда он входил в зал, но разглядывать вблизи избегали и уж тем более не желали оказаться объектом его внимания.

Продолжая задумчиво разглядывать люстру, Герати заговорил тоном человека, взвалившего на себя тяжкое, но неизбежное бремя:

— У нас война.

Члены Совета напряженно молчали.

Герати продолжил:

— Я обращаюсь к вам вслух, потому что не умею иначе. Прошу и вас отвечать мне так же.

— Да, сэр,— отозвался Рейвен.

— У нас война,— повторил Герати чуть раздраженно.— Это вас не удивляет?

— Нет, сэр.

— А должно бы,— вмешался один из членов Совета, задетый невозмутимостью ответа.— Война идет уже почти восемнадцать месяцев, но мы узнали о ней только сейчас.

— Позвольте уж мне,— прервал говорившего Герати. На мгновение — только на одно мгновение — он встретился взглядом с Рейвеном:

— Так вы знали или хотя бы догадывались, что мы действительно находимся в состоянии войны?

Едва заметно улыбнувшись, Рейвен ответил:

— То, что рано или поздно это с нами должно было случиться, не вызывало сомнений с самого начала.

— С начала чего? — осведомился толстяк на правом конце стола.

— С того самого момента, когда мы вышли в космос и начали осваивать иные миры.— Рейвен оставался невозмутим.— В сложившейся ситуации война была просто неизбежна.

— То есть, по-вашему, нас втянули бы в нее в любом случае?

— Не совсем так. Это всего лишь плата за прогресс. А по счетам рано или поздно приходится платить.

Такое объяснение явно не удовлетворило Совет: собравшиеся ждали объяснений, обоснований, а Рейвен сразу перешел от предпосылок к выводам.

— Оставим прошлое.— Снова заговорил Герати.— Изменить его мы не можем. Наша задача — справиться с проблемами настоящего и ближайшего будущего.— Он погладил отливающий синевой гладко выбритый подбородок и добавил: — Проблема номер один — эта война. Венера и Марс постоянно нападают на нас, а мы ничего не можем поделать, по крайней мере — официально. Потому что эту войну и войной-то толком не назовешь.

— Разница во взглядах? — спросил Рейвен.

— Да, с этого началось. Но сейчас все зашло гораздо дальше. От слов они перешли к действиям. Без формального объявления войны, напоминая при каждом удобном случае о дружбе и кровном родстве, они вдруг стали проводить в отношении нас воинственную политику, если ее можно так назвать. Хотя, как такое можно назвать по-другому я не знаю.— В его голосе зазвучали гневные нотки.— Это длится уже полтора года, но лишь теперь мы осознали, что нас бьют, причем довольно больно. И слишком долго.

— Все войны длятся слишком долго,— заметил Рейвен.

Эта здравая мысль была поддержана одобрительным гулом и согласными кивками. Двое из членов Совета оправились настолько, что даже отважились посмотреть на него, хотя и мельком.

— Хуже всего,— мрачно продолжил Герати,— что они опутали нас паутиной наших же собственных выдумок, и нам из нее никак не выбраться — во всяком случае политикам. Что вы на это скажете? — И, не дожидаясь ответа, продолжил сам: — Нам приходится предпринимать неофициальные меры.

— А я, выходит, нечто вроде козла отпущения? — прямо спросил Рейвен.

— Именно,— подтвердил Герати.

Снова воцарилось молчание: Рейвен спокойно ждал, а члены Совета тем временем обдумывали ситуацию. А

задуматься было над чем. Войны случались и в прошлом, одни — медленные и мучительные, другие — скоротечные, но не менее кровавые. Только это были земные войны.

Конфликт же между разными планетами был чем-то абсолютно неизведанным. Он создал множество новых, совершенно неожиданных проблем, и уроки прошлого здесь оказались попросту бесполезными. Более того, ультрасовременная война с применением новейшего оружия и техники, о которых раньше и слыхом не слыхивали, поставила перед воюющими сторонами ряд абсолютно новых задач, которые старыми методами было никак не решить. Признав новые реалии, надо было понять, как действовать дальше.

Помедлив, Герати сказал:

— Венера и Марс давно уже заселены «хомо сапиенс». В сущности они — это мы сами, наша плоть и кровь. Они — наши дети, но сами теперь так не считают, полагая, что стали достаточно взрослыми и уже имеют право решать, куда идти, что делать и когда возвращаться домой. Последние двести лет эти повзрослевшие дети требовали ключ от дома, настаивали на полной самостоятельности, хотя до совершеннолетия им далеко даже сейчас. Мы отказывали. Мы уговаривали их подождать, набраться терпения.— Он тяжело вздохнул.— И вот, видите, где мы теперь?

— Где же? — Рейвен с улыбкой ждал ответа.

— Между двух огней.— Герати наклонился к собеседнику, всем видом давая понять, что готов воспринять и чужие суждения.— Без самоуправления марсиане и венериане формально, по закону, остаются землянами и делят этот мир с нами, пользуясь всеми правами полноценных граждан.

— И что же?

— А то, что они могут прибывать на Землю целыми толпами и находиться здесь столько, сколько вздумается.— Подавшись вперед, Герати раздраженно хлопнул по столу.— Вот именно, целыми толпами, через всегда распахнутые двери. А зачем? Только затем, чтобы заниматься поджогами, саботажем и чем угодно еще. Не пускать их к себе мы не можем. Перекрыть

доступ возможно только чужакам. Но здесь-то мы и роем яму самим себе: если мы лишим их земного гражданства, то тем самым как бы автоматически признаем за ними право на самоуправление — то, чего они как раз и добиваются и чего мы до сих пор успешно избегали.

— Все это, конечно, неприятно,— заметил Рейвен.— Но, наверное, у вас есть веские причины занимать подобную позицию?

— Конечно. Десятки причин. Мы ведь вовсе не ставим препоны чьему-либо прогрессу из чистого упрямства. Просто иногда приходится жертвовать желательным ради необходимого.

— Лучше, если вы выскажетесь в открытую,— предложил Рейвен.

Поколебавшись секунду-другую, Герати продолжил:

— Первая причина известна лишь избранным. Но вам я скажу: мы — на пороге освоения Внешних Планет. Это скачок, и чертовски огромный. Чтобы осуществить его должным образом и уверенно обосноваться на новом месте, мы нуждаемся в объединенных ресурсах всех трех миров, ситуация не терпит никаких раздоров и противоречий.

— Понятно,— согласился Рейвен, вспомнив о стратегически важном положении Марса и колоссальных запасах топлива на Венере.

— И это еще не все, далеко не все.— Герати понизил тон, подчеркивая тем самым значимость своих слов.— В свое время произойдет еще один скачок. Он приведет нас к Альфе Центавра, а возможно, и дальше. Мы располагаем конфиденциальным и достаточно убедительным свидетельством, что рано или поздно столкнемся с иной разумной жизнью. Если этому суждено случиться, нам надо держаться вместе, а не порознь. И марсиане, и венериане, и земляне, и все прочие обитатели Солнечной системы должны сидеть в одной лодке. Ибо все мы — соляриане, мы утонем или выплывем только вместе. Так должно быть, и так будет, нравится это сепаратистам или нет.

— Тогда вы столкнетесь еще с одной дилеммой — заметил Рейвен.— Можно опубликовать ваши свиде-

тельства, тем самым гарантировав мир, но это вызовет всеобщую тревогу и создаст сильную оппозицию дальнейшей экспансии.

— Верно. Вы выразили это очень точно. Налицо конфликт интересов, и он зашел уже слишком далеко.

— Да, положение запутанное! Как в интересной шахматной партии!

— Джеферсон тоже так полагает.— Герати наклонил голову.— Он, правда, называет это супершахматами. Почему — вы узнаете дальше. Он считает, что пришло время поставить на шахматную доску новую фигуру. Вы должны встретиться с ним. Именно Джеферсон перерыл всю планету, чтобы найти такого, как вы.

— Такого, как я? — Рейвен выказал легкое удивление.— Что же особенного он во мне увидел?

— Этого я не знаю.— Герати явно не желал откровенничать.— Подобные дела полностью в ведении Джеферсона, а у него свои секреты. Вы должны встретиться с ним немедленно.

— Хорошо, сэр. Что-нибудь еще?

— Запомните, вас пригласили сюда не для того, чтобы удовлетворять ваше любопытство. Вам дали понять, что за вами Всемирный Совет, пусть хоть и неофициально. Ваша задача — найти способ прекратить эту войну. У вас не будет никаких значков, документов, полномочий, ничего такого, что указывало бы на ваше отличие от любого другого человека. Вы должны справиться с делом собственными силами и с нашей моральной поддержкой. Ничего более!

— Вы считаете, что этого достаточно?

— Не знаю,— озабоченно заметил Герати.— Мне трудно судить. У Джеферсона больше опыта в таких делах.— Он наклонился вперед и с нажимом сказал: — Остается добавить только одно. По моему мнению, очень скоро за вашу жизнь не дадут и гроша. Хоть я и от всей души надеюсь, что ошибаюсь.

— Я тоже,— с непроницаемым видом добавил Рейвен.

При этих словах члены Совета немного заволновались — им показалось, что капитан тайно насмехается над ними. Затем в полной тишине их взгляды просле-

дили, как он, поклонившись, направился к выходу той же неторопливой, свободной походкой. Слышен был только шорох ковра, и даже большая дверь закрылась тихо, без стука, когда Рейвен вышел.

— Война,— вздохнул Герати,— это палка о двух концах.

На людях Джеферсон всякий раз принимал такой вид, что его можно было принять за клерка похоронного бюро. Высокий, худой, с печальным лицом, чуждый, как казалось при первом взгляде на него, простых житейских радостей. Однако все это было маской, за которой скрывался живой ум. Ум, который мог говорить, не прибегая к помощи губ. Другими словами, Джеферсон был мутантом первого типа, истинным телепатом. Здесь таился главный козырь: истинные телепаты тем и отличались от субтелепатов, что умели закрывать свой мозг от доступа других по собственному желанию, как на замок.

С мрачным одобрением Джеферсон скользнул взглядом по фигуре Рейвена, такой же высокой, как у него самого, но более плотной и статной. Он отметил некоторую худощавость и мускулистость, темно-серые глаза и черные волосы, а затем без колебаний вошел в контакт. Первый тип безошибочно узнает другого мутанта его же типа, точно так же как обычный человек, если он не слепой, сразу узнает другого человека.

— Герати ввел вас в курс дела? — мысленно осведомился Джеферсон.

— Да. Много эмоций, но мало информации.— Усевшись, Рейвен посмотрел на металлическую пластинку, прикрепленную к углу стола. На ней можно было прочесть: «Доктор Джеферсон. Директор Земного Бюро Безопасности». Рейвен указал на надпись.— Это чтобы посетитель не забывал, кто вы такой?

— Пожалуй, да. Пластинка настроена на частоты нервной системы и излучает то, что на ней написано. Ребята из техотдела говорят, что она антигипнотическая.— Кислая усмешка пробежала по его лицу.— Правда, случая проверить пока не представилось, но я и не

тороплюсь. Гипнотизер, который сумеет сюда пробраться, не станет заниматься такими пустяками.

— И все же вы обзавелись такой пластинкой, а это кое о чем говорит,— заключил Рейвен.— Что произошло? Герати даже намекнул, что я одной ногой уже в могиле.

— Он преувеличивает, но основания у него имеются: есть подозрение, что среди членов Всемирного Совета есть представитель пятой колонны. Пока это только догадки, но если тут что-то есть, считайте, с этого момента вас взяли на мушку.

— Отличный ход! Вы откопали меня именно затем, чтобы похоронить.

— Встреча с Советом была неизбежна,— возразил Джефферсон.— Они настояли на том, чтобы взглянуть на вас, и не спрашивали, как я к этому отношусь. Мое отношение Герати известно, но он отверг возражения, обратив против меня мои же аргументы.

— Каким образом? — осведомился Рейвен.

— Он сказал, что если вы хотя бы на десять процентов так хороши, как я вас разрекламировал, то оснований для беспокойства нет. Зато новые заботы появятся у противника.

— Вот как! Значит, такой репутацией я обязан вам? Вам не кажется, что у меня достаточно своих забот?

— Это моя идея — навесить вам новые,— с неожиданной жесткостью заявил Джефферсон.— Мы увязли по уши. Поэтому и послушную лошадь приходится подстегивать.

— Полчаса назад меня назначили козлом. Теперь вот лошадью. Кем я стану еще? Рыбкой? Птичкой?

— Вам придется столкнуться с чертовски странными птичками и при этом не отстать от них, а наоборот, даже опередить.— Выдвинув ящик стола, Джефферсон достал бумагу и просмотрел ее с мрачным лицом.— Здесь сведения высшей степени секретности о классификации видов внеземлян. Номинально и по закону все они принадлежат к виду «хомо сапиенс». И тем не менее они иные.— Он взглянул на собеседника.— К настоящему моменту Венера и Марс произвели не менее двенадцати различных типов мутантов. Например, тип шесть, метаморфы.

Замерев в кресле, Рейвен воскликнул:

— Кто?

— Метаморфы,— брезгливо сморщившись, повторил Джеферсон.— Не на сто процентов. Телосложение обычное, человеческое, и никакой хирург не найдет в них ничего сверхъестественного. Но вместо костей у них хрящи, и они просто неподражаемы в копировании лиц. Если такому типу взбредет в голову притвориться вашей родной матушкой, то вы его поцелуете и ни на секунду не усомнитесь.

— Говорите только за себя,— сказал Рейвен.

— Вы знаете, что я имею в виду,— ответил Джеферсон.— Их надо увидеть, и тогда поверишь.

Показав на отполированную поверхность стола, Джеферсон продолжил:

— Представьте, что это шахматная доска бесконечных размеров. Мы используем игрушечных шахматистов. Играем белыми. Имеется два миллиарда пятьсот миллионов наших против тридцати двух миллионов венериан и шестнадцати миллионов марсиан. На первый взгляд огромный перевес. Мы их превосходим количеством.— Он сделал пренебрежительный жест.— Но количеством чего? Пешек!

— Это понятно,— согласился Рейвен.

— Вам ясно, как оценивают позицию наши оппоненты: проигрыш в численности они с лихвой перекрывают высшими фигурами. Кони, слоны, ладьи, ферзи и — что для нас хуже всего — новые фигуры с новыми свойствами. Они могут производить мутантов дюжинами, и каждый из них стоит батальона болванов-пешек.

Рейвен задумчиво произнес:

— Ускорение эволюции — естественное следствие освоения космоса. Удивляюсь, почему наши предки выпустили это из виду. Даже ребенку ясно, что из чего следует.

— Предки считали,— ответил Джеферсон,— что мутации может вызвать только повышенная радиация, вызванная всемирной атомной бойней. Но то, что людям — будущим венерианским колонистам — придется провести чуть не полгода под жестким космическим излучением,— об этом они не подумали. Гены тысяч

людей были исковерканы, и никто, в том числе и они сами, не подозревал, чем обернется это ежечасное, ежеминутное, неотвратимое воздействие.

— Теперь они прозрели.

— Да. Но в те времена они не смогли увидеть за деревьями леса. Черт возьми, они додумались до того, что начали строить двухкорпусные корабли с прослойкой из сжатого озона, который поглощает радиацию, и снизили интенсивность до уровня всего в восемьдесят раз выше, чем на поверхности Земли. Но восемьдесят раз остаются почти *двумя порядками превышения* допустимых значений! За столь долгий срок роль случайного фактора резко возрастает, и можно сказать, что каждое путешествие на Венеру порождало около восьмидесяти мутантов. А именно так и случилось.

— С Марсом хуже,— заметил Рейвен.

— Еще бы! — согласился Джеферсон.— Там меньшая численность населения, но почти то же количество и многообразие мутантов. Причина проста: дорога туда занимает одиннадцать месяцев. Каждый марсианский колонист подвергается жесткому облучению вдвое дольше, чем венерианский, продолжает подвергаться и в дальнейшем — ведь у Марса атмосфера тоньше. Человеческие гены многое могут выдержать, дозу космических лучей в том числе, но всему есть предел.— Он замолчал, побарабанил пальцами по столу и кратко подытожил: — Так как каждый мутант представляет военную ценность, военный потенциал Марса равен потенциалу Венеры. Теоретически Марс и Венера вместе могут выставить на доску вполне достаточно фигур, чтобы дать нам полное удовлетворение за наши деньги. Именно это они и пытаются сделать. До сих пор они выигрывали, и сейчас наконец мы поняли, что ничего странного в этом нет.

— Мне кажется,— заметил Рейвен,— что они допускают ошибку, вроде той, которую сделали первые колонисты: слишком уверовав в свое преимущество, они упустили кое-что из виду.

— Вы хотите сказать, что наша планета имеет космический флот и может найти своих собственных мутантов?

— Да.

— Они узнают об этом таким же способом, как узнали мы. И надеюсь, с вашей помощью.

— Надежда умирает последней. Как же, по-вашему, сумею я им помочь?

— Это уж ваша забота,— отрезал Джеферсон. Порывшись в бумагах, он извлек пару листов и пробежал по ним взглядом.— Я расскажу вам об одном случае, который очень показателен для той склоки, в которую нас вовлекли, и тех методов, которыми в ней пользуются. Именно после этого инцидента мы впервые поняли, что идет война. У нас имелись подозрения относительно некоторых, вроде бы не связанных между собой событий, и мы установили скрытые камеры. Большинство не показали ничего. Некоторые не сработали. Но одна все-таки среагировала.

— И?..— Рейвен подался вперед, глаза у него стали внимательными.

— Камера показала, как три человека уничтожили чрезвычайно важную информацию о космических кораблях, которую раньше чем через год не восстановить. Один из этой троицы, мутант первого типа, активный телепат, стоял на мысленной страже. Другой, второго типа, воздухоплаватель...

— Левитатор? — перебил Рейвен.

— Именно. Он переправил их через две стены по двадцать футов каждая с помощью веревочной лестницы, а затем поднял лестницу к окну в верхней части здания. Третий, мутант седьмого типа, гипнотизер, позаботился об охранниках, которые могли им помешать,— обездвижил всех троих, стер в их памяти все, что они видели, и заменил фальшивыми воспоминаниями. О скрытых камерах охранникам известно не было, и они не смогли непроизвольно выдать их телепату. Если бы не камера, мы вообще не узнали бы про ту чертову операцию. Просто оказались бы перед фактом, что информация непостижимым образом растаяла как дым.

— Кроме этого, произошло несколько крупных пожаров на таких важных объектах, что мы склонны обвинить в них пиротиков, хотя доказательств, разумеется,

нет.— Джеферсон сокрушенно покачал головой.— Ну и война! Они воюют по правилам, которые устанавливают сами, и это отнюдь не игра в бросание колец. Нашим стратегам следовало понять это еще давно.

— Воды утекло много,— резюмировал Рейвен.

— Знаю-знаю, мы живем в суровые времена.— Он подтолкнул к слушателю лист бумаги.— Вот копия моего перечня мутаций жителей Венеры и Марса, нумерованных по типам и помеченных буквами по степени опасности, если так можно выразиться.— Он фыркнул, как будто на этот счет были какие-то сомнения.— Буква «О» означает опасный, «О+» — очень опасный, «Б» — безопасный, хотя в этом я не уверен. Список может оказаться неполным. Но сегодня у нас другого нет.

Рейвен, быстро пробежав глазами листок, спросил:

— Вы уверены, что все они — чистые типы? То есть, что левитаторы могут летать только сами или с грузом, но не могут вызывать левитацию посторонних объектов? А телекинетики, наоборот, левитируют другие предметы, но не могут летать сами? Что телепаты — не гипнотизеры, а гипнотизеры — не телепаты?

— Все верно. Один человек, одна сверхъестественная способность.

Рейвен принялся внимательно изучать перечень.

1. АКТИВНЫЕ ТЕЛЕПАТЫ О+
2. ЛЕВИТАТОРЫ О
3. ПИРОТИКИ О+
4. ХАМЕЛЕОНЫ Б
5. НОКТОПТИКИ Б
6. МЕТАМОРФЫ О
7. ГИПНОТИЗЕРЫ О+
8. СУПЕРСОНИКИ Б
9. МИКРОИНЖЕНЕРЫ О+
10. РАДИОСЕНСЫ О
11. НАСЕКОМОЯЗЫЧНЫЕ О+
12. ТЕЛЕКИНЕТИКИ О+

— Ну что ж, картина ясна! — Усмехнувшись, Рейвен сунул бумагу в карман и встал.— Не заблуждаются ли они насчет того, будто старушка Земля уже не та, что прежде?

— Это ваша точка зрения,— подчеркнул Джефферсон.— А они считают, что Земля одряхлела, безнадежно отстала от жизни, потому только и ждет того, кто столкнет ее в могилу. Вот они и помогают ей, толкая в те места, где всего больнее.

— Я сыграю так же,— пообещал Рейвен,— когда выберу мишень. Если останусь цел.— С этими словами он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Он ступил на свой путь.

Глава вторая

Неожиданности начались сразу, прямо на улице. Едва ли можно было среагировать быстрее. Тонкости, естественно, отсутствовали, без них, конечно бы, не обошлось, будь организаторы предупреждены пораньше и имей они время на подготовку. Как всегда, экспромты хороши внезапностью, но проигрывают в основательности.

Рейвен открыто вышел через главный вход Бюро Безопасности и помахал рукой проплывавшему над головой воздушному такси. Описав дугу, машина нырнула на более низкий транспортный уровень, оттуда на посадочный и опустилась на мостовую.

Это был прозрачный шар, смонтированный на кольце из небольших упругих шариков, предназначенных для амортизации при посадке. Такси — последняя модель антиграва — стоило почти двенадцать тысяч кредиток, но его водитель, похоже, меньше всего заботился о том, чтобы хоть изредка сдувать с машины пылинки.

Таксист распахнул дверцу, на его румяном, мясистом лице заиграла профессиональная улыбка. Скоро, однако, он заметил, что клиент не спешит войти, и тогда, согнав улыбку, нахмурился, поскоблил сломанным ногтем небритый подбородок и проговорил надтреснутым голосом:

— Эй, мистер, пока я чего не подумал, давай-ка...

— Помолчи минутку, не видишь, что ли, я размышляю,— ответил Рейвен, все еще стоя на тротуаре в нескольких футах от такси. Вроде бы ничего необычного,

но в то же время он чувствовал странное беспокойство, и оно заставляло его прислушиваться к далеким волшебным колокольчикам интуиции.

Таксист помрачнел, еще раз поскреб щетину, будто провел наждаком. Вытянутой правой рукой он все еще придерживал открытую дверь. Что-то слегка надавило его перчатку, как будто ее коснулось невидимое дыхание. Он ничего не заметил.

Рейвен подошел, наконец, вплотную к такси, но внутрь не сел.

— У тебя есть расплавщик? — спросил он водителя.

— Еще бы! Хорош же я буду без него, если заклинит рычаг посадки! — Таксист извлек инструмент из ящика. Он напоминал небольшой пистолет.— Зачем он вам?

— Хочу подпалить тебя сзади,— сообщил Рейвен, взяв инструмент из рук таксиста.

— Прямо здесь? Здорово придумано! — Маленькие запавшие глазки таксиста стали еще меньше. Глупая ухмылка обнажила редкие зубы, исказив похожее на бифштекс лицо.— Тебе сегодня не повезло, мистер шутник.— Его рука скользнула в карман и извлекла оттуда еще один расплавщик.— Так получилось, что их у меня два. Ты продырявишь штаны мне, а я — тебе. Так что будем квиты.

— Прочность твоих штанов меня не интересует,— сказал Рейвен с усмешкой.— Он уловил внезапное замешательство водителя и добавил: — Я имел в виду такси.

С этими словами он приставил наконечник миниатюрного автоматического сварщика к обшивке сиденья и нажал рукоятку.

Рука почувствовала легкий толчок, и тонкая струйка вонючего дыма потянулась из-под пластиковой обшивки, когда то, что было в ней спрятано, начало плавиться от высокой температуры. После этого Рейвен спокойно сел в такси и закрыл дверь.

— Теперь все в порядке. Поехали.— Подавшись вперед, он сунул расплавщик на место.

Пока антиграв, держа курс на юг, набирал высоту в пять тысяч футов, таксист с безучастным видом покручивал штурвал управления. Но время от времени он шевелил мохнатыми бровями, пытаясь понять, что про-

изошло, а глаза его периодически перебегали от лобового стекла к зеркалу заднего вида, в которое он исподтишка наблюдал за пассажиром. От такого в самом деле можно было ждать чего угодно, хоть вселенского пожара.

Не обращая на таксиста внимания, Рейвен запустил руку во все еще теплую дыру в обшивке сиденья, нащупал горячий металл и извлек золотистого цвета приборчик не больше сигареты. У него были крылышки — сейчас их искорежило нагревом; на переднем конце поблескивали линзы величиной с жемчужину, а в задней части имелось семь отверстий миниатюрных ракетных двигателей.

Не было нужды разбирать эту штуку, чтобы разглядеть ее внутренности. Там было все, что нужно, и он знал, что именно: двигатель, устройство наведения, микросхема, генерирующая позывные сигналы, взрывное устройство величиной со спичечную головку — и все это весом меньше трех унций. С помощью такой сигаретки антиграв оставлял бы в эфире след, по которому гончие нашли бы его хоть на краю света.

Обернувшись, Рейвен посмотрел в заднее стекло. В воздухе на всех уровнях реяло столько такси, туристских, спортивных и служебных машин, что определить, преследуют ли их, было абсолютно невозможно. Впрочем, и не нужно. При таком оживленном движении одинаково трудно обнаружить и охотника, и жертву.

Бросив цилиндрик с крылышками поближе к водителю, Рейвен сказал:

— Можешь взять эту штуку себе на память. В ней деталей на пятьдесят кредиток — конечно, если найдешь того, кто сумеет их достать и не разломать окончательно.

— Еще десятка за дыру в сиденье.

— Заплачу, когда приедем.

— Другое дело.— Таксист оживился, взял в руки цилиндрик, с любопытством повертел и сунул в карман.— Как вы узнали, что эта штука сидит под обшивкой?

— Кто-то о ней думал.

— А поподробнее?

— Когда люди стреляют такими игрушками через двери такси, они не должны думать о том, что делают,

даже если находятся за четверть мили отсюда. Иначе это все равно, что кричать во все горло. Мысли легко подслушать.— Он посмотрел в затылок водителю.— Ты хоть раз делал что-нибудь, думая совсем о другом?

— Один раз.— Подняв левую руку, тот показал обрубок пальца.— Вот чего мне это стоило.

— Убедительно,— сказал Рейвен и добавил, больше для себя: — Жаль, что микроинженеры вдобавок не телепаты.

В молчании они покрыли еще сорок миль на той же высоте. За городом транспортный поток ослабел.

— Надо иметь при себе оружие,— проговорил таксист.— Не помешает, когда имеешь дело с такими пассажирами.

— Да, захвати в следующий раз.— Рейвен снова обернулся.— Заодно поучись отрываться от хвоста. Сейчас за нами как будто никого нет, но могут появиться.

— Если появятся, я сумею от них избавиться. За пятьдесят кредиток.— Таксист изучал его через зеркало заднего вида, оценивая, много или мало запросил за услугу.— Плюс столько же за то, что буду держать язык за зубами. Это уж я гарантирую.

— Твои гарантии ничего не стоят — ты откроешь рот просто потому, что не сможешь молчать,— мрачно заметил Рейвен.— У них методы кнута, а не пряника.— Он вздохнул.— Вот пятьдесят кредиток — за ту маленькую задержку.— Он схватился за подлокотники, и антиграв, качнувшись, вильнул в сторону и нырнул в облако. Мир скрылся за толстым слоем тумана, который клубился вокруг, уносясь назад желтыми полосами и грязно-белыми хлопьями.— Лучше не надо. Радар ты собой не заменишь.

— Я еще и не такое умею.

Через два часа они опустились на лужайку возле длинного приземистого дома. Небо было пустынным, если не считать полицейского патруля, что двигался в вышине на север. Патруль уверенно шел своим курсом, не обращая внимания на антиграв на лужайке, и вскоре исчез из виду.

От дома к ним шла женщина. Природа щедро одарила ее — тело было крупновато, но двигалась она с

неожиданной для такого веса легкостью. Ее трудно было назвать грациозной: полногрудая, с крутыми бедрами и набором всего, что нравится большинству мужчин,— большими, широко расставленными черными блестящими глазами, крупным чувственным ртом и огромной копной угольно-черных волос. В разное время за ней пытались ухаживать десятка два поклонников, впрочем безуспешно.

— Дэвид! Откуда ты взялся? — воскликнула она, протягивая Рейвену большую теплую ладонь.

— Ты же обычно сама все узнаешь, если только я не закрываю мысли.

— Конечно.— Она переключилась на мысленное общение единственно потому, что так было легче.— Что случилось?

Он ответил тоже мысленно:

— Два зайца.— И улыбнулся.— Которых я надеюсь убить одним выстрелом.

— Убить? Какое ужасное слово! — Тень тревоги легла на ее лицо.— Тебя на что-то подбили... Я знаю. Я чувствую, хоть ты и спрятал свои мысли. Тебя уговорили вмешаться.— Она села в пневматическое кресло и меланхолически уставилась в стену.— Но есть же неписаный закон, что мы не должны ни во что вмешиваться, если только не нужно помешать денебианам. Иначе мы обнаружим себя и тем самым напугаем людей, а напуганные люди имеют привычку, не рассуждая, бить по чему попало. Невмешательство же усыпляет подозрения, укрепляет их во мнении, что мы ни на что опасное не способны.

— Логика безупречная, но при условии, что верны предпосылки, а это, к сожалению, не так. Обстоятельства изменились.— Он уселся напротив, рассматривая ее серьезным взглядом.— Лина, мы дали промашку. Они оказались проницательней, чем мы думали.

— В чем?

— Им понадобился человек, который распутал бы чертовски сложный узел... Они пытались сами, но у них ничего не вышло. И вот, имея один шанс из миллиона, они принялись прочесывать весь мир. И выследили меня!

— Выследили тебя? — Она встревожилась еще больше.— Как им удалось?

— Единственно возможным способом — по документам. Им пришлось перебрать горы информации о бесчисленных рождениях, свадьбах, смертях, проанализировать всю эту шелуху на двадцать поколений вглубь. И ведь они не знали, что ждет их впереди — находка или пшик. Мои вполне обычные предки формализовывали все свои брачные союзы и оставили длинную серию документальных подтверждений. Когда леску смотали, оказалось, что на крючке повисла рыбка — я.

— Если они выследили тебя, то же может случиться и с другими,— без особой радости заметила она.

— На этой планете,— напомнил он,— других нет. Только мы с тобой. А тебя не тронут.

— Да? Почему ты так уверен?

— Сортировку уже закончили. Зацепили меня, а не тебя — может, потому, что ты женщина. Или потому, что у твоих предков была аллергия к официальным документам. Может, среди них были гангстеры или кто похлеще.

— Ну, спасибо на добром слове! — проговорила она, слегка надувшись.

— Пустое! — Он улыбнулся.

Она пристально посмотрела ему в глаза.

— Дэвид, что они от тебя хотят?

Со всеми подробностями он рассказал ей о том, что произошло, и добавил:

— До сих пор Марс и Венера применяли тактику непрестанного, постоянно растущего давления. Поэтому обитатели обеих планет считают, что Земля не сумеет придумать адекватного ответа и рано или поздно потерпит крах. Другими словами, они не упускают случая выпить хоть пинту чужой крови. В один прекрасный день земляне так ослабеют, что не смогут удержаться на плаву, не говоря уж об обороне.

— Это не наше дело,— решила она.— Пусть противники выясняют свои отношения сами.

— И я сперва думал точно так же,— сказал он,— пока не припомнил, что человеческая история не раз показывала, как одна неприятность приводит к дру-

гой. Знаешь, Лина, очень скоро Земля решит, что достаточно натерпелась, и сделает ответный ход. Отнюдь не дипломатический. Марс и Венера отреагируют немедленно, и любые переговоры станут невозможны. Вспыхнут страсти, напряжение будет расти, рухнут все договоренности, ограничения, сомнения, и наконец, какой-нибудь перепуганный до смерти маньяк, не важно, с какой стороны, бросит водородную бомбу, чтобы показать, кто в доме хозяин. Можешь представить, что будет дальше.

— Могу,— бесстрастно согласилась она.

— Мне очень не хочется ввязываться в людские дела,— продолжал он.— Я с радостью отсиделся бы в укрытии, пока бушует шторм, сотрясается мир и уходят из этой жизни десятки миллионов людей. Джефферсон слишком уж оптимистично полагает, что я смогу что-то сделать в одиночку. Конечно, я не против им помочь, но при условии, что останусь в живых. Не рискнув, не выиграешь.

— Ах! — Она сцепила пальцы рук.— Ну почему эти создания так глупы и упрямы? — И, не дожидаясь ответа, спросила: — Что я должна делать, Дэвид?

— Держись в стороне,— сказал он.— Я вернулся уничтожить кое-какие бумаги, и это пока все. Есть шанс, что они схватят меня прежде, чем я уйду. Тогда ты окажешь мне небольшую услугу.

— Какую?

— Некоторое время будешь заботиться о моем парадном костюме.— Рейвен многозначительно похлопал себя по груди.— Он мне очень идет, да и другого нет. Так что потерять его я не хочу.

— Дэвид! — в ужасе мысленно воскликнула она.— Только не это! Ты этого не сделаешь! Нельзя! Это слишком серьезное нарушение. Это неэтично.

— И война. И массовые убийства...

— Но...

— Тише! — Он предостерегающе поднял палец.— Они уже здесь. Быстро управились.— Он взглянул на стенные часы.— И трех часов не прошло, как я вышел из Бюро. Хорошо работают.— Он повернулся к ней: — Ты чувствуешь их?

Кивнув, она выпрямилась, в ожидании села, а Рейвен поспешно вышел, чтобы заняться своими бумагами. Вскоре он возвратился, и в этот момент мелодично зазвучал гонг. Поднявшись с кресла, Лина нерешительно остановилась, взглянула на Рейвена, но тот лишь равнодушно пожал плечами. И тогда она направилась к двери и с безразличным видом ее открыла.

На пороге стояли двое, в четырехстах ярдах от дома, около вертолета — еще пятеро. Все были в черной с серебром форме секретной полиции.

Двое у двери — плотные, с бесстрастными лицами — были похожи, как братья. Но то было лишь профессиональное, внешнее сходство, потому что внутренне они различались. Один — телепат; другой — кто-то еще. Телепат напал грубо и внезапно, чтобы не позволить Лине исследовать мозг этого второго и таким образом распознать его особый талант; защищаясь, она мысленно оттолкнула его, моментально заблокировав мысли, и телепат, немедленно среагировав, отступил.

— Еще телек,— сказал он своему компаньону.— Да они тут, кажись, кишмя кишат.— Не дождавшись ответа, заговорил с Линой вслух: — Говори по-хорошему.— Затем немного помолчал, двусмысленно хмыкнул, а потом продолжил: — Или ты выложишь все моему другу, но уже не по своей воле. Дело твое. Как видишь, мы из полиции.

Она резко возразила:

— Ничего подобного. Полицейский офицер не станет называть напарника другом. И он не будет угрожать, не объяснив, в чем дело.

Второй, что помалкивал до сих пор, теперь заговорил:

— Значит, желаешь поговорить со мной? — Глаза его странно светились, напоминая две маленькие луны,— характерный признак гипнотизера.

Не обращая на него внимания, Лина спросила первого:

— Что вам нужно?

— Рейвен.

— А причем тут я?

— Он здесь,— уверенно произнес тот, пытаясь заглянуть через ее плечо.— Мы знаем, что он здесь.

— Допустим.

— Нам нужно его допросить.

Из задней комнаты раздался голос Рейвена:

— Очень любезно с твоей стороны, Лина, стараться выпроводить этих джентльменов. Кажется, это не удастся. Пусть войдут.

Лина вздрогнула. Лицо ее исказилось, когда она отступила на шаг, пропуская их. Она знала, что сейчас произойдет, и дверная ручка под пальцами показалась ей невероятно холодной.

Глава третья

Войдя в комнату, незваные гости замедлили шаг. Выражение их лиц стало настороженным, в руках появились маленькие, отливающие синевой пистолеты, и они разошлись в стороны, словно опасаясь, что их могут ненароком уложить на месте одним ударом.

Не потрудившись встать и явно забавляясь их предосторожностями, Дэвид Рейвен, едва успев мысленно извлечь из них, кто они такие, проговорил:

— А, мистер Грейсон и мистер Стин! Телепат и гипнотизер — и еще банда дефективных на улице. Большая честь для меня.

Телепат Грейсон бросил своему компаньону:

— Смотри-ка, этот тип еще называет нас дефективными.— Нетерпеливо взмахнув рукой, он рявкнул: — Ну, щупатель мозгов, живо на ноги — и пошли!

— Куда?

— Потом узнаешь.

— Это только кажется,— сухо заметил Рейвен.— В ваших мозгах не записано, где конец путешествия, из чего следует, что вы не пользуетесь у своих хозяев доверием.

— Ты — тоже,— отрезал Грейсон.— Слезай с насеста. Мы не можем тратить на тебя целый день.

— О, да.— Рейвен потянулся, зевнул. Взгляд его упал на Стина, гипнотизера: — А ты чего, язык проглотил, косоглазый? Никогда не видел такого красавчика, как я?

Не отводя пристального взгляда, которым он с первой минуты буравил Рейвена, Стин ответил:

— Когда нам нужны такие красавчики, ими занимаюсь я! — И в запальчивости добавил: — Хотел бы я знать, что это ты так разошелся? У тебя не четыре руки и не две головы. С чего они взяли, что ты какое-то чудо?

— Никакое он не чудо,— нетерпеливо прервал Грейсон.— Сдается мне, те парни в штаб-квартире просто клюнули на пустышку. Я знаю, на что он способен — ничего особенного.

— Неужели знаешь? — спросил Рейвен, взглянув на него.

— Да. Ты — всего лишь новая порода телепатов. Можешь читать чужие мысли, даже с закрытым мозгом. В отличие от нас, тебе не нужно открывать свой мозг, чтобы сунуться в чужой. Хороший трюк, полезный.— Он фыркнул.— Но не такой уж и страшный, чтобы напугать две планеты.

— Тогда чего вы боитесь? — заметил Рейвен.— Узнав самое худшее, вы знаете и все остальное. Теперь отстаньте от меня, я хочу подумать о своих грехах.

— Нам приказано доставить тебя на допрос. И мы это сделаем.— От Грейсона сквозило ледяным презрением.— Если прикажут, мы приведем на цепи хоть тигра, но сдается мне, ты больше похож на котенка.

— И кто же будет меня допрашивать, Большой Шеф или сошка помельче?

— Это нас не касается,— отрезал Грейсон.— Тебя тоже. Все, что от тебя требуется,— не ломаться и приготовиться отвечать.

— Лина, принеси, пожалуйста, мне шляпу и сумку.— Рейвен многозначительно мигнул женщине, молча стоявшей в дверях.

— Ни с места,— проскрипел Грейсон, которому не понравился этот знак.— Стой где стоишь.— Он повернулся к Рейвену.— Пойдешь сам.— Затем к Стину: — Ты — с ним. А я присмотрю за толстой леди. Если начнет показывать зубы, дашь ему свое лекарство.

Два человека направились в соседнюю комнату: Рейвен впереди, Стин позади. Взгляд Стина был надежнее

любой пули. Присев на ручку пневматического кресла, Грейсон оперся рукой с пистолетом о колено, оценивающе разглядывая Лину.

— Еще одна мыслящая устрица, а? — сказал Грейсон.— Если ты надеешься, что твоему дружку удастся отвлечь Стина, то пораскинь как следует мозгами, если уж ты умеешь так хорошо скрывать мысли. Он не сможет этого сделать, ни в жизнь.

Не отвечая, Лина продолжала без всякого выражения смотреть в стену.

— На расстоянии любой телепат перехитрит любого гипнотизера, потому что читает его намерения и у него есть пространство для маневра.— Грейсон сообщил это менторским тоном.— Но вблизи у него шансов не больше, чем у плюшевого котенка. Гипнотизер всегда в выигрыше. Уж я-то знаю! На мне проверяли кучу этих вшивых гипнотических трюков, да еще после нескольких кварт венерианской горной росы.

Она не отвечала, стараясь расслышать сквозь эту болтовню, что происходит за стеной. Грейсон попытался было внезапно проникнуть в ее мысли, надеясь застать врасплох, но наткнулся на непробиваемую защиту. Она легко отразила атаку и продолжала слушать. В другой комнате послышалась слабая, еле различимая возня, потом кто-то захрипел.

Словно не веря своим ушам, Грейсон немного развернулся к двери.

— Смотри, у меня тут оружие, а на улице ждет компания, которая шутить не любит.— Он взглянул на дверь в соседнюю комнату.— Долго их нет, однако,— произнес он обеспокоенно.

— Ни шанса,— прошептала она, но так, чтобы он расслышал.— Вблизи — ни шанса.

Что-то в ее лице, глазах, голосе вновь возбудило в Грейсоне угасшие было подозрения и вызвало неясную тревогу. Он сжал зубы и подошел к ней, помахивая пистолетом.

— Ну-ка, вперед, милашка! Не спеша — и на два шага впереди. Посмотрим, что их задержало.

Лина встала, на миг опершись о ручку кресла. Она медленно повернулась к двери и опустила глаза, словно

не желая смотреть на то, что неминуемо должно было предстать перед ней.

В дверь, поглаживая подбородок и самодовольно ухмыляясь, вошел Стин. Он был один.

— Допрыгался.— Стин обращался к Грейсону, намеренно игнорируя Лину.— Я так и знал, что он попробует. Зато сейчас он тверже кладбищенского памятника. Чтобы его вынести, понадобится длинная доска.

— Ха! — Грейсон расслабился и опустил пистолет. С победоносным видом он повернулся к Лине: — Что я говорил? Этот дурачок все-таки попытался. Такие никогда ничему не научатся!

— Да,— согласился Стин, подходя все ближе и ближе.— Он оказался дурачком.— Он остановился вплотную к Грейсону, глядя ему прямо в глаза.— Ни шанса вблизи! — Глаза у него были яркие и очень большие.

Пальцы Грейсона дернулись и разжались. Пистолет упал на ковер. Он открыл рот, потом снова закрыл. Еле слышно, с трудом выговаривая слова, произнес: — Стин... какого... черта?

Глаза Стина расширились больше, взгляд их, казалось, заполнял пространство подавляющей разум магнетической силой. Одновременно зазвучал голос, сперва тихий и невыразительный, с каждой секундой голос становился все громче, пока, наконец, не перешел в рокочущий бас.

— Здесь нет Рейвена!!!

— Здесь нет Рейвена,— расслабленно повторил Грейсон.

— Мы не нашли его следов! Мы опоздали!

Грейсон повторял как автомат.

— Мы опоздали на сорок минут,— продолжал парализующий голос Стина.

— Мы опоздали на сорок минут,— подтвердил Грейсон.

— Он улетел на корабле золотисто-желтого цвета, номер ХБ-109, принадлежащем Всемирному Совету.

Грейсон повторил слово в слово. Он стоял, словно окаменев, с пустым лицом, похожий на восковой манекен в витрине портновской мастерской.

— Место назначения неизвестно.

Как попугай, он повторил и это.

— На вилле никого нет, кроме толстухи-телепатки, не представляющей особого интереса.

— На вилле никого нет,— пробубнил Грейсон с остановившимся взглядом, полуоглохший и подавленный.— Никого... никого... кроме толстухи... не представляющей...

Стин произнес:

— Подбери пистолет. Пошли расскажем все Халлеру.

И он двинулся мимо толстухи, не представлявшей особого интереса; Грейсон следовал за ним, как привязанный. Они не удостоили Лину даже взглядом. Ее внимание было приковано к Стину, она изучала его лицо, касаясь того, что было под маской, молча обращаясь к нему, укоряя, но он не обращал на это никакого внимания. Его равнодушие было демонстративным и от того немного притворным.

Лина закрыла за мужчинами дверь, вздохнула и сложила руки так, как с сотворения мира делают все женщины. Шаркающие звуки послышались позади. Повернувшись, она увидела фигуру Дэвида Рейвена, бессмысленно качавшуюся в двух ярдах от нее.

Фигура наклонилась вперед, прижала руки к лицу, ощупала его, будто сомневаясь, все ли на месте, и испытывая, казалось, ужас и отвращение, как от прикосновения к чему-то чужому и незнакомому. Наконец, руки опустились. На лице читалась мука, в глазах застыл ужас.

— Мое,— сказал голос, принадлежащий одновременно обоим — Рейвену и Стину.— Он отнял! То, что было моим и только моим! Он отобрал меня у меня!

Рейвен замолк, диким взглядом уставившись на Лину. Лицо его постоянно менялось, отражая внутреннюю борьбу. Затем он подошел к ней вплотную и вытянул руки со скрюченными пальцами.

— Ты все знала! Ты напустила туману, а сама все знала и помогала ему. Я тебя сейчас убью, тварь! — Дрожащие пальцы сомкнулись на ее горле, но Лина продолжала стоять неподвижно, даже не пытаясь сопротивляться, и только в ее больших зрачках плескалась какая-то неясная тень.

Прошло несколько долгих секунд; Рейвен вдруг разжал руки и в ужасе попятился. Лицо его исказилось, но голос окреп.

— О, черт! Ты тоже!

— То, что может сделать один, может и другой, это нас связывает.

Она наблюдала за тем, как он сел и принялся ощупывать свое новое лицо.

— Знаешь, что гласит самый сильный закон — закон самосохранения? Он гласит: «Я — это я, и не могу быть не-я».

Рейвен молчал, мерно покачиваясь и поглаживая лицо.

— Ты всегда будешь страдать без того, что по праву твое. Ты будешь желать его с тем же неистовством, с каким в смертельной опасности цепляются за жизнь. Постоянно казня себя, никогда не обретая мира, покоя, не зная чувства завершенности, если только...

— Если только? — Он быстро отнял руки от лица, испуганно взглянул вверх.

— Если только ты не будешь играть по нашим правилам,— сказала она.— Если ты согласишься, тогда то, что сделали с тобой, можно будет исправить.

— Чего ты от меня хочешь? — Он выпрямился, в глазах блеснул огонек надежды.

— Безоговорочного послушания.

— Согласен,— горячо пообещал он.

И Лина почувствовала громадное облегчение от того, что проблема костюма Рейвена и его нового обладателя благополучно разрешилась.

Главарь банды по имени Халлер имел хрупкое сложение, шесть футов росту, марсианское происхождение и был мутантом третьего типа — пиротиком. Облокотившись о хвост вертолета, он крутил в руках серебряную пуговицу своей фальшивой полицейской куртки и высказал некоторое разочарование, когда подошли Стин и Грейсон.

— Ну?

— Плохо,— сказал Стин.— Ушел.

— Давно?

— Сорок минут назад,— ответил Стин.

— То есть в три часа,— пробормотал Халлер сквозь зубы.— Значит, мы его догоним. Куда он направился?

— А вот это,— небрежно проговорил Стин,— он, видно, забыл сообщить той услужливой даме, которую бросил в доме. Она знает только то, что он забрал кое-какие вещички, сел в антиграв и стартовал на ХБ-109.

— Женщина в доме.— Халлер посмотрел на него.— Кто она ему?

Стин только глупо осклабился.

— Ясно,— сказал Халлер. Его взгляд был прикован к молчаливому, будто глухонемому, Грейсону, переминавшемуся с ноги на ногу в сторонке. В конце концов Халлер нахмурился и спросил: — Какого черта ты тут страдаешь?

— Э? — Грейсон бессмысленно заморгал.— Я?

— Ты — телепат и, кажется, способен читать мои мысли, а я твои читать не могу. Я только что раз десять спросил тебя мысленно, не болит ли у тебя живот или что-нибудь еще, а ты реагируешь так, будто читать мысли умеют только где-нибудь на Альфе Центавра. Что с тобой? Посмотреть на тебя, так можно подумать, что тебе вкатили лошадиную дозу наркотика.

— Лошадиную дозу его собственной стряпни,— вступил в разговор Стин.— Он измотался с этой толстухой: оказывается, она из его же породы. Представляешь, каково спорить с женщиной не только вслух, но еще и телепатически?

— Боже сохрани! — воскликнул Халлер. Оставив Грейсона в покое, он добавил: — Пошли! С этим Рейвеном надо поторапливаться.

Он поднялся в кабину, за ним — остальные. И пока закрывался люк и набирал обороты двигатель, Халлер, полистав Межпланетный Регистр, нашел то, что искал.

— Вот он, ХБ-109. Покрытие — золоченый бериллий, одноместный, двадцать дюз. Масса покоя на Земле — триста тонн. Максимальная дальность — полмиллиона миль. Обозначен как курьерский бот Всемирного Совета, функции полицейские и таможенные. Хм! Перехватывать его в открытую, при свидетелях, было бы глупо.

— Если мы вообще его найдем,— сказал Стин.— Мир велик.

— Будем искать, пока не найдем,— отрезал Халлер.— Эти полмиллиона миль — неплохая зацепка. Они привязывают его к Земле и Луне. До Марса или Венеры ему не долететь.

Он сверился с кодовым списком радиоканалов и расписанием их работы.

— Тридцать третий, канал девять.— Нажав нужную кнопку, он заговорил в наручный микрофон. Слова превратились в импульсы и вылетели в эфир, но ни один пеленгатор не смог бы обнаружить и расшифровать такое краткое сообщение:

— Синдикат. Вызов: Халлер — Дину. Срочно найдите ХБ-109.

Развернув кресло пилота в сторону, Халлер уселся в него, зажег черную венерианскую сигару в пятнадцать дюймов длиной и с наслаждением затянулся. Задрав ноги на край приборной доски, он принялся ждать.

Динамик сообщил:

— ХБ-109 в сегодняшних рейсах не значится. В полицейских рапортах на сегодня не указан. Конец сообщения.

— Сервис! — с довольным видом сказал Халлер, бросив взгляд на Стина.

Через пять минут:

— ХБ-109 в ангарах Совета с первого по двадцать девятый не значится. Конец сообщения.

— Странно,— заметил Халлер, затянувшись сигарой и выпустив колечко дыма.— Если он не на стоянке, он должен быть в рейсе. Рейвен не мог взять бот сегодня без отметки о вылете.

— Может, он взял его вчера или позавчера, а потом продлил заявку,— предположил Стин, тщательно и плотно закрывая дверь в пилотскую кабину. Сев на краешек приборной доски рядом с Халлером, он стал ждать следующего сообщения. Оно пришло через десять минут.

— Дин — Халлеру. ХБ-109 взят Курьером Джозефом Мак-Ардом. На заправке в Сводчатом Городе, Луна. Канал девять закрывается.

— Не может быть! — воскликнул Халлер.— Не может быть! — Он вскочил, откусил кончик сигары и зло сплюнул.— Кто-то водит нас за нос.— Его гневные глаза оказались вровень с глазами Стина, и он тут же добавил: — Твои фокусы?

— Чего ради? — Стин с оскорбленным выражением поднялся, и они, стоя почти вплотную, принялись пожирать друг друга глазами.

— Либо ты все это выдумал, либо женщина назвала тебе липовый номер. Грейсон, похоже, так очумел от всего, что заглотил наживку.— Халлер взмахнул сигарой.— Наверное, женщина. Она послала вас по ложному следу и, должно быть, вволю посмеялась, когда вы бросились по нему очертя голову. Если это так — виноват Грейсон. Из вас двоих мозги щупает он. Давай его сюда, я должен докопаться до сути.

— Как же Грейсон мог прочесть ее мысли, если у нее мозг как надгробная плита? — спросил Стин.

— Он-то понял, что ничего не выходит, и отдал эту женщину тебе. И ты, превратив ее в живую статую, помог ему докопаться до всяких пустяков, вроде ее любимого фасона колготок. Раз уж вы оба такие болваны, что не можете сработаться, то какого черта вы так неразлучны?

— Не так уж мы глупы,— возразил Стин, ничуть не обидевшись.

— Но результат-то налицо,— отрезал Халлер.— Нутром чую, эта чертова баба нафаршировала Грейсона всякой дребеденью по самую жилетку. И вид у него такой, будто он только что прозрел. На Грейсона это не похоже. Приведи его, надо разобраться.

— Не стоит,— мягко сказал Стин.— Это касается нас двоих.

— Вот как? — Самообладание Халлера и его способность ничему не удивляться делали его крепким орешком. Перед ним на столе лежал пистолет, но он не делал попыток им воспользоваться, лишь спокойно отложил сигару и повернулся к собеседнику.— Сдается мне, ты темнишь. Не знаю, что тебе взбрело в голову, но лучше не заходи слишком далеко, предупреждаю.

— Не заходить?

— Именно. Ты — гипнотизер. Ну и что? Я могу сжечь твои потроха на несколько секунд раньше, чем ты парализуешь мои, а кроме того, паралич через несколько часов пройдет, а вот угольки останутся. Навсегда.

— Знаю, знаю. Пиротическая сила.— Стин взмахнул рукой, слегка, как бы случайно, задев Халлера. Халлер почувствовал, как его руку кольнуло, и вдруг обнаружил, что не может ее отнять. Рука Стина словно прилипла к его руке — и в точке их касания что-то происходило.

— И это — тоже сила,— сказал Стин.

Глубоко внизу под многочисленными товарными складами, номинально принадлежащими Межпланетной Торговой Компании, был небольшой городок, который, хоть и располагался на Земле, на самом деле никакого отношения к ней не имел. Существовал он уже давно, но большинство наземных обитателей и не подозревало о том, что находится у них под ногами. А находилась там штаб-квартира тайной организации «Марс-Венера», самое ее сердце. Тысячная армия прокладывала его холодные длинные коридоры, оборудовала множество помещений — тщательно отобранная армия нелюдей.

В одном из помещений работала дюжина пожилых людей с тонкими нервными пальцами; они двигались медленно, как бы на ощупь, словно слепые. Глаза у них были особенные — с очень маленьким фокусным расстоянием, и поэтому эти люди вполне отчетливо различали предметы в трех-четырех дюймах от кончика носа. С помощью своих глаз они могли, если потребуется, пересчитать ангелочков, танцующих на острие иголки, и работали так, как будто принюхивались к тому, что делали, манипулируя пальцами прямо под носом. Это были мутанты девятого типа, обычно именуемые микроинженерами. Им ничего не стоило построить радиевый хронометр, настолько миниатюрный, что он мог бы служить камнем для бриллиантового колечка.

А в соседнем помещении находились совсем иные существа. Эти проказники непрерывно пробовали друг на друге свои феерические способности.

Двое сидели друг против друга. Мгновение — и лицо первого изменилось неузнаваемо.

— Эй, гляди, я стал Петерсом!

Реакция следовала молниеносно:

— Смотри, и я!

Деланный смешок. Два близнеца играют в карты, и каждый исподтишка следит за другим в надежде, что тот ослабит контроль и через каучуковую маску проступит подлинное лицо.

В комнату вошли еще двое и присоединились к игре. Один из них с заметным умственным напряжением поднялся в воздух, проплыл над столом и занял кресло на противоположной стороне. Другой посмотрел на ближайшее кресло, оно задрожало, заколебалось, а затем придвинулось к нему, словно поднятое невидимыми руками. Близнецы, казалось, нисколько не удивились и продолжали игру.

Тот из пришедших, что передвинул кресло, заставил свои карты прыгнуть ему прямо в руки, взглянул в них и недовольно пробурчал:

— Эй вы, куклы, если оба хотите быть Петерсами, пусть от вас хоть пахнет по-разному. Чтобы вас не спутать.— Еще ворчание: — Я — пас.

Кто-то из коридора заглянул в открытую дверь и, ухмыляясь, продолжил путь. Секунду спустя первый Петерс, поднеся сигарету ко рту, обнаружил, что она горит с двух концов. С громким проклятием он вскочил на ноги и захлопнул дверь, не забыв, однако, прихватить карты, чтобы телекинетик не проделал над ними свой трюк.

В это осиное гнездо, наглухо заперев мысли от всех возможных чтецов и закрыв мозг для гипноза, настороженный и подозрительный, вошел Грейсон своей обычной прыгающей походкой. Он спешил, и вид у него был как у человека, опасавшегося собственной тени.

В конце длинного коридора, перед тяжелой стальной дверью Грейсон оказался лицом к лицу с охранником-гипнотизером. Тот встретил его словами:

— Дальше нельзя, приятель. Здесь живет босс.

— Знаю-знаю. Мне нужен Кэйдер. И срочно.— Грейсон оглянулся, сделал нетерпеливый жест.— Скажи ему,

лучше пусть он меня выслушает, если не хочет, чтобы земля разверзлась у нас под ногами.

Охранник оценивающе оглядел его, открыл окошко в двери, сказал несколько слов, и через несколько секунд дверь отворилась.

Грейсон вошел и громко протопал через длинную комнату туда, где за небольшим бюро сидел единственный обитатель.

Кэйдер, приземистый широкоплечий человек с тяжелой нижней челюстью, был уроженцем Венеры и, вероятно, единственным мутантом одиннадцатого типа, находящимся сейчас на Земле. При помощи тихого, почти неслышного шепота он умел общаться с девятью видами венерианских насекомых, семь из которых ядовиты, и все они готовы были с радостью оказать своему другу добрую услугу. Таким образом, Кэйдер единолично распоряжался чудовищной мощью безжалостных нечеловеческих армий, столь многочисленных, что нечего было и думать об их уничтожении.

— Ну что на сей раз? — бросил он, отвлекшись от бумаг.— Говори быстро и по существу. Что-то я себя неважно чувствую по утрам. Этот мир мне не подходит.

— Мне тоже,— кивнул Грейсон.— Вы что-то раскопали об этом Дэвиде Рейвене и велели доставить его сюда.

— Да. Не знаю, кто он такой, но утверждают, что он опасен. Итак, где же он?

— Он скрылся.

— Это ненадолго,— заверил Кэйдер.— Я так и знал, что он где-нибудь спрячется. Скоро мы выясним где.— Он махнул рукой, словно ставя точку.— Держите след. Когда потребуется, мы его возьмем.

— Но,— сказал Грейсон,— мы его почти взяли. Мы уже загнали лису в нору, но она взяла и удрала!

Кэйдер покачался на задних ножках кресла.

— Ты хочешь сказать, что вы действительно держали его в руках? И дали ему ускользнуть? Как это произошло?

— Не знаю,— Грейсон был огорчен и не скрывал этого.— Просто не могу постичь. В голове не укладывается. Вот почему я к вам и пришел.

— Короче. Что случилось?

— Мы побывали в его убежище. С ним была женщина — они оба телепаты. Со мной был Стин, лучший гипнотизер из наших. Рейвен превратил его в мартышку.

— Дальше, парень! Кончай эти свои драматические паузы!

— Стин угостил своей стряпней меня. Он меня подловил и словно околдовал. Принудил вернуться к кораблю и сказать Халлеру, что мы не обнаружили никаких следов Рейвена. А потом мы вошли в каюту Халлера.

Маленькое паукообразное существо пробежало вверх по ноге Кэйдера. Опустив руку, он поймал его и перенес на бюро. Существо было тонкое, ярко-зеленое, с восемью малиновыми бусинками глаз.

С отвращением глядя на эту тварь, Грейсон сказал:

— Через несколько часов разум ко мне вернулся. Но к этому времени Халлер сошел с ума, а Стин исчез.

— Ты сказал, Халлер сошел с ума?

— Да, он нес какой-то вздор. Такое впечатление, что он словно переродился, стал думать все наоборот. Рассуждал сам с собой о преступности намерений Марса и Венеры, о войне с Землей, об удивительности Вселенной, о победе над смертью и тому подобном. Он вел себя так, словно собрался начать загробную жизнь и делает последние приготовления!

— Халлер — пиротик,— заметил Кэйдер.— Ты телепат. Ты понимаешь, что означает этот элементарный факт? Или ты так одурел от случившегося, что забыл свои обязанности?

— Нет. Я заглянул ему в черепушку.

— Ну и что там у него?

— Он словно зациклился. Все рассуждал то об этой жизни, то о какой-то другой чудо-жизни...— Грейсон покрутил пальцем у правого уха.— В общем, свихнулся.

— Его просто перегипнотизировали,— ровным голосом поставил диагноз Кэйдер.— Должно быть, у Халлера аллергия к гипнозу. Такое никак не обнаружить, пока жертва не свихнется. Это — надолго.

— Может, случайность? Стин мог не знать, что Халлер так восприимчив. Мне так кажется.

— Это потому, что ты не хочешь поверить, что твой приятель способен повернуть против своих. Случайно или нет, но Халлера — одного из нашей компании и твоего непосредственного начальника — вывели из игры. Такие штуки называются предательством.

— Я так не считаю,— упрямо гнул свое Грейсон.— Здесь как-то замешан Рейвен. Стин не стал бы пачкать нас просто так.

— Конечно, не стал бы,— с сардонической усмешкой на мясистом лице согласился Кэйдер. Он прощебетал что-то зеленому насекомому. Тварь исполнила причудливый танец, который, очевидно, что-то означал.

Кэйдер продолжал:

— У каждого есть свои причины, хорошие или плохие, не важно. Вот я, например. Почему я — честнейший, лояльнейший и заслуживающий полного доверия гражданин Венеры? Да потому, что никто и никогда не предлагал мне достаточно много для того, чтобы я стал другим. Моя цена слишком высока.— Он бросил на Грейсона понимающий взгляд.— Могу предположить, что со Стином не так. Его цена невысока, и Рейвен это выяснил.

— Даже, если его и купили, в чем я сомневаюсь, как он это сделал? У них не было контакта.

— Он был с Рейвеном наедине.

— Да,— согласился Грейсон.— Но всего пару минут, в соседней комнате, и все было слышно. Мозг Рейвена молчал, я чувствовал это. И я все время следил за ними. На секунду Рейвен повернулся к Стину лицом, словно хотел что-то сказать, а потом дотронулся до него — и Стин сразу мысленно онемел. Гипнотизер так не умеет. Гипнотизер не может заткнуться так, как телепат,— но Стин смог!

— Ага! — произнес Кэйдер, наблюдая за ним.

— Я это почувствовал. Отлично почувствовал. Все было чересчур странно. Я встал посмотреть, что произошло, но тут появился Стин. У меня прямо камень с души свалился, я даже не заметил, что он все еще онемевший. Не успел осознать. Он моментально взял меня в оборот.— Извиняющимся тоном Грейсон закончил: — Я, естественно, был настороже с Рейвеном, но

Стину доверял полностью. От союзника не ожидаешь, что он вдруг тебя нокаутирует.

— Нет, конечно.— Кэйдер опять что-то прощебетал зеленому пауку, и тот послушно отбежал в сторону.— Организуем двойную охоту. Искать двоих не труднее, чем одного. Скоро мы вытащим Стина на ковер.

Кэйдер потянулся к своему настольному микрофону.

— Вы кое-что упускаете,— сказал Грейсон.— Я-то здесь.— Он помолчал, чтобы сказанное дошло до собеседника.— Стин тоже знает об этом месте.

— Думаешь, он донесет? Думаешь, Земля устроит на нас облаву?

— Да.

— Сомневаюсь,— хладнокровно рассудил Кэйдер.— Если земная служба безопасности узнает про этот центр и решит его накрыть, она будет действовать быстро. Вы побывали у Рейвена несколько часов назад, и пока еще они никак на это не ответили.

— Ну а если они хитрее, чем мы думаем? Если они просто выжидают удобного момента? Что им мешает сделать все необходимые приготовления и только потом ударить в полную силу?

— Не будь таким слабонервным,— усмехнулся Кэйдер.— У нас тут слишком много талантов — вряд ли землянам понравится, если мы пустимся в бега после неудачного налета. Беда, которую ждешь, лучше той, которой не ждешь.

— Тоже верно,— неопределенно сказал Грейсон.

— Короче говоря, серьезных причин для таких крутых мер у них нет. Они не станут вступать в открытый бой, пока считается, что войны нет. И пока они не допустят того, чего допускать не хотят, мы будем делать с ними, что хотим. Инициатива принадлежит нам, у нас она и останется.

— Надеюсь, вы правы.

— Готов держать пари.— Кэйдер фыркнул, словно отвергая все иные мнения. Он включил микрофон.— Гипнотизер Стин пошел против нас. Взять его — и как можно быстрее.

Приглушенный тяжелой дверью громкоговоритель в коридоре повторил:

— Д727 гипнотизер Стин... взять его... как можно быстрее.

На другом конце подземного лабиринта, около потайного входа, близорукий рабочий раздраженно кивнул в сторону громкоговорителя, видеть который он не мог, затем аккуратно вставил в гнездо радиолампу величиной со спичечную головку. В соседней комнате небритый пиротик побил крестовым валетом пятерку червей партнера.

— Сокко! С тебя пятьдесят.— Он откинулся назад и почесал подбородок.

— Плохи дела, кажись? Такого у нас еще не было.

— Он еще пожалеет,— предсказал один из присутствующих.

— Дурачье! — ответил первый.— Покойники ни о чем не жалеют.

Глава четвертая

Лина почувствовала, что Рейвен вернулся, выглянула в окно и увидела его на дорожке.

— Он опять здесь. Что-то не так.— Она отошла от занавески и открыла дверь соседней комнаты.— Не хочу присутствовать при вашей встрече. Ошибочное ошибочно, а правильное правильно. Я не могу думать иначе, даже если содеянное кажется целесообразным.

— Не оставляйте меня с ним одного! Прошу вас! Я за себя не ручаюсь. Я могу его убить, хотя, скорее, он убьет меня. Я...

— Ты этого не сделаешь,— отрезала она.— Ты что, убьешь самого себя, свое собственное «я»? — Она умолкла, услышав мысленный призыв, но не ответила.— Помни свое обещание: безоговорочное послушание. Делай, что он тебе скажет. Это — твой единственный шанс.

Она вышла, закрыв дверь и предоставив человека его судьбе. Найдя кресло, она устроилась в нем с видом учительницы, решившей не вмешиваться в детские шалости.

Кто-то вошел в соседнюю комнату, его мысль через стену легонько коснулась ее:

— Все в порядке, Лина, через минуту можешь зайти.— Затем вслух другому: — Ты готов вернуться обратно?

Молчание.

— Ты ведь хочешь вернуться обратно, да?

Шепот:

— Проклятый кровопийца! Знаешь же, что хочу!

— Тогда получай!

Лина прикрыла глаза, тем более что смотреть было не на что. Послышались быстрые тихие всхлипы и рыдания, затем — шумный вздох облегчения. Со строгим лицом она встала и направилась к двери. Она взглянула на бледного безвольного Стина, сидевшего в кресле, заметила испуг в глазах, которые обычно горели неукротимым гипнотическим огнем.

Рейвен сказал Стину:

— Пришлось использовать твое тело. Приношу извинения, хоть ты и враг. Не очень-то этично присваивать личности живых против их воли.

— Живых? — Стин стал еще бледнее, когда подчеркнул это слово. Как будто личности мертвых присваивать пристойно... Его мысли смешались.— Ты хочешь сказать?..

— Не спеши с выводами,— посоветовал Рейвен, читая мысли другого так ясно, словно они были отпечатаны на бумаге.— Может, ты прав. Может, нет. В любом случае тебе это не поможет.

— Дэвид,— вмешалась Лина, глядя в окно,— что, если они вернутся? Их будет больше, и они будут лучше готовы?

— Они вернутся,— спокойно уверил он.— Но не сейчас. Я сыграл на том, что — с их точки зрения — для жертвы было бы чертовски глупо возвращаться в западню. Скоро они сообразят и явятся удостовериться, но будет уже поздно.— Он повернулся к Стину.— Ради меня они прочесывают целую планету. Должно быть, кто-то дал им информацию, и значит, тот человек из высших эшелонов власти Земли — предатель. Не знаешь кто?

— Нет.

Он поверил без колебаний, так как это было неизгладимо записано в мозгу другого.

— Они охотятся и за тобой.

— За мной? — Все еще дрожа, Стин попытался взять себя в руки.

— Да. Я сделал серьезную ошибку, попытавшись подменить главаря. Оказалось, он не просто пиротик. У него интуитивная восприимчивость, развитая форма экстрасенсорного предвидения. Но — видит и чувствует он то, что ему не дано осознать.

Рейвен посмотрел по сторонам, так как Лина коротко вздохнула, положив руку на горло.

— Я этого не ожидал, ведь никаких признаков не было,— продолжал Рейвен.— Он — предтеча мутанта тринадцатого типа, пиротика с экстрасенсорными данными. Он сам еще не догадывается, насколько необычен.— Он поскоблил носком ботинка ворс ковра.— Когда мы вошли в контакт, он сразу понял, кто я. Ты так никогда не сумеешь. И он понял, что для него это слишком много. Он отчаянно цеплялся за ту соломинку, которую считал единственной, и, разумеется, ошибался. В критический момент люди не могут мыслить логически, это естественно. Он оказался для меня бесполезен.

— Почему? — осведомился Стин, мертвенно бледный.

— Потому что сошел с ума,— ответил Рейвен.— И они обвиняют в этом тебя.

— Обвиняют меня? — как эхо повторил Стин.— Мое тело? — Он встал, ощутив свое тело и свое лицо, оглядел себя в зеркале. Словно ребенок, проверяющий, нет ли дефектов в новом костюме.— Мое тело,— повторил он. Потом горячо воскликнул: — Но это ведь был не я!

— Попробуй их в этом убедить.

— Они найдут телепата, он все поймет. Я не смогу ему соврать — это невозможно.

— Ничего невозможного нет. Забудь это слово. Его вообще надо вычеркнуть из словаря. Ты будешь рассказывать сказки хоть до конца своих дней, если тебя зарядит ими более сильный гипнотизер, чем ты сам.

— Убить они меня не убьют,— размышлял Стин взволнованно.— Зато могут сослать пожизненно в какую-нибудь дыру в глуши. Хуже всего оказаться не у дел. Я этого не вынесу. Лучше умереть!

Рейвен усмехнулся:

— Можешь не соглашаться, но, по-моему, жизнь в глуши лучше смерти в столице. Всегда, пока жив, есть надежда...

— Тебе хорошо рассуждать! — сказал Стин, не обращая внимания на эти слова. Мысли его находились далеко.— Кто и как сумеет посадить тебя в карцер, если через пять минут ты захватишь личность тюремщика и выйдешь на свободу его ногами? Выйдешь, захватишь какого-нибудь босса и подпишешь приказ о своем освобождении. Ты можешь... ты можешь...— Голос его оборвался, когда он начал перебирать в уме безграничные возможности, сулившие фантастические перспективы.

Рейвен улыбнулся:

— Ты прав, это можно проделать быстро и с кем угодно. Но даже если в конце концов я поменяюсь местами с тайным боссом синдиката «Марс-Венера», сомневаюсь, удастся ли мне спасти мир, даже если меня женят на первой красавице Земли. Ха-ха! Ты слишком много начитался дешевых марсианских боевиков или фильмов насмотрелся по спектровизору.

— Может быть,— признал Стин, уже привыкший к тому, что его намерения вытаскиваются на свет божий и обсуждаются без малейшего стеснения.— Все равно кому-то придется убрать его с дороги.— Он повернулся к Лине, потом обратно.— Хотя это бесполезно, если вокруг полно людей твоего типа, готовых занять твое место.

— Начинаешь думать о нас как о будущих победителях? — Рейвен снова улыбнулся и сказал, обращаясь к Лине: — Кажется, хорошо, что я побывал в его шкуре.

— А я считаю, это неправильно — твердо ответила она.— Всегда так было и всегда так будет.

— В принципе я с тобой согласен,— ответил Рейвен. Он повернулся к Стину.— Послушай, я вернулся сюда не ради забавы. У меня есть на то причины, и касаются они тебя.

— Каким образом?

— Прежде всего собираешься ли ты играть на нашей стороне или будешь стоять на своем?

— После такого эксперимента,— заволновавшись, заговорил Стин,— переметнуться на вашу сторону было бы безопаснее. Но я не могу.— Он покачал головой.— Я не такой. Тот, кто предает своих,— подонок.

— Значит, остаешься антиземлянином?

— Нет.— Стин пошаркал ногой, избегая твердого взгляда Рейвена.— Я не стану предателем. Но теперь мне стало ясно, что вся эта антиземная афера — безумие, ни к чему хорошему она не приведет.— Его голос затих, когда он с грустью констатировал факт.— Теперь я хочу только одного — вернуться домой, сидеть тихо и держать нейтралитет.

И это была правда. Рейвен читал эту правду в его встревоженном мозгу. Стин был потрясен до глубины души, от его воинственности не осталось и следа. Большой шок — потерять руку или ногу, но лишиться тела — потрясение, сильнее которого не бывает.

— Дома тебе нелегко будет отсидеться за забором,— проговорил Рейвен.— Когда узколобые фанатики ищут легкую добычу, они обычно выбирают нейтралов.

— Я решил.

— Дело твое.— Рейвен кивнул на дверь.— Там твоя дорога к свободе; цена за нее — одна небольшая справка.

— Что ты хочешь узнать?

— Я тебе уже сказал, что кто-то из земных руководителей выдал меня. Кто-то из наших — подонок, если пользоваться твоей терминологией. Ты ответил, что не знаешь. Кто может знать?

— Кэйдер,— сказал Стин. Он не мог скрыть это имя, оно всплыло в памяти автоматически, и Рейвен прочитал бы его так же легко, как если бы оно высвечивалось неоновыми лампами.

— Кто такой? Где живет?

Вопрос был поставлен некорректно. Где он живет? Это давало Стину возможность представить в воображении Кэйдера и его частную резиденцию и в то же время ухитриться подавить в зародыше все мысли о подземном центре. Совесть его не мучила. Вне секретного центра Кэйдер честно выполнял все свои земные обязанности: руководил небольшим, но подлинным Ве-

нерианским импортным агентством и исправно платил налоги. Постоять за себя Кэйдер был в состоянии.

— В чем его особый дар, если он есть? — спросил Рейвен, прочитав эти ответы.

— Я не очень в курсе. Слышал, что он разговаривает с насекомыми.

— Я тоже слышал.— Рейвен показал на дверь.— Выход там. Надеюсь, тебе повезет, нейтрал.

— Должно,— ответил Стин. Остановившись у двери, он горячо добавил: — Надеюсь, больше не свидимся! — С этими словами он посмотрел на небо и быстро исчез из виду.

— Видел? — слегка раздраженно заметила Лина.— Он смотрел на небо. Он контролировал свои чувства, но ум его выдал то, что выискивали глаза. Вертолет, и он спускается! — Она быстро оглядела себя.— Да, он быстро снижается. Дэвид, ты слишком много говорил и слишком долго здесь находишься. Что ты собираешься делать?

Он спокойно оглядел ее:

— Кажется, женщина всегда остается женщиной.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Когда ты нервничаешь, ты выходишь из полосы частот нервной системы людей. Ты так усердно думаешь, что забываешь слушать. Не все люди — враги.

Лина прислушалась. Теперь, сконцентрировав все внимание, она различила беспорядочный поток мыслей, исходящий из вертолета. Там находилось четверо людей, их мысли усиливались с каждой секундой, и они вовсе не пытались их скрывать. Пешки, все четверо.

— Дом, похоже, тихий... Кто это там свернул с тропинки на дорогу?

— Не знаю, но не он. Слишком низенький и угловатый.— Пауза.— Между прочим, Джеферсон сказал, тут должна быть сладострастная амазонка. Если не найдем Рейвена, пообщаемся с ней.

— Слышала? — спросил Рейвен.— В лице Джеферсона у тебя появился обожатель.

— Никогда с ним не встречалась. Должно быть, ты наговорил ему обо мне всякой ерунды.— Она смотрела в окно и продолжала слушать. Мрачные мысленные голоса звучали теперь над самой крышей.

— Они должны были дать нам телепата. Я слышал, некоторые из них цепляют чужие мозги с самого горизонта.

Другой ответил:

— В группу никогда не включат щупателя мозгов, даже в самом крайнем случае. Публика против. Еще двести лет назад, после того скандала с полицией мыслей появилось правило, что телепат не может работать полицейским.

Третий — с откровенным презрением:

— Публика! От нее меня тошнит! — Затем быстро вслух: — Эй, ты куда летишь! В этом садике все-таки земля, а не каучук. Ты что, не можешь болтать и делать дело?

— Кто ведет эту мельницу? Ты или я? Я ее и на носовой платок посажу, а ты и в загон для скота промахнешься.— Пауза.— Держись, садимся.

Покачиваясь в воздушном вихре, машина снизилась, миновала окно и вжала шасси в цветочную клумбу.

Из машины вышли четверо мужчин; один устало оперся о фюзеляж, остальные направились к дому.

Встретив их у двери, Рейвен спросил:

— Случилось что-нибудь?

— Понятия не имею,— сказал тот, что шел первым, оглядывая Дэвида с ног до головы.— Да, вы действительно Рейвен. С вами хочет говорить Джеферсон. Машина оборудована секретной связью. Можете говорить прямо отсюда.

— Ладно.

Поднявшись по трапу, Рейвен расположился в тесной кубической кабине и кивнул, чтобы включили связь.

Ожил экран, и на нем появилось лицо Джеферсона.

— Быстро,— одобрительно заметил он.— Я послал на поиски десять патрулей и думал, им понадобится неделя.— Подрегулировав четкость изображения, он спросил: — Ну и что успело случиться?

— Немного,— проинформировал Рейвен.— Противники обменялись парой затрещин, но раунд никто не выиграл. В настоящий момент мы сидим — каждый в своем углу ринга, посасываем лимон, ждем гонга и бросаем друг на друга свирепые взгляды.

Джеферсон помрачнел.

— Это у вас. У нас хуже. Обстановка накалилась до предела.

— Что стряслось?

— Завод «Бакстер Юнайтед» сегодня утром взлетел на воздух. От спектровидения эту новость скрывали сколько могли.

Непроизвольно сжав кулаки, Рейвен проговорил:

— «Бакстер» — довольно крупное предприятие.

— Крупное? — Джеферсона передернуло.— В момент взрыва закончилась ночная смена, самая малочисленная. Погибло четыре тысячи.

— Великий Боже!

— Внешне все выглядит так, будто катастрофа произошла из-за чьей-то небрежности,— суровым тоном продолжал Джеферсон.— И это наводит на размышления, потому что каждый такой случай и есть именно несчастный случай, пока не доказано обратное. Но мы не можем ничего утверждать, пока не проверим все датчики и скрытые камеры.

— Они там были?

— Множество. Десятки. Это предприятие имело огромное стратегическое значение и должным образом охранялось. И все же нас перехитрили!

— Что же теперь?

— Девяносто пять процентов камер разбиты вдребезги. Остальные тоже почти все повреждены, а уцелевшие не засекли ничего подозрительного. Два десятка патрулей, составленных из телепатов и гипнотизеров, несут околесицу.

— Никто не уцелел? — осведомился Рейвен.

— Не совсем. Есть свидетели. Хотя едва ли их можно назвать очевидцами — ближайший из них находился за милю от завода. Они уверяют, что земля тряслась, все грохотало, а оборудование дождем сыпалось вокруг. Взрыв был страшной силы. Локомотив тонн в двести отбросило на тысячу ярдов.

— Вы говорили мне раньше,— сказал Рейвен,— что их метод ведения войны заключается в изощренном и эффективном саботаже, причем без многочисленных жертв, фактически без крови. Помимо всего прочего

существуют ведь и родственные связи.— Он продолжил, изучая экран: — Но если этот жуткий взрыв их рук дело, это означает полную смену декораций. Они решили обрушиться на нас без всякой жалости.

— Этого-то мы и боимся,— подтвердил Джеферсон.— Какие-нибудь фанатики с Марса или Венеры, опьяненные мелкими успехами, вполне могли наплевать на общественное мнение своих планет и начать спор кровью. Мы не можем это терпеть!

Согласно кивнув, Рейвен выглянул из кабины. Экипаж вертолета слонялся поблизости, болтая, куря, поглядывая вокруг. Далеко на востоке что-то описало в небе дугу и исчезло в голубизне, оставив тонкий инверсионный след. Наверное, рейсовый космический лайнер.

— Зачем меня вызвали? Вы хотите, чтобы я что-то предпринял?

— Нет,— сказал Джеферсон.— Только косвенно. Сейчас вы сами планируете свои действия. Я дал вам информацию, а вы посмотрите, что можно из нее извлечь.— Он вздохнул, устало потер лоб.— До чего же иезуитская идея — организовывать диверсии, маскируя их под несчастные случаи. В самом деле, никакая цивилизация от них не застрахована. А без убедительных улик мы не можем узнать, случайная это беда или подстроенная.

— Конечно.

— Очень хочется обвинить в этом происшествии врага; быть может, это подействует на них так же, как на нас. С другой стороны, если мы знаем, что это их рук дело, и узнаем, чьих конкретно, мы повесим виновных. Земное гражданство их не спасет. Убийство есть убийство, в какой части Вселенной оно ни совершено.

— Вы хотите, чтобы я бросил все и разобрался с этим делом?

Лицо Джеферсона застыло.

— Ни в коем случае! Закончить бесконечный спор — если его вообще можно закончить — более важно, чем найти преступников в этом деле. Уж лучше занимайтесь тем, что запланировали. Но я хочу, чтобы вы использовали любой шанс собрать информацию об этом взрыве. Если что-то найдете, дайте знать, и как можно

скорее.— Его челюсть напряглась, глаза сузились.— Тогда я приму меры.

— Ладно. Так и быть, выну вату из ушей и вставлю спички в веки. Вы получите все, что я смогу выяснить.— Подумав, что иная ситуация выглядела бы странно, Рейвен спросил: — Кстати, чем занимались на этом заводе Бакстера?

— Что вы имеете в виду?

— Что-нибудь такое, о чем мне нельзя знать? — Рейвен усмехнулся.

— Ну...— Джеферсон заколебался, затем махнул рукой: — А впрочем, не вижу причин скрывать от вас. Если Герати это не по душе, придется ему перетерпеть. С какой стати агенты должны крутиться, ничего толком не зная? — Он пристально посмотрел на экран, словно стараясь проникнуть в потаенные мысли собеседника.— Есть кто-нибудь рядом или в пределах слышимости?

— Нет.

— Хорошо, тогда держите это при себе. Бакстеру оставалось около двух месяцев до завершения серийных испытаний двигателей, работающих на принципиально новом топливе. Маленький автоматический кораблик, на котором был установлен такой двигатель, слетал к поясу астероидов и обратно в конце прошлого года. Широкой публике об этом не сообщалось — пока.

— Вы хотите сказать, что сделали шаг к Большому Прыжку? — поинтересовался Рейвен, непривычно спокойный.

— Делали,— в тоне Джеферсона просквозил оттенок горечи, когда он подчеркнул прошедшее время.— Четыре корабля должны были лететь в систему Юпитера. Но это была бы репетиция, увеселительная прогулка, только начало. Если бы она прошла гладко...— Фраза осталась незаконченной.

— Дальние планеты? Плутон?

— Сущая прогулка,— повторил Джеферсон.

— Альфа Центавра?

— Или еще дальше. Что толку сейчас об этом говорить? Но перспективы открывались просто великолепные.— Его внимание вновь сконцентрировалось на Рейвене: — Кажется, вас эти новости не особенно взволновали?

Не пускаясь в объяснения, Рейвен спросил: — Это новое горючее настолько мощное?

— Вот именно! Это-то всех нас и запутало. Мог произойти обыкновенный несчастный случай, несмотря на все мыслимые меры предосторожности.

— Хм! — Несколько мгновений Рейвен переваривал услышанное, затем сказал: — Есть тут один дефективный. Венерианин, зовут его Кэйдер. Он возглавляет торговую компанию «Утренняя звезда». Я собираюсь за него взяться.

— Что-нибудь о нем узнали?

— Только то, что на Земле он занимается не одной лишь торговлей. Мой осведомитель считает, что Кэйдер — крупная шишка на этом участке сражения.

— Кэйдер,— повторил Джеферсон, делая пометку в блокноте.— Я подключу разведку. Даже если легально он — землянин, по их досье он должен быть уроженцем Венеры.— Он кончил записывать и поднял голову.— Хорошо. Если понадобится, можете воспользоваться этим вертолетом. Еще что-нибудь нужно?

— Небольшой астероид в личную собственность.

— Когда мы завладеем сотней астероидов, я зарезервирую один для вас,— пообещал Джеферсон без тени улыбки.— Такими темпами, как сейчас, он будет готов для заселения лет через сто после вашей смерти.— Его рука протянулась вперед, и экран погас.

Некоторое время Рейвен сидел, не думая ни о чем, уставившись в пространство перед собой. Легкая улыбка блуждала по его лицу. Через сто лет после вашей смерти, сказал Джеферсон. В этой дате нет никакого смысла. Она не существует. К некоторым не прилетает черный ангел смерти; некоторые не могут погибнуть от человеческих рук...

— Человеческих, Дэвид,— мысленно вмешалась Лина из дома.— Помни это. Всегда помни.

— Это невозможно забыть,— ответил он.

— Не знаю. Прошу тебя... Не забывай.

— Что ж, нас ведь здесь двое. Если я на время отвлекусь от нашего главного дела, остаешься ты.

Лина не ответила — никак не могла найти веский аргумент. Она добровольно делила с ним общие функ-

ции, отвечала и за результат. Об этом следовало помнить всегда.

Лина не боялась ни человека, ни зверя, ни света, ни тьмы, ни жизни, ни смерти. Лишь одно страшило ее — одиночество, пугающее, беспросветное одиночество на всем белом свете.

Выбравшись из тесной кабины, Рейвен размял затекшие ноги и выбросил из головы мысли о Лине. Она просто не хочет понять, какие силы таятся в высшем разуме, столь же могущественном, как и ее собственный. Когда подошли ожидавшие его четверо, он сказал пилоту.

— Доставьте меня по этому адресу. Нужно попасть туда сразу после захода солнца.

Глава пятая

Кэйдер прилетел домой, когда сумерки уже начали сгущаться. Он оставил свой спортивный антиграв на задней площадке и проследил, как два человека вкатывают его в ангар. Задвинув дверь, все трое направились к черному ходу.

— Опять задержался,— бросил Кэйдер.— Фараоны сегодня как с цепи сорвались. Кишат повсюду. Меня останавливали три раза. «Разрешите взглянуть на вашу лицензию? Разрешите взглянуть на ваши летные права? Разрешите взглянуть на ваш воздушный сертификат?» — Он фыркнул.— Хорошо еще, что не попросили предъявить родимые пятна на заднице!

— Наверное, что-то случилось — осмелился предположить один из слуг.— Хотя по спектровизору ничего необычного не было.

— Редко когда бывает,— заметил второй.— Три недели прошло, а они все еще думают, что тот рейд...

— Тихо! — Кэйдер больно толкнул его локтем.— Сколько раз я должен повторять, чтобы вы помалкивали?

На ступеньках он остановился и оглядел небосвод, словно надеясь поймать алмазный блеск того бриллианта, который он так редко видел. Увы, он хорошо знал, что Венера не появится над горизонтом до ранне-

го утра. С противоположной стороны, ближе к зениту, блеснул красноватый свет. Кэйдер скользнул туда взглядом. Союзник, но и только. Кэйдер всегда считал, что Марс заселен оппортунистами и просто примкнул к Венерианскому движению.

Отперев дверь, он вошел в дом и протянул руки к термопластине, чтобы согреться.

— Что на ужин?

— Венерианский гусь с жареным миндалем и...

Зазвенел дверной колокольчик. Кэйдер метнул пронзительный взгляд на более рослого из двоих.

— Кто это?

Тот мысленно проник за дверь, вернулся назад:

— Парень по имени Дэвид Рейвен.

Кэйдер так и сел, где стоял.

— Быть не может...

— Именно так он ответил мысленно.

— Что он еще сказал?

— Ничего. Только то, что его зовут Дэвид Рейвен. Насчет остального — молчок.

— Задержи его немного, потом впусти.

Подойдя к своему огромному столу, Кэйдер поспешно выдвинул ящик и достал маленький узорчатый сундучок из венерианского болотного дерева.

Он откинул крышку. Внутри находилась толстая пачка фиолетовых листьев, переложенная высушенными цветами, по форме напоминавшими гвозди. Пачка была посыпана чем-то, похожим на обычную соль. Кэйдер издал тихое щебетание. Крошечные блестящие крупинки внезапно задвигались, закружились.

— Он знает, что вы заставляете его ждать, и знает, по какой причине,— сообщил высокий. С плохо скрытой тревогой он неотрывно смотрел на сундучок.— Он знает, что вы делаете и что у вас на уме. Он может выхватывать все ваши мысли прямо у вас из головы.

— Пусть. На что они ему? — Кэйдер подвинул сундучок поближе к креслу для гостей. Несколько светящихся крупинок поднялись в воздух и закружились в танце.— Ты слишком волнуешься, Сантил. Вы, телепаты, все одинаковы: помешались на вами же придуманной опасности открытых мыслей.— Сложив губы, он снова издал тихий

щебечущий звук. Еще несколько живых крупинок поднялись и закружились в хороводе.— Пусть войдет.

Сантил и его товарищ были рады поскорее убраться. Когда Кэйдер начинал играть со своими шкатулками, они предпочитали находиться подальше от этого места. Мысли о венерианском гусе с жареным миндалем пришлось на время оставить.

Их отношение льстило Кэйдеру. Превосходство над пешками — приятная вещь, но подняться выше людей, несомненно наделенных собственными талантами,— это подлинное могущество. Его самодовольный взор медленно скользил по комнате, переходя от сундучка к ларцу, оттуда к экзотической вазе, затем к лакированным шкатулкам, одни из которых были открыты, другие закрыты, и он не беспокоился, что кто-то сейчас читает его мысли. Маленькая зеленая паукообразная тварь шевельнулась во сне в его правом кармане. Он был единственным человеком на Земле, обладавшим безжалостной, отважной, почти непобедимой армией, готовой выступить по мановению его руки.

Профессиональная улыбка предлагающего товар торговца расплылась по его грубому лицу, когда вошел Рейвен. Кэйдер указал на кресло, молча оценивая черные блестящие волосы, широкие плечи, узкие бедра. Хоть на обложку журнала, подумал он. Вот только глаза... они как будто отливают серебром. Ему очень не понравилась эта деталь. Что-то было в этих глазах. Слишком далеко видят, слишком пронизывают.

— Так оно и есть,— без всякого выражения произнес Рейвен.— Очень даже.

Ничуть не смутившись, Кэйдер парировал:

— Как видите, я совершенно спокоен! Вы не поверите, сколько этих самых щупачей мозгов постоянно вертится вокруг. Иной раз я пошутить не могу без того, чтобы человек десять не расхохотались раньше, чем я успеваю открыть рот.— Он удостоил Рейвена еще одним быстрым оценивающим взглядом.— Я вас ждал.

— А я оказался так любезен, что явился сам. Почему вы меня ждали?

— Хотел понять, что в вас особенного.— Охотнее всего Кэйдер уклонился бы от прямого ответа; но, по

его же собственным словам, он привык к телепатам. Когда твой мозг вещает на весь мир, словно диктор в воскресной передаче новостей, единственное, что остается,— согласиться, что ничего особенного не происходит.— Меня настойчиво убеждают удостовериться, что вы — исключительная личность.

— Кто убеждает? — спросил Рейвен, подавшись вперед.

Кэйдер скрипуче рассмеялся:

— Вы хотите узнать то, что можете сами прочитать у меня в мозгу?

— В вашем мозгу этого нет. Очевидно, всякий раз в целях безопасности гипнотизеры стирают информацию. Но это бесполезно. Можно стереть отпечаток, но не его след в подсознании.

— Для специалиста экстра-класса вы не очень-то сообразительны,— съязвил Кэйдер, никогда не упускавший случая приуменьшить достоинства телепатов.— То, что может сделать один гипнотизер, в состоянии отменить другой, более сильный. Когда мне нужно выкинуть из головы что-то важное, я нахожу более эффективные способы.

— Например?

— Например, вообще это туда не засовываю.

— Хотите сказать, что получаете информацию от неизвестного источника?

— Конечно. Я просил, чтобы это держалось от меня в секрете. То, чего я не знаю, я не расскажу, и никто не вытянет это из меня против моей воли. Как известно, нельзя поймать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет.

— Похвальная предусмотрительность! — одобрил Рейвен, странно обрадовавшись. Он поймал что-то в воздухе, раздавил, затем повторил еще раз.

— Прекратите это! — повысил голос Кэйдер, обнаруживая явное недовольство.

— Почему?

— Эти болотные мошки — моя собственность.

— Но это не дает им права зудеть у меня над ухом, вы не находите? — Рейвен опять хлопнул в ладоши, уничтожив пару еле видимых существ. Остальные ви-

лись рядом легким облачком пыли.— Кроме того, их гораздо больше там, откуда они родом.

С потемневшим лицом Кэйдер встал и жестким угрожающим тоном произнес:

— Эти мошки могут причинить человеку массу неприятностей. От их укусов ноги распухают так, что становятся толще туловища. Опухоль распространяется вверх, и человек превращается в огромный слоноподобный пузырь, совершенно неспособный двигаться. Наконец, опухоль достигает сердца, и жертва погибает в мучениях. Но и смерть не останавливает процесса. Он продолжается, шея становится вдвое шире головы, а сама голова превращается в жуткий пузырь с волосами, торчащими поодиночке из раздувшегося скальпа. К этому времени глазные яблоки проваливаются на четыре, а то и на шесть дюймов.— Он замолчал, наслаждаясь красочностью своего описания, потом закончил: — Жертва этих мошек превращается в столь омерзительный труп, подобного которому не сыскать в Солнечной системе.

— Впечатляет,— холодно и бесстрастно прокомментировал Рейвен.— Весьма грустно сознавать, что вряд ли я привлеку их внимание.

— С чего вы это взяли? — насупил брови Кэйдер.

— О, по нескольким причинам. Например, какую информацию собираетесь вы от меня получить, когда я так распухну и погибну?

— Никакой. Но мне она и не нужна.

— Простительная ошибка с вашей стороны, мой друг. Вы были бы удивлены, узнав, как много жизненно важной информации вы потеряете с моей смертью. Причем потеряете безвозвратно.

— Что вы имеете в виду?

— Оставим,— отмахнулся Рейвен.— Предположим, я распух и погиб. Вы задумывались о последствиях такого эксперимента? Никто, кроме венерианского насекомоязычного мутанта, не может организовать такого конца. Насколько мне известно, на Земле вы единственный такой виртуоз.

— Да,— с оттенком гордости подтвердил Кэйдер.

— Это сужает круг подозреваемых, правда? Земная разведка взглянет на труп и тут же наставит указующий

перст прямо на вас. Они называют такие вещи убийством. Обычно тут за это наказывают.

Рассматривая облачко пыли, Кэйдер многозначительно произнес:

— Если разведка обнаружит тело. А если нет?

— Тело будет, я позабочусь... Даже если вы разрежете труп на кусочки.

— Это вы-то позаботитесь? Мы говорим о вашем трупе, а не о моем.

— О том, который ни ваш, ни мой.

— Бред какой-то,— заметил Кэйдер, ощутив неприятный холодок в затылке.— Так не бывает.— Наклонившись, он нажал кнопку в столе, украдкой наблюдая за Рейвеном, как следят за лунатиком.

Сантил открыл дверь и осторожно переступил порог. Он сделал это с видимой неохотой, явно только подчиняясь приказу.

— Ты что-нибудь слышал? — осведомился Кэйдер.

— Нет.

— Пытался?

— Бесполезно. Я слышу только ваши мысли. Он может говорить и думать, но мозг его для меня недоступен. Это выше моих возможностей, и это выше возможностей любого телепата, которого я знаю.

— Хорошо. Можешь идти.— Кэйдер подождал, пока дверь закрылась.— Итак, вы новый тип щупателя мозгов, разновидность бронированного телепата. Тот, кто может разнюхивать, не подвергаясь обыску сам. Это подтверждает рассказ Грейсона.

— Грейсона? — как эхо, повторил Рейвен. Он пожал плечами.— Он знает только половину, можно сказать, почти ничего.

— Вы тоже!

— Верно. Мне надо узнать многое.— Рейвен с озабоченным видом качнулся взад-вперед в кресле, затем неожиданно спросил: — Например, кто организовал взрыв у Бакстера?

— А?

— Этим утром взлетел на воздух завод. Ужасная катастрофа.

— Ну а я-то тут при чем?

— Ни при чем,— ответил Рейвен, сразу поскучнев.

Было от чего разочароваться. Целый вихрь мыслей в считанные мгновения пронесся в мозгу Кэйдера, и Рейвен уловил их все до единой.

«Мощный взрыв у Бакстера? Какое это имеет отношение ко мне? К чему он клонит? Конечно, здорово было бы разворошить эту гигантскую свалку утиля, но мы до этого еще не доросли. Хотел бы я знать, не начали ли большие шишки там, дома, организовывать серьезные дела, не советуясь со мной? Нет, не станут они этого делать. Кроме того, нет нужды дублировать организации и секретить их друг от друга.

Но он подозревает, что я об этом что-то знаю. Почему? Шел, шел по ложному следу — и пришел? А может быть, наши дорогие, но нетерпеливые друзья-марсиане начали обделывать свои собственные делишки, да так, чтобы всю вину свалить на нас? Я бы не стал сбрасывать их со счетов. Я не слишком-то доверяю марсианам».

Вереницу мыслей прервало замечание Рейвена:

— Сомневаюсь, доверяете ли вы кому-нибудь или чему-нибудь, кроме своих клопов.— Он скосил глаза на все еще вьющееся рядом облачко, а затем его взгляд заскользил по комнате, изучая ящички, шкатулки, вазы, сундучки, оценивая мощь их содержимого.— Но в один прекрасный день даже они вас не уберегут. Потому что клопы всегда остаются клопами.

— Насекомые — это сила, не забывайте! — прорычал Кэйдер. Он не помнил себя от гнева.— Вы прочли все мои мысли. Я не могу их скрывать. Теперь вы знаете, что эта история с Бакстером не имеет ко мне никакого отношения. Я в этом деле не замешан!

— Охотно допускаю. Я даже уверен, что ни один гипнотизер не протер тряпкой вашу мозговую доску, иначе вы не были бы так возмущены и откровенны.— Рейвен задумчиво потрогал мочку уха.— Час назад я держал бы пари, что это ваша работа. Выходит, проиграл. Благодарю за экономию моих денег.

— Вам они еще пригодятся. Кстати, сколько вы заплатили Стину?

— Ничего.

— И вы думаете, я этому поверю?

— Как и у всех людей, у Стина есть свой предел,— заметил Рейвен.— Рано или поздно человеку приходится примириться с тем, что он не может больше терпеть. И он либо выходит из игры, пока дела еще не совсем плохи, либо стойко держится, пока не сломается. Стина можно вычеркнуть из списка бойцов.

— В свое время с ним разберутся,— с угрозой в голосе пообещал Кэйдер.— А что вы сделали с Халлером?

— Да ничего почти. Беда в том, что ваш Халлер чересчур горяч и нетерпелив. Он хотел слишком много узнать сразу, и потому умрет, и очень скоро.

— Мне сказали, что его мозг...— голос Кэйдера упал, затем снова вознесся на высокой ноте: — Вы сказали — умрет?

— Да,— Рейвен разглядывал его с холодным удовольствием.— А что тут странного? Рано или поздно мы все умрем. Когда-нибудь умрете и вы. Кстати, всего пару минут назад вы сами откровенно наслаждались тем, как буду выглядеть я после того, как надо мной поработают ваши клопы.

— Я могу насладиться этим зрелищем прямо сейчас,— парировал Кэйдер. Кровь ударила ему в голову, тонкие подвижные губы сложились для подачи сигнала.

На столе громко зазвонил телефон, словно протестуя против того, что было у Кэйдера на уме. Мгновение Кэйдер глядел на аппарат так, как будто впервые его увидел. Затем схватил трубку.

— Ну?

На протяжении разговора он несколько раз менялся в лице, но наконец бросил трубку, откинулся в кресле и вытер лоб ладонью.

— Халлер.

Рейвен равнодушно пожал плечами.

— Они сказали,— продолжал Кэйдер,— что он бредил. Нес какую-то ахинею про мотыльков с горящими глазами, летящих во тьме. Потом умолк, и это был конец.

— У него была семья?

— Нет.

— Ну, тогда ничего страшного. Этого следовало ожидать. Просто он был нетерпелив. Я вам так и сказал.

— Что все это значит?

— Не важно. Еще не время. Вы пока не в том возрасте, чтобы вас это касалось.— Рейвен поднялся и навис над Кэйдером. Правой рукой он пренебрежительно отмахнул облачко перед собой.— Хотя скажу: окажись вы на месте Халлера, вы были бы только счастливы!

— Как же! Держите карман шире!

— А я повторяю, что были бы!

Кэйдер наставил на него палец.

— Ну ладно, мы встретились. Подурачились, пощупали друг друга, но ничего не добились. По крайней мере, вы от меня не добились ничего. Я же о вас узнал все, что хотел, а именно: ваши сверхъестественные способности сильно смахивают на мыльный пузырь. Выход — там.

— Думайте что угодно,— Рейвен вызывающе улыбнулся.— Ведь я тоже вытянул из вас, что хотел,— личину предателя. Жаль, что вы непричастны к делу Бакстера, но уж разведка вами займется, обещаю.

— Ба! — Положив ладонь на стол, Кэйдер издал приглашающее чириканье. Кружащиеся крупинки опустились, покрыв его пальцы.— Земная разведка! Верно, они месяцами кружат вокруг меня. Я так привык к их компании, что когда они вдруг пропадают, чувствую себя не в своей тарелке. Но пусть они сначала раздобудут хорошего гипнотизера, иначе им ни за что не залезть в мой мозг.— Постучав рукой по сундучку, он смотрел, как мошки посыпались внутрь, словно порошок.— Только чтобы вы поняли, как мало это меня волнует, я, пожалуй, скажу вам, что — да, им есть за что меня прихватить. Пустое дело! Я — землянин, участвую в законном бизнесе, и против меня нет никаких улик.

— Пока нет,— подчеркнул Рейвен, идя к двери.— Только не забудьте о тех мотыльках с горящими глазами, о которых твердил Халлер. Вас, как насекомоязычного, они должны особенно интересовать, и смешного тут мало.— Он вышел и уже из-за порога как бы между прочим обронил: — Кстати, было весьма любопытно поковыряться в вашем подсознании.

— Что?! — Кэйдер уронил сундучок с мошками.

— Вы тут не виноваты, и ваш гипнотизер тоже. Всякий раз, когда вы покидаете базу, парень добросовестно стирает информацию из вашего мозга. Он хороший специалист, следов после него не остается.— Дверь захлопнулась, и щелчок замка прозвучал одновременно с концом заключительной реплики: — Но в мозгу вашего приятеля Сантила картинка просто изумительная.

Сунув дрожащую руку под стол, Кэйдер вытащил микрофон. Голос его хрипел, на лбу вздулись вены.

— Живо на ноги! Поднимите всех: вот-вот возможна облава. Немедленно задействовать план-прикрытие. Начать подготовку к эвакуации! — Он сердито уставился прямо на дверь, зная наверняка, что Рейвен находится неподалеку и в состоянии уловить каждое слово.— Только что отсюда вышел Дэвид Рейвен. Не упускайте его из виду. Любым способом выведите его из игры. Повторяю — возьмите Рейвена любой ценой!

Дверь открылась, и вошел Сантил.

— Послушайте, шеф, он застал меня врасплох... Я просто...

— Идиот! — грянул Кэйдер, рассвирепев от одного вида подчиненного.— Вы, телепаты, воображаете, что вы — лучшие творения природы. Тьфу! Слава богу, я не из ваших! Из всех мыслящих олухов вы находитесь на последней ступени!

— Он был глух! — вспыхнув, возразил Сантил.— Да, я родился телепатом и воспитывался как телепат, и когда я встречаю подобного человека, я исхожу из того, что он действительно глух, как пень. Откуда мне было знать, что этот парень может читать мысли, хотя ментально он мертвее дохлой собаки?! Я просто забыл об осторожности, и какая-то мысль у меня могла выскользнуть случайно. Он поймал ее, и я даже понять не успел, что он это сделал, пока он не сказал об этом вслух.

— Ты забыл,— язвительно поддакнул Кэйдер.— Вы всегда ссылаетесь на свою забывчивость. Это самое любимое ваше словечко «забыл»! — Лицо его потемнело, взгляд упал на большой покрытый сеткой шкаф в уг-

лу.— Если бы эти лесные шершни умели распознавать людей, я послал бы их ему вдогонку. И как бы далеко он ни ушел — они догонят его и обглодают до костей, и он даже пикнуть не успеет.

Стараясь не смотреть на шкаф, Сантил промолчал.

— Ну, ты говоришь, у тебя есть мозг, или то, что им называется,— язвительным тоном продолжал Кэйдер.— Ну, давай, включай же его! Скажи мне, где сейчас Рейвен.

— Не могу. Я уже говорил, он глух и нем.

— Да,— сказал Кэйдер.— По сравнению с тобой каменная стена — эталон чувствительности.— Он снял трубку телефона, набрал номер, немного подождал.— Дин? Необходима срочная спецсвязь. Да, с человеком, которого мы не знаем. Если он позвонит сам, скажите ему, что Рейвен засек нашу базу. Я хочу, чтобы он использовал свое влияние на то, чтобы отсрочить облаву или как-то ослабить удар.— Кэйдер положил трубку и сердито пощипал нижнюю губу.

— Рейвен еще в пределах досягаемости. Десять против одного, что он вас слышал,— заметил Сантил.

— Ну и что из того? Ведь мы сами не знаем, с кем говорим.

Коротко просигналил телефон.

— Это Мюррей,— известил голос на другом конце.— Вы просили меня раскопать материал об этом Рейвене.

— Что там у вас?

— Не так уж много. Между прочим, земляне просто с ума сходят, обшаривая планету. Версии у них одна нелепей другой!

— Потрудитесь не строить своих собственных! — отрезал Кэйдер.— Герати, Джеферсон и другие отнюдь не дураки, хоть и скованы по рукам и ногам. Выкладывайте, что у вас есть, а о том, что надо делать, предоставьте судить мне.

— Его отец был пилотом на трассе Земля — Марс; исключительно сильный телепат, потомок четырех поколений активных телепатов. Предки, вступая в браки, не допускали перемешивания способностей. Так было до тех пор, пока он не встретил мать Рейвена.

— Дальше.

— Она была радиосенсом, ее предки — тоже, правда, там затесался еще и суперсоник. Согласно теории Хартмана, ребенок должен наследовать только доминирующий талант. Вряд ли возможно, что отпрыск — я имею в виду Рейвена — смог стать телепатически восприимчивым в таком широком диапазоне.

— И тем не менее этот урод может доить других, сам оставаясь запертым.

— Об этом я не знал,— уклончиво ответил Мюррей.— Я не профессиональный генетик. Я лишь повторяю Хартмана.

— Не важно. Давайте остальное.

— Рейвен отчасти пошел по стопам отца. Он получил права пилота Марсианских трасс и сдал экзамен на капитана космического корабля. Это все, чего он добился. Получив диплом, он, однако, в космосе не работал и никогда не водил корабль к Марсу. По-видимому, он только и делал, что бесцельно слонялся вокруг космического центра, пока его не подцепил Джеферсон.

— Хм! Странно! — От умственного усилия брови Кэйдера сдвинулись.— Есть этому какое-нибудь объяснение?

— Может быть, он чувствовал, что летать на Марс ему не позволяет здоровье,— предположил Мюррей.— С тех пор как чуть не погиб.

— Что? — Чувствуя, как встали дыбом волосы на затылке, Кэйдер потребовал: — Повторите!

— Десять лет назад он находился на космодроме в тот момент, когда старая калоша «Римфайер» взорвался словно бомба. Пострадала башня управления, несколько человек погибло. Помните?

— Да, видел по спектровизору.

— Среди раненых был и Рейвен. Его фактически можно было причислить к покойникам, но какой-то мальчишка-доктор решил, что еще не все потеряно. И он таки вернул Рейвена с того света. Это было самое настоящее воскрешение из мертвых. Мюррей замолчал, затем добавил: — Наверное, именно с тех пор он стал человеком без нервов.

— Больше ничего?

— Это все.

Положив трубку, Кэйдер откинулся в кресле, глядя на Сантила.

— «Стал человеком без нервов». Вздор! У него их и не было никогда.

— А кто спорит? — заметил Сантил.

— Заткнись и дай подумать.— Паукообразная тварь выползла из кармана Кэйдера, огляделась по сторонам. Пересадив ее на стол, Кэйдер позволил ей поиграть с его пальцем.

— У Рейвена какое-то неестественное, нечеловеческое восприятие смерти. Он предсказал, что Халлер отправится к праотцам за десять минут до того, как это произошло. И все потому, что один псих всегда узнает другого.

— Может, вы и правы.

— Значит, его чудесное избавление оставило в его голове некий странный след. Он считает смерть достойной презрения, а не страха, потому что уже не поддался ей один раз. И он стремится доказать, что может проделать так снова и снова.— Кэйдер перевел взгляд с паука на Сантила.— Он слишком легко относится к смерти, он играет своей жизнью. Понимаешь, что это значит?

— Что? — с трудом спросил Сантил.

— Неограниченную, безрассудную, исключительную отвагу. Он не просто средний телепат с мироощущением религиозного фанатика. Привкус смерти убил в нем ее страх. Десятилетней давности приключение постоянно будоражит его фантазию. Это делает его совершенно непредсказуемым. Джеферсон выбрал точно — высококлассный эксперт, который не думает о том, стоит или не стоит вмешиваться в чужие дела... И он не побоялся сделать это здесь.

— И все-таки я ожидал от него большего,— решился вставить Сантил.

— Я тоже. Это доказывает только то, что чем дальше распространяется слух, тем больше он искажается. И у меня есть ключик к этому Рейвену. Мы дадим ему веревку, и он повесится сам.

— Вы думаете?..

— Вот именно. В западню всегда попадают самые твердолобые и агрессивные.— Он пощекотал паукооб-

разную тварь под брюшком.— Рейвен из той же породы. Мы просто подождем, когда он сам провалится в яму.

Внутри стола раздались позывные. Выдвинув ящик, Кэйдер извлек оттуда миниатюрный телефон.

— Кэйдер.

— Это Ардерн. Облава началась.

— Как проходит?

— Ха! Смех, да и только! Гипнотизеры взвешивают и сортируют древесные орешки, микроинженеры собирают дамские часики, телекинетики печатают новости с Венеры, все трудятся, как прилежные школьники. Короче, кругом радостно, мирно и невинно.

— Обнуление сделано вовремя?

— В основном да. Оставалось только шестеро. Когда ворвались полицейские, мы выпустили их через тайный выход.

— Хорошо,— с удовлетворением произнес Кэйдер.

— Это не все. Вы давали срочный запрос насчет малого по имени Дэвид Рейвен? Так вот, мы его засекли.

Кэйдер глотнул воздуха, издав тихое шипение, которое заставило паука отскочить. Он успокоил насекомое, погладив пальцем.

— Как вы его нашли?

— Нам даже трудиться не пришлось. Образно говоря, он сам забрался в клетку, сам запер дверь, сам повесил карточку с фамилией на решетку, да еще позвал нас прийти посмотреть.— Ардерн довольно засмеялся.— Он сам зашил себя в мешок и поручил нашим заботам.

— Не так-то я прост, чтобы верить в сказки. Что-то здесь не так. Проверю сам. Ждите меня через десять минут.

Спрятав телефон и заперев ящик, он сосредоточенно уставился в стол, не обращая внимания на Сантила и паука. Он никак не мог понять, что его гложет. И по какой-то иной, столь же неуловимой причине, его мысли все время возвращались к словам Рейвена о мотыльках, летящих в темноте с горящими глазами.

Яркие, светящиеся, порхающие в безбрежной тьме — мотыльки...

Глава шестая

Через семь минут Кэйдер стоял возле ничем не примечательного дома, служившего терминалом подземной базы, ее тайным выходом. Именно этим путем благополучно ушли от облавы, предпринятой Земной разведкой, те несколько беглецов, которым не успели стереть память.

Его поджидал маленький худой человечек с пожелтевшим от венерианской болотной лихорадки лицом. Это был мутант второго типа, левитатор, с сильной хромотой, которую он заполучил еще в юности, когда однажды переборщил с высотой и свалился, истощив свою мыслительную силу. Это был Ардерн.

— Ну? — выжидательно оглядев комнату, спросил Кэйдер.

— Рейвен на борту «Фантома»,— ответил Ардерн.

Со своей обычной легкостью Кэйдер начал закипать гневом.

— Так что за вздор вы несли о птичке в клетке и карточке на решетке?!

— «Фантом» — венерианский корабль, и он готовится стартовать домой,— не смутился Ардерн.

— А экипажи на всех космических кораблях состоят из землян!

— Ну и что? Ни он, ни они не станут вытворять никаких фокусов в космосе. А сесть они должны. Вот тогда-то этот Рейвен окажется на нашей собственной планете, среди миллионов наших людей, под контролем наших властей. Чего еще остается желать?

— Предпочитаю, чтобы он имел дело со мной.— Подойдя к окну, Кэйдер вперил взор в темноту, где цепочка зеленых огней обозначала космопорт, на взлетном поле которого покоился сейчас «Фантом».

Прихрамывая, Ардерн подошел ближе.

— Я стоял у трапа, когда этот парень выскочил из вертолета с таким видом, будто жить ему осталось секунд десять. Он назвался Дэвидом Рейвеном и потребовал каюту. Я сразу же сказал себе: «Ба, этого-то парня Кэйдер и домогается!» И только я это подумал, как он повернулся,

оскалился на меня, как аллигатор на пловца, и сказал: «Ты абсолютно прав, дружок!» — Ардерн пожал плечами и закончил: — Ну, я сразу к телефону, звонить вам.

— Наглости у него хватит на десятерых, это верно,— нахмурился Кэйдер.— Может, он воображает, что неуязвим? — В нерешительности он быстро заходил взад-вперед.— Я мог бы забросить на этот корабль ящик с насекомыми, но что толку? Мои маленькие солдаты не отличат одного человека от другого, пока им не подскажешь.

— В любом случае, вы уже не успеете,— сказал Ардерн.— «Фантом» стартует через пять минут.

— Есть на борту кто-нибудь, кого мы знаем?

— Полный список пассажиров не достать — поздно. Корабль берет триста человек, не считая экипажа. Часть пассажиров — земляне. Остальные — простые венериане и марсиане, торговцы. Ничто, кроме бизнеса, их не интересует.— Ардерн на минуту задумался.— Жаль, что мы не можем просмотреть список и отобрать пару-другую подающих надежды парней. Единственные, кого я знаю, это двенадцать наших, летят домой в отпуск.

— Какого они типа?

— Десять микроинженеров и два телекинетика.

— Просто идеальная комбинация для того, чтобы послать зонд величиной с булавочную головку через замочную скважину и прихватить его в постели тепленьким,— саркастически произнес Кэйдер.— Вот только незадача — он прочтет любое их намерение в тот самый миг, когда оно возникнет. И он всегда будет опережать их на двадцать шагов.

— Должен же он спать,— заметил Ардерн.

— Откуда мы знаем? Ноктоптики вообще не спят, и он, может быть, тоже.

— Но ведь есть радио! Пусть эти двенадцать свяжутся с телепатом на Венере. Тогда они смогут рассчитывать на его помощь.

— Бесполезно,— с издевкой усмехнулся Кэйдер.— Рейвен умеет заставлять свой мозг онеметь как камень. Если телепат прозондирует его сквозь дверь каюты и ничего не воспримет, то как он определит, бодрствует Рейвен или спит? И как он определит, заметил тот или нет его зондаж?

— Пожалуй, никак,— нахмурившись, согласился Ардерн.

— Некоторые мутации вызывают у меня колики.— Внимание Кэйдера вернулось к далеким огням.— Иногда меня просто воротит от изобилия наших так называемых высших способностей. То ли дело — насекомые. У насекомого никто не прочтет мысли. Никто его не загипнотизирует. Насекомые подчиняются только тем, кого они любят. И этого вполне достаточно.

— Я раз видел, как один пиротик сжег тысячу насекомых.

— Говоришь, сжег? А что было потом?

— Налетели еще десять тысяч и сожрали его.

— То-то же! — удовлетворенно произнес Кэйдер.— Насекомых вам не победить! — Он продолжал расхаживать взад-вперед, иногда останавливаясь и бросая недовольный взгляд на огни, затем сказал: — Ничего не остается, кроме как переложить ответственность на других.

— Как это? — спросил Ардерн.

— Пусть им займутся там. Если целая планета не сумеет справиться с одним дефективным, то мы сейчас тем более можем отступить.

— То же самое я говорил вам с самого начала. Он сам забрался в клетку.

— Может, да, а может, и нет. Я сижу на его планете, но ведь не в клетке же?

Далекие огни внезапно исчезли, поглощенные яркой вспышкой белого пламени. Пламя поползло вверх, все быстрее и быстрее, и наконец, проткнуло небеса. Чуть позже с высоты донесся глухой рокот, от которого задребезжали оконные стекла, и вновь вокруг сгустилась темнота и зажглись зеленые огоньки, казавшиеся теперь гораздо тусклее, чем раньше.

Ардерн озабоченно скривил свое желтое лицо.

— Мне пришлось отойти от трапа к телефону...

— Ну и что?

— Хорошо бы убедиться, что он в самом деле на корабле. У него была уйма времени его покинуть. Заказ каюты вполне может оказаться отвлекающим маневром, и мы идем по ложному следу.

— Может.— Кэйдер помрачнел.— С него станется, он способен и не на такие штучки. Действительно, лучше проверить. Легавые уже убрались с базы?

— Сейчас узнаю.— Ардерн щелкнул крохотным выключателем в стене и заговорил в микрофон над ним.— Эти ребята из разведки все еще у вас?

— Только что ушли.

— Прекрасно, Филби. Я сопровождаю Кэйдера...

— Не знаю, что здесь прекрасного,— прервал Филби.— Они забрали восемь наших парней.

— Восемь? Какого черта?

— Для дальнейшего допроса.

— Они обнулены как положено? — вмешался Кэйдер.

— Можете быть уверены.

— Тогда чего бояться? Нуль есть нуль. Хватит об этом.

Выключив связь, Ардерн проговорил:

— До сих пор они не забирали наших людей на допросы. Мне это очень не нравится. Как бы они не придумали способ снимать мысленную блокировку.

— Тогда почему они не сцапали всю компанию и нас в том числе? — Кэйдер пренебрежительно отмахнулся.— Этот номер должен продемонстрировать, что они честно отрабатывают свой хлеб. Пошли, нужно срочно связаться с «Фантомом».

Засветился большой приемный экран, и на нем возник смуглый человек с ларингофоном на шее. Оператор «Фантома».

— Живо, Ардерн, список наших людей! — Кэйдер схватил лист и приготовился заговорить, но оператор опередил его.

— Простите, ваше имя?

— Артур Кэйдер. Я хочу поговорить с...

— Кэйдер? — переспросил оператор. Внезапно лицо его расплылось, по нему пробежали длинные полосы, и экран затуманился сеткой помех. Наконец картинка восстановилась.— С вами хочет поговорить один из наших пассажиров. Он ждал вашего звонка.

— Ха! — прокомментировал Ардерн, слегка подтолкнув Кэйдера.— Кто-то из наших его засек.

Прежде чем Кэйдер успел ответить, оператор что-то переключил на пульте. Его лицо исчезло и появилось другое. Это было лицо Рейвена.

— Вы, кажется, успели меня полюбить, повелитель вошек? — осведомился он.

— Вы! — Кэйдер сердито уставился на экран.

— Собственной персоной. Я ждал вашего звонка раньше, пока корабль еще не стартовал, но вы неповоротливы.— Он укоризненно покачал головой.— Как видите, я и впрямь на борту.

— Вы еще об этом пожалеете,— пообещал Кэйдер.

— Когда прибуду на место? О, конечно, ведь вы первым делом сообщите обо мне своим. Не могу не отметить, что для меня это большая честь.

— Не честь, а твой конец,— с откровенной угрозой сказал Кэйдер.

— Это мы еще посмотрим. Лучше жить в радости, чем умирать в горести.

— За первым последует второе, нравится тебе это или нет.

— Сомневаюсь, клопик, ибо...

— Не смей меня так называть! — побагровев, выкрикнул Кэйдер.

— Нервы, нервы! — пожурил Рейвен.— Если бы вы умели убивать взглядом, я сейчас свалился бы замертво.

— Все равно ты сдохнешь! — рявкнул Кэйдер, совершенно выйдя из себя.— Недолго осталось ждать. Уж об этом-то я позабочусь! Считай, что ты покойник!

— Очень мило. Публичная исповедь облегчает душу.— Рейвен оценивающе оглядел Кэйдера и добавил: — Советую привести свои дела в порядок, да поживее. Скоро вам может быть не до того.

С этими словами он отключился, не дав возможности разъяренному Кэйдеру что-либо ответить. Вновь появился оператор.

— Что-нибудь еще, мистер Кэйдер?

— Нет, не сейчас.— Щелчком отключив передатчик, Кэйдер повернулся к Ардерну.— Что он имел в виду? Я ничего не понял.

— Я тоже.

Некоторое время оба стояли, ощущая смутное беспокойство, пока их размышления не прервал Филби:

— Вызов от человека, которого мы не знаем,— сказал он, входя.

Кэйдер взял трубку.

Голос, незнакомый и в то же время слышимый отнюдь не впервые, проскрежетал:

— Кэйдер, у меня полно своих забот, чтобы еще брать на себя ненужный риск покрывать безответственных болтунов.

— Что? — Кэйдер часто-часто заморгал.

— Произносить такие угрозы по открытой системе связи, которую наверняка прослушивает разведка,— проще уж стать на колени и самому сунуть голову в петлю,— ледяным тоном продолжал голос.— По законам Земли наказание за такие угрозы — от пяти до семи лет тюрьмы. Они могут привлечь вас к суду, и я не смогу им помешать.

— Но...

— Вы невыдержанны, и он этим воспользовался. Кричать такое в эфир! Безмозглый кретин! — Пауза, затем: — Я не буду прикрывать вас, иначе просто выдам себя. У вас остался один выход — быстро исчезнуть. Свои шкатулки и ларцы с живностью — сожгите. Затем ложитесь на дно и ждите, пока мы не переправим вас домой.

— Как же я все это устрою? — спросил Кэйдер, тут же осознав ненужность вопроса.

— Это ваши проблемы. Немедленно покиньте Базу — вас не должны там найти. И будьте осторожны, когда отправитесь домой за шкатулками. Там уже может оказаться засада. Если не управитесь за час, все бросайте.

— Но там моя армия. С ней я бы мог...

— Ничего вы не можете,— резко оборвал голос.— Потому что у вас нет ни единого шанса. И не возражать! Исчезайте и сидите тихо. Мы попытаемся отправить вас домой, но после того, как утихнет шум.

— Я могу оспорить обвинение,— начал было оправдываться Кэйдер.— Могу заявить, что это была всего лишь пустая брань.

— Послушайте,— устало ответил голос.— Разведка спит и видит, как бы вас сцапать. Они месяцами ищут предлога. Сейчас вас ничто не спасет, если только сам Рейвен не скажет, что расценил ваши слова как шутку, а уж этого вы не дождетесь. Выполняйте приказ. Сделайте так, чтобы вас искали долго и не нашли.

Голос отключился, и Кэйдер с мрачным лицом положил трубку.

— В чем дело? — спросил Ардерн, взглянув на него.

— Они хотят упрятать меня на семь лет за решетку.

— Почему? За что?

— Угрожал смертью. Этому выродку.

— Святой Дух! — отшатнулся Ардерн.— Это они запросто, особенно если захотят.— Его лицо исказилось от напряжения, тело слегка вытянулось, ноги оторвались от земли, и он начал медленно подниматься к потолку.— Я ухожу, пока не поздно. Я не знаю вас, вы — меня.— С этими словами он вылетел вон.

...С безопасного расстояния Кэйдер осмотрел свой дом. Он опоздал — дом уже был «под колпаком». До двух часов ночи он гулял по улицам, неотступно думая о своих шкатулках, дожидающихся в задней комнате. Без них он ничто. Как добраться до них незамеченным? Как, находясь вне зоны оцепления, подать неслышный сигнал?

Он осторожно крался в темноте сквера, когда из-под арки вышли четверо и загородили ему дорогу. Один из них, телепат, произнес властным тоном:

— Вы-то нам и нужны, Артур Кэйдер.

Со щупачом мозгов дискутировать было бесполезно, драться одному с четырьмя — тоже. Угрюмо, но спокойно он пошел с ними, продолжая думать о своих шкатулках и о том, что насекомые — лучше всех.

Глава седьмая

Под носовой частью корабля толстым желтым одеялом лежали туманы Венеры, когда Рейвен вошел в рубку взглянуть на экраны радаров. Сверкающие зубцы через весь экран обозначали гигантскую горную

цепь. Влажные леса покрывали уступы гор, спускаясь к широкому плоскогорью, на котором человечество создало свой плацдарм.

Корабль начал предпосадочные маневры, и корпус его сотрясла дрожь. Посадка на Венере все еще оставалась непростым делом.

Далеко внизу, в глубине влажных джунглей, лежали четыре разбитых цилиндра, бывших когда-то космическими кораблями. В настоящий момент единственной целью экипажа «Фантома» было не допустить, чтобы их стало пять.

Все пассажиры понимали, что наступает критический момент путешествия. Притихли заядлые картежники, умолкли говоруны, протрезвели любители крепких напитков. Глаза пилотов не отрывались от экрана радара, наблюдая, как вырастают каменные челюсти.

Ровным бесстрастным голосом штурман диктовал:

— Сорок тысяч футов... Тридцать пять тысяч... Тридцать тысяч...

Не разделяя общего волнения, Рейвен изучал экран и ждал своего часа. Горы сместились вниз, затем исчезли с экрана. Кто-то с облегчением выдохнул.

Возник овальный край огромной плоской равнины, испещренной реками, он становился все отчетливей, детальней. Вибрация усилилась.

— Двадцать тысяч. Девятнадцать тысяч пятьсот.

Рейвен направился к выходу, провожаемый несколькими удивленными взглядами. Быстро пройдя по проходу, он остановился у внешнего носового шлюза. Наступал благоприятный момент. Экипаж поглощен своим делом; пассажиры озабочены собственной безопасностью.

Хотя он давно привык к тому, что людям свойствен инстинкт самосохранения, всякий раз, заметив его проявления, он находил это забавным. Люди боялись, не зная, что такое настоящая опасность. Будь они лучше информированы...

Он открыл автоматическую дверь, вошел в шлюзовую камеру и запер за собой дверь. Подобная акция должна включить сигнал тревоги на командном пункте, и кто-нибудь обязательно явится посмотреть, что за придурок балуется со шлюзом в такой момент. Не важ-

но. Любому члену экипажа понадобится по меньшей мере секунд тридцать, чтобы добраться сюда.

Небольшой динамик в шлюзовой камере бормотал в унисон со своими собратьями по всему кораблю:

— Четырнадцать тысяч... Тринадцать тысяч пятьсот...

Он быстро высвободил запоры внешнего люка и открыл его. Воздух из корабля наружу не вышел, наоборот, в шлюз ворвался воздух Венеры, неся с собой тепло, сырость и сильный запах джунглей.

Во внутреннюю дверь застучали и забили ногами. Из динамика раздался голос:

— Эй, вы, там, в четвертом шлюзе! Немедленно закройте внешний люк и откройте внутренний! Предупреждаем, что любые действия в шлюзовой камере лицами, не уполномоченными на это, являются серьезным нарушением, наказываемым...

Прощально помахав динамику, Рейвен выпрыгнул из корабля. Он нырнул головой в океан плотного влажного воздуха и, крутясь и переворачиваясь, камнем полетел вниз. Через мгновение черный цилиндр «Фантома» мерцал уже высоко вверху, а снизу, стремительно распахивая объятия, надвигался мир джунглей.

Если бы кто-нибудь на корабле успел разглядеть его в бинокль, то получил бы богатую пищу для размышлений при виде неуклюже кувыркавшейся фигуры. Обычно только две категории людей выпрыгивали из космических кораблей: самоубийцы и беглые левитаторы. Последние всегда спускались плавно, иначе на что им были их природные способности. Камнем падали только самоубийцы. Только две категории людей выпрыгивали из космических кораблей — и было невозможно представить, что могла найтись третья категория — нелюдей!

Падение длилось дольше, чем это было бы на Земле,— сказывалось тормозящее действие плотной атмосферы Венеры. К тому моменту, когда Рейвен находился футах в четырехстах над верхушками деревьев, «Фантом» казался крошечным карандашом, почти у самого горизонта. Вряд ли кто-нибудь на его борту мог сейчас за ним уследить, и Рейвен затормозил в воздухе.

Это действие не имело ничего общего с точно рассчитанным и контролируемым торможением простого левитатора. Рейвен замедлил скорость падения так же естественно, как паук, который вдруг передумал и начал стравливать паутину не так быстро.

Достигнув верхушек деревьев — на высоте трехсот пятидесяти футов,— он начал спускаться так, как будто его держал невидимый парашют. Словно падающий лист, он миновал огромные ветви, толстые, как стволы земных деревьев, и опустился на грунт.

Место его посадки находилось примерно в миле от края огромной равнины. Здесь гигантские деревья были тоньше, росли не так густо, а лесные поляны напоминали соборы. Милях в шестидесяти к западу начинались настоящие венерианские джунгли, где обитали кошмарные твари, которые только недавно усвоили, что от человека лучше держаться подальше.

Возможная встреча с каким-нибудь хищником — их здесь водилась тысяча с лишним видов — не особенно тревожила Рейвена. Не боялся он и более опасных двуногих охотников своей собственной расы. Все это меркло перед грядущей ожесточенной схваткой.

Те, кто поджидает его в космопорту, конечно, встревожатся. И одурачить их не удастся. Сообщение Кэйдера — а он полагал, что оно дошло,— наклеило на него ярлык телепата с дополнительными странностями, которым земные авторитеты, такие как Герати и Джефферсон, придают большее значение, чем они того заслуживают. Те, кто подготовил ему теплую встречу, обязательно зададутся вопросом — а не упустил ли Кэйдер чего-нибудь важного и почему ему, Рейвену, отводится столь ключевая роль?

Сейчас они столкнулись с вопиющим фактом: пресловутый Рейвен покинул корабль так, как будто он левитатор, но вниз полетел как заправский самоубийца. То, что они знают о Рейвене, исключает самоубийство, следовательно, им ничего другого не останется, как поверить в существование новой, неизвестной доселе квазилевитаторской способности и классифицировать самого Рейвена как первый экземпляр существа чрезвычайно опасного — отпрыска мутантов различных

типов, причем обладающего сразу несколькими сверхъестественными способностями.

Отдыхая на пне с корой изумрудного цвета, фута в три диаметром, он, как фокусник, улыбался своим мыслям. Множественность талантов в одном индивиде... Таких экземпляров еще не обнаруживали, хотя под наблюдением находились все три планеты, чтобы, не дай бог, не прозевать нечто подобное. По мнению генетиков, вероятность найти такое существо была нулевой, его просто не могло существовать.

По каким-то только ей самой известным причинам природа устроила так, что дети мутантов различных типов либо наследовали доминантную способность, либо не наследовали никакой. Менее выраженный талант неизбежно терялся. Часто мутация проявлялась через поколение, и в этом случае тот, кого обошли, оставался самым обыкновенным человеком, пешкой.

Существование супертелепата-суперлевитатора должно казаться полным абсурдом, но они поверят в него, потому что факты — упрямая вещь. У тайных боссов Венеры подскочит кровяное давление, когда они узнают, что Земля обзавелась новым ферзем и первым ходом этого ферзя стала отмена законов природы. Естественно, они захотят немедленно остановить его, пока он не занялся законами того общества, в котором они живут, ибо эти законы давали им и большие деньги, и большую власть.

Эта мысль его позабавила. До сих пор он не совершал ничего из ряда вон выходящего. И это хорошо — незачем чересчур привлекать к себе внимание. Именно по этой причине Лина была против всякого вмешательства в дела людей и не одобряла ту роль, которую он взялся играть. В любых условиях, считала она, они должны оставаться незаметными, независимыми и не поддаваться искушению решать чужие проблемы.

И тем не менее он уже причинил значительные неудобства противнику, такому самоуверенному до сих пор. Поверив в существование первого мутанта-универсала, они просто обязаны предположить, что могут появиться еще более опасные разновидности. Есть чего испугаться! Эти страхи уведут их от истины, и чем

дальше, тем лучше, потому что они вообще не должны эту истину узнать, чтобы никто не смог извлечь ее из их мозгов.

Жаль, что нельзя сказать правду, но некоторые вещи не говорят тем, кто до них еще не дозрел.

Никто и никогда не отменял и не отменит законы природы. Просто сверхъестественные явления подчиняются законам пока неизвестным.

Людей с несколькими сверхъестественными способностями нет.

Есть только мотыльки с горящими глазами, летящие в бесконечной вечной тьме.

Рейвен послал мощный мысленный сигнал. Обычный телепат ни за что не достал бы так далеко.

— Чарльз!

— Дэвид? — Ответ пришел мгновенно, подтверждая, что его вызова ждали.

Рейвен инстинктивно повернулся лицом туда, откуда пришел ответ; так один обыкновенный человек поворачивается лицом к другому.

— Я спрыгнул с корабля. Не знаю, стоило ли, но мне показалось, так будет надежнее.

— Да, я знаю,— ответил далекий собеседник.— Мейвис разговаривала с Линой. Сперва они, как водится, битый час болтали о пустяках, но затем Лина вспомнила, что она хотела сообщить о твоем путешествии на «Фантоме». Кажется, она успела сделать это раньше, чем ты принялся за дело.

— Женщины остаются женщинами,— ответил Рейвен.

— Короче, я отправился в космопорт,— продолжал Чарльз,— и только что оттуда вернулся. Внутрь попасть не смог: все входы и выходы перекрыты, вокруг полно охраны, целыми толпами бродят встречающие и пережевывают всякие слухи. Но как только корабль сел, сразу же вся чиновничья братия забегала так, словно у них прямо сейчас стащили кошелек.

— Боюсь, в этом повинен я.

— Зачем вообще было нужно лететь на корабле? — спросил Чарльз.— Если ты хотел добраться до нас без лишнего шума, мог бы обойтись без него.

— В том-то и дело, что так шуму было бы больше,— ответил Рейвен, не находя ничего странного в таком вопросе.— Между прочим, сейчас я ношу тело.

— Как раз за твоим телом они и охотятся. Это просто подарок...

— Вот именно. Я и хочу, чтобы они за ним побегали. Пусть охотятся за человеческим телом, это не даст им прийти к другим выводам.

— Тебе виднее,— сказал Чарльз.— Надеюсь, ты идешь к нам?

— Конечно. Я позвал тебя, чтобы убедиться, что ты на месте.

— Мы дома. Ждем тебя, Дэвид.

— Уже иду.

Он тотчас же быстрым шагом тронулся в путь через тенистые поляны в сторону большой равнины, наблюдая за окружающей обстановкой больше мозгом, чем глазами. Притаившееся в засаде живое существо всегда можно обнаружить телепатически. Охотник не сможет следить за дичью, не излучая свои примитивные мысли. Такие, как у той пары похожих на коршунов птиц, которые хищно глядят на него сейчас с верхушки дерева. Клекот, рычание, образ кровавого мяса...

Первые признаки охоты на него появились, когда Рейвен находился в самой чаще. Он стоял в густой тени могучего дерева, когда над зеленым зонтом кроны пролетел вертолет — большая машина с четырьмя винтами и экипажем из десяти человек.

Из этих десяти шестеро были телепатами. Они непрерывно прослушивали местность под вертолетом, пытаясь уловить случайный мысленный импульс, который он мог испустить по беспечности. Был там и один насекомоязычный, который сидел, прижимая к себе контейнер с летучими тигровыми муравьями, готовый сбросить его в любой момент по команде телепата.

Второй пилот, ноктоптик, ничего не делал, просто ждал своей очереди вести машину, когда наступит ночь. Еще там был гипнотизер, который на чем свет стоит проклинал Рейвена за то, что его оторвали от

удачно складывающейся игры в джимбо, и вислоухий суперсоник, напряженно ожидавший, когда раздастся тонкий свист радиевого хронометра, о наличии которого на борту намеченная жертва не должна была даже догадываться.

Выписывая зигзаги, этот зоопарк мутантов пролетел мимо, даже не заподозрив о его присутствии прямо под собой. Другая группа рыскала параллельным курсом двумя милями южнее, и еще одна — двумя милями севернее.

Прежде чем выйти на открытое место, он дал им время убраться подальше, затем миновал опушку леса и там наткнулся на широкую проселочную дорогу. Теперь он мог позволить себе расслабиться.

Эти летучие поисковые команды были составлены, вероятно, не из самых бездарных и глупых людей, но ошибку они совершили совершенно дурацкую, посчитав само собой разумеющимся, что любому, кто гуляет на открытом месте, скрывать нечего... Что ж, решил Рейвен, если они вдруг захотят проявить рвение, он, так и быть, выдаст им целый букет мыслей отпетого болвана-пешки. Например: «Что сегодня на обед? Неужто снова рыба? Сдвинуться можно!»

Оставался риск, хотя и небольшой, что у них есть его фото, и охотники могут спуститься пониже, чтобы попробовать его опознать.

Однако, пока он не оказался наконец поблизости от Плейн-Сити, никто не проявил особого любопытства. Здесь он заметил еще один вертолет и почувствовал, как сразу четыре мозга прощупывают его собственный. Наградой им за труды стал образ грязного крикливого оборванца, каких немало в убогих домишках бедных кварталов. Рейвен почти расслышал, как они с презрением фыркнули, прекратили зондаж, затем вертолет прибавил скорость и понесся к джунглям.

Перед самым городом он сошел с дороги и направился к тяжелому тягачу, волочившему за собой прицеп со стальной клеткой. Два гипнотизера и телекинетик составляли наземное обеспечение продолжавшейся охоты. Клетка была битком набита древесными кошками. Эти кошки могли идти по следу недельной давности и

забираться на ствол любого дерева в лесу, если только он не был усеян шипами.

Сейчас Рейвен играл болвана, и, покусывая травинку, он с ленивым любопытством уставился на процессию, которая с лязганьем и грохотом проползла мимо. Мысли всей компании были как открытая книга. Один гипнотизер мучился похмельем и проклинал себя за то, что вчера выпил лишнего, другой не спал ночь и теперь, не переставая, щипал себя, чтобы не задремать. Телекинетик, как ни странно, меньше всего хотел поймать свою жертву. Он чертовски боялся ответственности однажды в молодости он уже обжегся на чем-то похожем и отнюдь не желал повторения. Даже древесные кошки передавали свои кошачьи думы. Штук десять, пристально глядя на Рейвена из-за металлических прутьев, шумно глотали слюну и представляли, как в один прекрасный день они попробуют мяса своих двуногих хозяев. Другие мечтали удрать и больше не попадаться. Третьи смирились, решив, что от судьбы не уйдешь и свой хлеб отрабатывать придется...

Нелепая кавалькада, нелепая вдвойне потому, что тот, за кем они охотились, наблюдал за ними с усмешкой, стоя всего в нескольких шагах. Рейвен подумал, что ближе к вечеру они поймают и разорвут на куски какого-нибудь сезонного рабочего или бутлегера, а потом, гордые своими успехами в борьбе с преступностью, вернутся домой.

Продолжив путь, Рейвен вошел в город и легко отыскал небольшой дом из гранита с яркими орхидеями на подоконниках. И хотя он попал в Плейн-Сити впервые, дом он отыскал сразу, как будто ясно видел его с самого начала или шел в темноте на огонек. Он не стал стучать в дверь. Те, кто ждал его, знали о каждом его шаге и знали, когда он войдет.

Глава восьмая

Свернувшись в кресле калачиком, Мейвис, изящная голубоглазая блондинка, смотрела на него таким же пронизывающим взглядом, каким он сам частенько буравил

других. Взгляд этот, казалось, прошивал насквозь тонкую телесную оболочку, добираясь до самой сути души.

Чарльз, толстенький, слегка напыщенный человек небольшого роста, был одет с невыразительностью болвана-пешки из самых низов общества. Любой проницательный человек, едва лишь взглянув на него, сразу понимал, что перед ним стоит обыкновенный, толстый и ленивый недотепа. А если бы кому-нибудь вздумалось копнуть поглубже, то он увидел бы, что и мысли у Чарльза подстать его внешности. Всем телепатам Чарльз прежде всего демонстрировал свою непроходимую тупость; это выглядело очень естественно и отлично подтверждало первое впечатление. Такой маскировке можно было только позавидовать, хотя главную роль здесь играла, скорее, удача, чем искусство перевоплощения.

— Конечно, мы рады тебя видеть,— сказала Мейвис вслух. Она вообще любила поболтать.— А как это вышло, что ты оставил свой пост?

— Объяснения после,— ответил Рейвен.— На крайний случай там Лина. Она справится.

— Только не с полным одиночеством,— возразила Мейвис.— С этим не справится никто!

— Разумеется, ты права. Но никто не останется в одиночестве навсегда. В конце нас всегда ждет воссоединение.— С веселой иронией он добавил: — Как в сказке!

— Ты говоришь как священник,— заметил Чарльз. Он плюхнулся в пневмокресло позади Мейвис, вытянув коротенькие ножки и сцепив руки на животе.— Лина сказала нам, что ты ввязался в людские дела. Это правда?

— Наполовину. Вы еще не знаете всей этой истории. Кое-кто на этой планете — вместе с неизвестными пока союзниками на Марсе — начал дергать Землю за косички. Совсем как озорники, играющие с ружьем и не ведающие, что оно может оказаться заряженным. У них благая цель — добиться независимости от Земли, но они избрали способ, который фактически означает войну.

— Войну? — усомнился Чарльз.

— Именно так. Беда в том, что война всегда выходит из-под контроля. Те, кто развязывает ее, потом убеждаются, что уже не в силах ее остановить, даже если очень того хотят. Единственный способ остано-

вить войну — не начинать ее, если это вообще возможно, иначе она обернется кровавой бойней.

— Уф! — Чарльз погладил двойной подбородок.— В самом деле, на этой планете сепаратистские настроения очень сильны, но внимания на это мы не обращали, считая, что наших интересов они не затрагивают. Даже если они дойдут до обмена ядерными ударами и начнут убивать друг друга миллионами, нам-то что за дело? Ведь это даже к лучшему, не так ли? Их потери — наши приобретения.

— С одной стороны — да, с другой — нет.

— Почему?

— Потому что землянам необходимо сохранить единство. Потому что они движутся в сторону Денеба.

— Они движутся?.. То есть как?...— Голос Чарльза пресекся. На миг его обычно тусклые глаза вспыхнули.— Ты говоришь, что Земля действительно знает о денебианах? Но как она может знать, черт возьми?

— Потому что,— ответил Рейвен,— сейчас они находятся на четвертой стадии развития. Происходит много такого, о чем общественность Земли и не подозревает. Я уж не говорю о Венере и Марсе. Земляне создали более совершенный двигатель и уже его испытали. Они собираются продолжать испытания, хотя даже не представляют, как далеко занесет их новый двигатель. И он таки занесет. Для людей, ограниченных материальным миром, они сработали весьма неплохо.

— Кажется, да,— признал Чарльз.

— Пока я еще не знаю точно, насколько они продвинулись и какую информацию доставили испытатели, но уверен, что ее достаточно, чтобы не сомневаться — рано или поздно они столкнутся с иной разумной жизнью. Мы с вами знаем, что это могут быть только денебиане.— Он поднял указательный палец.— И мы знаем, что денебиане давно рыщут в космосе, как стая гончих, принюхиваясь одновременно к сотне следов. Они пока еще гадают, какой след выбрать, но общее направление — на эту Солнечную систему.

— Все так,— вмешалась Мейвис.— Но по последним прогнозам, чтобы обнаружить эту систему, денебианам потребуется минимум лет двести.

— Этот прогноз наверняка устарел,— ответил Рейвен.— Тем более что сейчас в расчеты нужно включить новые и весомые факторы. Именно из-за них первые ласточки скоро будут здесь. Флаг поднят, пушки палят, эти люди сделали все, чтобы привлечь внимание к своему уголку космоса. Эти шалости надо пресечь, пока денебиане не успели сюда добраться и посмотреть, что тут происходит.

— Ты доложил об этом? — нервно осведомился Чарльз.

— Ну конечно же.

— И какова была реакция?

— Поблагодарили за информацию.

— И все? — Чарльз удивленно поднял брови.

— И все,— подтвердил Рейвен.— А вы чего ожидали?

— По крайней мере, не такого равнодушия,— сказала Мейвис.— Вы, мужчины, все одинаковы, как медные Будды.— Неужели вам никогда не хочется крикнуть во весь голос?

— С какой целью? — спросил Чарльз.

— Да почему всегда должна быть какая-то цель! — взвилась она.— Иногда от вашей рациональности просто тошнит. Между прочим, рот у меня не только затем, чтобы есть...

— Вот уж об этом я осведомлен неплохо,— сказал Чарльз.— Надо ж такому случиться, у меня он тоже есть. Именно рот виноват в том, что я такой толстый и ленивый, но он у меня так устроен, что в нем не бывает тошно.— Он указал на стол толстым пальцем.— Вот трибуна. Влезай и кричи. Мы послушаем.

— Не выношу шума,— сказала Мейвис.

— Вот в этом ты вся! — Чарльз взглянул на Рейвена и небрежно пожал плечами.— Женщина под стать тебе. Холодна и расчетлива. Никогда не дает выхода своим чувствам.

— Когда-нибудь, боров, я подрежу тебе крылышки,— пообещала Мейвис.

— Вы только представьте меня с крылышками! — Чарльз захохотал так, что у него затрясся живот.— Эдакий порхающий толстый ангелочек! Или мотылек! Ну и воображение!

Достав маленький кружевной платочек, Мейвис уткнулась в него.

Чарльз ошеломленно уставился на нее:

— Ну что я такого сказал?

— Ты просто задел какие-то струны в ее душе.— Подойдя к Мейвис, Рейвен обнял ее за плечи.— Ну, ну! Перестань. Если тебя так мучают воспоминания, лучше уехать. Ты не обязана здесь оставаться, если не хочешь. Найдется другая пара, которая...

Мейвис резко вскинула голову:

— Я хочу остаться. Я уйду, когда придет время, не раньше. Что вы тут обо мне вообразили? Уже девушке поплакать нельзя?! А если хочется?

— Да нет, пожалуйста, но...

— Забудьте об этом.— Мейвис сунула платок в карман и улыбнулась.— Я уже в форме.

— С Линой такое бывает? — спросил Чарльз у Рейвена.

— Пока я рядом, нет.

— Лина была старше, когда... когда...— Мейвис оставила фразу незаконченной.

Но все трое отлично поняли, что именно она хотела сказать.

Никто другой, денебиане в том числе, не мог бы догадаться, но они — они знали.

На несколько минут воцарилось молчание, и каждый думал о своем — думал свободно, не боясь, что в его мысли проникнет чужой любопытный взор. Первым заговорил вслух Чарльз.

— Вернемся к делу, Дэвид. Каковы твои планы и чем мы можем помочь?

— Планы очень просты. Мне нужно найти, опознать и войти в контакт с главной фигурой оппозиционной организации на Венере, с тем, кто выбирает методы и средства, задает тон в дискуссиях, отдает приказы. Короче, с боссом, крестным отцом. Потому что стоит убрать замковый камень, и вся арка рухнет.

— Так бывает не всегда,— мягко заметил Чарльз.

— Да, не всегда,— согласился Рейвен.— Если их организация хотя бы наполовину так сильна, как кажется, то у их лидера должен быть заместитель, гото-

вый, если потребуется, встать на его место. Вполне возможно, их несколько. Тогда наша задача усложняется.

— Кроме того, остаются еще марсиане,— напомнил Чарльз.

— Совсем не обязательно. Все зависит от их реакции на то, что происходит здесь. Союз Марса и Венеры в большой степени держится на взаимном подзуживании. Каждый громко кричит «ура» другому. Прекратите аплодировать, и пьеса покажется партнеру гораздо скучнее, чем есть на самом деле. Я надеюсь, что Марс сбавит тон, когда Венера выйдет из игры.

— Я не понимаю одного,— задумчиво произнес Чарльз.— Что мешает Земле отплатить мятежникам их же собственной монетой? В саботаж и диверсии можно играть в двое ворот.

Рейвен объяснил.

— Ага! — Чарльз опять помассировал подбородок.— Здешние ребята взрывают то, что считают чужой собственностью, земляне же не хотят терять то, что они и так полагают своим.

— Это не наше дело,— вставила Мейвис.— Потому что иначе нам рассказали бы больше.— Ее глаза вновь остановились на Рейвене.— Кто-нибудь, кроме землян, просил тебя вмешаться?

— Нет, дорогая. И вряд ли попросят.

— Это почему?

— Да потому, что война, которая может здесь вспыхнуть, пусть даже она вдребезги разнесет эту систему, ничтожный пшик по сравнению с более серьезными столкновениями в других рукавах Галактики. Издалека все выглядит по-иному.— Мейвис видела по лицу Рейвена, что он отвечает ей только из вежливости. И она действительно не услышала ничего, о чем бы уже не знала.— Есть неписаное правило для таких, как мы,— проявлять инициативу в мелочах. Вот я и проявляю.

— Меня это вполне устраивает,— кивнул Чарльз, выпрямившись в кресле.— Чем мы можем помочь?

— Немногим. Венера — ваша епархия, и вы лучше, чем кто-либо, ее знаете. Назовите мне имя человека, который, по вашему мнению, является вдохновителем

этого сепаратистского цирка. Мне нужно знать все о его способностях и возможностях, мне нужно знать, где я могу его найти. Надежная информация — вот что нужно в первую очередь. Но я буду признателен и за любую другую помощь.

— Я как раз собирался ее предложить.— Чарльз скосил глаза на Мейвис: — А как ты?

— Нет уж, увольте. Я лучше последую примеру Лины и буду продолжать наблюдение. В конце концов, мы здесь именно для этого. Кто-то должен этим заниматься, пока вы, упрямые ослы, будете где-то шляться.

— Вот это правильно,— ответил Рейвен.— Продолжать наблюдение важнее всего. Мы должны быть по гроб благодарны нашим красавицам. Они дают возможность нам, упрямым ослам, заняться гиблым делом.

Она посмотрела на него, но не ответила.

— Положение здесь забавное,— сообщил Чарльз.— Есть тут, как полагается, губернатор-землянин, который произносит торжественные речи, но то ли не видит, то ли делает вид, что не видит, что всеми делами на девяносто процентов заправляет дирижер этой капеллы — некто Волленкотт, кумир толпы. Фигура крупная, и влияние его все время растет.

— Что в нем такого, чего нет у других?

— Лицо, фигура, характер,— объяснил Чарльз.— Он местный уроженец, мутант типа шесть, иначе говоря, метаморф, с импозантной белой шевелюрой и столь же импозантным голосом. Может превратиться хоть в китайского болванчика, если захочет. Может также вещать как оракул — при условии, что предварительно вызубрит текст. Сам он находить нужные слова не умеет.

— Похоже, не самые грозные качества,— проговорил Рейвен.

— Погоди, я еще не закончил. На самом деле, Волленкотт — лицо подставное. Он просто чертовски удачная кандидатура на эту роль образцового лидера настоящих патриотов. И его-таки выдвинули на эту роль!

— Кто?

— Железный человек, некий Торстерн. Подлинный хозяин, дергает за веревочки, сидя в тени. Он останется у руля и после того, как Волленкотта повесят.

— Кукловод, да? А в нем есть что-нибудь интересное?

— И да и нет. Самое удивительное, что он не мутант. Ни одной паранормальной способности.— Чарльз сделал паузу, подумал и добавил: — Но он жесток, честолюбив, коварен, прекрасный психолог и чертовски умен.

— Короче, пешка с высоким коэффициентом интеллектуальности.

— Точно. И это немало. Потому что даже телепат иногда не способен угнаться за пешкой с тренированным мозгом.

— Знаю. Я слышал об одном или двух таких случаях. Мутантам свойственно недооценивать противников только потому, что те ординарны. Но обладать силой — не самое главное. Нужно еще уметь ее применять. Вот в чем преуспели денебиане! Они используют свои преимущества до единого.— Так и не присев ни на минуту, Рейвен направился к двери.— Сейчас не время драться с денебианами. И не место. Ближайшая цель — Торстерн.

— Я с тобой.— Подняв себя с пневмокресла, Чарльз посмотрел на Мейвис невинным взглядом.— Защищай крепость, детка. Если кто-нибудь спросит, скажи, что папа ушел на рыбалку — но не говори, за какой рыбкой.

— Смотри, чтоб вернулся,— наказала она.— Целым.

— В этой ущербной так называемой жизни никто ничего не может гарантировать.— Он хрипло рассмеялся.— Но я постараюсь.

Утешив ее таким образом, Чарльз вышел вслед за Рейвеном, оставив Мейвис наедине с ее долгом — стоять на страже того, что находилось даже не на Венере и не на Земле, а где-то невероятно далеко.

И, так же как Лина, Мейвис осталась сидеть в одиночестве, наблюдая и слушая, слушая и наблюдая — и утешая себя тем, что это одиночество разделяли с ней другие молчаливые часовые, разбросанные по Вселенной.

Глава девятая

Неизменный вечерний туман вползал в город, неторопливо запуская плотные желтоватые щупальца в улицы и переулки. По мере того как прятавшееся за ним солнце

опускалось все ниже, туман становился все гуще. К полуночи он превратился в теплое, влажное, непрозрачное одеяло, в котором уверенно передвигаться могли только или слепые, или никогда не смыкавшие глаз ноктоптики, или немногочисленные, вечно что-то шептавшие суперсоники, ориентирующиеся по эху, как летучие мыши.

В джунглях было иначе — деревья все так же тянулись ввысь, тогда как туман клубился в низинах. Патрулирование продолжалось: вертолеты по-прежнему кружились над деревьями и охотники все так же прощупывали поляны.

На экране спектровизора, выставленного в витрине, мимо которой как раз проходили Чарльз и Рейвен, показывали балет. По сцене грациозно передвигалась похожая на снежинку прима-балерина.

А всего в нескольких милях отсюда в сгустившейся темноте прятались в джунглях кошмарные твари. Там проходила граница между частично изведанным и неведомым. Этот резкий контраст замечали лишь некоторые, и совсем мало кто задумывался о нем. Время прошло, большинство населения составляют люди, родившиеся уже здесь, и то, что прежде было мечтой, стало банальным, чужое — своим, а старые фантазии сменились новыми.

Остановившись у витрины, Чарльз залюбовался зрелищем:

— Посмотри, как легко и грациозно она танцует! Какая гибкость и изящество, как спокойно и прекрасно ее лицо! Взгляни, как она замирает, кокетничает и снова отлетает, совсем как редкая и чудесная бабочка. Танцоры-виртуозы столетиями очаровывают человечество. Это люди особого типа. Они восхищают, потому что заставляют удивляться.

— Чему? — поинтересовался Рейвен.

— Может быть, этот талант паранормален, а они об этом не подозревают? И вообще, существует ли такой неуловимый талант, который нельзя ни определить, ни классифицировать?

— Выразись яснее,— попросил Рейвен.

— Я хочу сказать, что у людей ее типа может быть подсознательная форма экстрасенсорного восприятия. Именно она побуждает их всеми силами стремиться к

цели, которую они не в состоянии ни назвать, ни описать, и, ощущая эту цель интуитивно, они испытывают какое-то томление, которое могут выразить только одним путем.— Он показал на экран.— Совсем как бабочка, как дневной мотылек.

— В этом что-то есть.

— А я, Дэвид, в этом уверен.— Чарльз отвернулся от витрины и, переваливаясь с ноги на ногу, двинулся дальше.— Люди накопили целую кучу знаний. Но куча могла быть гораздо выше, если бы они умели осознавать то, что ощущают инстинктивно, подсознательно. Рано или поздно они научатся.

— Тот парень, Джеферсон, а он отнюдь не дурак, тоже с тобой согласен,— ответил Рейвен.— Он показал мне перечень известных типов мутантов, но предупредил, что список сей может оказаться далеко не полным. Некоторые могут и не подозревать, что они мутанты, и уж тем более об этом неизвестно окружающим. Непросто выявить в себе странное, если оно никому не режет глаз.

Энергично кивнув, Чарльз добавил:

— Пронесся слух, что на этой неделе совершенно случайно обнаружили еще один тип. Какой-то молодой парень, которому циркульной пилой отрезало руку, как говорят, взял да отрастил новую.

— Биомеханик. Такие могут заменить не только руку. Ну, это безобидный дар, о нем говорят больше, чем он того заслуживает.

— Да, конечно, но дело-то в том, что до тех пор, пока парень не оттяпал себе руку, он и понятия не имел, что способен на такое. Если бы не этот случай, он прожил бы всю жизнь и не узнал о том, что у него такой дар. Я вообще часто поражаюсь, как много людей ничего не знают о самих себе.

— Да, много. Подумай лучше, что о себе знаем мы.

— А я думаю,— спокойно заверил Чарльз.— Мы много знаем. Хватило бы на тысячу миров...— Его пальцы с неожиданной силой сжали локоть соседа.— Или нам только кажется... Дэвид, ты думаешь, что...

Рейвен остановился посреди улицы. Его отливающие серебром глаза ярко блеснули, когда он заглянул в такие же глаза собеседника.

— Договаривай, Чарльз. Закончи то, что хотел сказать.

— Ты думаешь, что мы можем не знать и половины того, что, как нам кажется, знаем наверняка? И что наши знания ничего общего не имеют с истиной? Что есть другие, которые знают больше и наблюдают за нами точно так же, как мы наблюдаем вот за этими? И иногда они над нами смеются, а иногда жалеют?

— Не знаю.— Рейвен криво усмехнулся.— Но если они и существуют, по крайней мере, нам они не мешают.

— Не мешают? Ты уверен?

— Если и мешают, нам этого не обнаружить.

— Мы раскусили тактику денебиан,— возразил Чарльз.— Они лезут во все щели, мы это видим, но не ощущаем. И наоборот, другие могут нас толкать, сами того не замечая, но для нас эти толчки будут чувствительны.

— Лучше помолчи, а то накличешь на нашу голову,— с ироничной серьезностью заметил Рейвен.— Они могут явиться к нам так же, как мы с тобой явились вот к этим.— Он повел рукой вокруг себя.— А если это будет агрессия? Допустим, я скажу тебе, что я замаскированный денебианин. Сможешь ты уличить меня во лжи?

— Запросто,— без колебаний ответил Чарльз.— Ты соврешь и не покраснеешь.

— Ладно, я пошутил.— Он похлопал Чарльза по плечу.— Ты ведь знаешь, кто я. Знаешь интуитивно. Отсюда вывод: ты паранормальный, и пора тебе начать выражать себя в балетном танце.

— А? — Чарльз мрачно оглядел свое необъятное брюхо, выглядевшее так, словно у него под одеждой был спрятан рождественский подарок.— Вот эта штуковина мешает...

Он замолчал, потому что из-за угла вдруг показались три человека в форме, которые остановились у них на дороге.

Все трое были одеты в форму лесных рейнджеров, единственной организации — кроме специальных полицейских подразделений,— которой на Венере официально разрешалось ношение оружия. Они стояли очень

близко друг к другу, как приятели, болтающие о пустяках, прежде чем разойтись по домам, но внимание их было приковано к приближавшейся паре. Их мысли свидетельствовали о том, что все трое были пиротиками, все трое разыскивали человека по имени Рейвен.

Старший из них краем глаза наблюдал за подходившими, и когда они подошли совсем близко, внезапно повернулся на каблуках и властно спросил:

— Ваше имя Дэвид Рейвен?

Остановившись и удивленно подняв брови, Рейвен ответил:

— С чего вы взяли?

— Не придуривайся,— нахмурившись, посоветовал рейнджер.

Рейвен обернулся к Чарльзу. В голосе его звучала обида.

— Он велел мне не придуриваться. Как по-твоему, я придуриваюсь?

— Конечно,— мгновенно ответил Чарльз.— Ты всегда придуриваешься — с тех пор как в трехлетнем возрасте ударился головой.— Его ласковые глуповатые глаза уставились на рейнджера.— А зачем вам этот человек... э-э.. как его?...

— Рейвен,— подсказал Рейвен.

— Да, Рейвен. Зачем он вам?

— За его голову назначена награда. Ты что, никогда спектровизор не включаешь?

— Ага. Он мне надоел до чертиков. Уж и не помню, когда смотрел его в последний раз.

Рейнджер, ухмыляясь, повернулся к своим товарищам:

— Теперь понятно, откуда столько бедных. Счастливый случай стучится в каждую дверь, но люди просто не желают слышать.— По-прежнему не обращая внимания на Рейвена, он снова обратился к Чарльзу, который принял сокрушенный вид.— По спектровизору передали, что его нужно поймать — и чем скорее, тем лучше.

— За что?

— За то, что он подверг опасности жизни пассажиров и членов экипажа «Фантома». Он открыл шлюз,

вмешался в процесс посадки и отказался подчиниться законным требованиям офицера. А еще за то, что опустился в запретной зоне, не прошел обязательное медицинское освидетельствование, а также таможенный досмотр; за то, что отказался пройти через дезинфекционную камеру и...— Он перевел дух и спросил одного из приятелей: — Все, что ли?

— Дебоширил в салоне? — предположил тот, и так уже чересчур утомленный длинным перечнем нарушений и понимавший, что выразиться так длинно и литературно не стоит и пытаться.

— Я не дебоширил,— холодно взглянув на него, заявил Рейвен.

— Заткнись! — приказал первый, явно не привыкший, чтобы ему возражали. Затем он снова обратился к Чарльзу, видимо, предпочитая разговаривать только с ним.— Если столкнешься с этим Рейвеном или что-то о нем услышишь, сразу звони по 1717 и сообщи нам. Он опасен! — И, подмигнув приятелям, добавил: — Получишь свою долю вознаграждения.

— Спасибо,— застенчиво поблагодарил Чарльз.— Идем. Уже поздно,— сказал он Рейвену.— Поглядывай по сторонам и не забывай, что этот Рейвен на тебя похож.

Они двинулись дальше, чувствуя на своих спинах взгляды и читая потаенные мысли.

— ПРИНЯЛИ НАС ЗА РЕЙНДЖЕРОВ.

— БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО ЕСЛИ ВСТРЕТИМ КАКОГО-НИБУДЬ КАПИТАНА РЕЙНДЖЕРОВ, ОН СДЕЛАЕТ ТО ЖЕ САМОЕ.

— МЫ ТРАТИМ ТУТ ВРЕМЯ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ЗА РЕЙВЕНА ОБЕЩАНА НАГРАДА. МЕЖДУ ПРОЧИМ, МОЖНО ПРОВЕСТИ ЕГО С БОЛЬШЕЙ ПОЛЬЗОЙ. ЕСТЬ ТУТ РЯДОМ ОДНА ЗАБЕГАЛОВКА...

— ПОЧЕМУ НЕ ПОКАЗАЛИ ЕГО ФОТО?

— Я ЖЕ ГОВОРИЛ, НУЖЕН ТЕЛЕПАТ! МЫ БЫ ПРОСТО ПОДОЖДАЛИ, НА КОГО ОН ПОКАЖЕТ, А ПОТОМ УСТРОИЛИ БЫ ФЕЙЕРВЕРК И ПОДЕЛИЛИ ДЕНЕЖКИ.

— ДЕНЕЖКИ! ДАЖЕ КОГДА КРИВОЙ МЕЙСОН ВЗОРВАЛ БАНК И ЗАСТРЕЛИЛ ДЕСЯТЬ ЧЕЛОВЕК, ОНИ ПРЕДЛАГАЛИ ГОРАЗДО МЕНЬШЕ. СТРАННО.

— НАВЕРНОЕ, У ВОЛЛЕНКОТТА ЕСТЬ ПРИЧИНЫ.
— РЕБЯТА, ВОТ ЭТА ЗАБЕГАЛОВКА.
— ЛАДНО, ПОСИДИМ ПОЛЧАСИКА. ЕСЛИ НАС ЗДЕСЬ ЗАСТУКАЮТ, СКАЖЕМ, ЧТО СЛЫШАЛИ, БУДТО СЮДА ДОЛЖЕН ЗАГЛЯНУТЬ РЕЙВЕН.
— ЕСЛИ ОН НУЖЕН ВОЛЛЕНКОТТУ...

Поток мыслей ослабевал. Волленкотт, Волленкотт, один лишь Волленкотт. Никто из троих даже не упомянул Торстерна. И это с лучшей стороны характеризовало ум человека с этим именем.

Глава десятая

Эммануэль Торстерн обитал в громадном замке из черного базальта. Замок был выстроен в те давние уже времена, когда гладкие высокие стены в шесть футов толщиной служили надежной защитой от агрессивных обитателей джунглей. Маленький отряд пионеров упрямо цеплялся в этом месте за отвоеванный у планеты плацдарм, пока не прибыла следующая волна переселенцев.

Той же цели служили в свое время и семь других таких же замков, разбросанных по планете. Когда они сыграли свою роль, люди покинули их, и теперь черные замки стояли как памятники самых мрачных дней этого мира, брошенные на волю ветра и вечности.

Один из них и занял Торстерн. Он укрепил стены, надстроил башни. Он не жалел средств, словно хотел этим скомпенсировать незаметность своей власти. В результате и возник тот зловещий архитектурный монстр, который сейчас неясно вырисовывался в густой дымке, напоминая о давно минувшей эпохе в истории Земли, когда какой-нибудь феодал держал в страхе всю округу.

Задумчиво пощипывая мочку уха, Рейвен стоял среди шевелящегося тумана и изучал возвышавшуюся громаду. Отчетливо проступало лишь основание, остальное неясно угадывалось во мгле. Взгляд Рейвена скользил все выше, словно он мог видеть детали, недоступные обычному глазу.

— Настоящая крепость,— проговорил он.— Как он ее назвал? Императорский дворец? Коттедж Магнолия? Или как-нибудь еще?

— Сперва это место было известно как Четвертая База,— ответил Чарльз.— Торстерн переименовал его в Черный Камень. Теперь так называют сам замок.— Он посмотрел вверх так, как только что смотрел Рейвен. Очевидно, и он умел видеть невидимое.— Ну, что дальше? Пойдем к нему? Или подождем, когда он сам к нам выйдет?

— Войдем. Не хочется торчать тут всю ночь. Неизвестно, что будет утром.

— Я тоже так думаю.— Он показал на высокую башню.— Поиграем в скалолазов? Или поищем способ полегче?

— Войдем как джентльмены, как цивилизованные люди,— решил Рейвен.— То есть через главный вход.— Он еще раз взглянул на цель их путешествия.— Только давай условимся — теперь твоя очередь держать меня за руку и пускать слюни. Каждый должен побыть дураком.

— Благодарю,— ответил Чарльз. С важным видом подойдя к воротам, он позвонил. Рейвен стоял сбоку.

Четыре мозга, присутствие которых ощущалось поблизости, немедленно откликнулись градом проклятий. Все четверо были обычными людьми. Ни одного мутанта.

Этого следовало ожидать. Не обладая паранормальными способностями, но наделенный недюжинным умом, Торстерн мог использовать мутантов, однако сам в их обществе не нуждался. Очевидно, что общество, населявшее замок, должны были составлять заурядные люди, приближенные к боссу за различные заслуги.

В отношениях с ними хозяин вел себя как равный. Все обычные люди, умные или глупые, смотрели на мутантов косо и старались держаться от них подальше. Это была естественная реакция, в основе ее лежал скрытый комплекс неполноценности Человека Сегодняшнего перед теми, кто олицетворял собой Человека Завтрашнего. Земляне, руководимые Герати и Джефферсоном, могли бы в пику оппонентам сыграть на этом инстинктивном антагонизме — но это означало бы даль-

нейшее разделение человечества на касты, тогда как их целью было его объединение.

Кроме того, настраивать массы против могущественного меньшинства мутантов означало подстрекать их к бунту — в то время, когда еще не забылись расовые волнения прошлого. Никто не мог поручиться, что события не выйдут из-под контроля. В конце концов, на Земле имелись свои мутанты!

В толще стены открылась дверь, и оттуда выглянул мордастый детина, типичный образчик болвана. Он был приземист и широкоплеч, раздражен, но достаточно вышколен, чтобы этого не показывать.

— Кого надо? — спросил верзила сквозь толстые прутья решетки.

— Торстерна,— небрежно сказал Чарльз.

— Для вас — мистера Торстерна,— поправил охранник.— Вам назначено?

— Нет.

— Без приглашений он кого попало не принимает. Он человек деловой.

— Мы не кто попало,— вмешался Рейвен,— мы коекто.

— Не важно. Он занят.

Чарльз сказал:

— Раз он такой деловой, то захочет принять нас без задержки.

Охранник нахмурился. Его коэффициент интеллектуальности не превышал семидесяти и в основном определялся желудком. Ему не хотелось браться за телефон и беспокоить начальство, чтобы не нарваться на выговор. Больше всего на свете он хотел бы придумать для посетителей простую, но верную отговорку и отвязаться от них раз и навсегда. Причина была уважительной: его оторвали от игры в самый ответственный момент, когда он уже почти выиграл призовую бутылку.

— Ну? — воинственным тоном подстегнул Чарльз.— Будешь держать нас тут до понедельника?

Медлительный мозг охранника реагировал с явным недовольством. Отговорка никак не приходила на ум, и он мрачно смотрел на эту пару, словно они подталкивали его туда, куда он совсем не желал идти.

Охранника грызли сомнения. Разнообразные дела Торстерна постоянно приводили к этим воротам разных людей, хотя в такую темень это случалось нечасто. Одних пускали, других нет, и сплошь и рядом бывало, что всяких сомнительных типов принимали, а важным на вид персонам давали от ворот поворот.

Облизав губы, верзила хрипло спросил:

— Имена?

— Не имеет значения,— сказал Чарльз.

— Ну а по какому делу?

— Это имеет значение.

— Я не могу доложить так, черт побери!

— Попробуй и увидишь,— посоветовал Чарльз.

Охранник в нерешительности переводил глаза с одного на другого, постепенно успокаиваясь, сам не зная почему. Он вернулся обратно в стену.

Товарищи в караулке встретили его общим гулом. Мысли их были отчетливо слышны по другую сторону толстой базальтовой стены.

— О боже, сколько можно ждать? Тебе сдавать.

— Кого там принесла нелегкая в такое время? Темней, чем в кошачьем желудке.

— Кто там, Джесмонд? Что-нибудь важное?

— Они не говорят,— угрюмо сообщил тот.

Подойдя к вмонтированному в стену видеотелефону, он включил его и подождал, пока экран не засветился. Через минуту, покраснев как рак, он положил трубку, выдавил из себя жалкую улыбку, предназначавшуюся ухмылявшимся товарищам, и вышел в быстро сгущавшуюся темноту. Тот импульс, который заставил его потревожить начальство, исчез, но его отсутствие он ощущал не сильнее, чем присутствие.

— Эй, вы двое...

Охранник осекся. За две минуты его отсутствия ночь значительно укрепила свои позиции, видимость упала ярдов до четырех. В этих пределах никого не было.

— Эй! — крикнул охранник в туман. Никакого ответа. Опять, громче: — Эй!

Ответом был лишь тихий звук капающей с черных стен воды да еле различимый шум города в двух милях отсюда.

— Проклятие! — Он уже взялся за ручку двери, как вдруг в голову ему пришла мысль, что случалось нечасто. Он вернулся, проверил, заперты ли ворота, подергал их, осмотрел засовы и запорное устройство. Все было в порядке. Он глянул вверх. Четыре ряда трехдюймовых шипов делали стену практически непреодолимой.— Черт бы побрал эту игру в прятки! — произнес охранник с необъяснимой тревогой и вошел обратно.

В центре внимания находилась заветная бутылка. Он не подозревал, что сильнейшее звено главных ворот является одновременно и слабейшим и что самый хитрый замок открывается с любой стороны, если имеется ключ — или подходящая нематериальная отмычка.

Когда последние слабые отблески ушедшего дня погасли, темнота стала полной, словно на небосвод надвинулась гигантская заслонка. Как обычно, наступление ночи пропитало туман сотней экзотических запахов.

За воротами находился длинный узкий дворик. Видимость в нем не превышала длины руки. Два непрошеных гостя, проникнув за ворота, остановились. Справа в стене была широкая дверь со множеством запоров. Видеть ее они не могли — все вокруг надежно скрывал туман, но знали, что дверь находится именно там. Они подошли вплотную и осмотрели дверь.

— Очень милая дверь,— пробормотал Чарльз.— Хитрющий замок с четырнадцатью выступами, сигнализацией, которая завоет на весь мир, если кто-нибудь попробует ее открыть, и наконец, эту самую сигнализацию можно отключить только из караульного помещения.— Он громко фыркнул.— Изобретательность, доведенная до идиотизма.

— Вовсе нет,— возразил Рейвен.— Это рассчитано на людей, таких же, как они сами. И этого вполне достаточно, пока не имеешь дело с денебианами или такими, как ты и я. Тут уж нужны совсем другие запоры. Торстерну и прочим потребуется чертова уйма времени, чтобы это понять.

— Пожалуй, ты прав. По меркам этого мира сия дверь все равно, что каменная стена.— Чарльз снова осмотрел дверь и каменную кладку. Глаза его внезапно загорелись.— Видишь?

— Да, коридор за дверью сторожит инфракрасный луч. Стоит пересечь его, и сразу зазвонят все колокола.

— Торчим тут из-за ерунды,— проворчал Чарльз, который терпеть не мог никаких задержек.— Можно подумать, это сделано умышленно.— Он снова посмотрел на свое обширное брюхо, убедился, что от частых инспекций объем его не уменьшился, и грустно добавил: — Вот в какое дурацкое положение мы попали из-за этой маскировки. Не будь ее, вошли бы без проволочек.

— Только что мы так и сделали. Но мы имеем дело с людьми и поэтому должны вести себя как люди.— Рейвен с улыбкой взглянул на Чарльза.— Мы ведь мужчины, разве не так?

— Есть и женщины.

— Ты знаешь, что я имею в виду, непоседа. Мы мужчины и женщины.

— Конечно. Но иногда я...— Его голос почти затих, полное лицо сморщилось, затем он проговорил: — Эта мысль опять, уже в который раз, приходит мне в голову, Дэвид. Никак она не отвяжется.

— Какая?

— Все ли лошади — настоящие лошади? Все ли собаки — на самом деле собаки?

— Давай сначала закончим с более важным делом,— сказал Рейвен.— А с этим разберемся потом, на досуге. Время у нас есть, века.— Он жестом указал на дверь.— Приступаем. Есть в этой маленькой мышеловке одно слабое место: когда дверь открывают изнутри, нужно всякий раз отключать сигнализацию. Но мне потребуется время, чтобы пройти по проводам и найти выключатель, особенно если он спрятан где-то в доме.

— Ты иди по проводам, а я займусь дверью. Каждый будет при деле,— предложил Чарльз и тут же приступил к выполнению своей части плана: выпрямился, сунул руки в карманы и напряженно уставился на дверь.

Точно с таким же пристальным вниманием Рейвен принялся вглядываться в толстую глыбу камня. На ее поверхности рассматривать было нечего, тем не менее зрачки его медленно двигались, как бы ощупывая стену.

Занятые каждый своим делом, они стояли бок о бок в полной тишине, не двигаясь, глядя прямо перед собой,

словно прикованные к месту чем-то сверхъестественным, для всех остальных несуществующим. Спустя несколько секунд Чарльз расслабился и тихонько перевел дыхание, стараясь не мешать товарищу.

Рейвен присоединился к нему через минуту.

— Провода идут вдоль коридора, затем вниз и направо в маленькую комнатушку,— сказал он.— Выключатель довольно громко щелкает, хорошо, что в комнате никого не было.

Он взялся за ручку двери, и та беззвучно открылась. Они вошли, закрыли ее за собой и прошли по узкому коридору, освещенному встроенными в потолок лампами. Они вели себя так, словно купили этот замок на прошлой неделе и сейчас прикидывали, как его обставить.

— Между прочим, тут просвечивает психология Торстерна,— заметил Рейвен.— Засовы, сложные замки, лучевая сигнализация — все это может обнаружить любой мутант с хорошим сверхчувственным восприятием. Но обнаружить-то он обнаружит, только ни за что не справится. С другой стороны, телекинетик без труда пооткрывал бы все эти ловушки, если бы смог их увидеть. В том-то и дело, что это место раскрыто настежь только для универсального мутанта. Торстерн полагает, что таких нет. Он и представить не может, что ошибается.

— Он не ошибается.

— Пока не ошибается. Но скоро все может измениться. Тот парень, Халлер, считался пиротиком и никем больше. Однако, когда я с ним познакомился, он обладал зачаточной формой сверхчувственного восприятия. И до самого последнего своего часа он об этом так и не заподозрил. Кроме своего дара, у него было процентов десять другого.

— Уродец,— сказал Чарльз.

— Да, можно и так назвать. Только не жди от Торстерна любезности, когда он столкнется с двумя такими красавчиками, как мы. Он же болван, пешка, даром что очень умная. Его отношение к мутантам основано на подавляемом страхе, а не на ревности.

— Боюсь, это нам помешает. Потому что наша задача — убедить его заглянуть в суть дела.

— Ты попал в точку, Чарльз. Чертовски трудно будет образумить такого типа — он могуществен, он жесток, он обуреваем тайным страхом... А мы к тому же не вправе ему показать, почему его предпосылки неверны, а опасения беспочвенны.

— Ты когда-нибудь задумывался, какую прорву возможностей получил бы этот мир, если бы мы могли подкинуть хотя бы... Хотя бы десятую часть...

— Да, не раз. Но что толку думать об этом? Однажды денебиане наверняка сюда доберутся. Чем меньше они узнают, тем лучше.

— Они все равно ничего не найдут. У них один шанс из миллиона, не больше,— в своем мнении Чарльз был непоколебим.— Вспомни Ташгар, Люмину или скопление в Волопасе. Денебиане обнюхали множество миров, поработили десятки цивилизаций — и ничего не нашли. Все труды пропали даром. Они бы умом тронулись, если бы узнали, что они сто раз держали в руках то, что ищут, да так и не сумели это распознать.— Он саркастически усмехнулся.— Денебиане гениальны, но сложить два плюс два и получить четыре — не в состоянии.

— В данных обстоятельствах даже два плюс два сложить непросто,— подчеркнул Рейвен.— Иногда мне жаль денебиан. Окажись я в их шкуре, я бы уже давно дошел до ручки и...

Он оборвал мысль, когда, достигнув конца коридора, они свернули направо и столкнулись с пятеркой людей, шедшей им навстречу. Прежде чем кто-либо из этой компании успел заподозрить неладное, Рейвен спросил с лучезарной улыбкой:

— Простите, не подскажете ли, как пройти к мистеру Торстерну?

Ему ответил статный мужчина, по виду начальник:

— Первый поворот налево, вторая дверь.

— Благодарю вас.

Они посторонились, пропуская Рейвена и Чарльза, и молча проводили их взглядами. На их лицах ничего не отражалось, но заглушить мысли они не могли.

— ПОСЕТИТЕЛЕЙ К ТОРСТЕРНУ ВСТРЕЧАЮТ И ПРОВОЖАЮТ ОТ САМЫХ ВОРОТ. ПОЧЕМУ ЭТИ ДВОЕ РАЗГУЛИВАЮТ БЕЗ СОПРОВОЖДАЮЩИХ?

— ЗДЕСЬ ЧТО-ТО НЕ ТАК,— рассудил другой,— ОБЫЧНО ГОСТЕЙ НЕ ОСТАВЛЯЮТ ОДНИХ; ТАКОГО ЕЩЕ НЕ БЫЛО.

Третий говорил сам себе:

— МНЕ ЭТО НЕ НРАВИТСЯ. А СОБСТВЕННО, ПОЧЕМУ? ЧТО, У МЕНЯ СВОИХ ХЛОПОТ МАЛО? КУЧА! ДА ЧЕРТ С НИМИ, С ЭТИМИ ДВУМЯ!

— ВТОРАЯ ДВЕРЬ, ВОТ КАК? — говорил четвертый, ничуть не обеспокоенный и чем-то довольный,— МОЛОДЕЦ, ГАРГАН! ВОТ ПОЧЕМУ ОН НИКОГДА НЕ ПРОИГРЫВАЕТ, А ВСЕГДА ИГРАЕТ НАВЕРНЯКА.

Тот, кого звали Гарганом, послал свою мысль:

— ОНИ ЕЩЕ ТОЛЬКО ЗА УГОЛ ЗАВЕРНУЛИ, А Я УЖЕ ПОСЛАЛ БОССУ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ СИГНАЛ. Я СРАЗУ ПОНЯЛ — ТУТ ЧТО-ТО НЕЧИСТО.

Рейвен переглянулся с Чарльзом, нашел вторую дверь и остановился перед ней.

— Я могу выбрать и прочесть любую струйку из потока мыслей, но, бьюсь об заклад, за этой дверью никакого Торстерна нет.— Он кивнул на дверь.— За ней вообще никого нет. Там пусто. Ни души.— Он некоторое время изучал дверь.— Шесть кресел, стол и видеофон. Стены каменные. Дверь открывается и закрывается только дистанционно. Ну и ну!

— Мышеловка,— констатировал Чарльз. Вокруг его рта собрались озорные складки. Он стал похож на ребенка, собравшегося разбить чье-то стекло.— Знаешь, мне не терпится туда зайти. Очень хочется натянуть им нос.

— Мне тоже.— Рейвен толкнул дверь, вошел и, развалившись в кресле, взглянул на темный экран. Соседнее кресло просело под тяжестью Чарльза; тот тоже уставился на экран, но мозг его в унисон с мозгом Рейвена тщательно изучал обстановку, пытаясь отсортировать крохи информации из шумов, проникающих сквозь толстые каменные стены.

— Я ДЕРЖАЛ ДВУХ ТУЗОВ, КОГДА, БУДЬ Я ПРОКЛЯТ... ТИПИЧНАЯ МАРСИАНСКАЯ СМЕСЬ ХОЛОДНОГО ВОЗДУХА И ТЕПЛОГО ПИВА... ВЗЛЕТЕЛ НА ВОЗДУХ, И ВЕСЬ ГОРОД ЗАХОДИЛ ХОДУНОМ. МЫ СРАЗУ К ВЕРТОЛЕТУ, ПОКА ПОЛИЦИЯ

НЕ ОЧУХАЛАСЬ... ЗЕМНЫЕ ПАТРУЛИ НОСИЛИСЬ КАК БЕШЕНЫЕ... МАЛО ТОГО ЧТО ЭТОТ ВОНЮЧИЙ ДЕФЕКТИВНЫЙ ЧИТАЕТ МОИ МЫСЛИ, ТАК ОН ЕЩЕ НАСМЕХАЕТСЯ НАДО МНОЙ ПРИ ДАМЕ... ДА, ГИПНОТИЗЕР СТИН. ОН ИМ ПОЗАРЕЗ НУЖЕН, НЕ ЗНАЮ ЗАЧЕМ. ГОВОРЮ ВАМ, ЭТИ ДЕФЕКТИВНЫЕ НЕ ДОЛЖНЫ... ЧТО ТАКОЕ?

— Сюда идут,— заметил Рейвен, облизав губы.

— ЭТОТ СТИН, ГОВОРЯТ, ОН... ГДЕ? ДВОЕ В КОМНАТЕ ДЕСЯТЬ? КАК ОНИ ТУДА ПОПАЛИ? ДА ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ ПРО СВОЙ МАРС ХОТЬ НА МИНУТУ! НЕ ЗНАЮ, КАК ЭТИ ПАРНИ МОГУТ... ХОРОШО, ГАРГАН, ПРЕДОСТАВЬТЕ ВСЕ МНЕ... КОГДА ЗАКОНЧИТЕ СВОЮ ЗЕЛЕНУЮ БУТЫЛКУ, МОЖЕТ, ТОГДА... НЫРНУЛ ГОЛОВОЙ ВНИЗ ПРЯМО В ДЖУНГЛИ И ПРОБИЛ ДЫРУ В ДВАДЦАТЬ ФУТОВ ГЛУБИНОЙ.

Щелк! Дверь дрогнула, сработали реле, и десяток тяжелых запоров вдвинулись в пазы. Экран ожил, и появилась чья-то физиономия.

— Так, значит, Гарган оказался прав. Что вы тут делаете?

— Сидим и ждем,— сказал Рейвен. Он вытянул ноги с таким видом, словно находился у себя дома.

— Вижу. Правда, выбор у вас невелик.— Неприятная ухмылка перекосила лицо на экране, обнажив ряд зубов.— Охранник у ворот клянется, что никого не впускал. Однако вы здесь. Есть только одно объяснение: вы гипнотизеры. Вы обработали его и стерли все следы в его мозгу.— Ухмылка перешла в грубый смешок.— Умники нашлись! Посмотрим, как вы загипнотизируете монитор.

— Неужто ты считаешь, что быть гипнотизером — преступление? — спросил Рейвен, сразу нащупав больное место этой типичной посредственности.

— Преступление для гипнотизера использовать свою силу в противозаконных целях,— возразил тот.— А если вы до сих пор не знали, могу напомнить, что врываться в частное владение — тоже преступление.

Понимая, что пререкаться с болваном — пустая трата времени, Рейвен резко произнес:

— Я считаю не меньшим преступлением, когда тупоголовая мелкая сошка забавляется как ребенок, в то

время как его хозяину грозит веревка.— Его лицо потемнело.— Мы пришли говорить с Торстерном. Лучше позови его, пока тебе не отвесили пинка по заднице.

— Ах ты, крикливая болотная вошь! — начал было тот, побагровев.— Да я тебя...

— Что ты его, Винсон? — раздался вдруг из динамика глубокий бархатный голос.— Большая ошибка — терять выдержку. Всегда и везде нужно владеть собой. Всегда, Винсон. С кем это ты разговариваешь?

Чарльз подтолкнул Рейвена.

— Похоже, сам всемогущий Торстерн.

Лицо на экране повернулось в профиль и приобрело подобострастное выражение.

— Пара дефективных, сэр. Они как-то проникли внутрь. Мы изолировали их в комнате десять.

— В самом деле? — Голос был холоден и нетороплив.— Для этого были причины?

— Они сказали, что хотят говорить с вами.

— Вот как? Но я совершенно не вижу причины удовлетворить их пожелание. Тем более что это создаст прецедент, и отныне мне придется ожидать стука в дверь от любого фокусника, который сумеет просочиться сквозь эти стены. Они что, думают, что я всегда разговариваю со всеми, кто пожелает встретиться со мной?

— Не знаю, сэр.

Невидимый собеседник сменил гнев на милость.

— Ну, хорошо. При условии, что этот случай не послужит примером для повторения, я готов их выслушать. Нельзя исключить ничтожный шанс, что я узнаю что-нибудь полезное. Но им не поздоровится, если окажется, что они просто дурачатся.

— Да, сэр.

Прежнее лицо исчезло с экрана, и на его месте возникло другое, крупное, с резкими чертами и квадратной челюстью. Торстерн был старше среднего возраста, с гривой седых волос, под глазами висели мешки, но в облике его все еще сквозила мужская привлекательность. Его характер был выгравирован на этом грубом лице. Характер умного и честолюбивого человека.

Оценивающие глаза с головы до ног изучили сначала Чарльза, затем прошлись по его товарищу.

Без малейшего удивления Торстерн выговорил:

— А! Вас я знаю. Всего минуту назад я получил вашу фотографию. Вас зовут Дэвид Рейвен.

Глава одиннадцатая

Рейвен пристально посмотрел Торстерну в глаза:

— Чего ради вам понадобилось мое фото?

— Мне оно не нужно,— парировал Торстерн, быстро реагирующий на все, что могло дать повод заподозрить его в каком-либо соучастии.— Мне его переслали из полиции, которая на этой планете довольно расторопна. А раз вашу фотографию рассылают всем подряд, значит, полиция заинтересована в вашей персоне.

— Хотелось бы знать почему? — приняв озадаченный вид, спросил Рейвен.

Прочистив горло, Торстерн продолжил:

— Человек в моем положении был бы серьезно озабочен, обнаружив у себя дома того, кого разыскивает полиция. Поэтому, если у вас есть, что сказать, говорите побыстрее, времени у вас в обрез.

— А потом?

Торстерн пожал широкими плечами. С таким видом императоры Древнего Рима опускали книзу большой палец, обрекая на смерть раненого гладиатора.

— А потом вас заберет полиция, я ведь за вас не отвечаю.

Он сказал это так, что не возникло сомнений в том, почему он ни за что не отвечает. Ясно было, что местная полиция у него в кармане.

Легкого кивка этого человека было достаточно для ареста, а одного движения ресниц — чтобы кого-то убили выстрелом в спину, якобы при попытке к бегству. Поистине Торстерн обладал огромной властью.

— У вас сильный характер,— откровенно любуясь им, заявил Рейвен.— Жаль, что вы хотите нас отфутболить.

— Вы дерзите,— произнес Торстерн.— И неспроста. Надеетесь вывести меня из равновесия? Но я не ребенок. Эмоции — это роскошь, которую могут позволить только глупцы.

— Но вы не отрицаете обвинения.

— Я не считаю нужным ни подтверждать, ни отрицать сущий вздор.

Рейвен вздохнул:

— Что ж, если это ваше кредо, наша задача становится только труднее, но остается столь же важной.

— Что еще за задача?

— Убедить вас прекратить необъявленную войну, которую вы ведете против Земли.

— Великое небо! — Глаза Торстерна расширились в притворном изумлении.— Неужто вы думаете, будто я поверю в то, что Земля пошлет двух бандитов интервьюировать бизнесмена о какой-то выдуманной войне?

— Война идет, и ведете ее вы при помощи здешних и марсианских марионеток.

— Доказательства?

— Их не требуется,— спокойно ответил Рейвен.

— Почему?

— Потому что вы знаете, что это правда, даже если предпочитаете считать наоборот. Доказательства необходимы, когда требуется убедить третью сторону. Третьей стороны здесь нет. В курсе дела только вы и мы двое.

— Как лицо, чей бизнес и финансовые интересы весьма обширны,— заметил Торстерн, поскучнев,— я неизбежно служу мишенью всякого рода слухов и обвинений. Я привык на них не реагировать. Они меня не задевают. Это цена, которую человек платит за свой успех. Завистники и недоброжелатели всегда были и будут, и они недостойны даже презрения. Но должен признать, что голословное и абсолютно бездоказательное обвинение в том, что я исподтишка разжигаю войну,— это самое оскорбительное, что я до сих пор слышал.

— Это не вымысел,— возразил Рейвен.— К сожалению, это прискорбный факт. И он вас отнюдь не оскорбляет. Напротив, втайне вы этим гордитесь. Вам льстит, что кое-кто оказался достаточно проницательным и распознал в вас Большого Босса. И к тому же вы помираете со смеху потому, что все внимание приковано к этой вашей кукле для дураков, Волленкотту.

— Волленкотт? — как эхо повторил Торстерн, по-прежнему не меняясь в лице.— Теперь я начинаю понимать. Очевидно, Волленкотт — неподражаемый актер, кумир толпы — наступил кому-то на любимую мозоль. А вы, недолго думая, отправились по ложному следу и пришли сюда.

— У меня нет привычки идти по ложному следу,— громко сказал Чарльз, шевельнувшись в кресле.

— Вот как? — Торстерн снова внимательно оглядел его, но увидел лишь только тучного человечка с круглым дружелюбным лицом и тусклыми заплывшими глазками.— Вы оказываете мне честь, приписывая мне главную роль в несуществующей войне.

— Если это можно назвать честью.

— Тогда, сэр, вы просто маньяк, и причем опасный! — Торстерн пренебрежительно взмахнул рукой.— На маньяков у меня времени нет. Пожалуй, нам пора распрощаться, и пусть вами займется полиция.— Его лицо посуровело, и ледяным тоном он закончил: — Как примерный гражданин, я пользуюсь полным доверием нашей полиции.

Презрительно фыркнув, Чарльз парировал:

— Вы, конечно, имеете в виду тех, кого подкармливаете. Их немало, и я знаю об этом. Они боятся своей планеты — и недаром.— Его лицо внезапно отвердело, и на несколько секунд он перестал казаться толстым и несерьезным.— Но мы их не боимся!

— Скоро у вас будет случай изменить свое мнение.— Торстерн вновь переключился на Рейвена.— Я отрицаю все ваши бессмысленные обвинения, и довольно об этом! Если Земля вознамерилась подтвердить свои права на Венеру, пусть она делает это официальным образом. Несомненно, Волленкотт — неудобная фигура для Земного Совета. Как они собираются с ним справиться — это их собственное дело, но не мое.

— Нас не обмануть ложными атаками и прочими отвлекающими маневрами! Если мы уберем Волленкотта, вы только от души посмеетесь и на следующий день замените его другой марионеткой из своей коллекции. Да вдобавок используете его арест в пропагандистских целях.

— Кто, я?

— Ну, не я же! Вы! Вы и мизинцем не пошевелите, чтобы спасти Волленкотта! Напротив, вы с самого начала уготовили ему столь важную роль — роль первого мученика Венеры. Но, уверяю вас, Земля придумает кое-что получше, чем снабжать местного божка святыми.

— Этот божок — я? — усмехнувшись, осведомился Торстерн.

— Именно,— кивнул Рейвен.— Мы рассуждали логически — нужно добраться до человека, который дергает за веревочки. Поэтому мы пришли прямо к вам. Сейчас нам приходится признать, что вы не прислушиваетесь к доводам разума, и нам ничего другого не остается, как заставить вас подчиниться другими средствами.

— Ну вот и угрозы начались! — Торстерн усмехнулся, показав крепкие белые зубы.— И, что удивительно, от тех, кто всецело в моей власти. Среди многочисленных ваших иллюзий есть еще одна — вы не понимаете, где находитесь. Тюрьма — это не только каменные стены! Ха!

— Зря радуетесь,— посоветовал Рейвен.— Время уже вышло.

— Я даже начинаю сомневаться в ваших врожденных преступных наклонностях,— продолжил Торстерн, проигнорировав последнее замечание.— Мне кажется, вы представляете интерес для психиатра. Вы одержимы навязчивой идеей, что я, Эммануэль Торстерн, преуспевающий венерианский финансист, представляю собой некоего Голиафа, при котором вы должны сыграть роль Давида.— Он посмотрел куда-то вниз и едко закончил: — Да, вижу, что ваше имя в самом деле Дэвид. Возможно, вы ему соответствуете.

— Не больше, чем вы соответствуете Тору или Эммануэлю[1].

Впервые на лице Торстерна отразилось замешательство. Мгновенно отбросив свое пресловутое хладнокровие, Торстерн нахмурился. Но и теперь он сохранял маску величавого достоинства.

---

[1] *Тор* — в германо-скандинавской философии бог грома, бури и плодородия. *Эммануэль* — любимый богом *(древнеевр.)*.

Он пожевал нижнюю губу и проскрежетал:

— Я ломал людей за гораздо меньшее! Я их сокрушал! — Он ударил кулаком по столу.— Я поступал с ними так, что потом никто не помнил, что эти люди вообще когда-либо существовали!

— Отлично! Я вижу, вы действительно знаете значимость ваших имен.

— Да, моего образования на это хватает.— Торстерн поднял кустистую бровь.— Но я всего лишь финансист, а не фанатик. Именно вы спятили, а не я. Я стремлюсь к могуществу, но только в мире вещей. Ваши оскорбления опасны — не для меня, но для вас!

— Ваши угрозы — пустяки. Дело-то в том, что вы можете сокрушать отдельных людей, но Землю не сокрушите никогда. Прекратите эту войну, пока еще не поздно.

— Иначе?

— Иначе Земля решит, что с нее достаточно и нанесет ответный удар. Хотите узнать какой?

— Я весь внимание.

— Она устранит ключевые фигуры противника одного за другим. Начиная с вас!

Торстерн не огорчился. И не рассердился. Тряхнув пышной шевелюрой, он быстро просмотрел какие-то бумаги, затем заговорил бесстрастным тоном:

— Поскольку совесть моя чиста, я не вижу причин оправдываться. Кроме того, все мы — земляне, мы подчиняемся земным законам, а по ним гражданин считается невиновным до тех пор, пока не предъявлены убедительные доказательства его вины. Такие доказательства представить невозможно, тем более если отсутствуют свидетели, в том числе вы оба.

— Встречная угроза,— заметил Рейвен.

— Если угодно. Вы не понимаете, в каком положении оказались.

— Мы знаем в каком. Вы уверены, что мы в западне.

— Вы находитесь в комнате с толстыми каменными стенами без окон. Единственная дверь снабжена множеством дистанционно управляемых запоров. Иначе как с моего пульта ее не открыть. Это специальная комната, она предназначена для встреч с паранормаль-

ными личностями, которые обладают неведомой мощью и имеют неясные цели. Время от времени такие сюда попадают.

— Очевидно.

— Я не настолько прост, чтобы полагаться на одни лишь бронированные ворота. Как выяснилось, их вполне можно преодолеть, ваш пример — тому доказательство. Но отсюда вы можете извлечь для себя полезный урок: кто бы мне ни угрожал, он нападет там и тогда, где и когда захочу я.

— Не много ли предосторожностей для дома честного финансиста? Вы не находите? — спросил Рейвен.

— У меня есть самые разные интересы, которые нужно защищать. И я перечислил далеко не все средства, отнюдь. Вы достигли только второй линии обороны.— Он наклонился ближе к экрану и самодовольно добавил: — В этой комнате я неуязвим!

Усмехнувшись, Рейвен сказал:

— Интересно было бы проверить.

— И у вас не будет ни единого шанса. Зарубите на своих любопытных носах, что обычные люди тоже не лишены способностей. Некоторые из них — а я в особенности — знают, как надо обращаться с мутантами. Я опережаю их на несколько шагов.

— Вы отстаете на несколько, но не знаете этого.

Не обратив на замечание никакого внимания, Торстерн продолжил:

— Если вы кичитесь своими телекинетическими способностями — валяйте, попробуйте их на дверных запорах! А может, вы случайно гипнотизеры? Посмотрим, сумеете ли вы околдовать меня через монитор. Или вы телепаты? Что ж, читайте мои мысли! Не получается? Вы даже не знаете, где я, в какой стороне и как далеко! Я могу находиться в десяти ярдах от вас, за экраном, не пропускающим мысли. Но с таким же успехом я могу говорить из другого полушария.

— У меня такое впечатление, что вы кого-то боитесь.

— Я никого не боюсь,— сказал Торстерн, и это была правда. Тело Торстерна действительно не знало страха.— Но я живу среди людей с паранормальными та-

лантами и, значит, должен быть предусмотрительным. На Венере и Марсе много мутантов. Земле следует учесть это, пока она не заварила такую кашу, которую потом не сможет расхлебать.

— У Земли есть свои мутанты,— сообщил Рейвен.— И больше, чем вы думаете. По-моему, вы вообще переоцениваете роль мутантов. Наверное, это потому, что их у вас так много. Но кто впервые доставил людей на новые планеты? Земной космический флот! Во все времена пилотами были земляне. Каждый из них по пятнадцать-двадцать лет бороздил пространство, впитывая жесткое излучение. Результат очевиден — дети многих космонавтов отличаются от остальных детей.

— Приму к сведению,— с удовлетворением произнес Торстерн и задал, как ему казалось, убийственный вопрос: — Вы утверждаете, что идет война. Почему же тогда Земля не использует собственных мутантов, чтобы отплатить той же монетой?

— А кто сказал, что в этой войне Венера использует мутантов? — спросил Рейвен.

Торстерну понадобилась доля секунды, чтобы скрыть замешательство, и он спрятал его за вопросом, заданным с притворным удивлением:

— А что, разве не так?

— Нет.

— Тогда что же?

— О, совершенно ужасное, страшное изобретение! Какие-то новые лучи, которыми стерилизуют земных женщин.

— Наглая ложь! — гневно и громко воскликнул Торстерн, и его лицо вспыхнуло.

— Конечно,— без тени смущения признал Рейвен.— И вы это знаете. Вы только что это признали. Но откуда вы это знаете?

— Отвратительный, грязный трюк! — Раздосадованный своей второй оплошностью, Торстерн решил больше такого не допускать.— Я устал от этой беседы. В ней мало приятного и столько же полезного. Я намерен поступить с вами так, как поступаю со всеми остальными опасными безумцами, которые время от времени врываются в мой дом.

— Если сумеете.

— Сумею. Легкие у всех одинаковы. Любому уроду нужно спать, если он не ноктоптик. Пусть он как угодно силен, во сне от беспомощен как младенец.

— Вы хотите отравить нас газом?

— Вот именно,— согласился Торстерн.— Как раз для этой цели к вашей комнате подведены трубы. Как видите, мы не лишены фантазии, да и соображаем побыстрее некоторых.— Покусывая нижнюю губу, он добавил, словно додумав мысль до конца: — Я предпочитаю делать дела как можно проще, чисто и без лишнего шума.

— И вы отказываетесь предпринимать что-либо для прекращения войны?

— Не будьте идиотами. Я действительно не допускаю и мысли о том, что идет война. И тем более что я играю в ней какую-то роль. Ваш мифический конфликт перестал меня интересовать. Вы просто пара маньяков, которые ворвались в мой дом. И я хочу удостовериться, что полиция выдворит вас отсюда, как выносят ненужный хлам.— Торстерн наклонился перед экраном, протянул руку...

Уже и так съехав на самый кончик кресла, Чарльз внезапно тихо сполз на пол. Его полное лицо стало землистым, глаза закрылись, ноги нелепо вытянулись.

Рейвен вскочил, позабыв о включенном экране. Склонившись над Чарльзом, он усадил его, просунул руку под жилет и начал мягко массировать сердце.

— Какая трогательная сцена,— с сарказмом заметил Торстерн. Он все еще стоял, склонившись к чему-то вне поля экрана, но рука его застыла, не достигнув цели.— Толстяк изображает больного. Вы с серьезным видом массируете ему грудь. Сейчас вы скажете мне, что у него инфаркт или что-нибудь в этом роде. Если срочно не предпринять меры, он умрет. Теперь мне полагается встревожиться, придержать подачу газа, открыть запоры да еще послать к вам кого-нибудь с лекарством.

Повернувшись спиной к экрану, Рейвен хранил молчание. Он стоял над Чарльзом, удерживая его в кресле и массируя грудь в области сердца.

— Ну, это не сработало! — Торстерн почти выплюнул эти слова.— Такой простенький трюк не обманет даже идиота. Я думал, вы обо мне лучшего мнения. Между прочим, если бы этому толстяку и в самом деле вздумалось здесь подохнуть, я с удовольствием понаблюдал бы за этим. Кто я такой, чтобы останавливать руку судьбы?

— Вы все сказали? — Рейвен не потрудился даже обернуться, с восхитительным самообладанием игнорируя все угрозы Торстерна.— Видите ли, нам часто приходится попадать в невыгодное положение из-за того, что мы слишком церемонимся. Мы тратим драгоценное время, пытаясь убедить публику вроде вас не доводить нас до греха. Мы стараемся отсрочить неизбежное до самого последнего момента, когда промедление становится преступлением. В этом наша слабость. Мы слабы там, где сильны менее щепетильные люди, такие, как вы.

— Благодарю,— сказал Торстерн.

— Тем большее для нас облегчение, когда наша жертва напрочь лишена морали,— добавил Рейвен. Почувствовав, что наступил решающий момент, он резко повернулся и пристально посмотрел в экран своими сверкавшими серебром глазами:

— До свидания, Эммануэль! Настанет день, и мы обязательно встретимся!

Торстерн не отвечал. Да он и не мог. С его лицом, только что сильным и волевым, творилось что-то невообразимое. Глаза вылезли из орбит, взгляд метался, зубы стучали, по лбу градом катился пот. Казалось, этого человека разрывают на части.

Продолжая тихонько поглаживать безвольное тело, Рейвен невозмутимо наблюдал за происходящим на экране. Перекошенное лицо Торстерна исчезло с экрана, вместо него появилась рука, судорожно пытавшаяся что-то схватить. Затем исказившееся до неузнаваемости лицо всплыло снова... Все это заняло меньше двадцати секунд.

Спектакль закончился так же быстро, как и начался. Лицо разгладилось, обрело обычное выражение, и только капельки пота блестели на нем. Вновь зазвучал холод-

ный, спокойный, собранный голос. Это был голос Торстерна, но в нем появилась какая-то новая интонация, почти неразличимая. Впечатление было такое, словно голосовыми связками Торстерна пользовался кто-то другой, а сам он превратился в говорящего манекена. Слова предназначались скрытому микрофону слева от экрана.

— Джесмонд, мои гости уходят. Проследи, чтобы им не мешали.

Манекен наклонился и нажал кнопку. Открылись дверные запоры. И это было последнее, что сделал Торстерн. В следующее мгновение его лицо снова перекосилось, рот раскрылся, странные гримасы одна за другой искажали его черты. Затем голова исчезла с экрана. С глухим стуком тело рухнуло на пол.

Чарльз зашевелился, когда Рейвен с большой силой потряс его. Открыв тусклые глаза, он задрожал, пришел в себя и медленно поднялся на ноги. Он слегка шатался и тяжело дышал.

— Надо побыстрее исчезнуть, Дэвид. Я думал... взял его наверняка, но это хитрый дьявол...

— Знаю. Видел. Новое лицо. Идем.

Метнувшись к двери, он рывком распахнул ее, протащил Чарльза в коридор. В пустой комнате тихо светился пустой экран. Рейвен захлопнул дверь и свернул в коридор. Никого.

— Хитрый дьявол,— обиженно пыхтя, повторил Чарльз.

— Помолчи. Потом обсудим.

Они быстро пересекли зону бесполезного теперь инфракрасного луча, и вышли в заполненный туманом внутренний дворик. Сумбурный поток чужих мыслей проникал в их разум, заставляя спешить.

— ...ЭТОТ ТАНЦОР ПОХОЖ НА ДРЕССИРОВАННУЮ ЗМЕЮ... ГОВОРЮ ТЕБЕ, ЭТОТ РЕЙВЕН МЕРТВ, ОН НЕ МОГ... ВОТ СМЕХУ БЫЛО, КОГДА ХОТСИ ПОДЖЕГ ТУ СВАЛКУ... ДОТЯНУЛСЯ ДО ГАЗОВОЙ КНОПКИ, НО КАК ОНИ ДО НЕГО ДОБРАЛИСЬ, НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ... ИЗ ТОЙ ИСТОРИИ ЯСНО, ЧТО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ОДНОМЕСТНЫЙ БОТ ДЛЯ ПОЛЕТА К ЮПИТЕРУ У НИХ ПОЯВИЛСЯ ЕЩЕ ГОДА ДВА НАЗАД, НО НЕ ДУМАЮ, ЭТО ОЧЕРЕДНАЯ ЗЕМ-

НАЯ БАЙКА, ПОТОМУ ЧТО... ЗНАЧИТ, ОНИ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МУТАНТЫ. ЭТО ВСЕ ВРУТ, ЧТО ТАКИХ ЗВЕРЕЙ НЕТ... ЦЕЛУЮ ЖИЛУ СЕРЕБРА НА ТОЙ СТОРОНЕ ЗУБОВ ПИЛЫ, ПОЭТОМУ ОН СОБРАЛСЯ И... НЕ МОГЛИ ОНИ ДАЛЕКО УЙТИ. ТРЕВОГА, СЛЫШИТЕ! ЧТО ТОЛКУ ГЛАЗЕТЬ НА ТРУП, ПОКА ЭТИ ДЕФЕКТИВНЫЕ... НУ, СЛЕДУЮЩЕЕ, ЧТО ТОТ МАРСИАНСКИЙ ЛЕВИТАТОР ДЕЛАЕТ,— ПОДНИМАЕТСЯ К ПОТОЛКУ, И КАРТИНКА ВЫПАДАЕТ ИЗ ЕГО КАРМАНА ПРЯМО В ПОДОЛ ЕГО ЖЕНЫ. ОНА БЕРЕТ... УЖЕ У ВОРОТ. ВРУБАЙ СИРЕНУ... СТРЕЛЯЙ, ЕСЛИ УВИДИШЬ... НАДО БЫЛО СЫГРАТЬ ТЕМ ТУЗОМ. ЭЙ, ЧЕГО ЗАБЕГАЛИ?... ИСПУГАЛИСЬ? ОНИ СМЕРТНЫ, КАК ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ.

Охранник Джесмонд все так же угрюмо стоял у ворот. Из-за тумана он узнал их, только когда они подошли совсем близко, и в изумлении выпучил глаза.

— Вы? Как вы попали внутрь?

— Не твое дело,— Рейвен указал на ворота.— Выполняй приказ и открывай.

— Но-но! Потише! — Бормоча что-то под нос, Джесмонд начал возиться со сложным замком. Перипетии сегодняшнего вечера действовали ему на нервы.

— Побыстрее... Мы спешим.

— Еще чего! — Он уставился на них, держа одну руку на запоре.— Кто тут хозяин?

— Я! — быстро сказал Рейвен. Костяшками пальцев он ударил Джесмонда по переносице.— Извини, приятель.

Удар был силен. Джесмонд упал и остался лежать, пуская пузыри. Глаза его были закрыты, а мысли блуждали где-то далеко отсюда.

Открыв запор, Рейвен широко распахнул ворота и обернулся к Чарльзу:

— Сегодня ты поработал на славу! Пора и домой!

— Не морочь мне голову! — Чарльз бросил на него понимающий взгляд.— Эти ворота — просто уловка, иначе зачем было разбивать нос этому соне. Ты собираешься вернуться обратно.— Чарльз потоптался на месте, глядя на Рейвена, и закончил: — И я тоже.

В это мгновение включилась сирена. Где-то высоко, над черными зубчатыми стенами послышался низкий

рев, который, быстро превратившись в пронзительный вопль, разорвал ночной туман, отозвался эхом в окрестностях.

Глава двенадцатая

Они торопливо пробирались сквозь вязкий туман, ощутимо давивший на лица сыростью и холодом, покрывавший их капельками влаги и волочившийся за ними тонкими щупальцами. Обычный запах венерианской ночи был сейчас особенно сильным. Но ничто не могло замедлить их продвижение; они рассекали туман так, будто шли при ярком свете дня.

В противоположном конце дворика, в стороне от двери, в которую они уже входили, была узкая каменная арка с подвешенным под самым куполом фонарем. Этот причудливой формы фонарь выглядел безобидным украшением, но на самом деле он испускал узкий веер лучей на ряд фотоэлементов величиной с булавочную головку, расположенных на расстоянии одного шага перед аркой.

Пока Рейвен разбирался в хитростях этого устройства, сирена все еще выла замогильным голосом. Наконец, он прошел под аркой; за ним последовал Чарльз. Еще через мгновение захлебнулась сирена, и на замок обрушилась оглушительная тишина, которую нарушали сердитые голосами охраны. Голоса сопровождались множеством таких же раздраженных мыслей.

— Я боялся, что придется возиться дольше,— заметил Рейвен.— Здесь все напичкано проводами, а внутрь они идут через распределительный щит. К счастью, мне повезло.

— В чем?

— Когда отключаешь луч, сразу начинает реагировать вибратор. Хорошо, что никто в тот момент за ним не следил. Похоже, у них сильная паника. Приказы сыплются горохом.

Рейвен оглянулся на ворота. Во мраке слышался топот множества ног. Несколько неясных теней выскочили из двери и бросились к главному входу. Там стоял

невообразимый гвалт, и все старались перекричать друг друга. Легче было разобраться в их мыслях, чем словах.

— Поздно! Ворота открыты! Улизнули!

— В комнате вас было трое. Чем вы занимались, когда он превратился в покойника? В карты дулись? Молодцы! Всякие дефективные запросто шляются здесь, как у себя дома, а эти бездельники играют в джимбо!

— Ты еще будешь говорить, что сразу прибежал! Черта с два! Прошел целый час!

— Хватит препираться. Некогда выяснять отношения. Они не могли уйти дальше чем на несколько сот ярдов. За ними!

— Интересно как? На ощупь? Вы думаете, мы живые радары?

— Заткнись! Они в таком же положении, ясно?

— Нет, не в таком же! Они универсальные мутанты. Готов поклясться, они уже несутся как зайцы, и плевать им на туман.

— На их месте я бы ненавидел нас всеми потрохами,— прошептал Чарльз.

— Так оно и есть. И я их не виню ни на йоту.— Рейвен сделал предостерегающий жест.— Слушай!

— ДЕЛАЙТЕ, ЧТО ХОТИТЕ, А Я ПОШЕЛ ЗА НИМИ. ОНИ НЕ МОГУТ БЕГАТЬ БЕСШУМНО. Я БУДУ СТРЕЛЯТЬ НА ЗВУК, А УЖ ПОТОМ ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ. ИДЕШЬ СО МНОЙ, ДИСТРОФИК?

— ИДУ, КОНЕЧНО.

Несколько пар ног захрустели по гравию за воротами и осторожно удалились в темноту.

— А ЕСЛИ ОНИ ЛЕВИТАТОРЫ — КАК ТОГДА НАСЧЕТ ШУМА?

— СПРАВИМСЯ. ЛЕВИТАТОР НЕ МОЖЕТ ВЕЧНО БОЛТАТЬСЯ В ВОЗДУХЕ. ДАЖЕ ЕСЛИ ОНИ И ВПРЯМЬ ТАКИЕ ТАЛАНТЛИВЫЕ ПАРНИ — ВРЯД ЛИ ОНИ СУМЕЮТ ПЕРЕВАРИТЬ КУСОЧЕК СВИНЦА.

— ЗАКРОЙ ВАРЕЖКУ, ДИСТРОФИК. КАК, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, МЫ ИХ УСЛЫШИМ, ЕСЛИ ТЫ НЕ ПЕРЕСТАЕШЬ ЛЯЗГАТЬ СВОЕЙ ВСТАВНОЙ ЧЕЛЮСТЬЮ?

Они затихли, а их мозги полностью переключились на погоню. Те, кто остался у ворот, продолжая пере-

палку с любителями джимбо, принялись приводить в чувство выбывшего из игры Джесмонда. Откуда-то изнутри доносился еще один ворох мыслей.

— СОВЕРШЕННО НЕ МОГУ ПОНЯТЬ, ЧТО ЕГО УБИЛО. ТАКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО СЕРДЦЕ ПРОСТО ВЗЯЛО — И ОСТАНОВИЛОСЬ. СОВПАДЕНИЕ? НИ ОДИН ГИПНОТИЗЕР НЕ СМОГ БЫ ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ ЧЕРЕЗ МОНИТОР, А ТЕМ БОЛЕЕ ЗАСТАВИТЬ ПАЦИЕНТА ПОМЕРЕТЬ.

— НИ ОДИН? ТОГДА ПОЧЕМУ ОН ОТПЕР ЗАСОВЫ, ПРИКАЗАЛ ОТКРЫТЬ ВОРОТА И РАСЧИСТИЛ ИМ ПУТЬ? ЕГО ОСНОВАТЕЛЬНО ЗАГИПНОТИЗИРОВАЛИ, И ИМЕННО ЧЕРЕЗ МОНИТОР, ЯСНО? У ЭТИХ ПАРНЕЙ ЕСТЬ ТО, ЧЕГО НЕТ НИ У ОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА!

— Ты хорошо потрудился,— одобрительно пробурчал Чарльз.— Они уже потеряли след. Они думают, что ты сделал дело одним взглядом.

— Не хочу их разубеждать.

— Я тоже.— Полное лицо скривилось, потом Чарльз продолжил: — Если бы только можно было хоть что-нибудь им открыть и при этом не дать информацию денебианам.

— Это невозможно.

— Знаю — но обидно.— Чарльз вздохнул и вновь прислушался к чужим мыслям.

— ТЫ УЖЕ ВЫЗВАЛ ПЛЕЙН-СИТИ?

— ДА, СЕЙЧАС ЯВИТСЯ ЦЕЛАЯ КОМАНДА. ПАРА ТЕЛЕПАТОВ, ПОЛДЮЖИНЫ ГИПНОТИЗЕРОВ, ОДИН ПИРОТИК И ЕЩЕ ПАРЕНЬ СО СТАЕЙ ДРЕВЕСНЫХ КОШЕК. ЭДАКОЕ АССОРТИ ИЗ ЦИРКАЧЕЙ, КОТОРЫЕ УМЕЮТ ГУЛЯТЬ ПО НАТЯНУТОЙ ПРОВОЛОКЕ.

— БОССА КОНДРАШКА ХВАТИТ, КОГДА ОН ОБО ВСЕМ ЭТОМ УЗНАЕТ. ПО-МОЕМУ, ОДИН ТАРАКАНИЙ КОМАНДИР С УЛЬЕМ ШЕРШНЕЙ МОГ БЫ СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ...

— Вот оно что! — Рейвен слегка подтолкнул товарища.— То, что нам и надо! Торстерна нет, но он скоро появится. Тот парень на экране выдал себя как раз, когда ты им занимался. Он тогда вернул свое истинное

лицо — худое, изможденное и очень пластичное; он мог шевелить носом не хуже, чем рукой. Метаморф!

— Я это понял только, когда вошел с ним в контакт.— Чарльз снова впал в дурное настроение.— Он был великолепен, я не ожидал подвоха. Это был настоящий шок. Хотя, надо признать, ему досталось больше.

— Сейчас ему полегчало. Смерть — хороший лекарь.— Рейвен коротко рассмеялся.— Разве не так?

Не обращая внимания на этот риторический вопрос, Чарльз сказал:

— Комнату оплетала заземленная сетка из серебряной проволоки, она должна была предохранить его от внешнего телепатического воздействия. Звали его — Грейторикс. Один из трех мутантов, которым разрешено находиться в замке.

— За что такая честь?

— Их задачей было превращаться в Торстерна, и они настолько в этом поднаторели, что это стало их второй натурой. Вот почему Грейторикс рассуждал о неуязвимости: он имел в виду сразу двух людей, себя и Большого Босса. Торстерн был неуязвим просто потому, что его тут не было.— Чарльз опять поморщился и, подумав, добавил: — Эти трое играют босса по очереди.

— Где два других? Ты у него узнал?

— Где-то в городе. До них легко добраться.

— Хм! Понимаешь, что это значит? Если Торстерн не узнает о том, что тут произошло, он, скорее всего, явится сам. Но если кто-нибудь его предупредил, он запросто подставит нам следующего метаморфа. А потом так и будет подбрасывать их, одного за другим, и нам ничего другого не останется, кроме как заглатывать их — одного за другим.

— Ну и что? Все равно им нас не поймать.

— Нам его тоже — и это меня волнует больше.— Рейвен о чем-то задумался, затем вдруг встрепенулся.— О! Смотри-ка! Кое-кто тут еще соображает!

Мысль доносилась откуда-то из внутренних помещений черного замка:

— ЗНАЧИТ, ВОРОТА ОТКРЫТЫ, А ОДИН ИЗ ЭТИХ ВЕЧНО СОННЫХ ПРИДУРКОВ ВАЛЯЕТСЯ С РАЗБИТОЙ МОРДОЙ. ПОЛУЧАЕТСЯ, ТЕ ДВОЕ УНЕСЛИ НО-

ГИ? ИЛИ ОНИ ХОТЯТ, ЧТОБЫ МЫ ИМЕННО ТАК И ПОДУМАЛИ? МОЖЕТ, ОНИ НИКУДА НЕ УШЛИ. МОЖЕТ, ОНИ ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ. ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ЛИСОЙ, ТО ЗАМАСКИРОВАЛСЯ БЫ ПОД ОХОТНИКА. ИДЕМ ДАЛЬШЕ. ДАЖЕ, ЕСЛИ ОНИ СЛЫШАТ МОИ МЫСЛИ — КАКОЙ ИМ ОТ ЭТОГО ТОЛК? НЕ МОГУТ ЖЕ ОНИ ЗАСТАВИТЬ МЕНЯ НЕ ДУМАТЬ? НУЖНО ОБШАРИТЬ ВСЕ УГЛЫ, И ЧЕМ СКОРЕЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ.

Кто-то нетерпеливо возражал:

— СПЛОШНЫЕ «ЕСЛИ»!.. НЕ НАДО БОЛЬШОГО УМА, ЧТОБЫ ДО ЭТОГО ДОДУМАТЬСЯ. А ВДРУГ ОНИ — СУПЕРМЕТАМОРФЫ, ЧТО ТОГДА? ТЫ ДАЖЕ НЕ ПОЙМЕШЬ, КТО ПЕРЕД ТОБОЙ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ. ОДИН ИЗ НИХ ВПОЛНЕ МОГ РАСКВАСИТЬ СЕБЕ НОС И РАЗВАЛИТЬСЯ НА ПОЛУ, А МЫ ТУТ КУДАХ-ЧЕМ — АХ, БЕДНЫЙ, НЕСЧАСТНЫЙ ДЖЕСМОНД.

Короткая пауза, затем: — ТАК МОЖНО ЧЕРТ-ТЕ ДО ЧЕГО ДОДУМАТЬСЯ. НАПРИМЕР, ТЫ УВЕРЕН, ЧТО Я — ЭТО Я?

— НУ, ТЫ БЫ ДОЛГО НЕ ПРОДЕРЖАЛСЯ. ИЗ ГОРОДА ПРИШЛЮТ ТЕЛЕПАТОВ, А ТЕ БЫСТРО РАЗБЕРУТСЯ, КТО ТЫ ТАКОЙ. НЕТ, НУЖНО ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОЧЕСАТЬ ВЕСЬ ЗАМОК. ЕСЛИ МЫ ЭТОГО НЕ СДЕЛАЕМ, БОСС ОТОРВЕТ НАМ ГОЛОВЫ.

— НУ И ЗАНУДА ЖЕ ТЫ, ФИДЖЕТИ. ЛАДНО, Я ПРИКАЖУ ВСЕ ОБЫСКАТЬ. ВРЯД ЛИ ЭТО ЧТО-НИБУДЬ ДАСТ, НО ХОТЬ СОВЕСТЬ БУДЕТ ЧИСТА. ПЕРЕДАЙ ВСЕМ, ЧТОБЫ ДЕРЖАЛИ СТВОЛЫ НАГОТОВЕ, А ЕСЛИ КОГО ПРИХЛОПНУТ, НИЧЕГО СТРАШНОГО.

Рейвен проворчал еле слышно:

— Кое-кому недолго осталось быть в одиночестве...

— Все в твоих руках,— с плотоядной улыбкой заметил Чарльз.

— А ведь я предупреждал.— Рейвен снова оглядел окружавшие дворик стены.— Охота продолжается. У нас только один путь — дурачить их, пока не появится Торстерн или его новая копия.

Перехитрить охотников труда не составило. Рейвен и Чарльз устроились на черной зубчатой стене высотой около сорока футов и надежно укрылись в тумане

Здесь, наверху, их вполне могла учуять древесная кошка; суперсоник мог свистнуть и обнаружить их по эхосигналу; даже левитатор мог заметить их здесь — просто потому, что привык шнырять там, куда не могли забраться обычные люди.

Но в том-то и дело, что охотники были всего лишь людьми без каких бы то ни было особых талантов — людьми, а не мутантами. И они были ограничены, как и любая форма жизни — все равно, высшая или низшая,— ведь и у высших есть свои пределы, пусть даже самые невообразимые.

Два представителя высшей формы жизни сидели, как совы на суку, пока низшие усердно, но тщетно ползали по базальтовому замку, его темным дворикам и флигелям, держа наготове оружие и готовые в любой момент спустить курок, повинуясь величайшему на свете страху — страху перед неизвестным.

Неразвитому уму пешек мутант виделся неким театральным злодеем, который слишком далеко зашел в своей мании величия и в любой момент мог объединиться с себе подобными, чтобы обратить нормальных людей в рабство. Универсальные мутанты казались еще страшнее: эти невероятные создания должны быть способны на все.

Неотвязная мысль о том, что в любой момент ты можешь столкнуться с биологическим монстром — гипнотизером-телепатом-пиротиком и еще черт-те чем, у которого только одно слабое место — он не способен увернуться от пули,— для двоих охотников это оказалось чересчур.

Один из них проскользнул под аркой и, вытаращив глаза, пошарил вокруг. Пару раз он прошел прямо под ногами тех, за кем охотился, затем, решив, видно, что бесполезно искать в темноте, бросил это занятие и направился назад.

В это же самое время в проеме двери возник другой охотник; он почуял какое-то движение под аркой и стал внимательно туда вглядываться. С оружием наизготовку они крадучись приближались друг к другу, пока каждый не заметил неясный силуэт другого, вырисовывавшийся в тумане.

— Кто там?! — одновременно крикнули оба и, не дожидаясь ответа, спустили курки.

Первый промахнулся на какой-нибудь дюйм. Второй получил пулю в левую руку. Звуки выстрелов еще сильнее взбудоражили замок. За воротами кто-то выстрелил вверх — якобы по летящему левитатору и прострелил при этом сгусток тумана, форму которого при всем желании нельзя было принять за человека. Мысленный эфир наполнился бранью и проклятиями.

Рейвен посмотрел себе под ноги:

— Если то, что нам известно о Торстерне, верно хотя бы на десять процентов, ему придется навестить этот приют, чтобы укомплектовать персонал.

— Я что-то слышу.— Чарльз посмотрел вверх.— А ты?

— Да. Кто-то летит. Похоже, тот, кто нам нужен.

С высоты донесся звук вращавшихся лопастей. С запада, невидимый за туманом, приближался вертолет.

Пронзив туман, из угловой башни ударил узкий оранжевый луч. Шум двигателя стал громче, машина постепенно снижалась. Через минуту она была уже в нескольких сотнях футов над башней и с ревом начала заходить на посадку. Туман под ней клубился, источая запахи далеких джунглей.

Ведомый приборами или радаром в замке, вертолет нырнул в туман и опустился за воротами на посыпанную гравием площадку. Оранжевый луч погас. Несколько пар ног протопали через дворик.

— Пора присоединиться к встречающим.

Осторожно оттолкнувшись от стены, Рейвен с высоты сорок футов опустился на землю. Он проделал это так же, как прыгал с корабля в джунгли, резко затормозив в самый последний момент.

Чарльз последовал за ним и, приземлившись, невозмутимо отряхнул брюки. Рейвен махнул рукой на арку.

— Давай плюнем на световую ловушку. Если кто и заметит сигнал, это только прибавит ему лишних мурашек на коже...

Слышны были тихие голоса, их дополнял поток мыслей, которые исходили от укутанного туманом вертолета. Возбужденные люди, их было около дюжины,

пытались говорить все сразу. Двое часовых у ворот, праздно развалившись, смотрели туда, откуда доносился весь этот шум; это занятие настолько их поглотило, что они не заметили, как через ворота быстро прошли два неясных силуэта. Сработала ли сигнализация и обратил ли кто-нибудь на это внимание, осталось неизвестным. Во всяком случае, сирена промолчала.

Двое прошли ровно столько, чтобы скрыться в тумане от сторожей. После этого они описали полукруг и вышли к вертолету с противоположной стороны. Их никто не заметил, такой густой была темнота и так горяча дискуссия.

На верхней ступеньке трапа стоял человек и с мрачно-недоверчивым лицом слушал стоящих внизу. Выглядел он словно брат-близнец несчастного Грейторикса.

Мысли тех, кто к нему обращался, вырисовывали любопытную картину. Никто из них не знал наверняка, кому они сейчас докладывают — двойнику или самому Торстерну.

Будущий диктатор был хитер, учетверив себя и приучив обслугу обращаться к двойникам-метаморфам как к подлинному Торстерну. Те настолько привыкли к этому маскараду хозяина, что в их умах Торстерн и три его копии словно бы соединились в одну личность, но с несколькими телами. В этом была не только его заслуга, но и тех, кто так блестяще играл свою роль.

В чрезвычайных ситуациях такой трюк был незаменим. Даже мысленный зондаж не мог обнаружить подделку, так как мозги всех исполнителей роли босса были защищены экраном. Но чтобы добраться до самого Торстерна, его сначала нужно было найти.

Эта мера также отбивала охоту у желающих нанести удар в спину, поскольку они знали, что шансы попасть на нужного человека составляют один к четырем, а если еще учесть неизбежный ответный удар, то риск становился неоправданным. Это создавало внутри организации ситуацию «игры в прятки», которая была рассчитана на то, что потенциальный предатель трижды подумает, стоит ли предавать.

Но на этот раз, несмотря на все меры предосторожности, человек на вершине трапа оказался застигнутым

врасплох. Экран из серебряной проволоки не защищал сейчас его мысли. Он был полностью открыт и в данный момент озабочен тем, чтобы понять, что же случилось в его убежище, и на основании полученной информации решить, что лучше — покинуть его или остаться.

Мозг этого человека подтверждал, что он — действительно Эммануэль Торстерн, и это обстоятельство не могло не обрадовать тех, кто стоял перед ним, окажись среди них телепаты. В его голове уже вертелось намерение вернуться в Плейн-Сити, а оттуда отправиться куда-нибудь на охоту; сюда же послать другого двойника, чтобы тот принял на себя основной удар. События понеслись вскачь, и он это понимал.

— Потом тот парень посмотрел прямо на него, и взгляд у него был такой... Ну, как будто говорил: «Сейчас ты упадешь замертво» — продолжал тот, кто стоял ближе всех.— Он тут же и упал! Босс, это не простая смерть. Такое перепугает хоть какую компанию дефективных, я уж не говорю о нас.— Он сплюнул на гравий.— Когда парочка нелюдей впархивает внутрь, то...

— Через ворота, через сигнализацию и все эти причиндалы,— вмешался другой.— Как будто их вовсе нет. Под конец они выбрались из комнаты с тремя дистанционными системами запоров.

Третий произнес то, что вертелось сейчас в голове у босса:

— Самое страшное, что если они смогли провернуть такое один раз, то вполне смогут и повторить. И вообще, неизвестно, что они еще выкинут!

Торстерн отступил на полшага.

— Место обыскали? Как следует?

— Каждый миллиметр, босс. И ничего, ни волоска. Мы вызвали подмогу из города. Они послали нам стаю кошек и несколько дефективных. Клин клином вышибают.

Словно в подтверждение этих слов откуда-то издалека донеслось сердитое мяуканье древесных кошек.

— Да уж, толку от них...— со вздохом проговорил первый.— Разве что они столкнутся с этим Рейвеном и толстяком нос к носу. У парочки изрядный запас времени. Дистрофик с ребятами отстает от них почти на

милю, а эта толпа из города тем более.— Он помолчал пару секунд и добавил: — Ну а я и подавно не справлюсь.

Решив, что наслушался достаточно, Торстерн принял решение:

— Я возвращаюсь в город. Нужно потрясти власти.— Потом добавил: — Придется подключить кое-кого.

— Да, босс.

— Я вернусь сразу, как только удостоверюсь, что сделано все необходимое. Ждите меня через два, максимум через три часа.

Он произнес эти слова с бесстрастным лицом, отлично зная, что не вернется до тех пор, пока есть хоть какой-то риск. «Через два, максимум через три часа» в замок прилетит очередной двойник.

— Если меня будут спрашивать, скажете, что меня нет, а где я — вы не знаете. А если появится этот Рейвен или кто-нибудь на него похожий, если вам хотя бы просто покажется, что это он, в разговоры не вступайте, стреляйте сразу и постарайтесь не промахнуться.— Взгляд Торстерна стал жестким: — Если ошибетесь, ответственность беру на себя.

С этими словами он с самоуверенной медлительностью, за которой крылось желание побыстрее отсюда убраться, забрался в кабину вертолета. Торстерн чувствовал, что его бьет дрожь, и изо всех сил старался не выдать ее.

Значит, кто-то не клюнул на паяца Волленкотта, хоть и обжегся уже на Грейториксе. Кто-то кропотливо проследил все тайные нити и понял, что они ведут к Торстерну. Кто-то оказался могущественнее его, Торстерна, и не менее беспощадным. Кто-то хочет устранить его из им же сотканной паутины, и — несмотря на первую неудачу — этот кто-то дал понять, что сотворить такое ему не составит труда.

— Вперед! — рявкнул он пилоту и откинулся в кресле. Настроение было ужасное.

Винт завертелся, машина качнулась, задрожала и пошла вверх. Рейвен и Чарльз, уцепившись за шасси, взмыли вверх вместе с ней. До сих пор скрытые от чужих взоров корпусом вертолета, они моментально

оказались на виду, как только вертолет поднялся. Реакция была яростной и бестолковой:

— Быстрей! Дай автомат! Быстро, тебе говорю! Руки отнялись?

— Сдурел, что ли? Какой прок стрелять наобум? Их уже не видно.

— Полегче, Мейган! Еще подстрелишь босса.

— Или пилота. Хочешь, чтобы нам на головы свалились две тонны металлолома?

— Но надо же что-то делать. Проклятые дефективные! Будь моя воля, я б их всех перестрелял. Остальным дышать стало бы легче.

— Звони в город. Они возьмут их, когда вертолет сядет.

— Вот где пригодилась бы парочка левитаторов со стволами. Почему не...

— Да погоди ты, Дилворт! Может, пилот сам почует неладное.— Все прислушались к характерному шуму набиравшего высоту вертолета.— Нет, поднимается. То же самое.

— Ты куда?

— В караулку. Свяжусь с боссом по радио, расскажу, что у него под ногами.

— Хорошая мысль. Очередь в пол сметет их с насеста.

Тем временем вертолет, поднявшись на две тысячи футов, выбрался из тумана туда, где мерцали звезды и светила далекая Земля. Местами туман доходил и до десяти тысяч футов, а местами — особенно над кронами высоких деревьев — его не было вообще. Этот туман не рассеивался даже днем, а просто поднимался примерно на сорок тысяч футов, отчего у поверхности становилось сумрачно, но какая-то видимость все же была.

С одной стороны на фоне звездной черноты вздымались Зубья Пилы. Неподалеку сквозь пелену тумана просачивались огни Плейн-Сити, на западной окраине которого вертикально бил вверх оранжевый луч. Что-то еле заметно светилось далеко на юге, над Большими Рудниками.

Держа курс прямо на маяк Плейн-Сити, вертолет скользил, почти касаясь кромки тумана,— не было нуж-

ды набирать высоту для столь короткого пути. Склонившись над приборами, пилот вел вертолет, ориентируясь на оранжевый луч маяка, рядом с ним молча сидел мрачный Торстерн. Пилот чувствовал, что машина слушается хуже, чем час назад. Но он не беспокоился. По ночам содержание кислорода в атмосфере менялось ежечасно, и это сказывалось на работе моторов.

Машина уже летела над городом, когда ожило радио. Пилот протянул руку, чтобы включить его, и в тот же миг дверь распахнулась и в кабину вошел Рейвен.

— Добрый вечер,— приветливо обратился он к Торстерну.

Все еще держа руку на тумблере, пилот метнул ошарашенный взгляд на ветровое стекло, чтобы убедиться, что они действительно в воздухе, затем прорычал:

— Как, будь я проклят?!..

— Докладывает «заяц», сэр,— усмехнулся Рейвен.— Снаружи есть еще один, и ему очень неудобно на колесе. Дело в том, что он немного потяжелее меня.— Спокойно глядя на Торстерна, он перехватил напряженный взгляд, метнувшийся к боковому карману.— На вашем месте я бы не стал этого делать,— посоветовал Рейвен. Это было сказано обычным тоном, но прозвучало с угрозой.

Решив все-таки ответить на вызов, пилот включил микрофон:

— Корри слушает.

Из маленького динамика застрекотал голос:

— Скажи боссу, чтобы взял автомат и пустил очередь под ноги. Те два парня сидят у вас на шасси.

— Он знает,— сказал пилот.

— Знает?

— Да, знает.

— Ну, дела! — Голос в динамике тихо сказал кому-то рядом: — Босс уже знает.— Затем снова: — И что он сделал?

— Ничего,— ответил пилот.

— Как это ничего?

— Отстань. Я всего лишь пилот.

— Ты хочешь сказать, что...— Голос с земли вдруг оборвался. Резкий щелчок, и связь отключилась.

— Дошло,— заметил Рейвен.— Он подумал, что вас и мистера Торстерна связали и он говорит со мной.

— А кто вы такой? — осведомился Корри таким тоном, словно обращался к бродяге, который был настолько нахален, что объявился в вертолете прямо в полете.

Тут впервые подал голос Торстерн:

— Не лезь в это дело, все равно ты ничем не поможешь.

Его разум, похожий на потревоженный пчелиный улей, свидетельствовал, что иногда, в критические минуты, сумбурные мысли достигают предельной ясности и четкости. Он влип. Судя по тому, что случилось в замке, влип здорово. Опасность угрожала самой его жизни, и очень скоро он мог отправиться в небытие вслед за злополучным Грейториксом. К страху примешивалось сознание, что он сам напросился на неприятности, и теперь нечего жаловаться на то, что получил их в избытке.

Однако в данный момент мысли Торстерна сводились к одному: антиграв имеет грузоподъемность пятьсот фунтов, вертолет тянет больше тонны. Если бы он использовал антиграв, то не попал бы в это дурацкое положение. Он бы не смог подняться с двумя пассажирами снаружи. Впредь — никаких вертолетов, разве что для сопровождения.

— Мы сопровождаем вас — мой друг и я,— подчеркнул Рейвен. Он распахнул дверь.— Пошли.

Торстерн медленно поднялся.

— Я сверну себе шею.

— Ничего с вами не случится. Мы вас поддержим.

— А вдруг вам что-нибудь помешает?

— Исключено.

В разговор вмешался пилот:

— Если вы левитаторы, то должны знать, что правилами запрещено покидать летательный аппарат над жилыми массивами.

Оставив замечание без ответа, Рейвен продолжил:

— У вас есть выбор. Во-первых, вы можете попробовать достать то, что у вас в боковом кармане, и посмотреть, что произойдет. Во-вторых, можете выпрыг-

нуть наружу в одиночку, и тогда мы посмотрим, как глубоко вы зароетесь при посадке. В-третьих, конечно, вы можете направить вертолет к земле и разбиться вдребезги. Но если вы предпочтете очутиться внизу целым и невредимым, вы пойдете с нами.

Мысленная реакция Торстерна была следующей:

— ОН МОЖЕТ ЗАГИПНОТИЗИРОВАТЬ МЕНЯ И ЗАСТАВИТЬ ДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО ОН ЗАХОЧЕТ. ВСЕ, ЧТО УГОДНО, ДАЖЕ УМЕРЕТЬ. И ДАЖЕ ЧЕРЕЗ МОНИТОР. НО ИНИЦИАТИВА ДОЛЖНА ПРИНАДЛЕЖАТЬ МНЕ. НАДО ДОЖДАТЬСЯ БЛАГОПРИЯТНОГО СЛУЧАЯ. СЕЙЧАС ЕГО ЧАС, МОЙ ПРИДЕТ ПОЗЖЕ. ПРИ ДРУГИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ БУДУТ ДРУГИЕ ВОЗМОЖНОСТИ.

— Вполне разумно,— одобрил Рейвен.— Держитесь нас, пока мы не блефуем. Затем можете порвать с нами.

— Я знаю, что вы телепат и мои мысли для вас — открытая книга.— Торстерн подвинулся к двери.— Я действительно ничего не могу поделать. Пока.

Он постарался успокоиться, когда Рейвен крепко взял его за одну руку, а Чарльз за другую. Способные левитировать почти с самого рождения мыслят в соответствии со своим талантом, но все остальные мыслят в соответствии со своими ограничениями. Торстерн имел голову на плечах и обладал почти звериной отвагой, но тем не менее все его существо восставало против прыжка в пустоту. С парашютом или антигравитационным поясом он не колебался бы ни минуты. Но поддерживаемый лишь руками мутантов, к тому же — врагов, он боялся отчаянно.

Торстерн закрыл глаза, глубоко вздохнул и вдруг почувствовал, как желудок подступил к горлу. Втроем они камнем шли вниз. Плотный, насыщенный водяными парами воздух окружил его, раздувая брюки и волосы, в ушах засвистел ветер.

Он уже представлял, как снизу стремительно надвигается страшная каменная стена или скошенная крыша, готовая переломать всем троим ноги и расплющить тела, но в этот момент сработали две сильные руки. Силясь совладать с нервами, Торстерн приоткрыл глаза и успел заметить, как из тумана быстро возник край

крыши, пронесся вверх, и вся троица опустилась на панель.

Высоко над ними пилот бубнил в передатчик:

— Двое парней захватили его на высоте двух тысяч футов. Я полагал, они левитаторы, но они полетели вниз камнем. Что? Нет, не сопротивлялся и не давал мне никаких приказаний. Насколько я могу судить, они должны были упасть в секторе девять, где-то около Рик-авеню.— Пауза, затем: — Нет, я же знаю его. Тут есть что-то странное. Босс вышел против воли — но вышел же!

— Ваш пилот Корри связался с полицией и зовет на помощь,— сказал Рейвен.

— Не думаю, что от этого будет прок.— Торстерн огляделся по сторонам, пытаясь в тусклом свете определить, где он.— Да это и не важно.

— Становитесь фаталистом?

— Просто признаю, что изменить положение сейчас — не в моих силах. Но за свою жизнь я научился ждать. Ни одна игра не может все время вестись в одни ворота.— Вытащив платок, он вытер капельки влаги на своей шевелюре.— Важно, кто сделает последний ход.

В тоне его не было неуместной самоуверенности или бахвальства. Напротив, слова выдавали жизненный опыт человека, чьи планы слишком часто наталкивались на препятствия и задержки. Он преодолевал их, пусть даже на это требовалась неделя, месяц, год. Этот человек мог, если в том возникала нужда, проявлять безграничное терпение, цепко держа в уме основную цель и продвигаясь к ней в то мгновение, когда расчищался путь.

Сейчас он понимал, что этой злополучной ночью был бит и мог погибнуть, но он предупредил врага, что схватка отнюдь не кончена. Это была форма вызова; его загнали в угол, и он показывал зубы. Ничего другого ему и не оставалось — по крайней мере сейчас.

Глава тринадцатая

Мейвис открыла дверь и впустила их в дом без всякого стука или звонка. Она не выразила ни удовольствия, ни удивления, и вид у нее был такой, словно она

постоянно была в курсе событий и знала, что происходит в каждый момент.

Тоном матери, мягко бранившей капризного малыша, она сказала Чарльзу:

— Ты об этом еще пожалеешь. Я знаю, что так будет.— И с этими словами удалилась на кухню.

— Вот еще один тип мутанта,— проворчал Чарльз, ничуть не смутившись. Он плюхнулся в кресло, заставив его поношенное сиденье прогнуться.— Прорицательница.

— Приятно послушать благоразумного человека,— заметил Торстерн, посмотрев в направлении кухни.

— Люди благоразумны, насколько им позволяют их взгляды. Каждый — сам себе оракул.— Рейвен подтолкнул Торстерну пневматическое кресло.— Присаживайтесь. Вы не должны утомляться по той причине, что попали в дурную компанию.

Торстерн сел. Он изо всех сил старался прогнать опасные мысли, которые упорно лезли ему в голову. Например, не проклинать этих двоих, ведь любой из них может читать его мысли всякий раз, стоит им только захотеть. Торстерн не был телепатом и не мог знать, в какой именно момент чужие мозги шарят в его собственном, но знал наверняка, что они именно этим и занимаются.

— ЭТА ПАРОЧКА УНИВЕРСАЛОВ УМЕЕТ СКРЫВАТЬ СВОИ МЫСЛИ ОТ ПРОСЛУШИВАНИЯ. ЖЕНЩИНА, ПОЖАЛУЙ, ТОЖЕ. Я СВОИ СКРЫТЬ НЕ МОГУ И СОМНЕВАЮСЬ, МОГУТ ЛИ ОНИ СКРЫТЬ МОИ МЫСЛИ ОТ ПОЛИЦИИ. ПАТРУЛИ СКОРО НАЧНУТ ПРОЧЕСЫВАТЬ СОСЕДНИЕ УЛИЦЫ, ЗНАЧИТ, И СЮДА ДОБЕРУТСЯ. И ЕСЛИ ЭТА КОМНАТА НЕ ЭКРАНИРОВАНА, ТО ЕСТЬ ШАНС, ЧТО КАКОЙ-НИБУДЬ ПАТРУЛЬНЫЙ ТЕЛЕПАТ УСЛЫШИТ МОИ МЫСЛИ И ВЫЗОВЕТ ГРУППУ.

Торстерн ухитрился на несколько секунд отогнать эту мысль, но она вернулась снова, уже в законченном виде.

— ЖАЛЬ, ЧТО Я НЕ ЗНАЮ, ИНДИВИДУАЛЬНО ЛИ МЫШЛЕНИЕ. КАК ГОЛОС, НАПРИМЕР. МОЖЕТ, ВСЕ МЫСЛЯТ ОДИНАКОВО. И ЕСЛИ ТАК, НЕ ВИДАТЬ МНЕ УДАЧИ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА Я НЕ УЛУЧУ МОМЕНТ, ЧТОБЫ ПОДАТЬ КАКОЙ-НИБУДЬ СИГНАЛ. ЭТИ ДВОЕ МОГУТ ЕГО ПЕРЕХВАТИТЬ, И

ТОГДА ОНИ ПРИМУТСЯ ЗА МЕНЯ ВСЕРЬЕЗ... НО Я ДОЛЖЕН ИМЕТЬ СВОЙ ШАНС.

Угрюмо взглянув на Рейвена, он проговорил:

— Я прыгнул с вами из вертолета. Я подчинился всем вашим приказам. Что дальше?

— Побеседуем.

— Сейчас два часа ночи. Неужели нельзя побеседовать утром? — Он поджал губы.— Неужели нужно было устраивать эту комедию?

— Увы! До вас так трудно добраться. Тем более что вы охотились за мной, словно за собакой, стянувшей с вашего стола бифштекс.

— Я? — Торстерн недоверчиво поднял бровь.

— Вы и ваша организация.

— Вы имеете в виду мои обширные торговые интересы? Чепуха! Неужели нам больше нечем заняться, кроме как охотой за людьми? Вам не кажется, что у вас мания преследования?

— Знаете, мы уже недавно все это слышали. А сейчас вы стараетесь увлечь нас по кругу. Вы видели запись нашей беседы с вашим замечательным двойником?

Как бы ни хотелось Торстерну отрицать все подряд о метаморфах-дублерах, он был слишком благоразумен, чтобы позволить своим губам произносить то, что противоречило его же мыслям. Этих парней словами не обманешь. Но он мог прибегать к недомолвкам, тянуть время, всячески удлинять разговор.

— Я не в курсе деталей вашего разговора с Грейториксом. Я только знаю наверняка, что он мертв, и руку к этому приложили вы. Мне это не нравится.— Его голос стал жестче.— Рано или поздно вы за это ответите!

Издав короткий смешок, вмешался Чарльз:

— Просто замечательный образ двух повешенных! У вашего воображения сочные краски. Мне очень понравилось, как вы изобразили наши вывалившиеся, распухшие и почерневшие языки. Только вот кое-какие детали неточны. Узлы неправильно завязаны, а у меня почему-то обе ноги левые.

— С какой стати я должен сносить подобные выходки, не говоря уж про мысленный зондаж? — Торстерн обращался только к Рейвену.

— Он не мог удержаться — и он прав. Садизм должен быть наказуем,— отрезал Рейвен, вышагивая из угла в угол под неотступным взглядом пленника.— Полагая, что Грейторикс — это вы, мы сначала говорили с ним всерьез и убеждали перестать защемлять Земле пальцы в дверях. Он же упорно кормил нас глупыми баснями, как привык делать, наверное, с пеленок. Мы честно предупредили его, что терпение наше имеет предел, но он продолжал дудеть в ту же дуду. И хоть делал это с завидным мастерством, он сам навредил себе из-за своих ограничений.

— Почему это? — спросил Торстерн, поведя кустистыми бровями.

— Поскольку он был не вы, у него не было права принимать от вашего имени важные решения. Он мог находиться исключительно в рамках той роли, которую так хорошо исполнял. Но в тех условиях его могла спасти только инициатива, проявить которую он не смел.— Рейвен сделал красноречивый жест и закончил: — Теперь он мертв.

— И вы об этом, конечно же, сожалеете?

— Сожалею? — Рейвен сверкнул серебристыми глазами.— С какой стати?! Меня это беспокоит меньше всего!

От этих слов по спине Торстерна пробежал холодок. Ему самому не раз приходилось рассчитывать чью-то смерть, и он сохранял при этом полное хладнокровие, но он никогда не обнаруживал его с таким постыдным бессердечием. Когда по его приказу ликвидировали какую-нибудь мелкую сошку, он всегда демонстративно и благопристойно скорбел о погибшем. Но если Грейторикса, практически невиновного, устранили столь безжалостно, как ненужный хлам...

— Кажется, кое-кто тоже имеет садистские наклонности,— съязвил он, как ему показалось, не без оснований.

— Вы не поняли. Мы не радуемся тому, что произошло, но и не скорбим. Назовите это полным безразличием.

— Практически это одно и то же,— сказал Торстерн и подумал, что пора воззвать к телепатическому патрулю, если тому случится оказаться поблизости.— Не знаю, как вы это сделали, но это убийство!

С кофейником и чашками вошла Мейвис. Она разлила кофе в три чашки, поставила тарелку с бисквитами и, не произнеся ни слова, вышла.

— Желаете поговорить об убийствах? — спросил Рейвен.— Несомненно, тут вам есть что порассказать.

«Грубый выпад,— подумал Торстерн.— Незаслуженный». На нем много грехов, но он никогда не был кровожадным монстром. Верно, он руководил тем, что вечно скулящие земляне считали необъявленной войной, но в действительности это было освободительное движение. Но ведь любая война, даже необъявленная, не обходится без жертв, и он не повинен в тех нескольких смертях, он сам издал приказ, что удары следует наносить исходя из минимума людских потерь и максимума экономических.

Убийства были неизбежны. И он одобрял только абсолютно необходимые, которые приближали осуществление его замыслов. Ни одного больше, ни под каким видом. И даже об этих он почти искренне сожалел. Он был самый гуманный завоеватель в истории, честно пытавшийся достичь наилучших результатов с минимальными жертвами.

— Не соблаговолите ли вы объясниться? Раз уж вы обвиняете меня в геноциде, я попрошу привести хотя бы один пример, один конкретный случай.

— Отдельные случаи остались в прошлом. Будущему вы уготовили более сильные средства, если, конечно, доживете до тех пор.

— Мой бог, еще один прорицатель! — мрачно причмокнув, воскликнул Чарльз, на этот раз без тени юмора.

Рейвен продолжал:

— Только вы знаете, насколько все это соответствует истине, как далеко вы готовы зайти, как высока цена, которую вы готовы заплатить, чтобы стать властелином своего мира. Это все записано в потайных уголках вашего мозга. Черным по белому: никакая цена не является слишком высокой.

Торстерн не нашелся, что ответить. Удовлетворительного ответа не было. Он знал, чего хотел. Он хотел получить это по дешевке и по возможности без особых хлопот. Но если из-за жесткого противодействия цена

поднимется до небес, хоть в деньгах, хоть в жизнях, все-таки ее придется платить. Жаль, но придется.

Но сейчас, в руках этой вызывающей головную боль парочки, он был беспомощен. Они могли положить конец его амбициям, покончив с ним самим, как с Грейториксом. Он не сомневался, что они на это способны. Но цели их оставались для него неясными. Уж он-то бы на их месте не стеснялся...

Воровато, надеясь, что никто не заметит, он покосился на дверь. Но мысли, как ни старался, подавить не мог. Если патруль и услышал недавнюю болтовню про убийства, это не значит, что они нагрянут тотчас же. Может быть, они подождут подкрепления. Но освобождение может прийти в любую минуту вместе с отрядом полиции.

Рейвен все еще говорил, хотя собеседник слушал только вполуха.

— Если бы ваше венерианское сепаратистское движение действительно было бы просто средством достижения суверенитета, вы могли бы надеяться вызвать у нас понимание, даже несмотря на насильственные методы. Но здесь совсем другое. Ваш мозг подсказывает, что это движение — ваш личный инструмент для самовозвеличивания. Независимость для вас не цель, а всего лишь средство для завоевания власти, которой вы так жаждете. Вы просто презренный червь, мистер Торстерн.

— А? — Торстерн попытался ухватить нить разговора.

— Я говорю, что вы — презренный червь, который прячется от света, извивается в темноте и панически боится всего, даже известности.

— Я не боюсь...

— Ну заработаете вы ничтожное превосходство над колонией таких же червяков — на какое-то время. И уйдете навсегда. Обратитесь в пыль, в ничто, в пустое имя в бесполезном учебнике: это имя будут торжественно изрекать недалекие историки и проклинать измотанные школяры. Через много лет какого-нибудь двоечника накажут тем, что заставят написать о вас сочинение. «Взлет и падение императора Эммануэля»,— Рейвен презрительно фыркнул.— И это, по-вашему, бессмертие?

Это уже было чересчур. Торстерн имел лишь одно уязвимое место, и удар попал точно в цель. Он легко

относился к оскорблениям; они лишь подтверждали его силу и способности. Он ценил враждебность; его самолюбию льстило, что его побаиваются. Он считал это косвенной формой поклонения, и ненависть только возвеличивала его. Но он не мог вынести обвинений в никчемности, трусости, ему была физически противна мысль о том, что он может стать предметом насмешек обывателей. Он не мог вытерпеть, чтобы о нем думали с презрением.

Лицо Торстерна вспыхнуло, он вскочил на ноги, сунул руку в карман, выхватил три фотографии и швырнул на стол. Он явно был взбешен.

— Вы веселитесь от души, и у вас хорошие козыри. Я их видел. А теперь посмотрите на мои! Но это не все. Остальных вам не видать никогда!

Рейвен невозмутимо поднял верхнюю фотографию. Его собственное фото, довольно старое, не особо качественное, но для опознания оно годилось.

— Ее показывают по спектровизору с утра до вечера,— со злобным удовлетворением проговорил Торстерн.— Копии уже разосланы патрулям. Завтра к полудню все будут знать ваше лицо — а награда ускорит розыски.— Он упивался триумфом, глядя на собеседника.— Чем хуже вы обойдетесь со мной, тем хуже обойдутся с вами. Вы легко впорхнули в этот мир, несмотря на то что вас не хотели пускать. Посмотрим теперь, сможете ли вы отсюда выпорхнуть.— Он небрежно добавил, обращаясь к Чарльзу: — К тебе это тоже относится, толстяк.

— Нет, не относится. Уезжать отсюда я не намерен.— Чарльз поудобнее устроился в кресле.— Мне удобно и здесь. Венера меня вполне устраивает — настолько, насколько может устроить любой другой комок грязи. Кроме того, у меня здесь работа. Как же я буду ее выполнять, если улечу?

— Что еще за работа?

— Извините,— сказал Чарльз,— но вам этого не понять.

— Он пастух и стыдится в этом признаться,— вмешался Рейвен. Бросив фотографию на стол, он взял другую, и лицо его сразу посуровело. Покачивая карточку в руке, он требовательно спросил:

— Что вы с ним сделали?

— Я? Ничего.

— Да, конечно, я и забыл, что вы передоверяете грязную работу другим.

— Особых инструкций я не давал,— возразил Торстерн, которого реакция Рейвена застала врасплох.— Я им просто приказал выпытать у Стина, что случилось.— Взглянув на жуткий снимок, он напустил на себя выражение сильного потрясения. Стандартная реакция пешки — показушная скорбь, крокодиловы слезы.— Похоже, они перестарались.

— Они получили от этого удовольствие.— Рейвен не скрывал огорчения.— Они сделали из него отбивную. Стин умер, и отнюдь не по собственной инициативе. Хотя сейчас я думаю о его смерти не больше, чем он думает о ней сам...

— Что? — Торстерн удивился комментарию, столь не вязавшемуся с внешней реакцией.

— Именно так. Его конец мне безразличен. Он наступил бы все равно, проживи этот Стин хоть сто лет. Смерть любого человека не имеет значения.— С гримасой отвращения Рейвен перевернул фотографию.— Но больше всего мне претит то, что умирал он долго. Это плохо. Непростительно.— Глаза сверкнули внезапным огнем.— Это припомнится, когда наступит ваш черед!

Торстерн снова ощутил холодок. Нет, он не испугался, сказал он себе. Бояться не в его натуре. Но он признает, что немного встревожен. Он выложил козыри, рассчитывая, что противник устрашится. Возможно, он ошибся.

— Мои люди нарушили мой приказ. Я наложу на них самое серьезное взыскание.

— Ты слышал? Он с них взыщет! — сказал Рейвен Чарльзу.— Как мило!

— Мне говорили, что Стин оказался упрям, он вынудил их зайти дальше, чем предполагалось.— Торстерн решил развивать эту тему, пока она являлась основой разговора. Спасатели-телепаты не откликнулись на предшествующие пересуды насчет убийств. Может, кто-нибудь услышит рассуждения про Стина? Сгодится все, что угодно, лишь бы дало результат.

Он продолжал:

— В команде был телепат, он должен был прощупать мозг Стина издали, Стин не мог его обмануть. Но ничего не вышло. Телепат смог ухватить лишь то, о чем Стин думал в данный момент, а тот упорно думал о посторонних вещах. Мои люди хотели заставить его вспомнить, что же заставило его предать нас, но — он не желал. Он старался не думать. Очень старался.— Торстерн развел руками, как бы подчеркивая свое бессилие и невиновность в случившемся.— Когда он наконец согласился сотрудничать, они уже успели переусердствовать в убеждении.

— То есть?

— Он спятил, совсем как Халлер. Нес чепуху. Абсолютный бред.

— О чем же он бредил?

— Он сказал, что вы — совершенно новый, опасный и доселе неведомый тип мутанта. Ваше сознание, или душа, может отделяться от тела, и вы уже менялись с ним телами против его воли.

— О небо! — вставил Чарльз, в притворном изумлении вытаращив глаза.— Вот мы уже и биомеханики, и прорицатели, и похитители душ, и бог знает кто еще...

— Этот вздор имел реальную подоплеку,— раздраженно продолжал Торстерн.— Я разговаривал с нашими ведущими экспертами по паранормальным способностям. Они заявили, что все это смехотворно — но понимают, почему Стин говорил так.

— Почему же?

— Другой гипнотизер, но гораздо более сильный, его перегипнотизировал. Им неизвестно о человеке со столь поразительными способностями, но теоретически такое не исключено.

Только сейчас Торстерн заметил свой кофе, уже полуостывший. Облизав пересохшие губы, он взял чашку и в три глотка осушил ее.

— Это вы заставили Стина поверить, что он — это вы. И именно вы заставили его воздействовать на Халлера, что дало толчок его собственным галлюцинациям. Я хоть и не мутант, но тоже могу иногда прочитать мысли. Вот

сейчас вы думаете, что, если я откажусь играть по вашим правилам, вы впихнете такие же бредни в меня.

— В самом деле?

— Либо это, либо вы прикончите меня, как Грейторикса. Но вы проиграете в любом случае. Если вы примените ко мне метод Стина, так это пройдет. Гипноз всегда проходит, за двадцать четыре часа самое большее. Что бы вы ни заставили меня сделать за этот срок, я всегда смогу переиграть потом.

— Правильно,— серьезно заметил Рейвен.

— Если же вы прикончите меня, у вас останется только мой труп. Труп не может отменить войну. Вы шесть раз сказали мне, что мертвым все равно. Отведайте порцию собственной философии и попробуйте вообразить, как мало волнуют меня земные дела. Гораздо меньше, чем Грейторикса! — Некая мысль внезапно пришла ему в голову, и он спросил: — Кстати, а как вы его угробили? Даже дважды супергипнотизер не может убедить человека пасть бездыханным. Что вы с ним сделали?

— То же самое, что мы будем вынуждены сделать с вами, если убедимся, что ничего иного не остается.— Рейвен значительно взглянул на собеседника.— Зарубите на своем мясистом носу, что, когда мы преодолеваем препятствия, угрызения совести нас не мучают. От вас мы отличаемся только тем, что делаем это милосердно и быстро. Мы не допускаем проволочек. Потому что это преступление — умышленно затягивать смерть.— Он внимательно посмотрел на Торстерна и закончил: — Грейторикс умер быстро, едва ли у него было время задуматься и понять. Стину в этой привилегии отказали.

— Я же сказал вам...

Рейвен отмахнулся.

— Вы ведь не собираетесь сделать Венеру своей вотчиной и сообща с марсианами требовать от Земли выкуп, когда придет день суда. Верно? Но если человечество когда-нибудь загонят в угол, именно все человечество вырвется из него, а не одни только земляне. Все человечество! Так что бросьте вы свою вражду с Землей и убедите марсиан пойти в ту же масть. Иначе вас навсегда уберут со сцены, после чего мы будем иметь дело с вашими преемниками, кем бы они

ни были. И мы будем убирать их одного за другим, пока вся ваша организация не развалится без руководства.— Он показал на миниатюрный радиевый хронометр в перстне на пальце Торстерна.— На размышления у вас есть пять минут.

— У меня больше чем пять минут, намного больше. Столько, сколько я пожелаю! — Торстерн подтолкнул через стол третью фотографию.— Взгляните сюда!

Рейвен наклонился и, не касаясь, внимательно рассмотрел снимок. Выражение его лица при этом ничуть не изменилось.

— Кто? — сонно поинтересовался Чарльз. Ему было лень привстать и посмотреть самому.

— Лина,— сообщил Рейвен.

Торстерн торжествовал. Он в полной мере наслаждался своим предвидением и тем, что сумел-таки сдержать мысли о Лине до самого последнего момента, хотя они не однажды подступали вплотную. Пешка в который раз перехитрила мутанта.

Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем хоть на шаг опередить паранормального. Это была его слабость, которая весьма заинтересовала бы любого эколога, изучающего влияние окружающей среды на высшие формы жизни.

— Ваша любовница,— с наигранной скорбью произнес Торстерн.— Мы знаем ее привычки, повадки, особенности. Мы знаем, что она тоже принадлежит к вашей породе мутантов. Так сказал Стин. Он не лгал, в его-то положении. У вас, наверное, склонность к слоновым формам. Ничего другого не могу представить...

— Оставьте в покое ее пропорции. У нас с вами разные вкусы. Ближе к делу.

— Дело в том,— сказал Торстерн, не в силах удержаться,— что в тот самый момент, когда я умру, или свихнусь, или еще как-то выйду из игры,— он постучал по фотографии тяжелым пальцем,— она за это заплатит!

— Просто смешно,— сказал Рейвен.

— Посмотрим, как вы засмеетесь, когда найдете ее мертвой.

— Да уж не заплачу,— небрежно заверил Рейвен, и было ясно, что он говорит сущую правду.

Торстерн содрогнулся. Он неопределенно посмотрел на Чарльза, ища подтверждения своим чувствам у этого типа, но увидел, что тот мечтательно глядит в потолок.

— Она умрет не сразу,— проговорил Торстерн с угрозой.

— Вы так думаете?

— Я вам обещаю. Она будет мучиться в десять раз дольше, чем Стин. Вы хотите этого?

— Это мерзко.

— Что?

— Вы неглупый человек, богатый, влиятельный, а прячетесь за женскую юбку.

Торстерн вновь почувствовал, что его охватывает ярость, но сдержался и только сказал:

— И это говорите мне вы?! Вы, который предпочитает, чтобы за его грехи расплачивалась женщина.

— Она не возражает,— улыбнулся Рейвен, придавая беседе совершенно неожиданное направление.

— По-моему, вы сошли с ума! — заявил Торстерн, сам начиная верить в это.

— Грейторикс не возражал. Халлер тоже. И Стин отнесся к этому безразлично. Так чего же беспокоиться Лине? Даже если вы...

— Заткнитесь, вы, маньяк и убийца! — Торстерн снова вскочил на ноги и сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Он говорил громким голосом, в котором смешивались и напряжение, и облегчение, и триумф.— Вы слишком долго мусолили эту тему! Вы так самоуверенны, что готовы пережевывать любимое блюдо ночь напролет! И нас наконец услышали, понятно? — Он театральным жестом указал на дверь.— Слышите шаги? Человек двадцать? Полсотни! Сто! Весь город проснулся!

— Очень плохо,— сказал Рейвен, следя за ним с каменным лицом.

— Ну что ж вы остановились?! — подзуживал Торстерн.— Чего испугались? Штурма, который вот-вот начнется? Но вы всего лишь получите по заслугам! —

Пытаясь наблюдать за Рейвеном и одновременно за дверью, он подчеркнул: — Учтите, если хоть волос упадет с моей головы, я за своих людей не ручаюсь.

— Кажется, мы крупно влипли,— заметил Чарльз, глядя на дверь.

Торстерн стоял, стиснув зубы, и мозг его работал, не таясь и не обращая внимания на то, что мысли могут прочесть. «Сейчас они ничего не посмеют,— думал он.— Цена будет слишком высокой. Они отложат планы до лучших времен, которые, впрочем, никогда не наступят, потому что этих бандитов будут судить. По законам Земли. Дело будет сшито добротно, его не спустить на тормозах даже Герати с его властью. Либо мы подстроим несчастный случай. Да, пожалуй, так быстрее и эффективнее...»

Все его внимание было приковано к двери, за которой он слышал — и в этом он мог бы поклясться — осторожные шаги множества ног. Некоторые патрульные, пришло ему в голову, могли занервничать. Таких типов, как Рейвен и этот толстяк, трогать опасно. Когда ворвется полиция, он должен реагировать быстро, а приказ отдать еще быстрее, чтобы сразу остановить тех, кто сперва стреляет, а затем смотрит, в кого попал.

Торстерн напрягся, краешком глаза заметив, что никто из двоих даже не шевельнулся. Что ж, они примирились с безвыходным положением. Замок, на который воздействовали телекинезом, начал медленно поворачиваться.

Глава четырнадцатая

Медленно, словно от легкого ветерка или повинуясь чьей-то осторожной руке, дверь дюйм за дюймом открывалась внутрь. Желтое кольцо ночного тумана проскользнуло в постепенно расширявшуюся щель, принеся с собой запах смолы, прелых листьев, коры и плесени.

Снаружи не доносилось ни звука, за исключением далекого монотонного стука насосов, перекачивавших топливо в космопорту, да тихой музыки в четырех-

пяти кварталах отсюда, где неутомимые ноктоптики продолжали брать от жизни все, что могли. В комнате царила полная тишина, люди затаили дыхание; дверь открывалась невероятно медленно, томительно, и Торстерн начинал опасаться, что у него могут не выдержать нервы.

Его глаза напряженно всматривались в щель, уши пытались уловить хоть какой-нибудь шорох, а в мозгу одновременно проносился вихрь мыслей. Кто там, за дверью? Готовы ли они стрелять сразу? И будут ли? Если он прыгнет к выходу, не попадет ли прямо под залп?

Может быть, среди них есть телепат, который предупредит остальных о намерениях босса, чтобы они его не подстрелили по ошибке? Нет, черт побери, телепат не может их предупредить, потому что он сам все еще колебался и не принимал решение. Телепат умел читать мысли, но был не в состоянии предвидеть то, что произойдет даже через долю секунды. Предсказателей, в точном смысле этого слова, в природе не существовало.

Мгновения, пока Торстерн следил за дверью, показались ему вечностью, но вот наконец она остановилась, образовав широкую, обнадеживающую щель в уличную темень.

Какого черта они медлят? Боятся его подстрелить, если атакуют вслепую? Или у них есть какой-то план, где ему тоже отводится какая-то роль? Силы небесные, чего они ждут?

Еще одна порция тумана вползла в комнату. Впервые заметив это, он был ошеломлен внезапной догадкой — газ! Да, именно так! Подать газ вместе с туманом! Любой, кто знаком с системой защиты Черного Замка и особенно комнатой номер десять, должен до этого додуматься. Значит, они хотят, чтобы он оставался там, где стоит, пока не свалится на пол вместе со своими мучителями. Потом они войдут без всякого риска, приведут его в чувство и отдадут ему на растерзание этих двоих.

А если Рейвен и этот толстый боров знают, что происходит... Эта мысль молнией промелькнула в его моз-

гу, и поэтому они должны были бы заметить ее — если не были слишком заняты, пытаясь прочесть мысли тех, кто находился за дверью. Но может ли телепат одновременно иметь дело с несколькими мозгами? Торстерн не знал. Ну и что! Пусть эти двое узнают, что их сейчас отравят и усыпят газом, пусть! И что они смогут поделать? Да ничего! Даже самый могущественный мутант должен дышать — как самый обыкновенный человек, не говоря уж о животных.

Торстерн внюхивался, пытаясь уловить приближение невидимого оружия, хотя знал, что газ не имеет запаха. Должны быть другие признаки. Замедление пульса. Затрудненное дыхание. Внезапное помрачение сознания. Он жадно вслушивался в себя, ожидая эти симптомы, и ждал каких-то секунд тридцать, которые показались ему тридцатью минутами. Наконец он не выдержал. Это было слишком. Он не мог больше терпеть, не мог, не мог...

— Не стреляйте! Не стреляйте! — С диким воплем бросился он в дверной проем.— Это я! Это Тор...— Голос его замер.

Ошеломленно уставившись в ночную мглу, он некоторое время стоял неподвижно, в то время как мозг лихорадочно транслировал мысли:

— Никого. Ни души. Они меня одурачили. Заставили услышать все это, вообразить все это. Они играли мной словно лабораторной крысой, которую стимулируют, чтобы посмотреть, как она будет бороться за жизнь. Подумать только! Они разблокировали замок и открыли дверь. Гипнотизеры и телекинетики одновременно. Универсалы, что бы там ни говорили эксперты. Чертово отродье! — Его нервная система внезапно словно взорвалась.— Ну, беги же, идиот, беги!

И тут случилось неожиданное, одна из тех неприятностей, которые срывают даже самые лучшие планы и крыс, и людей. Сказалось непомерное психическое напряжение Торстерна.

Держась одной рукой за дверной косяк, видя перед собой лишь густой туман и внутренне подбадривая себя, что вооруженные отряды людей где-то рядом, он поднял ногу для первого быстрого шага. Но так и не сделал его.

Его тело с усилием пыталось сохранить равновесие, пока он стоял не двигаясь, и на лице его отразилось недоумение. Он медленно поставил поднятую было ногу, медленно опустился на колени, как будто поклоняясь невидимому Богу, в мозгу воцарился хаос странных фраз.

— Нет, не надо! Я не могу, говорю вам... оставьте меня в покое... Стин... Это не моя вина... О, дайте мне...

Корчась от боли, Торстерн упал головой вперед. Рейвен склонился над ним с суровым и серьезным выражением, и даже Чарльз, пораженный увиденным, поспешно вскочил из кресла. Из кухни показалась Мейвис, в ее глазах сквозило осуждение, но вслух она не сказала ничего.

Рейвен сжал правую руку упавшего человека, и судороги сразу прекратились. Торстерн открыл рот, глотая воздух как пойманная рыба.

— Нет, нет, уйдите прочь... оставьте меня... я...

Неуклюже шагая с другой стороны, Чарльз помог Рейвену поднять тяжелое тело, пронести его через всю комнату и опустить в кресло. Мейвис закрыла входную дверь, даже не позаботившись ее запереть. Нахмурившись, она вернулась на кухню.

Немного погодя Торстерн открыл глаза и с большим трудом выпрямился в кресле. Его била какая-то странная дрожь, и он чувствовал, что его обычно холодная кровь будто кипит. Руки и ноги стали как ватные, а внутренности, казалось, расплавились. Как ни претило ему признаваться в этом даже самому себе, еще никогда в жизни он не был так потрясен. Его лицо было белее воска. И самое странное, в голове было удивительно пусто, как будто из памяти начисто стерлось все, что случилось совсем недавно.

Сердито уставившись на Рейвена, он дрожащим голосом проговорил:

— Вы устроили мне сердечный приступ.

— Ничего подобного.

— Вы чуть меня не убили.

— Отнюдь.

— Значит, вы.— Торстерн повернул голову к Чарльзу.

— Вовсе нет. Дело в том, что мы вас спасли — если можно так сказать.— Чарльз улыбнулся какой-то сво-

ей мысли.— Если бы не мы, вы сейчас были бы покойником.

— И вы надеетесь, что я вам поверю? Это сделал один из вас.

— Каким образом? — осведомился Рейвен, внимательно наблюдая за ним — снаружи и изнутри.

— Один из вас телекинетик. Не вставая с места, он отпер и приоткрыл дверь. А потом почти остановил мне сердце. Значит, вот так вы убили Грейторикса!

— Телекинетик передвигает предметы, воздействуя на них извне,— возразил Рейвен.— Он не может залезть в человека и притормозить его кровяной насос.

— Но я чуть не умер,— настаивал Торстерн, потрясенный тем, что только что был так близок к смерти.— Я чувствовал, как останавливается мое сердце, как я падаю на пол. Меня словно вытаскивали из моего собственного тела. Кто-то же делал это!

— Не обязательно. Каждый день без посторонней помощи умирает миллион человек.

— Я не могу умереть вот так.— Жалоба прозвучала совсем по-детски.

— Отчего же?

— Мне всего пятьдесят восемь, и у меня железное здоровье.— Торстерн осторожно прислушался к биению сердца.— Все в норме.

— Это вам только кажется,— наставительно сказал Рейвен.

— Но если мне суждено умереть своей смертью, от сердечного приступа, например, то не кажется ли вам странным совпадение, что он случился именно сейчас?

Торстерн подумал, что сделал меткое замечание. Неплохо поддел их. Хотя им, наверное, все равно; он понимал, что старается взвалить вину на них просто потому, что они слишком упорно ее отрицали. Но почему? Вот этого он понять не мог. Зачем им отрицать, что это они уложили его в дверях, если они могли оглушить его с куда большим эффектом?

Но где-то глубоко, задвинутое в самый дальний уголок, в который он упрямо не желал заглядывать, гнездилось ужасное подозрение, что, возможно, они правы. Может быть, судьбой ему отпущено куда меньше, чем

он предполагал. Все смертны. Может быть, ему осталось недолго и...

Вытащив эти мысли на свет и заставив его глянуть правде в глаза, Рейвен сказал:

— Если вам суждено умереть от сердечного приступа, скорее всего, это случится именно в момент сильного нервного напряжения. Где же тут совпадение? Но пока что вы не убежали и не умерли. Вы можете умереть на следующей неделе. Или через день. Или на рассвете. Ни один человек не знает, когда наступит его день и час.— Он показал на хронометр Торстерна.— Между прочим, пять минут превратились в пятнадцать.

— Я сдаюсь.— Вынув из кармана широкий носовой платок, Торстерн вытер мокрый лоб. Дыхание его все еще было неровным, лицо — белее бумаги.— Сдаюсь.

То была правда. Телепатический разум, проникнув в его мозг, увидел ее — истинную, окончательную правду, рожденную из полудюжины обдуманных причин, отчасти противоречивых, но вполне весомых.

— Нельзя всю жизнь карабкаться на вершину. Лучше съехать пониже и жить подольше. Взгляни, что будет, когда не станет тебя самого? Зачем стараться ради неизвестно чьей выгоды? Волленкотт моложе меня на двенадцать лет, наверняка он рассчитывает стать большим боссом, когда я сыграю в ящик. Чего ради я буду вкалывать и потеть ради него? Актеришка. Метаморф, которого я вытащил из грязи и сделал человеком. Всего лишь мутант-приманка. FLOREAT VENUSIA[1] — под вшивым мутантом! Даже Земля поступила умнее. Джилхист уверял меня, что Герати и большинство в Совете — нормальные люди.

Мысленно Рейвен отметил это имя: Джилхист. Член Совета. Предатель. Без сомнения, именно он выдал Рейвена подпольной организации на Земле. Именно это имя Кэйдер и другие не знали потому, что не должны были знать.

— А если не один мутант, так другой,— продолжал передавать мозг Торстерна.— Кто-нибудь из них дож-

[1] Цветущая Венера *(лат.)*.

дется своего часа, подхватит из моих рук мою империю, как подхватывают на кухне молоко, чтобы оно не убежало. Пока все глаза смотрели на Волленкотта, мне ничто не грозило, но сейчас они отодвинули его в сторону и занялись мной. У мутантов сила. В один прекрасный день они объединятся против людей обычных. Не хотел бы я при сем присутствовать!

Он поднял глаза и увидел, что за ним наблюдают.

— Я же сказал — с прошлым покончено. Что вам еще нужно?

— Ничего.— Рейвен кивнул, указывая на телефон: — Хотите, я вызову антиграв, он доставит вас домой?

— Нет, я лучше пройдусь пешком. Вам я не доверяю.

Пошатываясь, Торстерн встал и снова ощутил в груди боль. Он понимал, что мутанты отпускают его только потому, что поверили в его капитуляцию. Но, меряя всех на свой аршин, он был уверен, что где-то его поджидает еще одна, уже роковая, ловушка. Может, они надеются, что на другом конце улицы, подальше от их дома, с ним случится очередной приступ? Или сами прихватят его за сердце, чтобы убить, наконец?

— Мы доверяем вам, потому что ваши мысли подтверждают ваши слова,— сказал Рейвен.— В наши мысли вы не можете заглянуть из-за вашего известного изъяна. Но если бы могли, то, несомненно, увидели бы, что мы играем честно. Мы вас не тронем — если только вы не передумаете.

Торстерн подошел к двери, открыл ее и окинул их последним взглядом. Лицо его сохраняло бледность и казалось чуть постаревшим, но он уже обрел былую твердость.

— Я пообещал положить конец всем враждебным действиям против Земли,— сказал он.— Свое обещание я сдержу буквально — только это и НИЧЕГО более!

Шагнув в темноту, он тщательно прикрыл за собой дверь. Уместнее было бы распахнуть ее настежь или хлопнуть ею так, чтобы содрогнулся весь дом. Но лет пятьдесят назад одна жестокосердая дама больно надрала ему уши за хлопанье дверьми, и, неизвестно почему, уши горели до сих пор.

Торстерн старался идти быстро, хотя это было непросто — видимость не превышала трех ярдов. Периодически он останавливался, вслушивался в туман, затем вновь разочарованно спешил дальше. Должен же, несмотря на столь ранний час, повстречаться хоть один патруль. Но ему пришлось одолеть немалое расстояние, прежде чем уловил слева какие-то звуки.

Сложив ладони рупором, Торстерн окликнул:

— Кто там?

Послышались мерные шаги. Из желтой мглы вынырнул патруль, шесть человек, вооруженных до зубов.

— Ну, в чем дело?

— Я могу сообщить, где найти Дэвида Рейвена!

— Он изо всех сил старался, да так и не вспомнил,—сказал Чарльз, прекращая слушать мозг Торстерна,—зациклился. Не знает, куда их направить. Скоро все бросит и пойдет домой.— Скрестив толстые ноги, он принялся гладить себя по животу.— Когда старик шлепнулся в дверях, я подумал, что это ты его припечатал. Только потом услышал, как ты удивился.

— А я подумал, что это ты...— Рейвен нахмурился.— Я вообще ничего подобного не ждал. Хорошо еще, что я успел к нему, а то имели бы тут хладный труп.

— Да, инфаркт — не сахар.— Лунные глаза Чарльза вспыхнули.— Еще один такой фортель, и мы останемся без информации.

— Важная персона, а вел себя так неосмотрительно,— с серьезным видом заметил Рейвен.— Настолько прямолинейный, что не мог подождать, пока его не образумят. Плохо, очень плохо. Такое не должно повториться!

— Вспомни, как он долго держался. Ему чертовски трудно было решиться отказаться от всего сразу,— напомнил Чарльз с довольным видом.— Нашему несостоявшемуся повелителю Венеры еще повезло. Он твердый орешек, и силы духа у него на двоих. Ничто другое, кроме смертельной угрозы, не могло бы заставить

его переметнуться в лагерь пацифистов. Может, все это к лучшему. Тем более что все самое важное он просто забыл, и это главное.

— Может, ты и прав. Если бы он умер, нам пришлось бы труднее, гораздо труднее. Пришлось бы иметь дело с Волленкоттом и прочими марионетками. Такой человек мог быть посажен на место босса, и он обманул бы всех, кроме телепатов, конечно. Не исключено, где-то есть секретный список очень умных людей, немутантов, которых Торстерн назначил себе в наследники. Один или двое из них могут находиться на Марсе. Так что его капитуляция избавила нас от многих забот. Без нее нам пришлось бы испить всю чашу до дна.

— Он капитулировал с оговорками,— прокомментировал Чарльз.— Он их все твердил, пока брел там, по улице.

— Да, я слышал.

— Это упрямый человек, Дэвид. Во-первых, он не исключает мысли, если в будущем найдет способ надежно защититься от мутантов, отказаться от всех своих обещаний. Шансов на успех — примерно один из миллиона, но он готов уцепиться за этот единственный шанс. Во-вторых, он твердо решил вышвырнуть нас из Системы куда угодно, хоть в другую галактику, но еще не придумал, как это сделать.

— Это не все,— Рейвен согласно кивнул и сказал: — Я считаю, что он войдет в прямой контакт со Всемирным Советом, отдаст Волленкотта и всю подпольную организацию, осудит ее злодеяния, выкажет симпатию Земле и пообещает за соответствующую компенсацию приостановить войну. Он постарается продать Земле свою капитуляцию, и за максимальную цену.

— Это уж точно!

— Ну и пусть. Нас это не касается. Главная цель достигнута, вот что самое важное.— Он немного подумал и продолжил: — Торстерн не хочет и не станет губить свое детище. Собак он отзовет, но свору не разгонит. Лишь одно могло бы облегчить ему душу — более многочисленная и лучшая свора, легальная. Добиться этого можно только одним способом — заручившись одобрением и поддержкой большинства его недавних противников, включая Герати и прочих членов Совета.

— Зачем? Они ничего не знают о денебианах и...

— Я сказал Торстерну, что человечество само выберется из трудностей. Он мог это запомнить. Да, он не подозревает о денебианах, но он может додуматься сам и убедить в этом других, что час уже пробил. Пешки против мутантов! Ведь Торстерн считает, что люди — это только те, кто такие же, как он сам, мутанты же — не люди вовсе.

— Ах! — Чарльз прищурил глаза.— До чего же много вокруг нетерпимости. Это отнюдь не способствует миру в обществе.

Рейвен пожал плечами.

— Кому же знать об этом лучше нас? И тем не менее Торстерн много выиграет, если договорится со своими друзьями на Марсе и на Земле. Предположим, они одновременно устроят мутантам на всех трех планетах Варфоломеевскую ночь. Это вернет Торстерну его личную армию, укомплектованную на сей раз только такими, как он сам, пешками, потешит его самолюбие и утолит его ненависть к мутантам. Это чертовски интересная затея, да к тому же сулящая массу выгод для него лично. Рано или поздно он к ней придет. У него есть ум и отвага, и он слишком упрям.

— Затея-то интересная, только непростая. С одной стороны, мутантов на свете — кот наплакал, с другой — их достаточно много. Истребить их всех трудно.

— И дело не только в количестве,— кивнул Рейвен, опершись о край стола.— Я вижу два серьезных препятствия.

— Какие?

— Во-первых, они могут истребить только тех, про которых известно, что они мутанты. А сколько неизвестных? Сколько не классифицировано и намерено таковыми оставаться?

— Тогда это вообще невозможно. Лучше даже не начинать. Торстерн не дурак, ты сам говорил. Он должен сообразить.

— Хотелось бы верить,— с некоторым сомнением согласился Рейвен.— Препятствие номер два — естественное для трехпланетной цивилизации. Предположим, Торстерн попытается убедить своих организовать одновременные погромы, чтобы избавить человечество от

слишком больших умников. Каждая планета сразу заподозрит неладное. Если она перебьет своих мутантов, а другие — нет...

— Обоюдное недоверие.— Чарльз понимающе подмигнул.— Ни одна планета не пойдет на риск оказаться в безнадежном положении перед остальными.— Он подумал и продолжил: — Очень рискованно. Что, если две планеты перебьют своих талантов, а третья — нет? Да она тут же получит громадное преимущество над ними! Этот мир не преминет им воспользоваться и станет самым настоящим хозяином над двумя другими.

— Именно. Такую перспективу видят все три планеты. Земляне не олухи, марсиане и венериане — тоже. С какой бы стороны Торстерн ни подступился к этому делу, он все равно получит по рукам. Это будет удар. Думаю, мы о нем больше не услышим.

— Надеюсь. Но, Дэвид, его список на уничтожение возглавляем мы, не забудь об этом.— В желудке Чарльза забурчало.— Если он сможет это сделать.

— Я возвращаюсь на Землю. Спасибо за гостеприимство.— Просунув голову в дверь на кухню, Рейвен сказал Мейвис: — До свидания, прелесть!

— Скатертью дорога, зануда! — Она нахмурилась, но это его не обмануло. Весело состроив в ответ зверскую гримасу, он вышел на улицу и беззаботно помахал Чарльзу.

— Приятно было поработать вместе. В морге увидимся.

— Всенепременно,— поддакнул Чарльз, словно предвкушая удовольствие. Он следил, пока Рейвен не скрылся в тумане, затем закрыл дверь и снова устроился в кресле. И почти сразу услышал четкую мысль Мейвис:

— Вы еще об этом пожалеете.

— Знаю, лапочка,— ответил он, тоже мысленно.

Глава пятнадцатая

На бетонном поле космопорта покоились немногочисленные корабли. Антигравы, большие и маленькие вертолеты, несколько древних автожиров — гиросов, принадлежавших небритым золотоискателям, два щеголеватых

катера Всемирного Совета, дирижабль с двигателем, которым пользовалась бригада вирусологов, поцарапанный и помятый марсианский грузовоз, носящий имя «Фодеймос», пара пассажирских кораблей, один из которых ожидал почту, а другой — ремонта, и наконец, ржавая посудина, наполовину гирос, наполовину ракета, брошенная каким-то сумасшедшим изобретателем.

Натриевые лампы роняли холодный жутковатый свет на этот механический зверинец. Вокруг еще висел ночной туман, но он уже стал гораздо прозрачнее, а огромное, невидимое пока солнце готовилось встать над горизонтом. Меньше чем через час туман рассеется совсем и станет светло.

Космопорт усиленно, хотя и неэффективно, охранялся небольшими группами людей, слонявшимися около резервуаров с горючим и ремонтных мастерских. Некоторые бродили в одиночку по самой кромке поля или между молчаливыми кораблями. Никто из них не был мысленно начеку.

Утомленные долгой ночью без происшествий, которая через полчаса сменится днем, они только и думали, как бы поскорее промелькнули эти тридцать минут, после чего можно будет расслабиться, позавтракать и завалиться спать.

Рейвен чувствовал состояние этих людей и собирался на нем сыграть. Выбор времени многое значит в любом начинании, и от положения стрелок часов зависит либо успех, либо полный крах.

Он подошел к границе взлетного поля ярдов на сто и осторожно изучил обстановку. Охранники явно были предупреждены насчет него. Капитуляция Торстерна не могла служить поводом для прощения Рейвена.

Большинство часовых были обычными людьми, политика их не интересовала. Но если среди них были сторонники Волленкотта, то они вполне могли получить дополнительный неофициальный приказ: что делать, если появится Рейвен. Выяснить, кто есть кто, он не мог, поскольку все, как один, мечтали только об окончании смены и хорошем отдыхе после.

Вот у этого парня, который подошел ближе всех, на редкость живое воображение: чудовищных размеров

яичница с беконом... К тому же он еще и левитатор, самая подходящая жертва.

Понаблюдав некоторое время, Рейвен обнаружил, что этот охранник был одним из тех немногих, которые не совершали регулярный обход по периметру, а просто бродили среди застывших кораблей. Время от времени часовой заметно напрягался и плавно взмывал над каким-нибудь кораблем, который ему было лень огибать. Другие, очевидно, прикованные к земле, наблюдали за этими редкими полетами с полным безразличием. Из тех, кто сам обладал каким-нибудь талантом, каждый считал себя выше остальных.

Влекомый тем, что он ощущал как собственное желание, и не имея оснований заподозрить что-либо иное, охранник, позевывая, легкой походкой завернул за угол небольшого ангара, за которым его поджидал Рейвен. Подбородок охранник держал так, словно нарочно открывал шею для удара. Сотрудничество было столь тесным, что Рейвен даже пожалел, что награда оказалась такой жалкой. Он нанес удар в горло, подхватил вмиг обмякшее тело и опустил наземь.

Надев фуражку и фирменный плащ охранника, он вышел из-за здания и зашагал по полю. Его жертва оказалась ниже ростом, и плащ едва прикрывал Рейвену колени, но это не должны заметить, ведь ближайшие охранники находились ярдах в двухстах. Неприятностей, скорее всего, нужно было ждать от телепатов. Стоит одному из них хотя бы слегка коснуться его мозга и обнаружить глухую защиту, как он сразу поймет, что это не просто левитатор. И вся шайка тут же набросится на него!

Согнув руку, чтобы держать оружие точно так же, как злополучный охранник, Рейвен подошел к пассажирскому кораблю. Это был «Звездный Дух» — последняя модель,— полностью заправленный и готовый к старту. На борту никого не было. Он перелетел через корабль и плавно приземлился с другой стороны.

Кораблей было немало, но выбрать транспорт оказалось непросто. Гиросы, вертолеты и антигравы в счет не шли — им не оторваться от планеты. Оставались только «Звездный Дух» и два курьерских катера. Лю-

бой из катеров, если, конечно, он заправлен и снаряжен, вполне устроил бы Рейвена. К счастью, у Венеры нет спутника, это гарантировало от роковой ошибки, потому что катер мог оказаться лунным челноком.

Ближайший катер стоял с полными баками и был готов к вылету, но Рейвен прошел мимо, чтобы посмотреть на его собрата. Тот тоже мог стартовать хоть сейчас, недоставало только пилота. Люки обоих корабликов были раскрыты, и Рейвен предпочел второй — просто потому, что почти четверть мили вокруг его кормы были пустынны. Первый катер стоял так удачно, что при взлете обратил бы в кучу пепла потрепанный автогирос, который для кого-то мог быть дороже родного отца.

В этот момент мозг лежащего за ангаром охранника прервал свой вынужденный отпуск. Позабыв недавние грезы о завтраке, он силился понять, что же произошло. Рейвен к этому был готов. Удар был достаточен для того, чтобы выиграть пару минут, и он рассчитывал, что их ему вполне хватит.

— Во что это я врезался? — бессвязно бормотал охранник. Через несколько секунд: — Кажись, меня нокаутировали! — Чуть более длительная пауза сменилась пронзительным импульсом: — Моя фуражка! Мой пистолет! Какой паршивый гад?..

С демонстративной небрежностью Рейвен поднялся в воздух, словно бы для того, чтобы перелететь через выбранный катер, но вместо этого впорхнул прямо в шлюз, расположенный на двадцатифутовой высоте. Сразу же загерметизировав люк, он прошел к креслу пилота.

— Кто-то мне врезал! — продолжал надрываться охранник.— Эй, вы, ротозеи! Этот тип готов на все! — На миг он умолк, затем с новой силой завопил и мысленно, и вслух: — Берегитесь, вы, сони! Он уже здесь! Он украл мой...

Ему ответил целый хор мысленных голосов, в том числе и тех, кто сейчас не находился в дозоре. Четыре самых сильных телепата тут же начали прощупывать все корабли подряд и наконец добрались до курьерского катера. Наткнувшись на защитное поле, окружавшее

мозг Рейвена, они некоторое время безуспешно пытались его преодолеть, потом натиск вдруг ослаб.

— Кто вы?

Рейвен не отвечал. Форсунки и насосы заработали, и корабль ожил.

— Отвечайте! Кто вы?

Это были противники другого калибра, у них не было ничего общего с бестолковой толпой, суетившейся на поле. Они действовали точно, профессионально, сразу поняв, что столкнулись с разумом, защищенным настоящей броней.

— Телек. Не отвечает. Спрятался в раковину. Он в курьере КМ44. Окружайте его.

— Окружать? Спятил, что ли? А если он полыхнет всеми дюзами? От нас останется кучка золы!

— Вряд ли. Пока туман не поднимется, он стартовать побоится.

— Если там тот самый тип, Рейвен, будет скандал! Нам ведь приказано было...

— Откуда ты знаешь, кто там? А вдруг это какой-нибудь юнец-романтик, который бредит космосом? Пускай свернет себе шею!

— Пари, что это Рейвен.

В корабельной рубке задребезжал зуммер, и тот, кто вызвал всю эту суматоху, включил радио. С башни управления грянул грубый голос:

— Эй, ты, в КМ44! Открой шлюз!

Рейвен не отвечал. Механизмы корабля продолжали свое дело, стрелки приборов дрожали, а красная черточка на шкале цвета слоновой кости ползла к риске с надписью «готовность».

— Ты, в КМ44! Предупреждаю...

Улыбаясь, Рейвен взглянул в экраны наружного обзора и увидел цепочку вооруженных людей в двухстах ярдах от дюз. Указательным пальцем он нажал кнопку и какую-то долю секунды удерживал ее в таком положении. Что-то зашумело, корабль вздрогнул, и облако перегретого пара вылетело из сопел. Солдаты в панике бросились в стороны.

Яростный голос, доносившийся с башни, теперь цитировал длинный перечень наказаний, выхваченных

из правил с первого по двадцатое и параграфов от «А» до «Я», и так увлекся перечислением, что не обращал внимания на то, что творилось снаружи.

Рейвен нажал кнопку еще раз.

Грозная вспышка оранжево-белого пламени ударила из хвостовых дюз. Грохот оглушил всех, кто находился в пределах мили, но внутри корабля слышался только негромкий гул.

Радио продолжало смаковать:

— ...но в случае, когда упомянутое преступление включает захват полицейского или таможенного катера, предусмотрено наказание на срок, вчетверо больший, чем указано в параграфе Д7...

Включив передатчик, Рейвен весело крикнул в микрофон:

— Эй, приятель! Я столько не проживу!

Затем он потянул на себя рычаг и взмыл в небо, отбрасывая столб огня.

Удалившись от планеты примерно на миллион миль, он включил автопилот и посмотрел на экраны — нет ли за ним погони. Никаких следов. Еще не умели строить корабли, способные догнать такой, на котором он сейчас находился.

Совсем уж невероятно, хотя и не исключено, что какому-нибудь регулярному транспорту прикажут его перехватить. Но — пространство между Землей и Венерой отнюдь не нафаршировано кораблями — до этого люди еще не доросли.

И только впереди мерцал слабый инфракрасный источник, слишком, однако, далекий, чтобы его можно было идентифицировать. Может быть, это возвращался домой «Фантом». Как раз сейчас он мог находиться в том секторе.

Предоставив рутинную работу автопилоту, Рейвен некоторое время сидел не шевелясь и смотрел в иллюминаторы. Эту картину он наблюдал уже тысячу раз, и столько же, если не больше, ему предстоит наблюдать ее и впредь. Но он никогда не устанет от потрясающего великолепия космоса.

Потом он отвернулся от звезд, лег на узкую койку и закрыл глаза — но не заснул. Он закрыл глаза, чтобы шире открыть мозг и слушать. Обычно он обходился без этого, вслушиваясь в потайные мысли обычных людей. Его ничуть не отвлекало монотонное мурлыканье корабля, редкие вспышки от ударов космической пыли о корпус. На какое-то время он почти потерял способность восприятия в акустике, взамен обострив чувствительность к телепатическим образам.

Именно сейчас, предельно сконцентрировавшись и отрезав помехи от собственного тела, он мог слышать то, что искал,— эфемерные мысленные голоса, звучащие в безбрежной черноте. Многие из этих образов, пройдя непредставимые расстояния, были почти неразличимы; другие были чуть сильнее, потому что их источники находились ближе. Но и до тех, и до других было очень, очень далеко.

— ...ЧЕРНЫЙ КОРАБЛЬ ИДЕТ КУРСОМ НА ЗАКСИС. НЕ ПРЕПЯТСТВУЕМ.

— ...ОНИ ПОКИДАЮТ БАЛЬДУР-9, КРАСНЫЙ КАРЛИК С ЧЕТЫРЬМЯ СТЕРИЛЬНЫМИ ПЛАНЕТАМИ. СОЧЛИ ЭТУ СИСТЕМУ БЕДНОЙ. ВЕРОЯТНО, НЕ ВЕРНУТСЯ...

— ...ОНИ НЕ ТРОНУЛИ ПЛАНЕТУ, НО ЗАХВАТИЛИ ЕЕ САМЫЙ БОЛЬШОЙ СПУТНИК. НА НЕМ ЦЕЛЫЕ РОССЫПИ ГЕЛИОТРОПНЫХ КРИСТАЛЛОВ.

— ...СОРОК КОРАБЛЕЙ СЕЛИ НА ПЛАНЕТУ. ЭКИПАЖИ ОБШАРИЛИ ЕЕ ОТ ПОЛЮСА ДО ПОЛЮСА. ОЧЕНЬ СПЕШИЛИ.

— ...ПЕРСЕЙ, СЕКТОР ДВЕНАДЦАТЬ, АНДРОМЕДА. СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕРНЫХ КОРАБЛЕЙ СЛЕДУЮТ ТРЕМЯ ЭСКАДРАМИ. СЕРЬЕЗНАЯ ДЕНЕБИАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ!

— ...ДЕНЕБИАНИН СОВЕРШИЛ ВЫНУЖДЕННУЮ ПОСАДКУ НА ДВУХ ДЮЗАХ. РАЗМАХИВАЛ ЩУПАЛЬЦАМИ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА МЫ НЕ ПОНЯЛИ, В ЧЕМ ДЕЛО, И НЕ ПОМОГЛИ ЕМУ С РЕМОНТОМ. ВЕРОЯТНО, СМОРОЗИЛИ ГЛУПОСТЬ. ОН БЫЛ ОЧЕНЬ БЛАГОДАРЕН, РОЗДАЛ ДЕТИШКАМ ПО ЦЕПОЧКЕ РАДУЖНЫХ БУС И ОТБЫЛ, НИЧЕГО НЕ ЗАПОДОЗРИВ.

— ...ЧЕРНЫЙ КРЕЙСЕР ШЕЛ ПРЯМО НА ТАРРУ, НО МЫ ВОЗДЕЙСТВОВАЛИ ПИЛОТАМ НА МОЗГИ И ЗАВЕРНУЛИ КРЕЙСЕР ОБРАТНО.

— ...КАЖЕТСЯ, ОН О ЧЕМ-ТО ДОГАДЫВАЛСЯ, ХОТЯ ЭТО МЫ ДОКАЗАТЬ НЕ МОЖЕМ. ОН ПОЧТИ ДОБРАЛСЯ ДО ИСТИНЫ И В КОНЦЕ КОНЦОВ РЕШИЛ ПОЛОЖИТЬ СВОЮ ИДЕЮ В ОСНОВУ НОВОЙ РЕЛИГИИ. ЕСЛИ ДЕНЕБИАНЕ РАЗНЮХАЮТ ОБ ЭТОМ, ВОЗНИКНЕТ ВЗРЫВООПАСНАЯ СИТУАЦИЯ. ПОЭТОМУ МЫ СРАЗУ РАЗРЯДИЛИ ОБСТАНОВКУ, ТРАНСЛИРОВАВ ЕГО В СЛЕДУЮЩУЮ СТАДИЮ, И ТЕПЕРЬ ОПЛАКИВАЕМ ЕГО ТАК, КАК ОН УЧИЛ.

— ...ГИГАНТСКИЙ ЧЕРНЫЙ ЛИНКОР С ВОСЕМЬЮ ТЫСЯЧАМИ ДЕНЕБИАН НА БОРТУ ОККУПИРОВАЛ МЕНЬШУЮ ЛУНУ. ОБЕЩАЛИ ИНОГДА ПРИСЫЛАТЬ БОТ ДЛЯ ОБМЕНА ТОВАРАМИ, НО ДАЛЬШЕ СЛОВ ДЕЛО НЕ ПОШЛО. МЫ ПОКАЗАЛИСЬ ИМ ОТСТАЛЫМИ ДИКАРЯМИ.

—...ЦЕЛАЯ ДЮЖИНА НА ХВОСТЕ... КАК СТРАННО! ОНИ НИКОГДА НЕ МОГУТ УДЕРЖАТЬСЯ ОТ ПОПЫТКИ ПОЙМАТЬ ТО, ЧТО ПОЙМАТЬ НЕВОЗМОЖНО...

— ...СО МНОЙ-ТО ВСЕ В ПОРЯДКЕ, ВОТ ТОЛЬКО НАПАРНИЦА ПОСТАРЕЛА И ПОСЕДЕЛА И ХОЧЕТ ДОМОЙ. ДЛЯ НАС ЭТИ ГОДЫ ТЯНУТСЯ ТАК ЖЕ, КАК ДЛЯ ТЕХ, ЗА КЕМ МЫ НАБЛЮДАЕМ. ПОЭТОМУ ВЫСЫЛАЙТЕ ЗАМЕНУ...

— ...ПРЯМО ОБЛЕПИЛИ АСТЕРОИД. ПРЕЗАБАВНОЕ ЗРЕЛИЩЕ! А ДЕНЕБИАНЕ, КАК ОБЫЧНО, УЧУЯЛИ, НАГРЯНУЛИ, ОТКУДА НИ ВОЗЬМИСЬ, ОБРАТИЛИ ЭТОТ БУЛЫЖНИК В ПЫЛЬ И УДАЛИЛИСЬ, ВЕСЬМА ДОВОЛЬНЫЕ СОБОЙ. АСТЕРОИД НАС НИКОГДА НЕ ПРИВЛЕКАЛ, У НЕГО ОЧЕНЬ СТРАННАЯ...

— ...ЭСКАДРА ПРОМЧАЛАСЬ К ТУМАННОСТИ «КОНСКАЯ ГОЛОВА», СЕКТОР СЕМЬ. ПО ДОРОГЕ ОНИ БРОСИЛИ ПОВРЕЖДЕННЫЙ ПАССАЖИРСКИЙ БОТ, В КОТОРОМ ОКАЗАЛСЯ СТАРЫЙ, ВЫЖИВШИЙ ИЗ УМА ДЕНЕБИАНИН. ОН ЗАЯВИЛ, ЧТО ОБШАРИТ ВСЕ ВОКРУГ, НО КРИСТАЛЛЫ НАЙДЕТ. ПУСТЬ ОСТАЛЬНЫЕ ЛЕТЯТ ЗА НИМИ ХОТЬ В ДРУГУЮ ГА-

ЛАКТИКУ, ОН-ТО ЗНАЕТ, ЧТО КРИСТАЛЛЫ ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ, ПОД НОСОМ!..

— ...АРМАДА В ВОСЕМЬСОТ КОРАБЛЕЙ СТАРТОВАЛА ОТ СКОРИИ. ЦЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ — КАРАТЕЛЬНАЯ. ПИЛОТЫ ЭКРАНИРУЮТ МОЗГИ ПЛАТИНОВЫМИ ШЛЕМАМИ. НА ВСЕХ КОРАБЛЯХ УСТАНОВЛЕНЫ ДВИГАТЕЛИ НОВОГО ТИПА.

— ...ИГРАЮТ НАВЕРНЯКА И ВСЕ ВОКРУГ ОБРАТИЛИ В ПЕПЕЛ ПОТОМУ ЛИШЬ, ЧТО ПОЛУПРОЗРАЧНЫЕ АБОРИГЕНЫ ПЛАНЕТЫ НЕ ПОХОЖИ НА ДЕНЕБИАН. А ЭТО САМО ПО СЕБЕ ПОДОЗРИТЕЛЬНО. МЫ НЕ МОЖЕМ ДОПУСТИТЬ ГЕНОЦИД! ПОДБРОСИЛИ ДЕНЕБИАНАМ ОДНУ ИГРУШКУ. КАКАЯ БЫЛА ПАНИКА!

Все эти сообщения не имели ничего общего с радио, не были они и любительством; это была профессиональная дальняя телепатия.

Голоса, не смолкая, звучали в течение всего путешествия. Один черный корабль тут, другой там, сотня где-то еще... денебиане тут, денебиане там... Они высаживаются на одни планеты, улетают с других, пролетают мимо третьих — и все время им помогает или мешает целый сонм неких вездесущих созданий, играющих в какую-то непонятную игру по им одним ведомым правилам.

Казалось, денебиане отвергали большинство миров — либо с первого взгляда, либо после краткого исследования — и упорно продолжали что-то искать, то методически, то просто наудачу прочесывая космос. Если что-то и можно было сказать о них с определенностью, так это лишь то, что они были безнадежно чем-то одержимы.

Слушая голоса из глубин Вселенной, глядя через иллюминаторы на бесконечные россыпи звезд, Рейвен провел много часов. Когда он выходил на связь, взгляд его становился отрешенным, но на лице появлялось выражение живейшего интереса. Всякие мысли о Торстерне, Волленкотте, Джеферсоне, Герати и остальных отодвигались на задний план; их амбиции и соперничество этих людей казались микроскопическими по сравнению с событиями в других мирах.

— ...ДЕНЕБИАНЕ ПРОЗОНДИРОВАЛИ СТО ТЫСЯЧ МОЗГОВ, НО ПОТОМ РЕШИЛИ, ЧТО ВРЕМЯ ДОРОЖЕ И НА ОСТАВШИЕСЯ ПОЛМИЛЛИАРДА ТРАТИТЬ ЕГО СМЫСЛА НЕТ. ПОЭТОМУ ОНИ УШЛИ — В ТОМ ЖЕ НЕВЕДЕНИИ, В КАКОМ ПРИШЛИ...

— ...СИДЕЛИ КРУЖКОМ ПОЧТИ ТРИ ОБОРОТА СОЛНЦА И СО СНИСХОДИТЕЛЬНЫМ ИЗУМЛЕНИЕМ КУДАХТАЛИ НАД НАШИМИ КОРАБЛЯМИ. ПОТОМ ПОПРОСИЛИ ПАРОЧКУ НЕНАДОЛГО ВЗАЙМЫ И, ПОБЛАГОДАРИВ, ВЕРНУЛИ. НО СТОИТ ХОТЯ БЫ ЧУТЬ ПОВРЕДИТЬ ИХ КРЕЙСЕР, КАК ОНИ ПУСКАЮТСЯ В ПОГОНЮ И ПРОЯВЛЯЮТ НЕВЕРОЯТНОЕ УПОРСТВО...

— ...ЯВНЫЙ СНОС К ВОЛОПАСУ. ПРИЧИНЫ ИЗВЕСТНЫ ТОЛЬКО ИМ САМИМ. ГОТОВЬТЕСЬ К ВСТРЕЧЕ!

—...ЛЕЙФ, МОРКИН, ЭЛЬСТАР, ГНОСТ, ВЕЛЬТЕНСТАЙЛ, ВЕ, ПЕРИ и КЛЕЙН. ОТ ДВУХ ДО ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ДЕНЕБИАН НА КАЖДОМ. ИЩУТ РЕДКИЕ МИНЕРАЛЫ. К МЕСТНЫМ ФОРМАМ ЖИЗНИ ОТНОСЯТСЯ КАК К РУЧНЫМ, НО БЕСПОЛЕЗНЫМ ЖИВОТНЫМ. БРОСАЮТ ИМ НЕСЪЕДОБНЫЕ, ХОТЯ С ВИДУ ЛАКОМЫЕ КУСОЧКИ. КАК ВСЕГДА, ОЧЕНЬ РАЗДРАЖИТЕЛЬНЫ...

— ...ПРИЗЕМЛИЛИСЬ ДЕВЯТЬ КОРАБЛЕЙ, ВЕДУТ СЕБЯ, КАК ОБЫЧНО, ТО ЕСТЬ КО ВСЕМУ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫ...

Это продолжалось без конца, неслышимое никем, кроме тех, кому предназначалось. Мозг пешки не мог услышать эти голоса. Мозг денебианина — тоже. Атмосфера телепатическое излучение глушит, солнечные протуберанцы его отклоняют — все это приходилось брать в расчет. Но в свободном пространстве почти все сообщения попадали адресатам.

Они сообщали об одиноких солнцах и о солнцах с целыми россыпями планет, о гипсовых астероидах — и все это с такими подробностями, с какими старожилы рассказывают о достопримечательностях своего родного города. В передачах мелькали тысячи названий, координаты секторов и звездных скоплений — но ни разу никто не упомянул Землю, Венеру, Марс или Солнечную систему вообще.

Ссылаться на эти миры было незачем, потому что их время еще не пришло.

Пара шестиместных полицейских катеров взмыла с Луны и попыталась преследовать угнанный курьер. Им не повезло. Он нырнул к Земле с такой скоростью, словно за спиной у него было с полсотни световых лет, вильнул в сторону, далеко опередив преследователей, и исчез за восточным краем диска планеты. К тому времени, когда преследователи приблизились к этой точке, Рейвен уже успел приземлиться и стал недосягаем для двенадцати пар зорких глаз.

Он выбрал плато, поросшее вереском,— место, вряд ли бывшее чей-то собственностью. Некоторое время Рейвен стоял у остывающих дюз и осматривал небо, но полицейские катера так и не появились. Наверное, рыщут где-нибудь милях в трехстах к востоку или западу.

Пройдя по вересковому полю, он добрался до разбитой грунтовой дороги и по ней вышел к ферме, которую приметил, когда заходил на посадку. Он воспользовался тамошним телефоном и вызвал антиграв из ближайшего поселка. Через час он был в штаб-квартире Земной разведки.

Длиннолицый и, как всегда, печальный, Джефферсон указал на кресло, сцепил руки, словно собирался молиться, и заговорил мысленно:

— Вы — главная моя головная боль. Вы за неделю задали мне работы больше, чем обычно я имею за месяц.

— Как насчет той работы, которую дали мне вы?

— По-моему, вы не особенно перетрудились. Во всяком случае, вы вернулись таким же аккуратным и чистеньким, каким не так давно вышли отсюда. За это время вы потревожили несколько важных персон и перепугали многих других. Вы наследили везде, где могли, и сейчас я должен покрывать ваши промахи — и только силы небесные знают, как мне это удастся.

— Я не нарушал все законы,— возразил Рейвен.— Некоторые я вообще не затронул. Например, не зани-

мался перегонкой тамбары. А если серьезно, я в самом деле нуждаюсь в прикрытии. За мной гнались лунные патрули, хотя у меня был курьерский катер.

— Краденый.— Джеферсон грустно кивнул на толстую кипу бумаг на столе.— Вы совершаете преступления быстрее, чем я успеваю их покрывать. Как раз сейчас я занимаюсь этим катером. Но не беспокойтесь. Это моя забота. Кажется, некоторые считают, что именно за такую работу мне и платят. Я постараюсь представить эту явную кражу официально разрешенным прокатом.— Он уныло почесал подбородок.— Почему вы не решаетесь сообщить мне, в каком месте вы разнесли его на части при приземлении? Где они валяются?

— Если бы не фараоны на хвосте, я доставил бы его прямо в космопорт. Из-за них мне пришлось сесть в первом попавшемся месте. Что ж, к этому я уже успел привыкнуть.

— Наш пилот перегонит катер на место.— Джеферсон оттолкнул от себя бумаги.— Враги, враги — вот все, что у меня есть.

— Полет на этом катере от Венеры потребовал времени,— подчеркнул Рейвен.— Естественно, контакт с местными властями я потерял. Что же случилось, откуда взялись враги?

Джеферсон ответил:

— На прошлой неделе мы прикончили двух типов. Их поймали, когда они пытались взорвать мост, имеющий стратегическое значение. Как выяснилось, оба по рождению марсиане. На следующий день взлетела на воздух энергостанция, погрузив во мрак десяток городов и остановив заводы на сотне квадратных миль. В субботу мы обнаружили нехитрую игрушку, прикрепленную к основанию дамбы, и обезвредили ее как раз вовремя. Если бы мы опоздали, это была бы катастрофа года.

— Так не пора ли...

— С другой стороны,— продолжал Джеферсон, игнорируя замечание,— эксперты доложили, что взрыв у Бакстера скорее всего был несчастным случаем. Они выяснили, что при некоторых исключительных усло-

виях, предвидеть которые было почти невозможно, горючее становится нестабильным. Еще они сообщили, что противоядие уже найдено.

— Любопытно узнать какое.

Джеферсон сделал нетерпеливое движение.

— На мой стол очень редко ложатся серьезные, аргументированные доклады, и по делу Бакстера мне пока такого не прислали. Поэтому я вынужден считать этот инцидент диверсией. Мы слишком часто оказываемся в незавидном положении только потому, что не умеем отличить человеческие ошибки от саботажа. Что там говорить, мы даже не можем разобраться с подозреваемыми. Мы все еще держим восьмерых, взятых на той подземной барахолке. Все они, кстати, марсиане или венериане. Будь моя воля, я бы депортировал их и запретил им повторный въезд, но сделать это нельзя. С точки зрения закона они — земляне, черт их возьми!

— Да, это помеха.— Рейвен наклонился к столу.— Вы хотите сказать, что эта война все еще продолжается?

— Нет. Такого я не говорил. На прошлой неделе она определенно шла на убыль, а сейчас, может, и закончилась.— Джеферсон задумчиво посмотрел на собеседника.— Позавчера Герати изволил сообщить мне, что наши невзгоды закончились. С тех пор докладов о новых инцидентах не поступало. Я не вполне представляю, что и как вы сделали, но результат налицо, раз сам Герати говорит так.

— Вы слышали что-нибудь о человеке по имени Торстерн?

— Да.— Джеферсон тяжело завозился в кресле.— Наши детективы давно следили за Волленкоттом, которого считали вождем венерианских сепаратистов. В конце концов, два агента прислали рапорты о том, что подлинным мотором организации является этот самый Торстерн, хотя собрать убедительные доказательства они не смогли. Ему, кажется, все сходит с рук — недаром его окружает целая армия юристов.

— Это все?

— Нет,— нехотя продолжил Джеферсон.— Герати сообщил, что Торстерн пытался с ним торговаться.

— Вот как? Есть какие-нибудь подробности?

— Герати заявил Торстерну, что сомневается в его добрых намерениях, а также в том, что Торстерн действительно тот, за кого себя выдает. То есть, что он именно тот человек, который смог бы укротить венерианских экстремистов. Торстерн обещал ему это доказать.

— Как?

— Убрав Волленкотта — ни больше ни меньше! — Джеферсон щелкнул пальцами. Помолчав, он вздохнул и продолжил: — Это было позавчера. Сегодня утром с Венеры пришло сообщение о том, что Волленкотт выпал из антиграва, и это падение сильно подорвало его здоровье.

— Уф! — Рейвен живо представил себе — глухой удар и переломанные кости.— Недурной способ уволить верного слугу, не правда ли?

— Лучше не говорить такое публично, скажут — клевета.

— Могу поклеветать еще. Член Мирового Совета Джилхист, например. Его можно с чистой совестью назвать предателем.

— С чего вы это взяли? — Выражение лица Джеферсона стало настороженным.

— Он — та самая ложка дегтя в бочке меда. Имя сообщил мне сам Торстерн, не ведая, что выдает предателя.— Рейвен на миг задумался и добавил: — Не знаю, как этот Джилхист выглядит, но на той достопамятной встрече я разве что не обнюхал мозги Членов Совета и крысиного запаха не учуял.

— Джилхиста там не было.— Джеферсон сделал пометку на бланке.— По болезни или срочным делам отсутствовали четверо Советников. В том числе Джилхист. Он вернулся через несколько минут после вашего ухода.

— Его срочное дело заключалось в том, чтобы наставить на меня указующий перст,— заметил Рейвен.— Что вы сделаете с ним теперь?

— Ничего. Я ничего не могу сделать на основании ваших слов. Разве что — передать эту информацию Герати, и отныне ему и Всемирному Совету покой будет

только сниться. Одно дело сообщить факт, другое — доказать его.

— Пожалуй, вы правы. Между прочим, не так уж важно, что они с ним сделают. Пусть хоть награждают орденом за предательство. Это все мелочи, пыль. Реальную ценность в этом мире имеют совсем мало вещей.— Рейвен встал и направился к двери, но задержался у нее, положив руку на дверную панель.— Вот еще что... Сейчас это не имеет особого значения, но скоро впрямую коснется нас обоих. Я хочу сказать, что Торстерн — нормальный человек, Герати — тоже. Мы с вами — нет.

— И что из этого? — с трудом выговорил Джефферсон.

— Есть люди, чья натура не выносит, чтобы поражение осталось не отомщенным. Люди без сердца, которые сидят в антиграве и смотрят, как летит вниз верный соратник. А есть люди, которые здорово испугаются, если их как следует накачать. Вот бич этого мира — страх! — Он твердым взглядом посмотрел на Джефферсона, зрачки его расширились, радужная оболочка засветилась.— Знаете, что заставляет людей так бояться?

— Смерть? — замогильным тоном предположил Джефферсон.

— Нет, другие люди,— возразил Рейвен.— Запомните это. Потому что Герати сообщает вам только малую толику и тщательно скрывает остальное!

Что именно Рейвен имел в виду, Джефферсона не интересовало. Он понял, ибо давно привык к недомолвкам и прочим ухищрениям обычных людей. Когда им нечего было скрывать, они приходили говорить с ним с глазу на глаз, когда скрывать было что, писали или звонили. Чаще случалось второе.

Когда Рейвен вышел, Джефферсон вспомнил, что Герати всегда предпочитал общаться по телефону.

Обшарпанная маленькая контора, расположенная на четыре марша вверх по грязной и стертой лестнице, служила обиталищем Самуила Глаустрауба, рудимен-

тарного гипнотизера, едва ли способного загипнотизировать даже воробья. Кто-то из его предков был мутантом, чей талант, сильно ослабленный, проявился через несколько поколений. От других предков он унаследовал ум юриста и хорошо подвешенный язык и эти качества ценил гораздо выше трюков любого «дефективного».

Войдя в контору, Рейвен облокотился о запачканную чернилами стойку.

— Привет, Сэм,— поздоровался он.

Глаустрауб взглянул на него темными глазами, раздраженно блеснувшими из-под очков в роговой оправе.

— Я знаю вас?

— Вряд ли.

— О, а мне показалось...— Отодвинув в сторону какие-то документы, Глаустрауб встал из-за стола и оценивающе оглядел гостя. Где-то глубоко внутри пульсировала мысль: «Тогда почему он назвал меня Сэмом? Что за фамильярность!»

— Простите,— сказал Рейвен.— Я не хотел вас обидеть.

— А, телепат? — произнес мистер Глаустрауб, обнажив крупные желтые зубы. Он смущенно разгладил мешковатые брюки.— Ну мне-то беспокоиться не о чем. К счастью, совесть моя чиста.

— Завидую вам. Немногие люди могут так ответить.

В ответ на этот намек адвокат нахмурился и произнес:

— Чем могу быть полезен?

— У вас есть клиент по имени Артур Кэйдер?

— Да, его дело слушается завтра.— Он сокрушенно покачал головой.— Я буду защищать его по мере своих сил, но боюсь, ничего не выйдет.

— Почему?

— Он обвиняется в том, что публично угрожал одному человеку смертью. Истец не подал ходатайства, поскольку отсутствовал, и обвинение было предъявлено общественным обвинителем. Это приводит к серьезным затруднениям. Свидетельство против моего подзащитного записано на видео, оно будет предъявлено в суде, и отрицать его невозможно.— Он виновато посмотрел на Рейвена.— Полагаю, вы его друг?

— Отнюдь. Я — его злейший враг.

— Ха-ха! — Глаустрауб принужденно рассмеялся, живот его заколыхался.— Вы, конечно, шутите?

— Нисколько. Я — тот парень, чьей крови он жаждет.

— Да? — Челюсть адвоката отвисла, он поспешил к столу, нервно порылся в бумагах и затем спросил: — Вас зовут Дэвид Рейвен?

— Именно.

Глаустрауб огорчился. Он снял очки, нервно побарабанил по стеклам, потом снова надел их и, потеряв очки из виду, оглянулся по сторонам.

— Они у вас на носу,— сообщил Рейвен.

— Да? — Адвокат украдкой скосил яростный взгляд, словно заметил что-то мерзкое.— Действительно. Как глупо с моей стороны.— Он сел, вскочил, снова сел.— Ну, ну, мистер Рейвен! Мы с вами по разные стороны баррикады!

— Кто говорит, что я собираюсь участвовать в процессе?

— Ну, мне так показалось... Вы вернулись как раз вовремя, чтобы успеть выступить со стороны обвинения.

— Предположим, я не появлюсь в суде — что тогда будет делать обвинение?

— Да то же самое. Задокументированное свидетельство будет признано достаточным, чтобы гарантировать обвинительный приговор.

— Так. А теперь скажите, что, если я заявлю, будто знал, что Кэйдер всего лишь шутит?

— Мистер Рейвен?..— Руки Глаустрауба нервно затрепетали.— Вы действительно думаете так?

— Конечно, черт возьми! Каждое его слово было шуткой! Ничто не доставляет Кэйдеру большего удовольствия, чем, развалясь на диване и потягивая тамбару, представлять, как на меня наваливается подряд тысяча смертей!

— Тогда почему... почему? — Адвокат смущенно озирался по сторонам.

— Потому что, по-моему, гуманнее убить человека сразу, чем заставлять его убивать время в кутузке.

И уж кто-кто, а Кэйдер не должен столько сидеть лишь потому, что так глупо попался.— Перегнувшись через деревянный барьер, Рейвен коснулся Глаустрауба, который моментально вскочил на ноги.— Вы согласны?

— Кто, я? Конечно! Решительно и бесповоротно! — С надеждой он спросил: — Вы желаете выступить как свидетель защиты?

— Нет, если есть более легкий способ.

— Вы могли бы дать показания под присягой,— предложил адвокат, которого переполняла забавная смесь сомнения, недоверия и триумфа.

— Годится. Где я могу это сделать?

Глаустрауб схватил шляпу, хлопнул по ней сзади и спереди, пошарил по столу в поисках очков, нашел их на собственном носу, галопом скатился с гостем вниз на два лестничных марша и буквально втолкнул его в другую контору, где сидели четыре упитанных клерка. С их помощью он тут же состряпал бумагу, которую Рейвен внимательно прочитал, подписал и отдал адвокату.

— Вот и все, старина.

— Очень великодушно с вашей стороны, мистер Рейвен.— Глаза адвоката сияли, руки любовно обнимали нежданный подарок, он уже воочию представлял, как нанесет свой мастерский удар, предвкушал тот момент, когда он, Глаустрауб, встанет и в полной тишине холодным, уверенным, хорошо поставленным голосом начнет разбивать в пух и прах прокурорские байки. Это была редкая возможность, и поэтому Глаустрауб был счастлив безмерно.— Чрезвычайно щедро, если можно так выразиться. Мой подзащитный это оценит.

— Вы меня надоумили,— загадочным тоном произнес Рейвен.

— Уверен, вы можете рассчитывать...— голос адвоката пресекся. Его вдруг поразила неприятная мысль, что цена за грядущий успех может оказаться слишком высокой.— Простите?

— Я хочу,— пояснил Рейвен,— чтобы ваш подзащитный оценил мой подарок. Я хочу, чтобы он вспоминал обо мне, как о Санта-Клаусе, вы понимаете? —

Он вытянул указательный палец, и адвокат даже подпрыгнул.— Банда негодяев жаждала моего скальпа, а я плачу их главарю за зло добром.

— В самом деле? — И у Глаустрауба возникло чувство, что сегодня утром что-то очень важное прошло мимо его ушей. Он ощупал уши в поисках очков.

— На сей раз они у вас в кармане,— сказал Рейвен и вышел.

Глава шестнадцатая

Дом выглядел маняще тихим и мирным. Лина ждала его; Рейвен сразу узнал это. И она сразу узнала, что он вернулся. «Ваша женщина»,— как выразился Торстерн, и в его устах эти слова прозвучали с оттенком осуждения. В отношениях Лины и Дэвида не было одного — ханжества. Впрочем, в разных местах у разных людей свои стандарты благопристойности.

Задержавшись у калитки, Рейвен взглянул на свежий след в поле. Вмятина была достаточно велика, чтобы вместить антиграв. Если не считать этой странной ямы, и дом, и все вокруг выглядело по-прежнему. Посмотрев на небо, Рейвен заметил далекий инверсионный след марсианского грузовоза. Корабль шел к звездам, которых так много там, в вышине.

Подойдя к входной двери, он открыл замок телекинезом. Лина ждала в шезлонге, положив большие руки на полные колени, ее глаза излучали радость.

— Я немного запоздал.

Он не подумал сказать что-либо более теплое. А также не подумал ее поцеловать. Взаимную теплоту ощущали оба, и им не требовалось выражать ее физически. Он никогда не целовал ее, никогда ее не желал, и она никогда не желала его.

— Нужно было слегка пощекотать Кэйдера. Сейчас уже незачем держать его взаперти. Обстоятельства изменились.

— Они никогда не меняются,— заметила она.

— Здешние мелочи могут. Я не говорю о серьезных.

— Серьезные важнее всего.

— Ты, наверное, права, о проницательная, но я не согласен с тобой — нельзя пренебрегать мелочами.— Под ее невозмутимым взглядом он счел необходимым оправдаться.— Мы не хотим, чтобы они столкнулись с денебианами — но также не хотим, чтобы они себя уничтожили.

— Последнее было бы меньшим из зол — прискорбно, но не смертельно. Денебиане ничего бы не узнали.

— Земляне никогда не станут умнее, чем они есть.

— Может быть,— признала она.— Но ты посеял несколько запретных зерен познания. Рано или поздно тебя заставят вырвать посевы с корнем.

— Женская интуиция? — Он по-мальчишески усмехнулся.— Мейвис рассуждает точно так же.

— И она права.

— В свое время эти семена можно будет по-тихому уничтожить. Поодиночке. Ты знаешь об этом.

— Конечно. Когда ты будешь готов, буду готова и я. Куда ты, туда и я.— Ее сверкающие глаза не мигали, страха в них не было.— И все-таки я думаю, что ты вмешивался зря. Риск был слишком велик.

— Иногда рисковать необходимо. А теперь — война закончена, теоретически человечество может бросить все силы на дальнейший прогресс...

— Почему ты сказал «теоретически»?

Он посерьезнел.

— Может случиться, что они втянутся в другой конфликт, совсем иного рода.

— Понятно.— Подойдя к окну и встав к Рейвену спиной, Лина рассматривала пейзаж.— И ты вмешаешься снова?

— Нет, ясное дело. Та война будет вестись против нас и тех, кого обвинят в принадлежности к нашей расе. Вот почему у меня не будет шанса вмешаться. Меня попросту прихлопнут без предупреждения.— Он подошел к ней и дружески обнял за талию.— Они могут взяться и за тебя. Ты не против?

— Ничуть, если это пойдет на пользу нашему делу.

— Впрочем, этого может и не случиться.— Его взгляд уперся во что-то за окном.— Ты решила что-то посадить? — резко переменил он тему.

— Посадить?

Рейвен показал на воронку.

— Разве эта яма не для посадок? — И, не дожидаясь ответа, спросил: — Что случилось?

— Это было в пятницу днем. Я вернулась из города, уже достала из сумочки ключ, но почувствовала, что внутри замка что-то есть.

— Что именно?

— Крошечный шарик, голубая бусинка с белым пятнышком. Я разглядела телепатически. Она была расположена так, что ключ надавил бы на это белое пятнышко. Я телепортировала эту бусинку наружу, положила вон там и один камешек бросила прямо на пятнышко. Тряхнуло весь дом.

— Какой-то микроинженер здорово рисковал,— спокойно заметил он.— Я уж не говорю о том телекинетике, который засунул эту штуку в замок.— С равнодушием, которое постороннему показалось бы циничным, он добавил: — Пожалуй, если б трюк удался, никто о тебе не пожалел бы, верно?

— Разве что один тип,— поправила она.— Ты!

Ночь была на редкость ясная, звезды сверкали и манили. Даже невооруженным глазом ясно и четко можно было разглядеть кратеры на Луне. От горизонта до горизонта небосвод походил на гигантский занавес из черного бархата, щедро усыпанный блестками всех цветов — белого, голубого, бледно-желтого, розового, нежно-зеленого — одни горели спокойно, другие мерцали.

Лежа в откидном кресле под стеклянной куполообразной крышей, Рейвен некоторое время созерцал эту великолепную панораму, потом закрыл глаза и прислушался, но через несколько секунд открыл их снова. Рядом с ним, чуть позади, сидя в таком же кресле, то же проделала Лина. То была их интимная ночь, одна из многих, которые они проводили в креслах под куполом, наблюдая и слушая. В этом доме отсутствовали альковы и будуары. В них не нуждались. Только кресла и купол.

Они наблюдали и днем, но урывками, потому что мир требовал свою львиную долю внимания. Они наблюдали и слушали вместе, вдвоем, днем и ночью — многие годы. И это было бы невыносимо однообразно и скучно, не будь их двое, ибо каждый своим присутствием нарушал одиночество другого. И то, что им доводилось «видеть» и «слышать», не могло оставить ни одного из них равнодушным.

На Земле и далеко вне ее события происходили постоянно. И ничто и никогда не повторялось дважды. Неусыпное наблюдение — работа ответственная; наблюдатель — словно ночной часовой, который охраняет спящий город, зорко вглядываясь с высоты городских стен в чернеющий таинственный лес. Этой работой занимались многие, всегда готовые, если возникнет опасность, поднять тревогу — Чарльз и Мейвис на Венере, Хорст и Карен на Марсе, тысячи, десятки тысяч других — и все парами.

Рейвен скосил глаза к висящей низко над горизонтом розовой звездочке, позвал мысленно:

— ХОРСТ! ХОРСТ!

Ответ пришел почти сразу, слегка приглушенный одеялом земной атмосферы:

— ДА, ДЭВИД?

— КАК ТАМ ВАШИ СЕПАРАТИСТЫ?

— ГРЫЗУТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ. РАЗБИЛИСЬ НА ГРУППИРОВКИ. ОДНИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЖАЖДУТ ВОЕВАТЬ С ЗЕМЛЕЙ. ДРУГИЕ ВОЗМУЩЕНЫ ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ ВЕНЕРИАН И ХОТЯТ УДАРИТЬ ПО НИМ. ЕЩЕ ЕСТЬ АНТИМУТАНТЫ — САМАЯ МНОГОЧИСЛЕННАЯ ГРУППА. ЭТИ НЕДОВОЛЬНЫ ВСЕМ ПОДРЯД И ВОТ-ВОТ РАЗВАЛЯТСЯ...

— ТО ЕСТЬ СИТУАЦИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ?

— ВРОДЕ ТОГО.

— СПАСИБО, ХОРСТ. ПРИВЕТ КАРЕН.

Он переключился на Венеру:

— ЧАРЛЬЗ! ЧАРЛЬЗ!

На этот раз ответ пришел быстрее и был слышен лучше.

— ДЭВИД?

— ЕСТЬ НОВОСТИ?

— ТОРСТЕРН ВЧЕРА ОТБЫЛ НА ЗЕМЛЮ.

— ЗАЧЕМ?

— НЕ ЗНАЮ, НО ДОГАДЫВАЮСЬ, ЧТО НЕСПРОСТА. БЕЗ ВЫГОДЫ ОН НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕТ.

— НУ ЭТО САМО СОБОЙ. Я ПОСЛЕЖУ ЗА НИМ. КОГДА ЧТО-НИБУДЬ УЗНАЮ, СООБЩУ.

— СДЕЛАЙ МИЛОСТЬ. СЛЫШАЛ ПРО ВОЛЛЕНКОТТА?

— ДА. ГРЯЗНАЯ РАБОТА.

— ГРУБАЯ,— поправил Чарльз,— ЕГО СБРОСИЛИ НА МЯГКИЙ ГРУНТ, И ОН ОСТАЛСЯ ЖИВ. НО ОН ВСЕ РАВНО УМРЕТ, ТОЛЬКО МЕДЛЕННО И МУЧИТЕЛЬНО. ПОЖАЛУЙ, ЭТО СУДЬБА.— Мысль Чарльза на миг сбилась, затем возникла снова: — ЗДЕШНЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СО СКРИПОМ, НО РАЗВАЛИВАЕТСЯ. ВПРОЧЕМ, ПОТЕНЦИАЛ ЕЕ СОХРАНЯЕТСЯ, ТАК ЧТО В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ЕЕ МОЖНО ВОЗРОДИТЬ. МЕНЯ ЭТО НЕ УДИВИТ...

— И Я ЗНАЮ ПОЧЕМУ.

— ПОЧЕМУ?

— ПОТОМУ ЧТО МЕЙВИС КАЖДЫЙ ДЕНЬ ТВЕРДИТ ТЕБЕ, ЧТО ТЫ СОВЕРШИЛ ОШИБКУ.

— ВЕРНО,— меланхолически признал Чарльз,— А Я ЗНАЮ, КАК ТЫ ОБ ЭТОМ ДОГАДАЛСЯ.

— КАК?

— ТО ЖЕ САМОЕ ТВЕРДИТ ТЕБЕ ЛИНА.

— ТЫ ТОЖЕ ПРАВ,— сказал Рейвен,— И МЫ ВСЕ ВРЕМЯ ОБ ЭТОМ СПОРИМ.

— У НАС ТО ЖЕ САМОЕ. ИНОГДА ОНА НА МЕНЯ СМОТРИТ ТАК, БУДТО Я МАЛОЛЕТНИЙ ПРЕСТУПНИК. НО ВЕДЬ ЗАМОК СТОИТ КРЕПКО, НИЧЕГО СТРАШНОГО СЛУЧИТЬСЯ НЕ МОЖЕТ. ПОЧЕМУ ЖЕ ЖЕНЩИНЫ НЕРВНИЧАЮТ?

— ДА ПОТОМУ, МОЙ МАЛЬЧИК, ЧТО ОНИ СМОТРЯТ НА ЭТИ МИРЫ С ЖЕНСКОЙ КОЛОКОЛЬНИ, А ЭТО ВЗГЛЯД МАТЕРИ. ИМ КАЖЕТСЯ, ЧТО МЫ С ТОБОЙ, ВЗЯВ ДИТЯ НА РУКИ, СЛИШКОМ ВЫСОКО ЕГО ПОДБРАСЫВАЕМ. ВОТ ПОЧЕМУ ОНИ НЕРВНИЧАЮТ.

— НАВЕРНОЕ, ТЫ ПРАВ.— Мысли Чарльза окрасились саркастическими нотками.— А, КСТАТИ, АНАЛОГИЯ С МЛАДЕНЦЕМ... ТЫ ПРОВЕРЯЛ НА ОПЫТЕ?

— У МЕНЯ ХОРОШЕЕ ВООБРАЖЕНИЕ,— прервал его Рейвен,— НУ, ЧАРЛЬЗ, ПОКА.

В ответ пришло телепатическое ворчание. Рейвен взглянул на Лину. Она отдыхала в кресле, закрыв глаза, подставив звездам лицо. Некоторое время он ласково разглядывал ее, проникая сквозь внешние черты. Лицо было всего лишь взятой напрокат маской, за которой он видел настоящую Лину. Обычно он вообще не обращал внимания на ее лицо, воспринимая сразу и целиком то, что пряталось за огромными черными глазами.

Лина даже не замечала, что за ней наблюдают. Мысли ее были далеко, мозг вслушивался в никогда не замолкающие небесные голоса. И Рейвен вскоре последовал ее примеру.

— ...ДВА ДЕСЯТКА ЧЕРНЫХ КРЕЙСЕРОВ ТИПА «РАЗРУШИТЕЛЬ» РЫЩУТ ВОКРУГ КОЛЛАПСИРУЮЩЕГО КРАСНОГО ГИГАНТА...

— ...ПОВТОРНО, НО ПОЛНОЕ ОТСУТСТВИЕ ОБЩИХ ПОНЯТИЙ ДЕЛАЕТ НЕВОЗМОЖНЫМ ОБЩЕНИЕ С ЭТИМИ ПОРХАЮЩИМИ СОЗДАНИЯМИ. ОНИ ДАЖЕ НЕ ПОНИМАЮТ, ЧТО МЫ С НИМИ ВСТУПАЕМ В КОНТАКТ. КАКИЕ УЖ ТУТ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ! ЕСЛИ НАГРЯНУТ ДЕНЕБИАНЕ И ВОЗНИКНЕТ КОНФЛИКТ, НАМ ПРИДЕТСЯ ВМЕШАТЬСЯ...

— ...ГОЛОС С ТАИС... ВЫБРАЛ МОМЕНТ И НАНЕС УДАР, КОГДА ОН УЖЕ УДАЛЯЛСЯ. ПРАВДА, СРЕАГИРОВАТЬ ОН УСПЕЛ...

— ...БЕНТЕРЫ ДОВОЛЬНО СИЛЬНЫ, ХОТЯ САМИ НЕВЕЛИКИ. НАС ОНИ ВИДЯТ ВПОЛНЕ ОТЧЕТЛИВО, НАЗЫВАЮТ СВЕТЛЯЧКАМИ И ПОЧТИ ОБОЖЕСТВЛЯЮТ. ОЧЕНЬ НЕКСТАТИ...

— ...НА ПРОЛЕТЕ МИМО ДЖИЛЬДЕРДИНА ЗАМЕТИЛИ, ЧТО ДЕНЕБИАНЕ СТРОЯТ НА ПЛАНЕТЕ НЕЧТО ОГРОМНОЕ ИЗ БЫСТРОРАСТУЩИХ КРИСТАЛЛОВ. ОЧЕВИДНО, ДАЮТ ПОНЯТЬ, ЧТО УСТРАИВАЮТСЯ НАДОЛГО...

—...ЭТИ ЖАЛКИЕ ДИКАРИ СОБРАЛИСЬ ПРИНЕСТИ НАС В ЖЕРТВУ СОЛНЕЧНЫМ БЛИЗНЕЦАМ. ПРЯМО НЕВЕЗЕНИЕ КАКОЕ-ТО! НАДО ЖЕ, ИЗ ВСЕГО ПЛЕМЕНИ ВЫБОР ПАЛ ИМЕННО НА НАС ДВОИХ! ВРЕМЕНИ ОСТАЛОСЬ МАЛО, ПУСТЬ СМЕНЩИ-

КИ ГОТОВЯТСЯ ПРИНЯТЬ У НАС ДЕЛА ПОСЛЕ ТОГО, КАК НАС СОЖГУТ.

Последнее сообщение напомнило Рейвену о его собственном положении. Бедные дикари. Все наблюдаемые миры, включая и этот, были какими-то взбалмошными. Взрослым часто кажется, что дети ведут себя как дикари.

Он пошевелился и сел, ощущая смутную тревогу. Сверху на него приветливо смотрели звезды, но мир вокруг казался темным и зловещим.

Три последующие недели он внимательно следил за мировыми новостями — и по радио, и по спектровидению. Занятие донельзя однообразное, но он упорно предавался ему, словно ожидая событие, которое никак нельзя пропустить, хотя оно могло и не произойти.

В новостях не звучало никаких намеков о пресловутой антиземной активности. Это не удивляло, так как этих намеков не было даже тогда, когда эта активность переживала самый пик.

Также ничего не сообщалось ни о совершенствовании космических кораблей, ни о планах прыжка в неизведанные дали. Обычная любовь бюрократов к секретности. Автократическое мышление полагает, что новости, представляющие интерес для широких масс в интересах этих самых масс разглашать не следует.

Рейвен терпеливо вникал не только в новости, но и в нескончаемый поток всякой дребедени под видом развлекательных программ, отбирая некоторые из них для более тщательного ознакомления и просматривая затем от начала до конца бездарно-однообразные передачи. Иногда он сравнивал себя со стариком, вынужденным часами терпеть кривляния и трескотню, которые могли развлечь на минуту разве что хныкающих малышей.

В конце третьей недели по спектровидению начали показывать цветной объемный сериал. Слащавая душещипательная сказочка — одна из тех, в которых положительный герой (сейчас им был телепат) долго и

страстно смотрит на прелестную героиню (совсем не мутантку) и находит, что мысли ее столь же чисты и невинны, как она сама. Низколобый, с мохнатыми бровями и кривой усмешкой злодей был насекомоязычный, он любил ласкать ядовитых сороконожек. Всего было четыре серии.

Обычная халтура, предназначенная занять мозги, которые иначе могли бы ненароком задуматься о чем-нибудь более серьезном. Тем не менее Рейвен буквально прилип к экрану. И когда наконец злодея одолели, добро восторжествовало среди мягкого света и падающих сверху розовых лепестков, а символический ботинок растоптал символическую сороконожку, он вздохнул, словно пресытившись, и направился на поиски Кэйдера.

Человек, открывший дверь, не был мутантом и больше всего напоминал проигравшего боксера. Сломанный нос, расплющенные уши, одет в серый свитер.

— Кэйдер дома?

— Не знаю,— солгал боксер.— Пойду взгляну.— Маленькие запавшие глазки внимательно разглядывали гостя.— Кто его спрашивает?

— Дэвид Рейвен.

Телохранитель потащился по коридору, постоянно повторяя про себя имя, словно сцепившись с ним в клинче. Наверное, если бы он его не повторял, оно тут же выскочило бы у него из головы. Вскоре он вернулся.

— Сказал, что примет вас.

На полусогнутых ногах, помахивая руками, болтавшимися где-то возле колен, охранник проводил гостя в глубину дома и грубым голосом объявил:

— Мистер Рейвен! — После чего вразвалку удалился.

Это была та же комната, с тем же столом, но уже без шкатулок и ларчиков. Когда Рейвен вошел, Кэйдер встал, заколебался — протягивать ли руку, и, наконец, ограничился тем, что показал на кресло.

Рейвен сел, вытянул ноги прямо перед собой и улыбнулся.

— Итак, старина Сэмми своего добился. Это был его звездный час.

— Да, дело прекратили, с оплатой судебных издержек. Это обошлось мне в сто кредиток. Дешево отделался! — Грубые черты Кэйдера дрогнули, когда он добавил: — Старый судейский шут не преминул сказать, что даже ваше показание не спасет меня, если я еще раз злоупотреблю общественным каналом связи.

— Может быть, его огорчил тот театр, что устроил Сэмми? — предположил Рейвен.— Ну да ладно. Хорошо то, что хорошо кончается.

— Да.— Подавшись вперед, Кэйдер напряженно посмотрел на него.— И теперь вы пришли получить должок?

— В общем, верно, но грубовато,— заметил Рейвен.— Скажем, я пришел повлиять на вас.

Выдвинув ящик стола, Кэйдер угрюмо спросил:

— Сколько?

— Сколько чего?

— Денег.

— Денег? — как эхо повторил Рейвен. Он взглянул на потолок, и лицо его скривилось как от боли.— Причем тут деньги?

Кэйдер резко задвинул ящик.

— Если ни при чем, тогда извольте объяснить, почему вы сперва сунули меня в дерьмо, а теперь из него вытаскиваете?

— Тогда было одно время, теперь другое.

— В чем же разница?

— Тогда был конфликт, вы представляли угрозу, ее следовало устранить. Сейчас все хлопоты позади или почти позади, и нужда держать вас на цепи отпала.

— Стало быть, вы знаете, что война закончена?

— Конечно. А у вас есть предписание на этот счет?

— Увы, да,— с кислой миной произнес Кэйдер.— И мне это не по душе.— Он бессильно развел руками.— Я с вами откровенен. Да иначе и нельзя с тем, кто читает мысли, когда захочет. Меня не тревожит этот внезапный развал, все равно я не могу ничего поделать. Все наше движение превратилось в груду обломков...

— И это к лучшему. Потому что вы сражались не за самоуправление. Тайную авторитарную диктатуру при всем желании нельзя назвать автономией.

— Волленкотт был прирожденным лидером, но стать диктатором у него кишка тонка!

— Ему и не нужны кишки,— сказал Рейвен.— Кишечными делами занимался Торстерн.

Кэйдер удивленно поднял брови.

— Причем тут Торстерн?

— Вы о нем знаете?

— Как и любой венерианин. Он — один из семи самых могущественных людей планеты.

— Первый из семи,— поправил Рейвен.— И он решил, что сможет прибрать к рукам всю планету. Волленкотт принадлежал ему душой и телом, пока недавно мы не предоставили ему свободу.

— Предоставили свободу? Вы хотите сказать, что?..— Кэйдер о чем-то задумался, хмурясь и барабаня пальцами по столу, и наконец прорычал:

— Такое могло произойти. Я лично никогда с Торстерном не встречался. Говорят, он — человек сильный и честолюбивый. Если Волленкотт и таскал для кого-то каштаны из огня, то — да, скорее всего именно для Торстерна.— Он снова нахмурился.— Но я никогда его не подозревал. Замаскировался он хорошо.

— Да.

— Боже мой, Торстерн! — Кэйдер посмотрел на гостя.— Зачем же он избавился от Волленкотта?

— Нам удалось убедить Торстерна прекратить кровопускания Земле и заняться легальным бизнесом. И Волленкотт, до сей поры кадр весьма ценный, тотчас стал помехой. Ну а от помех Торстерн избавляться привык.

— Не могу поверить! — с негодованием произнес Кэйдер.— Но приходится. Все складывается одно к одному.

— Ваш ум подсказывает мне,— подчеркнул Рейвен,— что сепаратистское подполье распалось на группировки, и вы боитесь, что найдутся люди, которые попытаются задобрить власти, выдав остальных. Вы считаете, что слишком многие знают лишнее, то, что им знать не нужно...

— Я ставлю на остальных,— мрачно сказал Кэйдер.— Предательство — это игра, в которой можно по-

ставить на любую сторону. На моей совести меньше грехов, чем у некоторых.

— Гипнотизер Стин на вашей совести?

— Стин? — Кэйдер откачнулся в кресле.— Я его и пальцем не трогал. Он улетел с Земли на «Звездном Духе» через пару дней после вашего отлета на «Фантоме».— Он значительно посмотрел на собеседника.— Как раз когда у меня появилось свободное время поразмышлять о судьбах мира, помните?

Рейвен без всякого сочувствия кивнул:

— Помню.

— Больше я о нем не слышал.

— Он умер. Медленной смертью.

— Это сделал Халлер! — с внезапной энергией воскликнул Кэйдер.

— Неверно по двум причинам. Халлер умер, можно сказать, «по собственному желанию». Кроме того, он умер быстро.

— Какая разница? Что один, что другой — покойники.

— Разница не в их конечном состоянии,— серьезно и веско сказал Рейвен,— но в скорости их перехода в это состояние. Как-то раз вы выказали забавное желание похоронить меня внутри моего скелета. Если бы вы сделали это с достойной быстротой, я, наверное, прошел бы сей путь, искрясь весельем.— Он весело рассмеялся.— Но если бы вы неоправданно замедлили процесс, я бы возмутился.

Кэйдер захлопал глазами:

— Это самое безумное рассуждение, которое я когда-либо слышал!

— Безумна вся троица наших миров,— ответил Рейвен.

— О, да, я знаю, но...

— Кроме того,— продолжил Рейвен,— вы еще не слышали и половины. Я пришел сюда не для праздной болтовни.

— Это вы уже сказали. Вам что-то нужно, и это не деньги.

— Я оказал вам услугу. Теперь я хочу, чтобы вы оказали услугу мне.

— Та-ак! — протянул Кэйдер, с нескрываемым подозрением рассматривая Рейвена.— Какую?

— Я хочу, чтобы вы убили Торстерна, если в этом возникнет необходимость.

— Вот, значит, в чем дело! Я вам отвечу. Вы избавили меня от некоторых неприятностей, хотя не думаю, что они были бы серьезными. Мне грозило максимум семь лет тюрьмы, и, скорее всего, я вышел бы через шесть месяцев. Короче говоря, вы скостили мне эти шесть месяцев — и вы считаете, это стоит убийства?

— Вы не обратили внимания на ключевые слова: «Если возникнет необходимость». Если она действительно возникнет, это не будет убийством — это будет казнь.

— А кто будет определять, возникла необходимость или нет? — спросил Кэйдер, пристально глядя на Рейвена.

— Вы.

— В таком случае этот момент вообще не настанет.

— Несколько недель назад вы были не столь мягкотелы.

— А теперь с меня довольно. Займусь своей торговлей, буду примерным гражданином — при условии, что меня оставят в покое. Между прочим, хотя власти упорно называют меня землянином, сам я считаю себя венерианином. И я не стану убивать другого венерианина ради того, чтобы потрафить землянину.— Засунув большие пальцы в карманы жилета, он придал лицу непреклонное выражение.— Рад был бы оказать вам услугу, но просите вы чересчур много.

— Если б вы знали, как это мало.

— Много! — повторил Кэйдер.— Добавлю еще кое-что: когда требовалось кого-то убить, вы отлично справлялись сами. Почему же сейчас вам понадобились помощники на грязную работу?

— Вопрос ребром. Есть две веские причины.

— Да?

— Во-первых, я уже привлек к себе слишком пристальное внимание и не хочу привлекать еще. Во-вторых, если возникнет необходимость убрать Торстерна,

может статься, что первым звонком будет мое исчезновение с этой юдоли слез и печали.

— Вы хотите сказать?..

— Меня убьют.

— Вы и так знаете, что у меня на уме,— сказал Кэйдер.— Я у вас в долгу, и если вы умрете, особенно не обрадуюсь. Но и плакать не стану.

— Станете! — возразил Рейвен.

— Это еще почему?

— Потому, что это может означать, что следующая очередь ваша.

— Следующая? Куда?

— На ликвидацию.

Поднявшись из-за стола, Кэйдер оперся о него руками и заговорил резким тоном:

— Вы что-то разнюхали? Ну и кто же собирается меня убить? Зачем ему это нужно? Мы с вами — противники, почему он должен включить нас в один список?

Жестом усадив Кэйдера и выждав, пока тот успокоится, Рейвен сообщил:

— С точки зрения обычного человека у нас с вами есть кое-что общее — ни меня, ни вас нельзя назвать обычным человеком.

— Что из того?

— Обыкновенные люди косо смотрят на паранормальных. Их, мягко говоря, не любят.

— Я любви не жажду. Тем более от них.— Кэйдер безразлично пожал плечами.— Они просто завидуют нам, потому что знают, что природа их обделила.

— Инстинктивная осторожность порождает страх. Это естественная и неискоренимая часть человеческого защитного механизма. Если умело возбудить, поддерживать и направлять массовый страх, можно горы своротить.

С мрачным видом проглотив эти слова, Кэйдер высказал свое заключение:

— Читать мысли я не умею, но мозги у меня есть. Вижу, куда вы клоните. Думаете, Торстерн попытается вернуть власть, провозгласив крестовый поход против мутантов?

— Да. Раньше он использовал мутантов — таких, как вы,— в своих делах. Сейчас ему может показаться, что мутанты играют против него, отдаляют его победу, даже угрожают самой его жизни. Будучи сам нормальным, он понимает, что может получить превосходство над другими, только если все они тоже будут нормальными.

— Это всего лишь предположения,— в замешательстве возразил Кэйдер.

— Да, всего лишь,— кивнул Рейвен.— Тревога может оказаться ложной. Торстерн может ударить совсем в другом направлении. И пусть бы! Тогда против него не придется предпринимать мер.

— Это опасная игра. Мутантов в мире не так уж много, но перед угрозой, которую несут орды болванов...

— Сначала и я думал так же,— перебил Рейвен.— Теперь у меня другая точка зрения.

— Какая?

— Торстерну пятьдесят восемь. В наше время многие доживают до ста лет и больше. Так что, если исключить несчастный случай, у него достаточно времени, чтобы не торопиться.

— Ну и что?

— А то, что он может позволить себе не спешить. Пусть это будет более долгий, окольный путь, но результат окажется тем же самым.

Кэйдер, моргнув, попросил:

— Поясните.

— Тысячи лет назад люди открыли принцип — «разделяй и властвуй»,— сообщил Рейвен.— Зачем бить врага своими руками? Не лучше ли сделать так, чтобы противники перебили друг друга сами?

Кэйдер переменился в лице.

— Смените стиль мышления,— предложил Рейвен,— идите от общего к частному. Нет такого существа, как стандартный мутант. Наш мир — это зверинец.— Он посмотрел, какой эффект вызвали его слова, и продолжил: — И, поскольку вы тот, кто вы есть, держу пари, что сливками общества вы считаете насекомоязычных.

— Телепаты о себе такого же мнения,— заметил Кэйдер.

— Пусть. Каждый вид мутантов считает себя выше других. И каждый мутант столь же подозрителен и ревнив, как любой болван.

— Ну и?..

— Это состояние умов можно использовать. Можно натравить один вид на другой. Вспомните одну простую истину, мой клоповый фельдмаршал,— выдающимся способностям не всегда сопутствуют выдающиеся мозги.

— Мне это хорошо известно.

— Есть телепаты с такой чувствительностью, что они прозондируют ваш мозг из-за горизонта и ничего не поймут при этом, потому что слабоумны от рождения. Мысль более глубокая, чем, например, «у кота есть хвост», им просто недоступна. Мутанты — те же люди со всеми их недостатками и глупостями. Торстерн — отличный психолог, и он ни за что не упустит этот очевидный факт!

Рейвен видел, как работает мозг Кэйдера, оценивая информацию. Картина вырисовывалась не радужная. Кэйдер был далеко не дурак, и он вынужден был в конце концов признать, что Рейвен прав.

— Если он попытается, с чего начнет, по-вашему?

— Все пойдет по плану,— сказал Рейвен.— Прежде всего он заручится тайной поддержкой Герати, Всемирного Совета и влиятельных людей трех планет. Следующий шаг — сбор и анализ всей информации о мутантах. Затем будут выбраны два типа мутантов, которые Торстерн сочтет наиболее опасными. Один из этих типов будет играть роль верного рыцаря, другой — роль дракона, пожирателя детей.

— И дальше?

— Например, будет решено, что самое эффективное начало — убедить пиротиков перебить насекомоязычных. Тотчас же все пропагандистские службы трех планет начнут при каждом удобном случае, но неизменно в нелестном контексте, склонять насекомоязычных. Они будут долбить в одно и то же место до тех пор, пока у людей не возникнет неосознанное предубеждение про-

тив этого вида мутантов. Показывая насекомоязычных во все более неблагоприятном свете, они добьются наконец, что большинство — под которым я понимаю и обычных людей, и мутантов других типов — начнет думать о насекомоязычных как о каких-то монстрах, хуже которых быть никого не может.

— Что за вздор! — проскрежетал Кэйдер.

— Многое из этого плана уже сделано. Уже запущена «утка», будто насекомоязычные ненавидят пиротиков за то, что те убивают насекомых. Время от времени публике тонко намекают: как хорошо, что среди нас есть пиротики, которые могут о нас позаботиться.

— Черта с два они позаботятся! — побагровев, процедил Кэйдер.

— В нужный момент — здесь очень важно не ошибиться — произносится добротная официальная речь в защиту насекомоязычных, в ней призывают всех к единству и терпимости и авторитетно опровергают абсурдные слухи о том, что некие насекомые якобы собираются поработить все три планеты, пользуясь услугами предателей рода человеческого — вероломных насекомоязычных. Цель этих речей очевидна. Они моментально убеждают толпу, в том числе и других мутантов, что дыма без огня не бывает.

— Неужели они проглотят этот бред? — запротестовал Кэйдер, в глубине души понимая, что так оно и произойдет — если произойдет.

— Толпа проглотит любую чушь, если ее заявят официально, если опровергнуть ее будет трудно, если эта чушь будет замешана на самых потаенных человеческих страхах,— парировал Рейвен.— А теперь представьте, что сейчас эти страхи резко усилились — что тогда?

— Говорите, я жду.

— Обстановка накалена до предела, и тут подбрасывается какой-нибудь пустячок.— Он на секунду задумался и выдал экспромт: — Например, в горах Зубья Пилы находят скелет. Пресса начинает муссировать эту новость в сто раз больше, чем она того заслуживает. Появляется слух, что это кости ни в чем не повинного пиротика, дочиста обглоданные насекомыми-убийцами.

Слух этот обрастает совершенно немыслимыми подробностями, и тут же находится человек, который заводит толпу, а полиция, как всегда, занята чем-то другим.— Рейвен подался вперед, уставясь на Кэйдера ледяным взглядом.— Почва уже готова. Вы и опомниться не успеете, как вам и всем другим насекомоязычным придется уносить ноги от разъяренной толпы. И очень вероятно, что заправлять ею будут именно пиротики, которые давно мечтают с вами посчитаться!

— А Торстерн в это время будет сидеть и посмеиваться? — оскалился Кэйдер, показав крупные зубы.

— Идею вы уловили, приятель. Перепуганное человечество поможет ему покончить с породой насекомоязычных. Некоторое время все будет мирно и спокойно, а потом пропагандистская машина закрутится снова, но уже против следующей жертвы, микроинженеров, например.

— Он не посмеет,— заявил Кэйдер.

— Либо — либо. Вы смотрели последний сериал по спектровизору?

— Нет. Предпочитаю проводить время с большей пользой.

— Напрасно. Кое-что вы упустили. Там показывали мутантов.

— Ну и что? Их давно показывают.

— Да, конечно. Быть может, это ложная тревога. Но может быть, операция уже началась.— Рейвен немного помолчал и добавил: — Героем был телепат, а чрезвычайно мерзким злодеем — насекомоязычный...

— Он не посмеет! — громко повторил Кэйдер. На лбу у него запульсировала жилка.— Я убью его раньше!

— Именно об этом я и прошу. Я пришел к вам, потому что за вами должок. А еще потому, что когда-то вы командовали целой армией талантов и, вероятно, сможете собрать ее снова. У вас есть сила и есть искушение ее применить. Не трогайте пока Торстерна, просто понаблюдайте за тем, как он живет. И если увидите, что он опять вознамерился вбить клин между людьми...

— Тогда ему недолго останется жить,— со злобной решимостью пообещал Кэйдер.— И не потому, что я

хочу вам услужить. Я просто буду защищать себя. Человек обязан защищаться.— Он оценивающе взглянул на Рейвена.— Вы, кажется, говорили, что вам защита может понадобиться раньше, чем мне. Что вы собираетесь предпринять?

Рейвен поднялся с кресла:

— Ничего.

— Как ничего? — Тяжелые брови Кэйдера в удивлении согнулись дугами.— Почему?

— Может быть, потому, что, в отличие от вас, я не умею кусаться, когда хотят укусить меня.— Он открыл дверь.— А может быть, меня прельщает перспектива стать мучеником.

— Если это шутка, то я ее не понимаю. Если нет, то вы просто спятили! — Кэйдер озабоченно нахмурился, уставившись в закрывшуюся дверь.

Глава семнадцатая

Вернувшись домой и развалясь в пневмокресле, Рейвен сказал Лине:

— Скоро начнется. Мы сдали карты. У кого козыри старше, тот и выиграет. Мы не участвуем. Ты довольна?

— Я была бы довольна, если бы в тот, первый раз, ты поступил так же,— слегка язвительно парировала она.

— Но имеют же они право хоть как-то влиять на свою собственную судьбу? — Он бросил на нее взгляд.

— Беда мужчин в том, что они никогда не взрослеют. Они остаются непоправимыми романтиками.— Линины большие глаза смотрели ему прямо в душу.— Эти слабые двуногие имеют только одно право — право спастись от денебиан. И ты это отлично знаешь.

— Пусть так,— сказал Рейвен. Ему не хотелось спорить.

— К тому же,— продолжила она,— пока ты занимался всякой ерундой, я слушала наших. Двенадцать черных кораблей появились в секторе Веги.

Рейвен окаменел.

— Вега! Так близко они еще не подбирались!

— Они могут подойти еще ближе. Могут даже явиться прямо сюда. А могут уйти и десять тысяч лет не появляться в этом рукаве Галактики...— Больше она ничего не добавила, но он знал, что осталось невысказанным: «Сейчас не время рисковать».

— Тактические ошибки не имеют значения, пока есть возможность их скрыть и исправить,— подчеркнул он.— Пойду-ка послушаю новости.

Наверху он откинулся в кресле, открыл для приема свой мозг и принялся извлекать из эфира голоса из сектора Веги. Это оказалось непросто. Слишком многие говорили одновременно.

— ...ТРЕХНОГИЕ КУЗНЕЧИКИ РЕМИСА ПРЯЧУТСЯ В БОЛОТАХ И ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ КОНТАКТОВ С ДЕНЕБИАНАМИ. ДЕНЕБИАНАМ, КАЖЕТСЯ, ПЛАНЕТА ПРИШЛАСЬ НЕ ПО ДУШЕ. ГОТОВЯТСЯ К ОТЛЕТУ...

— ...ВОЗДЕЙСТВОВАЛИ НА ПИЛОТОВ И ПОВЕРНУЛИ КОНВОЙ К ЗЕБУЛАМУ; ЭТО СВЕРХНОВАЯ В КВАДРАТЕ ПЯТЬДЕСЯТ ОДИН. ОНИ ЛЕТЯТ ПРЯМО В ПЕКЛО, НО СЧИТАЮТ, ЧТО ИДУТ ПО НУЖНОМУ КУРСУ...

— ...Я ПОПРОСИЛ. ОН ОТКАЗАЛСЯ СТОЛЬ КАТЕГОРИЧЕСКИ, ЧТО ДАЖЕ СМУТИЛСЯ. КОГДА ОН СОБРАЛ НАКОНЕЦ СВОИХ СОВЕТНИКОВ, БЫЛО УЖЕ ПОЗДНО. МОМЕНТ УПУЩЕН. ПРИДЕТСЯ ОПЯТЬ ЖДАТЬ УДОБНОГО СЛУЧАЯ. ОДНАКО...

— ...ЭТИ ВЕЛЬСТЕНТАЙЛЦЫ ДО СМЕРТИ ПЕРЕПУГАЛИСЬ, КОГДА ИЗ ПРОСТРАНСТВА ВЫНЫРНУЛ КРЕЙСЕР И НАБРОСИЛ НА НИХ СИЛОВОЙ КОКОН. ДЕНЕБИАНАМ ХВАТИЛО СЕКУНДЫ, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ, ЧТО КОРАБЛЬ — ГРУБАЯ ПОДЕЛКА, А ПИЛОТИРУЮТ ЕГО ТОЛЬКО ЧТО НЕ ДИКАРИ. ОНИ ОТПРАВИЛИ ИХ НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ...

— ...ДВЕНАДЦАТЬ ШТУК КЛИНОМ ДВИЖУТСЯ К ВЕГЕ, БЕЛО-ГОЛУБОМУ ГИГАНТУ В СЕКТОРЕ ОДИН-ДЕВЯТЬ-ОДИН, КРАЙ ДЛИННОЙ ВЕТВИ...

Он выпрямился и пристально вгляделся в ночное небо. Длинная Ветвь раскинулась в зените как прозрачная вуаль. Земляне называли ее Млечный Путь.

Между этой планетой и мерцающей точкой Веги находились тысячи миров, которые могли бы отвлечь внимание кораблей. Но с тем же успехом корабли могли упорно держаться своего курса, не отвлекаясь ни на какие приманки. Поведение денебиан было непредсказуемым, если им не мешать.

То, о чем говорила Лина, произошло три недели спустя. За это время ни по радио, ни по спектровидению недавних межпланетных распрей даже не вспоминали; во всем остальном тоже не замечалось никаких зловещих тенденций. Мутантов снова показывали во всевозможных развлекательных передачах, но вечные роли героя, героини и злодея распределялись на удивление равномерно.

Далеко-далеко двенадцать длинных черных кораблей повернули на двадцать градусов вправо и сейчас приближались к восьмерке необитаемых планет маленькой двойной звезды. На какое-то время сектор Веги получил передышку.

Яркое теплое утреннее солнце светило в чистом голубом небе с полоской низких облаков на востоке.

Первым напоминанием о том, что за ошибки приходится расплачиваться, что прошлое имеет неприятное свойство вцепляться в настоящее, явился четырехместный вертолет. Он пожужжал где-то на западе и наконец приземлился около воронки, уже начавшей зарастать сорняками. Из вертолета вышел человек.

Это был молодой, хорошо сложенный юноша с открытым энергичным лицом, младший офицер разведслужбы Земли, субтелепат, умеющий зондировать чужие мозги, но не способный предохранить свой. Лина впустила его в дом. По мнению тех, кто его послал, он идеально подходил для своей миссии. Он был незащищен, а таким обычно доверяют.

— Меня зовут Грант,— представился юноша. Он говорил вслух, понимая, что мысленная беседа с настоящими телепатами поставит его в невыгодные условия.— Меня прислали сообщить, что майор Ломакс из Земной разведки хотел бы с вами встретиться, и как можно скорее.

— Это действительно срочно? — спросил Рейвен.

— Думаю, да, сэр. Мне приказано доставить вас и леди в моем вертолете, если вы согласитесь лететь немедленно.

— Вот как? Мы нужны ему вместе?

— Да, он просит и вас, леди.

— Вы не знаете, для чего мы ему понадобились?

— Боюсь, что нет, сэр.— Лицо Гранта было искренним, а незащищенный мозг подтверждал его слова.

Рейвен бросил на Лину вопросительный взгляд.

— Что скажешь?

— Я готова.— Голос ее был низкий, глаза сверкали.

Покраснев, Грант засуетился и, как мог, попытался заставить свой мозг думать о чем-нибудь другом, но тот упорно возвращался все к тем же мыслям:

«Она смотрит в меня, прямо в душу, туда, куда я прячусь от себя самого. Пусть она перестанет. Или пусть я тоже так смогу... Она большая, даже огромная — но очень красивая...»

Лина улыбнулась и сказала:

— Я возьму пальто и сумочку, Дэвид. Мы можем ехать.

Вертолет плавно поднялся в воздух и взял курс на запад. За час полета никто не произнес ни слова. Грант сосредоточился на пилотаже и держал свои мысли в пределах любезности и дисциплины. Лина изучала проносившийся под ними пейзаж так, словно смотрела на него в первый — а может, в последний? — раз. Рейвен, прикрыв глаза, настроился на дальнюю телепатическую связь.

— ДЭВИД! ДЭВИД!

— ДА, ЧАРЛЬЗ?

— ОНИ ЗАБИРАЮТ НАС.

— НАС ТОЖЕ.

Вертолет терял высоту, снижаясь к мрачному строению, одиноко застывшему на продуваемом всеми ветрами травяном поле. Приземистое, массивное сооружение напоминало брошенную энергетическую станцию.

Коснувшись земли, машина вздрогнула и затихла. Грант спрыгнул первым и смущенно помог спуститься Лине. Втроем они подошли к бронированной двери.

Грант нажал спрятанную в бетонной стене кнопку. В броне раскрылся крохотный глазок, и они попали под луч сканера.

Затем, словно удовлетворившись, дверной глаз закрылся, и откуда-то изнутри стены послышался тихий механический шум — поползли в стороны запорные стержни.

— У нас тут как в крепости,— с оттенком гордости пояснил Грант.

Дверь открылась, и Рейвен с Линой вошли, оставив его снаружи наедине с вертолетом.

Обернувшись с порога, Рейвен бросил:

— Больше похоже на крематорий.

Ответить Грант не успел — бронированная плита разъединила их, стержни вдвинулись на свои места. Он немного постоял, задумчиво глядя на мощную дверь и на толстые бетонные стены без окон, затем скривился.

— Дурацкое сравнение!

С угрюмой миной на лице Грант поднял вертолет в воздух, и ему показалось, что солнце почему-то потускнело...

Перед ними тянулся коридор, и из дальнего конца его Дэвид и Лина услышали голос:

— Пройдите, пожалуйста, вперед. Вы найдете меня в комнате в конце коридора. К сожалению, не могу встретить вас лично, но надеюсь, вы меня извините.

Вполне учтивые фразы звучали безлико и холодно. Впрочем, внешность говорившего полностью соответствовала голосу.

Майор Ломакс сидел в кресле за длинным узким столом. Это был худощавый человек лет тридцати с небольшим, с голубыми глазами, смотревшими твердо и почти не мигая, и прической «ежиком». Самой примечательной его чертой была исключительная бледность: лицо его казалось восковым, и одна половина была деформирована.

Махнув рукой на единственный в комнате двухместный диванчик, Ломакс сказал:

— Устраивайтесь здесь. Благодарю вас за то, что согласились прийти.— Его голубые глаза перебегали с Рейвена на Лину и обратно.— Прошу прощения, что не смог вас встретить. Я немного не в форме. Мне трудно стоять, а тем более ходить.

— Мне очень жаль,— с женским сочувствием произнесла Лина. Майор не отреагировал.

Распознать собеседника оказалось просто. Быстрый зондаж показал, что Ломакс относится к телепатам высшей квалификации с исключительно мощным защитным полем. Его мозг был закрыт так надежно, насколько это вообще в человеческих силах. Правда, вдвоем они, наверное, смогли бы преодолеть эту защиту синхронным ударом, но, посовещавшись, решили отказаться от такой попытки. Майор, похоже, заметил их быстрый обмен мыслями, но на его бледном изуродованном лице не дрогнул ни один мускул.

Положив перед собой стопку отпечатанных на машинке листов, Ломакс продолжил тем же холодным и бесстрастным тоном:

— Не знаю, догадываетесь ли вы о цели этого разговора. Не стану также гадать, какие действия могут последовать с вашей стороны, но прежде чем мы начнем, я хочу, чтобы вы знали, что мои функции определены вот здесь.— Он легонько постучал по стопке бумаг.— Они расписаны очень подробно, и все, что я должен делать, это четко следовать этим инструкциям.

— Вы нас интригуете,— заметил Рейвен.

Заметной реакции не последовало и на эти слова. Белое, как бумага, лицо оставалось бесстрастным, словно у мумии. Впечатление было такое, что майор Ломакс играет роль робота.

Взяв верхний лист, Ломакс прочел:

— Первое. Я должен ознакомить вас с личным посланием мистера Джефферсона, шефа Земной разведки. Когда его информировали о нашей встрече, он был весьма недоволен и пытался воспрепятствовать этому всеми доступными ему средствами. Это ни к чему не привело. Мистер Джефферсон попросил, чтобы я передал вам его искреннее уважение и заверил вас — что бы ни

случилось в этом здании, он будет всегда глубоко уважать вас обоих.

— Неужели! — сказал Рейвен.— Наши дела настолько плохи?

Ломакс и эту реплику оставил без внимания.

— Наш разговор будет проходить только вслух, так как он записывается для тех, кто его организовал.

Отложив первый лист в сторону, он взял следующий и монотонно продолжил:

— Вам также следует знать, что мне доверили эту миссию благодаря редкой комбинации качеств. Во-первых, я сотрудник Земной разведки и одновременно телепат, способный надежно экранировать собственный мозг. Второе обстоятельство, но отнюдь не второстепенное — я очень сильно искалечен.

Подняв глаза от бумаг, он встретился с внимательным взглядом Лины и впервые по его лицу пробежала, тут же исчезнув, едва заметная тень смутной тревоги. Подобно многим людям, он смущался, когда на него смотрели так пристально.

Ломакс заговорил снова, чуть быстрее:

— Не стану надоедать вам подробностями. Если коротко, я попал в аварию и очень серьезно пострадал. Врачи сделали все возможное, но дни мои сочтены, ждать конца становится все мучительней, и я уйду с облегчением.— Голубые глаза сверкнули с явным вызовом.— Я хочу, чтобы вы четко это поняли, потому что это самое важное: я нахожусь в ненормальном для человека состоянии — состоянии, когда смерть представляется избавлением. Поэтому угрозой смерти меня испугать невозможно.

— Нас тоже,— дружелюбно, но холодно уверил его Рейвен.

Это слегка смутило Ломакса. Почему-то он ожидал услышать негодующие заверения в том, что никто и не собирается ему угрожать. Скрыв удивление, он вновь обратился к бумагам.

— Далее. Если моей жизни будет угрожать опасность, то, несмотря на то что смерти я не боюсь, я буду вынужден защищаться. Я прошел специальный курс телепатической подготовки, после которого мне в мозг

имплантировали специальный контур. Он не влияет на мое мышление, но обнаружить его, а тем более управлять им, невозможно. Этот контур автоматически сработает в тот момент, когда возникнет непосредственная угроза моей жизни, или угроза контроля над личностью. Это вынудит меня не задумываясь, инстинктивно сделать то, результатом чего будет немедленное уничтожение нас троих.

— Да-а...— хмуро протянул Рейвен.— Тот, кто поставил вам этот контур, напуган до смерти.

Проигнорировав и эти слова, Ломакс решительно продолжал:

— Мне неизвестно, что я сделаю, и не будет известно до самого последнего момента. Поэтому вы ничего не добьетесь, даже если устраните защиту и прозондируете мой мозг, так как я сам не знаю, что там заложено. Вы также ничего не добьетесь, если попробуете меня загипнотизировать или установить контроль над моим сознанием любыми другими средствами. Напротив, вы потеряете все, что имеете,— жизнь!

Дэвид и Лина, переглянувшись, почли за лучшее сделать вид, что сбиты с толку и испуганы. Ломакс играл свою роль, они свою.

Возникла любопытная ситуация, не имевшая аналогов в человеческой истории; каждая сторона прятала свои козыри в этой игре не на жизнь, а на смерть, у каждой был козырной туз, каждая сторона ЗНАЛА, что победа будет на ее стороне... И каждая была права!

Взглянув на Ломакса, который старался избегать ее взгляда, Лина с ноткой раздражения пожаловалась:

— Мы вам поверили, прилетели сюда, думали, что требуется наша помощь. А вы относитесь к нам, как к каким-то диковинным преступникам, один Бог знает, в чем виноватых. А между тем никаких обвинений нам не предъявлено. Что же мы такого сделали и чем заслужили подобное отношение?

— В исключительных случаях применяют исключительные методы,— ответил Ломакс, даже не шелохнувшись.— Пока вы сделали не много, но можете сделать больше.

— Нельзя ли выразиться ясней?

— Не спешите, пожалуйста. Именно к этому я сейчас и приступаю.— Он опять взялся за бумаги.— Вот документ, из которого ясно, что наша встреча чрезвычайно важна. Некоторые факты привлекли внимание Всемирного Совета...

— С подачи интригана Торстерна? — предположил Рейвен, представив, как рассердится Эммануэль, услышав эти слова.

—...и вынудили потребовать тщательного расследования вашей деятельности, в особенности недавние операции по заданию Земной разведки,— упорно продолжал Ломакс.— Каковое расследование было позднее распространено на эту леди, с которой вы сожительствуете.

— Однако вы не выбираете выражений,— укоризненно сказала Лина.

— Информация была получена из заслуживающих доверия независимых источников, а ее обобщение вынудило Президента Герати создать специальную комиссию для всестороннего изучения и выработки рекомендаций.

— Кто-то мнит нас важными птицами.— Рейвен быстро посмотрел на Лину, и та ответила ему взглядом: «А что я тебе говорила?»

— Комиссия из двух членов Всемирного Совета и десяти экспертов на основании доказательств, ей представленных, пришла к выводу, что вы обнаружили паранормальные способности восьми различных типов, из которых в настоящее время известны шесть. Или, другой вариант, что, кроме телепатических способностей, которые вы не скрываете, вы обладаете также гипнозом такой силы, что смогли заставить свидетелей поверить в другие ваши способности, которыми вы на самом деле не обладаете. Свидетели надежны, если только вы их не обманули. В обоих случаях вывод один и тот же: вы — универсальный мутант.— Ломакс сделал двойной прочерк на этом листе, раздраженно буркнув: — Скорее всего, ошибка,— и поправился: — Вы оба — универсальные мутанты.

— Это преступление? — осведомился Рейвен, и не думая возражать

— У меня нет мнения по этому вопросу.— Ломакс вдруг согнулся и некоторое время сидел неподвижно, пока его лицо не стало еще белее. Затем он взял себя в руки и сказал: — Я продолжу. Если бы факты это подтверждали, Всемирному Совету пришлось бы признать, что универсальные мутанты действительно существуют вопреки так называемым законам природы. Но нельзя также исключить и альтернативную гипотезу, в пользу которой склоняются некоторые члены комиссии, хотя другие отвергают ее как совершенно фантастическую.

Слушатели шевельнулись, демонстрируя любопытство и умеренный интерес. Но не больше. Никакого испуга. Они продолжали играть ту роль, которую выбрали, а Ломакс продолжал свою — отчетливо видя неизбежный мрачный конец.

— Вы имеете право знать факты,— продолжал Ломакс. Он отложил еще один лист и взял следующий.— Повторное скрупулезное изучение ваших биографий привело нас к выводу, что вы оба являетесь по сегодняшним стандартам личностями исключительными. По существу мы вычислили вас сейчас, пользуясь тем же методом, каким пользовался мистер Джеферсон, когда предложил вам работать на нас...

Ломакс замолчал, лицо его перекосилось от мучительной боли, и он медленно произнес:

— В самом лучшем случае предки Дэвида Рейвена могли создать мощного телепата со сверхвысокой чувствительностью. Вполне объяснимо также, что телепатическая энергия могла сделать его мозг невосприимчивым к гипнозу, и, таким образом, Дэвид Рейвен мог оказаться первым гипноустойчивым телепатом. И это — все. Это — предел его наследственных способностей.— Дальнейшее Ломакс читал подчеркнуто: — Дэвид Рейвен не может сам обладать ни гипнотической, ни даже квазигипнотической силой, поскольку среди его предков нет ни одного гипнотизера.

— Могли и найтись,— начала было Лина.

Ломакс прошелестел:

— Все это в равной мере относится и к вам, леди. А также к двум вашим друзьям на Венере, с которыми

в данный момент проводится такая же беседа в такой же обстановке.

— И над ними висит такая же угроза? — спросил Рейвен.

Ломакс молчал. Как хорошо вышколенный робот, он не отвечал на вопросы, за исключением тех, которые имели отношение к порученному ему делу.

— Пункт номер два. Нам удалось обнаружить, что Дэвид Рейвен, мертвый по всем признакам, был позднее воскрешен. Врача, который совершил этот подвиг, невозможно вызвать свидетелем, поскольку сам он умер три года назад. Такое действительно бывает, хоть и редко, поэтому этот случай малоинтересен, если рассматривать его отдельно. Но он становится примечательным, если рассмотреть его в совокупности с другими фактами.

Голубые глаза выстрелили в Лину.

— С леди произошел аналогичный случай, когда она однажды отправилась купаться, попала в сильный водоворот, утонула, но ее вернули к жизни, сделав искусственное дыхание. Добавьте сюда то обстоятельство, что оба ваших приятеля на Венере также попадали в подобные передряги.

— Вы тоже наш приятель,— парировал Рейвен.— Вы сказали это в самом начале. Вам тоже повезло остаться в живых — если только это можно назвать везением!

Ломакс сдержал себя. Впрочем, Рейвен знал, что ничем не рискует. Помолчав, майор мрачно продолжил свое занятие.

— Пункт три имеет к вам косвенное значение. Мистер Джефферсон рассказывал вам об экспериментах с новыми кораблями, поэтому, если я кое-что добавлю, большой беды не будет. Полной картины вы все равно не получите. Итак. Наш последний исследовательский корабль ушел в пространство дальше, чем ожидалось. По возвращении пилот доложил, что подвергся преследованию неопознанных объектов. По показаниям приборов он определил только, что объекты были металлические и излучали тепло. Объектов было четыре, и они двигались в ряд на расстоянии, не позволявшем

изучить их невооруженным глазом. Но они меняли курс тогда, когда менял он, и, несомненно, его преследовали. Они обладали лучшей маневренностью и более высокой скоростью.

— Тем не менее он убежал? — со скептической усмешкой вставил Рейвен.

— Его избавление так же необъяснимо, как и само преследование,— отрезал Ломакс.— Пилот утверждает, что объекты быстро его догоняли до тех пор, пока перед ними вдруг не вспыхнули какие-то огоньки. После этого четверка легла на обратный курс и исчезла. Он убежден, что эти объекты искусственного происхождения, и его показания запротоколированы.

— А какое отношение все это имеет к нам?

Глубоко вздохнув, Ломакс торжественно заявил:

— В космосе, и, наверное, не так уж далеко, существует иная разумная жизнь. Ее формы, мощь, технический уровень, образ мышления — обо всем этом можно только догадываться. Эта жизнь может быть не гуманоидной, она может маскироваться под таковую, достигая полного сходства посредством использования умерших реальных людей.

Он смахнул лист в сторону и взял другой.

— Иначе говоря, она может быть паразитической по своей природе, способной вселяться в тела других существ, маскируясь под них так, что достигается полное сходство.

— Люди обычно склонны к мрачным фантазиям, когда они напуганы,— заметил Рейвен.

— Неужели вы не понимаете, как это глупо? — вставила Лина.— Неужели вы всерьез полагаете, что мы — зомби, которыми управляют мыслящие паразиты, невесть откуда взявшиеся?

— Леди, я ничего не полагаю. Я всего лишь читаю документы, переданные моим руководством. Я не интересуюсь ни выводами, ни мотивами. Это не мое дело.

— Так что из этого следует?

— Комиссия проинформировала Президента Герати, что вы четверо — считая пару на Венере — относитесь к одному и тому же типу существ. Второе: комиссия не может установить происхождение этого типа.

Вопреки закону, который гласит, что по наследству передается только доминирующий признак, вы являетесь универсальными мутантами. Если ваша принадлежность к виду Homo Sapiens несомненна, то в этом случае придется пересмотреть так называемые законы генетики. С другой стороны, вы можете быть представителями негуманоидной формы жизни, замаскированными под людей и живущими среди людей, о чем до недавних пор мы не подозревали.

— С какой целью?

Ломакс не смешался. Проведя рукой по «ежику» волос, он с усталым видом произнес:

— Цели иных форм жизни нам неясны. Мы ничего о них не знаем — пока. Однако кое-что можем предположить.

— Что же?

— Имея дружественные намерения, иная цивилизация пошла бы на открытый контакт.

— Вы считаете, что скрытый контакт подразумевает враждебные намерения?

— Именно так!

Сдавленным голосом Лина проговорила:

— Люди — не люди! Абсурд! Даже представить себе не могу.

— Повторяю, леди,— сказал Ломакс с ледяной учтивостью,— я ничего не предполагаю. Я всего лишь выполняю то, на что уполномочен,— знакомлю вас с выводами экспертов. Эти выводы гласят, что вы оба — либо универсальные мутанты, либо представители негуманоидной формы жизни, причем второе — более вероятно.

— По-моему, все это чепуха,— по-женски непоследовательно заметила Лина. И опять Ломакс пропустил замечание мимо ушей.

— Имея дело с чужой цивилизацией, которая забросила разведчиков на наши планеты, логично предположить, что цели ее враждебны. Только преступники забираются в дом с черного хода. Честный человек постучит в парадную дверь.

— Здесь вы попали в точку,— невозмутимо согласился Рейвен.

— Поэтому если развитая цивилизация, естественно нуждающаяся в расширении жизненного пространства, высаживает у нас тайный десант, то это означает, что скоро человечество окажется перед лицом неслыханной опасности! — Ломакс повел рукой, указывая на крепостные декорации.— Вот из-за чего вся эта процедура. Незваные гости не подчиняются нашим законам и не имеют права требовать защиты.

— Понятно.— Потирая подбородок, Рейвен задумчиво посмотрел на Ломакса.— И как мы должны отнестись к этому дикому вымыслу?

— Вы должны немедленно доказать, что вы люди, а не чужаки. Доказательства должны быть обоснованными. Свидетельства — неоспоримыми.

Глава восемнадцатая

В притворном гневе Рейвен воскликнул:

— Черт побери! А сами-то вы сможете доказать, что не явились с какого-нибудь Сириуса?

— Я не буду с вами препираться и не собираюсь выходить из себя.— Большим пальцем Ломакс ткнул в последний лист.— Все, что я должен сказать, написано здесь. А именно: вы должны представить бесспорные доказательства того, что вы люди, то есть представители высшей формы земной жизни.

— Иначе?

— Земля сделает определенные выводы и примет для защиты все необходимые меры. Мы трое будем уничтожены, то же самое произойдет на Венере. Затем начнется подготовка к отражению агрессии.

— Хм! Мы трое? По отношению к вам это жестоко, вы не находите?

— Я уже говорил, почему выбрали меня,— напомнил Ломакс.— Я готов к смерти, и меня уверили, что она наступит мгновенно и безболезненно — если наступит.

— Большое утешение,— загадочно вставила Лина.

Он пристально посмотрел на нее.

— Я умру с вами только для того, чтобы отрезать вам единственную дорогу к спасению, лишить вас вся-

ких шансов отсюда вырваться. Вам не удастся уцелеть, присвоив мою личность. Ничто живое не выскользнет из этой западни человеком по имени Ломакс. Спасемся или погибнем мы только вместе, все зависит от того, представите ли вы доказательства.

У него были причины гордиться собой. Впервые, несмотря на физическую немощь, он почувствовал свою силу. В сложившихся обстоятельствах способность хладнокровно ожидать собственную смерть делала ему честь.

Если один из противников лишен страха, а другие им переполнены, то исход противостояния предрешен. Как и те, кто за ним стоял, Ломакс считал абсолютно естественным, что любая форма жизни, не важно, гуманоидная или нет, должна подчиняться инстинкту самосохранения.

И именно здесь ошибались он сам и те, кто планировал эту операцию. Поэтому самым главным для предполагаемых «жертв» было не обнаружить это внешне и дать для записывающей аппаратуры такие реакции, которые сошли бы за человеческие.

В меру обеспокоенным тоном Рейвен заметил:

— Из-за хронической подозрительности и неуправляемого страха толпы погибло много невинных. В охотниках на ведьм этот мир никогда не нуждался.— Он заволновался и нетерпеливо спросил: — Как долго мы можем беседовать? Я хочу сказать, есть ли ограничение по времени?

— Время тут ни при чем. Либо вы представляете доказательства, либо нет,— сказал Ломакс, демонстрируя усталое безразличие к тому, какой вариант случится.— Если их нет, то знание того, что вам нечего сказать, рано или поздно вынудит вас к отчаянным мерам. Вы попробуете пойти ва-банк. Что произойдет тогда...— Он замолчал.

— Вы отреагируете?

— Безусловно! — Упершись локтями в стол, Ломакс подпер кулаками подбородок.— Я очень терпелив, и вы можете этим воспользоваться. Но не советую тянуть время, не рассчитывайте сидеть тут неделю.

— Смахивает еще на одну угрозу.

— Дружеское предупреждение,— поправил Ломакс.— Те двое на Венере дали гораздо меньше поводов

для подозрений, но они классифицируются с вами в одну группу. Ваша четверка либо вся целиком освободится, либо целиком будет казнена.

— Между нами и ими существует связь? — переспросил Рейвен.

— Да. То, что случится с вами здесь, случится с ними там. И наоборот. Вот почему мы держим обе пары порознь. Чем больше времени тратит одна пара, тем больше вероятность, что дело решит другая.

— Да, механизм четкий,— признал Рейвен.

— У вас ДВЕ возможности прямиком попасть на тот свет: от моей руки, если вы меня к этому вынудите, или от руки ваших друзей на Венере.— Подобие улыбки появилось на лице Ломакса, когда он добавил: — Вот когда постигается смысл древней пословицы «Спаси меня, Господи, от друзей, а с врагами я сам управлюсь»...

Глубоко вздохнув, Рейвен откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Со стороны могло показаться, что он задумался. Он нисколько не волновался, что Ломакс может прочесть его мысли — ни один земной телепат не был способен работать на таких высоких частотах.

— ЧАРЛЬЗ! ЧАРЛЬЗ!

Ответ пришел не сразу. У Чарльза тоже были проблемы, и ему требовалось время, чтобы от них отвлечься.

— ДА, ДЭВИД?

— ЧТО У ВАС ПРОИСХОДИТ?

— НАМ ТОЛЬКО ЧТО СООБЩИЛИ, КАК ЧЕТЫРЕ ДЕНЕБИАНСКИХ КОРАБЛЯ ПРЕСЛЕДОВАЛИ ЗЕМНОЙ И ЧТО ИХ ЗАВЕРНУЛИ ОБРАТНО. УМА НЕ ПРИЛОЖУ, КУДА ЕГО ЗАНЕСЛО...

— ВЫ ОТСТАЕТЕ ОТ НАС НА НЕСКОЛЬКО МИНУТ. У НАС ДЕЛО БЛИЗИТСЯ К РАЗВЯЗКЕ. КТО С ВАМИ РАЗГОВАРИВАЕТ?

— ГЛУБОКИЙ СТАРИК. ЕЩЕ СООБРАЖАЕТ, НО ЕЛЕ ХОДИТ.

— У НАС МОЛОДОЙ,— сообщил Рейвен,— НО ДЕЛА ЕГО ТОЖЕ ПЛОХИ. НАСТОЛЬКО, ЧТО НИКТО НИЧЕГО НЕ ЗАПОДОЗРИТ, ЕСЛИ У НЕГО ВДРУГ СЛУЧИТСЯ ПРИСТУП. ОН ПРОСТО СВАЛИТСЯ НА ПОЛ, НЕ ВЫДЕРЖАВ НАПРЯЖЕНИЯ РАЗГОВОРА.

МЫ ВСЕ ОБСТАВИМ, КАК НАДО — ДЛЯ ЗДЕШНИХ ТЕЛЕКАМЕР...

— ЧТО ТЫ ПРЕДЛАГАЕШЬ?

— МЫ РАЗЫГРАЕМ НЕБОЛЬШОЙ СПЕКТАКЛЬ. ПОД ЗАНАВЕС С ПАРНЕМ СЛУЧИТСЯ ПРИПАДОК, И МЫ НА НЕГО ОБЯЗАТЕЛЬНО СРЕАГИРУЕМ. ОН СРЕАГИРУЕТ ТОЖЕ, ПОТОМУ ЧТО ИНАЧЕ ОН НЕ МОЖЕТ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, РУЖЬЕ ВЫСТРЕЛИТ ЗДЕСЬ, У НАС, И ОПРАВДЫВАТЬСЯ И ЧТО-ТО ДОКАЗЫВАТЬ ВАМ НЕ ПРИДЕТСЯ.

— И СКОРО ЭТО СЛУЧИТСЯ?

— ЧЕРЕЗ ПАРУ МИНУТ.

Открыв глаза и выпрямившись с видом человека, нашедшего выход из тупика, Рейвен возбужденно сказал:

— Послушайте, если моя жизнь известна до мелочей, значит, мое тело было оккупировано за время между моей смертью и воскрешением. Логично?

— Не знаю,— ответил Ломакс.— Это решат другие.

— Они с этим согласятся,— уверенно заявил Рейвен.— Теперь же, если мы согласимся с далеко идущим утверждением, будто некая форма жизни захватила физическое тело другого существа, то как она сумела присвоить заодно и такую нематериальную субстанцию, как воспоминания этого существа?

— Я не эксперт.— Ломакс сделал в блокноте пометку.— Дальше.

— Если я наговорю множество детских воспоминаний, начиная от трех лет,— с превосходной имитацией торжества продолжал Рейвен,— и большинство из них подтвердят люди, которые еще живы, к какой форме жизни вы тогда меня отнесете?

— Не знаю,— сказал Ломакс.— Это предположение сейчас рассмотрят. Мне дадут знать, развивать ли эту тему дальше.

— Вы поверите мне, если я скажу, что в юности сознательно подавлял свои способности, зная, что я — урод? И если четыре похожих урода составили компанию просто потому, что вместе им было легче,— что тут странного?

— Я не вправе верить вам или не верить,— уклончиво ответил Ломакс.— Подождите, скоро мы узнаем...—

Внезапно его лицо скривилось от боли, на лбу выступил пот. Усилием воли Ломакс взял себя в руки.— Если вам больше нечего предложить, время истекло.

Оглянувшись по сторонам, Рейвен увидел: линзы сканера, спрятанный в стене телеглаз, крошечную кнопку в полу около правой ноги Ломакса, провода, тянувшиеся от нее к механизму в подвале. Мысленным взором он осмотрел механизм и оценил силу смертоносных лучей, которые тот должен был испустить.

О всех этих штуках они с Линой узнали, как только вошли. Им ничего не стоило, не двигаясь с места, разъединить телекинезом разъемы, заклинить кнопку или закоротить источник питания спрятанного внизу орудия казни. Несмотря на всю веру Ломакса в обратное, выход был открыт настежь с самого начала их разговора. К несчастью, удачный прорыв означал бы полный провал.

Сейчас они были почти раскрыты. Требовалось одно — любой ценой усыпить подозрения, причем так, чтобы заставить мрачных типов у телекамеры сделать неверные выводы и делать их всякий раз, когда в их душах зашевелится червь сомнения. Ложь должна быть благодушной, добротной и окончательной, всякие же намеки на истинное положение вещей должны быть искоренены раз и навсегда.

Конспирация становилась делом первостепенной важности. Ни одно зернышко истины не должно затаиться в мозгах двуногих, чтобы в один прекрасный день не оказаться извлеченным на свет. До сих пор эти люди жили в счастливом неведении, и они должны остаться в нем впредь. Потому что пока даже крупица знания представляет для них величайшую опасность.

Что касается свободы, манившей из-за бронированной двери, это была убогая, ограниченная, третьесортная свобода. Свобода ребенка, играющего на улице. Свобода младенца мочить пеленки и трясти погремушкой. Свобода гусеницы, ползущей под лист в поисках безопасности.

Рука Рейвена как бы случайно дотронулась до руки Лины. Теперь они составляли единое целое.

— Кроме явных, всегда были и будут скрытые мутанты,— убежденно произнес Рейвен.— Из-за этого ге-

неалогические изыскания неадекватны и обманчивы. Например, если бы мой дед по матери был негодяем и просто-напросто скрывал свои гипнотические способности, чтобы втихаря обделывать свои делишки, то понятно...

Рейвен оборвал фразу. Очередной приступ сотряс тело Ломакса, заставив его согнуться в три погибели. И прежде чем Ломакс смог совладать с мучительной болью, Лина сделала ход.

— О Дэвид, смотри! — испуганно вскрикнула она, и на самой высокой ноте этого крика прозвучал другой возглас:

— В чем дело?

В тот же миг оба с неотразимой силой ударили по мозговой защите Ломакса. У него не было времени спросить, о чем они, черт возьми, говорят; не было времени ответить, что дело, собственно, ни в чем; не было у него и доли секунды, чтобы взять себя в руки и согнать с лица гримасу боли. Он услышал восклицание Лины и последовавший за ним вопрос Рейвена, которые были произнесены голосами объятых ужасом и изумлением людей, а затем его сознание получило болезненный удар. Он качнулся вперед. Вживленный контур сработал мгновенно. Нога его сама ударила по тайной кнопке, и он успел мысленно вскрикнуть: «Я сделал это. Бог ты мой, я...»

Затем крик оборвался...

...И наступил хаос и замешательство. Ломакс не знал, не мог сказать, долго ли длился этот период, секунды прошли или века. Он не знал, свет вокруг или тьма, холод или жара, стоит он или лежит, движется он или покоится.

Что же произошло, когда он нажал проклятую кнопку? Быть может, на трех подопытных кроликах испытали какое-то новое дьявольское устройство? Может, оно забросило его в прошлое? Или в будущее? Или в какое-то иное измерение? Или, и это было бы ужаснее всего, не искалечило ли оно его разум, как уже искалечили ему тело?

И вдруг он осознал, что больше не чувствует ту непрестанную пульсирующую боль, которая превратила два последних года его жизни в настоящий ад. Изумление от наступившего облегчения затормозило безумный бег его мыслей. Он начал медленно, неуверенно, как малое дитя, изучать окружающее...

...И ему показалось, будто его несет куда-то вверх, а может, вниз, среди великого множества сверкающих шаров, больших и малых. Обступая его со всех сторон, шары лениво скользили мимо, переливаясь изумительно яркими красками, а между ними клубилась и причудливо переплеталась вуаль прозрачного тумана. Он был словно утлый челнок без руля и ветрил посреди широкой, играющей всеми мыслимыми цветами, бурлящей реки.

Боль ушла, исчезла, хотя это казалось невероятным, осталось только убаюкивающее покачивание в потоке голубых и зеленых, малиновых и золотых, оранжевых и белых звездных искр, озаряемом вспышками маленьких радуг,— в потоке, увлекавшем его все дальше и дальше в бесконечность мира и покоя, в сладкую дрему, и он знал, что хотел бы дремать так вечно, пока существует время...

Но вот разум его прояснился, пелена бездумного покоя спала, и он, как ни сопротивлялся, отчетливо увидел то, что было вокруг. Теперь ему казалось, что сквозь мягкий дым, среди шаров, звучит целый хор голосов, которые отнюдь не были голосами, но, однако, их можно было слышать или, скорее, чувствовать, во всяком случае — понимать, и все они говорили на одном языке.

Одни из непомерной дали быстрым стаккато выстреливали короткие фразы, другие находились ближе и звучали спокойней. Удивительно было, что он мог четко назвать, откуда слышался каждый голос, и точное расстояние до него. Некоторые звучали совсем рядом, среди колец дыма, сфер и красок, произнося какие-то таинственные фразы.

— Побудь с ним! У него не может быть повода мстить, но все-таки побудь с ним. Нам ни к чему неприятности, как со Стином.

— Говорят, он был к этому готов, поэтому должен привыкнуть быстрее.

— Это всегда трудно, не важно, насколько ты готов.

— Он должен понять, что здесь врагов быть не может.

— Цветок не может ненавидеть собственные семена, а птица свои яйца.

Он подумал: а не бред ли все это, не сошел ли он с ума? Каким-то непостижимым образом он понял, что те, кого он знал как Рейвена и Лину, находятся рядом, разделяя с ним его грезы. Не дотрагиваясь до него, они поддерживали его, плывя с ним бок о бок сквозь туман. Они были теперь другими, не такими, какими он знал их, но теперь он знал наверняка — кто они. Как будто только сейчас он смог разглядеть то, что мог увидеть и раньше, если бы умел смотреть.

И сразу смутные образы прояснились, упорядочились и сложились в законченную картину. Словно сметенные чьим-то могучим дыханием, мириады шаров унеслись прочь, заняв в невообразимой дали извечные места. Солнца и планеты, серебряные гвоздики на черном безбрежном сукне.

Его новое зрение не было объемным, но зато он обладал автоматическим, чрезвычайно тонким чувством расстояния. Лишь взглянув, он знал, какие звезды близко, какие далеко, и точно знал, насколько они дальше.

Все еще сопровождаемый теми двумя, он услышал, как один их них крикнул: «Чарльз! Чарльз!» — и ответ, донесшийся издалека: «С прибытием, Дэвид!» У них были другие имена, но он воспринимал их под прежними, потому что новые постичь еще не мог — хотя откуда-то знал, к кому они относятся. Это явление не возбудило в нем любопытства и не побудило его вдуматься, ибо сейчас он был поглощен панорамой заполненного мирами космоса и изумлен его ни с чем не сравнимой красотой. Миры были тоже разные.

Поверхность многих из них он «видел» до мельчайших деталей. На некоторых жили странные твари — одни прыгали, ползали, другие порхали, напоминая языки пламени,— безгранично разнообразные в своей примитивности.

Но на многих других мирах шла жизнь иная — там царили длинные, тонкие, змееобразные, покрытые тем-

но-серой шкурой создания, снабженные хорошо развитым мозгом, множеством ловких конечностей и органами экстрасенсорного восприятия. Они пользовались телепатией, хотя и в ограниченном диапазоне, могли мыслить индивидуально, но умели при желании объединяться, образуя коллективный разум.

Эти твари странствовали во всех направлениях в изящных ракетных кораблях черного цвета, они исследовали планеты и звездные системы, патрулировали разделявшие их пропасти, картографировали, докладывали на многочисленные базы и все время без устали что-то искали, искали...

Денебиане!

Они считали себя венцом творения. Впитывая информацию, Ломакс узнал о денебианах многое. Они находились на высшей отметке развития планетарных форм жизни и относились ко всем другим формам вполне терпимо, потому что считали их ниже себя. Они не причиняли им вреда, относясь к ним со снисходительным покровительством. Но денебиане имели один изъян — для них была непереносима сама мысль о том, что им придется когда-либо жить рядом с равной — или с более развитой — цивилизацией.

А более развитая существовала!

Именно поэтому уже много веков денебиане лихорадочно искали мир или миры, откуда могли выйти те, кто составит им конкуренцию. Они бы разорили гнездо возмутителей спокойствия — если бы его нашли. Черные корабли совали свой нос всюду, рыская среди бесчисленного множества звезд, пугая, но не трогая ни попрыгунчиков, ни ползунов, и задерживаясь только вокруг колоний маленьких двуногих личинок, которые обитали на далеко разнесенных в пространстве планетах.

Ломакс тоже почувствовал интерес к этим созданиям. Бледные маленькие личинки, копошащиеся, что-то пытающиеся построить, придумавшие в конце концов убогие и хрупкие ракетные корабли, которые никогда не выйдут за пределы их собственного ничтожного уголка мироздания. Личинки грустные, личинки скорбящие, личинки восторженные, личинки честолюбивые, личинки — мелкие деспоты...

Среди них были более одаренные и талантливые, возвышавшиеся над общим уровнем. Некоторые воображали себя выше других потому лишь, что умели читать мысли других личинок — в тесноте той планетки, на которой все они копошились. Иные умели подчинять окружающих, внушая им страх и заставляя повиноваться.

В каждой колонии личинки создали культуру, создали философию и даже религию. Не в силах постичь простейшие истины, они зашли так далеко, что вообразили себя созданными по образу и подобию некоей всемогущей суперличинки.

Время от времени то один, то другой, более дерзкий, чем остальные, осмеливался выглянуть из кокона, в котором прятался. Украдкой он пристально всматривался в темноту и вдруг видел... громадного мотылька с горящими глазами, который парил в вечной ночи. И моментально смельчак прятался обратно, напуганный донельзя, так и не узнавший в мотыльке — и кого! — самого себя!

Непомерное ощущение полноты жизни захлестнуло все существо Ломакса. Личинки! Мотыльки! Живой, могучий, он увидел Рейвена и Лину, Чарльза и Мейвис такими, какими он никого и никогда не видел прежде. Они все еще были с ним, помогая ему, наблюдая за ним, заставляя его быстрее привыкать к новому окружению.

Маленькие двуногие личинки, пожалел он. Наши! Наши птенцы, ждущие своего естественного превращения. Он подумал: если денебиане, которые никак не могут распознать в них своих заклятых врагов, выудят наконец истину из чьего-нибудь проницательного ума в одной из таких колоний, ведь тогда они начнут систематически уничтожать всех подряд... Если какая-нибудь личинка будет знать слишком много, их перебьют всех, от одного конца неба до другого.

— Никогда! — уверил тот, который когда-то был человеком по имени Рейвен.— Это никогда не случится. В каждом гнезде сидят два сторожа, они живут в телах личинок, взятых с разрешения их предыдущих хозяев, как я взял с разрешения Дэвида Рейвена его тело. Они

охранники. Они действуют парами. Для наблюдения достаточно одного, второй — средство от одиночества.

— Но вы бросили без присмотра то место...

— Его уже заняли двое других.

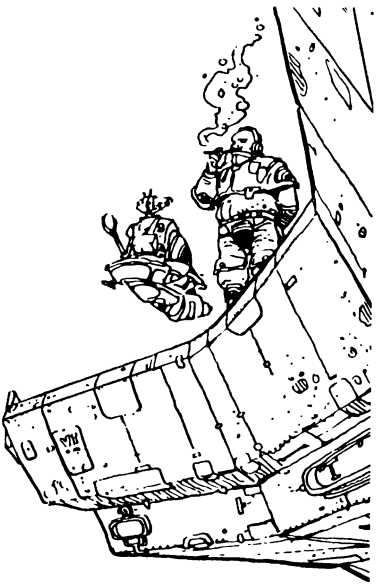
Они начали удаляться от него, медленно двигаясь в невообразимые дали, которые были их естественным домом. Денебиане превосходили все планетарные цивилизации, но эти превосходили денебиан, потому что ничто не приковывало их к тверди земной, когда заканчивалось их личиночное детство. Это были уже не личинки, а сверхчувствительные, универсально одаренные создания великих пространств.

«Бледные слабые двуногие твари,— удивлялся Ломакс,— как они прозвали самих себя? Ах, да, Homo Sapiens — Человек Разумный. Несколько самых прытких даже посмели назваться Homo Superior — Человек Высший. Как это жалко и как это трогательно...»

Инстинктивно, так, как ребенок ставит ножку, пробуя встать, как котенок выпускает коготки, он расправил гигантские, светящиеся, веерной формы могучие крылья и устремился вслед за своими товарищами.

Он был жив, жив, как никогда прежде. И переполнен ликованием! Он знал, кем он стал и кем маленьким белым личинкам еще предстоит стать.

Homo In Exselsis — Человек Вознесенный!

РАССКАЗЫ

Я — НИЧТОЖЕСТВО

— Вышлите им ультиматум,— суровым голосом сказал Дэвид Корман.

— Да, сэр, но...

— Но что?

— Это означает... войну.

— И что из этого?

— Ничего, сэр.— Собеседник с трудом подбирал слова, опасаясь сказать лишнее.— Я просто думал...

— Вам платят не за то, чтобы вы думали.— холодно перебил Корман.— Вам платят за выполнение приказов.

— Конечно, сэр. Совершенно верно.— Схватив бумаги, он торопливо попятился к выходу,— Я тотчас же направлю ультиматум на Лэни.

— Вот так-то лучше! — Корман бросил сердитый взгляд на свой богато украшенный стол и подождал, пока закроется дверь. Затем прошипел: — А то он, видите ли, думал...

Еще один лизоблюд. Он был окружен льстецами, трусами, слабовольной швалью. Со всех сторон его обступали ничтожества — бесхребетные, готовые вскочить по его приказу, выслуживающиеся, лебезящие перед ним. Они улыбались фальшиво и подобострастно, торопливо соглашались с каждым его словом, мельчайшим жестом подчеркивая почтение, а все ради одного — чтобы прикрыть свой страх перед ним.

И не без оснований. Он, Дэвид Корман, был сильным. Он был сильным во всех отношениях, сила его

была полной и совершенной. Мощный телом, широкий в кости, с крепкими челюстями и тяжелым, буравящим взглядом — сила внешняя в нем соответствовала силе внутренней, мощь физическая не уступала мощи духовной.

И хорошо, что он был таким. Закон природы состоит в том, что слабый должен уступить сильному. Совершенно разумный закон. Тем более что мир Морсэны нуждался в сильном человеке. Космос полон могущественных соперников, и все они были родом с какой-то полуреальной, давно забытой планеты неподалеку от потухшего Солнца. Долг Морсэны состоял в том, чтобы стать сильнее за счет слабого, следуя закону природы.

Его тяжелый палец отыскал на столе кнопку, надавил на нее.

— Командующего эскадрой ко мне. Немедленно,— произнес он в маленький серебряный микрофон.

Раздался стук в дверь, Корман рявкнул:

— Войдите!

Как только Роджерс приблизился к столу, Корман сказал:

— Мы посылаем ультиматум.

— В самом деле, сэр? Вы полагаете, они его примут?

— Не важно, примут они его или нет,— объявил Корман тоном, не терпящим возражений.— В любом случае мы поступим по-своему.

— Да, сэр.

— Флот готов к боевым действиям, согласно приказу?

— Так точно, сэр.

— Лично проверили?

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Вот мой следующий приказ: задействовать эскадру для доставки на Лэни курьера с нашими требованиями. Местным властям дается двадцать часов на принятие удовлетворительного решения.

— А если его не поступит?

— Эскадра нанесет массированный удар ровно через минуту по истечении срока ультиматума. Первостепенная задача — захватить и удержать космодром.

Овладев им, высадить наземные войска, которые начнут завоевание планеты.

— Вас понял, сэр.— Роджерс уже готов был уйти.— Еще что-нибудь?

— Да,— сказал Корман.— Есть еще одно — особое — распоряжение. Когда все будет готово к захвату этой базы, корабль моего сына приземлится первым.

Роджер нервно запротестовал:

— Сэр, но он еще только лейтенант и командует небольшим разведывательным кораблем с экипажем в двадцать человек. А в штурме, согласно плану генерального штаба, должен участвовать один из наших тяжелых линейных крейсеров...

— Мой сын сядет первым! — Поднявшись во весь рост, Корман навис над столом. Его взор был холоден.— Все должны знать, что Рид Корман, мой единственный ребенок, выступает в авангарде сражения. Это произведет превосходный психологический эффект на рядовые массы Морсэны. Это приказ.

— А если с ним что-нибудь случится? — в страхе пробормотал Роджерс.— Что, если он будет ранен или... убит?

— Это,— Корман ткнул пальцем перед собой,— только усилит эффект!

— Так точно, сэр.— Роджерс проглотил комок в горле и заторопился к выходу, оценивая по пути ситуацию.

Получается, ответственность за жизнь Рида Кормана ложится на его плечи? Или этот человек за столом искренен в своем роковом и непримиримом фатализме? Он не знал этого. Знал он только одно — о Кормане нельзя судить по обычным меркам.

Вышколенный и бесстрастный полицейский эскорт замер по стойке смирно, когда Корман выходил из своего громадного служебного автомобиля. Он, как обычно, окинул полицейских суровым взглядом, пока шофер ждал, не закрывая дверцы. Затем Корман поднялся по лестнице в свой дом, услышав, как дверца машины хлопнула на шестой ступени. Это всегда происходило

именно на шестой ступени, и никогда на пятой или седьмой.

В доме его ждала горничная, все на том же месте, на уголке ковра, готовая принять его шляпу, перчатки и пальто. Застывшая и чопорная, она никогда не смотрела ему в глаза. За 14 лет они ни разу не встретились взглядом.

Презрительно хмыкнув, он поправил волосы, прошел в гостиную, сел на свое обычное место и внимательно посмотрел на жену, которая сидела напротив, по ту сторону белоснежной скатерти, уставленной серебром и хрусталем.

Высокая блондинка с голубыми глазами, когда-то она была необычайно красива. Ее гибкий стан вызывал в памяти восхитительную картину — как она извивается у него в руках. Теперь фигура жены сделалась угловатой, груди плоскими, покорные глаза окружила сетка морщинок, не имевших ничего общего со следами былой смешливости.

— Мое терпение исчерпано,— объявил он.— Мы раскрываем карты. Ультиматум послан.

— Да, Дэвид.

Это было именно то, что он ожидал от нее услышать. Он заранее знал, что она скажет. В этом состоял ее профессионализм.

Давно, четверть столетия назад, он сказал с приличествующей моменту вежливостью:

— Мэри, я хочу на тебе жениться.

— Да, Дэвид.

Она не хотела этого и даже не помышляла, что он такое предложит. Но семья наставила ее на путь истинный, и она последовала воле семьи, ибо такова жизнь: одни наставляют, другие этим наставлениям следуют. Мэри принадлежала к последним. Этот факт лишил их роман остроты. Победа была слишком легкой. Корман всегда добивался победы, но он хотел трудной победы. Легкая его не устраивала.

Позже, когда ему показалось, что подходящий момент настал, он ей сказал:

— Мэри, я хочу сына.

— Да, Дэвид.

Она в точности выполнила его приказ. Без промахов и ошибок. Не навязывала ему какой-нибудь толстой плаксивой дочки. Сын, восьми фунтов веса, назван был впоследствии Ридом. Корман сам ему выбрал имя.

Тень легла на его крупные черты, когда он сообщил:

— Почти наверняка это означает войну.

— Неужели, Дэвид?

Голос ее даже не дрогнул. Выцветшее округлое лицо было лишено выражения, глаза были полны монашеского смирения.

В который раз он задумался: а вдруг она ненавидит его — той лютой, неукротимой ненавистью, которую надо любой ценой удерживать под контролем. Он никогда не мог с уверенностью сказать, что скрывается за этой маской напротив. Лишь в одном он был уверен: она боится его — с первого дня боится.

Все боялись его. Без исключения. Те, кто не испытывал страха сразу, заражались им постепенно. Он добивался этого — не мытьем, так катаньем. Это хорошо, если тебя боятся. Превосходная замена всех прочих эмоций.

В детстве он боялся отца — долго и мучительно. И матери. А их обоих — настолько сильно, что их уход принес ему несказанное облегчение. Теперь была его очередь. Это тоже закон природы, ясный и логически оправданный. Что наследовало одно поколение, должно быть передано следующему. Что не годится для жизни, не передается по наследству.

Справедливость.

— Разведывательный корабль Рида вошел в состав эскадры.

— Я знаю, Дэвид.

Его брови приподнялись:

— Откуда ты знаешь?

— Я получила от него письмо час назад.— Она передала ему конверт.

Он не торопился развернуть лист плотной бумаги. Корман знал, очень хорошо знал, какими будут два первых слова. Раскрыл письмо, увидел, что оно вверх ногами, взял нормально, прочел: «Дорогая мама...»

Это была месть.

«Мэри, я хочу сына».

Вот она и дала ему сына — чтобы потом отнять. Теперь были письма, примерно два в неделю или одно за два месяца, в зависимости от дислокации корабля и расстояния между ними и сыном. И всегда они были написаны как бы для них обоих, и всегда содержали формальные признания в любви и сыновней привязанности к обоим, надежду, что оба родителя чувствуют себя хорошо.

Но всегда начинались со слов:

«Дорогая мама».

И никогда:

«Дорогой отец».

Месть!

Час «Ч» настал и прошел. Морсэну лихорадило. Никто не знал, что происходит там, далеко в космосе, даже Корман. Причиной было громадное расстояние: лазерные сигналы с эскадры приходили с задержкой в несколько часов.

Первое донесение легло Корману на стол, когда он уже извелся от ожидания. В нем сообщалось, что лэнийцы ответили протестом и при этом взывали к доводам рассудка. В соответствии с инструкциями командующий эскадрой отверг подобный ответ как неудовлетворительный. Штурм начался.

— Они взывают к рассудку,— прорычал Корман.— Хотят сделать нас слабыми. Жизнь не для мягкотелых.— Он зыркнул глазами по сторонам.— Не так ли?

— Так точно, сэр,— с готовностью подтвердил посыльный.

— Передайте Бэтерсту — немедленно транслировать запись в эфир.

— Да, сэр.

Как только курьер отбыл, он включил миниатюрный приемник и стал ждать. Передача началась через 10 минут: длинная, напыщенная речь, которую он записал более месяца назад. В ней обкатывались две темы: справедливость и сила, особенно сила.

Законные поводы к войне были разъяснены в деталях, жестко, без гнева. Это намеренное отсутствие в

речи негодования имело глубокий смысл: война предлагалась как единственный способ выхода из создавшейся ситуации. Сильный должен управлять своими эмоциями.

Что касается причин, то сейчас он прислушивался к ним со скукой. Сильный знает, что у войны причина одна. Все прочие, что записаны в книгах по истории, яйца выеденного не стоят. Они всего лишь благовидные поводы. Коренная же причина войны, которая не менялась с тех давних пор, когда в джунглях встретились две обезьяны и захотели один банан,— это сама война.

Конечно, радиозапись не предусматривала столь прямого и откровенного изложения вопроса. Слабый желудок требует жидкой пищи. Кровавая отбивная исключительно для сильных натур.

Так гигантская антенна всемирной связи действовала в соответствии с диетическими потребностями народных масс.

Когда передача закончилась — естественно, на жизнеутверждающей ноте о превосходящей силе Морсэны и ее тесных отношениях с Богом,— Корман откинулся в кресле и еще раз все хорошенько обдумал. Вопрос о бомбардировке Лэни из верхних слоев атмосферы до полной капитуляции не стоял. Все города накрыты куполами-бомбоубежищами. Даже если они распахнут их настежь, он не отдаст приказ о разрушении городов. Это пустая победа — завоевать несколько курганов мусора.

Хватит с него напрасных побед. Взгляд его инстинктивно бегал по книжной полке, где стояла фотография, которую он редко когда замечал, а если и замечал, то не удостаивал пристального внимания. Много лет она стояла на одном месте, как бесполезный сувенир-безделушка, вроде чернильницы или батареи парового отопления, только еще более бесполезная.

Теперь она была не похожа на свой портрет. Вообще-то она не была похожа на него и тогда. Она внушала ему страх и послушание, пока он не осознал страх как основную и первостепенную жизненную потребность. Тогда он еще ни о чем особенно не мечтал. На-

сколько он себя помнил, с раннего детства он ничего не ждал от будущего. И не ждал ни от кого из людей, никогда.

И вот, в который раз за сегодня, он вспомнил о Лэни. Месторасположение этого мира и характер его защитных сооружений определяли способ завоевания. Отбитые космодромы должны постоянно пополняться войсками, оружием и вспомогательными службами. Оттуда военные силы Морсэны должны продолжать экспансию планеты и шаг за шагом распространяться на всю незащищенную территорию, пока наконец города под защитой сверхпрочных убежищ не останутся в полной изоляции. Тогда они могут отсиживаться под своими куполами, пока не умрет от голода последний защитник.

Приобретение вражескойтерритории было основной целью налета. Это означало, что несмотря на сверхскоростные космические корабли, защитные силовые экраны, ядерные взрывы и все прочие грозные орудия ультрасовременной техники, обычный пехотинец оставался окончательным арбитром победы. Машины — для штурма и разрушений. Но только человек может захватить и удержать.

Поэтому все обещало вылиться не просто в пятиминутную войну. Боевые действия могли растянуться на несколько месяцев, возможно даже на год, со схватками в старом стиле полевых операций, когда атакуются и обороняются уже занятые позиции и высоты. Бомбежка и обстрел должны ограничиться дорожными заставами, скрещениями стратегически важных путей, скоплениями техники и живых сил противника, а также незащищенных, но продолжающих сопротивляться населенных пунктов.

Предстоят разрушения и потери личного состава. Но это лучшее решение вопроса. Реальное завоевание выше реальных препятствий и не выше воображаемых. В час своего триумфа Морсэну будут бояться. И Кормана будут бояться. А тех, кого боятся, тех и уважают, как и положено.

Если больше ничего не остается.

Живописная кинохроника появилась на исходе месяца. Первая демонстрация была закрытой и состоя-

лась в его доме перед небольшой аудиторией, состоявшей из него самого, жены, группы правительственных чиновников и различных заправил. Пропущенные воздушной обороной Лэни, оказавшейся слабой и вскоре начисто уничтоженной, длинные черные корабли Морсэны пикировали в постоянно растущую наземную базу-космодром и разгружали громадные количества боеприпасов. Войска продвигались вперед, невзирая на упорное, хаотичное сопротивление, бронетехника, непрерывно набирая вес, следом.

Кинокамера прокатилась по огромному мосту, с толстыми, фантастически искореженными балками и гигантскими пробоинами, временно залатанными. Камера перенесла их через семь разрушенных до основания поселков, которые противник либо оборонял, либо дал повод подумать, что собирается оборонять. Затем последовали кадры дороги, изувеченной кратерами воронок, обугленные скелеты домов, почерневших от копоти сараев и распухшие туши скота, с ногами, торчавшими в воздухе.

И заснятый на пленку штурм одинокой фермы. Патруль, внезапно попавший под обстрел, окопался и ответил огнем из бластеров. Некий металлический монстр на огромных, гремящих гусеницах ответил на их вызов, прогромыхал старательно в паре сотен ярдов от объектива, плюнул яростно и щедро из передней башни. Жидкость плеснула на крышу фермерского дома, вспыхнув ревущим пламенем. Какие-то силуэты заметались, ища спасения в зарослях по соседству. Звуковая дорожка издавала душераздирающий треск. Фигурки падали, катились, корчились в агонии и замирали.

Пленка кончилась и Корман сказал:

— Одобряю для публичного просмотра.

Встав с места, он обвел всех грозным взором, добавив:

— У меня одно замечание. Мой сын принял командование ротой пехотинцев. Он вершит свой патриотический труд, как и любой солдат. Почему он не запечатлен?

— Мы не осмелились снимать его без вашего разрешения, сэр,— сказал один извиняющимся тоном.

— Я не только разрешаю — я приказываю. Обязательно показать его в следующем выпуске кинохроники с поля боя. Без всякого приукрашивания. Пусть люди видят, что он там, в гуще сражения, разделяет трудности и опасности, окружающие простого солдата.

— Будет исполнено, сэр.

Они собрали аппаратуру и с тем отбыли. Корман беспокойно прогуливался по толстому ковру перед электрическим радиатором.

— Пусть знают, что Рид с ними,— еще раз повторил он.

— Да, Дэвид.— Она захватила с собой вязание, спицы позвякивали в ее руках, как далекие позывные из космоса.

— Ведь он мой сын.

— Да, Дэвид.

Прекратив это мерное расхаживание взад-вперед, он в раздражении прикусил нижнюю губу:

— Тебе больше нечего сказать, кроме этого?

Она подняла глаза:

— А ты хочешь, чтобы я сказала?

— Хочу ли я? — повторил он. Его кулаки невольно сжались, когда он возобновил свою прогулку по ковру, в то время как она вернулась к спицам.

Что она знает о желаниях?

Да и что о них знают вообще?

На исходе четвертого месяца оккупированные территории Лэни выросли до одной тысячи квадратных миль, в то время как люди и пушки продолжали непрерывно вливаться в войска захватчика. Продвижение оказалось более медленным, чем ожидалось. Незначительные промахи высшего командования, несколько непредвиденных трудностей, неизбежных при сражении на столь обширной территории, и к тому же сопротивление оказалось отчаянным, причем там, где это меньше всего ожидалось. Тем не менее прогресс был налицо. Хотя с небольшой задержкой, неизбежное всегда становится неизбежным.

Корман пришел домой, услышал, как дверца автомобиля захлопывается на шестой ступеньке. Все было,

как прежде, не считая того, что на сей раз часть населения непременно захотела собраться у ворот его дома, чтобы приветствовать своего лидера. Горничная стояла наготове, принимая его вещи. Тяжелыми шагами он проследовал в комнаты.

— Рид получил повышение по службе, теперь он капитан.

Она не ответила.

Встав прямо перед ней, он спросил властным тоном:

— Тебя что, это не интересует?

— Конечно, Дэвид.— Отложив книжку, она сложила на груди руки с длинными тонкими пальцами и посмотрела куда-то в окно.

— Что с тобой происходит?

— Что происходит? — Светлые брови изогнулись, когда ее взор остановился на нем.— Со мной ничего не происходит. Почему ты спрашиваешь?

— Объясняю.— В его словах появилось железо.— Я давно догадываюсь. Тебе не нравится, что Рида нет здесь. Ты не одобряешь, что я отослал его так далеко от тебя. Ты думаешь о нем только как о своем сыне. Но не о моем. Ты...

Она спокойно посмотрела на него:

— Наверное, ты просто устал, Дэвид. И обеспокоен.

— Я не устал,— настаивал он, излишне повышая голос.— И не обеспокоен. Беспокойство — признак слабости.

— Для слабости тоже есть причины.

— У меня их нет.

— Ну тогда ты, должно быть, проголодался.— Она заняла свое место за столом.— Поешь что-нибудь. Ты сразу почувствуешь себя лучше.

Недовольство и раздражительность не оставили его и за ужином. Мэри что-то скрывала, он знал это с уверенностью человека, прожившего с ней полжизни. Но он не мог выжать из нее объяснения авторитарными методами. И только когда он закончил есть, она капитулировала добровольно. Способ, которым она при этом воспользовалась, должен был свести удар до минимума.

— Пришло еще одно письмо Рида.

— В самом деле? — Он тронул пальцами бокал с вином, чувствуя, что насытился и напился, но не желая показывать этого.— Я знаю, что он вполне доволен, здоров и цел. Если бы с ним что-нибудь случилось, я узнал бы первый.

— Ты не хочешь взглянуть, что он пишет? — Она вытащила письмо из орехового бюро и протянула ему.

Он посмотрел на письмо, не протянув за ним руки.

— А-а, представляю: обычная болтовня, пересуды о войне.

— Думаю, ты мог бы почитать его,— настаивала она.

— Ты думаешь? — Взяв письмо, он подержал конверт, не сводя с нее вопросительного взора.— Чем же эта заурядная депеша может привлечь мое внимание? Или она чем-то отличается от других? Я знаю заранее, что письмо адресовано тебе. Не мне. Тебе. Рид ни разу в жизни не написал письма специально для меня.

— Он пишет нам обоим.

— Тогда почему он не начнет словами: «Дорогие папа и мама»?

— Вероятно, ему просто не приходило в голову, что это тебя задевает. И потом, это просто громоздко: «Дорогие папа и мама».

— Че-пу-ха!

— Ты мог бы просто просмотреть его, чем спорить, не читая. Все равно узнаешь, раньше или позже.

Последнее замечание оказалось убедительнее всего. Развернув письмо, он хмыкнул, пропуская начало послания, затем миновал десять абзацев, описывающих армейскую службу на чужой планете. Это был обычный треп, которые каждый боец посылает домой. Ничего особенного. Перевернув лист, он внимательно прочитал остаток послания. Его лицо стало сосредоточенным и побагровело.

«Лучше расскажу тебе, как я стал добровольным рабом лэнийской девочки. Я откопал ее в том малом, что осталось от деревни Блу Лейк, которая здорово пострадала от ударов наших тяжелых бомбардировщиков. Она была совершенно одинока и, насколько мне удалось обнаружить, оказалась единственной выжив-

шей. Мама, у нее нет никого. Посылаю ее домой на госпитальном корабле «Иштар». Капитан упирается, но он не посмеет отказать Корману. Пожалуйста, примите ее, ради меня, и позаботьтесь о ней до моего возвращения».

Бросив письмо на стол, он длинно и энергично выругался, закончив словом:

—...Недоносок!

Ничего не сказав, Мэри села, не сводя с него взора и сложив руки на коленях.

— Весь мир смотрит на него,— бушевал Корман,— как на фигуру общественной значимости и сына своего отца: в нем видят образцового солдата. А он что делает?

Она хранила молчание.

— Становится легкой добычей какой-то расчетливой сучки, которая сообразила сыграть на его сочувствии. Вражеская женщина. Лэнийская потаскушка.

— Должно быть, она симпатичная,— сказала Мэри.

— Нет симпатичных лэнийцев! — Отрезал он голосом, который мало чем отличался от крика.— Или ты совсем потеряла рассудок?

— Нет, Дэвид.

— Тогда к чему это глупое замечание? Одного идиота в семье вполне достаточно.— Он ударил кулаком в ладонь левой руки.— В то время когда антилэнийские настроения на подъеме, воображаю, какой эффект это произведет на общественное мнение, когда станет известно, что мы даем приют какой-то особо заслуженной, видите ли, вражеской иностранке, цацкаемся с какой-то накрашенной и напудренной стервочкой, которая вцепилась когтями в Рида. Представляю, как она начнет хвастать повсюду, одна из побежденных, которые становятся победителями с помощью порции дурмана. Должно быть, Рид тронулся умом.

— Ему двадцать четыре года,— заметила она.

— Что с того? Хочешь сказать, есть какой-то особый возраст, в котором человек имеет право корчить из себя идиота?

— Дэвид, я этого не говорила.

— Ты подразумевала.— Удары кулака в ладонь возобновились с новой силой.— Рид проявил неожиданную слабость. Это у него не от меня.

— Нет, Дэвид, конечно же, не от тебя.

Он уставился на нее, пытаясь сообразить, нет ли скрытого подтекста за ее кротким согласием. Но и это ускользало от него. Его ум был не ее умом. Он не мог думать в ее понятиях. Только в своих.

— Я остановлю это безумие. Если у Рида недостает силы характера, я об этом сам позабочусь.— Отыскав телефон, он заметил, снимая трубку: — Есть же тысячи интеллигентых привлекательных девушек на Морсэне. Если Рид чувствует, что ему надо завести роман, он может сделать это дома.

— Но он не дома,— напомнила Мэри.— Он далеко.

— Всего несколько месяцев. Почти ничего.— Телефон зажужжал, и он рявкнул в трубку: — «Иштар» уже покинул Лэни? — Немного подождав, он положил трубку на место и пробормотал огорченно: — Я бы вышвырнул ее с корабля, но слишком поздно. «Иштар» стартовал вскоре после того, как почтовый корабль привез письмо от Рида.— С видом, который никак нельзя было назвать довольным, он произнес: — Эта девчонка будет здесь завтра. Бесстыжая, наглая стерва. Уже издалека видно, какого поля ягода.

Повернувшись к стоявшим рядом большим, медленно отстукивавшим часам у самой стены, он смотрел на них, как будто «завтра» могло наступить в любой момент. Его ум работал над проблемой, внезапно свалившейся на голову. Спустя некоторое время он заговорил вновь:

— И пусть эта распутница и интриганка не мечтает, что найдет себе комфортабельное прибежище в моем доме, что бы Рид ни думал на ее счет. Я не желаю видеть ее, понятно?

— Понятно, Дэвид.

— Если он ослаб, то я — нет. Как только она прибудет, я устрою ей самый незабываемый прием в ее жизни. К тому времени как я закончу, она будет на седьмом небе от счастья, что вернется назад на Лэни на первом же попутном корабле. Она вылетит пробкой и навсегда забудет дорогу сюда.

Мэри оставалась безмолвна.

— Но я не собираюсь выносить сор из избы при народе. Я не дам ей даже такого удовольствия. Как только встретишь ее в космопорту, немедленно позвони и вези ко мне в офис. Там я с ней разберусь.

— Да, Дэвид.

— И не забудь позвонить мне перед этим. Мне нужно освободить место. Для личной семейной беседы.

— Я запомню,— пообещала она.

Было полчетвертого, когда на следующий день раздался звонок. Он прогнал адмирала флота, двух генералов, и директора внешней разведки, торопливо перелистал самые безотлагательные бумаги, освободил стол и внутренне приготовился к неприятной грядущей задаче.

Вскоре запищал интерком, и голос секретаря известил:

— К вам двое, сэр. Миссис Мэри Корман и мисс Татьяна Хест.

— Впустите.

Он с суровым лицом откинулся в кресле. Татьяна, подумал он. Иностранное имя. Можно представить, что за девица скрывается под этим именем: разряженная грудастая штучка, самоуверенная не по годам и с приценивающимся взглядом. Девчонки такого сорта легко цепляют на крючок молодых впечатлительных оболтусов вроде Рида. И, конечно же, на все 100 процентов уверена, что сумеет обольстить папашку с таким же успехом, кем бы он ни был. Ха, вот тут-то она ошибается.

Дверь открылась, и они безмолвно встали перед ним. Примерно полминуты он не сводил с них пристального взора, и десяток различных выражений сменился на его лице. Наконец он медленно поднялся и обратился к Мэри, откровенно изумленным тоном:

— Ну и где же она?

— Вот,— сообщила Мэри с нескрываемым и необъяснимым удовлетворением,— эта молодая леди.

Он шлепнулся обратно в кресло, глядя недоверчиво на мисс Татьяну Хест. Ее тощие ножки были выставлены до

колен. Одежда износилась. Бледное личико, со втянутыми впалыми щеками и пара громадных черных глаз смотрели как будто в пустоту, или же, точнее сказать, взгляд ее был направлен внутрь себя. Одной маленькой бледной рукой она держалась за Мэри, другой обнимала большого, недавно купленного медвежонка, полученного из источника, о происхождении которого он мог догадаться. Лет ей было никак не больше восьми.

Именно глаза захватили его больше всего: потрясающе серьезные, мрачные и, главное,— не желающие видеть. У него похолодело в животе, когда он разглядывал эти глаза. Она была не слепа. Она прекрасно видела его — но смотрела, как будто не видя. Эти громадные черные глаза могли просто регистрировать его существование, в то же время разглядывая неведомые тайники внутри нее самой. Жуткое зрелище, перенести которое смог бы не каждый.

Посмотрев на нее зачарованно, он пытался проанализировать и определить, что за странное качество у ее взгляда. Он ожидал встретить дерзость, вызов, наглость, гнев — все, на что способна хищница. Теперь же, раз так обернулось дело, можно было ожидать детского замешательства, самоуверенности, робости. Но это была не робость, решил он. Это было нечто иное, что трудно ухватить. Наконец он понял, что это, скорее всего, полное отсутствие в этом мире. Она была здесь, но как будто не с ними. Она была где-то там, внутри сотственного крошечного мирка.

Мэри вмешалась внезапно:

— Ну что, Дэвид?

Он обернулся на звук ее голоса. Некое смущение не давало привести в порядок его ум — так разнилась эта картина с тем, что он ожидал. У Мэри было преимущество в час с небольшим, для того чтобы справиться с шоком. Ему повезло меньше.

— Оставь ее со мной на несколько минут,— сказал Корман.— Я вызову тебя, когда закончу.

Мэри удалилась. В ее поведении появилось что-то новое, какое-то неожиданное удовлетворение, давно запоздалое. Он проследил, как она уходит, чувствуя ее позу и озадаченный этим.

Корман сказал с несвойственной ему мягкостью:

— Подойди сюда, Татьяна.

Она медленно двинулась к нему. Каждый шаг ее был против воли. Наконец она уперлась в стол и остановилась.

— Подойди, пожалуйста, поближе к моему креслу.

Той же самой, почти автоматической походкой робота она сделала то, что от нее требовалось; ее темные глаза смотрели с отсутствующим выражением перед собой. Приблизившись к его креслу, она замерла в молчании.

Он глубоко вздохнул. Казалось, кто-то пищал глубоко в ее сознании: «Я должна быть послушной. Я должна делать то, что говорят. Я могу делать только то, что мне говорят».

Она вела себя, как человек, которого вынуждали принимать порядок вещей, который от нее никак не зависел. Уступать каждому требованию, чтобы сохранить некое скрытое и драгоценное место нетронутым. Больше ей ничего не оставалось.

Несколько потрясенный, он спросил:

— Ты можешь разговаривать?

Она кивнула, слабо и отрывисто.

— Но это не разговор,— заметил он.

Здесь не было упорства. Молчаливая и чрезвычайно серьезная, она вцепилась в своего плюшевого медвежонка и терпеливо ждала, пока мир Кормана прекратит тревожить ее собственный мирок.

— Ты рада, что здесь, или жалеешь об этом?

Никакой реакции. Только внутреннее ожидание.

— Ну так как, рада?

Отрешенный, едва заметный кивок.

— Не жалеешь, что оказалась тут?

Еще менее различимое качание головой.

— Ты хотела бы остаться больше, чем улететь обратно?

Она молча посмотрела на него, не отвечая.

Он позвонил в приемную и передал Мэри:

— Отвези ее домой.

— Домой, Дэвид?

— Ты плохо слышишь? — Ему не понравилась преувеличенная слащавость ее тона. Это что-то новое, но он не мог уловить что.

Дверь за ними закрылась. Его пальцы беспокойно забарабанили по столу, в то время как перед ним все еще оставались эти черные глаза. Он чувствовал в своем желудке крошечный холодный гвоздь.

Следующие две недели его ум, казалось, был наполнен более сложными проблемами, чем были когда-либо доселе. Подобно многим личностям его масштаба, он обладал способностью обдумывать несколько дел одновременно, но не проницательностью определять, когда кто-то завоевывает превосходство над прочими.

Первые два-три дня он упрямо не замечал эту бледную пришелицу в своем доме. И все же не мог не замечать ее присутствия. Она всегда была рядом, тихая, покорная, незаметная, с осунувшимся бледным лицом и огромными глазами. Часто она сидела долгими часами, не шелохнувшись, точно брошенная кукла.

Когда к ней обращалась Мэри или одна из горничных, девочка оставалась глухой к промежуточным словам, реагируя только на прямые вопросы или приказы. Она отвечала едва заметным жестом, если же этого не хватало, откликалась односложно тонким детским голосом. Все это время Корман не заговаривал с ней вообще — но невольно заметил ее фаталистическое принятие факта, что она не являлась частью его деловой жизни.

На четвертый день, после ленча, он застал ее одну, присел рядом на корточки и спросил в лоб:

— Татьяна, что с тобой? Тебе здесь не нравится?

Снова-здорово — короткий кивок головой.

— Тогда почему ты не смеешься и не играешь, как другие?.. — Он осекся, когда в комнату вошла Мэри.

— Сплетничаете тут? — развязно поинтересовалась она.

— Представь себе,— огрызнулся он.

В тот же вечер он смотрел последнюю кинохронику с переднего края. Она не принесла ему особого удовольствия. В действительности даже раздражала. Радость победы непостижимым образом улетучилась из картины.

К концу двухнедельного периода с него было более чем достаточно этих отрывистых фраз и невидящего взгляда. Это было все равно, что жить рядом с призраком. Человек, в конце концов, имеет право на минимум отдыха в собственном доме.

Разумеется, он не мог отправить ее обратно на Лэни, как собирался. Сейчас это означало признать поражение. Не мог же он, Корман, принять поражение от ребенка. Ей не удастся вынудить его на крайние меры. Это был вызовом, и он во что бы то ни стало должен найти выход из положения.

Вызвав в кабинет своего научного консультанта, он произнес с раздражением:

— Послушайте, у меня на шее сидит неконтактный ребенок. Мой сын прислал девочку-сироту с Лэни. Это такая обуза. Что можно сделать для нее?

— Боюсь, что лично я не смогу оказаться здесь полезным, сэр.

— Почему?

— Я физик.

— Тогда, может, предложите кого другого?

Поразмыслив, собеседник сказал:

— В моем ведомстве таких специалистов нет, сэр. Но наука имеет дело не только с производством автоматов. Вам нужен специалист в вещах менее осязаемых.— Он снова задумался.— В психиатрической клинике, возможно, порекомендуют вам профессионала.

Он связался с ближайшей клиникой и получил ответ:

— Вам нужен детский психолог.

— Кто лучший специалист на этой планете?

— Доктор Джейджер.

— Свяжитесь с ним. Я хочу вызвать его на дом сегодня вечером, не позже семи.

Толстый общительный мужчина среднего возраста, Джейджер непринужденно вошел в роль друга семьи, который зашел на огонек. Он болтал разные глупости, ненавязчиво подключая Татьяну к разговору, время от времени обращаясь к ней, и даже заговаривал с ее плю-

шевым медвежонком. Всего два раза за целый час она вступила в его мир, но только на мгновение, ответив мимолетной улыбкой,— а затем возвратилась в свой собственный.

Наконец психолог намекнул, что пора оставить его с Татьяной наедине. Корман вышел, заключив, что визит психолога был безрезультатным. В салоне Мэри подняла на него глаза из своего кресла.

— Что у нас за гость, Дэвид?

— Что-то вроде специалиста по детским болезням. Он обследует Татьяну.

— В самом деле? — И опять эта слащавость тона, которая вызывала оскомину.

— Да,— отрывисто сказал он.— В самом деле.

— Вот уж не думала, что ты будешь так заинтересован в ней.

— Я ни в малейшей мере не заинтересован в ней,— заявил он.— Это Рид заинтересован. Время от времени я напоминаю себе, что Рид мой сын.

Она пропустила это мимо ушей. Корман занялся какими-то официальными бумагами в ожидании, пока Джейджер закончит. Затем он вернулся обратно в комнату, оставив Мэри погруженной в книгу. Он осмотрелся.

— Где она?

— Ее забрала горничная. Сказала, что девочке пора в постель.

— Так.— Корман занял место в ожидании дальнейшего рассказа.

Низко склонившись над столом, Джейджер стал объяснять:

— Я прошу их написать мне рассказ. Как это ни странно, детям нравится такой способ общения, особенно если это делается в виде игры. Они описывают какую-нибудь историю из жизни, которая произвела на них самое большое впечатление. Результат может быть самым неожиданным.

— И вы...

— Еще минутку, мистер Корман. Прежде всего я должен заметить, что дети обладают врожденным даром, которому могут позавидовать многие писатели.

Они могут выразить себя с замечательной живостью простым языком, с громадной экономией слов. Дети никогда не пишут лишних слов.

Он испытующе поглядел на Кормана:

— Вам известно, при каких обстоятельствах ваш сын нашел этого ребенка?

— Да, он написал нам об этом в письме.

— Ну что ж, принимая это во внимание, думаю, вы сможете оценить эту вещь в жанре «хоррор».

Он протянул листок бумаги:

— Она написала это без моей помощи.— Джейджер направился за шляпой и пальто.

— Вы уходите? — удивился Корман.— А как же диагноз и курс лечения?

Доктор Джейджер остановился у самой двери.

— Мистер Корман, вы же интеллигентный человек.— Он указал на листок, который был у Кормана в руках.— Я думаю, это все, что вам потребуется.

Затем он удалился. Корман посмотрел на лист бумаги. Для рассказа коротковато. Он прочитал:

«Я ничтожество. Мой дом сломался. Моего котика раздавила стена. Я хотела его снять. Они меня не пустили. Они его выбросили».

Холод в желудке стал еще сильнее. Корман прочитал снова. И еще раз. Он вышел к основанию лестницы и посмотрел вверх, где спала она.

Враг, которому он ничего не сделал.

Сон давался с трудом. Обычно он мог совладать с собой и урвать час-другой сна в любое время суток, где угодно, в считанные секунды. Теперь он был странно обеспокоен, расстроен. Что-то мучительное не давало ему покоя.

Прерывистый сон с частыми пробуждениями больше напоминал бред, в котором перемежались картины кошмара. Он продирался сквозь этот сон на ощупь, в бесконечной и непроницаемой мгле, в которой не было ни звука, ни голоса, ничего другого. Бред становился все невыносимее: кошмарная в своей нереальности, изувеченная земля, изрыгающая столбы дыма; железные

чудовища, воющие в небесах; громадные ползучие монстры, похожие на пресмыкающихся и насекомых; бесконечные колонны покрытых пылью людей, распевающих забытую военную песню какой-то прежней эры.

«Ты переступил через брошенную куклу».

Он проснулся рано с воспаленными глазами и больной головой. Утром на службе все валилось из рук. Он не мог ни на чем сконцентрироваться и несколько раз ловил себя на пустяковых ошибках. Пару раз замечал, что смотрит перед собой невидящим взором.

В полтретьего секретарь вызвал его по интеркому:

— Астролидер Уоррен просит аудиенции, сэр.

— Астролидер? — повторил он, подумав, что ослышался.— Такого звания нет.

— Это космический ранг Дракэнов, сэр.

— Ах, да, конечно. Пригласите прямо сейчас.

Он ждал гостя со смутным предчувствием. Дракэны создали мощный синдикат из десяти планет на громадном расстоянии от Морсэны. Они находились так далеко, что контакт между их планетами был явлением исключительным. Боевой корабль Дракэнов наносил визит вежливости всего дважды на его памяти. Так что случай был почти уникальным.

Гость вошел: коренастый молодой человек в светло-зеленой униформе. Обменявшись дружеским рукопожатием, он занял указанное ему кресло.

— Удивлены, мистер Корман?

— И даже очень.

— Мы торопились, но подобное расстояние не одолеешь за день. Путешествие от Дракэнов до Морсэны требует времени.

— Я знаю.

— Ситуация такова,— начал Уоррен.— Уже достаточно давно мы получили от Лэни сигнал о захвате планеты. Лэнийцы сообщали, что они вовлечены в серьезный спор и опасаются войны. Они обратились к нам с просьбой участвовать в переговорах в качестве третьего незаинтересованного лица.

— Так вот зачем вы прибыли встретиться со мной?

— Да, мистер Корман. Мы знаем, что шанс прибытия в подходящее время довольно невелик. Нам ничего

не оставалось, как поспешить на помощь быстро, как мы могли, и рассчитывать надеяться на лучшее. Роль миротворца подобает тем, кто претендует на цивилизованность.

— В самом деле? — сказал Корман не без сарказма.

— По крайней мере, это наша точка зрения.— Подавшись мощным корпусом вперед, Уоррен заглянул ему прямо в глаза: — Мы связались с планетой Лэни на подходе к вам. Они по-прежнему хотят мира. Но очевидно, что они проиграли сражение. Поэтому мы хотим знать только одно.

— Что именно?

— Мы опоздали?

А-а, вот он, главный вопрос: «Может быть, слишком поздно?» Да или нет? Еще вчера его ответ был бы незамедлительным и однозначным. Сегодня все было по-другому.

Да или нет? «Да» означало победу на поле боя, власть и беспрекословное подчинение. «Нет» означало другое — но что? Вероятно, проявление разумности вместо упрямства. Его внезапно озарила мысль, что надо обладать грозной силой характера, чтобы отбросить долго лелеемую точку зрения и принять новую. Это требует морального мужества. Слабым и нерешительным этого не дано.

— Нет,— не спеша ответил он.— Еще не поздно.

Уоррен встал, выражение лица его показывало, что это совсем не тот ответ, которого он ожидал.— Вы хотите сказать, мистер Корман...

— Ваше путешествие было не напрасным. Вы можете начинать переговоры.

— На каких условиях?

— Самых справедливых для обеих сторон, какие вы сможете придумать.

Он включил микрофон и сказал секретарю:

— Передайте Роджерсу, что я распорядился прекратить военные действия немедленно. Войска должны охранять периметр лэнийского космодрома в течение мирных переговоров. Граждане Конфедерации Дракэнов должны получить беспрепятственный пропуск через наши линии в любом направлении.

— Будет исполнено, мистер Корман.

Отвернув дужку микрофона в сторону, он продолжил беседу с Уорреном:

— Несмотря на расстояния, Лэни близка нам. Я был бы только рад, если бы лэнийцы заключили с нами нечто вроде экономического союза. Впрочем, я на этом не настаиваю. Я просто выразил пожелание — при этом отдавая себе отчет в том, что некоторые желания невыполнимы.

— Мы самым серьезным образом рассмотрим это предложение,— заверил Уоррен.— Он потряс его руку с энтузиазмом.— Вы большой человек, мистер Корман.

— Я? — Он усмехнулся.— В данный момент я пытаюсь вырасти в несколько ином направлении. В том, в котором обычно и растут.

Как только гость ушел, он швырнул пачку документов в выдвижной ящик стола. По большей части теперь это были ненужные бумажки. Странно — теперь ему дышалось гораздо легче, чем когда либо, легкие заполнялись более полно.

В приемной своего кабинета он сообщил секретарю:

— Сегодня я дома. Позвоните, если будет что-то безотлагательное.

Шофер закрыл дверь на шестой ступеньке. «Слабовольный»,— подумал Корман, забегая по лестнице в дом. Только придурковатый не имеет силы отучить себя от самим созданной привычки. В привычке можно закоснеть надолго и навсегда.

Он встретил горничную вопросом:

— Где моя жена?

— Вышла примерно десять минут назад. Сказала, что вернется через полчаса.

— Она взяла с собой...

— Нет, сэр. Девочка в салоне.

Он осторожно вошел в салон, где застал ребенка покоящимся на большом диване, с откинутой головой и закрытыми глазами. Рядом еле слышно играло радио. Интересно, сама включила? Скорее всего, кто-то просто оставил его включенным.

Подойдя на цыпочках по ковру, он приглушил еле слышную музыку. Девочка открыла глаза и села, выпрямившись. Направившись к дивану, он поднял с ковра ее плюшевого медведя и, положив его с одной стороны, с другой сел сам.

— Татьяна,— спросил он с грубой нежностью,— почему ты — ничто?

Никакого ответа. Ни малейшего признака, что она живет рядом с ним, дышит и разговаривает.

— Это потому, что у тебя никого нет?

Молчание.

— Никого из близких? — Настаивал он, чувствуя нечто близкое к помешательству.— Даже котенка?

Она посмотрела на свои туфли, громадные глаза были чуть прикрыты бледными веками. Никакой реакции не последовало.

Вот она, горечь поражения. В отчаянии он перебирал пальцами, как человек на грани нервного срыва. Фразы путались в голове.

«Я — ничтожество».

«Мой котик... они выбросили его».

Его взор слепо блуждал по комнате, пока разум бесплодно кружился у этой стены молчания в поисках входа. Или там не было никакого входа?

Был.

Он отыскал его совсем неожиданно.

Помимо воли он пробормотал:

— Я очень, очень маленький, я должен быть среди взрослых. Всю жизнь меня окружало много людей. Но у меня не было ни одного человека. Ни одного, кто был бы по-настоящему моим. Ни единого. И я тоже, я — ничтожество.

Она погладила его по руке.

Потрясение было грандиозным. Пораженный сверх всякой меры, он посмотрел туда, где только что была ее рука, спешное отступление. Пульс тяжело застучал в висках. Что-то внутри него быстро становилось слишком большим, чтобы удерживать это внутри.

Он схватил ее и посадил на колени, обнял, зарылся в шею, терся у нее за ухом, гладил своей большой ладонью по ее волосам. И все время укачивал, мур-

лыча неразборчивые слова, обозначавшие колыбельную.

Она плакала. Она еще никогда не плакала. Не так, как взрослые женщины, подавленно, скрывая слезы, но как ребенок: мучительными рыданиями, которые вырывались из нее помимо воли.

Ее руки обвили его шею и сжимались с новой силой, пока он качал ее на коленях и гладил по волосам, называл ее «детка» и «дорогая», издавал всякие глупые звуки и слова.

Это была победа.

Не напрасная.

Полная победа.

ПУПОВИНА

Он смотрел, как стрелка контрольного измерителя подпрыгнула, покачалась и упала обратно. Через полминуты все повторилось: стрелка вновь подрожала и упала. И снова по той же схеме — с интервалом в тридцать секунд. Так повторялось недели, месяцы, годы. Решетчатая мачта, оканчивающаяся металлической полусферой в форме чаши, поднималась над зданием из оплавленного вулканического камня и указывала на звезды. И из этой чаши с полуминутными интервалами устремлялся в космос беззвучный протяжный голос.

«Пристань-один, я — Первый. Пи-пи-пи! Пристань-один, я — Первый».

Из восьми синхронизированных дублирующих станций, расположенных на одиноких островах вокруг брюха планеты, зов расходился, точно по спицам чудовищного колеса, которое медленно, как мир, поворачивается на своей оси.

Далеко в непроглядной бездне, скрывающей черные тела астероидов, оторванных от родительских солнц и двигающихся непредсказуемыми путями, случайный корабль мог услышать спасительный голос и скорректировать по нему курс, чтобы не сбиваясь двигаться к цели.

Знал бы кто, как редко такое случалось! Он оставался в жутком одиночестве, указывая путь тем, кто никогда

не скажет ему: «Спасибо!» Незаметные огоньки дюз коротко мигали в пространстве между завитками туманностей и исчезали. Корабли приходили из ночи и уходили в ночь.

Пристань-один. Маяк в пространстве вселенной. Мир с земной атмосферой, но размерами меньше Земли. Шар, покрытый бесконечным океанским простором, с маленькими скалистыми островками, на которых не живет ничего, что могло бы составить компанию человеку. Истинный рай для рыб и прочей морской живности.

Этот островок был самым большим участком суши в мире бескрайних водных пустынь. Двадцать две мили в длину и семь в ширину. Можно сказать, континент, по местным понятиям. Ни деревьев, ни животных, ни птиц, ни цветов. Только низкие кривые кустарники, лишайник и мелкая плесень. Насчитывалось 50 видов насекомых-амфибий, которые поддерживали баланс в среде, воюя друг с другом. И ничего более.

Над всей планетой стояла жуткая тишина. Тишина была настоящим проклятием этой планеты. Ветры были мягкие и плотные, никогда не уменьшались до ветерка и не вырастали до урагана. Моря колыхались лениво, с периодичностью механизма, подползая на десять дюймов по камням, а потом отползая на десять дюймов обратно с глухим плеском и шумом брызг. Насекомые были беззвучны, не издавали ни скрипа, ни стрекота. Бледные лишайники и скелеты кустов торчали недвижно среди пейзажа, точно странные существа, пребывающие в вечном покое.

За домом был разбит сад. Когда первые строители маяка поселились здесь, они переработали химическим способом пол-акра твердой породы, превратив ее в культивированный грунт, и посадили в него земные корнеплоды и семена. Никаких цветов не взошло, ни одного, но несколько овощей успешно боролись за жизнь. Свекловица, шпинат и брокколи — у него было 50 грядок этого добра. И еще лук размером с футбольный мяч.

За все время он ни разу не съел ни луковицы. Не выносил запаха. Но продолжал выращивать его в сво-

бодное время, исключительно для того, чтобы отвлечься от этого вечного спокойствия, услышать удар лопаты или шарканье граблей по земле.

Стрелка подпрыгнула, качнулась и вновь упала. Если смотреть слишком часто и слишком долго, впечатление становится гипнотическим. Временами у него появлялось безумное желание изменить привычные колебания на что-нибудь дурацкое, но освежающе новое, сбить мастер-код гигантского передатчика и подменить на глупость, которую чаша антенны посылала бы к удивленным звездам.

«Пристань-один, я — первый! Перестань один — я блондин! Триста первая — мы родим!»

Постепенно слова сливались в неопределенный свист космического эфира. Такое уже случалось, и в будущем никто не застрахован. Не так много воды утекло с тех пор, как легкий космический крейсер врезался в станцию группы Волка, после того как местный маяк стал издавать нечто бессвязное. Один маньяк — а не маяк — стал причиной аварии космического лайнера с двумя тысячами пассажиров на борту. На всякий луч света есть камень преткновения в темноте.

Вступление в Службу маяка означало десять лет одиночного заключения и приличную оплату взамен плюс «чувство удовлетворения от осознания того, что ты исполнил важный общественный долг». Перспектива соблазнительная, когда ты молод, легко привыкаешь к любым условиям и смотришь на все глазами жителя Земли. Реальность же оказывается много мрачнее, чем виделась тебе с поверхности родной планеты, и вообще, скоро приходит мысль, стоила ли игра свеч? Человек не создан для одиночества.

— Так ты с Западных островов, приятель? Как раз такой парень нам и нужен! У нас есть станция, которая называется Пристань-один,— она прямо создана для тебя. Ты выдюжишь, ты не то, что некоторые. Наверняка продержишься. Это ж почти то же самое, что высадиться на Бенбекулу. Городские парни бесполезны в таких местах, здесь же главное — не техническая

квалификация. Раньше или позже, они могут сбрендить — слишком все просто, мигания пультов им, вишь, не хватает. Да, человек с Западных островов просто создан для Пристани-один, как Адам для Рая. Терять тебе все равно нечего. Пристань-один даст тебе все, что нужно: скалистые острова и большие моря, совсем как дома!

Совсем как дома.

Дом.

Здесь на гладком пляже были галька и красивые раковины, и ползали существа, имевшие отдаленное сходство с крошечными крабиками. Океан, качающий акры водорослей, сквозь которые шла косяками рыба, большая и маленькая, совсем такая же, как на Земле. Он знал это, поскольку стоял на берегу с удочкой, ловил ее, снимал с крючка и затем отпускал.

Но ни одного изъеденного водой мола не поднималось из зеленых глубин, не было ни узких ленточек ветроуказателей, ни запаха смолы с пляжа, где конопатят лодки, ни свиста ветра в развешанных на просушку рыбачьих сетях. Бочки не выкатывались с грохотом из бондарни, сверкающие блоки льда не выскальзывали из холодильной установки, серебряная рыбья орда не шлепала, конвульсивно дергаясь, под люками набитых доверху трюмов. И в воскресный вечер не было слышно голосов, которые молятся о плавающих и путешествующих.

Там, на Земле, ученые головы всегда придумывали что-нибудь этакое, когда приходилось сталкиваться с чисто техническими проблемами. Главная станция Пристань-один была полуавтоматической, ее восемь эксплуатационных маяков были полностью автоматами и снабжались энергией из атомных генераторов, которые могли работать сами по себе, без всякого вмешательства и обслуживания, не одно столетие.

Мощности маяка хватало, чтобы послать сигнал через бездну между скоплениями бесчисленных солнц. Все, что оставалось для стопроцентной эффективности работы такой станции,— это глаз наблюдателя, вооруженного знаниями, умением и инициативой, некий автоматический предохранитель из человеческой плоти, который в сущности и мог сделать маяк автономным

агрегатом. Другими словами, нужен был один человек. Как дополнение к маяку.

Вот где их изобретательность давала слабину. Один человек. Легко сказать. Человек не устройство. Он не может быть рассчитан как устройство, работать как устройство, его невозможно наладить, нельзя сделать так, чтобы человек во всем был подобен ему — автоматическому агрегату.

С некоторым запозданием, но они осознали это. После того как с должности смотрителя маяка был смещен третий помешанный. Три психических расстройства, учитывая, что всего изолированных станций было 400,— немного. Получается менее одного процента. Но трое — это уже слишком. И эта цифра могла резко вырасти со временем. Над проблемой серьезно задумались. «Ага! — воскликнули ученые головы,— все дело в подготовке состава».

Поэтому следующие кандидаты прошли нудный, затяжной курс испытаний, где отсеивались слабые и ненадежные и оставались только те, на кого можно было с уверенностью положиться. Но и это не сработало. Нужда в людях была слишком велика, число кандидатов слишком незначительно, и слишком многие срезались на испытаниях.

После этого они проработали еще с десяток идей, все с тем же результатом. Теория и практика не всегда ладят между собой. Ученые головы смогли сами в этом убедиться.

Их последней причудой стала теория линии связи или же «пуповины». «Ага,— сказали они, а они обожали говорить «ага» по всякому поводу,— человек рожден на Земле и нуждается в пуповине, которая связывает его с родной планетой. Дайте ему эту пуповину, и он никогда не сойдет с ума в космическом одиночестве. Перенесет десять лет одиночного заключения и умом не тронется».

И что это за пуповина?

«„Шерше ля фам“ — ищите женщину»,— предположил некий всезнайка, проницательно поглядывая поверх очков. Они обсудили это и отбросили по десятку причин. Возможные последствия варьировались от убий-

ства до появления детей. Помимо прочего это как минимум вдвое увеличивало продуктовые грузодоставки, которые и так были страшно дороги.

Тогда, может быть, собака? Совершенно верное предположение — но только для тех нескольких, единичных, можно сказать, миров, где собаки могут найти себе пропитание. А что же насчет других точек, таких, как Пристань? Грузодоставка — дело накладное, и еще не пришло время развозить по космосу собачьи консервы для нужд дворняг.

Первый шаг проекта «Пуповина» был сделан на скорую руку и имел то достоинство, что учел мертвую тишину, которая была проклятием Пристани. Ежегодный грузовой корабль сбросил свой груз еды вместе с музыкальным центром и кучей записей.

На следующие несколько месяцев он был обеспечен и звуком, и шумом — не только музыкой, но и просто характерными звуками Земли: ревом машин в «час пик» по воскресной магистрали, грохотом поездов, перезвоном церковных колоколов, визгом детворы, высыпающей из школы. Словом, акустическими свидетельствами присутствия жизни, которая была далеко-далеко. Первое прослушивание вызвало восторг. К двенадцатому он стал уставать. На двадцатом сидел угрюмый. Тридцатого не состоялось.

Контрольная стрелка подпрыгнула, заколебалась и упала на место. «Пристань-один, я — Первый. Пи-пи-пип!» Музыкальный центр стоял, заброшенный, в углу. Далеко, за звездными туманностями, жили его одинокие братья. Он не мог ничего сказать им и не мог их услышать. Они были вне пределов коммуникации, и их миры вращались точно так же, как и его. Он сидел и смотрел на стрелку, заключенный в жуткой тишине.

Восемь месяцев назад, по земному календарю, грузовой корабль доставил свидетельство того, что ученые еще ломают голову над проблемой пуповины. Корабль выбросил годовой запас продуктов и с ним маленькую коробочку и небольшой справочник, перед тем как вспыхнуть прощально дюзами, удаляясь в бездну.

Отстегнув крохотный парашют, он открыл коробку и оказался лицом к лицу с пучеглазым чудовищем.

Существо из коробки повернуло свою узкую голову и одарило его жутким холодным взглядом. Затем оно засучило длинными неуклюжими лапками, пытаясь выбраться. Он поспешил отбросить коробку и сверить-ся со справочником.

Там сообщалось, что имя новоприбывшего Джейсон, что это богомол, ручной, безвредный и способный прокормить себя сам. Джейсон, очевидно, был испытан на нескольких экземплярах насекомых с Пристани и жрал их с большой охотой. В некоторых странах на Земле, оптимистично сообщал справочник, богомол — ручное животное для развлечения детей.

Итак, ученые головы настойчиво двигались к цели. Теперь они решили, что роль пуповины исполнит ручное животное с Земли, способное к самостоятельному существованию в чужом инопланетном мире. Однако, находясь в комфортабельных креслах, а не затерянные среди звезд, они проглядели существенное качество близких отношений. Лучше бы они прислали ему обыкновенного уличного кота. Он не особо был расположен к кошкам, и здесь не было молока, но зато имелись моря, полные рыбы. Тем более кошки издают звуки. Они мяукают, мурлычат и воют. А это жуткое существо из коробки помимо прочего еще и немое.

Кто на Западных островах встречал богомола? Он ни разу в жизни не видел этой твари и не спешил увидеть. Оно напоминало кошмарного карлика-марсианина.

Он ни разу не дотронулся до подарка с Земли. Он хранил богомола в его коробке, где эта тварь стояла на длинных ножках, жутко вращая головой, поглядывая на него ледяным взором и за все время не издав ни звука. В первый день он дал ей местного кузнечика, пойманного в лишайниках, и его чуть не стошнило, когда эта тварь откусила ему голову и стала жевать. Несколько раз ему снился гигантский Джейсон, высившийся над ним с пастью, распахнутой как капкан.

Через пару недель он решил, что с него достаточно. Он отвез коробку на шесть миль к северу, открыл, перевернул, вытряхнул из нее богомола и увидел, как Джейсон стремительно удаляется в кусты и лишайники. Перед исчезновением богомол одарил его еще одним

взглядом василиска. Теперь на Пристани было два землянина, и оба они были потеряны друг для друга.

«Пристань-один, я — Первый. Би-би-бип!»

Прыгнула, покачалась, упала. Упала, отжалась, покачалась.

Ни слова признательности от аварийного корабля, пролетевшего в далекой тьме. Никаких звуков жизни не сохранилось в присланных записях. Никакой реальности, кроме чужепланетной, ежедневно становящейся все более похожей на бред и ускользающей.

Можно было устроить аварию на станции, чтобы потом ликвидировать ее и, таким образом, создать мнимое подтверждение собственного существования. Но тысячи жизней могут стать расплатой за это, затерянные среди звезд. Цена забавы ради отвлечения от пожирающей монотонности была слишком высока.

Еще он мог проводить часы вне вахты, предприняв северную разведывательную экспедицию на розыски крошечного монстра: звать, звать его — и в то же время надеясь втайне никогда не найти его.

— Джейсон! Джейсон!

И когда-нибудь среди скал и расщелин острая пучеглазая головка повернется на его зов, но в ответ не издаст ни звука. Если бы Джейсон мог стрекотать, как цикада, он мог бы еще вынести это существо и постепенно привязаться к нему, зная, что эти щелканья и скрипы и есть язык богомола. Но Джейсон был столь же мрачен и нем, как и спокойный, отталкивающий серый мир Пристани.

Он последний раз проверил передатчик, проконтролировал показания восьми эксплуатационных маяков и отправился спать. Улегся в постель, в тысячный раз задумавшись, вынесет ли он эти десять лет до конца или у него неминуемо съедет крыша.

Даже если бы он сошел с ума, ученые Земли немедленно использовали бы его как подопытную морскую свинку, как лабораторный материал, с которым приятно поэкспериментировать, чтобы определить причину и способ лечения. Да, они были умны, ох как умны. Но были и некоторые вещи, в которых они были не столь проницательны. С этой мыслью им овладел тревожный беспокойный сон.

Мнимая глупость может оказаться на деле дальновидным расчетом, на прояснение чего требуется лишь время. Все проблемы могут разрешиться через недели, месяцы или годы, вместо дней, минут или секунд. Время для этого настало.

Грузовой космоход «Хендерсон» вынырнул из россыпи звезд, опустил свои хриплые, страдающие одышкой антигравитаторы, зависнув на мгновение в двух тысячах футов над главным маяком. Ему не хватало силовых резервов для посадки и последующего старта. Он просто задержался на мгновение, чтобы прицельно сбросить последнюю пуповину, придуманную учеными головами и запущенную в бездну космоса. Груз корабля водоворотом закружился вниз, рассекая ночь, точно вихрь больших серых снежинок.

От удара оземь он и проснулся, еще не в силах понять, что произошло. Космохода с грузом провианта не ожидалось еще четыре месяца. Он посмотрел затуманенным взором на часы с будильником возле кровати, озадаченно нахмурился, кто бы это мог поднять его в такую рань. Что-то, неуловимое что-то вторглось в его сон.

Что это было?

Звуки. Шум!

Он сел в кровати, прислушиваясь. Вот снова, там, приглушенное стенами и расстоянием. Вопль оставленного кота. Нет, не то. Скорее, крик подброшенного ребенка.

Игра воображения. Процесс разрушения психики, должно быть, уже в действии. Он выдержал четыре года. Другому добровольному отшельнику останется дослужить за него еще шесть. А он уже слышал посторонние голоса, что, несомненно, являлось признаком психического расстройства.

И снова тот же звук.

Вскочив с постели, он оделся, посмотрел на себя в зеркало. Оттуда на него глянуло отнюдь не лицо идиота. Несколько напряженное, натянутое, но во всех прочих отношениях вполне нормальное лицо. Он скорчил рожу отражению в зеркале, когда вновь, еле слышно, заплакал подкидыш. Он прошел в вахтенную комнату, окинул взглядом панель. Скачок, дрожание, падение.

«Пристань-один, я — Первый. Би-би-бип».

Теперь, похоже, все в порядке. Вернувшись в свою опочивальню, он замер и прислушался. Что-то не так — какая-то тварь вопила в предрассветных сумерках у зыбкой воды.

Что это?

Отперев все засовы дрожащими руками, он вылетел наружу и огляделся по сторонам. Звук стал сильнее, раскатывался вокруг него, наполнял все его существо. Он стоял так долгое время, трепеща. Затем, совладав с собой, бросился на склад, набил там карманы галетами и нес перед собой еще две полные горсти.

Через порог он перескочил, резко прибавив шагу. Он бежал прямо к покрытому галькой пляжу, протягивая вперед полные ладони печенья, его дыхание вырывалось из него радостными толчками.

И там, на краю ленивого океана, он стоял с сияющими глазами, широко раскинув руки, когда семь сотен чаек со свистом рассекали воздух, выхватывали пищу из его рук, с важным видом расхаживали возле ног.

И все время они неустанно пели гимн одиноких островов, песню вечного моря, дикую триумфальную мелодию, что была воистину родом с Земли.

РАЗВОРОТ НА 180°

Он медленно спустился по трапу космического корабля, с одной мыслью, постоянно вертевшейся в голове: мы высокотехнологичны и высокоцивилизованны — и поэтому я должен умереть.

Таможенники почти не обратили на него внимания, проводив дежурным взглядом, когда он прошел мимо них к воротам космопорта. Там он остановился на обочине городской улицы и рассеянно оглянулся.

«Мы высокотехнологичны и высокоцивилизованны — и поэтому я должен умереть». Он пожевал губами. Это будет легко. Они сделают мою смерть легкой. И никаких забот. Ведь было время, когда меня не существовало. Я умер перед тем, как родился, и мое небытие тогда ничуть не беспокоило меня.

Он посмотрел на затянутое облаками, унылое, серое земное небо, столь не похожее на небеса Марса. Струился затяжной ливень, но ни капли не упало ему на голову. Громадный купол из прозрачного пластика, протянувшийся над шоссе, ловил каждую каплю и отводил влагу в сторону. Дорога оставалась теплой, сухой, без пыли, грязи и микробов. Это была магистраль века санитарии, устроенная для чистоты, удобства и полной независимости от стихий.

Электротакси мягко прожужжало по дороге; серебряные шарики антенны вращались, почти теряясь из вида, словно принимали какую-то далекую радиопередачу. Он взмахнул рукой, будто нехотя, но в то же

время подчиняясь врожденной привычке. Машина остановилась. Водитель бесстрастно смотрел не него.

— Вам куда, мистер?

Забираясь на заднее сиденье, он сказал:

— Терминал Жизни.

Уже готовый повторить адрес, таксист передумал и промолчал. Он тронулся с места, чуть быстрее гусеницы преодолевая пространство, хмуро и торжественно нависнув над баранкой. Безрадостное это занятие — везти пассажиров до Терминала Жизни. Они напоминают о том, что путь человека короток и недолговечен.

Его пассажир перенес улиточный ход машины без возражений, с фаталистическим спокойствием существа, уже примирившегося с неизбежным. Несколько обтекаемых спортивных электромоделей промелькнули мимо на скорости, от которой содрогнулся автомобиль, но не водитель, казалось, заснувший за баранкой.

У громадного мраморного входа в Терминал Жизни пассажир проводил взглядом такси, которое удалялось, заметно прибавив скорости. Он еще раз посмотрел на небо, на улицу, на ровные линии высоких крыш. Затем преодолел сорок ступенек, ведущих к хрустальным дверям, замер, уже готовый сделать очередной шаг, но удерживаемый каким-то внутренним сопротивлением. Ноги, казалось, отказывались подчиняться, как педали ржавого велосипеда, но вот, преодолев инерцию, он постепенно разогнался и наверх прибыл практически бегом.

За дверью открылся округлый мозаичный пол. В центре его поднималась гигантская рука из сверкающего гранита — впятеро, а то и вшестеро превосходящая человеческий рост. Мощный указательный перст вздымался, словно предупреждая. Заключенный в руке динамик пророкотал слова, отразившиеся в глубинах его сознания, словно окрик телепата:

ОСТАНОВИСЬ! ПОДУМАЙ! ВСЕ ЛИ ТЫ СДЕЛАЛ?

Он спокойно обошел гранитную руку. За углом молодая миловидная девушка в белой униформе поднялась ему навстречу. Полные губы с готовностью улыбнулись, когда она произнесла:

— Могу я чем-нибудь помочь, сэр?

Он криво усмехнулся:

— Боюсь, что можете.

— Ах! — В ее чистых голубых глазах отразилось непонимание.— Так вы не в справочное? Вы хотите... да?

— Да,— сказал он. И это «да» эхом отразилось над сводами зала. «Да!»

Гранитная рука снова пророкотала:

ОСТАНОВИСЬ! ПОДУМАЙ! ВСЕ ЛИ ТЫ СДЕЛАЛ?

— Третий этаж направо,— прошептала девушка.

— Благодарю вас.

Она проследила за ним до самых дверей. И даже после его ухода не могла оторвать взгляд.

Человек, занимавший кабинет на третьем этаже, был совсем не похож на официального палача. Это был полный, явно общительный человек, сразу вскочивший с места при появлении посетителя. Он энергично потряс ему руку и предложил стул. Заняв собственное кресло, чиновник выдвинул перед собой пачку бланков и занес над ними ручку, выжидательно глядя на собеседника.

— Ваше имя?

— Дуглас Мэйсон.

Записав, он продолжил:

— Постоянное место жительства?

— Марс.

— Ого! — присвистнул чиновник.— Ваш возраст?

— Двести восемьдесят семь лет.

— Значит, вы прошли уже третье омоложение?

— Да.— Мэйсон заерзал.— Это тоже надо вписывать в анкеты?

— Что вы,— служащий Терминала посмотрел на него изучающе: высокий седоватый джентльмен с усталым грустным взглядом потухших глаз.— Цивилизованное государство не предъявляет никаких требований к жизни индивидуального гражданина. Любой имеет неотъемлемое право прекратить свое существование по любой удовлетворительной причине или даже вовсе без таковой, при условии, что способ его ухода из жизни не принесет опасности, дискомфорта или душевных потрясений остальным согражданам.

— Я знаю свои права,— заверил его Мэйсон.

— И посему,— продолжал чиновник тоном, как будто совершал обычный в таких случаях ритуал,— мы должны принять ваш выбор независимо от того, хотите ли вы или не хотите помочь заполнению анкет. Если вы не станете отвечать на наши вопросы — это ничего не изменит. Но некоторые сведения могли бы сослужить нам большую службу, и мы были бы чрезвычайно благодарны вам за содействие. Вопросов вовсе не так уж много — осталось всего несколько пунктов.

— Содействие? — переспросил Мэйсон, почесывая подбородок с той же саркастической усмешкой, какая была у него при разговоре с девушкой за дверью.— Мне кажется, я вряд ли уже могу быть кому-либо полезен.

— Многим так кажется. И, как правило, это заблуждение. На деле,— продолжал пухлый человечек, оживая на глазах,— я служу на этом месте вот уже двадцать лет и до сих пор не встретил человека, который был бы совершенно бесполезен.

— Похоже, вы пытаетесь отговорить меня,— заметил Мэйсон. Его голос неожиданно окреп: — Мой разум отработал свое!

— Не будете ли вы столь любезны рассказать, на чем основано такое утверждение?

— Нет ни одной причины оставаться в живых. Если человек решает умереть, значит, он имеет на то свои веские основания. Но только в виде любезности, могу сказать: основная причина в том, что я не боюсь смерти.

— И жизни? — вставил чиновник. Его пухлое лицо внезапно приняло иное выражение. Оно стало чрезвычайно проницательным.

— И жизни,— повторил Мэйсон без малейшего колебания. Затем продолжил: — Когда все планы в жизни человека осуществлены, все цели достигнуты, все амбиции реализованы, а все друзья давно отправились в мир иной, то и он должен отойти от всего лишь по той причине, что ему больше нечего делать, жизнь перестает быть жизнью. Она становится, скорее, просто существованием, временем ожидания. Других оправданий своему существованию я не нахожу.

Чиновник участливо кивнул: — Не мне, конечно, разубеждать вас.— Он показал на бланки: — Разреши-

те хотя бы заполнить эти анкеты или вы отказываетесь сделать одолжение?

— Ах, давайте, доводите до конца эту волокиту,— ответил Мэйсон.

Собеседник вновь поднял ручку:

— Женаты?

— Не было времени.

— В самом деле? — Он записал это с явным сомнением.— Значит, и детей нет?

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы никогда не выступали в роли донора?

Мэйсон оборвал его:

— Никогда не одобрял подобных обычаев, даже если они заложены в нашей цивилизации.

— Они необходимы, поскольку полезны для каждого,— возразил собеседник.— Ведущая сила, толкающая вперед современную науку,— это стремление помочь людям. Или вы предпочитаете, чтобы все вершилось, как в варварские века, когда наука была продажной, а знания употреблялись во зло?

— Не уверен, что это было бы хуже. Во всем было больше путаницы, но больше и жизни.

— Вы предпочитаете, так сказать, поедать все сырым?

— На этой стадии — да,— Мэйсон продолжал говорить, как будто раздумывал вслух.— У меня алебастровая вилла и сорок акров кактусовых садов на Марсе. Это верх возможного и достижимого в жизни. Во многих отношениях эта алебастровая вилла — своеобразный мавзолей над могилой. Но я страдаю от мучительной скуки в абсолютном комфорте. Как же мало осталось сделать — эта работа для первого и второго поколения омолаживающихся. Земля цивилизована. Венера освоена. Марс тоже. Также и Луна под многочисленными искусственными куполами. Везде, куда ни глянь,— цивилизация, порядок, расчет и контроль.

— Неужели везде? — засомневался чиновник, недоверчиво поднимая брови.

— Даже джунгли искусственно выращены на потеху роду человеческому,— продолжал Мэйсон с ощутимой ноткой презрения в голосе.— Джунгли из вегета-

тивно разработанных растений и животных, которые находятся под наблюдением ветеринаров. Лев в конце концов возлег-таки рядом с агнцем. Тьфу!

— Вам это не нравится? — осторожно поинтересовался чиновник.

Мэйсон гордо повернул голову:

— Веками китайцы пользовались древним проклятием: «Что б ты жил во времена перемен!» Теперь это уже не проклятие. Это благословение. Мы высокотехнологичны и высокоцивилизованны. Мы получили так много прав, вольностей и свобод, что можно только молиться об оковах, с которыми можно побороться и потом с наслаждением разбить. Я считаю, что с оковами жизнь была бы интереснее, если бы у нас еще остались хоть какие-то оковы.

— Сомневаюсь,— заявил чиновник.— Люди очень счастливы в нашем веке, пока ими вдруг не овладевает фрустрация, непонятное ощущение бесцельности существования. Но у подавляющего большинства это наступает очень и очень нескоро.— Он указал ручкой на свои бумаги.— В вашем случае это заняло почти три века — чтобы достичь подобной стадии в развитии.

— Да,— согласился Мэйсон,— потому что у меня был порядочный промежуток времени, когда мне было что делать. Теперь делать нечего. В конце концов, придется делать еще одно омоложение. И какая от этого польза? Человек долго может слоняться без дела, слишком долго.— Он наклонился к собеседнику, упершись руками в колени, лицо его посуровело.— Знаете, что я думаю? Я думаю, что наука зашла слишком далеко.

— Дело не только в этом.

— Это так,— настаивал Мэйсон.— Говорю вам, наука поймала нас в капкан. Она доставила нас до Марса и Венеры. Дальше она повести нас не может. Внешние, более отдаленные планеты лежат за пределами достижений любого мыслящего существа. Никакая ракетногорючая смесь и никакая реактивная система запуска в перспективе не могут преодолеть подобную пропасть. И от этого никуда не денешься. Наука вывела нас на крайний рубеж — и вот я располагаю кнопкой — полностью автоматизированной белой виллой на этом ру-

беже. Дальше науке просто некуда идти, поэтому она обернулась на жизнь внутри общества, из чего получилась цивилизация. В результате мы абсолютно свободны и получили счастье такой ценой, что можно только оплакивать такое счастье.

Чиновник удивленно поднял брови, язвительно заметив:

— Довольно странно, что человек, столь непримиримый к науке, прибегает к ее помощи, чтобы уйти из жизни?

— Я выбрал способ ухода в соответствии с законом,— возразил Мэйсон— К тому же я готов признать, что наука имеет свои полезные стороны. Но я не считаю, что она должна быть выше критики.

— Может, там вас еще что-то ждет,— загадочно предположил собеседник.— Я часто думаю, что на этом не все кончается.

— Конец приходит, когда нет цели и желания. Все, что не может расти, погибает.

— Это мнение, на которое вы, как гражданин, имеете полное право.— Поведение чиновника обнажило его собственную позицию. Перебирая свои бланки, он выбрал один.— Выяснив, что ваше решение окончательное и бесповоротное, мне не остается ничего другого, как выписать вам пропуск.

— О боги, туда еще нужен пропуск! — Мэйсон склонился над столом и выхватил подписанный пропуск прямо из руки чиновника, помахав им, как белым флагом.— Что теперь с этим делать?

Кивнув на следующую дверь, чиновник сказал:

— Пройдите и предъявите консультанту. Он поможет выбрать способ ухода.

— Здорово у вас все устроено,— сказал Мэйсон. И снова помахал чиновнику флагом-пропуском.— Что ж, спасибо за все. До встречи в следующем мире.

— Эта встреча произойдет не раньше, чем мое тело не сможет выдержать дальнейших омоложений,— пообещал тот.

Консультант оказался высоким, тощим, лысым и неразговорчивым. Взяв пропуск, он придирчиво осмотрел его.

— Предпочитаете быструю или медленную?

— Боже правый! Что за вопрос? Кому захочется умирать медленно?

Похоронным тоном консультант сообщил:

— Я спрашиваю не о процессе испускания последнего вдоха, а об условиях смерти. Желаете, чтобы это произошло скоро или с определенным интервалом?

— Лучше сделайте это поскорее, с минимальной задержкой,— кивнул Мэйсон с хмурой иронией.— В противном случае могу пасть духом и переменить решение.

— Это случается.

— Неужели?

— Часто,— подтвердил консультант.

— Что-то новенькое,— сказал Мэйсон.— Еще ни разу не слышал, чтобы кто-то зашел так далеко, а потом вернулся и рассказывал байки.

— Никто не рассказывает. Молчание — цена свободы.

— В таком случае я могу изменить свое решение в любое время вплоть до финального момента и преспокойно уйти отсюда, дав клятву, что никому не скажу ни слова?

— Вам не придется давать клятвы.

— Почему же?

— Вы не захотите изобличать собственную моральную трусость.

— Ах, как вы правы! — сказал Мэйсон.

Собеседник посмотрел поверх него ничего не значащим невыразительным взглядом:

— Однако я не думаю, что вы измените свое решение. Вероятно, вы из тех, кто откладывает решение, пока не становится слишком поздно.

— Я вас понял. Позвольте вам заметить, что я уже спасовал шесть раз за последние два года. Я не собираюсь сдрейфить в седьмой раз.

Он осмотрел комнату. Не считая стола и настенного календаря, она была совершенно пуста.

— Я что-нибудь почувствую? Как это произойдет?

— Неожиданно.

— Это я понимаю, но как?

— Мы работаем с индивидуальным подходом к клиенту,— сказал консультант.

— Я еще больше заинтригован.

— Это пройдет — впоследствии,— пообещал собеседник. Он продолжил: — Процедура такова: вы проходите через эту дверь и вызываете лифт. На лифте поднимаетесь в отель Терминала, где можете выбрать любой из номеров по желанию. Все они комфортабельные и...

— Подняться на лифте куда? — пораженно переспросил Мэйсон.

— В отель,— повторил консультант.— Там вы будете жить, пока все не случится: прекрасный сервис, программа развлечений, приятная компания, вплоть до наступления кульминации, которая произойдет, как только вы полностью расслабитесь и совершенно ничего не будете ожидать. Произойти это может через несколько часов или дней, в соответствии с психологией субъекта, но это самый гуманный метод.

— Так что же, я должен теперь просто сидеть и ждать, как курица на яйцах?

— У всех получается по-разному. На самом деле никто не скучает в ожидании. Все намного проще: вы или меняете свое решение или получаете то, что хотели.

— Вы не могли бы рассказать мне об этом поподробнее?

— В данный момент не представляю, чем вам это поможет.

— Я тоже,— согласился Мэйсон.— Ничего не понимаю. Ну что ж, приступим или есть еще какие-то бюрократические проволочки?

Собеседник наморщил лоб:

— Есть две анкеты, которые мне надо бы заполнить. Но если вы так торопитесь, я оставлю их пустыми.

Он указал на две следующие двери:

— Выбирайте. Это выход.— Он указал на ближайшую.— И это — тоже выход,— сказал он, указывая на вторую дверь.

Мэйсон без колебаний направился к первой, открыл ее и огляделся. За ней лежал мозаичный зал с гигантской гранитной рукой.

ОСТАНОВИСЬ! ПОДУМАЙ! ВСЕ ЛИ ТЫ СДЕЛАЛ?

Тогда он открыл вторую дверь. За ней находился лифт, совершенно пустой, выложенный металлическими рейками, и на стенке лифта была всего одна красная кнопка.

Ступив в кабину, он выглянул напоследок и сказал с каким-то недобрым предчувствием:

— Поехали?

Затем закрыл дверь и надавил большим пальцем красную кнопку, тут же поняв, что это такое.

Кнопка поддалась, в то время как он смотрел на нее, не в силах оторвать ни завороженного взгляда, ни пальца. Казалось, она уходит в стену страшно медленно, что было вызвано искажением чувства времени в минуту смертельной опасности. Приближение смерти нелегко, ее прикосновение захватывает дух. Поры широко раскрылись, тело одеревенело, сердце глухо застучало, рассудок помутился, когда кнопка замкнула электрическую цепь и мнимый лифт выполнил свою задачу.

Затем были только бледное свечение в воздухе и в долю секунды грандиозная агония, во время которой его тело, казалось, разрывается на миллион частиц, а после распыляется до последней молекулы.

Глухие голоса в белой бесцветной мгле. Они медленно росли, удалялись и затем прибывали вновь. Они звучали совсем рядом, уносились шепотом сквозь бескрайние пространства и возвращались. Был особенный ритм в этом прибое голосов, словно бы постоянное колебание звуковых волн, чудовищно растянутых во времени. Прошло немало времени, прежде чем он смог различать слова, доступные пониманию.

— Трое — один за другим. Это здорово спутало карты.

— Не знаю, не знаю. Редкий мозг долетит до середины. У тебя слишком узкий взгляд на вещи.

— А может быть, они, наоборот, улучшаются?

— Хотелось бы верить. Но пока этого не видно.

Мэйсон сел и поднял голову. Голоса убегали прочь, а потом возвращались.

— Вколи-ка ему... да, вот сюда.

Он почувствовал укол.

Открыв глаза, он внезапно увидел перед собой лицо, которое могло принадлежать Деду Морозу: седая борода и румянец на всем, что она не закрывала.— Прошло нормально? — спросил Дед Мороз.— В сорочке родился. Крепкие мозги.

— Счастливчик,— добавил второй, не очень-то похожий на Снегурочку, тяжело скроенный мужчина, нависавший над ним, как медсестра.— Некоторые проходят через такое только с половиной мозга, а другим не остается и этого.

— А некоторые никогда и не пользовались второй половиной,— произнес Мэйсон. Он отнял руки от головы и, опираясь о пол, поднялся. Комната бешено закружилась перед глазами, когда он попытался обрести равновесие.

Дед Мороз взглянул на него изучающе, приладил длинный вороненый ствол поудобнее к бедру и прошел к грубо сколоченному столу. Сев за него, он схватил бланк-распечатку, лизнул кончик химического карандаша и вновь посмотрел на Мэйсона.

— Имя?

Мэйсон, шатаясь, почувствовал, как крепкая рука Снегурочки удерживает его, и сипло запротестовал:

— Правый Боже! Опять эта канитель?

— Все, что нам надо,— сообщил Дед Мороз,— это ответ на три вопроса: ваше имя, неиспользованный запас омоложений и род деятельности.

— Дуглас Мэйсон, двадцать четыре, самоубийца,— лаконично ответил Мэйсон.

Коренастая Снегурочка хохотнула в рукав. Когда же Мэйсон повернулся в ответ на это, Снегурка добавила:

— Тебя разыграли.

— Заткнись, Корлетт.— Дед Мороз был слегка раздосадован.— Уже сколько раз говорено было тебе, береги психику новоприбывших.

Затем он показал белые зубы и потряс белой бородой:

— Вы нуждаетесь в уходе.

— А я не тепличный цветок,— заявил Мэйсон.— Не бойтесь, не завяну.

Корлетт издал еще один смешок и прибавил:

— Ты слышал, Декстер? Он не хочет ухода.

Дед Мороз, которого звали Декстером, перевесился через стол и сурово спросил Мэйсона:

— Это еще почему?

— Вот как это случилось,— стал рассказывать Мэйсон.— Мне не осталось ничего, как только сидеть и думать. Через некоторое время я передумал обо всем на свете, и многое показалось мне пустяком. Я стал бесполезным винтиком в большой сложной машине, и все, что мне оставалось,— это ждать, пока меня заменят.

— Мне это знакомо,— кивнул Декстер.— Самому пришлось через это пройти.

— Затем как-то раз проповедник, выступающий по телевизору, дал новый толчок смыслу моего существования. Он превозносил нашу цивилизацию, ее научную аккуратность, ее совершенство. Она работает так чудесно, говорил он, потому что каждый человек имеет свое место, и каждое место — имеет своего человека. Все винтики сцеплены, от мала до велика, и все приносят общественную пользу. Его речь, видимо, была построена в поднимающей дух технике типа «Все в твоих руках!»

— Ну и? — отозвался Декстер.

— И вот тут-то он сболтнул лишнее. Он выразил мнение, что наша неспособность достичь далеких планет ниспослана нам свыше, только мы этого не замечаем. Всемирная цивилизация столь тонко и высоко организована, что внезапный разброс винтиков по Вселенной может развалить всю систему. Наступит хаос. Механизм сверхцивилизации не сможет отлаженно работать, если станет терять свои части быстрее, чем их можно будет заменить новыми.

— Не лишено смысла,— вставил Корлетт.— Но что из этого?

— Я провел этот эксперимент на своей алебастровой вилле на Марсе.— Мэйсон загадочно посмотрел на Корлетта.— Вы знаете, что на Марсе нет алебастра?

— Нет.

— Ну так вот, его там действительно нет. Ни унции, ни грана. Мне посчастливилось пригнать партию алеба-

стра с Земли еще в прошлом веке. И он был доставлен не кораблем. Он был выстрелен через космос методом вибротранспортировки, в снарядах. Послать их пришлось куда больше, чем было необходимо, поскольку три четверти ракет реинтегрировались неправильно и перестали быть алебастром. Это большая, очень большая проблема вибротранспортировки. Хотя это и сверхскоростной способ доставки товара, но крайне капризный.

— Продолжайте! — потребовал Декстер, не сводя с него взгляда.

— Человеческие существа совершают перелеты по маршруту Земля — Марс на ракетных кораблях. Это медленно, зато надежно. Все остаются целы и невредимы.— Мэйсон остановился и почесал голову, в которой по-прежнему сохранялся слабый, но настойчивый звон.— И вот на этой чертовой проблеме я проторчал четыре года, высчитывая шансы для мыслящего существа, выброшенного живьем на одну из дальних планет средствами вибротранспортировки. Я вычислил, что предельный груз должен составлять несколько выше двухсот фунтов.

— Двести восемьдесят четыре,— поправил Декстер.

— И еще я вычислил, что шансы потрясающе невелики. Не более трех на тысячу.

— Семь,— сказал Декстер.

— Неужели? Эффективность, должно быть, повысилась.

— Повысилась. Ничто не стоит на месте.

— В любом случае,— продолжал Мэйсон,— шанс на удачу столь убийственно невысок, что эта техника перелетов зарезервирована исключительно для сумасшедших и самоубийц. Другими словами, для нескольких винтиков, которые стали лишними, по их мнению.

— И вы — один из них? — заключил Декстер. Он оглаживал бороду, бросая задумчивый взгляд то на Корлетта, то снова на Мэйсона.

Мэйсон согласно кивнул.

— Представляете, какая поднимется возня среди освоителей космоса, если этот способ путешествий станет доступен всем? Но подобного энтузиазма не наступит,

если ворота космопорта для дальних перелетов станут воротами Терминала Жизни. Немногие отчаянные пройдут через них: их число невелико, и они для общества не много значат.

— Так значит, вы просто сложили два и два?

— И получил четыре. Я тщательно изучил права личности, ловко сформулированные законом, затем несколько туманных сведений об оборудовании Жизненного Терминала и, наконец, заявление специалистов о нецелесообразности дальнейших пробных запусков ракет на дальние расстояния. Но всем известно, что ученые спят и видят, как сделать такие ракеты. Почему же не поэкспериментировать? Вот вам и ответ: потому что средства дальних перелетов давно уже изобретены и работают!

Декстер хмыкнул:

— Есть один изъян в вашем объяснении. Если вы могли додуматься до этого, используя всем известные сведения, почему же миллионы других не пошли по вашим следам?

— Потому что любой вывод — ничто, пока не получены прямые доказательства,— Мэйсон пригорюнился.— Вот где власти предержащие разыграли меня. Я совершил мой лучший поступок в жизни, с того момента, как оставил Марс и ступил на Землю, я поставил свою жизнь на те семь шансов из тысячи и прошел. Я счастливчик и действительно в сорочке родился. Я получил доказательство, которого искал.

— И теперь завязли в нем,— вставил Корлетт.— Здесь нас восемь сотен. Учитывая процент, при котором новоприбывшие успешно реинтегрируются, пройдет еще много времени, прежде чем нас будет от восьмидесяти тысяч до восьми миллионов. Так что пока что мы немногого достигли. Ни аэропланов, ни ракетных кораблей, ни видео, ни фабрик по омоложению, ни алебастровых вилл, ни вибротранспортеров. Теперь возврата нет. Ты не сможешь вернуться из мертвых.

— Знаю,— Мэйсон расстроенно причмокнул, впрочем не особенно походя на огорченного человека. Он задержался взглядом на вороненом стволе Декстера: — Эти ученые головы создали хитрую систему, очень искусную игру. Есть жизнь после смерти, но никто не

вернулся, чтобы рассказать о ней. Фокус в том, что никто не расскажет этого, пока мы не сможем построить собственную цивилизацию.

— Верно говоришь,— согласился Корлетт с особым воодушевлением.

— Но не возвращение меня беспокоит. Я хотел доказать это только себе. Я совершил разворот на сто восемьдесят градусов. Я повернулся вокруг себя и пошел обратно, туда, откуда начинал, на дне ямы, с лопатой в руках.

— Одной лопаты будет мало,— заметил Декстер. Он похлопал по ружью, с которого не сводил глаз Мэйсон.— Эта планета не слишком дружелюбна.

— Тем лучше. Оковы делаются для того, чтобы их разбивали. В моей жизни больше не будет омоложений, и мне осталось не так много. Дайте же мне ружье и лопату и покажите, где начинать.

Для него нашли и то и другое, и вывели его наружу. Опершись на лопату, он вдыхал пряный воздух чужой незнакомой планеты, увидел несколько сложенных из камней домов. Взор его скользнул оттуда в небо, на гигантское красное пятно на чудовищной штуке, подвешенной в небесах. Его ноги зарывались в причудливо-пурпурной траве.

Он сказал:

— Когда один каллистриец примкнул к двум другим, это очень хороший знак!

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СТУЛ

Никто из этой парочки не знал, что Дженсен за дверью. Если бы они хоть на мгновение заподозрили, что некий незваный гость прячется там, прислушиваясь в темноте, они бы поменьше кричали и больше позаботились о собственной безопасности. Однако эти двое ничего не подозревали. Дженсен двигался легко, как тень, и не выдал бы себя даже вздохом. Так что эти двое продолжали разговаривать, или, скорее, даже спорить, судя по интонациям.

В глубоком сумраке коридора Дженсен стоял ухом к щели света шириной в дюйм, падавшей из дверного проема. Его слух был устремлен к этой щели, при этом он не сводил утомленных, воспалившихся глаз от источника света, к которому двигался. В доме царила мертвая тишина, но он не исключал внезапного появления слуги, с такой же кошачьей поступью.

Им его не поймать. Ни за что. Сбесившийся в своей одиночке Хэммел убил во время их побега охранника, и, хотя лично он, Дженсен, не сделал ни выстрела, как ни крути, он оставался соучастником. Второе убийство погоды не делало. Он уже сел в камеру смертников за одно, а дважды его казнить все равно не смогут. Тем более он и не собирался возвращаться в камеру смертников. Мозгов у него хватит, а парней с мозгами не вешают.

Холодная и жестокая решительность светилась в его глазах, когда он, осторожно вращая белками, прислушивался. Вот толстый, среднего возраста человек в этой

комнате. Он болтал о чем-то с седовласым стручком, который упрямо не соглашался с мнением толстяка. Предметом разговора была какая-то машина.

Толстяка звали Бленкинсоп, а своего собеседника он называл то Вэйном, то доктором. Машина, о которой Дженсен пытался получить представление сквозь щелку, была отлично отполированной и сложной штуковиной, чем-то напоминавшей панель компьютера, у которого вместо монитора было нечто вроде фена для сушки волос, из тех, что стоят в парикмахерских. Машина крепилась на кресле с высокой спинкой, и толстый провод от нее уходил в розетку.

— Ну, ладно, Вэйн,— брюзжал Бленкинсоп.— Положим, я соглашусь, что эта ваша жизненная сила — не что иное, как всепроникающая радиация, которую можно будто бы увеличивать и направлять куда угодно. Также принимаю ваше заявление, что эта техническая новинка может распылять эту самую жизненную энергию так же легко и просто, как кварцевая лампа может распылять свои оздоровляющие лучи.— Он похлопал по своему изрядных размеров животу, пососал сигару, втянув пухлые щеки.— Ну и что с того?

— Я уже неоднократно повторял вам,— недовольным тоном отвечал Вэйн,— что громадный рост духовной силы позволяет освободить душу.

— Да, да, я знаю.— Бленкинсоп выкурил полдюйма сигары в одну затяжку.— Я слышал о подобных фокусах мистиков: всяких там раджей, лам, хам, свами и прочих. С одним даже был знаком лично. Называл себя Радж Свами Аладжар. Заявлял, что может освобождать свое астральное тело и летать повсюду со скоростью реактивного самолета. Все это, конечно, было чепухой и настоящее имя его Джо О'Хэнлон.— Улыбкой толстяк выдавил на лице сразу три подбородка.— Однако техническая новинка, изобретенная таким высококвалифицированным специалистом, как вы, не могу отрицать, может быть весьма удачна.

— Она и есть — перед вами,— агрессивно заявил Вэйн.

— Не горячитесь,— посоветовал Бленкинсоп.— Я почти готов субсидировать вашу заявку без испытаний.— Он легко взмахнул в воздухе пухлой рукой. Крупный

алмаз на среднем пальце засверкал бриллиантовыми гранями и вызвал ответный блеск в глазах за дверью,— Я ставлю на вас. Я всего лишь простой, честный работяга, заслуженный эксплуататор чужих мозгов. Моя компания делает ставки на вашу способность производить вещи, заслуживающие финансовой поддержки. Зная это, вы должны оценить, что в наших взглядах есть существенная разница.

— Не придавайте этому значения,— сказал Вэйн.— Мы ведь уже работали раньше совместно.

— Причем к обоюдной выгоде,— подчеркнул Бленкинсоп.— И вот сейчас я посмотрел на этот предмет с вашей точки зрения и воспринял это как блестящую идею, пришедшую вам в голову. И также согласился с тем, что эта штука нужна. Наконец, я смирился с мыслью, что она будет стоить мне денег, причем еще больше денег потребуется, чтобы пустить ее на поточное производство. Отсюда весьма значительный вопрос: может она возместить мне хоть в какой-то мере расходы? — Он перевел взгляд с Вэйна на его аппарат и обратно — на изобретателя.— Ну как, сможет?

— Деньги, деньги, деньги,— посетовал Вэйн с расстроенным видом— Неужели все зависит только от денег?

— Да.

— Но ведь это может освободить душу любого человека. Это главное достижение.

— Кому нужно освобождать душу? Кто будет платить за это и сколько согласится заплатить? Черт возьми, в наше время, когда и свиньи могут летать, кому может понадобиться автоматический освободитель души? Если я соберусь проведать Мейзи на юге Франции, я отправлюсь туда собственной персоной, во плоти, крови, одежде и при всем прочем. А какой смысл посылать ей мое астральное тело? Она получит мало приятного от общения с призраком.

— Вы забываете,— сказал Вэйн, повышая голос,— что прирост жизненной силы настолько велик, что личность, на которую произведено воздействие, может выйти из своей оболочки и в буквальном смысле овладеть любым живым телом по своему усмотрению, вышвырнув оттуда навсегда личность первоначального владельца — если, ко-

нечно, тому не удастся получить с помощью аналогичного воздействия равную или большую ментальную энергию.

— Так это обмен телами,— подвел итог Бленкинсоп с очередной, утопающей в жире, усмешкой.— В свое время вы изобрели три или четыре превосходные штуковины, но на сей раз дали маху. Мне не выжать даже двух процентов доходов из механического телообменника, и я совсем не заинтересован в этой вещице.

— Попробуйте взглянуть на это с другой стороны,— запротестовал Вэйн.— Я рассматриваю лишь легальный, узаконенный обмен одного тела на другое.

— Легальный? — Бленкинсоп поперхнулся дымом.— Какие тела можно конфисковать легально? И в чью пользу? — Он ткнул Вэйну в живот толстым пальцем.— Кто станет платить за трансфер личности из одного тела в другое, кто собирается при этом получить деньги и где начинается мой интерес?

С нескрываемым отвращением взглянув на собеседника, Вэйн холодно сообщил:

— В прошлый четверг умер Коллистэр. Он был ведущим мировым специалистом в области лечения рака. И в тот же день казнили Бэтса Мэлони, преступника. Мозг Коллистэра продолжал функционировать до последнего момента, но физически тело исчерпало себя, отдав всю жизненную энергию на службу человечеству. Мэлони умер как непоправимо испорченная и асоциальная личность, обитающая в грубом, но сильном и вполне здоровом теле.

— Понятно,— уступил Бленкинсоп. Он потянулся за шляпой.— Если вы на верном пути, то засунете Коллистэра в оболочку Мэлони. Я не собираюсь обсуждать научные стороны вашего открытия, поскольку уверен в вашей компетентности. Но у меня есть и свои законные интересы. Я не собираюсь тратить время на спонсирование всяких там технических диковин. Я провожу свое время в этом широком и изменчивом мире. Примите совет от жалкого грешника: вы не получите законного одобрения на столь рискованное предприятие, особенно если начнете агитировать за него до головной боли.

— Но я...

— Довольно мальчишества! — распорядился Бленкинсоп, давая понять, что его терпение иссякло.— Вы слишком большой идеалист, чтобы выпускать вас из детского сада. Я не смогу этим заработать даже на сигары, не говоря уже о кучах золота.— Глаз за дверью сверкнул — и исчез, едва короткая толстая рука тронула ручку двери.— Надеюсь, вы подыщете какой-нибудь новый ход в области стереоскопического телевидения, с которым в последнее время так долго и безуспешно возились. На это уже ушла куча денег. Публика ждет — и кто мы такие, чтобы не учитывать нужды публики? Но если вы предложите мне еще одно несусветное изобретение, я умру от смеха!

После чего вышел, посмеиваясь.

И умер.

Дженсен сообщил Вэйну следующее:

— С тобой все ясно. Ты всего лишь башковитый старикан, придумавший несколько забавных вещиц.

Он посмотрел на Вэйна изучающе и заметил, что глаза его, невзирая на спрятанную в них усталость, были проницательны и полны внутреннего огня.

Этот седой стручок, решил он, сохранил душевную дерзость, которую мог почувствовать и уважать даже уголовник. Вэйн, в свою очередь, осознавал тщетность сопротивления. Он не шелохнулся, продолжая раздумывать. И если бы Дженсен не был ушлым парнем, старикан бы так и загипнотизировал его своей бездвижностью.

— Для твоего, а также моего блага,— предупредил его Дженсен,— есть несколько жизненно важных вещей, которые тебе следовало бы знать. Первое: я сбежал из камеры смертников прошлой ночью. И всего на несколько шагов иду впереди копов, так что обратной дороги у меня нет.— Он вцепился в плечо собеседника.— Понимаешь?

— Я узнал вас — вы в розыске,— сказал Вэйн. Его взор блуждал от веревок, которые опутывали его тело, к сверкающему аппарату, а затем возвращался к жестокому лицу преступника.— Ваше фото было в утренних газетах вместе с остальными тремя беглецами.

— Да, это были мы: я, Хэммел, Джоуль и Краст. Мы разделились. И если мне еще суждено их увидеть, то это произойдет очень не скоро.

— Вы, по описанию, скорее всего Генри Мейнел Дженсен,— продолжал Вэйн.— О вас было сказано, как об особо опасном преступнике, совершившем два убийства.

— Теперь три. Я только что замочил Жиртреста.

— Ах, Бленкинсоп — вы и его убили?

— Попал в точку. Чик — и он уже на небесах. Легко.

Помолчав, Вэйн спросил:

— Вне сомнения, вы понесете за это наказание.

— Ха! — сказал Дженсен. Он наклонился вперед.— Слушай, дед, или профессор, или как тебя там, я слышал все, что вы говорили вон о той штуковине. Жиртрест был не дурак — и он поверил, что она в самом деле работает. И уж тебе-то, бьюсь об заклад, известно, что с ней можно сделать. Прекрасно! Экстра-класс! Ты будешь моей доброй феей-старушкой.

— В каком смысле?

— Ты поможешь мне обзавестись новым телом.

— Сначала я увижу тебя в аду,— сказал Вэйн.

— Не строй из себя черт знает что. Ты не в том положении.— Дженсен еще раз проверил веревки, которыми был связан Вэйн, нагнулся и поддел палец под ту из них, которой ноги жертвы были привязаны к стулу.— Все, что им нужно,— это мое тело. Они хотят увидеть, как оно болтается на веревке. Они опознают его, как только получат портрет, отпечатки пальцев и прочие причиндалы. Ты — единственая башка в мире, которая поможет получить все, что нужно им, и все, что нужно мне. Так что все разойдутся довольные и счастливые. Все, что мне надо,— это добротное, ну, чуть поношенное тело в нормальном состоянии, в котором копы совсем не заинтересованы. Разве ты не хочешь *осчастливить людей?*

— С тебя станется и того тела, которым ты пока владеешь,— отвечал Вэйн.— Я уже немолод и перестал бояться смерти. Можешь добавить еще одно преступление к тем, что ты совершил, чтобы еще больше отяготить свою совесть — если она у тебя есть,— но это все, что ты получишь.

— Слушай, папаша,— процедил Дженсен с ледяным взором,— ты можешь упрямиться сколько тебе угодно,

но этим не сорвешь моих планов. В те времена, когда я был таким же придурком и верил в заработок честным трудом, я стал квалифицированным электриком и заслужил бы веревку, если бы не смог выучить, как пользоваться твоим аппаратом, взяв кое-кого для опытов.

— Что вы имеете в виду?

— Я украду чье-нибудь драгоценное дитятко и испытаю прибор на нем. Если сработает, лафа. Если нет, что ж, вокруг полно морских свинок для опытов, роющихся в песочницах во дворах. Я могу взять парочку, а может, и десяточек, но я достигну своего в конце концов. Так что ты отвечаешь за эти жизни.

— Ты не посмеешь поднять руку на детей.

— Это я-то? Папаша, да я готов на все. Что мне терять? Двенадцать раз не повесят, как бы им этого ни хотелось, тем более я помогу им. Я же не собираюсь всю жизнь провести в бегах. Можно подумать и о чем-нибудь получше, чем вечное ожидание, пока вшивые копы схватят тебя за шиворот. Уж можешь поверить, я готов на все, чтобы скрыться от них раз и навсегда!

Вэйн думал, не сводя взгляда с собеседника. Эта машина, создание его рук, никогда не испытывалась на мыслящем существе, но он был в ней уверен. Как и любой ученый, отдающий себе отчет, что определенный порядок действий физических законов приводит к определенному результату. Он вздрогнул при мысли о том, что эксперимент будет проведен на человеческой особи по приказу бесцеремонного уголовника. Оправданием было только то, что это даст ему время. С другой стороны, прямой и неоднозначный отказ, скорее всего, не даст ему ничего и может стоить еще нескольких невинных жизней.

— Я помогу вам,— решил он наконец,— поскольку ничего другого не остается и поскольку сам склоняюсь к этому решению.

— Вот это нормальный базар,— одобрил Дженсен. Он встал, нависнув над путами и сидящим.— Играй по

моим правилам, и я сыграю с тобой к нашей общей выгоде. Но только Бог поможет тебе, если ты попробуешь выкинуть с Дженсеном какую-нибудь заумную штуку.— Он одарил его холодным свирепым взглядом, точно злодей из дешевой мелодрамы.— У тебя в гараже стоит машина. Я заметил, когда проверял дом. Мы сядем в нее. И прихватим с собой аппарат. Пристроим его в тихом спокойном местечке, которое я присмотрю. Когда все будет кончено, я стану другим человеком, разобью твой аппарат и отпущу тебя на все четыре стороны.

Вэйн никак не откликнулся на эти слова, и тогда бандит продолжил:

— Я спер эти вшивые тряпки с фермы и скоро смогу иметь дело с чем-нибудь получше.— Он премерзко рассмеялся.— А куда мне спешить? На моем новом теле будет шмотье почище этого и строго по размеру.

Но Вэйн смолчал и на это. Он сидел, лодыжки прикручены к ножкам стула, с запястьями под коленями. Взгляд его был тверд, он не сводил глаз с Дженсена, в седых волосах отражался электрический свет.

Обходя вальяжной походкой безмолвный аппарат, Дженсен посмотрел на стул, на котором тот был закреплен.

— Напоминает кресло, на котором приходилось сидеть другим ребятам. То, что янки называют «горячим стулом». Неплохая шутка, а? Я сяду на электрический стул, чтобы не оказаться на «последнем стуле».— Шутка собственного изготовления так захватила его, что он повторил ее несколько раз, смакуя, и лишь затем повернулся к Вэйну. — Где ты хранишь свои записи?

— В верхнем ящике стола.— Вэйн кивнул на высокий стальной картотечный шкаф.

Выбрав бумаги, Дженсен бегло просмотрел их. Его краткие вопросы показали Вэйну, что он действительно понимает в электротехнике больше, чем мог предположить изобретатель, и Вэйн мысленно проклял простоту и доступность гениальных изобретений. Наконец, уголовник засунул бумаги в карман.

— Все сходится, поехали.

Укромное место, о котором говорил Дженсен, было большим, некогда почтенным строением, теперь же полуразвалиной, в которую его превратили годы запущенности. Дом стоял на бойком месте и пользовался дурной славой. Прохожие торопились пройти мимо него, не поднимая глаз, и лишь случайный путник стучался в дверь, причем непременно после наступления темноты.

Владелицей этого престарелого сооружения была растрепанная бабенка с неестественной величины грудью и понятливым взглядом свиньи, которая умеет считать. Вэйн вспомнил, что, когда они появились здесь два дня назад, эта женщина встретила Дженсена довольно неприветливо, но без удивления. Очевидно это был притон, хорошо известный городскому дну и, возможно, полиции. Мисс Поросячьи Глазки умела держать язык за зубами, ей нужны были деньги, но не неприятности.

Стоя в тени перед открытым окном — взгляд прикован к ближайшему перекрестку и одновременно к записям Вэйна,— Дженсен говорил:

— Похоже, я уяснил, как эта штука работает. Я не могу переходить на другие виды, животных и тому подобное. Да и кто захочет влезть в шкуру зверя?

Он просматривал записи Вэйна, то и дело поглядывая в окно и проявляя интерес к прохожим.

— Во время перехода не медлить... ага, потому что сила начинает рассеиваться, как только я покидаю тело. Верно?

— Да,— неохотно отвечал Вэйн.

— И это значит, что я не могу перепрыгнуть прямиком из одной башки в другую, ага? Каждый раз я должен подзарядиться, перед тем как произвести обмен. Да ну! Сейчас мне вполне хватит одного обмена. Поторчу здесь, сколько надо, и выберу себе тушку по вкусу. Что ж, посмотрим. Торопиться нам некуда.

— Слушай, Дженсен, лучше бы ты оставил эти опасные игры и...

— Заткнись! Я ничего не оставлю, потому что не собираюсь оставлять себя. Они могут взять это тело, на здоровье, пользуйтесь, но не раньше, чем я его покину.— Дженсен снова сверился с записями ученого.— Все, что я должен сделать,— это сконцентрировать

взгляд на субъекте. Немедленно, как только я обнаруживаю, что свободен, я прыгаю в него и выбрасываю к чертовой матери.

Внезапно его задела мысль, и он повернулся к Вэйну.

— Если я вытолкну его оттуда, у него есть шанс завладеть моим телом?

— Никакого. Только живым телом можно завладеть. Мертвое недоступно.— Вэйн не предложил никакого объяснения, почему это так и не иначе, а Дженсен не стал допытываться.

Внимание преступника было уже приковано к дороге. Приставив к глазам бинокль, он придирчиво осмотрел прохожего. Внезапно преступник вздрогнул.

Отбросив оптику, Дженсен бросился к креслу, на котором был закреплен проектор.

— Вот он! Та самая морда, что мне нужна! — Откинувшись в кресле, он довольно оскалился.— Врубай электричество и смотри у меня, без штучек!

С тяжелым сердцем Вэйн воткнул штепсель в розетку и передвинул рубильник. Больше ему ничего не оставалось делать. Отчаянный Дженсен находился в полном сознании вплоть до момента выхода из тела, после чего предпринять что-либо против было бы слишком поздно. Оставалось только надеяться, что эксперимент сорвется — ценой жизни Дженсена.

С лица Вэйна сошла краска, он думал только об одном — чтобы все сорвалось, и бормотал что-то, даже когда аппарат просигналил о завершении цикла.

Никакого света не вышло из головного шлема, никаких видимых эманаций, показывающих, что устройство исправно работает, только тихо качнулись стрелки на приборах, и Вэйн понял, что аппарат вливает свою энергию в нетерпеливую волчью фигуру под шлемом.

Замерев в кресле, Дженсен сидел, нацелив глаза в открытое окно. Выражение глаз менялось медленно, принимая гипнотический блеск. Полминуты он сидел с неживым погребальным светом в глазах, пока пальцы судорожно дрожали на подлокотниках кресла.

Еще один жуткий миг — и его лицо стало безразличным, руки безвольно расслабились, челюсть отвалилась и свет в глазах потух.

Вэйн со страхом посмотрел на обмякший предмет в кресле, который уже не был человеком. Надежда, страх и недоверие поочередно сменялись на его лице, в то время как слух не замечал, что прохожий на улице вдруг свернул на тропинку к дому, бодро впечатывая каблуки, и уже стучал в двери.

Он все еще стоял, погруженный в раздумья, над телом, когда мисс Поросячьи Глазки заковыляла по коридору и открыла входную дверь с задиристым возгласом: «Ну, чего надо?»

Краткий шепот беседы прозвучал перед входом. Шаги приблизились к комнате. Вэйн устало пригладил седые пряди и понял, что его неистовые мольбы остались без ответа. Его аппарат действовал!

Выключив рубильник, он повернулся к гостю. Силуэт ступившего в комнату представлял собой человека несколькими годами моложе Дженсена, пошире в плечах, потяжелее челюстью, полегче в комплекции. Он носил хорошо подогнанный костюм, надвинутую на брови шляпу и ботинки ручной выделки, старательно начищенные. Он выглядел, как человек, только что сделавший что-то, в чем не испытывает ни малейшего сожаления.

— Как я тебе, папаша? — спросил незнакомец. Он принял позу и кокетливо повернулся, точно манекенщица, демонстрирующая вечернее платье.

— Вы... вы... простите, вы — Дженсен?

— Совершенно верно. Сэр Генри, вот как меня величают.— Он двинулся беззаботной походкой к «электрическому стулу» и нагнулся, рассматривая развалившееся там тело. Самодовольное выражение покинуло его лицо, сменившись брезгливой и боязливой гримасой.

— Бр-р, какая жуть — смотреть на свой окоченевший труп. Прямо мурашки по коже.

— Вы никогда не вернетесь в него.

— Больно надо. Теперь я вижу себя таким, каким меня видели остальные, и я был вовсе не такой уж красавчик. Посмотри только на меня теперь! Сравни!

— Как это произошло? — с трудом спросил Вэйн, у которого перехватило дыхание.

— Чертовски жутко. Такого еще никому не приходилось делать. Я становился все больше и больше, все

сильнее и сильнее. Затем — ба-бах! — и я вышел из собственного тела и оказался сразу в нем. Да, в натуре, в нем самом: я шел его ногами, видел его глазами, слышал его ушами и бился с ним за его мозг. Он отчаянно дрался, прежде чем я выселил его.— Нового Дженсена отрезвил собственный рассказ. Он поежился.— Этот тип выходил с воем издыхающей кошки.

— Это,— заявил Вэйн,— было ментальное преступление. И когда-нибудь вы за него ответите перед судом, высшим, чем любой суд этой страны.— Он смотрел на этого щеголеватого типа, который, как это ни невероятно, был Дженсеном.— И я разделю ответственность. Я был соучастником в подготовке преступления и его осуществлении.

— Не надо пичкать меня этим моральным мусором,— фыркнул Дженсен.— Я вырос из коротких штанишек.— Он еще раз криво посмотрел на тело, которым когда-то владел.— Так, говоришь, я никогда не смогу в него вернуться?

— Никогда. Оно мертво. Невозможно поднять труп. Ведь вы заняли живое тело силой, выдворив оттуда полноправного владельца. Это все равно что сменить водителей в мчащемся на скорости автомобиле: трюк весьма рискованный, но выполнимый, пока кто-то остается за рулем. Кто-то должен постоянно контролировать ситуацию, иначе машина сойдет с дороги, врежется или перевернется.

— Да, похоже на то, как ты сейчас описал. Он еще застрял там некоторое время, пока я не выпихнул его окончательно на дорогу. Получается, мою машину занесло в кювет, так, что ли? — И тут новая мысль поразила Дженсена.— А теперь, когда он ушел, он, стало быть, где?

— Весь мир хотел бы получить ответ на этот вопрос. Это было бы разрешением загадки тайны жизни.

— Ну, хорошо. В конце концов, ты же не можешь знать ответы на все.— Вытащив изящные карманные часы, Дженсен восхищенно посмотрел по ним время.— Пятьдесят фунтов как минимум. Вот это котлы. А еще куча бабок в бумажнике. В моем бумажнике. Как я, в порядке, а?

Вэйн ничего не ответил.

— Теперь наделаем дел,— казалось, не мог остановиться Дженсен.— Сброшу свою тушку там, где копы найдут ее. Вот уж обрадуются! Ведь на него можно будет спихнуть и убийство того толстяка — потеха! Кто бы мог подумать, что я начну новую жизнь с такого подарка законникам?

Тут он снова вспомнил о Вэйне.

— Твой аппарат и бумажки к нему я сохраню в целости. И как только я навострю лыжи, ты тоже можешь двигать на все четыре стороны.

— Ты хочешь сказать, что отпустишь меня?

— Еще бы! Почему нет? Ведь я уже перековавшийся тип, другой человек, разве не так? Ты можешь рассказать кому захочешь. Посмотрим, кто тебе поверит.— Он издал громкий самодовольный смешок.— Даже если ты расскажешь им всю историю от начала до конца и заставишь их проглотить ее, что им пользы? От чего они оттолкнутся, чтобы искать меня? Опишешь им мои нынешние приметы. Дашь им мою фотографию. Или, может быть, отпечатки пальцев? Как они поймают меня? Они же не знают, кем я буду завтра или в следующее воскресенье.

— Но ты же обещал, что разобьешь проектор.

— Кто, я? Убить курицу, которая несет золотые яйца? Я еще не сошел с ума!

Застегивая пиджак, он важно заходил по комнате, стараясь не смотреть на тело в электрическом кресле.

— Я могу идти, куда захочу, делать все, что захочу, могу преспокойно оставить за собой кучу свидетелей, которые могут опознать меня, наплевать! Прежде чем копы проснутся и почешутся, меня и след простыл.— В восторге он хлопнул руками по бедрам, когда его мысль заработала дальше.— Слушай, старче, а ведь я могу заступить на место начальника полиции и руководить поиском самого себя. Могу стать королем Сиама или президентом Соединенных Штатов.

Вэйн похолодел при одной мысли о том, что это хвастовство может оказаться правдой. Было нечто почти невидимое для сил правопорядка и закона, бороться с которым было тщетно,— нечто, чему он, Вэйн, невольно придал размах преступления в международных

масштабах. Вне сомнения, Дженсен сохранил бы секрет своей силы только для себя самого, старательно спрятав его от собратьев по преступному миру. Однако он представлял собой угрозу даже в одиночку — как один из тысячи неуловимых субъектов.

И мысли об этом не оставили его даже десять часов спустя. Он выбрался из автомобиля, стоя на обочине заросшей боковой дороги, глядя на то, как щеголеватый Дженсен с нескрываемым злорадством уезжает себе восвояси.

Дженсен мог запросто убить его, однако по неизвестным причинам оставил в живых. Возможно, преступник хотел поставить силам правопорядка неразрешимую задачу. Или, возможно, оставил Вэйну жизнь на случай поломки проектора.

Машина рванула с места, подняв столб пыли и с натужным скрипом покрышек.

Вэйн смотрел, как она исчезает в отдалении, пока одна мысль не пришла ему в голову.

— Я бы мог написать заявление начальнику полиции.

Уныло он пустился в трудный путь к ближайшему поселку.

— Но он может стать кем угодно,— шептал он про себя.— Кем угодно.— Он повторял эту фразу много раз, пока она не набила оскомину. Затем, просто для разнообразия, он сказал: — Неизвестным.

Его можно разыскивать в любом человеке. Затем его словно осенило. Перед Вэйном встали крупные буквы из газеты:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ НЕИЗВЕСТНЫЙ

И тут он замер как вкопанный. Он посмотрел в небо, затем на далекий горизонт, но ничего не увидел — настолько он был погружен в собственные размышления.

— Разыскивается... Ей-богу, да это же идея! «Разыскивается Неизвестный!»

За двадцать лет неустанной противозаконной деятельности Генри Мейнел Дженсен совершил порядочное число мошеннических и уголовно наказуемых де-

яний, так что второе убийство было единственной и почти роковой ошибкой.

Он перенял достаточно преступного опыта и был известен в преступном мире как человек авторитетный. Теперь он был старой рукой в молодом теле, знал лучшие способы отъема денег, имел нюх матерого волка и замечательную реакцию молодого человека.

Он вполне мог рассчитывать на свои силы, волка-одиночки, неспешно приближаясь к небольшому банку. Эта денежная куча посреди деревни словно специально была придумана для такого, как он, одинокого ковбоя. Все, что ему оставалось сделать,— это произвести несколько угрожающих телодвижений и при необходимости нажать спусковой крючок. И только-то. Такое дело можно обставить как следует.

Например, не будет захватывающего побега с места преступления и никаких киношных трюков с погоней полицейских машин на скорости 100 миль в час. Ему не нужны пошлые штучки вроде надевания капронового чулка на голову. Пришел, увидел, грабанул. Потом вышел — и исчез. Вот и вся петрушка.

Как раз именно это он сейчас и сделает. Он вошел за двадцать секунд до закрытия, отметил, что клиентов нет, банк пуст, показал кассиру дырку на конце того, что он вытащил из кармана. Кассир посмотрел на дырку и побледнел.

— Попробуй только пикнуть, ты! Я просто местный парень — никому не сделаю худого. Разойдемся подобру-поздорову.— Дженсен чуть приблизил оружие для пущей убедительности своих слов, при этом впервые поймав себя на мысли, будет ли на его новом лице столь же жесткое и отчаянное выражение.— Заверни мне это и расстанемся подобру-поздорову. Придвинь сюда. Если мне понравится обслуживание, зайду в следующий раз.

Завороженно, точно лунатик, кассир сложил и подпихнул к нему пачки. Сумма была неслыханной: Дженсен не ожидал большой добычи в такой вшивой конторе, где персонала всего два человека. Начало было легким и многообещающим. Отступив на несколько шагов, он пнул ногой дверь кабинета. Управляющий банком тут же был ознакомлен с дыркой в пистолете, все по-

нял без лишних комментариев, закрыл пасть и поднял грабли вверх.

Две минуты спустя Дженсен вышел, аккуратно закрыв за собой дверь. Оба труженика были заперты в кабинете управляющего банком, но связывать их он не стал. Телефоном они воспользоваться тоже не могли, он об этом позаботился. На то, чтобы выбраться, у них уйдет не меньше пяти минут. Этого ему вполне хватало.

Он неторопливо забрался в машину, проехал пару минут, перегрузил награбленное в багажник другого автомобиля. Затем прошел в свой однокомнатный номер, сел у открытого окна и стал выжидать. Шлем проектора Вэйна был уже на голове, до рубильника он мог дотянуться в любой момент.

Все его внимание было приковано к улице.

Уже послышались шум и крики, когда он положил руку на рубильник и привел его в движение.

Из проектора он вышел в полном порядке. В первую очередь — самое важное. Драгоценное оборудование должно быть сохранено любой ценой. Ничто не заставит его выпустить эту штуку из рук, никто не отнимет у него такой игрушки. Если даже придется выбирать между устройством и добычей в машине, то катись она лесом.

Ему доставило немало приятных минут брести себе как ни в чем не бывало, одетому в иной, несколько более вшивый прикид. Руки в брюки — домотканые, грубые,— башмаки позвякивали стальными гвоздями, губы сложены в трубочку, привычно насвистывая. Странное состояние: вроде бы счастлив — и потрясен одновременно. Теперь он был хозяином положения. Предсмертный кошачий вой до сих пор звучал у него в голове.

На углу взволнованно сгрудились несколько человек, оживленно болтая.

— Да, да, я помню, когда... ничего подобного отродясь в этих краях... всегда говорили, что когда-нибудь они дождутся... преспокойно так себе... просто вошел и обслужился, пока кассир падал в обморок... пора этим банкам принять меры безопасности... был бы я там, влепил бы ему чернильницей...

— В чем дело, ребята? — спросил Дженсен с видом рубахи-парня.

— Ограбление банка,— сообщил долговязый субъект.— Мы всего на минуту опоздали, разминулись с преступником. Причем грабил в одиночку. Ушел. Неизвестно, сколько взял, но должно быть, куш сорвал порядочный.

— Ого! — Дженсен изучил собеседника с деревенской, как ему казалось, хитрецой. Он почесал в затылке, сдвинув шляпу на брови.

— А там большой зеленый фургон припаркован у часовни за две дороги отсюда.

— И что с того?

— Помню, видел, как он стоял возле банка. Примерно час назад. Там был парень, сообразительный такой, пронырливый тип. Вдруг он видел что-нибудь такое, что поможет полиции. Надо бы его найти да расспросить — он, может, еще не знает про ограбление.

— Это мысль,— согласился долговязый, уже готовый играть в проницательного детектива. Он посмотрел на компаньонов. Те согласно кивнули.— Пошли? — обратился он к Дженсену.

— Мне надо ловить автобус. Да вы не ошибетесь. Там всего один зеленый фургон возле часовни.

И лениво проследовал мимо. Через сотню ярдов он оглянулся и увидел, что те бросились по его наводке. Остальное нетрудно представить. Они найдут фургон и вызовут копов. Копы расспросят кого надо, выйдут на хозяйку постоялого двора и поинтересуются, не в номере ли владелец фургона. Она проведет их в комнату или, возможно, поднимется туда сама. При любом раскладе они найдут только тело того, кто ограбил банк. Управляющий и кассир опознают его на все сто. Они обыщут комнату и весь дом, запугают хозяйку — но денег им не найти никогда.

Ухмыляясь, он вернулся ко второй машине и сел за руль. Деньги были у него в багажнике, под замком. Проектор в ящике на заднем сиденье. Что же касается самой машины, то она никак не была связана с его прежней личностью, и ему нечего было беспокоиться на этот счет.

Да, это было идеальное преступление. Чистая работа. Он не оставил никаких следов. Более того, он мог сыграть

такую шутку с копами еще много, много раз. Силы закона и правопорядка могли сколько угодно рыскать вокруг.

Единственным сучком в этом деле было то, что он не знал, чье тело носит.

Невзирая на свой внешний облик, он всегда оставался Дженсеном с башкой Дженсена и памятью Дженсена. Выселенная из тела личность оставила ему только мозг, но ничего из его личной памяти. Это все равно что завладеть комнатой без мебели и прописки. Получалось, что память была, скорее, частью души, а не материальной записью, отложенной в мозжечке. Ученые могли проникнуться большим интересом к этому факту.

Он порылся в карманах куртки в поисках бумаг, которые могли бы пролить свет на личность того, кем он сейчас стал. Но не обнаружил никаких сведений, пока не завел двигатель, чтобы отправиться к новому месту охоты.

— Эй, Сэм, где достал лимузин?

Голос раздался внезапно со стороны и застал его врасплох. Лицо, напоминающее лошадиную морду, флегматично уставилось в окно машины. Челюсти владельца лошадиной морды ритмично двигались, пережевывая жвачку, и ждали ответа.

Так, значит, он был Сэмом. Дженсен стал торопливо соображать. Если он станет поддерживать разговор, то рано или поздно на чем-нибудь срежется, ни черта не зная об этом Сэме. Безопаснее всего прикинуться шлангом.

Он постарался, чтобы его лицо приняло новое, не свойственное бывшему владельцу выражение и, повернувшись к обладателю конской морды, ответил:

— Это моя машина. И я никакой не Сэм.

— Как? — Длинная челюсть остановилась на полпути.— Разве ты не Сэм?

— Я уже сказал. Можешь заткнуть хлебало. Ты ошибся. Хотел бы я встретить этого Сэма. Могли бы поработать в шоу двойников. Ты уже десятый, кто спрашивает.

— Разрази меня гром! — воскликнул собеседник.— Ты же его копия — намертво.

— Никакая я не копия, и до мертвого мне далеко! — огрызнулся Дженсен. После чего немедленно дал газу и уехал, оставив Лошадиную Морду стоять с раскрытым ртом.

Это был единственный изъян в таком виде рэкета — захвате тел. Можно нарваться на местного, и тогда на голову сваливаются лишние трудности. В следующий раз, решил Дженсен, он лучше рассчитает выбор жертв, продумает так же основательно, как и остальную свою работу. Пришельцы из других мест были бы лучшей ставкой. Еще лучше — эмигранты. Но здесь явно была слабина, он должен помнить об этом все время и следить за каждым своим шагом.

Дженсен всегда получал заряд бодрости от чтения ежедневных газет. Ему нравилось, как журналисты раскручивают уже совершенное преступление, особенно совершенное им самим, нравилось это умение передать атмосферу загадки, напряжения, драматизма, в которую эти писаки облекают криминальную хронику.

На этот раз они имели дело с шестым его успешным подвигом. Согласно мнению автора статьи, человек, совершивший последнее ограбление банка, был лицом с почти ангельскими чертами характера и соответствующим — белее лилии — послужным списком. Он был найден мертвым. Ограбление не было раскрыто. Денег найти тоже не удалось. Великая тайна заключалась в том, почему некто со столь незапятнанной репутацией внезапно совершил столь дерзкое преступление и, вдобавок ко всему,— отчего он умер и куда спрятал выручку?

— Ха! — ликовал Дженсен, бороздя глазами столбцы печати.

Тем не менее временами журналист проявлял некоторую проницательность. Автор этого подробного репортажа, некто, скрывшийся под инициалами «А. К. Д.», связывал это преступление с предшествующим. Он напирал на схожие детали: оба ограбления имели тот же почерк, были сделаны людьми с безупречной репутацией, после чего оба были найдены мертвыми, при отсутствии добычи. В заключение автор напоминал об уничтожении властями крупного урожая индийской конопли и туманно намекал на расширение оборота наркотиков в респектабельных кругах.

— Славная шутка! — одобрительно выпалил Дженсен, довольный собой. И тут ему на глаза попалось объявление. Это было небольшое извещение в частной колонке, слегка выделяющееся только рамкой. Он медленно прочитал его.

«Г. М. Д. Свяжитесь со мной. Есть предложение о покупке аппарата за наличные. Серьезный покупатель. Эксклюзивное предложение. Вэйн».

Дженсен задумался. Похоже на ловушку, в которой сам Вэйн был приманкой. С другой стороны, речь шла о крупной сумме, и дело вполне могло пахнуть деньгами. Неплохо было бы с его возможностями свистнуть деньги из-под носа, не прыгая при этом в капкан. Что толку от башки, если ею не пользоваться?

Он доехал до города и позвонил из телефонной будки.

— Это сам знаешь кто. Чтобы звонок не засекли, давай вываливай скорее, что там.

— Слушайте.— донесся тонкий, надломленный голос Вэйна, который говорил торопливо, словно за ним гнались.— Я нашел знатного иностранного спонсора, который уверен, что аппарат может быть с великой пользой применен в его стране. Он хочет приобрести его.

— Тогда почему ты не сделаешь еще один?

— Не получится. Он не дает денег вперед. А на второй аппарат потребуется два года, чтобы завершить сборку полностью. Предложение должно быть принято как можно скорее. Дженсен, этот покупатель молод и чрезвычайно богат...

— Я подумаю,— оборвал его Дженсен. Он повесил трубку, не дав Вэйну закончить.

Двадцать четыре часа спустя Дженсен решился пойти на дело. Все преимущества были на его стороне. Его нынешнее тело не представляло интереса для закона, денег вполне хватало, но он не мог позволить себе не урвать куска у раззявы Вэйна — разумеется, не уступая при этом проектора. У него появилась замечательная идея.

Позвонив из другой будки, из другого города, он сообщил:

— Я готов. Твое предложение.

Вэйн заныл:

— А сколько ты хочешь за аппарат?

— А сколько,— задал встречный вопрос Дженсен,— хочет выложить за него твой богатенький лох?

— Не знаю. Но он точно за ценой не постоит. Если, конечно, цена не будет грабительской. Назови твою цифру. Если хочешь торговаться, надо с чего-то начинать.

Очевидная уверенность собеседника в абсолютной кредитоспособности спонсора вызвала у Дженсена серьезное любопытство:

— А что это за тип?

Несмотря на попытки говорить как можно спокойнее, голос Вэйна срывался, как на торгах:

— Европеец, лет тридцати, и притом очень, очень богатый человек. Он обручился с одной из мисс красоты сезона, которая, думаю, тоже не бедна. Я пока не могу раскрыть имя клиента — пока,— но, смею заверить, денег и влиятельных связей у него больше, чем у любого человека, которого я встречал до сих пор.

— Ладно. Я буду иметь с ним дело лично.

— Но...

— Не финти,— сурово предупредил Дженсен.— Я отключаюсь. И так уже долго вишу на проводе. Найду тебя, когда будет нужно. Да, а ты тем временем договорись о встрече. И скажи ему, что цена будет высокой до неба.

Он расплылся в улыбке, когда вешал трубку. Иностранец, завернутый в капусту, да еще накануне брака с великосветской фифой. Это обещало приключение!

Обстановка подтвердила, что все прокатится как по маслу. Окно квартиры было всего в 50 ярдах, как раз напротив, и разделяла их только улица. Это был третий этаж, и Дженсен мог наблюдать прямо из соседнего окна.

Конечно, такое место могло быть хитроумной ловушкой — но его план был до смехотворного прост. Россказни Вэйна насчет богатенького покупателя могли оказаться продуманной ложью. С другой стороны, все могло оказаться правдой. В любом случае, он, Дженсен, много выигрывал и ничего не терял.

Да, как он ни прикидывал, игра могла быть простой, и в основе ее лежал вопрос: нарвется он на ловкого детектива, который уже держит его на мушке, или получит взамен своего тело иностранца-аристократа, загнивающего в роскоши?

Воистину у Дженсена голова сидела на плечах. А парни с головой никогда не попадают на виселицу. У него хватило интуиции предположить, что сам Вэйн может догадаться, каким образом Дженсен попытается выпрыгнуть из ловушки. Например, Вэйн мог оказаться достаточно хитер, чтобы выставить в окне напротив манекен или труп, заставив Дженсена выпорхнуть из клетки и показать взамен кукиш. Мудрость — не считать противника дураком, а Дженсен был умным мальчиком.

Поэтому он сначала изучил в сильный бинокль открывшуюся ему часть помещения. Парень, слонявшийся там, в противоположном окне, был настоящий и живой, в этом не было сомнения. Он в самом деле напоминал нервного покупателя, который то и дело подходит к окну и в нетерпении смотрит на улицу, давая Дженсену как следует рассмотреть его лицо и фигуру.

Предполагаемая жертва в точности подпадала под описание Вэйна: лет тридцати, крепкого телосложения, одет несколько крикливо. Богатство так и перло из него: бриллиант на среднем пальце левой руки был чистой воды. Его тщательно прилизанные, набриолиненные волосы и жесткое выражение лица создавали до боли знакомый портрет. Дженсен решил, что ему уже попадалось фото этого парня, возможно, в глянцевом журнале под ручку с какой-нибудь дамочкой из высшего общества или позирующим, поставив ногу на убитого тигра.

В любом случае, его внешний вид вполне устраивал Дженсена. Выбор тела ничем не отличался от выбора привлекательного пальто — и выбирающий становился привередлив. Тело на витрине напротив было модным, носким и продавалось задаром. Дженсен был не из тех, кто заглядывает дареной лошади в зубы и плюет ей в глаз.

Он невольно даже замечтался, нет ли у жертвы какого-нибудь задирающего нос дворецкого, который обращается к нему: «Да, милорд!» или «Нет, милдорд!»,

а также: «Конечно же, милорд!» Его бы, Дженсена, это порадовало в крайней степени. Ему еще предстоит попрактиковаться чванливо говорить в нос что-нибудь вроде: «Нет, Симмондс, этого не надо».

Прилизаный аристократ вновь появился в окне, внимательно разглядывая автомобиль, припаркованный внизу. Отвернулся, сказал что-то коротко и отрывисто кому-то в глубине комнаты и снова перенес свое внимание на улицу.

Дженсен также внимательно посмотрел туда и вдруг увидел тщедушную фигурку Вэйна, торопливо двигающегося по улице со своим обычным рассеянным видом. Без малейшего колебания и даже, можно сказать, без оглядки Вэйн зашел в подъезд как раз под апартаментами прилизанного хлыща. Последний все еще не сводил взора с замершей на обочине машины.

Его час пробил! Метнувшись к креслу, Дженсен плюхнулся на сиденье и включил проектор. У него уже появилась сноровка в обращении с креслом, хотя такое тесное знакомство с предметом никогда не порождало вольного обращения у бывшего электрика. Кресло и его волшебный шлем никогда не переставали выглядеть угрожающе, всякий раз ухитряясь напоминать ему, что все хорошее когда-нибудь кончается.

Таинственная сила наполняла его мозг, пока он сидел, не отрывая взгляда от человека в окне напротив. Дженсен оказался достаточно сообразителен, чтобы доработать изобретение гениального Вэйна. Он слегка наклонялся вперед, так что, когда его оставленное душой тело падало, оно задевало второй выключатель и отключало проектор. Это было его, Дженсена, личное изобретение. Дженсен им даже гордился.

Тридцать секунд — и он на свободе. Он был уже на другой стороне улицы, в той самой заветной комнате, в другом теле, когда богомерзкое переселение души совершилось с обычным проворством.

Чувство собственного могущества и бьющей через край силы воодушевляло Дженсена, когда он вступил в бой, чтобы выбросить чужую упрямую душу.

Жертва оказалась твердым орешком: даже захваченная врасплох, она оказала отчаянное сопротивле-

ние. Продолжая держаться за жизнь, прежний хозяин боролся с лютостью доисторического ящера.

Больше минуты тело судорожно металось по комнате, в то время как две личности боролись за полное возобладание над ним. Сверкали бриллиантовые булавки и запонки. Пару раз оно задыхалось и делало характерные жесты. Раз упало, прокатилось в жутких корчах, как будто это был казнимый неким сверхъестественно жестоким способом человек, и наконец, шатаясь, поднялось на ноги.

Физическая сила Дженсена уже начала иссякать, но его душевная сила была громадной. Теперь Дженсен понял, что никогда не смог бы совладать с этим тигриным темпераментом без помощи силы, полученной от проектора. Но он победил.

Пот выступил каплями на его новом теле. Дженсен прислонился к стене, тяжело переводя дыхание. Его ноги шатались от слабости, но Дженсен торжествовал. Это была тяжелая и ожесточенная схватка, но он выиграл ее.

Аплодисменты! Он встретил Вэйна с крайне довольной улыбкой. То встал в дверях, пристально разглядывая его.

— Очень плохо,— сказал Вэйн невозмутимо.

— Что плохо?

— Вы оставили свое оружие по ту сторону дороги. Слышали старую поговорку?

— Мое оружие?

— Дженсена.

— Значит, ты догадался.— Дженсен сел на край стола и безмятежно улыбался.

Сейчас он чувствовал себя намного лучше. Энергичным молодым человеком — вот, пожалуй, точное слово для этого ощущения. Уверенным в себе.

— Нет, ты точно свихнувшийся тип. Ты что, думал, я продам его, ага? — Он рассмеялся, тут же удивившись непривычному грудному тембру своего нового голоса, затем рассмеялся опять.— Я был бы распоследним дураком, если бы продал ключ к бессмертию.

Так и не входя в комнату, Вэйн сказал:

— Ах, да, бессмертие. За него отдашь любые деньги.— Он пригладил назад свои редкие седые волосы.—

Мое устройство превосходно. Нет причин стыдиться за него. Единственный его недостаток в том, что оно пришло на несколько столетий раньше. Человечество еще не готово к этому.— Его усталые глаза посмотрели прямо в глумящиеся, презрительные глаза Дженсена.— Я решил уничтожить его.

— Черта с два! — сообщил Дженсен. Он сделал повелительный жест.— Не кривляйся там в дверях, как чертова кукла. Заходи в комнату. Я хочу знать все от этом типе, об этой важной шишке, которой я стал.

— Конечно-конечно,— согласился Вэйн. Он вошел наконец в комнату. А за ним следом еще четверо высоких широкоплечих типов, выглядевших, как люди, знающие свое дело.

— Вы,— сказал Вэйн,— не кто иной, как Энрико Рапалли.

Дьявольский фотомонтаж пронесся в голове Дженсена: длинный и кровавый список преступлений Рапалли. Многие из записей были внесены туда, пока Дженсен сидел в тюрьме, и он видел его всего лишь раз. Неудивительно, что жесткие черты лица молодого человека казались такими знакомыми, неудивительно, что душа его боролась столь ожесточенно.

— Я обратился, куда следует, и рассказал им все,— продолжал Вэйн.— Когда это случилось, они как раз только что обнаружили местопребывание Рапалли и готовились взять его. Они согласились с моими доводами и не вмешивались, пока я использовал Рапалли в качестве приманки. Мое объявление появилось в нескольких газетах за десять дней до того, как вы заглотили крючок. Затем я назначил встречу, на которой вы настаивали. Я устроил ее здесь, в логове Рапалли, и так уж распорядилось провидение, что квартира на противоположной стороне улицы оказалась свободной. Как только вы заняли эти комнаты и въехали туда с проектором, мы знали, что ловушка сработала.— Он снова пригладил седые волосы. Выражение его лица было усталым. Теперь мне предстоит уничтожить мое изобретение.

— Пошли, Рапалли,— прорычал один из четверых. Он сграбастал Дженсена за плечо.

— Я не Рапалли,— выкрикнул Дженсен, его лицо вдруг стало серым.— Я... я...

— Ну и кто же ты? — ухмыльнулся другой квадратный человек.— У тебя все приметы Рапалли и его отпечатки пальцев.— Ты получил его тело, а это все, что нужно закону, чтобы вынести наказание.

— Будь ты проклят! — завопил Дженсен, когда наручники защелкнулись на его запястьях. Его яростный взгляд остановился на Вэйне, уходившем через дверь; он сопротивлялся ожесточенно, вырываясь, лягаясь и изрыгая потоки грязных ругательств.

Вэйн повернулся, смерил его взглядом, в котором читался чисто академический интерес, и мягко сказал:

— Рапалли, мне вас действительно жаль. Несомненно, вы получите по заслугам. И это довольно плохо — если только смерть означает полный конец.— Затем последовала короткая пауза, окончившаяся такими словами: — Если же нет, ваша душа попадет еще куда-нибудь и найдет там других ожидающих. И я не могу даже представить, что случится с вами тогда!

ДОРОГОЕ ЧУДОВИЩЕ

Первое марсианское судно опустилось на Землю медленно и величаво, словно аэростат. Оно походило на громадный воздушный шар, поскольку имело сферическую форму и необычную плавучесть, хотя и состояло из металлических конструкций. На этом сходство с чем-либо земным у корабля заканчивалось.

На нем не было ни ракетных двигателей, ни бурых от пламени трубок Вентури, никаких внешних выступов, кроме нескольких покореженных солнечных батарей, разгонявших корабль в любом направлении сквозь космические просторы. Иллюминаторов не было. Наблюдение велось через прозрачный экран, опоясывающий толстое брюхо сферы.

Существа голубого цвета, похожие на визитеров из ночного кошмара — команда этого странного корабля,— собрались за прозрачной стеной из стекла и разглядывали мир громадными многофасеточными глазами.

Они смотрели сквозь обзорный экран в полном молчании. Но даже если бы они были способны выражать свои мысли посредством речи, сейчас они не смогли бы сказать ровным счетом ничего. Но никто из них не имел способности к речи в обычном, звуковом смысле. Да и в этот тихий мирный момент никто не нуждался в словах.

Сцена за экраном представляла собой бескрайнюю пустыню. Трава неопределенного сине-зеленого цвета, цепляясь за иссушенную почву, тянулась до самого горизонта, где виднелись очертания зубчатых гор. Чах-

лые одинокие кустики боролись за существование, надеясь со временем вновь стать деревьями, какими были когда-то их предки. Справа длинный прямой рубец пересекал травяную пустыню бесплодной каменной полосой. Слишком неровная и узкая, чтобы быть дорогой, она представляла собой, скорее, останки длинной, уходящей к горизонту стены. И над всем этим распростерлось грозное хмурое небо.

Капитан Шкива обвел взглядом команду, отдавая распоряжения сигнальными усиками. Другим способом общения была контактная телепатия, которая требовала физического контакта.

— Очевидно, что нам не повезло. С таким же успехом мы могли сесть не на планету, а на ее спутник. Зато улететь сможем без особых проблем. Так что если кто желает заняться исследованиями, приступайте.

Один из экипажа ответно зажестикулировал усиками:

— Капитан, но разве вы не желаете быть первым, ступившим в новый мир?

— Это не имеет значения, кто ступит первым, а кто последним. Если кому-то кажется это почетным — пожалуйста.— Он дернул рычаг, распахивая оба воздушных шлюза. Спертый воздух хлынул внутрь, и давление в корабле сразу подскочило.

— Берегитесь перегрузки,— предупредил он на выходе.

Поэт Фэндер тронул усиками командира, посылая ему свои мысли по чувствительным нервным окончаниям.

— Все то же, что мы видели из космоса. Совсем пропащая планета. Как вы полагаете, что тут могло случиться?

— Понятия не имею. Много бы я дал, чтобы узнать, что с ними стряслось. Если это результат воздействия природных сил, то что же они могли сотворить с Марсом? — Капитан озадаченно направил тревожную волну в контактирующий усик Фэндера.— Жаль, что эта планета не развивалась экстенциально, вместо того чтобы углубляться в себя: тогда бы мы могли исследовать предшествующие события с поверхности нашего собственного мира. Непросто наблюдать за планетой, когда ее закрывает Солнце.

— Это еще больше относится к следующей планете, той, туманной,— заметил поэт Фандер.

— Я знаю и уже начинаю опасаться, что и там нас ждет полное разочарование. Если и планета туманов окажется вымершей, тогда останется только ждать дня, когда будут изобретены средства для гиперпространственного скачка.

— Мы это уже вряд ли застанем.

— Похоже на то,— согласился капитан Шкива.— С помощью дружественных разумов мы могли бы продвинуться куда как быстрее. А без контакта наша цивилизация затормозится в развитии.

Он повернулся к команде, которая уже исследовала хмурый ландшафт планеты.

— Им нравится стоять на твердой почве. Но что такое мир без жизни и красоты? Скоро им здесь надоест. Они будут рады покинуть его.

Фэндер задумчиво произнес:

— И тем не менее я хотел бы ознакомиться с этим миром детальнее. Разрешите взять разведывательную шлюпку?

— Вы же массовик-затейник, а не пилот,— не одобрил его желание Шкива.— Ваша задача развлекать экипаж, оказывая полезное моральное воздействие, а не носиться повсюду на разведшлюпке, как ведьма на кочерге.

— Но я умею управлять. Как и все в экипаже, я прошел общую подготовку. Разрешите слетать, чтобы осмотреть окрестности получше.

— Вам мало того, что вы видели с орбиты? Что еще вы надеетесь здесь найти? Разбитые дороги, заросшие травой. Древние города, рассыпавшиеся в пыль. Скалы и обугленные леса, кратеры и воронки, чуть меньше тех, что мы видели на Луне. Ни одного признака высших жизненных форм. Только трава, кустарник и разная животная мелочь, дву- и четырехногая, которая исчезает при нашем приближении. Что вы еще хотите здесь увидеть?

— Поэзия присутствует даже в смерти,— возразил Фэндер.

— Возможно, но какое полезное моральное воздействие может быть в смерти? — Шкива слегка поежил-

ся.— Ладно, как хотите. Берите шлюпку. Кто я, в самом деле, чтобы спорить с гуманитарием?

— Благодарю вас, капитан.

— Не за что. Посмотрим, что скажете вечером.— Прервав телепатический контакт, капитан Шкива направился к воздушному шлюзу и свернулся калачиком на внешнем его краю, по-прежнему не проявляя желания даже коснуться странного нового мира. Столько сил было отдано — и вот оно, жалкое воздаяние за труды.

Он все еще размышлял о тщетности этой космической экспедиции, когда шлюпка оторвалась от корабля и воспарила в воздух.

Многофасеточные глаза капитана равнодушно проводили энергетические модуляторы, изменившие угол, когда летательный аппарат скользнул в кривую и уплыл точно маленький пузырек. Шкива остро переживал свое разочарование.

Еще до наступления темноты вся команда была в сборе. Нескольких часов на поверхности оказалось вполне достаточно. Ничего, кроме травы да кустарника и низких кривых деревьев. Одному из членов экипажа посчастливилось обнаружить проплешину в траве, которая могла быть некогда частью жилого дома. Он прихватил с собой камешек былого фундамента, который Шкива отложил для дальнейших анализов.

Другой нашел маленькое коричневое насекомое с шестью лапками, но, уловив своими контактными усиками его панический страх, немедленно вернул букашку на место, предоставив ей ползти, куда заблагорассудится. Какие-то маленькие зверьки неуклюже скакали в отдалении, но, едва завидев пришельцев, исчезали в подземных норах. Весь экипаж сошелся в одном: планета напоминала заброшенный склеп, и тишина, оставшаяся после ухода людей, была непереносимой.

Фэндер прибыл за полчаса до заката. Прозрачный шарик разведшлюпки проплыл под громадной черной тучей, опустился и нырнул в корабль. Сразу же после этого хлынул дождь, яростно замолотив по обшивке, пока они стояли за прозрачным, опоясывающим корабль экраном, удивляясь такому количеству воды.

Первым заговорил капитан Шкива:

— Ничего не поделаешь. Мы потерпели фиаско. Как этот мир докатился до такого состояния — тайна, которой займутся те, у кого будет больше времени и оборудования. Мы же скорее первопроходцы, чем исследователи. Нам остается только оставить это кладбище и лететь к туманной планете. Старт рано утром.

Никто не возразил. Фэндер последовал за капитаном в его каюту, где немедленно вступил с ним в контакт.

— Один мог бы остаться здесь, капитан.

— Далеко не уверен в этом.— Шкива свернулся в комок на своей кровати, сложив усики на гибких, как у осьминога, конечностях. В стене отражалось голубое свечение от тела капитана.— В некоторых местах развалины испускают альфа-излучение. Это опасно.

— Я знаю, капитан. Но я чувствую альфа-лучи на расстоянии и обойду эти места.

— Вы? — Капитан непонимающе уставился на него.

— Да, капитан. Я хочу остаться здесь.

— Что? В этом склепе?

— Планета действительно напоминает гробницу,— согласился поэт Фэндер.— И в развалинах нет ничего жизнерадостного. Но мне посчастливилось набрести на маленький островок прекрасного. И это воодушевило меня. Я бы хотел отыскать источник этой красоты.

— О какой красоте вы говорите? — недовольно переспросил капитан.

Фэндер попытался объяснить, но это оказалось невозможным.

— Нарисуйте ее мне,— распорядился Шкива.

Фэндер старательно изобразил в блокноте и сказал:

— Вот!

Шкива долго изучал картинку, вертя ее так и сяк, потом вернул блокнот Фэндеру и сказал как можно мягче:

— Мы — личности, имеющие равное право на индивидуальность. Как индивидуум я не думаю, что это превосходит по красоте перо из хвоста нашего домашнего аралана. Однако не могу сказать, что это безобразно, наоборот, даже слегка забавно.

— Но, капитан...

— Как индивидуум,— продолжал Шкива,— вы имеете равное право отстаивать собственное мнение, ка-

ким бы странным оно ни было. Если вы в самом деле решили остаться, я не препятствую. Только оцениваю ваше поведение как несколько странное. Нечто вроде психического расстройства.— Он снова посмотрел на Фэндера: — И когда же, вы надеетесь, вас снимут с этого необитаемого острова?

— В этом году, в следующем, никогда в конце концов.

— Вполне может оказаться, что и в самом деле, никогда,— многозначительно подчеркнул Шкива.— Вы готовы к такой перспективе?

— Каждый должен быть готов столкнуться с последствиями собственных поступков,— заметил Фэндер.

— Справедливое мнение.— Шкива не хотел отступать.— Но насколько серьезно вы отдаете себе отчет в положении вещей?

— Я не техник. Мною руководит не ум.

— А что же?

— Желания, эмоции, инстинкты. Мои внутренние ощущения.

Шкива пылко провозгласил:

— Да хранят нас Фобос и Деймос!

— Капитан, спойте мне еще песню родины и сыграйте на арфе.

— Не говорите глупостей. Я не умею играть на арфе.

— Капитан, если бы для игры на арфе требовалось только логическое мышление, вы ведь смогли бы сыграть?

— Несомненно,— согласился Шкива, видя, что ему приготовили ловушку, из которой не убежать.

— Так сыграйте,— проницательно заметил Фэндер.

— Сдаюсь. Я не могу спорить с тем, кто отметает общепринятые законы логики и вводит свои собственные. Вы руководствуетесь какими-то искаженными представлениями о жизни, которые просто поражают меня.

— Здесь дело не в логичности или нелогичности,— заметил Фэндер,— а только в точке зрения на вещи. Вы смотрите на мир под своим, определенным углом, тогда как я — под своим.

— Например?

— Вам не загнать меня в тупик таким способом. Я могу привести примеры. Вы помните формулу определения фазы последовательно настроенного контура?

— Конечно, помню.

— Не сомневаюсь. Вы же техник. Вы зафиксировали эту формулу в своей памяти как технически полезный предмет.— Он сделал паузу, не спуская со Шкивы задумчивого взгляда.— Мне эта формула тоже запомнилась. Она запала в голову совершенно случайно, несколько лет назад. Совершенно бесполезная вещь для моего гуманитарного ума. И все же я не могу ее забыть.

— Почему?

— Потому что в ней есть красота ритма. Это стихотворение.

Со вздохом Шкива произнес:

— Это что-то новенькое.

— «Один на „эр“ в омега „эл“ минус один, помноженный на гамма „си“»,— продекламировал Фэндер с легкой заминкой.— Стопроцентный гекзаметр.

После некоторого раздумья Шкива уступил:

— Это могло бы быть песней. Даже можно танцевать.

— Теперь я должен увидеть вот что,— Фэндер выставил перед собой набросок.— Эта вещь хранит красоту странного инопланетного рода. А где красота, там и талант. А где пребывает талант, там можно найти истоки гениальности. Значит, здесь, возможно, обитают могущественные друзья. Именно такие, без которых нам не обойтись.

— Вы победили,— Шкива сделал уступающий жест.— Утром стартуем, предоставив вас самим выбранной участи.

— Спасибо, капитан.

Прирожденная настойчивость, благодаря которой Шкива был превосходным командиром экипажа, вынудила его перед самым стартом сделать последнюю попытку отговорить Фэндера. Вызвав поэта к себе в каюту, он оценивающе посмотрел на него.

— Не изменили своего решения?

— Нет, капитан.

— Тогда вам, наверное, покажется странным, что я с таким удовольствием покидаю эту планету, если, как вы уверждаете, она хранит останки величия?

— Нет.

— Почему же? — Шкива выжидательно замер.

— Капитан, я думаю, вы подозреваете то же, что и я.

— И что же вы подозреваете?

— Что это была не естественная катастрофа. Что они сами с собой это сделали.

— Но у нас же нет доказательств,— сказал Шкива с тревогой.

— Нет, капитан...— Фэндер умышленно недоговаривал. Слова его повисли в воздухе.

— Если это их рук дело,— стал развивать его мысль Шкива,— то каковы наши шансы найти дружбу среди таких людей?

— Невелики,— признал Фэндер.— Но такой вывод — всего лишь продукт холодного рассудка. И как таковой мало для меня значит. Я одушевляюсь согревающими душу надеждами.

— Снова вы начинаете. Нельзя противопоставлять доводы рассудка капризам праздной мечты. Надеяться, надеяться, надеяться — и для чего? Чтобы достичь невозможного.

На это Фэндер ответил:

— Трудное требует усилий, а невозможное — только времени.

— Ваши взгляды отравляют мой организованный ум. Каждое ваше замечание — это прямое отрицание всего, что имеет какой-то смысл.— Шкива передал телепатический импульс, адекватный горькому смеху.— Да ладно! — Он шагнул к собеседнику.— Припасы для вас собраны у корабля. Остается только пожелать вам удачи.

Они обнялись по марсианскому обычаю. Покинув воздушный шлюз, поэт Фэндер проводил взглядом большую сферу, которая, задрожав на старте, бесшумно скользнула к небесам. Она парила в воздухе, неотвратимо уменьшаясь, пока не стала просто точкой, готовой нырнуть в облака. Спустя миг и ее не стало.

Он еще долго не сводил глаз с облаков. Затем взглянул на аэросани, в которые был загружен его провиант.

Взобравшись в откидное переднее сиденье, он переключил рычаг, подававший энергию к подъемным модуляторам, и поднял шлюпку на несколько футов в воздух. Большая высота требовала большего расхода энергии, которую теперь следовало беречь. Фэндер хотел сохранить энергию как можно дольше: еще неизвестно, сколько предстоит провести времени на этой планете. Так, на низкой высоте и на малой скорости он спланировал на санях в направлении найденного им источника красоты.

Позже он обнаружил маленькую сухую пещерку в горе, на которой остановил свой выбор. На ее обустройство ушло два дня кропотливой и осторожной работы: выравнивание излучателем стен, потолка и пола,— и еще полдня пришлось потратить на выдувание вентилятором силикатной пыли. После чего он загрузил припасы в глубину пещеры, завел туда сани и включил перед входом защитный энергетический экран. Нора в горе стала теперь его домом.

Сон не шел в эту первую земную ночь. Он лежал в пещере, липкий и бесформенный, лучащийся голубым светом, с громадными выпученными глазами, и ловил себя на том, что слышит звучание арф в шестидесяти миллионах миль отсюда. Его чувствительные усики изгибались в непроизвольном поиске телепатически передаваемых песен, но находили лишь одну пустоту.

Тьма становилась все глубже и непроницаемее, и весь мир был окутан жуткой тишиной. Его слуховые органы ждали вечернего пения лягушек, но здесь таких не водилось. Он вожделел знакомого жужжания ночных жуков, но никто не жужжал. Не считая одного раза, когда кто-то пронзительно завыл вдалеке, должно быть, на желтоватую Луну, он не слышал здесь ничего, совершенно ничего.

Наутро он умылся, поел, вывел сани и исследовал месторасположение небольшого города. Поиски не утолили его любопытства: только насыпи на едва различимом стершемся фундаменте. С одинаковым успехом это можно было считать и кладбищем, и давно вымершим городом. Обзор местности с расстояния в пять сотен футов дал немного: линии построек указывали на то, что здесь жили разумные существа.

Но разум сам по себе еще не красота. Вернувшись на вершину своего холма, он стал искать утешение, размышляя о том, что же такое красота.

Он продолжал исследование планеты, не так систематично, как делал бы это при капитане Шкиве, но, как и подобает поэтам, работал под настроение. Попадались всякие животные, стаями и поодиночке, даже отдаленного сходства не имеющие с марсианской фауной. Одни задавали стрекача, едва завидев аэросани, другие прятались в норы, показывая лишь белые потешные хвостики. Третьи охотились стаей и дружно лаяли грубыми, грозными голосами.

На семидесятый день в глубокой тенистой ложбине к северу от своей пещеры он заметил несколько существ, которые, опасливо озираясь, двигались друг за другом. Он узнал их с первого взгляда, сразу затрепетав от восторга.

Оборванные, грязные молодые особи; но предмет искусства, найденный им в день прилета, безошибочно подсказал ему, кто они такие.

Фэндер полетел низко над землей, идя на перехват. Они шарахнулись в сторону. Его внезапное появление застало их врасплох. Крайний в этой осторожной цепочке одурачил его в последний момент. Фэндер уже перегнулся за борт, длинные усики протянулись в готовности вступить в контакт с копной огненно-рыжих волос, когда, словно по наитию, намеченная жертва бросилась наземь. Его щупальца прошли в паре футов, мелькнули серые испуганные глаза, однако, вовремя спланировав, он смог наверстать упущенное, сграбастав следующего, менее проворного в цепочке.

Этот был темноволос, покрепче и чуть побольше. Он бешено сражался с захватчиком, пока сани набирали высоту. Затем, почувствовав неладное, изогнулся всем телом и встретился взглядом с Фэндером. Результат был совершенно неожиданным: с его лица ушла краска, глаза закрылись и весь он совершенно обмяк.

Существо так и не приходило в сознание, когда Фэндер принес свою добычу в пещеру,— только стук сердца

да вздымающаяся грудь указывали на признаки жизни в этом теле. Заботливо пристроив его на мягкой постели, он вышел из пещеры и стал ждать, пока гость придет в себя. Наконец тот зашевелился, сел, огляделся растерянно. Черные глаза увидели Фэндера, на которого упал солнечный свет. Глаза широко раскрылись, и похищенный издал звук режущей пилы, одновременно бросившись на твердую заднюю стену, словно пытаясь проделать в ней ход. Существо производило столько шума, причем чем дальше, тем больше, что Фэндер почел за благо выскользнуть из пещеры и сидел на холодном ветру, пока звуки не стихли.

Спустя два часа он предпринял осторожную попытку предложить пищу, но реакция была столь незамедлительной, истерической и душераздирающей, что Фэндер немедленно оставил блюдо и спрятался. Еда оставалась нетронутой еще два дня. На третий от блюда отведали. Фэндер попробовал проникнуть внутрь.

Хотя марсианин старательно соблюдал дистанцию, мальчик съежился от страха в комок, бормоча:

— Чудовище! Чудовище!

Глаза его раскраснелись, под ними появились темные круги.

— Чудовище? — подумал Фэндер, который не смог бы повторить инопланетное слово и ломал голову, что бы оно значило. Он использовал сигнальные усики в героической попытке убедить аборигена в своих добрых намерениях. Попытка сорвалась. Собеседник смотрел на него со смесью страха и отвращения, демонстрируя полное непонимание. Фэндер скользнул щупальцем по полу, в надежде наладить телепатический контакт. Собеседник отскочил о него, как от гада ползучего.

— Спокойствие,— напомнил себе Фэндер.— Невозможное требует времени.

Периодически он появлялся с пищей и водой. Спал урывками на жесткой сырой траве под нависшими небесами, в то время как узник, который был его гостем, наслаждался уютом постели, теплом пещеры и защитой силового экрана.

Настало время, когда Фэндер проявил непоэтическую проницательность, использовав желудок своего го-

стя для определения, не настал ли момент для контакта. Когда на восьмой день он заметил, что пища принимается регулярно, он взял блюдо из собственного рациона, ненавязчиво выставил у входа пещеры и пришел к выводу, что аппетит соседа от этого ничуть не ухудшился. В эту ночь он вновь спал у себя в пещере, прижавшись к силовому защитному экрану и как можно дальше отодвинувшись от мальчика. На этот раз обошлось без истерик. Мальчик проснулся поздно, увидел его, какое-то время внимательно смотрел на бездвижного Фэндера и заснул снова еще на пару часов.

Очередная попытка наладить общение не принесла успехов, собеседник отказывался притронуться к протянутым щупальцам. Но прогресс был налицо. Контакт отвергался, зато всякий раз все с меньшим отвращением.

Медленно, очень медленно, внешний вид марсианина становился для гостя привычным, почти приемлемым.

Сладость успеха Фэндер вкусил в середине следующего дня. На мальчика нападали приступы эмоционального недомогания, поразившего Фэндера. Все это время он лежал на животе, содрогаясь всем телом и издавая грудные звуки, в то время как из глаз его обильно вытекала жидкость. В таких случаях марсианин ощущал странную беспомощность. Однажды, во время одного из приступов, он попробовал, воспользовавшись тем, что внимание страдальца отвлечено, проскользнуть достаточно близко, чтобы выхватить коробку из-под постели.

Из коробки он извлек свою крошечную электроарфу, подсоединил провода, включил ее и бережно и нежно тронул струны. Постепенно он стал наигрывать, напевая про себя, поскольку не имел голоса и за него могла говорить только арфа.

Мальчик перестал вздрагивать и сел, завороженно наблюдая за ловкими передвижениями щупалец и внимая музыке, которую они извлекали. И когда Фэндер решил, что внимание слушателя захвачено, он легким успокаивающим перебором оборвал мелодию и ненавязчиво предложил арфу мальчику. Тот проявил одновременно интерес и нежелание. Стараясь не придвигаться ни на дюйм ближе, Фэндер протянул ему арфу, стараясь насколько можно дальше вытянуть щу-

пальца. Мальчику оставалось четыре шага, чтобы взять ее. Он сделал их.

Это было начало! Они играли вместе изо дня в день, а иногда немного и ночью, пока дистанция между ними незаметно не сократилась. Наконец они сидели уже бок о бок, и мальчик, хотя еще не научился смеяться, но, по крайней мере, больше не проявлял тревоги и беспокойства. Теперь он умел извлекать простую мелодию из инструмента и даже заметно гордился этим.

Однажды вечером, когда сгустились сумерки и те, кто выл на Луну, возобновили свою нелегкую службу, Фэндер в сотый раз предложил контакт. Жест этот был всегда недвусмысленным, даже если его мотивы были неясны, но все же ему неукоснительно давался резкий отпор. Но на этот раз пять пальцев мальчика сжали щупальца в робком желании поблагодарить.

С пылкой молитвой, чтобы нервные окончания землянина оказались во всем подобны марсианским, Фэндер излил свои мысли — как можно быстрее, чтобы рукопожатие не прервалось слишком скоро.

— Не бойся меня. Я ничего не могу поделать с моей наружностью, как и ты со своей. Я твой друг, твой отец, твоя мать. Ты нужен мне, так же как я — тебе.

Мальчик отстранился и стал издавать тихие, приглушенные рыдающие звуки. Фэндер положил щупальце на его плечо и легонько похлопал, словно перед ним был коренной марсианин. По какой-то необъяснимой причине это только усугубило ситуацию. Уже не зная, что и делать, и, скорее, повинуясь инстинкту, он обвил мальчика длинной клейкой конечностью и держал так, пока звуки не стихли и не сменились сном. И тогда он понял, что похищенный им ребенок более юн, чем показалось ему на первый взгляд. Он баюкал его всю ночь напролет.

Многое предстояло сделать, чтобы наладить общение. Мальчику надо было научиться связно излагать мысли.

— Как тебя зовут?

Картинка быстро бегущих тонких ног.

Он возвратил ее в форме вопроса:

— Спиди? Быстроногий?

Подтверждение.

— А какое имя ты дал мне?

Коллаж из каких-то щупалец, рогов и хвостов.

— Чудовище?

Картинка стала неразборчивой. Чувствовалось некоторое замешательство.

— Пусть будет Чудовище,— согласился Фэндер, ничуть не обижаясь. Он продолжил: — А где твои родители?

Еще большее замешательство.

— У тебя должны быть родители. У каждого есть отец и мать, разве не так? Ты не помнишь своих?

Сделанная наспех, запутанная стенограмма видений. Смутные тени. Взрослые, оставляющие детей. Взрослые, избегающие детей, как будто они их боятся.

— Что ты помнишь?

— Большой человек идет со мной. Отводит меня. Потом уходит.

— Что с ним случилось?

— Ушел. Сказал, что он болен. Что может заразить меня.

— Давно?

Замешательство.

Фэндер попробовал подъехать с другой стороны.

— А что с другими детьми — у них тоже не было родителей?

— У всех то же самое.

— Но ведь ты теперь не один, не так ли, Спиди?

После некоторого колебания, неуверенное:

— Да.

Фэндер двинулся в наступление:

— А ты бы хотел остаться со мной? Или с теми другими детьми? — Он выждал момент и потом добавил: — Или и то и другое?

— И то и другое,— сказал Спиди уже без колебаний. Его пальчики наигрывали на арфе.

— А ты не поможешь мне увидеться с ними завтра и привести их сюда?

— Да.

— А если они испугаются меня, ты скажешь им, чтобы не боялись?

— Конечно! — Спиди облизнул губы и выпятил грудь колесом.

— Тогда, может быть, прогуляемся сегодня вместе? Ты слишком долго сидел в этой пещере. Не мешает немного размяться. Пойдешь со мной?

— Да.

Бок о бок они вышли: один быстро семенил, другой скользил и полз.

Настроение ребенка заметно поднялось после этой прогулки на свежем воздухе, словно один вид неба, ощущение ветра и запах трав убедил его окончательно, что он и вправду не пленник. Его постоянно настороженное лицо оживилось, он издавал восклицания, которых Фэндер не мог понять, раз даже рассмеялся ни с того ни с сего.

Пару раз он схватывал телепатический усик, чтобы поведать Фэндеру что-то, и делал это так естественно, словно общался таким способом всю свою жизнь.

На следующее утро они вытащили из пещеры сани. Фэндер занял переднее сиденье, склонившись над приборами управления; Спиди Быстроногий присел на корточки, вцепившись руками в упряжь на поясе рулевого. Невысоко паря над землей, они направились к той ложбине, откуда Фэндер похитил Спиди. Множество маленьких зверьков с белыми хвостиками спешно прятались в норки, когда они проплывали над ними.

— Там,— тронув его плечо, сказал Спиди.— Ам-ам. Хорошая пища. Очень вкусно.

Фандер почувствовал, что его мутит. Мясоеды! И тут же странная смесь стыда и смущения обрушилась на него, когда он понял, что Спиди понял его реакцию. Однако в их взаимоотношениях был сделан еще один, новый, шаг: Спиди хотел заслужить его уважение.

Через пятнадцать минут им улыбнулась удача. В полумиле к югу Спиди издал пронзительный вопль и указал вниз. Маленькая фигурка с золотыми волосами стояла на небольшом холме и завороженно следила за необычным небесным явлением. Вторая крошечная фигурка с рыжими и такими же длинными волосами застыла на полпути к вершине холма. Обе пришли в чувство и пустились наутек, лишь только аэросани развернулись, чтобы нырнуть за ними.

Не обращая внимания на вопли восторга за спиной и бешеные толчки в пояс, Фэндер обрушился вниз, как коршун, хватая сначала одного беглеца, потом другого. С парочкой, зажатой под мышками, не просто было управлять санями и быстро набрать высоту. Если бы его жертвы сопротивлялись, ему бы пришлось на время забыть о рычагах управления. Но они не сопротивлялись. Они только вскрикнули, когда он овладел ими, и тут же обмякли, закрыв глаза.

Сани скользили, набирая высоту, еще милю, достигнув пятисот футов. Внимание Фэндера было поделено между добычей, рычагами управления и горизонтом, когда внезапные громовые раскаты прозвучали совсем рядом. Сани содрогнулись, и сквозь дыру в корпусе засвистел ветер.

— Старый Грейпейт! — завопил Спиди, хватаясь за что попало, но стараясь держаться подальше от края.— Он в нас стреляет!

Эти слова ничего не значили для марсианина, он не мог освободить занятую делом конечность, чтобы установить с собеседником телепатический контакт. Решительно выровняв сани, он вывел их на полную мощь. Каким бы ни было повреждение, оно не повлияло на летательные способности; сани устремились вперед на такой скорости, что рыжие и золотые волосы похищенных развевались на ветру. Заход на посадку перед пещерой был несколько неудачен. Аэросани шлепнулись и протащились еще сорок ярдов по траве.

Сначала дело. Отнеся потерявшую сознание парочку в пещеру, он расположил их со всеми удобствами на постели, затем вышел и осмотрел сани. Он обнаружил с десяток глубоких отметин в металлическом основании и две отчетливые царапины вдоль боковины корпуса. Он проконтактировал со Спиди.

— Что ты пытался сказать мне?

— Старик Грейпейт стрелял по нам.

Картинка вспыхнула перед ним живо и с эффектом электрического разряда. Образ высокого седовласого человека с суровым лицом и оружием, напоминающим длинную трубу, упертую в плечо и изрыгающую огонь. Седовласый старик. Грейпейт Седая Маковка. Взрослый!

Он крепко схватил пальцы Спиди.

— И кем этот старик тебе приходится?

— Да, в общем-то, никем. Живет рядом с нами в убежищах.

Изображение высокой пыльной каменной норы, местами обрушенной, со ржавыми бороздами от старой электропроводки на потолке. Старик жил отшельником в одном конце, дети в другом. Старик был сердитый, неразговорчивый, всегда сохранял дистанцию, никогда не приближался к детям, редко с ними заговаривал, но быстро спешил на помощь в случае опасности. У него были ружья. Как-то раз он перестрелял целую стаю диких собак, загрызших двоих детей.

— Нас оставили возле убежищ, потому что там живет старый Грейпейт со своими ружьями,— пояснил Спиди.

— Почему же он не общается с вами? Он не любит детей?

— Не знаю.— На мгновение мальчик задумался.— Однажды он сказал нам, что старики могут очень тяжело заболеть и заразить молодых — а тогда всем полный капут. Может, он просто боялся, чтобы мы не умерли.— Уверенности в словах Спиди не было.

Значит, здесь свирепствовала какая-то роковая, гибельная болезнь, которой особенно были подвержены взрослые. Без колебаний они оставляли своих детей при первых признаках заболевания, надеясь, что, по крайней мере, те смогут выжить. Жертва за жертвой сохраняла расу живой. Горе за горем, когда взрослые выбирали смерть в одиночку, предпочитая ее смерти среди близких.

И все же сам Грейпейт представлялся в голове ребенка, как очень старый человек. Или это была гипербола детского восприятия?

— Я должен встретиться с Грейпейтом.

— Он будет стрелять,— с уверенностью сказал Спиди.— Потому что ты похитил меня. И еще он видел, как ты забирал эту сладкую парочку. Он будет ждать тебя и застрелит при первой возможности.

— Мы должны найти способ, как этого избежать.

— Как?

— Когда сладкая парочка тоже подружится со мной, как ты когда-то стал моим другом, я отвезу вас троих

обратно к убежищам. Там вы найдете Грейпейта и расскажете ему, что я не такой страшный, как ему представляется.

— Ты не страшный,— помотал головой Спиди.

Картинка, которую Фэндер получил при этом, согрела ему душу. В ней было представлено неопределенное, расплывчатое и страшно искаженное тело с явно человеческим лицом.

Новые пленники оказались лицами женского пола. Фэндеру этого не нужно было объяснять — они были сложены более тонко, чем Спиди, и издавали теплый, сладкий аромат самок. Это предвещало сложности. Конечно, они были еще детьми и жили бок о бок в одном убежище, но он не мог допустить такого, пока они находились у него на попечении. Что-что, а некоторая чопорность была свойственна марсианину. Он тут же выкопал еще одну пещерку, меньше размером,— для них со Спиди.

Четыре дня он не попадался девочкам на глаза. Держась от них подальше, он передавал им еду через Спиди, который разговаривал с ними, успокаивал, словом, всячески готовил к тому, что им предстояло увидеть. На пятый день он дал возможность осмотреть себя на расстоянии. Несмотря на принятые меры безопасности, они сбились в кучку, плотно прижавшись одна к другой, но при этом не издавая никаких звуков тревоги. Он поиграл им немного на арфе, перестал, потом вернулся и поиграл снова.

Осмелевшая от постоянной самоуверенной похвальбы Спиди в отношении его, одна из девочек ухватилась за телепатический усик уже на следующий день.

То, что прошло при этом по нервным окончаниям, было не столько вразумительной картинкой, сколько болью, желанием, детской потребностью.

Фэндер бросился вон из пещеры, нашел кусок дерева и, используя сонного Спиди как натурщика, всю ночь придавал деревяшке форму чего-то крошечного, имеющего отдаленное сходство с человеческим существом. Он не был скульптуром, но обладал природным чувством прекрасного, и сидевший внутри него поэт пытался передать это чувство в изображении. Доведя

работу до совершенства, он одел фигурку, как ему показалось, на земной манер, раскрасил ей лицо, изобразил то, что мыслящие существа называют улыбкой.

Он дал девочке куклу в момент пробуждения, рано утром. Девочка вцепилась в подарок жадно, глаза ее загорелись. Прижав куклу к еще не оформившейся груди, она стала что-то ей напевать, и Фэндер понял, что странная пустота внутри нее отступила.

Хотя Спиди не скрывал своего презрительного отношения к столь явно напрасной трате времени, Фэндер уже засел за вторую фигурку. Эта кукла вышла из-под его рук, а точнее, щупалец, гораздо быстрее. Навык, приобретенный им при работе над первой куклой, сделал его щупальца более сноровистыми и ловкими. Вторую куклу он подарил уже в полдень. С конфузливой благосклонностью она была принята новой хозяйкой, тут же обнявшей подарок так, словно он значил для нее больше, чем весь этот несчастный мир, который ее окружал. Сосредоточившись на подарке, она не заметила близости его присутствия и, когда он предложил телепатический усик для контакта, тут же взяла его, не задумываясь.

Он сказал просто:

— Я люблю тебя.

Ее ум был слишком инертен, чтобы дать мгновенный ответ, но большие глаза девочки потеплели.

Фэндер посадил сани примерно в миле восточнее от ложбины и смотрел, как трое детей уходят, взявшись за руки, по направлению к скрытым убежищам. Спиди явно верховодил троицей, торопил девочек и наставлял с шумной уверенностью человека, повидавшего в жизни многое.

Несмотря на это, девочки то и дело оглядывались назад, чтобы помахать рукой слизистому, пучеглазому созданию. И Фэндер старательно махал им в ответ, пользуясь при этом непременно усиком-антенной; ему даже не приходило на ум, что то же самое можно делать любой конечностью.

Они исчезли из виду за косогором. Он остался в санях; его фасеточные глаза озирали окрестность или изучали хмурое небо, грозившее дождем. Земля была

мрачной, мертвенно-серой до горизонта. Никуда нельзя было деться от этого унылого цвета, нигде не мелькнет хотя бы пятнышко белого, золотого, алого, напоминая пестрые поляны Мареа. Здесь все было только серо-зеленым, и сверкающая голубизна его тела четко выделялась на этом фоне.

Уже давно в траве перед ним мелькала острая морда четвероногой твари, подкравшейся незаметно. Вот тварь подняла голову и тихо завыла. Звук был до жути настойчив, он, казалось, всколыхнул всю траву и скоро отозвался вдали. Вой привлек еще нескольких особей: две, десять, двадцать. Их зов возрастал вместе с числом. И чем больше тварей появлялось со всех сторон, тем громче становился их зов, скликая на поживу всю стаю. Псы подбадривали друг друга тявканьем и рычанием, медленно окружая его, надвигаясь, оттягивая губы и обнажая клыки. Затем внезапная и неразличимая команда — и все, кто полз и подкрадывался, мигом прыгнули на него, оскаливая слюнявые пасти. Красные глаза нападавших горели голодным бешенством; животными управляло нечто сродни безумию.

Отвратительный вид зверей, вожделеющих плоти — даже столь странной голубой плоти,— ничуть не встревожил Фэндера. Он тронул рычаг подъема всего на одну отметку, летательные модуляторы разошлись лучами, и сани взмыли на двадцать футов. Такое легкое бегство привело шайку одичавших собак в бешенство. Сбившись рассвирепевшей сворой под санями, они делали тщетные прыжки, падая друг на друга, рыча, ворча и лая, кусая и разрывая все, что попадалось под лапу, прыгали снова и снова. Зрелище было отвратительное. Они выделяли едкий запах выгоревшей на солнце шерсти и звериного пота.

Кружась над ними в санях, Фэндер горделиво-презрительно сидел за штурвалом, предоставив псам беснoваться. Они метались в тесном кругу, ругая его почем свет на своем языке и от злости кусая друг друга. Так продолжалось до тех пор пока со стороны ложбины не прозвучал раскатистый залп. Восемь собак упали замертво. Две шлепнулись оземь и пытались уползти в сторону. Десять с визгом удирали на трех лапах. Уце-

левшие бросились врассыпную, чтобы устроить засаду и поужинать сбежавшими раненными товарищами.

Фэндер опустил сани.

Спиди стоял на холме вместе с Грейпейтом. Последний оперся на свое ружье, как на посох, задумчиво потер подбородок и легкой походкой засеменил вперед.

Остановившись ярдах в пяти от марсианина, старый землянин снова потер щетину на подбородке и сказал:

— По-моему, смотрится ненатурально. Прямо какой-то гость из кошмара. Я бы сказал — ужас да и только.

— Не говори — он не услышит,— посоветовал Спиди.— До него сначала надо дотронуться, как я тебе рассказывал.

— Знаю, знаю.— Грейпейт Седая Маковка отмахнулся с досадой пожилого человека, которому советует какой-то молокосос.— Все в свое время. Придет черед — и дотронемся. Я буду трогать его, когда сочту это нужным.

Он постоял, не спуская с Фэндера глаз, тусклых и в то же время пронзительных. Пару раз он даже пробормотал себе что-то под нос.

Наконец он сказал:

— Эх, была не была.— И протянул руку.

Фэндер положил в нее усик.

— Холодный,— сообщил Грейпейт Седая Маковка, сжимая ладонь.— Холодней, чем змея.

— Он не змея,— живо заступился Спиди Быстроногий.

— Спокойно — я же сказал «чем», а не «как».

— Он чувствует не как все,— настаивал Спиди, который никогда не брал в руки змею и не имел такого желания.

Фэндер тем временем начал телепатический контакт:

— Я прилетел с четвертой, красной, планеты. Понимаете, о чем я говорю?

— Не дурак,— огрызнулся Грейпейт вслух.

— Не надо отвечать голосом. Я принимаю ваши мысли точно так же, как вы принимаете мои. Ваши ответы намного сильнее, чем у мальчика, и вас я могу понять без труда.

— Гх-м! — сказал Грейпейт, не подавая виду.

— Я стремился найти хоть одного взрослого и поговорить с ним, поскольку от детей немного узнаешь.

У меня к вам несколько вопросов. Вы не могли бы ответить на них?

— Посмотрим,— сказал Грейпейт, заподозрив неладное.

— Не важно. Отвечайте, если хотите. Мое единственное желание — помочь вам.

— Зачем? — спросил Грейпейт, соображая, какая здесь может быть выгода инопланетянину.

— Нам нужны братья по разуму.

— А зачем?

— Потому что мы невелики числом и бедны ресурсами. Посетив этот голубой мир и планету туманов, мы приблизились к пределам наших возможностей. Но с помощью братьев по разуму мы можем пойти дальше, достичь далеких планет. Я знаю, если мы поможем вам сегодня, вы придете к нам на помощь завтра.

Грейпейт обдумал внимательно все сказанное, совершенно забыв, что внутренняя работа его ума широко открыта собеседнику. Хроническая подозрительность предваряла каждую его мысль. Подозрительность опиралась на богатый жизненный опыт и современную историю. Но его собственный ум обнаруживал в Фэндере искренность. Он сказал:

— Вполне достаточно! Говори дальше.

— Что здесь случилось? — Фэндер обвел щупальцем пространство вокруг.

— Война,— кисло сказал Грейпейт.— Последняя, она же мировая. Вся планета сошла с ума.

— Как же это произошло?

— Вот тут вы меня поймали.— Грейпейт чинно и не спеша стал излагать собственную точку зрения.— Я полагаю, причин было несколько. Так что, вполне вероятно, просто множество причин наложились друг на друга.

— Каких же?

— Разница в положении. Одни отличались цветом тел, другие — состоянием умов, и они не могли жить вместе. Одним хотелось побольше простору, побольше жратвы. Мир переполнился, и никто уже не мог пропихнуться туда, не выпихнув другого. Мой старик много рассказывал мне перед смертью и всегда заканчивал

одним: если бы народ имел здравый ум и контролировал рождаемость, то этого могло и не быть...

— Ваш старик? — вмешался Фэндер.— Вы имеете в виду родителей, вашего отца? Разве вы сами всего этого не застали?

— Нет. Я ничего не видел. Я сын того, кто был сыном сына выжившего.

— Давайте вернемся в пещеру,— вмешался Спиди, уставший от этого немого разговора.— Я хочу показать ему нашу арфу.

Взрослые не обратили на это внимания, и Фэндер продолжил:

— Вы не думаете, что могли уцелеть и другие?

— Трудно сказать,— Грейпейт воспринял эту мысль без энтузиазма.— Может, бродят где на другой стороне земного шара, продолжая убивать друг друга, или обречены на голодную смерть, или умирают от заразы.

— А что это за болезнь?

— Не помню, как называется.— Грейпейт озадаченно поскреб маковку.— Мой старик говорил несколько раз, да я запамятовал. Да и что мне с того названия. Он сказал, что еще отец рассказывал ему, что болезнь была частью войны, она была изобретена и распространена с умыслом — и до сих пор не дает нам покоя.

— Каковы же ее симптомы?

— Жар и головокружение. Появляются черные опухоли под мышками. За сорок восемь часов ты становишься мертвее мертвого, и тебя уже ничем не спасти. Первые схватывают ее те, кто постарше. Затем заболевают и дети, если они не успеют как можно быстрее покинуть заболевших стариков.

— Совершенно незнакомая мне болезнь.— сказал Фэндер, неспособный определить признаки искусственно культивированной бубонной чумы.— В любом случае, я не специалист в медицине.— Он посмотрел на Грейпейта.— Но вы, похоже, избежали ее.

— Повезло,— предположил Грейпейт.— Или, может, я просто не мог подхватить заразы. До сих пор жив не только я, но и легенда о том, что в незапамятные времена несколько человек были невосприимчивы к этой хвори, будь я проклят, если знаю почему. Может, я

один из этих огнестойких — но не особо рассчитываю на это.

— Так вот почему вы держитесь подальше от этих детей?

— Верно.— Грейпейт посмотрел на Спиди.— На самом деле я не должен был идти с этим парнем. Рядом со мной у него меньше шансов, чем без меня.

— Весьма осмотрительно с вашей стороны,— осторожно заметил Фэндер.— Особенно принимая во внимание, что вам, должно быть, одиноко.

Грейпейт ощетинился, и поток его мыслей стал агрессивнее:

— Я не горюю без компании. Я сам могу присмотреть за собой. Я живу в одиночку с тех самых пор, как мой старик оставил меня, чтобы окочуриться в одиночестве. Я крепко стою на ногах, чего и всем желаю.

— Я понимаю вас,— сказал Фэндер.— Вы должны простить меня. Ведь я чужестранец. И сужу по собственным чувствам. Я тоже время от времени бываю одинок.

— Как же так? — спросил Грейпейт, поглядев на него с удивлением.— Неужто вы хотите сказать, что вас оставили на произвол судьбы?

— Именно.

— Эх, человек! — пылко воскликнул Грейпейт.

«Человек!» Это была картинка, напоминавшая представление Спиди: образ зыбких очертаний, но с вполне определенным человеческим лицом.

Представитель старшего поколения землян реагировал на то, что он считал, скорее, ситуацией, чем свободным выбором, и реакция пришла на волне симпатии.

Фэндер отозвался тотчас же и твердо:

— Видите, в каких я обстоятельствах. Дружба с дикими животными ничего не принесет мне. Мне нужно мыслящее существо, друг, которому понравилась бы моя музыка и который забыл бы про мою внешность, существо достаточно разумное, чтобы...

— Не уверен, что мы настолько разумны,— вмешался Грейпейт. Он хмуро скользнул взглядом по окрестностям.— Особенно, когда смотришь на это кладбище вокруг и думаешь о том, что такие же слова о разумном произносились во времена моего прадеда.

— Всякий цветок расцветает из пыли прежних цветов,— сказал Фэндер.

— Что это за «цветы»?

Марсианин испытал чувство, схожее с потрясением. Он тут же изобразил телепатически картину: трубчатые лилии, алые и сияющие,— и мозг Грейпейта вертел ее так и сяк, все никак не признавая в ней рыбу, мясо или растение.

— Растения вроде этих.— Фэндер сорвал несколько стеблей зелено-голубой травы.— Только крупнее, красочнее и ароматнее.— Он передал сверкающий образ поля в квадратную милю шириной и длиной, полного трубчатых лилий, красных и сияющих, названия которым он не смог бы подобрать на земном языке.

— Вот так петрушка! — воскликнул Грейпейт.— У нас здесь такого отродясь не водилось.

— Здесь — нет,— внушал Фэндер.— Не здесь.— Он указал на далекий горизонт.— А где-то там — очень даже может быть. Если соберемся, мы сможем составить друг другу компанию в пути и многому научиться друг у друга. Мы можем объединить наши усилия и наши идеи и искать далекие цветы — и не только для себя, но и для других.

— Народ теперь не собирается большой компанией. Все живут семьями, пока чума не разрывает и эти, последние связи. А потом бросают детей. Чем больше толпа, тем выше риск подхватить инфекцию.— Опершись на оружие, он смотрел на собеседника, и его мысли, передаваемые по телепатическому каналу, были хмуро-торжественны.— Как только заболевает один, он тут же уползает, чтобы испустить дух в одиночку. Его кончина — личное дело между ним и Господом, свидетели не нужны. Смерть стала весьма частным делом в наши дни.

— Как, и после стольких лет? Вам не кажется, что к этому времени эпидемия могла кончиться?

— Кто знает. И кто рискнет?

— Я рискну.

— Ну что ж, можешь попробовать. Ты не похож на нас, ты другой. Можешь и не заразиться.

— А может быть, умру, только еще медленнее и мучительнее.

— Все может быть,— согласился Грейпейт, пожав плечами.— Все равно, ведь ты смотришь на это под своим персональным углом — так сказать, со своей колокольни. Тебя же бросили на произвол судьбы. Что тебе терять?

— Жизнь,— ответил Фэндер.

Грейпейт вздрогнул, словно его слегка кольнуло в бок.

— Ну что ж, это рискованная игра. И нет игрока, который мог бы сыграть по большей ставке, чем эта. Поэтому пойдем с нами.— Он сжал ствол ружья так, что побелели костяшки пальцев.— Только помни: в тот момент, как ты подхватишь заразу, ты уйдешь немедленно и навсегда. Если же не уйдешь, я сам убью тебя и отволоку твое тело, даже если заражусь при этом сам. Дети прежде всего, понимаешь?

В убежищах оказалось намного просторнее после пещеры. Восемнадцать детей жили здесь, истощавшие на долгой диете из корней, съедобных трав и редкого кролика, попадавшегося в силки. Самые юные и пугливые привыкли к Фэндеру уже на десятые сутки. Через четыре месяца сверкающий голубой студень стал обязательной частью обстановки их маленького, ограниченного мирка.

Шестеро подростков были пареньками постарше Спиди, один из них даже намного старше, однако все ж таки взрослым его назвать было нельзя. Фэндер учил их игре на своем невиданном инструменте и время от времени, в виде поощрения, брал на десятиминутные экскурсии на грузовых санях по окрестностям. Он строгал кукол для девочек, а также изготавливал странноватого вида домики-купола для кукол и игрушечные креслица со спинками в виде веера, сплетенные из травы. Ни одна из игрушек не была в полном смысле слова марсианской или же земной. Они представляли собой некий трогательный компромисс воображения: марсианское представление о том, как должны выглядеть эти земные предметы, если бы они действительно существовали.

Но тайно, чтобы никому не показалось, что он пренебрегает младшими, он направлял основные усилия на шестерых старших мальчиков, включая Спиди. Фэн-

дер решил, что они — основная сила, на которую мог сейчас рассчитывать этот заброшенный мир. При этом он ни разу не побеспокоился подумать о том, что не технический, гуманитарный мозг также имеет свои достоинства и что могут наступить времена и условия, в которых стоит отойти от узкого взгляда на вещи.

Так что он почел за лучшее сконцентрировать свои усилия на семи старших детях, обучая их все эти долго тянувшиеся месяцы, побуждая их разум, поощряя любопытство и постоянно внушая идею, что страх болезни и смерти может стать разъединяющей народы враждебной догмой, если они не победят его в собственной душе.

Он учил их, что смерть есть смерть: естественный процесс, который следует воспринимать философски и встречать с достоинством, и временами ему казалось, что он не учит их ничему особенному, а просто напоминает им, поскольку глубоко в своих подрастающих умах жила родовая память землян, уже размышлявших над этими проблемами и приходивших к таким же выводам еще за десять-двадцать тысяч лет до этого. И все же он надеялся сдвинуть этот чумовой шлагбаум с пути прогресса и вел детскую логику более быстро к взрослому взгляду на жизнь. В этом отношении он был удовлетворен. Он сделал почти все, что было в его силах.

Как-то раз они организовали концерт, пытаясь спеть, аккомпанируя на его арфе, и время от времени попадая импровизированными строками в такт, затем спорили об относительном достоинстве избранных слов и фраз, пока методом исключения не сочинили самую настоящую песню. Когда из песен вырос репертуар и пение стало более мастеровитым, более отполированным, старик Грейпейт проявил интерес, пришел на один концерт, затем на другой, пока не пристрастился к этому делу, выступая в роли публики, состоявшей из одного человека.

Однажды старший из мальчиков, чье имя было Рэдхед Рыжеголовый, пришел к Фэндеру и ухватился за усик-антенну:

— Чудовище, можно я поработаю с твоим пищевым аппаратом?

— Ты имеешь в виду, что хотел бы посмотреть, как я с ним управляюсь?

— Нет, Чудовище, я знаю, как он работает.— Парень смотрел самоуверенно в большие многофасеточные глаза.

— Тогда как он работает?

— Наполняешь контейнер травой — самыми нежными молодыми побегами, тщательно очищая от корней. Так же стараешься не трогать выключателей и кнопок на аппарате, пока контейнер не наполнится и дверца не будет плотно закрыта. Затем поворачиваешь красный выключатель на триста делений, переворачиваешь контейнер, ставишь зеленый переключатель на шестьдесят. Затем выключаешь, вываливаешь теплую массу из контейнера в самые маленькие формочки и используешь термопресс, пока бисквиты не станут твердами и сухими.

— Как ты дошел до этого?

— Я много раз наблюдал, как ты делаешь бисквиты. Сегодня утром, пока ты был занят, я попробовал сделать сам.— С этими словами он протянул бисквит. Взяв, Фэндер тщательно его обследовал. Твердый, хрустящий, идеальной формы. Он попробовал на вкус. Превосходно.

Рыжеголовый стал первым механиком, который чинил и обслуживал марсианский аварийный премастикатор — аппарат, измельчающий любую растительную среду, делая ее легкоусваиваемой для любого организма. Такие премастикаторы входили в комплект спасательной шлюпки вместе с аптечкой и прочим подобным инструментом. Семь лет спустя, после того как аппарат сломался, он попробовал привести ее в действие — неудачно, но с побочным эффектом, вызвав целый салют искр. В последующие пять лет он доработал аппарат, увеличив его производительность. За двадцать лет он воспроизвел его и знал теперь ноу-хау, так что мог ставить премастикатор на поточное производство.

Фэндеру оставалось только развести руками, поскольку, как чистый гуманитарий, он имел представление о принципах действия аппарата не больше любого взрослого землянина, понятия не имея о таких вещах, как радиационное пищеварение и обогащение белками. Он мог только поощрять Рыжеголового к дальнейшим поискам

и разработкам и предоставить все таланту юного механика — которого у него хватало с избытком.

Подобным же образом Спиди с двумя юношами по прозвищу Блэки Черный и Бигирс Большеухий постепенно прибрали аэросани под свою опеку. В редких случаях, в виде особой привилегии, Фэндер разрешал им взять аэросани на часок покататься самостоятельно. В тот раз они гоняли от рассвета до заката. Грейпейт беспокойно бродил вокруг, с заряженным ружьем под мышкой и еще одним поменьше — за поясом, беспокойно поглядывая на склон холма и исследуя небо во всех направлениях. Виновники переполоха вынырнули в лучах заката, притащив с собой еще одного нездешнего мальчика.

Фэндер собрал провинившихся. Они держались за руки, так что он мог вступить в контакт со всеми тремя одновременно.

— Я очень беспокоился за вас. Энергии саней могло не хватить. А если ее использовать до конца, то больше ее не будет.

Они испуганно смотрели один на другого.

— К сожалению, у меня нет ни знаний, ни возможности перезаряжать сани, когда энергия кончается. У меня не хватает чисто технических знаний моих друзей, оставивших меня здесь одного,— и с этим уж ничего не поделаешь.— Он сделал паузу, посмотрел на них со скорбной миной и продолжил: — Все, что мне известно,— это то, что энергия не уходит безвозвратно, пока санями не пользуются. Если не исчерпать преждевременно запас энергии, ее хватит еще на много лет.— Новая пауза.— А через несколько лет вы будете взрослыми людьми.

— Но, Чудовище,— заметил Черный,— к тому времени мы будем весить гораздо больше, и сани потребуют много больше энергии.

— Что ты сказал? — переспросил Фэндер.

— Больше веса — значит, потребуется больше энергии,— сказал Блэки Черный с видом человека, говорящего нечто логически неопровержимое.— Тут нечего и думать. Это очевидно.

Медленно и очень тихо Фэндер сказал:

— Ты сделаешь это.

— Сделаю что, Чудовище?

— Построишь сотню таких саней или даже лучше — и весь мир откроется перед тобой.

Впредь, с этого самого дня, они ограничивали часом свои вылазки на санях, причем совершали их все реже и все больше времени рылись и копались во внутренностях машины.

У Грейпейта Седой Маковки пусть со скрипом, но стал меняться характер. По крайней мере за два года и последующие три этот рак-отшельник постепенно выползал из своей раковины, стал более разговорчивым, больше стремился к общению с теми, кто постепенно догонял его ростом. Не понимая в точности происходящего вокруг, он присоединился к Фэндеру, сообщая детям остатки земной мудрости, переданные через три поколения отцов. Он учил детей обращению с оружием, которого у него было одиннадцать стволов, причем часть из них хранилась на всякий случай, для замены. Он брал их с собой на раскопку патронов, преподавая азы славного и опасного дела следопыта-трофейщика, роясь глубоко под истлевшими фундаментами, разрывая затхлые, засыпанные песком подвалы в поисках амуниции, еще не проржавевшей насквозь.

— Оружие бесполезно без патронов, а патроны когда-нибудь да кончаются.

Это оказалось правдой — во время своих раскопок они не нашли ни одного патрона.

Из всей житейской премудрости, которую знал, Грейпейт упрямо не раскрывал одну вещь, пока в один прекрасный день Спиди Быстроногий и Рэдхед Рыжеголовый с Блэки Черным на вытянули из него правду. Припертый к стенке, он рассказал им, откуда берутся дети. Он не проводил параллелей с пчелками и цветком, поскольку здесь не было ни того, ни другого. Нельзя сравнивать с тем, чего не существует. Тем не менее он попробовал объяснить суть дела, более-менее удовлетворив их любопытство, после чего потер озадаченно лоб и поспешил к Фэндеру.

— Эта любопытная молодежь не дает мне покоя. Все пытали меня, откуда берутся дети.

— И ты рассказал им?

— Конечно! — Он сел, отдуваясь и беспокойно заглядывая марсианину в глаза. В серых глазах Грейпейта можно было прочесть тревогу.— Я и в мыслях этого не имел, когда бы они не сели мне на голову. Но никто и никогда не заставит меня рассказать это девочкам. Здесь я — кремень. Этого от меня не добьетесь!

— Меня тоже спрашивали несколько раз,— уведомил его Фэндер.— Много рассказать я не мог, потому что не уверен, что у вас в точности такой же способ размножения. Но я рассказал им, как размножаемся мы.

— И девочкам тоже?

— Конечно.

— Господи! — Грейпейт снова потер лоб.— И как они это восприняли?

— Так же, как если бы я им рассказывал, почему небо синее или почему вода мокрая.

— Должно быть, все дело в том, как рассказывать,— предположил Грейпейт.

— Я сказал им, что это поэзия между двумя людьми.

В любом курсе истории, марсианской, венерианской или земной, некоторые годы выделяются своей значительностью. Двенадцатый год после высадки Фэндера на необитаемой планете был выдающимся по ряду событий, каждое из которых хотя и казалось ничтожным в масштабах космоса, но в жизни их маленькой коммуны было поистине грандиозным.

Начать с того, что с помощью премастикатора, усовершенствованного Рэдхедом Рыжеголовым, семеро старших — теперь уже бородатых мужчин — умудрились перезарядить энергетические емкости в выдохшихся уже аэросанях и снова взлетели в воздух, в первый раз за сорок месяцев. Эксперименты привели к тому, что хитроумное изобретение марсиан стало медленным и неповоротливым, значительно сбавило в грузоподъемности, но зато имело гораздо больший радиус охвата территории. Они могли посещать руины отдаленных городов в поисках металлического хлама, годного на строительство новых саней, и уже ранним летом сконструировали еще

одну модель, значительно больших размеров, управлять которой было довольно рискованно, но которая тем не менее представляла собой самые настоящие аэросани.

Несколько раз они вместо металлолома привозили людей — те были из разрозненных одиноких семей, жили в подземных убежищах и из последних сил цеплялись за жизнь и за устаревшие обрывки знаний. Поскольку все эти новые контакты происходили сугубо на внутривидовом уровне и никаких телепатических усиков, которые могли отпугнуть противоположную сторону, здесь не требовалось, а также поскольку многих чума пугала меньше, чем одиночество, многие семьи поселились в убежищах, признав Фэндера за своего и прибавив свои сохранившиеся знания к достояниям коммуны.

Таким образом, местная популяция быстро выросла до семи взрослых и четырехсот детей, многие из которых были сиротами. Они постепенно раскапывали обвалившиеся и прежде неиспользуемые места, образовав в результате 20–30 коммун поменьше, каждая из которых могла быть изолирована от других в случае эпидемии.

С необыкновенным воодушевлением было встречено появление еще четырех саней, по-прежнему громоздких и неуклюжих, но несколько менее опасных в управлении. Появился также и первый каменный дом, настоящее наземное сооружение, прочно и устойчиво стоявшее под неприветливыми небесами, словно вызов непокорного человечества, доказавшего, что оно на лестнице эволюции все же на несколько ступеней выше кроликов и крыс. Коммуна предоставила дом Блэки и Свитвойс Сладкоголосой, которые объявили о своем желании соединиться. Один из взрослых, заявивший, что знаком с тем, как это делается, произнес торжественные слова над счастливой парочкой на глазах у многочисленных свидетелей, в то время как Фэндер обхаживал жениха, как лучшего марсианина.

На исходе лета Спиди вернулся из одиночной многодневной поездки и привез с собой в санях старика, мальчика и четверых девочек: все со странными, нездешними чертами лица. С желтоватой кожей, черными волосами, черными миндалевидными глазами, они говорили на языке, которого никто не понимал.

Пока новоприбывшие осваивались с местной речью, Фэндер послужил телепатическим переводчиком, поскольку картинки-образы получались однотипными, независимо от фонетики разных языков. Четыре девочки были тихими, скромными и очень красивыми. Через месяц Спиди женился на одной из них, чье имя напоминало мягкий звон ручья и означало Драгоценный Камешек Лин.

После свадьбы Фэндер отыскал Грейпейта и сунул ему телепатический усик в правую руку.

— Получается, на вашей планете внутривидовые различия намного шире, чем на Марсе. Может, эти сложности и привели к войне?

— Не знаю. Ни разу не видел таких желтокожих. Должно быть, живут неблизко отсюда.— Он почесал бороду, словно помогая мыслям двигаться.— Знаю только, что мой старик рассказывал мне и что его старик рассказывал ему. Больше ничего не знаю. Было много людей самого разного сорта. И разношерстных.

— Они не были бы такими разными, если бы почаще любили друг друга.

— Может, и так,— согласился Грейпейт.

— Наверное, большинство людей, сохранившихся в этом мире, еще могут собраться здесь, переженится и получить менее отличных друг от друга детей. Разве они в конечном счете не останутся тем же самым — человечеством Земли?

— Наверное.

— Все, говорящие на одном языке, разделяющие одинаковую культуру. Если они станут мало-помалу распространяться по планете, постоянно поддерживая при этом контакт с помощью аэросаней, постоянно и непрерывно делясь знаниями, прогрессом, откуда возьмутся различия?

— Не знаю,— уклончиво сказал Грейпейт.— Я не так молод и не могу закидывать удочку так далеко, даже в мечтаниях.

— Какая разница, сколько лет тому, кто мечтает.— Фэндер на мгновение смутился.— Если ты начинаешь чувствовать, что не успеваешь, ты отыскиваешь преемника. Дальше события идут своим чередом. Насколько я

могу понять, все развивается уже вполне и без моего участия. Зритель видит большую часть игры, и возможно, потому я испытываю чувство, которого ты не замечаешь.

— Какое еще такое чувство? — спросил Грейпейт, посмотрев на него подозрительно.

— Что эта планета делает новый виток в развитии. Где была пустыня — там теперь коммуна. Уже построен дом, и это не последнее достижение. Они теперь говорят еще о шести. А потом речь пойдет о шестидесяти, о шестистах, затем о...— Тут он сделал небольшую, но многозначительную паузу.— Шести тысячах. Поговаривают о том, чтобы поднять затонувший трубопровод и качать через него воду из северного озера. Построены сани. Скоро будет воссоздан премастикатор, а возможно, и защитные силовые экраны. Дети учатся. Все меньше слышно о твоей устрашающей заразе, во всяком случае, не слыхать, чтобы кто-нибудь умирал. Я чувствую энергию и талант, которые могут вырасти с потрясающей быстротой, пока все не хлынет через край бурным потоком — и станет человеческим гением! Я чувствую, что я, как и ты, тоже отстал от жизни.

— Чепуха,— сказал Грейпейт и сплюнул.— Чем дольше спишь, тем чаще мучают кошмары.

— Возможно, это потому, что они все делают сами — и делают лучше, чем я. И я не могу найти нового дела. Будь я техником-профессионалом, я бы уже давно открыл новый фронт работ. Будь я физиком, а не лириком. Но, к несчастью, я не профессионал. Думаю, пришло время вернуться к последнему невыполненному делу, в котором ты мог бы мне помочь.

— А что за дело?

— Когда-то, очень давно, я написал стихотворение. Оно было посвящено изящной вещице, предмету красоты, ради которой я остался на этой планете. Не знаю в точности, что имел в виду ее создатель, и, может быть, мои глаза увидели в ней совсем не то, что вкладывал в нее автор, но я написал стихотворение, чтобы выразить свои чувства к его творению.

— Хм! — сказал Грейпейт, не проявляя особого интереса.

— Там, у подошвы, есть пласт вышедшей на поверхность горной породы, который можно отшлифовать и использовать как постамент. На нем я бы хотел запечатлеть эти стихи. Я хотел бы запечатлеть их дважды: на языке Марса и на земном языке.— Фэндер замялся в нерешительности и продолжил: — Надеюсь, никто не сочтет это самонадеянной дерзостью с моей стороны. Но вот уже много лет минуло с той поры, когда я написал эти строки,— и случай может больше не представиться.

— Мысль понял,— задумчиво проговорил Грейпейт.— Ты хочешь, чтобы я, стало быть, изложил твои стишата нашими буквами, чтобы ты мог потом переписать их?

— Да.

— Дай мне твои перо и блокнот.— Грейпейт присел на камень, не без труда, поскольку чувствовал тяжесть возраста. Пристроив блокнот на коленях, он поднял руку с пером наготове, другой не выпуская контактное щупальце.— Порядок — поехали.

И начал вычерчивать значки в ответ на мыслеобразы Фэндера, старательно, крупным почерком. Закончив, он отдал блокнот.

— Асимметрично,— сказал Фэндер, осмотрев диковинные угловатые буквы и впервые пожалев о том, что не освоил земной письменности.— А не мог бы ты подогнать их к нашему алфавиту?

— Но это именно то, что ты сказал.

— Это твой перевод того, что я сказал. Мне же нужно уравновесить строчки двух разных письменных систем, понимаешь, Седая Маковка? Ты не смог бы попробовать еще раз?

Попробовали еще раз, и потом было еще четырнадцать попыток, пока Фэндер не остался доволен внешним видом строчек и букв, недоступных его пониманию.

Взяв бумажку, он отыскал свой бластер, пошел к гранитной глыбе, выступавшей из земли у основания предмета, вдохновившего его на стихи, и отполировал до плоской, ровной поверхности. Отрегулировав луч, он вырезал канал У-образной формы в дюйм глубиной и запечатлел поэму в длинных, без знаков препинания, аккуратных марсианских завитушках. С меньшей уве-

ренностью и намного большим старанием он повторил стихи в земных угловатых иероглифах. Он так отдался работе, что не заметил, как уже с полсотни человек наблюдали за его действиями. Они безмолвствовали. В полном молчании они читали стихи и смотрели на источник его вдохновения, и так и остались там, в торжественном молчании, когда он ушел.

Остальное население коммуны посетило это место на следующий день, с рвением паломников к какой-нибудь священной гробнице. Все стояли подолгу, и все уходили в молчании. Никто не хвалил творение Фэндера, но никто и не ругал его, никто не обвинил его в попытке породнить марсианское с тем, что было чисто земным. Единственным откликом стала растущая решимость людей преобразить эту планету.

В этом отношении Фэндер сделал больше, чем думал.

Чума пришла на 14-й год. Двое саней доставили несколько семей издалека, и через неделю по их прибытии дети заболели, покрывшись сыпью.

Металлические гонги возвестили тревогу, все оставили свои дела, зараженный участок был изолирован и взят под охрану, людей охватила паника, многие готовились к бегству. Такой грозный поворот событий мог нанести сокрушительный удар по слабым корням новой цивилизации.

Фэндер нашел Грейпейта, Спиди и Блэки, вооруженных до зубов, перед беспокойной толпой, в которой мелькали искаженные страхом лица.

— Почти сто человек в карантине,— говорил Грейпейт толпе.— И далеко не все из них — больные. Может, еще и пронесет. Если уцелеют они, еще меньше опасности для вас. Повременим немного.

— Вы только послушайте, кто это говорит,— раздался голос из толпы.— Да если бы у тебя не было иммунитета, тебя бы еще полвека назад закопали в землю.

— То же касается большинства,— оборвал его Грейпейт. Он обвел взглядом толпу, держа ружье на сгибе локтя; его глаза воинственно блестели.— Хватит раз-

глагольствовать, говорю я вам: никто не уйдет, пока не выяснится наверняка, чума это или что другое.— Он взял оружие наизготовку.— Или кто-нибудь хочет получить пулю в лоб?

Прервавший оратора стал продираться вперед. Это был смуглый мускулистый мужчина, и его черные глаза с вызовом глядели на Грейпейта.

— Пока есть жизнь, есть и надежда. Если мы выберемся отсюда, то будем жить и вернемся, когда зараза пройдет, если она пройдет когда-нибудь. И ты сам знаешь это. Так что плевал я на твои пустые угрозы.— Расправив бычьи плечи, он направился к выходу.

Ружье Грейпейта уже было наведено, когда он почувствовал, что Фэндер тронул его плечо. Несколько секунд он стоял как вкопанный, словно прислушиваясь. Затем опустил оружие и окликнул беглеца.

— Я иду в карантинную зону, и Чудовище со мною. Мы разберемся, что там происходит, и не останемся в стороне. Мы ничего не добьемся, оставаясь в стороне.— Часть слушателей одобрительно загудела.— Может, нам не удастся исправить положение, но по крайней мере будем знать, в чем проблема.

Уходивший остановился, оглянулся, посмотрел на него и Фэндера и сказал:

— Вы не сможете этого сделать.

— Почему?

— Заразитесь сами. А от ваших трупов пользы не прибавится.

— А как же мой иммунитет? — спросил Грейпейт, поигрывая ружьем.

— Чудовище может подхватить чуму,— парировал паникер.

— Ну и кому какое дело? — поинтересовался Грейпейт.

Он застал паникера врасплох. Тот в замешательстве соображал, что бы такое сказать, избегая в то же время встретиться взглядом с марсианином, и наконец ляпнул невпопад:

— Не вижу причины рисковать кем бы то ни было.

— Он рискует, потому что ему все равно,— парировал Грейпейт.— И я не какой-нибудь выскочка — я рис-

кую, потому что стар и бесполезен и не хочу лишнего геморроя.

С этими словами он спрыгнул вниз и упрямо зашагал к карантинной зоне, в сопровождении Фэндера, скользившего рядом. Крепыш-паникер замер, завороженно глядя им вслед. Толпа заволновалась, не зная, что предпринять — то ли благоразумно остаться, то ли броситься за уходящими, чтобы остановить их. Спиди и Блэки собирались примкнуть к отважным, но им не дали.

Никто из взрослых не заболел, и умирать никто не собирался. Дети в карантинной зоне прошли один за другим одинаковые стадии болезни: желтизну, высокую температуру и сыпь, пока эпидемия кори не миновала. Лишь через месяц после того, как отболел последний ребенок, Грейпейт и Фэндер вышли оттуда. Столь безопасное течение и случайное исчезновение этой подозрительной заразы заставили качнуться маятник доверия и привести его в движение. Всеобщее воодушевление дало новый толчок развивающейся цивилизации. Все больше появлялось аэросаней, обслуживающих механиков, пилотов. Все больше прибывало людей, и все больше прежних земных премудростей по крохам собиралось вместе с ними.

Теперь человечество было готово к стремительному старту, вооруженное спасенными знаниями веков, и торопилось претворить дела в жизнь. Мученики Земли были не примитивными дикарями, но выжившими представителями гениального рода, на девять десятых вымершего, но все еще не уничтоженного. Каждый вносил свою лепту в восстановление прежней цивилизации, испепеленной ядерным взрывом.

Когда на двадцатый год Рэдхед воспроизвел прематикатор, холм, с которого все началось, уже окружали восемь тысяч каменных домов. Общественный дом по размерам в семьдесят раз больше обычного, с громадным куполом из позеленевшей меди, высился на окраине города. Плотина сдерживала озеро с севера. С западной стороны был построен медицинский центр. Энергия и талант пятидесяти рас воздвигли этот город и продолжали строить его. Среди них были девять полинезийцев, четверо исландцев и еще один, костлявый

и смуглый, который оказался последним из семинолов.

По окрестностям города росли и ширились фермы. Тысяча початков кукурузы, уцелевших в одной из долин Анд, распространилась на десятки тысяч акров. Буйволы и козы были привезены издалека взамен лошадей и овец, которых больше никто нигде не видел,— и никто не мог сказать, почему одни виды выжили, в то время как другие вымерли. Лошади исчезли, в то время как буйволы, выбиравшие средой обитания места, богатые водой, продолжали жить и размножаться. Представители рода собачьих охотились свирепыми стаями, в то время как кошачьи исчезли со сцены межвидовой борьбы.

Небольшие растения, несколько клубней и совсем немного семенных видов могли существовать и культивироваться для пропитания человека. Но не осталось цветов для утоления голодных душ. Человечество продолжало жить, довольствуясь тем, что было доступно. На большее рассчитывать не приходилось.

Фэндер отстал от жизни. Ему больше не для чего было жить, не считая песен и любви окружающих. Во всем остальном, кроме арфы и песен, люди опередили его. Ему ничего не оставалось, как платить собственной любовью за их любовь и привязанность и ждать смерти с фаталистическим спокойствием существа, чья миссия на этой планете выполнена.

В конце года похоронили Грейпейта. Он умер во сне, в неведомом возрасте, ушел из жизни спокойно, без драматических сцен, да и в жизни-то этот человек никогда не отличался красноречием. Ему отвели место упокоения на холме перед общественным домом, Фэндер сыграл над ним погребальную песнь собственного сочинения, а Драгоценный Камешек, жена Спиди, посадила на могиле самые нежные травы.

Следующей весной Фэндер позвал к себе Спиди, Блэки и Рэдхеда. Он свернулся на постели и дрожал. Мужчины взялись за руки, чтобы он мог разговаривать со всеми одновременно.

— Я готов подвергнуться моей *амафа*.

Ему чрезвычайно трудно было передать в доступных пониманию мыслеобразах то, что было за пределами их земного опыта.

— Это неизбежная возрастная ступень, во время которой мой род должен засыпать сном покоя.— Казалось, случайное упоминание «своего рода» для них было странным и пугающим откровением, новой перспективой, о которой никто из людей еще не задумывался.

Фэндер продолжал:

— Я должен оставаться в одиночестве, пока не наступит кома.

— И как долго она продлится, эта кома, Фэндер? — с тревогой спросил Спиди.

— Она может растянуться от четырех земных месяцев до года, или же...

— Или же что? — Спиди не ждал успокаивающего ответа. Его проворный ум быстро угадал привкус опасности, спрятанной глубоко в подсознании марсианина.— Или же — она может не кончиться никогда?

— Она может не кончиться никогда,— неохотно признал Фэндер. Он снова вздрогнул всем телом, ощупывая себя усиками. Его сверкающее голубое тело заметно потускнело.— Шанс невелик, но он есть.

Глаза Спиди расширились, когда его ум попытался свыкнуться с мыслью о том, что Фэндера может не стать как данности, незыблемой и вечной, каким всегда представлялся ему инопланетянин. Блэки и Рэдхед были ошеломлены не меньше.

— Мы, марсиане, существа не вечные,— мягко заметил Фэндер, стараясь, чтобы слова его доставили как можно меньше боли.— Все смертны, и здесь, и там. Тому, кто пережил *амафа,* дается прожить еще много счастливых лет — но не все переживают *амафа.* Это испытание, которое следует встретить и пройти от начала до конца, как и все остальное в жизни.

— Но...

— Мы не велики числом,— продолжал Фэндер.— Размножаемся медленно, и многие из нас умирают на половине обычного жизненного пути. По космическим стандартам, мы слабый и неразвитый народ, сильно нуждающийся в поддержке умного и сильного. Вы умны и

сильны. Всегда помните это. Когда бы мой народ ни посетил вас вновь, или любые другие пришельцы, вы должны встретить их с доверием умного и сильного.

— Мы встретим,— пообещал Спиди. Взор его блуждал по сторонам, вбирая тысячи крыш, медный купол и прекрасное изваяние на холме.— Мы сильные.

Продолжительная дрожь прошла по телу бесформенного пучеглазого существа.

— Я не хочу, чтобы меня оставляли здесь, праздно спящим среди кипения жизни, как дурной пример молодым. Я предпочел бы, чтобы меня перенесли в пещеру, где мы впервые стали друзьями и росли вместе, узнавая и понимая друг друга. Замуруйте меня там. Не позволяйте никому тревожить мой покой, пока я сам не восстану в назначенный час.— Фэндер слабо шелохнулся, его конечности развернулись, вялые как никогда.— Мне очень жаль, что я вынужден просить вас перенести меня туда, в одиночество. Пожалуйста, простите меня. Я должен был оставить этот мир несколько позже и не смог... не смог... сделать это сам.

Их лица были сама тревога, и их мысли гудели колоколами печали. Сбегав за шестами, они соорудили носилки и отнесли его в пещеру. Длинная безмолвная процесия выстроилась за ними, пока они шли туда. Когда они с удобством разместили его в пещере и принялись замуровывать вход, толпа наблюдала за ними с той же угрюмой торжественностью, с которой смотрела на его запечатленные в камне стихи.

Он уже превратился в тугой комок тускло-голубой плоти с подернувшимися пленкой глазами, когда они заделали вход, оставив его в темноте и дреме, которая могла растянуться на вечность. На следующий день маленький бронзовокожий человечек пришел к пещере, а с ним еще восемь детей, держащих в руках кукол. Пока дети смотрели, он приделал над входом блестящие металлические буквы, с сердечной скорбью и великим старанием выполнив это добровольное дело.

Марсианское судно вышло из стратосферы. За прозрачной полосой экрана, опоясывающего брюхо кораб-

ля, светились громадные многофасеточные глаза членов экипажа — голубых существ кошмарной наружности. Перед ними плыли верхние слои облаков, напоминая снежную равнину, скрывающую планету.

Капитан Рдина чувствовал напряжение и ответственность момента, хотя его судну не выпало чести первым высадиться на эту планету. Капитан Шкива, уже давно ушедший в отставку ветеран космоса, сделал это многие годы назад. И тем не менее вторая экспедиция тоже метила в анналы истории, и члены экипажа ощущали трепет первооткрывателей.

Один из членов команды, извиваясь что было мочи, приполз из другого конца опоясывающей корабль диафрагмы. Сигнальные усики прибывшего тряслись, будто случилась авария.

— Капитан, мы только что заметили объект, исчезнувший за линией горизонта.

— Что за объект?

— Он выглядел, как гигантские аэросани.

— Такого не может быть.

— Нет, капитан, конечно же, такого быть не может, это просто исключено — но это именно то, на что больше всего похож неопознанный летающий объект.

— И где он теперь? — командирским голосом произнес Рдина, глядя в ту сторону, откуда прибыл собеседник.

— Нырнул в нижние слои атмосферы.

— Вероятно, вы ошиблись. От слишком долгого наблюдения могут быть зрительные галлюцинации.— Он замолчал на миг, когда кольцевой экран стал покрываться пеленой облаков. Рдина внимательно смотрел, как серая стена тумана скользила вверх, пока судно продолжало плавно спускаться.— В старых отчетах однозначно говорится о том, что здесь нет ничего, кроме пустыни и диких животных. Здесь нет никакой разумной жизни, кроме какого-то чудака из второсортных поэтов, которого Шкива высадил здесь. Двадцать против одного, что он не выжил за эти годы. Скорее всего, его сожрали дикие звери.

— Сожрали? Они что, едят мясо? — воскликнул собеседник, казалось, совершенно отвергая такую мысль.

— Здесь все возможно,— кивнул Рдина, которому понравился такой необузданный полет собственной фантазии.— Кроме аэросаней. Это очевидная нелепость.

В это момент он был вынужден прекратить обсуждение по той простой и очевидной причине, что корабль, выскользнувший из облаков, и сомнительные аэросани оказались плывущими бок о бок. Их даже можно было рассмотреть в деталях, и бортовые приборы регистрировали отчетливое гудение двигателей многочисленных летательных модуляторов.

Двадцать марсиан замерли, наблюдая своими выпученными глазами громадную штуковину, размером в половину их корабля. А сорок гуманоидов с аэросаней разглядывали их с таким же пристальным вниманием. Корабль и сани продолжали спускаться бок о бок, в то время как оба экипажа завороженно изучали друг друга, и это продолжалось, пока они одновременно не коснулись земли.

Наконец, ощутив легкий толчок о землю, капитан Рдина пришел в себя и огляделся по сторонам. Он увидел множество домов, медный позеленевший купол, изваяние на холме и сотни землян, высыпавших из города прямиком к его судну.

Он сразу обратил внимание, что ни одна их этих диковинных двуногих форм жизни не проявляет к пришельцам ни малейшего признака отвращения или испуга. Они галопом сбежались к месту посадки и выглядели дико самоуверенными. Такого капитан не ожидал от существ, столь разительно отличавшихся по виду и морфологии.

Это несколько потрясло его, он даже пробормотал про себя:

— Они не паникуют — отчего же нам паниковать?

Он лично вышел встретить первого из землян, преодолев опасение и стараясь не обращать внимание на то, что многие из них несли нечто похожее на оружие. Возглавлявший процессию землянин, крепкого сложения, с бородой лопатой, так сноровисто ухватил его сигнальный усик, словно бы занимался этим всю жизнь.

Последовала картинка быстро бегущих конечностей:

— Меня зовут Спиди.

Корабль опустел через несколько минут. Никакой марсианин не упустит возможности подышать свежим воздухом. Их первый визит был к предмету, стоявшему на холме. Рдина постоял неподвижно, разглядывая; экипаж сгрудился полукругом, земляне стояли молчаливой толпой позади.

Это была гигантская каменная статуя земной женщины. Она была широкоплечей, большегрудой, широкобедрой и носила просторные складчатые одежды, доходившие до самых подошв тяжелых ее башмаков. Спина слегка согнута, голова чуть накренилась, а лицо спрятано в больших натруженных ладонях. Рдина тщетно пытался разглядеть за пальцами черты усталого крестьянского лица. Он долго смотрел на нее, пока глаза не опустились к надписи под монументом. Пропустив земные слова, он без труда пробежал глазами привычную марсианскую вязь:

Плачь, моя страна, твои сыны уснули,
Пепел твоих домов, твоих расшатанных башен.
Плачь, страна моя, о страна моя, плачь!
По птицам, что не споют, по исчезнувшим цветам.
Конец всему,
Молчания часы.
Плачь! Моя страна.

Подписи не было. Рдина размышлял над этим несколько долгих минут, и никто за это время не шелохнулся. Наконец он повернулся к Спиди, указывая на марсианскую надпись:

— Кто это написал?

— Один из ваших. Он умер.

— А! — сказал Рдина.— Это массовик-затейник из экипажа Шкивы. Забыл его имя. Да и немногие помнят его. Он был всего лишь незначительным поэтом. И как он умер?

— Он приказал нам замуровать его на время какого-то продолжительного, крайне необходимого ему сна и...

— *Амафа,*— понимающе кивнул Рдина.— И что потом?

— Мы сделали, как он велел. Он предупредил, что может оттуда не вернуться.— Спиди поднял взгляд к

небесам, не думая о том, что Рдина может прочесть его скорбные мысли.— Он пробыл там больше двух лет и так и не вышел.— Глаза его вновь смотрели на Рдину.— Не знаю, поймете ли вы меня, но он был одним из нас.

— Думаю, что пойму.— Немного поразмыслив, Рдина спросил: — И как долго тянется период, который вы называете «больше двух лет»?

Люди попытались исчислить его, переводя с земного на марсианский календарь.

— Долго,— произнес Рдина.— Намного дольше, чем обычная *амафа*. Но ничего из ряда вон выходящего. Случается, по никому неизвестным причинам, и дольше. Кроме того, это же *амафа* не на Марсе.— Тут он, внезапно оживившись, стал волевым и целеустремленным. Затем обратился к одному из членов экипажа: — Доктор Штрих, у нас случай затянувшейся *амафы*. Идите в корабль и принесите ваши масла и эссенции.

Когда доктор вернулся, он попросил Спиди:

— Проведите нас туда, где он спит.

У самого входа в пещеру Рдина остановился, увидев надпись из двух слов, сделанную четкими, но непонятными ему буквами. Они гласили: «ДОРОГОЕ ЧУДОВИЩЕ».

— Интересно, что бы это значило? — сказал доктор Штрих.

— «Не беспокоить»,— легко решил его сомнения Рдина, как и полагалось всезнающему капитану. Освободив вход в пещеру, он пропустил Спиди и Штриха вперед, не пустив туда больше никого.

Они появились час спустя. Казалось, все население города собралось перед пещерой. Рдину удивило, что всех не так волновали корабль и экипаж марсиан, как эта простая земная пещера. Конечно же, это не могло быть вызвано интересом к судьбе какого-то мелкого поэта. Тысячи глаз смотрели на них, когда они вышли на солнечный свет.

Распрямляясь, как будто он хотел дотянуться до солнца, Спиди крикнул толпе:

— Он жив, жив! Он выйдет снова через двадцать дней!

Тут же легкая форма безумия овладела двуногими существами. Они состроили гримасы радости и пронзительно затрубили из ротовых отверстий, а некоторые в своем психическом расстройстве зашли так далеко, что принялись молотить друг друга руками.

Двадцать марсиан чувствовали, будто соединились с Фэндером в ту самую ночь. Конституция марсианина особо чувствительна к проявлению массовых эмоций.

ПЕРСОНА НОН ГРАТА

Он выскользнул из собирающихся сумерек и опустился на другом конце скамейки, отсутствующе глядя через озеро. От заходившего солнца наливались кровью небеса. Утки-мандаринки загребали по малиновым полосам на воде. Парк хранил свой обычный вечерний покой; единственными звуками были шорох листвы и травы, воркование уединившихся парочек да приглушенные сигналы далеких авто.

Как только скамейка вздрогнула, извещая, что я здесь не один, я поднял глаза, ожидая увидеть очередного попрошайку, пытающегося выклянчить денег на ночлег. Контраст между ожидаемым и тем, что открылось моим глазам, был столь разителен, что я взглянул еще раз, стараясь, чтобы он не заметил.

Невзирая на серые тона сумерек, то, что я увидел, было этюдом в черно-белых тонах. У него были тонкие, чувствительные черты лица, белого, как его перчатки и треугольник сорочки. Ботинки и костюм были не столь черны, как его прекрасно очерченные брови и напомаженные волосы. Глаза его были чернее всего: той непроницаемой, сверхъестественной чернотой, что не может быть глубже или темнее. И все же они оживали подспудным тайным блеском.

Шляпы у него не было. Изящная эбеновая трость небрежно покоилась между коленей. Черный плащ на шелковой подкладке был наброшен на плечи. Если он

снимался сейчас в кино, то не мог бы лучше изобразить какого-нибудь знатного иностранца.

Я стал думать о нем, чисто автоматически, поскольку больше заняться было нечем. Какой-нибудь европейский эмигрант, решил я. Возможно, выдающийся хирург или скульптор. Или же писатель или художник — скорее всего, последнее.

Я украдкой бросил на него еще один взгляд. В тающем свете заката бледный профиль казался орлиным. Скрытый тайный блеск в глазах усиливала темнота. Плащ придавал ему особую величавость. Деревья простирали над ним ветви, как будто предоставляя приют и покровительство на всю долгую, долгую ночь.

Ни единого намека на страдания не замечалось на его лице. Оно не имело ничего общего с потасканными, морщинистыми лицами, какие попадались мне везде: лица, навсегда запечатлевшие память о кандалах, кнуте и лагере смерти. Напротив, оно хранило смесь дерзости и спокойствия, уверенности в твердом убеждении, что придет день и события повернутся в другую сторону. Вдруг ни с того ни с сего я решил, что передо мной музыкант. Я мог бы представить, как такой человек дирижирует грандиозным хором в 50 тысяч голосов.

— Обожаю музыку,— сказал он бархатистым баритоном.

Его лицо повернулось ко мне, блеснув пробором в черной напомаженной шевелюре.

— В самом деле? — Эти неожиданные слова застали меня врасплох. Как-то, незаметно для себя, я высказал свои мысли вслух. Довольно жалким голосом я поспешил спросить:

— И какого рода музыку?

— Вот эту.— Эбеновой тростью он показал мир вокруг.— Символ уходящего дня.

— Да, это умиротворяет,— согласился я.

— Это мое время,— сказал он.— Время, когда день уходит — как все когда-нибудь уйдет из этого мира.

— Да, так,— сказал я за отсутствием другого ответа.

Мы помолчали немного. Медленно горизонт наливался кровью с неба. Город зажег свои огни, и бледная луна плыла над его башнями.

— Вы не местный? — обратился наконец я к нему с вопросом.

— Нет.— Опустив длинные тонкие кисти на трость, он устремил вперед сосредоточенный и задумчивый взор.— У меня нет родины. Я изгнанник.

— Сочувствую...

— Спасибо,— коротко сказал он.

Я не мог просто сидеть рядом, оставив его томиться в собственной скорби. На выбор оставалось либо продолжить беседу, либо удалиться. Безотлагательной необходимости для ухода не было, и поэтому я продолжил:

— Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

Он вновь повернул голову, изучая меня пристальным взором, как будто только сейчас обратил внимание на мое существование. Странный свет в его очах ощущался почти физически. На его устах появлялась снисходительная улыбка, демонстрирующая безукоризненные зубы.

— Я обязан это сделать?

— Нет, что вы. Но иногда это помогает выкинуть из головы лишние мысли.

— Сомневаюсь. Кроме того, я только отниму у вас время.

— Как раз это не важно. Я все равно его трачу понапрасну.

Снова улыбнувшись, он стал вычерчивать тростью невидимые круги перед черными ботинками.

— В нынешний день и век это слишком хорошо известная история,— начал он.— Некий лидер так ослеплен собственной славой, что считает себя неспособным на промахи. Он отвергает совет и не терпит критики. Он поощряет культ своей личности, выставляя себя окончательным арбитром во всем, от рождения до смерти, и, таким образом, сам приводит в действие маховик своего низвержения. Он создает семена собственного разрушения. Это неизбежно в данных обстоятельствах.

— И совершенно справедливо,— поддержал я его.— К черту диктаторов!

Трость выскользнула из его ладоней. Он поднял ее, лениво поигрывая, и возобновил свои круги.

— Восстание сорвалось? — предположил я.

— Да.— Он посмотрел на круги и перечеркнул их тростью.— Оно показало свою слабость и преждевременность. Затем пришла чистка.— Его сияющие тайным блеском глаза прошлись по стоявшим на страже деревьям, словно по рядам безмолвных часовых.— Я создал эту оппозицию режиму. И по-прежнему думаю, что это оправданно. Но я не могу вернуться обратно. До сих пор...

— Лучше всего забыть об этом. Теперь вы в свободной стране и можете здесь неплохо устроиться.

— Не думаю. Меня сюда никто особо не звал.— Голос незнакомца стал глубже.— Да и вообще, меня нигде не ждут.

— О, да перестаньте! — возразил я.— Каждого кто-то где-то да ждет. Не впадайте в хандру. Помимо прочего, свобода — превыше всего.

— Никто не свободен, пока он не ушел от противника.— Незнакомец посмотрел на меня с раздражением и замешательством, как на юнца, которому еще предстоит поучиться у жизни:

— Когда ваш противник прибирает к рукам контроль над всеми каналами информации и пропаганды, когда он использует их, чтобы представить собственную картину событий и полностью затушевать мою версию случившегося, когда он пытается ложь выдать за правду, а правду за ложь, для меня почти не остается надежды.

— Ну что ж, это ваша точка зрения. Что ж поделать, если вы так остро чувствуете пережитое. Но со временем вы должны это забыть. Здесь вы в совсем ином мире. Мы вольны говорить все, что угодно. Любой может сказать о том, что ему нравится, и писать, что ему заблагорассудится.

— Если бы только это было правдой...

— Это правда,— настаивал я, слегка раздраженно.— Здесь вы можете назвать даже Раджу Бэмского заносчивым, обожравшимся паразитом, если пожелаете. Никто не может запретить вам это, даже полиция. Мы свободны, я же сказал вам.

Он встал, возвышаясь на фоне обступивших нас деревьев. Со скамейки мне показалось, что он необычно

высокого роста. Луна освещала его лицо, наполняя бледным жутким свечением.

— Ваша вера удобна, но необоснованна.

— Нет! — настаивал я.

Он развернулся. Плащ взлетел за его плечами, вздымаясь волнами в легком ночном ветре, похожий на могущественные крылья.

— Мое имя,— вкрадчиво произнес он,— Люцифер.

И после этого остался только шепот ветра.

ДЫШИТЕ... НЕ ДЫШИТЕ

Когда Тейлора вводили в комнату, кандалы на ногах лязгали, а на руках позвякивала цепь. Из-за оков он шел неуклюже, шаркая ногами. И охранники забавлялись тем, что заставляли его идти быстрее, чем он мог. Ему указали на кресло, стоявшее перед длинным столом. Кто-то толкнул пленника с такой силой, что он потерял равновесие и шлепнулся на жесткое сиденье.

Черные волосы землянина колыхнулись — единственная видимая реакция. Он огляделся. Его глаза были светло-серыми, такими светлыми, что казались ледяными. Взгляд ни дружелюбный, ни враждебный, в нем не читалось ни покорности, ни гнева.

Просто бесстрастный и безразлично холодный взгляд.

Семеро гомбариан, сидевшие с другой стороны стола, рассматривали пленника. Кто с любопытством, кто со скукой, а некоторые с триумфом и высокомерием. Гомбариане принадлежали к гуманоидам, но ведь и гориллы — гуманоиды. На этом сходство кончалось.

— Итак,— начал гомбарианин, сидевший в центре. Он завершал каждое третье слово урчанием,— твое имя Уэйн Тейлор?

Пленник молчал.

— Ты прибыл с планеты, которая называется Земля?

Пленник по-прежнему молчал.

— Давай не будем тратить время, Паламин,— предложил сидевший слева.— Если он не хочет говорить добровольно, будет говорить по принуждению.

— Ты прав, Экстер.— Паламин сунул руку под стол и вытащил молоток с грушевидной головкой.— Как тебе понравится, если все кости на твоей руке, палец за пальцем, сустав за суставом, будут раздроблены?

— Вовсе не понравится,— сознался Уэйн Тейлор.

— Очень разумный ответ,— одобрил Паламин и многозначительно положил молоток на середину стола.— Уже потрачено много дней на то, чтобы обучить тебя нашему языку. За это время даже ребенок научился бы понимать вопросы и отвечать на них.— Он удостоил заключенного тяжелым взглядом.— Ты старался быть чересчур тупым учеником. Но больше тебе не удастся вводить нас в заблуждение. Сейчас ты все расскажешь.

— Хочешь ты этого или нет,— вставил Экстер, облизав тонкие губы,— но ты нам все расскажешь.

— Верно,— согласился Паламин.— Давай начнем все сначала и посмотрим, удастся ли нам избежать пыток. Твое имя Уэйн Тейлор и ты прибыл с планеты, которая называется Земля?

— Я сознался в этом сразу же, как только меня взяли в плен.

— Знаю. Но тогда ты еще плохо говорил на нашем языке, а мы стремимся избежать всяких неточностей. Зачем ты прибыл на Гомбар?

— Я говорил своему учителю об этом по меньше мере двадцать раз. Мой корабль был поврежден, и я случайно...

— Тогда зачем ты его взорвал? Почему ты не вошел с нами в открытый контакт? Почему не попросил нас отремонтировать твой корабль?

— Ни один земной корабль не должен попасть в руки врагов,— решительно сказал Тейлор.

— Врагов? — Паламин попытался принять вид оскорбленной добродетели, но его лицо не было к этому приспособлено.— Раз вы, земляне, совсем ничего не знаете о нас, какое вы имеете право считать нас врагами?

— По прибытии меня не расцеловали,— резко ответил Тейлор.— Когда я садился, в меня стреляли. В меня стреляли, и когда я убегал. За мной охотились, а когда поймали — избили.

— Наши солдаты выполняли свои обязанности,— с благородным негодованием заметил Паламин.

— Сейчас я был бы уже мертв, если бы они не оказались самыми отвратительными стрелками в районе Лебедя.

— А что такое Лебедь?

— Звезда.

— Кто ты такой, чтобы критиковать наших солдат? — вмешался Экстер, бросив на него сердитый взгляд.

— Землянин,— проинформировал его Тейлор, будто этого более чем достаточно.

— Это для меня ничего не значит,— откликнулся Экстер с нескрываемым презрением.

— Не значит, так будет.

— Если бы вам был желателен дружественный контакт, земные власти послали бы большой корабль с официальной делегацией на борту, разве не так? — вновь заговорил Паламин

— Не думаю.

— Почему?

— Мы не рискуем большими кораблями и значительными людьми, если неизвестно, какой их ожидает прием.

— А кто добывает эту информацию?

— Космические разведчики.

— Ага! — Паламин огляделся с гордостью пигмея, который поймал слона.— Так что, в конце концов ты признаешь, что ты — шпион?

— Я — шпион только в глазах неприятеля.

— Наоборот,— вмешался субъект с тяжелой челюстью, сидевший справа.— Раз мы говорим, что ты шпион, то ты шпион и есть.

— Хорошо, будь по-твоему,— уступил Тейлор.

— Это уж нам судить.

— Можешь быть в этом уверен, мой дорогой Боркор,— успокоил его Паламин и снова повернулся к пленнику.— Сколько всего землян?

— Около двенадцати миллиардов.

— Он лжет,— заявил Боркор, жадно пожирая глазами молоток.

— На одной планете не может проживать такое количество разумных существ,— поддержал его Экстер.

— Они разбросаны на нескольких десятках планет,— сказал Тейлор.

— И снова лжет,— настаивал Боркор.

Отмахнувшись от него Паламин спросил:

— А сколько у них космических кораблей?

— К сожалению, простым космическим разведчикам не доверяют тайн статистики флота,— холодно ответил Тейлор.— Могу лишь сказать, что я не имею ни малейшего представления.

— Какое-то представление ты должен иметь.

— Я могу высказать свои предположения, только ты сам решай, чего они стоят.

— Итак?

— Миллион.

— Чепуха! — заявил Паламин.— Полнейший абсурд.

— Ну и прекрасно! Тысяча... Или любое другое число, которое ты сочтешь разумным.

— Так мы ни к чему не придем,— выразил недовольство Боркор.

— А чего вы ожидали? — обратился к своим соотечественникам Паламин.— Если бы мы послали шпиона на Землю, стали бы мы набивать его секретнейшей информацией? Чтобы он выдал ее врагам, если его поймают? Или мы сказали бы ему ровно столько, чтобы хватило для выполнения поставленной перед ним задачи? Идеальный шпион — это проницательный невежа, способный все воспринять и не способный ничего выдать.

— Идеальный шпион не попался бы в ловушку,— злобно заметил Экстер.

— Спасибо тебе за приветливые слова,— вступил в разговор Тейлор.— Если бы я прибыл сюда как шпион, вы бы не увидели ни моего корабля, ни тем более меня.

— Ну, так куда же ты в таком случае направлялся, прежде чем вынужден был сделать посадку на Гомбар? — спросил Паламин.

— К другой звездной системе.

— Не обращая внимания на эту?

— Да.

— Почему?

— Я летел туда, куда мне было приказано.

— Твои россказни неубедительны.— Паламин откинулся назад и осуждающе посмотрел на него.— Совершенно неправдоподобно, чтобы космический исследователь миновал одну звездную систему ради другой, расположенной дальше.

— Я направлялся к двойной звезде, у которой по меньше мере сорок планет,— объяснил Тейлор.— А в этой системе их только три, поэтому она считалась менее важной.

— Как, несмотря на то что мы заселили все три планеты?

— Откуда нам было знать? Никто здесь раньше не пролетал.

— Теперь знаете,— зловеще пробормотал Экстер.

— Знает только он,— поправил Паламин.— И чем дольше не узнают, тем лучше для нас. Когда чуждая форма жизни сует свое рыло в нашу систему, нам нужно время, чтобы собраться с силами.

Все одобрительно закивали.

— Так вот каков ваш образ мышления,— задумчиво протянул Тейлор.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы полагаете само собой разумеющимся, что встреча должна вести к столкновению, а затем и к войне.

— Мы были бы первостатейными дураками, если бы думали по-другому и позволили захватить себя врасплох,— подчеркнул Паламин.

Тейлор вздохнул:

— Ныне мы укрепились на сотне планет без единой битвы. Потому что мы не лезем туда, где нас не хотят видеть.

— Представляю себе,— саркастически откликнулся Паламин.— Вам говорят убирайтесь, и вы любезно сматываетесь. Это противоречит инстинкту.

— Вашему инстинкту,— возразил Тейлор.— Мы не видим смысла тратить время и деньги на межзвездную войну, когда можно потратить и то, и другое на исследование и развитие.

— Так, значит, в вашем флоте нет боевых кораблей?

— Конечно же есть.

— И много?

— Хватит, чтобы справиться с вами.

— Пацифисты, вооруженные до зубов,— объявил Паламин остальным. Те понимающе улыбнулись.

— Лжецы всегда непоследовательны,— произнес Экстер с апломбом. Он уставился каменным взглядом на пленника.

— Если вы так заботливо избегаете неприятностей, то зачем вам нужны боевые корабли?

— Потому что у нас нет гарантий, что вся Вселенная разделяет нашу политику: живи сам и давай жить другим.

— Объясни подробнее.

— Мы никому не досаждаем. Но когда-нибудь кому-нибудь может прийти в голову досадить нам.

— Тогда вы начинаете войну?

— Нет. Начнет войну другие. Мы ее выиграем.

— Чистейшая уловка,— сказал Экстер Паламину и остальным.— Эта технология непонятна разве что идиоту. Они заселили сотню планет. На большинстве планет никакого сопротивления не было, потому что некому было сопротивляться. На других — туземцы, слабые и отсталые, они знают, что их борьба обречена на поражение, потому и не борются. Но на любой планете, достаточно сильной и решившей сопротивляться,— такой, например, как Гомбар — земляне быстренько примут сопротивление за недозволенное вмешательство в свои дела. Они начнут утверждать, что им угрожают. И это будет их моральным оправданием войны.

Паламин взглянул на Тейлора.

— Что скажешь на это?

Выразительно пожав плечами, Тейлор сказал:

— Политический цинизм такого сорта давно устарел там, откуда я прилетел. Ничем не могу помочь, раз уж вы отстали от нас в умственном развитии на десять тысяч лет.

— Мы собираемся сидеть здесь и позволять пленнику в цепях оскорблять нас? — гневно обратился Экстер к Паламину.— Предлагаю казнить его и всем разойтись по домам. Я например по горло сыт пустой болтовней.

— Я тоже,— согласился один из гомбариан; он выглядел закоренелым подхалимом.

— Терпение,— посоветовал Паламин, а потом обратился к Тейлору: — Ты утверждаешь, что тебе было приказано исследовать двойную систему Хплора и Риди?

— Если ты имеешь в виду ближайшую двойную звезду, то да. Таково было мое предписанное направление.

— Предположим, вместо этого тебе бы сказали изучить нашу Гомбарианскую систему. Как бы ты поступил?

— Я подчиняюсь приказам.

— Ты прилетел бы тайно и стал бы потихоньку везде высматривать и вынюхивать?

— Не обязательно. Если бы с первого взгляда вы мне показались дружелюбно настроенными, я бы появился перед вами открыто.

— Он увиливает от ответа,— настаивал Экстер, все так же полный гнева.

— Что бы ты делал, если бы был не уверен в нашей реакции? — продолжал Паламин.

— То же, что делал бы любой на моем месте,— резко ответил Тейлор.— Околачивался бы поблизости, пока не убедился в ваших намерениях.

— Тем временем старался бы избежать плена?

— Конечно.

— И если тебе не понравилось наше поведение, ты доложил бы о нас, как о неприятеле?

— Да.

— Вот и все, что мы хотели узнать,— подытожил Паламин.— Твои признания равносильны признанию в шпионской деятельности. И не имеет значения, приказывали ли тебе сунуть свой излишне любопытный нос в нашу или какую другую систему — все равно ты — шпион,— он повернулся к остальным.— Все согласны?

Члены судилища хором ответили:

— Да.

— Такие, как ты, достойны лишь одной судьбы,— заключил Паламин.— Ты вернешься в свою камеру и будешь находиться там до времени официальной казни. Уведите его.

Охранники выбили из-под Тейлора кресло и пинками заставили подняться. Они тащили пленника быстрее,

чем тот мог идти. Скованный землянин спотыкался и чуть не падал. Но он нашел время бросить от дверей один быстрый взгляд назад, и взгляд его бледных глаз казался ледяным.

— ...

Когда тот тюремщик, что постарше, принес ужин, Тейлор спросил:

— А как у вас здесь казнят?

— А как это делают там, откуда ты прилетел?

— Никак.

— Никак? — Тюремщик удивленно моргнул. Поставив поднос на пол, он сел на скамью возле Тейлора, оставив решетку из толстых железных прутьев широко открытой. Рукоятка его пистолета маячила в соблазнительной близости от руки пленника.

— Тогда как же вы справляетесь с опасными преступниками?

— Мы лечим их всеми доступными эффективными средствами, включая операции на мозге. Неизлечимых же мы отвозим на одиночную планету, оставленную исключительно для них. Пусть варятся там в собственном соку.

— Какой расточительный способ,— высказал свое отношение охранник. Будто случайно, он вытащил свое оружие, направил на стену и нажал кнопку. Ничего не произошло.

— Не заряжен,— сказал он.

Тейлор не откликнулся.

— И не пытайся выхватить его у меня, а тем более удрать. Тут бронированные двери и полным-полно охраны.

— Мне нужно избавиться от наручников, прежде, чем затевать что-то,— осторожно проговорил Тейлор.— А как насчет подкупа?

— Это чем же? У тебя нет ничего, кроме одежды, да и ту сожгут, когда ты умрешь.

— Что ж, забудем об этом.— Тейлор громко звенел кандалами. Он выглядел раздраженным.— Ты еще не сказал мне, как я умру.

— Тебя публично задушат,— сообщил тюремщик. Он облизал губы без видимой причины.— Все казни

производят в присутствии населения. Мало знать, что справедливость восторжествовала, нужно еще и видеть, как она торжествует. Так что смотрит каждый. К тому же это зрелище дисциплинирует.— Он снова облизнул губы.— Замечательный спектакль.

— Да уж, конечно.

— Тебя поставят на колени спиной к столбу, руки и ноги крепко свяжут,— объяснял тюремщик, со стороны могло показаться, что он читает важное наставление.— В столбе просверлена дырка на уровне твоей шеи. Шею захлестнут веревочной петлей, веревку пропустят сквозь дырку и обмотают вокруг палки с другой стороны столба. Палач вращает палку и тем самым затягивает петлю, быстро или медленно, в зависимости от настроения

— Полагаю, когда к нему приходит артистическое вдохновение, он продлевает агонию жертвы, несколько раз ослабляя и натягивая веревку,— догадался Тейлор.

— Нет, нет, ему запрещено так поступать,— уверил тюремщик, не заметив сарказма в словах землянина.— Не во время финальной казни. Такой метод используется только для того, чтобы добиться признания у упорствующего. Мы — справедливый и мягкосердечный народ, понимаешь?

— Ты меня утешил.

— Так что тебя удушат быстро и эффективно. Я видел множество казней, но пока еще не приходилось видеть непрофессиональных. Тело тяжелеет и повисает на веревках, глаза вылезают из орбит, язык вываливается, чернеет, и наступает смерть. Сделать смерть быстрой и максимально безболезненной — вот в чем заключается искусство палача. Тебе действительно не о чем беспокоиться.

— Похоже, беспокоиться действительно не о чем, судя по тому, как ты все описал,— сухо проговорил Тейлор. Я воистину наверху блаженства.— Он немного подумал и спросил: — А когда меня поведут на казнь?

— Сразу же после того, как кончится твоя игра,— сообщил тюремщик.

Тейлор недоуменно посмотрел на него:

— Игра? Какая игра? Что ты имеешь в виду?

— У нас принято позволять осужденному сыграть свою последнюю игру против искусного игрока, выставленного нами. Когда игра кончается, осужденного уводят и душат.

— Не важно, выиграет он или проиграет?

— Результат не имеет значения. Его казнят, невзирая на то, победитель он или проигравший.

— По-моему, это безумие,— нахмурившись, сказал Тейлор.

— Это потому, что ты — чужак,— откликнулся тюремщик.— Но ты, конечно, согласишься с тем, что преступник, стоящий перед лицом неминуемой смерти, должен получить некую компенсацию или даже привилегию провести последние минуты в борьбе за жизнь.

— Совершенно бесполезной борьбе.

— Может быть. Но каждая минута отсрочки драгоценна для осужденного.— Тюремщик возбужденно потер руки.— Скажу я тебе, нет ничего более восхитительного, более захватывающего, чем чей-то предсмертный матч с искусным игроком.

— Вот как?

— Понимаешь, осужденный не способен полностью сосредоточиться на игре. С одной стороны, его голова занята мыслями о нависшем над ним роке, в то время как у противника нет такой ноши. С другой стороны, он не дает своему противнику ни выиграть, ни проиграть. Он концентрирует все свои способности на том, чтобы предотвратить окончательный результат и тянет игру как можно дольше. Конечно же, все это время его мысленно и морально подстегивает осознание того, что конец приближается.

— И от этого вы получаете огромное удовольствие,— подытожил Тейлор.

Тюремщик прикусил губу.

— Много раз я видел, как преступник, обливаясь холодным потом, играет с искусством, порожденным безнадежностью. Потом наконец наступает финал. Он падает в обморок и скатывается с кресла. Мы уносим его на казнь вялым, как пустой мешок. Когда он приходит в себя, то уже стоит на коленях, лицом к толпе, и ждет первого поворота палки.

— Не стоит и беспокоиться,— решил Тейлор.— Никакой игрок долго не протянет.

— Обычно — нет, но я знаю и исключения, хороших и умелых игроков, которые умудрялись оттянуть смерть на четыре-пять дней. Был один такой парень, профессиональный игрок в ализик, так он ухитрился шестнадцать дней избегать конца. Он был так хорош. Какая жалость, что ему пришлось умереть. Многие видеозрители очень жалели, когда наступил конец.

— Так вы передаете эти предсмертные матчи по видео?

— Это самое популярное шоу. Всех пригвождает к стульям.

— Хм-м-м.— Тейлор немного подумал и спросил: — Предположим, осужденный был бы способен тянуть игру год или больше, позволили бы ему это?

— Конечно. Никого не пошлют на смерть до того, как завершится его последняя игра. Полагаю, это можно назвать суеверием. Более того, правила таковы, что во время игры осужденного хорошо кормят. Если он хочет, то может есть, как король. Все равно они редко едят.

— Почему?

— Они так нервничают, что их желудки отказываются принимать пищу. Некоторые буквально болеют во время игры. Когда я вижу такого, я знаю, что до конца следующего дня он не протянет.

— Ты здесь часто развлекаешься,— предположил Тейлор.

— Очень часто,— согласился тюремщик.— Но не всегда. На плохих игроков поступают жалобы от видеозрителей. Они начинают игру, сразу же все портят, их уводят к позорному столбу, и с ними покончено. Для всех нас огромное удовольствие, когда осужденный ведет настоящую битву.

— Так, значит, у меня никаких шансов. Я не знаю гомбарианских игр, а вы не знаете земных.

— Любой игре можно научиться за короткое время, а выбор принадлежит тебе. Естественно, тебе не позволят выбрать такую игру, ради которой тебя придется выпустить. Нужно выбрать что-то такое, во что можно играть, находясь в этой камере. Хочешь добрый совет?

— Давай.

— Сегодня вечером прибудет официальное лицо, чтобы обговорить условия состязания, после чего он подберет тебе подходящего партнера. Не проси, чтобы тебя обучили одной из наших игр. И не важно, каким бы хитроумным ты ни старался быть, твой противник будет лучше, потому что ему все будет знакомо, а тебе — чуждо. Выбери одну из игр своей планеты и таким образом получишь преимущество.

— Спасибо за совет. Это бы помогло, если бы поражение означало смерть, а победа жизнь.

— Я тебе уже сказал, что результат не имеет значения.

— Вот я и говорю. Какой смысл выбирать?

— Ты выбираешь между смертью утром и смертью следующим утром.— Тюремщик встал со скамьи, вышел, запер решетку.— В любом случае, я принесу тебе описание наших комнатных игр. Тебе хватит времени прочитать его до прихода официального лица.

— Очень мило с твоей стороны,— вздохнул Тейлор.— Но мне кажется, ты зря тратишь свое время.

* * *

Уэйн Тейлор остался один и задумался. Нельзя сказать, чтобы мысли его были приятными. Профессия космических разведчиков является одной из самых рискованных, и никто не знает этого лучше, чем сами разведчики. Каждый охотно относится к опасностям по древнему принципу, считая, что они всегда случаются с кем-то другим. На этот раз он сам попал в опасное положение. Тейлор провел пальцем по внутренней части воротничка, который показался ему чересчур тугим...

Когда он вынырнул из облаков и наткнулся на два самолета, те тут же открыли огонь по иллюминаторам и люкам, Тейлор мгновенно нажал кнопку сигнала тревоги «Д». Тут же его радиопередатчик начал передавать короткое сообщение, в котором указывались его координаты, и эта планета была определена как вражеская территория.

Чуть раньше, за тысячу миль от этой планеты, в космосе, он сообщил о своем намерении совершить вы-

нужденную посадку и передал те же самые координаты. Таким образом, это подтвердит его первое сообщение. По прикидкам Тейлора, за это время сигнал тревоги должен был быть отправлен по меньшей мере сорок раз.

Сразу же после посадки он включил взрыватель замедленного действия и пустился наутек. Самолеты все еще жужжали где-то поблизости. Один из них спикировал на приземлившийся корабль как раз тогда, когда произошел взрыв. Самолет исчез во вспышке. Другой набрал высоту и кружил наверху, руководя поисками. Судя по скорости, с которой появились военные отряды, Тейлора угораздило шлепнуться в милитаризованный район, набитый болванами в униформе. Тем не менее он заставил их побегать шесть часов и покрыл расстояние в двадцать миль, прежде чем его взяли. Тогда он выразил свое неудовольствие кулаками и ногами.

Так что теперь он не знал, получили ли земные станции, работающие на прием, его повторяющийся «Д»-сигнал. Скорее всего, получили, потому что это был канал высшего приоритета, на котором поддерживалась круглосуточная вахта. И Тейлор ни на мгновение не сомневался, что, получив сообщение, его не оставят на произвол судьбы.

Но что бы они ни предприняли, будет слишком поздно. В этот самом секторе патрулировал «МАКЛИН», новейший, самый большой и наилучшим образом вооруженный линкор. Если «МАКЛИН» окажется неподалеку, то и для него, чтобы долететь до Гомбара с максимальной скоростью, потребуется десять месяцев. А если он вернулся в порт (его время от времени заменяют более старыми и медлительными кораблями), то задержка может достигнуть двух лет.

Два года — слишком долго. Впрочем, десять месяцев тоже долго. Он не может ждать и десяти недель. На самом деле, весьма вероятно, у него нет и десяти дней. Ох, время, время, почему это человек не может растянуть тебя, как резину?

Вернулся охранник, просунул книгу сквозь прутья.

— Вот, возьми. Ты достаточно хорошо знаешь наш язык, чтобы понять, о чем тут написано.

— Спасибо.

Тейлор растянулся во весь рост на скамье и принялся быстро, но внимательно читать. Некоторые страницы он пролистывал, бегло просмотрев, потому что игры описывались слишком коротко, упрощенно, по-детски, и на них не стоило обращать внимания. Он не удивился, обнаружив, что некоторые игры были чуждыми вариациями широко известных земных игр. Гомбариане играли в карты, например, но их было восемьдесят в колоде, с десятью мастями.

Ализик оказался большей и усложненной версией шахмат, с четырьмястами полями на доске и сорока фигурками у каждого игрока. Эту игру некто растянул на шестнадцать дней. И она была единственной в книге, которую, по-видимому, можно было так долго тянуть. Некоторое время Тейлор обдумывал ализик, прикидывая, смогут ли власти — и видеоаудитория — вынести игру, в которой делают один ход за десять часов. Он сомневался. В любом случае, он не может запретить своему искусному партнеру сделать ответный ход за пять секунд.

Да, вот что ему нужно на самом деле. Игра, которая замедляет его партнера, несмотря на его попытки ускорить игру. Игра, которая со всей очевидностью игра, а не трюк, чтобы каждый дурак мог с первого взгляда видеть, что она определенно имеет конец. Однако это должна быть такая игра, какую его противник не мог бы закончить, выиграть или проиграть, как бы сильно он ни старался.

Не было такой игры на всех трех планетах Гомбара, на сотню миров от Земли, или на мириадах еще не открытых планет. Такой игры не могло быть, потому что если бы она и была, в нее никто не играл. Людям нужен результат. Нет таких дураков, которые станут тратить время, скакать на игрушечной лошадке, которая никуда не привезет, потворствовать пустому вздору, который может надоесть самым отъявленным занудам.

Нет таких дураков!

Нет?

Он встал со скамьи и принялся мерить шагами камеру, словно встревоженный тигр.

* * *

У официального представителя был громадный живот, как бурдюк, маленькие свиные глазки и елейная улыбка, казавшаяся приклеенной. Его манеры напоминали поведение циркового шпрехшталмейстера, собиравшегося объявить рекордный трюк.

— Ах,— сказал он, заметив книгу,— так ты изучил наши игры?

— Да.

— Надеюсь, ты не нашел ни одной подходящей.

— Ты надеешься? — Тейлор вопросительно посмотрел на него.— Почему?

— Приятно будет посмотреть на игру, основывающуюся на каких-то других правилах, не известных в нашем мире. Подлинно новая игра доставит всем много удовольствия. С тем условием, конечно,— добавил он поспешно,— что ее легко понять и что ты не выиграешь слишком быстро.

— Что ж,— сказал Тейлор,— должен признать, что я скорее справлюсь с тем, что знаю, чем с тем, чего не знаю.

— Отлично, отлично! — с энтузиазмом произнес гомбарианин.— Ты предпочтешь играть в земную игру?

— Верно.

— На твой выбор накладываются ограничения.

— Какие же?

— Был у нас такой осужденный, убийца, так он хотел поиграть со своим противником в такую игру: кто вперед поймает луч и засунет его в бутылку. Это бессмысленно. Ты должен выбрать игру, которая несомненно имеет конец.

— Понимаю.

— Во-вторых, тебе нельзя выбрать игру, требующую сложной и дорогостоящей аппаратуры, которую нам придется долго изготовлять. Если приспособления нужны, то они должны быть простыми и дешевыми в изготовлении.

— Это все?

— Да... если не считать того, что полные правила игры должны быть описаны тобой недвусмысленно и

четко. Как только игра начнется, нужно точно придерживаться этих правил, и никакие поправки вносить не разрешается.

— А кто санкционирует мой выбор после того, как я опишу игру?

— Я.

— Отлично. Вот во что я хочу играть.— Тейлор все в деталях объяснил, взял ручку и сделал грубый набросок. Когда он закончил, гомбарианин забрал рисунок и сунул себе в карман.

— Странная игра,— произнес он,— но она, к сожалению, не кажется, мне слишком сложной. Ты действительно рассчитываешь не сдаваться по крайней мере целый день?

— Надеюсь.

— Может быть, даже два?

— Если повезет.

— Тебе очень пригодится везение! — Он задумчиво помолчал и с сомнением покачал головой.— Какая жалость, что ты не додумался до какой-нибудь более сложной и изощренной версии ализика. И аудитория была бы довольна, и ты получил бы себе больший срок жизни. Все были бы довольны, если бы ты побил рекорд затяжки перед казнью.

— В самом деле?

— Все ожидают нечто сверхъестественное от инопланетянина.

— Они и увидят новинку, верно?

— Да, конечно,— гомбарианин все еще выглядел недовольным.— Да что там... жизнь твоя, ты сам и борись за то, чтобы продлить ее подольше.

— Мне некого будет проклинать, кроме себя, когда настанет конец.

— Верно. Игра начнется завтра, сразу же после полудня. Потом все будет в твоих руках.

Он ушел, тяжелые шаги замерли в коридоре. Через несколько минут появился тюремщик.

— Что ты выбрал?

— Арки-маларки.

— Как? Что это такое?

— Земная игра.

— Прекрасно, воистину прекрасно.— Тюремщик возбужденно потер руки.— Он санкционировал ее полностью?

— Да.

— Так что у тебя есть все основания продлить свое существование. Ты должен быть осторожным, чтобы избежать ловушки.

— Какой ловушки?

— Твой партнер будет играть на выигрыш так быстро и решительно, как только сможет. Этого от него и ожидают. Но как только он решит, что не сможет выиграть, он начнет играть на проигрыш. Ты не сможешь точно определить, когда он сменит тактику. Многие были пойманы на этом и обнаруживали, что игра кончена, прежде чем успели осознать это.

— Но он должен придерживаться правил, верно?

— Конечно. Ни тебе, ни ему не позволят нарушать правила. Иначе игра превратится в фарс.

— Мне это подходит.

Откуда-то снаружи донесся тонкий вопль, будто рысь налетела на кактус. Затем последовало шарканье ног, тупой удар и такие звуки, будто что-то волочили по полу. Дверь вдали со скрежетом открылась и с лязгом захлопнулась.

— Что происходит? — спросил Тейлор.

— Должно быть, кончилась игра Лагартина.

— А это кто такой?

— Политический убийца.— Тюремщик бросил взгляд на часы.— Он выбрал рамсид, карточную игру. Она длилась около четырех часов. С него хватит. Конец пришел этой дряни.

— А теперь его потащили на большую выжималку?

— Конечно,— охранник спросил, не спуская с него глаз: — Нервничаешь?

— Ха-ха,— безрадостно хихикнул Тейлор.

* * *

Приготовления велись не в его камере, как он ожидал. Состязание, в котором будет участвовать инопланетянин, оказалось большим событием. Тейлора отвели по

тюремным коридорам в большую комнату, где стоял стол с тремя креслами. Еще шесть кресел стояло вдоль стены, в каждом из которых сидел охранник в униформе и с оружием. Это был отряд вышибал, готовых к действиям в тот момент, когда игра подойдет к концу.

В углу комнаты стоял большой черный ящик с двумя прямоугольными отверстиями, в которых поблескивала пара линз. Вероятно, это и была видеокамера.

Пододвинув кресло к столу, Тейлор сел и одарил ледяным взглядом свою аудиторию. Узколицый субъект с круглыми, как бусинки, крысиными глазками занял кресло напротив. Чиновник с брюхом-бурдюком погрузился в оставшееся кресло. Тейлор и Крысоглаз обменялись взглядами. Землянин смотрел на противника с холодной уверенностью, тот — глубокомысленно и садистски.

На столе стояла доска, из которой торчали три длинных деревянных колышка. На левом колышке была колонка из шестидесяти четырех дисков, постепенно уменьшающихся в диаметре. Больший — внизу, меньший — наверху. Все это очень походило на детскую пирамидку.

Не тратя времени даром, Бурдюк сказал:

— Эта земная игра называется арки-маларки. Колонку с диском нужно переложить с колышка, на котором они лежат, на любой из двух колышков. Они должны остаться в том же порядке: самый маленький вверху, самый большой — внизу. Игрок, чей ход завершается построением пирамидки, выигрывает. Обоим понятно?

— Да,— сказал Тейлор.

Крысоглаз ответил ворчанием.

— Существуют три правила,— продолжал Бурдюк,— которые следует строго соблюдать. Ходы делаются по очереди. За один ход можно переложить только один диск. Нельзя класть диск на меньший по размеру. Обоим понятно?

— Да,— сказал Тейлор.

Крысоглаз снова хрюкнул.

Бурдюк достал из кармана крошечный белый шарик и осторожно бросил его на стол. Шарик подпрыгнул пару раз, покатился и упал со стороны Крысоглаза.

— Ты начинаешь,— сказал Бурдюк.

Без колебаний Крысоглаз взял самый маленький диск с вершины пирамиды на первом колышке и надел его на третий.

«Плохой ход», подумал Тейлор. Не меняя выражения лица, он переместил второй по размеру диск с первого колышка на второй..

Самодовольно ухмыльнувшись безо всякой причины, Крысоглаз снял самый маленький диск с третьего колышка и положил его поверх диска Тейлора на второй колышек. Тейлор тут же переложил верхний диск с пирамидки на первом колышке на освободившийся третий.

Через час Крысоглазу стало ясно, что первый колышек не только для того, чтобы держать пирамидку. Его тоже нужно использовать. Самодовольная улыбка сползла с его лица и заменилась все возрастающим раздражением, так как часы ползли, а ситуация стала во много раз более сложной.

К полуночи они все еще сидели за столом и перекидывали диски с колышка на колышек, как сумасшедшие, а игра далеко не продвинулась. Крысоглаз теперь ненавидел первый колышек, особенно ежели ему приходилось класть на него диск, а не снимать. Бурдюк, все так же не снимая свой приклеенной улыбки, объявил игру отложенной до утра следующего дня.

* * *

На следующий день долгая и напряженная игра продолжалась от рассвета до заката и прерывалась только два раза — игрокам подавали еду. Оба игрока играли быстро и сосредоточенно, не задумываясь делали ходы друг за другом и, казалось, соперничали друг с другом в стремлении скорее достигнуть конца игры. Ни один зритель не мог бы пожаловаться на медленную игру. Четыре раза Крысоглаз по ошибке пытался положить большой диск поверх маленького, и его тут же призвал к порядку рефери в тучном облике Бурдюка.

Прошли третий, четвертый, пятый и шестой день. Теперь Крысоглаз играл со смесью мрачной подозрительности и безнадежности. Колонка дисков на первом колышке вырастала так же часто, как и уменьшалась.

Хотя Крысоглаз и пришел в отчаяние, но дураком он не был. Он хорошо понял, что задача перекладки дисков с колышка на колышек выполняется. Но прогресс в выполнении этой задачи был ужасающе медленным. Более того, со временем он становился еще медленнее. В конце концов он совсем перестал понимать, как же проиграть эту игру, а еще меньше — как выиграть.

К четырнадцатому дню Крысоглаз сдал настолько, что слабыми автоматическими движениями перекладывал диски в бездумной, незаинтересованной манере создания, вынужденного выполнять противную и тяжелую работу. Тейлор оставался столь же невозмутимым, как бронзовый Будда, что тоже не способствовало улучшению душевного состояния Крысоглаза.

На шестнадцатый день опасность возросла, хотя Тейлор и не подозревал этого. Уже в момент, как он вошел в комнату, он почувствовал в воздухе атмосферу возросшего интереса и возбуждения. Крысоглаз выглядел еще более мрачным. Бурдюк сидел насупившись. Даже флегматичные, туповатые стражники проявляли слабые признаки оживления. К наблюдателям присоединились четверо тюремщиков, свободных от выполнения обязанностей. И видеоящик проявлял большую, чем обычно, активность.

Не обращая внимания ни на что, Тейлор сел на свое место, и игра продолжилась. Глупо потратить свою жизнь на перекладывание дисков с колышка на колышек, но позорный столб еще глупее. С любой точки зрения землянину стоило продолжать. Естественно, так он и делал, перекладывал диски, когда наступал его ход, и следил за своим противником.

В полдень Крысоглаз внезапно встал из-за стола, подошел к стене, пнул ее изо всех сил и громко выругался — и все это удивительно по-земному и по-деревенски. Бурдюк мягко упрекнул Крысоглаза за пустую трату времени, чтобы высказать свой патриотизм. Крысоглаз продолжал играть с угрюмым видом шалуна, которого позабыла поцеловать матушка.

Поздно вечером Бурдюк остановил игру, повернулся к объективам видеокамеры и напыщенно сказал:

— Игра продолжится завтра — на семнадцатый день!

* * *

Когда на следующее утро тюремщик просунул сквозь решетку завтрак, Тейлор обратился к нему:

— Что-то ты запоздал. Я уже должен был играть.

— Сказали, что сегодня до обеда ты не понадобишься.

— Вот как? Что за суета тут поднялась?

— Вчера ты побил рекорд,— проинформировал тюремщик, неохотно выражая восторг.— До сих пор никто не затягивал игру до семнадцатого дня.

— Так что, мне подарили утро, чтобы я отпраздновал это событие? Да? Очень милосердно с их стороны.

— Понятия не имею, к чему эта задержка,— сказал тюремщик.— Никогда не слышал, чтобы прерывали игру.

— Как ты полагаешь, игру остановили насовсем? — спросил Тейлор, чувствуя легкое удушье.— Как ты думаешь, они официально объявят игру законченной?

— Нет, такого быть не может.— Тюремщик будто даже ужаснулся этой мысли.— Мы не можем накликать на себя проклятие мертвеца. Крайне важно, чтобы осужденный сам выбрал время своей казни.

— Почему?

— Потому что так всегда было, всегда.

Он ушел, чтобы раздать завтрак другим заключенным, оставив Тейлора мучиться над этим объяснением. «Потому что так было всегда». Недурная причина. На самом деле, ее даже можно считать хорошей. Тейлор и сам может назвать несколько бессмысленных, нелогичных обычаев, существующих на Земле, только потому, что «так всегда делалось». Таким образом, неизменяемые обычаи гомбариан ничуть не хуже и не лучше обычаев землян.

Хотя Тейлора несколько успокоили слова тюремщика, он ничего не мог с собой поделать и чувствовал себя все хуже и хуже по мере того, как шло время. Но ничего и не происходило. После шестнадцати дней игры он уже и во сне перекладывал диски с колышка на колышки... В отсрочке, которую ему предоставили, было что-то угрожающее.

Снова и снова Тейлор уловил себя на мысли о том, что инопланетяне ищут эффективный способ закончить игру, не пренебрегая в то же время условностями. Когда они найдут такой способ... если найдут... они тут же объявят игру законченной, уведут его и притянут к столбу очень тугим галстуком.

После обеда, когда он уже совсем погрузился в пессимизм, за ним пришли. Его живенько, подбадривая толчками и пинками, отвели в ту же комнату, что и раньше. Игра возобновилась, будто и не прерывалась. Длилась она едва тридцать минут. Неожиданно Бурдюк велел остановиться, Тейлор вернулся в свою камеру.

* * *

Вечером его снова вызвали. Он шел неохотно, потому что эти внезапные и короткие приступы игры сказывались на его нервах гораздо сильнее, чем те, что продолжались целый день. Раньше он точно знал: его ведут играть в арки-маларки с Крысоглазом. Сейчас он не был уверен, что не станет главным персонажем в пьесе, от которой аж дух захватывает, причем в буквальном смысле.

Как только он вошел в комнату, то сразу осознал, что на сей раз все будет происходить совершенно по-другому. Доска с дисками и колышками все еще стояла в центре стола. Но Крысоглаз отсутствовал, так же, впрочем, как и вооруженный отряд. Его ждали трое: Бурдюк, Паламин и коренастый, крепко сколоченный субъект, у которого было какое-то специфическое отсутствующее выражение.

У Бурдюка был обиженный и недовольный вид. Словно он съел что-то недоброкачественное. Паламин выглядел особенно сердитым и выражал свое недовольство, фыркая, как горячая лошадь. Третий из присутствующих, казалось, был погружен в самосозерцание.

— Садись,— приказал Паламин, брызгая слюной.

Тейлор сел.

— Теперь, Марникот, расскажи ему.

Коротышка очнулся, вспомнив, что находится на Гомбаре, и педантично сказал Тейлору:

— Я редко смотрю видео. Это больше подходит черни, которой нечем заняться.

— К делу,— подстегнул Паламин.

— Но услыхав, что ты собираешься побить вековечный рекорд,— невозмутимо продолжал Марникот,— прошлым вечером я включил видео,— он сделал краткий жест, показывая, что сразу же чует, если что-то дурно пахнет.— Мне сразу же стало ясно: для того чтобы завершить твою игру, потребуется как минимум два в шестьдесят четвертой степени минус единица ходов.— Он снова на мгновение уплыл куда-то, вернулся и мягко добавил: — Это большое число.

— Большое! — сказал Паламин. Он фыркнул так, что колышки покачнулись.

— Предположим,— продолжал Марникот,— что ты будешь перекладывать диски один за одним так быстро, как только можешь, день и ночь, без перерывов на еду и сон, знаешь ли ты, через сколько времени завершится игра?

— Примерно через шесть миллиардов земных столетий,— сообщил Тейлор, будто говорил о четверге на будущей неделе.

— Я не знаю земных способов измерять время. Но могу сказать, что ни ты, ни тысяча поколений твоих потомков не живут так долго, чтобы увидеть конец этой игры. Верно?

— Верно,— признался Тейлор.

— И все же ты говоришь, что это — земная игра?

— Да.

Марникот беспомощно развел руками. Чтобы показать, что ему больше сказать нечего.

Приняв угрожающе хмурый вид, в разговор вступил Паламин.

— Игру нельзя признать за истинную игру, если в нее на самом деле не играют. Ты утверждаешь, что в эту так называемую игру действительно играют на Земле?

— Да.

— Кто?

— Жрецы одного храма в Бенаресе.

— И как долго они играют в нее? — спросил гомбарианин.

— Около двух тысяч лет.

— Поколение за поколением?

— Верно.

— Каждый игрок отдает игре всю свою жизнь, до конца дней, без надежды увидеть результат?

— Да.

Паламин кипел от злости.

— Так почему же они играют?

— Это часть их религиозной веры. Они верят, что в тот момент, когда будет положен последний диск, Вселенная взорвется.

— Они ненормальные?

— Не больше чем те, кто играет в алазик и из-за столь же мизерной цели.

— Наша игра в алазик состоит из ряда отдельных игр, а не является единой бесконечной игрой. Пустую трату времени с недостижимым концом нельзя назвать игрой даже при самом богатом воображении.

— Арки-маларки не бесконечна. Она неопровержимо имеет конец.— Тейлор обращался к Марникоту, как к неопровержимому авторитету.— Верно?

— Да она имеет конец,— произнес Марникот, не в силах отрицать этот факт.

— Так! — воскликнул Паламин более высоким тоном.— Ты думаешь, ты очень умный, да?

— Стараюсь,— сказал Тейлор, серьезно сомневаясь в этом.

— Но мы — умнее,— объявил Паламин с самым тошнотворным выражением.— Ты нас обманул, а теперь мы ответим тебе тем же. Игра имеет конец. Ее можно завершить. А потому она будет продолжаться. Пока не подойдет к своему естественному концу. Ты будешь играть в нее днями, неделями, месяцами, годами, пока в конечном счете не сдохнешь от старости и хронической фрустрации. Настанет время, когда сам вид этих дисков будет сводить тебя с ума, ты взмолишься о милосердной смерти. Но мы осчастливим тебя... ты будешь продолжать играть.— Он триумфально махнул рукой.— Заберите его.

Тейлор вернулся в свою камеру.

Тюремщик принес ужин.

— Мне сказали, что игра будет продолжаться регулярно с завтрашнего утра. Не понимаю, почему ее сегодня прервали.

— Они решили, что я достоин судьбы, которая хуже, чем смерть,— проинформировал Тейлор.

Надзиратель уставился на него.

— Я оказался отпетым негодяем,— пояснил Тейлор.

* * *

Очевидно, Крысоглаза уведомили о создавшейся новой ситуации, поскольку он покрылся броней философского отношения и играл упорно, но без интереса. Тем не менее долгая скука повторяющихся движений раскрасила броню ржавчиной и постепенно проела насквозь.

Сразу же после полудня пятьдесят второго дня Крысоглаз оказался перед перспективой переложить большинство дисков обратно на первый колышек, один за одним. Он скинул башмаки, четырежды пробежался босиком по комнате и заблеял, как овца. Бурдюк потянул шейную мышцу, следя за ним. Двое стражников увели Крысоглаза, который продолжал блеять. Они забыли захватить башмаки.

Тейлор сидел за столом, не спускал глаз с дисков, и пытался подавить внутреннюю тревогу. Что теперь будет? Если Крысоглаз окончательно сдался, то могут счесть, что он проиграл и пришло время познакомиться со столбом и шнурком. И с тем же основанием можно сказать, что неоконченная игра останется неоконченной игрой. Даже несмотря на то, что один из партнеров оказался в психиатрической лечебнице.

Если власти примут за истину первое мнение, ему для самообороны остается только настаивать на последнем. Он должен утверждать со всей оставшейся у него энергией, что раз он не выиграл и не проиграл, то его время еще не пришло. Не так-то будет легко, особенно если ему придется выражать протест, когда его будут волочить за ноги на лобное место. Его главная надежда базировалась на нежелании гомбариан нарушать древние обычаи. Миллионы телезрителей косо посмотрят

на правительство, которое попытается исказить любимое суеверие. Да, должен сказать, временами даже этот идиотский ящик бывает полезен.

Ему не стоило беспокоиться. Решив, что продолжение игры станет утонченной формой адских мучений, гомбариане уже заготовили список сменных игроков, выбранных из мелких преступников, чьи амбиции никогда не простирались так далеко, чтобы быть достойными удушения. Так что через некоторое время появился другой противник.

Новичок оказался субъектом с длинным лицом и несколькими подбородками. Он напоминал чрезвычайно ленивую ищейку и, похоже, был способен выговаривать едва ли три слова, а именно: «Не городи чушь». Должно быть, потребовался целый месяц, чтобы научить его перекладывать за один раз только один диск и никогда, никогда, никогда не класть большой диск на меньший. Но каким-то образом его все же научили. Игра продолжалась.

Ищейка протянул неделю. Он играл медленно и задумчиво, будто боялся наказания за ошибку. Частенько его раздражала видеокамера, которая издавала тикающие звуки в краткие, но регулярные промежутки времени. Эти звуки обозначали то короткое время, на которое их выпускали в эфир.

По причинам, известным только ему одному, Ищейка питал отвращение к тому факту, что его облик транслируется на всю планету, и к концу седьмого дня сорвался. Без всякого предупреждения он вскочил с кресла, встал перед телекамерой и проделал ряд быстрых и странных жестов. Эти жесты ничего не означали для наблюдавшего за ним Тейлора, но Бурдюк чуть не свалился со своего кресла. Стражники бросились вперед, схватили Ищейку за руки и за ноги и вынесли его из помещения.

* * *

Ищейку заменил свирепый субъект с тяжелой челюстью, который плюхнулся в кресло, посмотрел на Тейлора и пошевелил волосатыми ушами. Тейлор считал это искусством одним из своих достоинств и тут же

пошевелил своими ушами в ответ. У его противника кровь бросилась в лицо.

— Эта змея-землянин передразнивает меня,— проревел он Бурдюку.— Разве я должен мириться с этим?

— Прекрати паясничать,— приказал Бурдюк.

— Я только пошевелил ушами,— ответил Тейлор.

— Это одно и то же,— заявил Бурдюк.— Ты должен воздерживаться от подобных движений и сосредоточиться на игре.

Так все и продолжалось. Диски перекладывались с колышка на колышек, час за часом, день за днем. Противники Тейлора появлялись и исчезали. Где-то в районе двухсотого дня и сам Бурдюк принялся ломать свое кресло с явным намерением развести костер посередине пола. Стражники вывели и его. Появился новый рефери. Брюхо у него было еще больше, и Тейлор немедленно окрестил его Бурдюк-Два.

Как сам Тейлор сохранил здравый рассудок, он так и не понял. Но он продолжал играть, в то время как инопланетяне ломались один за другим. Чересчур уж велика была для него ставка. И все же временами землянин просыпался в холодном поту от кошмаров, в которых он погружался в черные глубины инопланетного моря, а на шею ему был надет диск чудовищного размера. Он потерял счет дням и однажды обнаружил, что руки у него трясутся. Не добавляли ему спокойствия и раздававшиеся по ночам шум и гам. Однажды он спросил тюремщика о причине такого шума.

— Ясно, отказывался идти. Пришлось поколотить его, чтобы подчинился.

— Его игра закончена?

— Да. Этот идиот совместил пять якорей с пятью звездами. Как только он осознал, что наделал, он попытался убить своего противника.— Тюремщик покачал головой с грустным укором.— Такое поведение не приносит пользы. Таких доставляют к столбу избитыми. А если стражники разозлятся на них, то просят палача крутить помедленнее.

— Брр! — Тейлору было не[illegible]тно и думать об этом.— Удивительно, что никто не последовал моему примеру. Сейчас каждый должен знать об этой игре.

— Им не позволяют,— сказал тюремщик.— Теперь появился закон, что можно выбирать только известные гомбарианские игры.

Тюремщик неторопливо ушел. Тейлор растянулся на скамье в надежде на тихую спокойную ночь. Какая сегодня дата по земному календарю? Как долго он находится здесь? Сколько ему еще здесь оставаться? Скоро ли он утратит контроль на собой и сойдет с ума? Что с ним сделают, когда он станет слишком безумным, чтобы играть?

Частенько перед тем, как заснуть, Тейлор обдумывал план бегства. Возможно, он смог бы выбраться из тюрьмы, несмотря на решетки, бронированные двери, замки, запоры, засовы и вооруженную охрану. Следовало лишь дожидаться редкой счастливой случайности и ухватиться за нее обеими руками. Но, предположим, он выберется. Что тогда? В любом месте на этой планете он будет столь же заметен, как кенгуру на тротуарах Нью-Йорка. Если бы он смог сделаться хотя бы слегка похожим на гомбарианина, у него появился бы какой-то шанс. Но это невозможно. Ему ничего не оставалось делать, кроме как выигрывать время.

Так он и поступал. Играл и играл, с перерывами только на еду и сон. К трехсотому дню он вынужден был признать себе, что чувствует себя дряхлым стариком. К четырехсотому ему стало казаться, что он играет по крайней мере пять лет и обречен играть вечно. Четыреста двадцатый день не отличался от всех других, если не считать одного: Тейлор не подозревал, что этот день — последний.

* * *

На рассвете четыреста двадцать первого дня никто не пришел за ним, чтобы отвести на игру. Тейлор прождал пару часов, но никто так и не появился. Может быть, его решили сломать, поиграв с ним в кошки-мышки? Вызывая на игру, когда он не ждет, или не вызывая вовсе. Нечто вроде психологической пытки. Когда по коридору проходил тюремщик, Тейлор подошел к решетке и заговорил с ним. Тот тоже ничего не знал и был удивлен.

В полдень принесли еду. Тейлор только успел покончить с ней, как появился отряд стражников во главе с офицером. Они вошли в камеру и сняли с него оковы. Тейлор блаженно раскинул руки и забросал вопросами офицера и его свиту. На него не обращали внимания и вели себя так, словно он украл зеленый глаз маленького желтого бога. Потом его вывели из камеры, провели по коридорам, миновав комнату игр.

Через большую дверь они вышли на открытый двор. Посреди двора стояло шесть коротких стальных столбов. У каждого из которых было отверстие у вершины и подстилка у подножия. Стража флегматично шествовала прямо к столбам. Желудок Тейлора сжался. Отряд протоптал мимо столбов к воротам. Желудок Тейлора благодарно расслабился и встал на место.

За воротами они сели в бронетранспортер, который рванул с места. Транспортер промчался по окраинам города и выехал к космопорту. Все вылезли и промаршировали мимо башни управления на бетонное поле. Тут они остановились.

На посадочном поле Тейлор увидел земной космический корабль. Он был слишком маленьким для боевого корабля, слишком коротким и толстым для разведчика. С недоверчивым восторгом Тейлор узнал в нем спасательную шлюпку линкора. Ему захотелось броситься к ней со всех ног, но вокруг стояли охранники. Они бы не допустили подобных эксцессов.

Тейлор и его «свита» ждали четыре долгих утомительных часа, не сходя с места. И вот на поле с ревом опустилась еще одна спасательная шлюпка и села рядом с первой. Из нее вышла группа существ, большей частью гомбариан. Стражники толкнули Тейлора вперед.

Тот смутно осознавал, что на линии, означавшей полпути, происходит какая-то церемония обмена. Мимо него в противоположном направлении прошла цепочка угрюмых гомбариан. Многие из них были украшены большим количеством латунных медалей и имели гневный вид генералов, только что пониженных в звании до полковников. Он узнал среди них и одного гражданского, Боркора, и, проходя мимо него, с удовольствием пошевелил ушами.

Потом руки друзей помогли Тейлору залезть в люк, и он обнаружил себя сидящим в каюте взлетающего корабля. Юный и старательный лейтенант что-то рассказывал, но Тейлор понимал лишь половину речей лейтенанта.

— ...приземлились, захватили двадцать гомбариан и смылись с ними в пространство. Допросили их на языке знаков... были слегка удивлены, когда узнали, что вы еще живы... освободили одного с предложением обменяться пленниками. Девятнадцать бездельников-гомбариан на одного землянина — это честная сделка, верно?

— Да,— пробормотал Тейлор, оглядываясь.

— Скоро мы доставим вас на борт «ГРОМОВЕРЖЦА»... «МАКЛИН» не мог, его отвлекали неприятности возле Лебедя... мы шли сюда со всей возможной скоростью...— лейтенант с симпатией посматривал на него.— Через несколько часов вы отправитесь домой. Голодны?

— Нет, вовсе нет. Вот уж чего они не хотели, так это уморить меня голодом.

— Хотите выпить?

— Спасибо, не пью.

Лейтенант засмущался, засуетился и спросил:

— А как насчет партии в шахматы?

Тейлор провел пальцем по внутренней стороне воротничка и ответил:

— Извините, я не умею играть и не хочу учиться. У меня аллергия к играм.

— Попробуйте, вам понравится.

— Если бы я попробовал сыграть в шахматы, меня бы повесили,— ответил Тейлор.

РАННЯЯ ПТАШКА

1

Корабль куда-то стремительно мчался, но без обычного для ракетных двигателей шума, и ни один звук не нарушал тишину. Царило безмолвие, словно бы сотворение мира еще не свершилось.

Снаружи корабля не было ничего, кроме пугающей темноты, так что казалось, будто никакого «снаружи» вовсе не существует. Есть только «внутри» — место, где сияет свет и теплится жизнь, замкнутый хрупкий мирок, одинокая обитель в заполненном чернотой пространстве.

Человек здесь мог вообразить себя полубогом, ожидающим рождения мириадов звезд-светлячков; как в кошмарном сне, ему могло казаться, что он уже умер; либо он мог представить себя лежащим в кровати и смотрящим сны. В некотором смысле именно сон лучше всего соответствовал действительности.

Там, на Земле, можно было уединиться, закрыть глаза и представить себя безмятежно гуляющим по Мелисанде — планете системы Альфа Центавра. Но — только в воображении, бестелесно. Расстояние — четыре с половиной световых года. Время — примерно двести миллисекунд. По сравнению с неимоверной скоростью человеческой мысли скорость света выглядит просто мизерной.

Излюбленный предмет споров земных философов и метафизиков — вопрос: является ли скорость человеческой мысли предельной? Никто не мог точно сказать «да» или «нет». Где-то в беспредельном пространстве

вполне могла жить раса с большей скоростью мышления. Раз сверхбыструю мысль можно представить, следовательно, она возможна — так говорили некоторые.

Как бы то ни было, после долгих лет размышлений, теорий и открытий, человека поместили в корабль, в котором он сейчас и находился: маленький бог в металлической планетке, одиноко висящей в мрачной тишине.

Его звали Картер, Грегори Картер; никто никогда не называл его просто Грег. Он был из тех людей, которые добиваются своего там, где более нетерпеливые терпят неудачу. Имел твердый, немного упрямый взгляд, жесткие волосы, острый нос и чуть выступающие скулы. Картер был сиротой, но не простым, а тем единственным, кого после долгих поисков выбрали среди всех сирот Земли.

В детстве к нему относились с добротой, но без любви; когда он вырос, его стали уважать, но не дружили. Дефицит этих чувств специально воспитали, а принципы разработали еще в глубокой древности. То, к чему стремились наставники, блестяще удалось — вырос грамотный инженер плюс разведчик без семейных уз и какой бы то ни было ностальгии по Земле, обученный выполнять поставленные задачи до последнего вздоха. Человек, способный в одиночку пойти на смерть, эдакий космический камикадзе.

Риск был немалый. Больше века назад первый, еще несовершенный и потому управляемый роботами корабль, основанный не на ракетном принципе, нырнул в небытие и через пять минут собственного времени появился вновь; по земному же времени он отсутствовал десять дней. После этого запустили еще девять кораблей, тоже без экипажей.

Семь из них вернулись, два исчезли навсегда, и никто не знал почему. Высказывали разные догадки: то ли незначительная ошибка в расчетах точки возврата; то ли слабое землетрясение где-то в Тихом океане...

На первом пилотируемом гипервременном корабле отправился Дольман. Он совершил обратный скачок в обычное пространство и обнаружил себя в гравитационных объятиях Юпитера. К счастью, он успел прыг-

нуть назад в гиперпространство и оттуда к Земле, прежде чем эти объятия смогли его уничтожить.

Полное время его полета составило двадцать две минуты. Из этой попытки эксперты извлекли много ценной информации, нашли способы, как преодолеть большее расстояние за меньшее время; но более надежного способа управлять точкой выхода из гиперпространства по-прежнему не было.

Позже Дольман предпринял новую попытку: он удалился за орбиту Плутона и возвратился обратно через сорок четыре минуты. Из третьего путешествия он не вернулся. Пять путешествий предпринял Йетс, шестое оказалось безвозвратным. После была череда новых попыток, удачных, добровольных, но неизбежно роковых, если испытатели слишком долго испытывали судьбу. Самым большим неудачником оказался Армитедж — он совершил путешествие в никуда с первой же попытки. Рекорд установил Мейсон: он вернулся из двадцати одного путешествия; после этого в верхах решили, что столь ценный опыт нельзя терять.

Теперь в список добавилось имя Картера. Актив: специальная подготовка и лучший на сегодняшний день корабль. Пассив: значительно больше шансов после выхода из гиперпространства оказаться в чреве чужого солнца, что означает мгновенную гибель; кроме того, если ему удастся уцелеть, то несколько дней его отсутствия обернутся на Земле сорока веками.

Четыре тысячи лет. Грегори Картер размышлял о таком исходе без эмоций и сожаления. Он навсегда расстался с привычным образом жизни и людьми, с которыми стал близок. Но о возвращении он еще успеет подумать, сначала надо справиться с заданием и уцелеть. Четыре тысячи лет — срок внушительный, его вполне достаточно, чтобы перевернулась вся человеческая история, славные имена канули в небытие, а великие цели забылись.

За столь долгий срок цивилизации переживают и расцветы, и спады. Картеру не хотелось бы появиться на Земле во время ее упадка и обнаружить, что о завоевании космоса люди успели забыть, а на его появление с неба смотрят как на чудо.

Единственный вопрос, который он задал, единственное замечание, которое он сделал,— о непомерности срока:

— Почему так долго?

— Это относится только к нам, а не к вам.

— Но для чего? — настаивал он.

— Вы ведь знаете, на ракетах мы добрались до Луны, Венеры и Марса, обследовали пояс астероидов. Это все, чего мы достигли или достигнем с реактивной тягой.

— И что?

— Гипервременные корабли снимают эти ограничения. Сейчас у нас есть средства проникнуть в пространство так далеко, что мы и сами не знаем пределов. Первая волна эмиграции возникла еще до вашего рождения, и на трех ближайших звездных системах человечество уже обосновалось.

— Мне это хорошо известно.

— Тогда вы должны понимать, что нелогично лезть в космос наудачу. Это значит — распылить силы и ослабить себя, когда может понадобиться вся наша мощь. Куда лучше продвигаться от звезды к звезде по маршруту, на котором подходящие звездные системы встречаются чаще и расположены кучнее.

— И такой маршрут уже найден? — спросил Картер.

— Да. Астрономы подобрали оптимальный. Он проходит вдоль нашего рукава Млечного Пути. Чем ближе подберемся мы к его сердцевине, тем на лучший урожай сможем рассчитывать. Сейчас ускоренно решаются проблемы сверхбыстрой переброски больших групп людей и материалов. Когда-нибудь мы справимся со всеми техническими трудностями, даже найдем безопасный способ перехода в обычное пространство. Серьезная проблема — в другом.

— В чем?

— Все, что можем сделать мы, могут и другие. Может быть, они только начинают, а может, уже обогнали нас. Если направление их экспансии окажется встречным...

— Война?

— Необязательно. Будем надеяться, этого не случится, хотя все возможно. Кто предупрежден, тот во-

оружен. Если мы узнаем о них раньше, чем они о нас, то будем иметь важное преимущество. Мы должны знать, к чему готовиться, и иметь выигрыш во времени — конечно, если «они» уже стоят или скоро встанут на нашем пути.

— Понятно,— сказал Картер.

— Вот поэтому вы и полетите в сердцевину нашего звездного рукава, где звезды расположены очень кучно и шансы обнаружить разумную жизнь максимальны. Доставить вас туда и вернуть обратно быстрее, чем за четыре тысячи земных лет, невозможно. У нас нет выбора.

— Противник, в свою очередь, не сможет оттуда добраться до нас за меньшее время. Угроза относится к слишком далекому будущему,— сказал он.

— Мы обязаны думать о будущем, которое приближается с той же скоростью, с какой мы расширяемся в космос,— ответили ему.— А расширяемся мы потому, что люди не могут жить только сегодняшним днем. Они обязаны смотреть в завтра, даже если это завтра наступит через сорок веков.— Томительная пауза, затем: — И все, что знаем мы, могут знать и те, другие.

Это имело смысл. Без шпионов не обходились с начала истории и наверняка не смогут обойтись до ее конца. Пока выживание какой-либо группы зависит от информации, судьба отдельных ее членов — рисковать своими жизнями, добывая эти сведения.

Вот почему Грегори Картер и сидел здесь, находясь неизвестно где, но куда-то направляясь; поглощенный мыслями о предстоящих опасностях, он парил во тьме гиперпространства, недосягаемого для любой формы жизни.

Тем временем черный волосок прибора медленно двигался к тонкой красной линии. Когда они совпадут, произойдет скачок, который перебросит Картера назад в материальный мир или в небытие. В безбрежной черноте таких размеров ни теоретически, ни экспериментально невозможно определить точное положение материальных тел. Воссоединясь с космосом, он либо выпрыгнет в свободное пространство, либо два тела одновременно заполнят один и тот же объем.

Черный волосок подвинулся на два деления. Два сдвига меньше чем на миллиметр, тик-так, а где-то за этот миг целое поколение прошло путь от рождения до зрелости. Картер решил больше не смотреть на прибор. Он повернулся к иллюминатору, вгляделся в жутковатую тьму и стал ждать появления звездной россыпи или большого взрыва.

2

При выходе из гиперпространства он не почувствовал ничего — только тихий щелчок и легкую дрожь корабельного корпуса. В иллюминаторе вспыхнули звезды, образуя искрящуюся панораму.

От этого пейзажа у Грегори Картера выступила легкая испарина, но любоваться на открывшееся зрелище он не стал. Повернулся к пульту и с натренированной скоростью принялся изучать показания приборов. Ясно было, что корабль движется, что движение это ускоренное и что причиной является гравитационное поле большой массы темной материи, от которой его отделяло восемь ее диаметров.

Выправить положение труда не составило. Быстрая подстройка на пульте, щелчок перехода в гиперпространство, мгновенное исчезновение звездной панорамы, и снова вокруг зажглись звезды. Но опасность была уже далеко.

Корабль начал дрейфовать в новом направлении. Скорость дрейфа была невелика, и какое-то время ее можно было игнорировать.

На борту имелись чувствительнейшие приборы, способные обнаружить и оценить напряженности ближайших гравитационных полей, определить, какие источники одиночные, какие — нет, классифицировать звезду и установить число ее планет.

Поэтому Картеру не было нужды стоять у иллюминатора и глядеть в телескоп, подобно покорителю Анд, наблюдавшему с перевала далекий Тихий океан, не нужно было подолгу всматриваться в мерцающие экраны. Все было гораздо проще.

Первым ожил прибор номер один. На его цветовом указателе зажглась голубая точка и цифра семь. Это означало, что в том направлении находилось голубое солнце с семью планетами. Расстояние до него выводилось на шкалу в единицах времени перехода через гиперпространство и равнялось сейчас четырем минутам. Всего на борту имелось восемьдесят приборов, которые определяли параметры ближайших звезд вокруг корабля.

От Картера требовалось только рассмотреть объекты и выбрать один из них. Он остановился на звезде, похожей на Солнце, рассуждая, что сходная звезда с большей вероятностью взрастит то, чего он и желал, и боялся,— разум.

На планетах других типов звезд — и в иных условиях — тоже могла возникнуть жизнь, и даже разумная, но то, что разум могла породить звезда типа Солнца,— факт общеизвестный и очевидный. Его подтверждали восемь миллиардов мыслящих двуногих.

Выбранная Картером звезда оказалась единственной среди восьми десятков соседних светил этого класса. Он на несколько минут нырнул в гиперпространство и вернулся в мир как раз за орбитой внешней планеты.

Одинокое небесное тело было обращено к нему неосвещенной стороной и лишено атмосферного гало. Приборы точно указали, где оно находится: требовался лишь прыжок поближе к звезде и короткий перелет вдоль орбиты.

Он выполнил переход, перебросив корабль на орбиту позади планеты и так, чтобы попасть в поле ее притяжения. Старинный ракетный корабль наверняка бы разрушился, но этот выдержал. Включилась автоматика; в считанные мгновения приборы измерили магнитное поле планеты и подключили стационарную аппаратуру для ее исследования.

Теперь, повиснув над планетой на устойчивой орбите, Грегори Картер стал «лунным жителем».

С этой позиции он принялся тщательно наблюдать планету. Он вовсе не рассчитывал обнаружить города или какие-нибудь другие признаки цивилизации в столь холодном и безжизненном мире. Но разведка была не-

обходима. Считалось, что если на внутренних планетах есть цивилизация хотя бы земного уровня, то внешние миры должны иметь как минимум один космический порт — спрятанный в скалах либо раскинувшийся под пластиковым куполом.

Здесь не было ничего. Планета, сильно изрезанная и пустынная, производила неприятное впечатление — стерильная глыба материи, по которой никогда не ступала ни нога, ни лапа и не проползала какая-либо тварь. Сам не зная почему, Картер почувствовал разочарование. Будь здесь следы, он, наверное, почувствовал бы тревогу. Такова уж психика шпиона дальнего поиска: стресс от опасности или огорчение из-за ее отсутствия.

Он перескочил к следующей планете, для чего ему пришлось проделать пол-оборота вокруг солнца. Вторая планета тоже оказалась мертвой. Прыжок, еще один, другой; тусклая металлическая сфера крошечной луной раз за разом возникала из звездной дымки, пока наконец не была обследована каждая из девяти планет.

Итак, время он потратил впустую, что Картер воспринял философски, ибо такого результата и ожидал. Единственное утешение, что день, неделя или месяц, проведенные здесь, соответствуют дню, неделе или месяцу там, на Земле, а не тысячелетию, когда он бездельничает в гиперпространстве.

Много сил тратилось вхолостую. Он искал гипотетическую иголку в непомерно большом стогу сена. Было бы неслыханной удачей найти ее с первой или даже с пятнадцатой попытки. В тот момент ему пришло в голову, что шансы остаться незамеченным значительно уменьшатся, если те, кого он искал, станут одновременно искать его. Здравый смысл подсказывал, что за шпионом не охотятся, если не подозревают о его существовании.

Но, даже решая простые задачи, одним здравым смыслом не обойтись.

Он снова сверился с пультом. Показания изменились — корабль успел значительно переместиться в пространстве. Из восьмидесяти систем, которые сейчас анализировали приборы, осталось около тридцати: они все

еще находились среди ближайших. Остальные пятьдесят были новыми. Из них две звезды напоминали Солнце, одна с двумя планетами, другая с двенадцатью.

Корабль пронесся сквозь тьму гиперпространства сначала к одному светилу, потом к другому. Шансы возросли — одиннадцать пустынных планет, зато три с растительной жизнью. Одна из них была даже населена насекомыми и пресмыкающимися, но не имела ничего, что могло бы сойти за врага, реального или потенциального.

Пульт зафиксировал следующие восемьдесят систем, среди них не было звезд типа Солнца, и большинство не имело планет. Это не обескуражило Картера. Взглянув в иллюминатор, он отметил светящееся облако там, где звезды сгущались. Преодолеть придется немалое расстояние, но, впрочем, это сущий пустяк по сравнению с тем путешествием, которое он уже проделал. Корабль уменьшал космос точно так же, как поезда и реактивные самолеты уменьшили однажды родную планету.

Корабль исчез и вновь возник почти в самом центре звездного скопления. Когда в иллюминаторы хлынул поток света, Грегори Картера прошибла легкая испарина, но думать о риске, которому он подвергался, времени не было. Корабль куда-то падал, и пришлось дважды уходить в гиперпространство, причем быстро,— сперва, чтобы спастись от мощной звезды, а потом — чтобы подняться над почти неразличимым поясом астероидов.

На этот раз приборы сообщили о семи звездах, похожих на Солнце, шесть обладали планетами. Картер выбрал звезду с семейством из одиннадцати планет, она находилась недалеко от другой того же типа. Он выскочил из гиперпространства как раз за орбитой внешней планеты и приготовился к маневрам, чтобы стать ее спутником,— и в этот момент прогремел сигнал тревоги.

В первое мгновение он не поверил своим ушам. Продолжая держать руки на пульте, Картер, открыв рот, глядел на звонок, а его мозг с трудом воспринимал то, что слышали уши. Но среагировал так, как учили,— быстро и не раздумывая. Корабль нырнул во мрак ги-

перпространства, где миллионы лет, не замечая друг друга, могли находиться тысячи звездолетов.

Спрятаться нужно лишь на несколько секунд; в опасной зоне эти секунды обернутся таким сроком, что терпение лопнет и у святого. Затем он вернулся обратно и совершил новый прыжок, чтобы двигаться вместе с системой, а потом еще один, чтобы подобраться поближе к внешней планете.

Он выжидающе посмотрел на звонок. Ничего. Корабль начал вращение вокруг планеты. По-прежнему тихо. Он взглянул на планету, увидел скалистую поверхность, иссеченную гигантскими ущельями. Одного взгляда было достаточно. В девяноста девяти случаях из ста дневная сторона вращающегося тела рассказывала ту же историю, что и ночная.

Следующая к солнцу планета информации не прибавила: те же скалы, те же ущелья. Еще одна была укутана одеялом из ядовитых газов. За ней следовала планета со скалистой поверхностью, без атмосферы, ущелий на ней не было, зато около экватора он заметил нечто продолговатое и окрашенное. Чтобы подойти ближе и лучше рассмотреть это нечто, Картер сменил орбиту.

И опять — сигнал тревоги; напряженные нервы Картера среагировали как струны арфы. Рука его метнулась к пульту, а взгляд все же успел обежать иллюминаторы, прежде чем погасли звезды. На этот раз он не стал отсиживаться в гиперпространстве, теряя годы, и принялся прыгать туда и обратно со сбивающей с толку частотой и какой-то бесшабашностью, переводя корабль к следующей планете. Это была «блошиная тактика» — вертеться рядом и не даваться в руки.

Проще всего было бы вообще выскочить из этого сектора и появиться где-нибудь подальше, в безопасности. Но Картер не за тем преодолел такие расстояния, чтобы сбежать при первой же угрозе. Он прибыл за информацией, и того, что он разглядел через иллюминаторы, было более чем достаточно, чтобы понять — он нашел то, что искал.

3

На осмотр каждой из внешних планет он тратил не больше пяти секунд. И только на четвертой от солнца планете ждала удача — перед глазами его промелькнуло краткое, но впечатляющее зрелище: города, дороги и джунгли.

Грегори Картер включил панорамную камеру и заснял все это, прежде чем корабль нырнул в черноту и снова возник под другим углом и на другом расстоянии. Камера щелкнула второй раз. Еще прыжок, еще снимок. Он повторил свой маневр несколько раз. Если кто-то и пытается отслеживать его появления, то будет искать движущийся объект, как говорится, в лоб. В шпионы дураков не берут, и глупо облегчать работу противнику.

Эти скачки в гиперпространство и обратно хорошо сбивали со следа, но имели свои недостатки. Постепенно росла вероятность угодить в уже занятую область пространства, и, кроме того, срок возвращения отодвигался на годы. Злоупотребляя скачками, можно было накрутить века.

Решать — стоит ли глотать наживку — следовало быстро. Размышляя, Картер продолжал изучать планету по череде кадров, а корабль тем временем то исчезал, то появлялся вновь, как мираж в пустыне.

Хорошо спланированные и добротно построенные города, зажатые со всех сторон джунглями, указывали, что планета колонизована совсем недавно. Где-нибудь недалеко, может быть, даже в соседней системе, находится старшая, более развитая и грозная «материнская» планета. Метрополия могла бы дать гораздо больше информации, но добыча ее означала бы непомерный риск. Вдобавок пришлось бы бросить все, что он уже нашел, и снова начать поиски среди звезд.

Главное, что необходимо выяснить Картеру,— сможет ли здешний разум стать препятствием на пути человеческой экспансии. Следы молодой цивилизации,

борющейся с натиском джунглей, свидетельствовали, что какая-то форма жизни стремится расширить сферу своего влияния и уже немало в том преуспела.

Он должен спуститься и все рассмотреть, но при этом не попасться. Экспедиция потеряет смысл, если соберет библиотеку данных, но не сможет доставить ее на Землю. Поймать его не должны. Даже если эти люди и окажутся дружелюбными, они наверняка захотят обменяться информацией, тогда как Земля желала получить ее даром.

Снова сигнал тревоги.

За долю секунды до того, как корабль нырнул в спасительную темноту, Картер заметил в иллюминаторе нечто — огромное, медленно проплывающее и словно бы притягивающее его к себе. Оно было так велико и настолько близко, что он не сумел оценить ни размеры, ни форму, и только прикинул, что это нечто по меньшей мере раз в пятьдесят больше его собственного корабля.

Отсиживаясь в безвременье, чтобы противник прождал его лет семь, он размышлял, что же делать с кораблем. Пока он будет бродить по планете, корабль можно оставить в гиперпространстве, а потом в заранее условленное время посадить; но если что-нибудь помешает встрече или корабль срочно понадобится раньше назначенного срока, тогда он, Картер, попадет в очень неприятную историю. Может даже погибнуть.

Еще можно оставить корабль в пространстве, на спутниковой орбите, а когда потребуется, вызвать его карманным передатчиком. Но это означало оставить его на открытом месте, на виду у тех, кто управлял только что встреченным монстром.

Третья возможность — посадить корабль в джунглях, замаскировать, чтобы не увидели сверху, а на борту включить маленький маяк, который, если он, Картер, заблудится, поможет ему вернуться. Пожалуй, это будет лучше всего. То, что лежит на земле,— не упадет.

Решив, что пора садиться, Картер сделал серию скачков и очутился в нескольких сотнях футов над джунглями. Силовое поле держало корабль в воздухе, словно мыль-

ный пузырь. Проскочил разряд, и пузырь под пронзительные вопли невидимых тварей опустился в объятия хрупких ветвей, сломав по дороге дюжину стволов.

Посадив корабль, Картер развернул сеть и разбрасыватель, приготовленные именно для такой ситуации. Шапка-невидимка, конечно, лучше, но овладение гиперпространством было пока первым шагом, который люди сделали на этом пути. На крыше корабля выдвинулись телескопические трубы и натянули сеть.

Он потратил больше часа, закрепляя сеть на верхушках деревьев, на ветках и маленьких веточках, создавая надежное укрытие. Конечно, дать гарантий, что наблюдатель с воздуха не обнаружит металлический пузырь какими-нибудь приборами, никто не мог. Но риск был невелик, и пришлось на него пойти. Картер подстраховался, выбрав местность, где его собственные приборы зафиксировали залежи руды. Обнаружить добавку в сотню тонн к миллионной массе будет непросто.

Удовлетворенный результатами своей работы, Картер включил маяк. Это тоже было не так рискованно, как казалось на первый взгляд. Передатчик испускал короткие импульсы через заданный интервал только в горизонтальной плоскости; в вертикальной он был экранирован. Радиокомпас Картера был настроен на них. Вероятность того, что противник, прослушивая эфир, обнаружит странные импульсы да еще запеленгует источник, была так же мала, как вероятность угадать одно число из бесконечного множества.

В нелепую и тяжелую кобуру на правом боку Картер засунул большой пистолет. На ярком свету оружие мрачно блестело, сильно смахивая на карманную пушечку, так что любой, кто возьмет Картера в плен, непременно ее отберет. Расчет был на то, что в девяти случаях из десяти пленника после этого посчитают безоружным. На теле он укрепил другое оружие, маленькое, но грозное. Еще взял камеру величиной с почтовую марку, а между пальцев ноги поместил капсулу, которая послужит ему крайним средством; ведь мертвые, как известно, молчат.

4

Грегори Картер запер корабль и углубился в джунгли, взяв курс к их южной границе, за которой видел несколько поселков и средней величины город. Пробираться по зарослям, хотя и густым, было нетрудно, а непролазных дебрей, как в земных лесах, не попадалось. Атмосфера, хоть и менее плотная, напоминала земную. Он чувствовал себя легко.

За три часа он прошел одиннадцать миль и ни разу не встретил ни птицы, ни зверя. В густом полумраке скользили какие-то неясные тени; миниатюрные создания, похожие на ящериц, стремительно взбирались на деревья, находя убежище в переплетении ветвей. Мир этот был совершенно безобидный и вполне мог бы стать для человечества удобным домом, если бы другие, силу которых он пока не знал, не застолбили его.

Сколько еще заявок они намерены сделать и как быстро это у них получится? А как они поступят, если люди оспорят их заявку? Обдумывая все это, Картер вышел на опушку. По крайней мере, уж одно-то было ясно: он находится в логове вероятного противника. Ведь если у двух цивилизаций совершенно различны жизненные цели, то никогда между ними не возникнет никакой конкуренции и никаких споров; каждый будет жить сам и давать жить другому. Но если эти две цивилизации имеют сходные цели, если они ищут, находят и захватывают то, что представляет собой великую редкость — рано или поздно неприятности неизбежны.

Мироздание может оказаться небеспредельным, да и количество пригодных для жизни планет вряд ли велико. Подобные лакомые кусочки слишком редки, чтобы можно было гарантировать вечный мир и дружбу. Именно поэтому главной задачей Картера была оценка потенциала противника.

Он присел в тени и стал ждать наступления сумерек. Между ним и ближайшей деревушкой раскинулась широкая луговина, испещренная небольшими

воронками и устланная выкорчеванными пнями. Тут явно поработали чьи-то руки, отодвинув джунгли почти на милю; те же самые руки вполне смогут отодвинуть и все остальное, что встанет у них на пути.

К концу дня опустился тот причудливый туманный полумрак, который превращает людей в призраков, а призраков в людей. Нырнув в пелену тумана, Картер пробрался к поселку. Дойдя до окраины и прислонившись к каменной стене, он стал наблюдать за главной улицей. В сгущавшейся темноте одно за другим зажигались окна, на другом конце улицы вспыхнули яркие огни рекламы.

Первый же взгляд на противника удивил, но не поразил Картера. Двуногое существо, появившееся на крыльце крайнего дома, видом своим абсолютно ничем не отличалось от него самого — две ноги, две руки, четыре пальца и отставленный пятый... фигура чуть тоньше и на три-четыре дюйма выше среднего человека, а в остальном все то же самое. Когда существо прошло мимо окна и его лицо попало в полосу света, то оказалось, что и лицо у него человеческое, только кожа оливкового цвета.

Индивид прошел ярдов двадцать по улице, остановился у соседнего дома, подождал, когда оттуда выйдет очень похожий на него тип, а затем они вдвоем направились к магазинам.

Грегори Картер отступил в тень, сел, прислонился к стене и задумался. Согласно имевшимся теориям, вероятность того, что природа продублирует свое творение где-нибудь еще во Вселенной, была практически нулевой. Но, с другой стороны, цивилизация, колонизовавшая планету с почти земными условиями, должно быть, и возникла на планете, сходной с Землей. Сходная среда обитания должна привести к сходным результатам; венцом эволюции на любой планете земного типа должно быть человекоподобное существо.

На миг он подумал: а что, если два таких существа, земное и неземное, спарятся и дадут потомство? Вот тогда стали бы возможны самые невероятные штучки, только не война на истребление.

Ничего больше из этого укрытия не разведаешь, подумал Картер; он находился в самом глухом конце по-

селка. На секунду его охватило озорное желание воспользоваться сходством со здешними обитателями, дерзко пройтись по главной улице и посмотреть, что из этого выйдет. Несмотря на тщательную подготовку и собранность, временами ему чертовски хотелось крикнуть: «А, пропади все пропадом!..» И выкинуть какой-нибудь фортель, создав себе новые заботы.

Все же Картер подавил искушение, ползком выбрался с дороги, встал и двинулся через поле по длинной дуге. Утомительная прогулка по джунглям была, пожалуй, легче. Приближалась ночь, но он боялся зажечь фонарь и поэтому плохо видел у себя под ногами. Дважды он попадал в канаву, и ему приходилось с громким чавканьем выдергивать ботинки из грязи. В одном месте он буквально нырнул головой вперед, наткнувшись на проволочный забор дюймов в двадцать высотой.

Собак слышно не было, но один раз какое-то существо, сидевшее в клетке, почуяло его приближение, возбужденно захлопало чем-то вроде крыльев и издало пронзительный свист. Сразу же открылась дверь, и на крыльце появился человек, прошелся по двору и вернулся в дом, даже не взглянув, что делается в поле. У Картера отлегло от сердца, он сунул пистолет обратно в кобуру и осторожно двинулся дальше. Существо засвистело снова, но на этот раз реакции не последовало.

На другом конце поселка ему повезло больше. Напротив торговых лавок высился недостроенный дом; каменные блоки и другие строительные материалы со всех сторон загораживали подходы. Картер с трудом пробрался в темноте среди каких-то мешков, досок и куч мусора и вошел в дом с обратной стороны.

По новым некрашеным ступенькам он поднялся на второй этаж, огороженный лишь трехфутовой высоты стенами. Огни реклам ярко освещали весь фасад, но он обнаружил отверстие в стене, предназначенное, видимо, для вентилятора. Можно было удобно устроиться на полу и наблюдать через этот «шпионский» глазок.

Вытянувшись во весь рост, он достал складной десятикратный ночной бинокль, раскрыл его и надел как очки. Теперь противоположная сторона улицы была перед ним как на ладони.

Сначала в поле зрения оказалась витрина магазина. Товары были разложены аккуратно, но оформлены неважно. Скромными рядами лежали небольшие куски мяса, нерасфасованные овощи; кое-что было сложено в картонные коробки; замороженных продуктов или консервов не было вообще.

Это еще больше укрепило Картера во мнении, что он попал в совсем недавно колонизированный мир. Здесь вкалывали, как рабы, стремясь воспроизвести цивилизацию материнской планеты, но до цели было еще далеко. Им не хватало одного, другого, третьего, но все это в свое время у них появится, даже консервные фабрики. Он решил не терять времени, запоминая подобную информацию, лишь отметил ее по привычке и переключил внимание на двух человек, стоявших перед витриной.

Яркий свет и помогал, и мешал. Когда один из двоих поворачивался в сторону Картера, на его лицо падала густая тень. А если он смотрел на огни реклам, то Картер мог видеть только затылок. Кое-какую информацию можно было извлечь, разглядывая их в профиль. Но эти двое стояли лицом друг к другу, большую часть времени они находились именно в таком положении.

Они вызывали симпатию и в то же время возбуждали тревогу. Оба были средних лет, высокие, стройные, на их лицах лежала печать грубой самоуверенности пионеров. Но больше всего настораживали их странные манеры.

Стоявший справа хмурился, сжимал губы и выжидающе смотрел, напарник его сохранял серьезное выражение лица, изредка жестикулировал. Немного погодя второй расслабился, а по лицу первого пробежала целая гамма чувств, сопровождавшаяся пожиманием плеч, движениями бровей и рук. За все время они ни разу не раскрыли рта и не произнесли ни слова.

Представление продолжалось минут десять, может, чуть больше. Затем оба участника внезапно переключили внимание на витрину. В ней показался третий

индивид, продемонстрировал двоим настоящую пантомиму, и они ответили ему тем же. Немому представлению нисколько не мешал разделявший их лист какого-то прозрачного материала, похожего на стекло. В конце концов, третий участник сделал безразличный жест и вернулся к своим делам.

Двое на тротуаре ухмыльнулись и лениво оглядели улицу. Несколько секунд их лица оставались спокойными; но вдруг на лице первого появилось выражение сомнения, оно сменилось замешательством, потом подозрением, и внезапно он уставился прямо на недостроенный дом напротив. Через миг в ту же сторону смотрел и его приятель.

Шестым чувством Картер почуял опасность и понял, что пора уносить ноги, да поживее. В тот же момент двое бегом бросились через улицу. Похоже, они точно знали, куда надо бежать и зачем.

Сорвав очки-бинокль, Картер доверился инстинкту самосохранения. Промчавшись по доскам, он вскочил на заднюю стену прямо над кучей песка, которую видел во дворе. Он спрыгнул на нее, вызвав небольшую лавину, и выпрямился. Пригибаясь и перепрыгивая через всевозможные препятствия, он бросился в поле, успев на бегу заметить, как распахиваются двери домов и в темноту выскакивают люди.

Тем временем двое ближайших преследователей проскочили дом, выскочили на задний двор и там поплатились за незнание обстановки. Первый из них, споткнувшись, перелетел через каменный блок и послал самого себя в нокдаун, ударившись головой о небольшой штабель досок, который тут же с грохотом рассыпался. Второму пришлось притормозить, нащупать ногой препятствие и помочь товарищу подняться. Картеру эта задержка позволила выиграть сотню ярдов.

Хорошо, что львиная доля подготовки шпионов отводилась бегу на длинные дистанции. Существовали строгие правила на этот счет; так или иначе, им следовало подчиняться.

Во-первых, когда есть выбор, следует именно убегать, а не вступать в драку, потому что главной целью остается доставка информации. Во-вторых, бежать сле-

дует так быстро и долго, как сможешь; единственная цель бегства — перехитрить погоню и избежать плена. В-третьих, ни в коем случае не оглядываться; при этом ты теряешь скорость и время, ведь что бы ты ни увидел, ты не сможешь увеличить и без того предельный темп. Наконец, если относительно безопасное место находится в определенном направлении, как сейчас джунгли, то западню подстроят, скорее всего, именно там, поэтому удирать следует в любую другую сторону.

Картер мчался во тьме, и ноги его сами собой меняли направление, мало-помалу заворачивая к городу — туда, где его будут ждать в последнюю очередь. Слабые звуки и топот ног затихли далеко позади. На бегу ему в голову неожиданно пришла мысль: ведь весь поселок ринулся за ним в погоню в тот самый миг, когда те двое заметили, как он выскочил со двора и бросился в поле. Но было уже поздно. Именно этот общинный дух местных жителей и спас его, сбив погоню со следа. Откуда взялась эта уверенность, Картер не знал, но она не покидала его, а наоборот, все больше крепла. Он не слышал гула преследующей толпы — только топот собственных ботинок и шум, который производили те двое немых. Погоня проходила, как ни странно, в полном молчании. Ни криков, ни ругани, даже когда один из преследователей воткнулся головой в доски.

Два человека могут гнать беглеца на слух; орущая толпа этот след благополучно потеряет. Что и произошло: те двое вполне бы могли сварить кашу, не появись вокруг так много добровольных поваров.

Отогнав эти мысли, Картер продолжал держать темп, для многих просто убийственный. Несколько раз он падал, перепачкал в земле одежду, но обошлось без ушибов. В одном месте он выскочил на гладкую бетонную дорогу и несколько миль пробежал по ней. Раз десять, когда свет фар возвещал о приближении автомобилей, он соскакивал в кювет.

Дважды он осторожно обходил небольшие группы домов, и оба раза невидимые твари свистели в темноте палисадников. В окнах зажигался свет, открывались

двери, хозяева выглядывали из домов, иногда даже выходили на крыльцо, но ни разу ни один голос не откликнулся на свист.

Он остановился передохнуть в придорожных кустах, когда пробежал такое расстояние, что всякому, кто сумел бы его догнать, осталось бы только без сил свалиться на землю. Картер обладал феноменальной выносливостью; это было одной из причин, по которой его выбрали для шпионской миссии.

С одной стороны небо светилось от городских огней, с другой — загорались первые краски приближающегося рассвета. Отдыхая, он начал обдумывать то, что успел узнать и, проанализировав факты, пришел к окончательному выводу, что — да, именно внезапное вмешательство множества помощников испортило врагам всю охоту.

Все дело в ужимках тех двоих перед лавкой. Если это не мистификация, не экспромт гримас и ужимок, то они между собой общались. Они говорили, болтали, но — молча.

Более того, когда к разговору присоединился третий индивид, он даже не потрудился выйти наружу и тоже ведь не вымолвил ни словечка. Но лишь только беседа закончилась и те двое отвлеклись друг от друга, они моментально поняли, что где-то рядом присутствует еще один разум, совершенно им чуждый. Мгновенно определив, где он находится, они тут же кинулись его ловить, рассчитывая к тому же на быстрый успех. Все эти факты приводили к неизбежному выводу: здешние люди — телепаты. Они отказались от речи — если вообще обладали ею — в пользу более эффективного средства общения. Они смогли обнаружить излучение нетелепатического мозга, лишенного возможности с ними общаться, и определили, где он находится. Вполне возможно, что, однажды напав на след, они преследовали бы его до Страшного суда, если бы им не помешали непонятливые сограждане.

Телепатическую расу, к тому же честолюбивую и развитую, можно считать противником крупного калибра. В те времена, когда Грегори Картер покинул базу, телепаты на Земле не были в новинку. Существо-

вало несколько сот полных телепатов, причем все они обладали авторитетом и властью. Людей с зачатками телепатических способностей было несколько тысяч; они могли общаться от случая к случаю и не умели поддерживать надежный контакт. Ученые утверждали, что пси-фактор человечества возрастает и недалеко то время, когда ни одному землянину речь не понадобится.

Вполне вероятно, что в сходных условиях похожие творения природы следуют по одному и тому же эволюционному пути. И теперь главным становился вопрос: находились эти люди впереди или позади и насколько?

Если окажется, что встреченная им парочка принадлежит к незначительному меньшинству, то можно сделать вывод, что их раса отстает или, в крайнем случае, достигла примерно земного уровня. Но если телепатия здесь явление обычное, если этой способностью обладают все, то это означает, что они опасно опережают землян. И значит, можно допустить, что и в завоевании космоса они продвинулись дальше и их корабли более совершенны.

Как многие шпионы до него, Картер оказался в затруднительном положении.

Достаточно ли добытой информации? Не пора ли отступить, пренебрегая теми деталями, которые он еще сможет узнать? Или лучше остаться и попробовать выяснить все до мелочей, тех самых, от которых может зависеть исход войны, хотя при этом он рискует попасть в плен и потерять все? Где меньшее из зол: предупредить своих, не имея полной информации, или попытаться эту информацию получить, рискуя самой возможностью предупреждения?

Но одну задачу он непременно должен решить. Она гораздо важнее прочих. Он обязан доложить, впереди или позади землян находится эта раса. Определить это с достаточной точностью можно по двум параметрам.

Первый — телепатическая сила противника. Сколько здешних людей обладают ею — все, большинство или некоторые? Какова их сила? Могут ли они общаться или хотя бы слышать друг друга на расстоянии пятьдесят ярдов, пятьсот, в пределах видимости?

Второе — необходимо рассмотреть их корабли и оценить, равны они, превосходят или уступают земным?

Там, в пространстве, тот чудовищный корабль дважды оказывался вплотную к кораблю Картера, вынуждая его уносить ноги в гиперпространство и накручивать столетия. Из увиденного он понял только, что штука эта огромна. Он не мог утверждать, была она творением рук телепатической расы или какой-то иной цивилизации, с которой он еще не сталкивался, но готов был поставить тысячу против одного, что эта махина принадлежит здешним обитателям. Правда, этого было мало: Земле нужны факты.

Тем временем силы его восстановились. Преследователи не появлялись. По дороге пронеслась пара автомобилей, но пассажиры не заметили чужака в придорожных кустах. Это ничего не значило. Пока голова телепата чем-то занята, обнаружить Картера он не сможет, а те, кто ехал в автомобилях, вероятно, были поглощены собственными мыслями. Иначе их мозги уловили бы сигналы, вовсе им не предназначавшиеся.

Даже если каждая живая душа в этом мире умеет читать мысли, положение Картера отнюдь не безнадежно. Разум почти всегда чем-нибудь занят, а обнаружить его мог только мозг, в данный момент свободный.

И, как показал недавний опыт, быть обнаруженным еще не значит быть пойманным. Стоит обнаружившему его человеку подать сигнал тревоги, как мысли преследуемого сразу же утонут в потоке мыслей сограждан. Только что обнаруженный след затирается армией слишком усердных следопытов.

Иногда спасение — в количестве врагов.

Он двинулся дальше, осторожно пробираясь в тусклом свете начинавшегося рассвета. К тому времени, когда из-за горизонта выглянул краешек солнца, Картер достиг небольшой рощицы в миле от города. Территория вокруг нее, судя по всему, была отведена под парк.

Забравшись в самую чащу, где подлесок был особенно густым и не было тропинок, он залез в яму между торчащими корнями, настроил ручной будильник на поздний вечер, закрыл глаза и провалился в глубокий сон.

Проснулся он после полудня, немного полежал, вслушиваясь в окружающие звуки. До него отчетливо доносился шум живого и деятельного города. Но в роще царила тишина — ни голосов, ни визга играющих на мягкой траве детей... Быть может, матери и сидели там, болтая друг с другом, пока дети возились рядом, но как услышать безголосых?

Достав из кармана пакет, Картер съел дневную порцию, запил водой и отбросил пластиковую коробку в сторону. Концентрированная пища снова нагнала на него дремоту. Улегшись, он опять задремал; слабо шевельнулась мысль: а не будет ли его мозг излучать во сне и не случится ли так, что проснется он уже пленником?

Но если кто-нибудь и проходил поблизости, то ничего не заметил. Будильник несколько раз кольнул Картера в левое запястье; он пошевелился, зевнул, потянулся и поднялся на ноги. Было еще светло, хотя солнце почти село и с противоположной стороны наползала завеса сумерек.

Подобравшись, Картер скользнул меж деревьев туда, где начинался луг, и посмотрел на город. На полпути между ним и целью, выстроившись в линию, парили в воздухе три вертолета. Они медленно летели футах в двухстах на землей, наклонившись вперед примерно на двадцать градусов. Вихри от винтов колыхали траву.

Отступив в тень, он следил за вертолетами, пока стена джунглей не скрыла их из виду. Быть может, они искали именно его, чужака, которого воспринимали, но не видели, или, быть может, его корабль.

Этот эпизод добавил ему информации. Все шпионы жадны до информации, как олень — до воды на водопое.

Итак, у них есть индивидуальные вертолеты. Не так уж важно, но стоит запомнить. Важнее было второе. Он сконцентрировался на ближайшем вертолете, находившемся сейчас в двенадцати сотнях ярдов:

— ПРИДИ И ПОЙМАЙ МЕНЯ!

Никакого отклика, отклонения от курса, поиска и преследования. Наверняка внимание пилота занято

управлением; но если он ищет чужака, ему следовало бы вслушиваться. Можно побиться о заклад, что на расстоянии в двенадцать сотен ярдов они ничего не воспринимают, а может, не все они телепаты.

Прежде чем отправиться домой, это обязательно нужно проверить. Даже если у него на хвосте повиснет целая сотня преследователей. А еще он должен обойти город и поискать космодром.

Он выскользнул из своего убежища и в обход направился на юг; он был одновременно и осторожен, и нетерпелив, а взгляд его пытался охватить все сразу.

Первый «прокол» случился, когда он пробирался через заросшую лощину и наткнулся там на парочку, сидевшую в обнимку на камне. Заставив себя думать только о том, какая кругом мягкая трава, чистый воздух и какой прохладный вечер, Картер с показным безразличием продолжал идти, прикрывая правой рукой пистолет. И только отойдя от них ярдов на сто, он вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок. Пристрелить влюбленную парочку он бы не смог.

А те двое продолжали сидеть, провожая его взглядом. Картер еще целых полмили поддерживал в голове поток банальных мыслей, не зная, нужна ли такая предосторожность, но стараясь тщательно выдержать роль. Конечно, совсем не обязательно, что они прочли его мысли. С другой стороны, если даже и прочли, то отсюда вовсе не следует, что он их одурачил. Конечно же, парень не бросит девушку ради охоты на опасного чужака. Сейчас эта парочка, возможно, спешит в город поднять тревогу.

Подумав о погоне, Картер прибавил ходу, и это чуть его не погубило. Не успев сообразить, что делает, он выскочил на дорогу, по которой мчался автомобиль. Он метнулся к обочине, и машина, вильнув в сторону, пролетела мимо, обдав его ветром. В окне ее Картер успел заметить изумленное лицо водителя.

Через секунду, когда водитель понял, что изрыгал мысленные проклятия глухому и немому, его изумление сменилось подозрением. Милей дальше дорога расширялась; автомобиль развернулся и помчался обратно. Но тот, кто сидел за рулем, опоздал. Беглец был

уже далеко. Посмотрев вдоль дороги, водитель оглядел местность, затем пожал плечами, сел в автомобиль и укатил.

Вторую половину пути Картер одолел без приключений и наконец добрался до южной окраины города. В трех милях от предместья он нашел то, что значилось у него под номером первым: корабль, напугавший его в пространстве; он действительно принадлежал здешней расе.

На темном безлунном небе мерцали звезды, и, затмевая их, прожектора освещали широченное бетонное поле с четырьмя огромными посадочными кольцами, на одном из которых покоился черный сфероид.

Чем-то он был похож на корабль Картера, но минимум раз в восемьдесят больше, а то и в сто. Оценить размеры было трудно, гладкая шаровидная форма обманчива, и вдобавок он смотрел на корабль в ночной бинокль с безопасного расстояния в тысячу двести ярдов. Поэтому ему оставалось только лежать в темноте и строить догадки, примеряясь к размерам маленьких фигурок, копошившихся вокруг посадочного кольца. Одно не вызывало сомнений: эта штуковина запросто способна проглотить корабль Картера своим огромным входным ртом-шлюзом.

Рано или поздно монстр должен будет стартовать; не мог же он вечно торчать тут без дела. Активность вокруг него, да еще ночью, наверняка означала, что время вылета не за горами. Подкравшись поближе и используя низкий кустарник как укрытие, он решил наблюдать, пока эта штука не поднимется в небеса. Интересно, подумал он, почему не видно ни дюз, ни антигравитационных пластин. Наградой за утомительное бодрствование должна стать информация о принципе движения корабля.

За два часа до рассвета, когда его воспаленные глаза устали вглядываться в темноту, корабль наконец стартовал. То, как он это сделал, заставило Картера вскочить на ноги. Корабль не гудел, не грохотал; он не поднялся вверх и не исчез среди звезд; он не вел себя подобно кораблю Картера, превращаясь в собственный призрак и растворяясь в воздухе.

С низких крыш соседних зданий коротко взвыла сирена. Фигурки заторопились прочь от посадочного кольца и куда-то попрятались. Наступила полная тишина. Затем корабля не стало. Только что он был здесь, металлический, тяжелый, блестевший в свете прожекторов; а в следующее мгновение его там не было. Он исчез весь целиком, гораздо быстрее, чем отметил это человеческий глаз. Уже после старта раздался оглушительный грохот — воздух заполнил образовавшийся вакуум.

Картер мрачно подумал, что виденного более чем достаточно, чтобы вынудить Землю пересмотреть свои планы и изменить направление космической экспансии. Иначе ей придется готовиться к войне беспрецедентного масштаба.

Когда он улетал, Земля уже строила транспортные корабли, превосходившие его одноместный разведывательный корабль раз в тридцать, но уж никак не в восемьдесят и не в сто. Земные корабли умели исчезать очень быстро, так, что это казалось почти сверхъестественным, но все же не настолько, чтобы уж совсем незаметно для глаз.

Кроме того, эти чужие корабли, видимо, в состоянии узнавать, что делается в материальном космосе, находясь вне его. Орешек, оказавшийся не по зубам земной науке, разгрызли другие. Увы, слабым утешением было узнать, что преграда преодолима и что решение действительно существует.

Тот корабль, который дважды подстерег его в пространстве, оказался поблизости не случайно. Он поджидал там намеренно, вытянув свои магнитные щупальца, и нетрудно представить себе, чем бы все кончилось, если бы ему, Картеру, не удалось ускользнуть. Возможно, это был сторожевой корабль, один из целой флотилии патрульных, часовых неба, охраняющих планету от чужаков и умеющих возникать из гиперпространства в нужном месте с точностью, недостижимой для земных кораблей.

Он подумал, что теперь втройне важно избежать плена и доставить информацию домой. Можно, правда, насобирать кучу подробностей о потенциальном про-

тивнике, которые пригодятся Земле. Где находится материнская планета? Когда они начали завоевывать космос, насколько продвинулись? Каковы их ресурсы в кораблях и людях? Подчинили ли они уже другие расы? К какой форме жизни те относятся, где их родина, способны ли они восстать?

Нет, все это потом. Земля пошлет десять, сто, тысячу разведчиков, они раскопают эту информацию. Но Картер должен вернуться домой, и тогда Земля получит надежные сведения о конкурентах; противнику же останутся смутные подозрения. И если Земля узнает, пусть даже неточно, где находится база противника, то у последнего не будет ни малейшего представления, где искать Землю.

Остается лишь испытать телепатическую мощь противника и тогда можно отправляться восвояси.

5

Пользуясь темнотой, он двинулся на север, к джунглям. Днем идти гораздо опаснее. Шпиону путешествовать лучше всего тогда, когда чужие глаза видят плохо, а чужой разум спит. Каждый шаг на ярд приближал его к кораблю, к полной свободе.

Внезапно его пронзила мысль, что он может навеки увязнуть на этой планете, что пока он бегает, как крыса в лабиринте, его корабль обнаружен и захвачен. Он остановился, достал радиокомпас и сверил курс. Прибор по-прежнему работал исправно, и Картер перевел дух.

Выбранный маршрут пролегал вдоль той окраины города, где он еще не был.

Знание местности приносилось в жертву, но задача того стоила: а вдруг он узнает что-нибудь еще? Вдобавок на юге его могли продолжать искать, а здесь риск был меньше. Хитрая лиса никогда не возвращается по своим следам в руки охотнику.

Когда рассвело, двигаться стало опасно. Он был вынужден красться, словно беглый преступник, прижимаясь к заборам, спускаясь в канавы, прячась в кусты и

перелески, подальше от тех, кто мог случайно обнаружить его телепатически или увидеть издалека. Дважды он забирался в укрытия и там мучился сомнениями, идти дальше при дневном свете или залечь в каком-нибудь укромном месте и дождаться ночи. Но оба раза нетерпение заставляло его продолжать путь.

Счастье еще, думал он, что ему попалась периферийная планета. Ее неоспоримый плюс — малочисленность населения.

На материнской планете, переполненной любопытными телепатами, он не остался бы на свободе и пяти минут. Его мгновенно схватили бы за шиворот и без труда вытряхнули бы из мозгов все, что там есть.

Обойдя одинокую ферму, вокруг которой расхаживало несколько человек, Картер перебежал дорогу, поднялся на поросший деревьями холм и сверился по радиокомпасу. Прибор показывал на противоположную сторону долины. Спустившись вниз, он обнаружил еще одну дорогу, а за ней, в долине — большой поселок.

Его внимание сразу привлекло здание, стоявшее не дальше трех четвертей мили. Это была школа с площадкой для игр, по которой носились сотни две детей.

Что-нибудь в этом роде ему и требовалось; хватало и укрытий, позволявших незаметно подойти ближе. Раньше рисковать было опасно, но теперь под рукой находились две сотни подопытных кроликов, и ни один не представлял ни малейшей опасности.

Перебегая от дерева к дереву, от куста к кусту, он остановился там, где его не могли обнаружить с дороги. У него не было возможности следить за теми, кто мог подойти сзади, и одновременно проводить свой эксперимент. Но Картер все же решил рискнуть.

Он остановился в двенадцати сотнях ярдов от игровой площадки, понаблюдал немного за снующими малышами, и то, что увидел, ему не понравилось. Они носились с такой же неуемной энергией, как и любая компания земных ребятишек, но их дикому столпотворению не было аккомпанемента. Они бегали, прыгали, кривлялись и колотили друг друга, но все это в полном молчании. Вполне возможно, они и производили адский шум, но воспринимался он мозгом, а не ушами.

Он еще некоторое время изучал их, пытаясь найти хоть одного кричащего. Тщетно. Исключений из правила не было: если из двухсот детей все до единого телепаты, значит, телепатами должна быть вся раса.

Сосредоточившись, чтобы определить, сколько из них и как быстро среагируют, он послал, как умел, сильный мысленный сигнал. «Я БЕГЛЕЦ! ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ! Я БЕГЛЕЦ!»

Отклика не последовало. Он подошел на пятьдесят ярдов и позвал опять. Ничего не случилось. Возможно, они слишком увлеклись игрой и не слышали странный зов. Но нет, десяток детишек сидели на стенке, болтая ногами и явно ни о чем не думая.

«Я БЕГЛЕЦ. МЕНЯ ИЩУТ. ВЫ СЛЫШИТЕ? ВЫ СЛЫШИТЕ?»

Еще ближе, и еще. Когда до них осталась тысяча ярдов, его услышали. Около сорока ребятишек одновременно повернули головы в его сторону; видеть его они не могли, но были уверены, что он там. Через долю секунды все остальные повели себя точно так же, они откликнулись на мысли первых. Двести пар юных глаз искали беглеца. Демонстрация впечатляла.

Картер быстро отступил назад, оценивая результаты своего эксперимента.

Все до единого. Все до единого — и почти за тысячу ярдов. Отступая, он продолжал следить за ними, боясь, как бы они всей толпой не бросились за ним.

Они и не подумали. Не двигаясь, они молча наблюдали за ним. Ему и в голову не пришло, что две сотни детей-телепатов, зовущих на помощь, не менее опасны, чем двести детских голосов, кричащих «пожар!».

Пересекая долину, он начал подниматься на противоположный склон, оглядываясь на поселок. Дети все еще стояли на месте, глядя в сторону его последнего убежища. И целый батальон дюжих взрослых бежал к тому же месту. У некоторых в руках было оружие, напоминавшее скорострельные винтовки.

На дороге, которую он недавно пересек, стояли большой грузовик и два легковых автомобиля; из них выпрыгивали люди, человек десять, которые явно прибыли за ним и уже направлялись в его сторону. Им не

было нужды искать его мысленно, они его видели. Охота началась. Если требовались еще какие-либо доказательства, то вот они — большая группа из поселка сменила курс явно по указке этих десяти.

Он рванулся вверх по склону, словно перепуганный заяц, бросился в чащу и возблагодарил судьбу за такое укрытие. Его ноги заработали в темпе, который был непосилен любому охотнику. Теперь уже не было смысла петлять или возвращаться на свой след, чтобы запутать погоню. Бесполезно играть в прятки среди деревьев, если преследователи видят сквозь любое препятствие на тысячу ярдов. Самая верная тактика — бежать к кораблю, сохраняя дистанцию, гарантирующую недоступность его мыслей. Пока он держится хоть на шаг дальше зоны досягаемости телепатов, они будут терять время на поиск его следов.

Вниз по склону, через другую долину, на этот раз пустую. Вверх по заросшему склону следующего холма. На удобной обзорной площадке он остановился, чтобы сверить радиокомпас, и оглянулся на охотников. Когда первый из них показался из-за деревьев на противоположной стороне, Картер снова помчался со всех ног, зная теперь, что выигрывает почти милю.

Два часа Картер поддерживал этот убийственный темп, борясь с искушением выбрать более легкий путь в обход холмов; следуя точно по стрелке радиокомпаса, он преодолевал подъемы, снова спускался, пересекал долины. Последний спуск среди громадных деревьев, и он оказался на краю широкой плоской равнины, откуда виднелся маленький городок, а за ним — джунгли.

Местность была открытая. Лучше, конечно, пересечь ее ночью. Можно найти среди корней яму, спрятаться и сидеть там до темноты. Но если кто-нибудь из преследователей будет вертеться в пределах тысячи ярдов, то Картер узнает об этом, только когда в яму просунется дуло винтовки.

Его нерешительность продолжалась всего несколько секунд. Решившись пробиваться, он оглядел равнину, выбирая маршрут, чтобы иметь возможность воспользоваться едва заметными укрытиями. Вдали, над кромкой джунглей, появились четыре вертолета, они бы-

стро понеслись к городу и приземлились на поле с ближней к Картеру стороны.

Трудно судить, были они обычными путешественниками, воздушными исследователями или патрулем, инспектирующим джунгли. Из собранных донесений противник должен знать, что чужой мог появиться только из этого района джунглей, и ни из какого другого. Они нуждались в людях, чтобы создать вокруг района плотный кордон, но у них имелись и средства контролировать большую территорию. Возможно, эти вертолеты входили в состав заградительного отряда, а сейчас их сменили другие.

Картер видел, как четыре пилота вылезли из кабин и направились через поле в город. Облизывая губы, он глядел на брошенные машины. В нем проснулся инстинкт опытного шпиона — воспользоваться чужой беспечностью. Подворачивался неплохой шанс; иногда такое удается, иногда — нет.

Он быстро взвесил «за» и «против». Чтобы попасть туда, нужно пройти милю по открытой равнине, днем, когда некуда спрятаться и неизвестно, сколько пар любопытных глаз следят за тобой из окон. Если он даже доберется до машин и сядет в одну из них, может оказаться, что управление совершенно непонятно, а задержка будет фатальной. Более того, все четыре машины могут оказаться недозаправленными. Он в спешке воспользуется одной и, не проверив, пролетит милю на высоте в тысячу футов, а потом, когда кончится горючее, врежется в землю.

Но доводы «за» были гораздо сильнее. Где-то сзади армия охотников медленно, но верно догоняла его. Если он задержится, то наверняка станет их добычей. Чтобы спастись, придется пересечь равнину, даже рискуя быть схваченным. Он вдруг понял, что ноги сами несут его к вертолетам, прежде чем принял решение.

6

Если какие-то любители совать всюду свой нос и видели, как он пробирался к машинам, вряд ли они что-то заподозрили. Он постарался развеять их сомнения,

преодолев последние четыреста ярдов легкой походкой, словно имел полное право здесь находиться. Продолжая эту демонстрацию, Картер поднялся на борт вертолета и внимательно его осмотрел. Ничего общего с земными. К потолку прикреплено странное проволочное кольцо, какие-либо механизмы вообще отсутствовали. Все управление состояло из маленького рычажка и двух кнопок — красной и белой.

Может, эта штука использует энергию от излучателей, расположенных неподалеку. Если это так, то они еще на шаг опередили Землю; там такого еще не придумали.

Стиснув зубы, он нажал красную кнопку — ничего. Он обернулся и увидел, как из-за деревьев появилось около двадцати преследователей В тот же миг они заметили его и побежали быстрее. Со стороны города показались еще двое и быстрым шагом устремились к нему. Картер положил большой пистолет на приборную доску, готовый, если понадобится, стрелять.

Он нажал белую кнопку. Лопасти винта шевельнулись, заколебались, потом завертелись и загудели. Машина дрожала, но оставалась на земле. Двадцать преследователей находились не дальше мили от него. Двое из города — в четырехстах ярдах и неслись, как скаковые лошади.

Он передвинул рычаг на одно деление. Звук стал тоньше, быстрее завертелись лопасти, машина дернулась. Два деления. Аппарат неторопливо поднялся и, раскачиваясь, пошел вверх. Еще на два деления. Машина успокоилась и стала быстро набирать высоту. Душа его ликовала, он посмотрел вниз, увидел, как те двое из города стоят и смотрят на него, разинув рты.

Ухмылка, которой он их наградил, сползла с его лица, когда они опомнились и бросились к другим машинам. Слишком поздно он осознал, что три оставшиеся машины нужно было отправить в небо без пилота. Впрочем, жалеть об упущенном бесполезно; даже приди это ему в голову раньше, времени на диверсию у него не было. Он передвинул рычаг еще на пять делений. Его добыча наклонилась и понеслась в сторону джунглей.

Когда его преследователи оторвались от земли, он был уже в пяти милях от них. У кромки джунглей его лидерство сохранилось, но не упрочилось. Бросив вертолет вниз и почти касаясь верхушек деревьев, он полетел в направлении, которое указывал радиокомпас.

Пролетев четырнадцать миль, он очутился над кораблем. Два вертолета все еще находились на том же расстоянии, но оно быстро сокращалось. С севера появился еще один. А с востока приближался целый десяток.

Они не дадут ему время на то, чтобы найти просвет внизу, сесть, выйти, побежать в джунгли и забраться в свой корабль. В этом безнадежном положении он выбрал самое простое решение. Он бросил вертолет еще ниже, пока тот не повис в четырех футах над камуфляжем из веток и листьев. Затем наклонил машину, передернул рычаг в крайнее положение и выпрыгнул. Он упал на натянутую сеть, а брошенная машина понеслась на запад.

Ждать и смотреть, попались ли воздушные охотники на удочку, смысла не имело. Лихорадочно нырнув под сеть, Картер соскользнул с выпуклой крыши корабля и свалился вниз головой в густой кустарник. Пистолет, который он схватил перед тем, как выскочить из вертолета, выпал из его руки, но он не стал терять время на поиски.

Когда он открывал корабельный люк, ему вдруг пришло в голову, что он так ни разу и не воспользовался ни оружием, ни миниатюрной камерой. И никто ни разу не выстрелил в него. Все происходящее состояло только из бегства и погони, без драк и кровопролития. Если эти факты хоть чего-нибудь стоят, они доказывают, что успеха вполне возможно добиться «малой кровью».

Втянув упоры, Картер оставил сеть на деревьях. Он набрал на пульте заранее определенные координаты точки возврата. Наступила полная тишина, и все вокруг окутала чернота. Чернота пустоты. Бегство свершилось, помешать уже невозможно. Не имело значения, что они

еще предпримут или уже предприняли; теперь его не остановить.

Время пребывания в гиперпространственной мгле будет немалым, так как путь ему предстоял долгий. И когда в иллюминаторах показались огни, он еще не достиг дома — сказывалась неточность приборов. Но он узнал знакомые созвездия и легко отыскал Солнце.

Остаток пути занял каскад из прыжков в гиперпространство и обратно. Перед последним прыжком он оказался на орбите искусственного спутника, а после уже ступил на зеленые поля родины.

Однако никто его прибытия не заметил. Разведывательный корабль возник, как туманный фантом, и быстро материализовался на краю засеянного поля, бывшего когда-то космодромом, никаких следов которого сейчас не сохранилось. Наверное, где-то в другом месте построили больший и лучший. За четыре тысячи лет многое должно измениться.

Город стоял на старом месте. Совсем другой город, меньше, уютнее, с непривычной архитектурой; впрочем, чего-то в этом роде Картер ожидал. Когда он улетал, его о таком предупреждали; говорили, что, вернувшись, он может не понять язык, обычаи и культуру, что ему будет очень трудно найти свое место в новой жизни, если вообще возможно.

Как предписывал в его времена устав, Грегори Картер не стал покидать корабль в поисках начальства в новом, чужом теперь для него мире. Он открыл люк, сел на верхней ступеньке лесенки и принялся ждать, когда за ним явятся. Должен же в этом городе кто-то заботиться о новичках, он и отведет его к тем, кто определяет сейчас земную стратегию.

Пока он ждал, по дороге прошли несколько человек, они остановились, посмотрели на него и на корабль и спокойно прошли мимо. Только через полчаса подъехал и остановился около поля огромный автомобиль. Из него вышли два статных человека в темно-зеленой форме, они прошли по дорожке и остановились у корабля.

Решив, что следует рапортовать, а не рассказывать, он четко произнес:

— Я — Грегори Картер. Корабль номер Х4Б. Подробности — в моем досье в отделе космических записей.

Они выслушали его без всякого интереса и удивления. Один из них сделал приглашающий жест в сторону города. Картер вздохнул, запер люк корабля и сел с ними в машину. Автомобиль рванул с места. Спутники сидели молча, с каменными лицами.

— Ах, да! — тихо вымолвил Картер, словно что-то вспомнив.— Придется мне снова учиться говорить. Ошень шаль, нет говорения.

Он взглянул через окошко на ряд маленьких симпатичных магазинчиков, отметив, что над каждым изображен знак в виде линии с завитушками. Никаких надписей, ничего такого, что напоминало бы старый алфавит. Наверное, усовершенствованная форма стенографии.

Они подъехали к тому, что могло быть полицейским участком, призывным пунктом, налоговой конторой или любым другим официальным учреждением. Там их встретили еще несколько людей в такой же темно-зеленой форме. Они лишь мельком взглянули на него. Сопровождавшие отвели Картера в небольшую комнату, указали на кресло и оставили наедине со своими мыслями.

Через несколько минут один из них вернулся и, поглаживая свой живот, изобразил сценку, показывая, будто пьет, потом закончил ее вопросительным взглядом. Грегори Картер отрицательно покачал головой. Человек вышел. Что за черт, подумал Картер. Космические полеты на дворе, в звездной дали готовится Армагеддон, а тут люди объясняются знаками, как дикари.

Вновь появились сопровождающие, они провели его по коридору в комнату с металлическими стенами, напоминавшую небольшой лифт. В нее могли поместиться только двое. Один охранник вошел с ним, а другой остался снаружи и задвинул дверь. Тот, который вошел, установил что-то на циферблате в стене и нажал кнопку. Картер ожидал какого-нибудь подъема или спуска, но не почувствовал ничего. Только снаружи послышался приглушенный хлопок, как при выстреле.

Охранник открыл дверь. Его напарника уже не было, а сами они находились в другом коридоре.

Они вошли в помещение, где увидели двух человек, которые молча предложили им идти дальше. Еще двое в следующей комнате сделали то же самое. За час они обошли, наверное, двадцать комнат, и ни одна душа не удостоила их хотя бы восклицанием.

Опять в металлическую комнату. Новые манипуляции и приглушенные выстрелы. На этот раз они оказались в большом зале и поднялись на эскалаторе на следующий этаж. Взглянув в широкое окно, Картер увидел большой незнакомый город. Высокие, тонкие шпили, ажурные мосты, движущиеся тротуары, какая-то черная лента, плывущая в небе.

Его усадили в коридоре, здесь он пробыл достаточно долго и успел о многом подумать. Без сомнения, он находится на Земле, но не понимал, каким образом его доставили в этот город.

Охранник вернулся и пригласил его в длинную узкую комнату. В ней стоял длинный тяжелый стол, за которым сидело семь человек. Сидевший в центре пожилой мужчина с белой бородкой клинышком внимательно оглядел гостя и заговорил.

Он произнес:

— Садитесь.

Сев в кресло, Картер взглянул на его молодых соседей и сказал:

— Слава богу, наконец-то я могу с кем-нибудь поговорить.

— Вот для этого-то я и здесь,— ответил белобородый.— Меня зовут Сэдом, я изучаю древние языки, говорю на десяти из них.— Он слабо улыбнулся.— Таких, как я, немного — слишком уж необычная область знаний.— При этом шестеро его компаньонов благожелательно улыбнулись. Судя по всему, они предоставили вести разговор Сэдому, а сами только слушали. Охранник, стоявший у двери, скучал с бесстрастным видом.

— Расскажите вашу историю,— попросил Сэдом.

Картер досконально, в деталях, пересказал ее. Его слушали, не перебивая, выражение их лиц время от времени менялось.

— Теперь вы знаете, с чем мы столкнулись,— заключил Картер.— Не хочу гадать, когда и где произойдет контакт и приведет ли он к столкновению и войне. Но пока до этого не дошло, мы должны успеть сделать самое важное.

— Что именно?

— Нужно отыскать материнскую планету.

— Зачем?

— Там бьется сердце цивилизации. Один удар по ней будет эффективней, чем двадцать ударов по пограничным мирам. Если мы ввяжемся в войну, то первейшая задача — взять в оборот материнскую планету. Значит, нужно выяснить, где она. Я готов идти в поиск добровольцем. Мне следовало искать ее, когда я там находился, но я решил срочно вернуться с тем, что разузнал.

— Мне понятно ваше затруднение,— согласился Сэдом.

Картер с нажимом добавил:

— Вдобавок сейчас шансов на успех у меня больше. Прошло так много лет, что вы, конечно, сможете предоставить мне разведывательный корабль новейшего образца, хоть я не жалуюсь и на старый. Когда-то он был на должном уровне, но наверняка теперь строят более совершенные. Я на них рассчитываю.

Откинувшись в кресле, Сэдом задумался, затем повторил как эхо:

— Так много лет... А вы знаете, сколько их прошло?

— Нет, сэр. Для моего корабля минимальный срок составлял четыре тысячи лет. Я знаю, что превысил его, но не представляю, насколько.

— Наши записи ведутся шесть тысяч лет,— сообщил Сэдом.— В них нет о вас ни слова. Это не удивительно; известно, что три или четыре человека ушли в космос еще до этого. Очевидно, вы один из них. Вы отправились в путь, по крайней мере, шесть тысяч лет назад, и ни одна живая душа не скажет, насколько раньше.

— Тогда тем более надо форсировать подготовку,— парировал Картер.— Если время работает на нас, то с тем же успехом оно работает и на них. Границы их империи раздвигаются каждое столетие, каждое десятилетие, и они приближаются к нашим. Действовать надо быстро. Найти планету, с которой все началось.

— Время работает и на вас,— мягко произнес Сэдом. Он указал на остальных шестерых.— Они видят, как шевелятся ваши губы и слышат ваш мозг, но отвечают вам моим ртом. У них нет речи; она стала ненужной.

Картер вскочил на ноги.

— Что? Вы... хотите... сказать, что пока я искал противников, они успели завоевать Землю?

— Вы не поняли.— Сэдом жестом усадил его.— Мне трудно говорить об этом. Вы просто ранняя пташка. Настолько ранняя, что остались без червячка. Те, кто шли за вами, обладали техникой, вам недоступной, и вас опередили.

В глазах Сэдома мелькнуло что-то теплое, и он закончил:

— Нельзя нанести удар в самое сердце конкурентов, как вы предлагаете. Никаких конкурентов и никаких противников нет. Все, кто там,— наши. Материнская планета — вот она!

Охранник уводил Грегори Картера, мягко сжимая его плечо в немом сочувствии. А с неба звали и звали звезды...

БЕЗ ПРИКРЫТИЯ

Ригелианский корабль прибыл тихой сапой, укрываясь в глубине ночи. Выбрав особенно густой участок леса, он выжег под собой кольцо деревьев, сел в пепел и выбросил мощную струю жидкости, уничтожив пламя, пробивающееся сквозь подлесок по сторонам.

Тонкие нити дыма поднимались из умирающего пламени. Теперь, замаскированный со всех сторон, и главное — сверху, корабль припал к земле среди высоких крон, остывая трубами, поскрипывая и попискивая металлическими частями. В воздухе сильно пахло дровяным перегаром, сосновой хвоей, едким огнетушителем и перегревшимся металлом.

На судне тем временем проходило совещание инопланетян. У них была разделенная пара глаз. В остальном они представляли собой бесформенную, почти текучую слякоть самого что ни на есть злобного и агрессивного нрава. Трое в штурманской рубке, склонившись над фотографиями планеты, энергично жестикулировали чем-то подвижным: всякими усиками, ложноножками, какими-то чудовищными руками-обрубками, с единственным пальцем — словом, всем, чем приходило в голову.

В данный момент все трое ерзали на широких и плоских ластах, были шарообразны и с ног до головы покрыты великолепным мягким пухом, напоминающим зеленый бархат. Это однообразие в одежде было продиктовано скорее учтивостью, нежели желанием:

во время совещаний было принято подражать форме и наружному покрову старшего по званию.

Двое были шарообразны и пушисты только потому, что капитан Ид-Ван принял эти формы. Временами капитан проверял исполнительность подчиненных: он выдерживал многозначительную паузу, обретая какую-нибудь форму повышенной сложности, например, ретикулярного крохобоя, и затем смотрел на то, как подчиненные торопливо воспроизводят тот же образ.

Ид-Ван говорил:

— Мы засняли этот мир издалека с его освещенной стороны, и ни один звездолет не засек нашего присутствия. Похоже на то, что у них нет звездолетов.— Выразительно фыркнув, он продолжал: — Такого масштаба увеличения снимков нам вполне хватит. Этот сектор нас вполне устроит — на первых порах.

— Похоже, здесь еще полно морей,— заметил старший навигатор Би-Нак, вглядываясь в снимок.— Слишком много морей. Больше половины.

— Ты опять пытаешься приуменьшить мои завоевания? — взъерепенился капитан, выгоняя из тела негодующе дрожащий хвостик.

— Что вы, капитан,— поспешил заверить его Би-Нак, старательно воспроизводя такой же хвостик.— Я просто хотел отметить...

— Слишком много отмечаешь,— оборвал его Ид-Ван. Он повернулся к третьему члену экипажа.— А, По-Дук? Разве не так?

Пилот По-Дук предусмотрительно спасовал:

— Бывает и так — а бывает и эдак.

— Глубоко замечено,— бросил Ид-Ван, питавший нескрываемое презрение к нейтралам.— Один отмечает, в то время как другой без устали бьет источником мудрости. Вот было бы интересно, если бы ты сам когда-нибудь отметил, предоставив Би-Наку быть оракулом. Я бы перенес. Все-таки разнообразие.

— Так точно, капитан,— подтвердил Би-Нак

— Пор-р-рядок! — Раздосадованный Ид-Ван вновь обратился к снимкам.— Вон как много городов. А значит — разумной жизни. С другой стороны, нам не попалось ни одного звездолета и, насколько известно,

они не обосновались даже на собственном спутнике. Стало быть, это разум не особо высокого пошиба.— Капитан, покряхтывая, вырастил пару ложных рук, чтобы сложить их, потирая, перед грудью.— Другими словами — самое время сбора наилучших рабов.

— Вы уже говорили это на последней планете,— напомнил Би-Нак, чьей стойкой чертой характера было отсутствие такта.

Ид-Ван гневно взметнул свой хвостик и возопил:

— Это было — относительно прежде посещенных миров! До сих пор те были — лучшие. А эти типы — еще лучше!

— Мы же их даже не видели...

— Увидим. С местным населением проблем не будет.— Капитан успокоился и стал размышлять вслух.— У нас вообще никогда проблем не бывало, и сомневаюсь, что есть что-либо, способное их вызвать. Мы одурачили уже с полсотни преуспевающих жизнеформ, причем все они были совершенно разными и чуждыми нашей родной системе. Поэтому уверенно не предвижу трудностей с очередной. Временами мне вообще думается, что мы уникальны в мироздании. Во всех прочих мирах население зафиксировано в закоснелых, неизменяемых формах. Это — яркое свидетельство того, что мы — единственные, кто не является рабами отверделости, ригидности, косности.

— Фиксированные формы имеют свои преимущества,— снова встрял Би-Нак, прямо какой-то лакомка до наказаний.— Когда моя мать впервые встретила моего отца в поле спаривания, она было решила, что он — долгорогий нодус и...

— Вот ты опять,— повысил голос Ид-Ван,— начинаешь подвергать критике самоочевидное!

— Я просто имел в виду, что моя мать...

— Медаль твоей матери,— перебил его Ид-Ван. Он вновь занялся снимками, намечая район в северной части грандиозного массива земли.— Мы расположены здесь, в стороне от наезженных дорог, и в то же время на вполне преодолимой дистанции полета сразу от четырех среднего размера городов. Большие же города, таящие реальную угрозу, на порядочном удалении. Бли-

жайшие поселения дадут скудный материал для исследований. Провинциальные города среднего размера — как раз то, что нам нужно, и, как я уже сказал,— их целых четыре в пределах досягаемости.

— В каком порядке приступим? — заинтересовался По-Дук, чтобы продемонстрировать неравнодушие к происходящему.

— Тактика обычная — по два разведчика на каждый. Сутки на растворение в массе местных жителей — и они поведают о себе все необходимое, не узнав от нас в то же время ничего. А уже потом...

- Демонстрация мощи? — вмешался По-Дук, страстной натуре которого не терпелось отыграться.

— Совершенно определенным образом.— Ид-Ван простер нечто вроде усика толщиной с волос, отмечая один из четверки близлежащих городов.— Вот хотя бы это место — ничем не хуже других. Мы начисто соскребем его с поверхности планеты, затем отсидимся в космосе и посмотрим, что они будут делать. Массированный удар — самый эффективный путь для выяснения уровня организованности системы.

— Если последние семь планет хоть чем-то похожи на этот мир,— подал голос По-Дук,— мы не увидим здесь особой организации. Они станут паниковать или молиться — или то и другое разом.

— Вроде того, как мы в году Великого Пятна,— заговорил Би-Нак. Голос его затухал по мере того, как он распознавал неприятный блеск в глазах Ид-Вана.

Капитан повернулся к По-Дуку:

— Вызовите начальника разведки, и пускай поторопится. Мне нужны действия.— Он уставился тяжелым взглядом на Би-Нака и добавил: — Действия — а не бесплодные разговоры.

Толстяк по имени Оли Кампенфельдт неторопливо брел сквозь тьму к бревенчатой хижине, откуда доносились гитарный перезвон и гомон голосов. Он хмурился, приближаясь, и то и дело отирал лоб.

По соседству там и сям виднелись и другие хижины, в нескольких светились окна, но большинство уже уто-

нуло во тьме. Желтая луна повисла над частоколом, окружавшим поселок, расстилая тени от хижин по аккуратно скошенным лужайкам и газонам.

Кампенфельдт сунулся в шумную хижину и взвыл с надрывом. Бренчание гитары оборвалось. Беседа осеклась. Тут же погас свет. Толстяк появился на пороге в сопровождении небольшой группы мужчин, по большей части тут же растворившихся во тьме.

Двое остались с ним, когда он направился к строению возле единственных ворот в мощном частоколе. Один из них мягко увещевал:

— Ну, хорошо. Людям надо спать. Так откуда ж мы знали, сколько время? Почему не повесить там какие-нибудь часы?

— Последние сперли. Обошлись мне, между прочим, в полсотни... Ша! — воскликнул старый ворчун Кампенфельдт.— Время — ни при чем. Какое мне дело? Поменьше шума — и на боковую. Мы не держим часов, потому как на хазе полно воров. Меня на нары не тянет.

Сопровождающий Кампенфельдта по другую сторону вскинул голову с внезапным интересом.

— Вот не думал, что ты, оказывается, был в тюряге.

— После десятка лет на ночной вахте за длинным баксом где только не побываешь,— бросил первый.— Даже в дурке, а то и на кладбище.— Тут он приостановился, вытягивая шею и вглядываясь в северном направлении.

— Что это?

— Что — что? — переспросил Кампенфельдт, хмуря брови и тяжело сопя.

— Какое-то кольцо света — яркое такое и красное. Сплыло вниз — куда-то в лес.

— Метеор,— предположил Кампенфельдт, слегка заинтересованный.

— Почудилось,— сказал третий, который ничего не увидел.

— Слишком медленно для метеора,— заявил наблюдатель, не отрывая взгляда от темноты.— Он сплыл вниз, я же сказал — сплыл. А метеоры не сплывают. Метеоры слетают, свистят или грохают. К тому же что-то не приходилось мне слышать о метеоре, похожем на

красный бублик. Это, скорее, похоже на горящий самолет. Может, это и в самом деле горящий самолет?

— Узнаем... Через часок-другой...— пообещал Кампенфельдт, вконец раздосадованный при мысли о беспокойствах ночного дежурства.

— Как это мы узнаем?

— Лесной пожар раскатится миль на десять. Такого сухостоя еще не бывало — чистый порох.— Он косолапо взмахнул пухлой ладонью.— Ни огня там, ни самолета.

— Ну а что ж там еще может быть?

Усталым голосом Кампенфельдт сообщил:

— Знать не знаю, и дела мне нет. Мне утром еще встать надо.

Он поволокся в свою хижину, широко зевая. Остальные некоторое время постояли у порога, глядя в северном направлении. Ничего из ряда вон выходящего им увидеть так и не удалось.

— Почудилось,— снова повторил один.

— Нет, я что-то странное увидал. Ума не приложу, что могло быть там, в этой дровяной свалке, но что-то я видел, а глаз у меня — алмаз.— Наконец, пожав плечами, он вышел из наблюдательного ступора.— Ладно, леший с ним, что бы там ни стряслось — надо спать.

И они пошли спать.

Капитан Ид-Ван отдавал распоряжения начальнику разведгруппы:

— Воплотитесь в местные жизнеформы, в какие сподручнее, принимая во внимание размеры. Нам надо их проверить.

— Слушаюсь, капитан.

— Собирайте непосредственно по соседству. К югу расположен лагерь, где наверняка обнаружатся высшие формы жизни. Держитесь от них подальше. Лагерем займемся после того, как будут освоены более примитивные формы.

— Понимаю, капитан.

— Ничего вы не понимаете! — ощетинился Ид-Ван.— Иначе вы давно бы заметили, что я отрастил подвижные пальцы на ногах.

— Прошу прощения, капитан,— проговорил начальник разведгруппы, торопливо восполняя недостающие формы.

— Прощено, но впредь будьте осмотрительнее. Во главе группы направите радиста, дальнейшие инструкции станете получать через него.— Офицеру-связисту, отрастившему нижние пальцы с похвальным проворством, он сказал: — Что имеете доложить?

— То же, что было замечено еще до посадки,— они перегоняют воздух.

— Что? — Ид-Ван удивленно вытянул ухо, которого у него еще за секунду до этого не было. Ухо напоминало сильно деформированную резиновую грелку.— Почему меня своевременно не проинформировали?

— Виноват, забыл,— начал было Би-Нак, но тут же осекся и выложился в подражании, напрягаясь, прежде чем Ид Ван успел увидеть его без уха-грелки.

— Они перегоняют воздух внутри тела,— повторил офицер-связист, корректно и образцово повторивший одноухость начальника.— Мы собрали все воспроизводимые ими шумы — от верхнего до нижнего порога. Похоже, здесь сосуществуют не менее десяти различных речевых паттернов.

— Отсутствие единого языка...— задумчиво пробормотал Би-Нак.— Это усложняет дело.

— Это облегчает дело,— круто возразил Ид-Ван.— Разведчики смогут замаскироваться под иностранцев и таким образом избежать языковых проблем. Едва ли сам Великий и Зеленый смог бы устроить лучше.

— Есть также и другие источники импульсов,— продолжал докладывать связист.— Подозреваем передачи пиктограмм изобразительного содержания.

— Подозреваете? Вы что — не знаете наверняка?

— Наши приемники не расшифровывают этих волн, капитан.

— Отчего же?

Как можно более спокойным и умиротворяющим тоном офицер сообщил:

— Их методы не соответствуют нашим. Различие чисто техническое. Детальное разъяснение займет неделю. Вкратце, наши приемники не способны принимать

их видеопередачи. Частично, методом проб и ошибок, мы можем овладеть этой системой. Но для этого потребуется время.

— Но вы, по крайней мере, получили доступ к их речи?

— Да, она относительно несложная.

— Что ж, и этого хватит. Надо же, они добрались до радиосвязи. Ладно, значит, общаясь звуками, они вряд ли способны к телепатии. Ради такой поживы стоило пролететь космос вдоль и поперек.— Капитан корабля проследовал мимо офицера-связиста и встал у люка, вглядываясь в окутанный тьмою лес: что там поделывают разведчики?

Его странное ригелианское зрение позволяло определить добычу с первого взгляда — даже жизнь, вспыхнувшую в кромешной тьме подобно крошечному язычку пламени. Вот огонек вспыхнул в кроне ближайшего дерева. Вот он кувыркнулся вниз, парализованный стрелкой из ружья разведчика. Пламя затрепетало, приземлясь, но не угасая. Охотник поднял его и вынес к свету. Это оказалось крохотное животное с острыми ушками, густой рыжей шерстью и длинным пушистым хвостом.

Вскоре восемь разведчиков вступили в борьбу с каким-то мешком — здоровенным, покрытым шерстью и весьма агрессивного нрава. Он оказался косолап, когтист и бесхвост. Пах он точно кровь молобатера, смешанная с застарелым сыром. Еще с полудюжины иных форм вступили в борьбу за существование, причем у двух из них обнаружились крылья. Все были парализованы стрелами, и закрыв глаза, утратили способность к передвижению. Все были взяты на обследование.

Один из экспертов явился к Ид-Вану в самый разгар лабораторной работы. Он весь был покрыт алыми пятнами и пах чем-то едким.

— Безвредны. Все без исключения.

— Льйах! — торжествующе воскликнул Ид-Ван.— Что у низших, то и у высших.

— Не обязательно, но весьма вероятно,— извернулся специалист.

— Посмотрим. Овладей за время эволюции хоть одно из этих существ талантом мимикрии и сверхбыстрого изменения формы, я бы пересмотрел и усовершенствовал свой план. Но поскольку дела обстоят именно так, как они обстоят, можно приступать к делу.

— Судя по этим простейшим, особых хлопот с пенками здешней цивилизации не будет.

— Так я и думал,— кивнул Ид-Ван.— Теперь нам надо заполучить экземплярчик местной высшей формы.

— Два — как минимум. Пара даст возможность выяснить параметры вариаций. Если же предоставить разведчикам имитацию на собственное усмотрение, они могут выдать себя.

— Ладно, возьмем пару,— кивнул Ид-Ван.— Вызовите ко мне командира разведгруппы.

Как только шеф разведчиков предстал перед ним, Ид-Ван заявил:

— Все отловленные вами образцы были ригидных форм.

— Превосходно! — вырвалось у офицера.

— Пфах! — пробормотал Би-Нак.

Ид-Ван метнул взгляд по сторонам.

— Кто сделал это замечание?

— Пфах, капитан,— подтвердил Би-Нак, мысленно проклиная чувствительность резинового уха. Как можно деликатнее, он добавил: — Я предавался размышлениям по поводу парадокса этой подавляющей ригидности, и «пфах» вырвался сам собой.

— Был бы я телепатом,— процедил Ид-Ван с тяжелым вздохом,— я бы давно вывел тебя на чистую воду.

— А может, мы недалеки от этого,— предположил Би-Нак, пытаясь развеять атмосферу.— До сих пор мы не сталкивались еще ни с одним видом, наделенным телепатическими способностями. На этой планете существует много высших форм, свято преданных ригидности, откуда же взяться превосходству? Хотя, возможно, они и в самом деле телепаты.

— Нет, вы слышите, что он говорит...— расстроенно обратился Ид-Ван к начальнику разведки.— И вот

так всякий раз он подбрасывает нам новые трудности. По-моему, он их просто изобретает. Да... повезло мне с навигатором!

— Все, что могло быть лучше, могло быть и хуже,— вставил По-Дук, уже совершенно ни к месту.

— Вот еще один мастер молоть языком.— Пуховой покров капитана при этих словах поменял цвет с зеленого на голубой.

Все тут же стали голубыми, и только По-Дук, замешкавшись, оказался крайним. Ид-Ван смотрел на него, быстро трансформируясь в ретикулярного молобатера. Всех троих это так и придавило к полу. Ид-Ван заметно выделялся среди молобатеров и ехидно наблюдал, как старательно расстилаются они — один ниже другого.

— Вот видите,— бросил он, когда наконец новые формы были обретены,— вовсе не так уж и хороши вы.

— Нет, капитан, мы совсем нехороши,— подтвердил Би-Нак, выделяя характерный смрад молобатера.

Ид-Ван окинул его гневным взором, словно собирался отругать за возникшее зловоние, но решил пропустить запах мимо рецепторов и переключил внимание на начальника разведгруппы.

— Вот поселок,— указал он на снимки.— Расположен несколько к северу. Как видите, он соединен длинной, извилистой тропой с узкой дорогой, которая уходит аж за горизонт, где соединяется с более широким трактом. Словом, место превосходно изолировано со всех сторон, поэтому наш выбор пал именно на него.

— Выбор? — переспросил главный разведчик.

— Мы точно рассчитали место посадки,— разъяснил Ид-Ван.— Уединенное место для сбора, наименьшая вероятность рассекречивания.

— Ах да! — догадался начальник разведки, чьей сообразительности несколько мешали формы молобатера.— Сбор экземпляров?

— Пары вполне хватит,— подтвердил Ид-Ван.— Любых первых двух, чтобы не поднимать лишнего шуму.

— Разведка не подкачает!

— Иного ответа и не ожидал. Да и вообще, были бы мы здесь, не сопутствуй нам успех?

— Нет, капитан! То есть да, капитан! Словом, вы правы.

— Отлично. Приступайте. Не забудьте взять радиста. Он проверит зону. Если обнаружатся передатчики, следует немедленно вывести их из строя, оставляя картину спонтанных повреждений.

— Нам прямо сейчас начинать? — спросил разведчик.— Или подождать?

— Без промедления, пока еще не рассвело. Мы наблюдали за тем, как их города обесточиваются к ночи, как стихает поток транспорта и пешеходов. Очевидно, они не придерживаются ночного образа жизни. Активнее всего население этой планеты ведет себя в светлое время суток. Вам надо успеть вернуться до рассвета.

— Есть, капитан.— Командир разведчиков вышел — по-прежнему исполнительный молобатер, но уже ненадолго.

Би-Нак зевнул и заметил:

— Кстати, я тоже не придерживаюсь ночного образа жизни.

— Ты — на службе,— сурово напомнил ему капитан,— пока я не сочту нужным освободить тебя от нее. Скажу больше — я все менее склонен снимать тебя со службы, пока остаюсь на этой должности.

— Личный пример лучше всякого наставления,— одобрил По-Дук, торопясь использовать благоприятный момент.

Ид-Ван резко повернулся к нему и рявкнул:

— Молчать!

— Он только хотел отметить,— подал голос Би-Нак, ковыряя в псевдозубах пальцами, которые на деле ими не являлись.

Кампенфельдт слоновьей поступью прокрался к троим, растянувшимся во весь рост на траве. Он отирал лоб на ходу, что, впрочем, было вызвано скорее привычкой, чем настоящей необходимостью. Солнце уже проехало часть своего пути по небосводу и едва начинало припекать. Утренняя прохлада еще царила в природе. Кампенфельдт не потел и тем не менее утирался.

Один из раскинувшихся на траве томно перекатился на бок, дружелюбно приветствуя его:

— Все на ногах, старина Оли. Что бы тебе ни плюхнуться, ни попарить сало на солнышке?

— Нет никакой возможности,— Кампенфельдт снова утерся с расстроенным видом.— Ищу вот Джонсона и Грира. Каждое утро одно и то же — обязательно кто-то опоздает к завтраку.

— Разве они не в своей хижине? — спросил второй, с усилием приподнимаясь и вороша пальцами траву, чтобы выдернуть стебель посочнее.

— Нет. Там я проверил перво-наперво. Должно быть, они отчалили с самого ранья, потому как никому на глаза не попадались. Почему эти ребята не говорят, что уходят и припозднятся? Оставлять для них порции или нет?

— Сделай им разгрузочный день,— посоветовал второй, со стоном укладываясь в траву и заслоняя глаза рукой.

— Обслужи по первому разряду,— присовокупил первый.

— Прямо как исчезли,— пожаловался Кампенфельдт,— и в ворота никто не проходил.

— Наверно, через частокол перелезли,— предположил третий.— Они часто так. На ночную рыбалку... Парочка полоумных. Кто бродит по ночам, рано или поздно получает пулю в лоб.— Он посмотрел на внимательно слушающего Кампенфельдта. Удочки были у них в хижине?

— Как-то не обратил внимания,— признался Кампенфельдт.

— Можешь и не обращать. Они их прихватили с собой, уж это как пить дать. Им так нравится показывать, какие они крутые. Ну и пусть будут крутыми. Это свободная страна.

— Точно,— со вздохом согласился Кампенфельдт, пожимая плечами.— Но могли бы предупредить насчет завтрака. Теперь их порции пропадут, если я их не съем.

Они посмотрели ему вслед. Он хлопотливо удалялся, то и дело утирая невзмокший лоб. Один из оставшихся в траве изрек:

— По его фигуре видно, сколько порций пропадает.

— Х-ха! — сказал другой, прикрыл глаза ладонью и попробовал взглянуть на солнце.

Лаборант появился, как и в прошлый раз, весь в красных пятнах и в сопровождении едкого запаха химикалий:

— Они, как и все остальные,— фиксированы в форме.

— Неизменяемые? — уточнил Ид-Ван.

— Да, капитан. Мы разместили их по отдельности и привели в чувство. Потом терминировали — сначала одного, а затем и другого. Первый, как мог, брыкался всеми четырьмя конечностями, шумел, однако сильного сопротивления не оказал. Другой не имел ни малейшего понятия о том, что случилось с его сотоварищем. Он также был терминирован при попытке оказать сопротивление. Диагноз может быть один: они неспособны к телепатии.

— Прекрасно! — воскликнул Ид-Ван с искренним облегчением.— Вы поработали на славу...

— Это еще не все, капитан. После всего проделанного, мы подвергли тела детальному обследованию и не смогли отыскать органов распознавания и слежения.

— Еще лучше,— с энтузиазмом откликнулся Ид-Ван.— Ни термохимических опознавателей, ни сенсорной настройки на индивидуальный код протоплазмы — никаких возможностей для выслеживания и охоты в окружающей среде. Значит, те, что остались в лагере, понятия не имеют, что стряслось с этими двумя.

— Уж этого они никак не могут,— подтвердил собеседник. Он бросил на стол еще пару предметов.— Кстати, на себе они носят вот такие штуки. Вы, вероятно, захотите взглянуть.

Ид-Ван схватился за загадочные предметы, как только исследователь покинул помещение. Это была пара небольших заплечных котомок из выделанных шкур животных: старательно сработанные, замечательно отполированные и с ладно пригнанными ремешками.

Он вывалил содержимое сумок на стол: пара длинных плоских пеналь чиков с белыми патрончиками, на-

битыми травами. Два металлических приспособления, похожих, но неодинаковых, способных производить искры и даже пламя. Карта со странными, кривыми надписями на одной стороне и цветной картинкой, изображающей город с высокими башнями, на другой. Одно увеличительное стеклышко. Инструменты для письма: один черный, другой серебристый. Какой-то совсем уж примитивный хронометр с тройной системой индикации и громким боем. Несколько насекомоподобных объектов с прикрепленными к ним острыми крючочками. Четыре аккуратно сложенных квадратика ткани неизвестного предназначения.

— Гм! — Он сгреб все обратно и перебросил сумки По-Дуку.— Отнесите в мастерскую, пусть там сделают еще шесть копий с аналогичным содержимым. Они должны быть готовы до наступления следующей ночи.

— Шесть? — переспросил По-Дук.— Но разведчиков — восемь.

— Тупица! Еще два — у тебя в руках.

— Действительно...— растерянно признался По-Дук, с недоумением теребя мешки в руках, будто они появились из воздуха.

— «Бывает так, а бывает — и эдак»,— изрек Би-Нак, как только По-Дук удалился.

Ид-Ван пропустил реплику мимо ушей, не озаботившись даже выдвинуть из своего организма воронкообразное ухо диковинной формы.— Я должен взглянуть на эти тела. Что-то мне не дает покоя...

С этими словами он направился в операционные, а Би-Нак последовал за ним.

Пленники оказались вовсе не столь чудовищной наружности, как те, что попадались в соседних мирах. Они мирно лежали друг подле друга, длинные, тощие, коричневокожие, с парными руками и ногами, неопрятной шерстью на головах. Глаза покойных мало чем отличались от глаз ригелианцев. Плоть их была до ужаса твердой на ощупь, вызывая настоящее омерзение. Не помогало даже то, что они до краев были наполнены красным соком.

— Примитивные типы,— произнес Ид-Ван, небрежно ткнув одного из них передним пальцем ласты.—

Просто чудо, что они забрались так высоко по дереву эволюции.

— Пальцы у них удивительно ловкие,— объяснил начальник лаборатории.— К тому же они неплохо развили мозг, он гипертрофирован даже больше, чем я предполагал.

— Мозги им очень скоро пригодятся,— пообещал Ид-Ван.— Мы слишком продвинутые существа, чтобы брать в услужение каких-то идиотов.

— Что есть, то есть,— вмешался Би-Нак, вновь собравшись с духом.

— Хотя временами я удивляюсь,— продолжал Ид-Ван, одарив разгильдяя тяжелым взглядом и вновь оборачиваясь к сноровистым и исполнительным ученым.— Передайте эти тела разведчикам — пусть попрактикуются в имитации. Я лично отберу восемь имитаторов на ночную вылазку. Это будут лучшие из лучших!

— Есть, капитан.

Солнце на закате казалось осколком сияющего обода, оставленном на далеком холме, когда начальник разведки явился с докладом к Ид-Вану. Прохладная мгла опускалась на землю, но то был не холод. Просто здесь в такое время ночами свежело.

— Были трудности с захватом этих двух утренних экземпляров?

— Никак нет, капитан. Основные хлопоты вызвала доставка, нужно было уложиться до восхода. Однако нам повезло.

— В смысле?

— Эта парочка была уже за границами лагеря, будто бы сам Великий и Зеленый специально приготовил ее для нас. С ними были какие-то примитивные аппараты для водной охоты. Все, что нам оставалось,— это обездвижить и забрать добычу. Они даже пикнуть не успели. Так что лагерь спал спокойным сном.

— А как с каналами связи?

— Радист ничего не обнаружил,— отвечал командир разведчиков,— ни проводов над головой, ни подземных кабелей, ни антенн — словом, ничего.

— Обычное дело,— заметил Би-Нак.— И все-таки — отчего они отсталые? Ведь они — цари местной природы, разве не так?

— Они относительно неважны в данном мироустройстве,— объявил Ид-Ван.— Без сомнения, каким-то образом они служат этим деревьям или присматривают за огнем. Словом, положение, что и говорить,— незначительное.

— Сидеть верхом на куче собственного дерьма — мало сказать, что положение незначительное,— брякнул Би-Нак, обращаясь главным образом к самому себе.— Я стану только счастливее, когда мы сожжем один из их городов, а лучше — десяток или полсотни. Засечь, как они среагируют,— и домой, со свежими новостями. Что-то так домой тянет, не хочется даже дожидаться победного конца и возвращаться в составе основного флота.

— Разведчики к осмотру построены? — поинтересовался Ид-Ван.

— Уже ждут, капитан.

— Порядок. Я осмотрю их немедленно.— Он двинулся к задним каютам и осмотрел двадцать ригелианцев, выстроившихся вдоль стены. Два тела выставили здесь же — для сравнения.

Ид-Ван отобрал восемь бойцов, после чего оставшиеся двенадцать обрели свои формы. Восьмерка избранных была хороша, на диво хороша. Четверо Джонсонов и четверо Гриров.

— Это довольно простая форма для дубликации,— прокомментировал Би-Нак.— Лично я смог бы ходить в ней до конца дней.

— Я — тоже,— согласился Ид-Ван и обратился к ряду двуруких бронзовокожих двуногих, которые в любую минуту могли стать всем, чем он пожелает.— Помните главное и неукоснительное правило: ни при каких обстоятельствах не менять формы, пока ваша задача не выполнена. До тех пор вы обязаны оставаться точно в такой же форме и обличье, и даже под угрозой разрушения.

Всем своим видом бойцы выразили понимание.

Он продолжил:

— Высадка перед рассветом. Затем незаметно сливаетесь с остальным народонаселением пробуждающихся к жизни городов. После чего действовать по традиционному плану: вытряхивать все полезные сведения, которые можно собрать, не вызывая подозрений. Особый интерес представляют детали вооружения и источники энергии. В здания не входить, пока ни уверитесь, что это не потребует изменения формы. Не заговаривать и по возможности не поддаваться на провокации к разговору. В крайнем случае, отвечать, имитируя различные речевые образцы.

Ид-Ван проследовал вдоль ряда выстроившихся разведчиков.

— Ну, и самое главное — будьте осмотрительны. Один может выдать всех. Помимо прочего, вас восемь, и потеря бойца в любом случае не останется незамеченной для отряда.

Они вновь кивнули в ответ, человекообразные двуногие, но с бушующим внутри пламенем ригелианцев.

Вместо напутствия капитан сказал:

— В случае крайней необходимости немедленно оставлять выполнение задания и скрываться до времени возвращения. Всем быть в соответствующих точках высадки в середине следующей ночи. Оттуда вас заберут.— И подчеркнул особо: — До тех пор — ни в коем случае не изменять формы!

Они не стали этого делать. Ни на волосок не изменились, когда меж полуночью и восходом бесстрастно заполнили десантный отсек разведшлюпки. Ид-Ван тоже был здесь, дабы произвести последний досмотр. Каждый шагал в той же манере, что и мертвые экземпляры планетной фауны, схожим образом болтал руками, правил корпусом и двигал мышцами лица. На плечах каждого красовался ранец, укомплектованный инопланетной амуницией вкупе с миниатюрным стрелкометом.

Разведывательный шлюп поднялся над деревьями, унося восьмерку смелых прочь. Несколько живых существ в кронах деревьев подняли легкий переполох, сопровождаемый сигналами тревоги.

— И ни одного чужого корабля в ночи,— пробормотал Ид-Ван, поднимая взор к небесам.— Ни одного ра-

кетного следа среди звезд. Они не удосужились изобрести ничего, кроме этих воздушных увальней, что попались в облаках еще на подходе к планете.— Капитан хохотнул.— Мы отберем у них планету, точно плод карда у раззявы-нодуса. Уж больно все легко, больно элементарно. Временами просто кажется, что немножко трудностей сделали бы работу только интереснее.

Би-Нак зевал, изредка бросая к звездам свой невыспавшийся, равнодушный взор. Два дня и ночи на беспрерывном дежурстве с неугомонным Ид-Ваном утомили его.

Включив маяки передатчиков, Ид-Ван осмотрел контрольные сферы, настроенные на всех удаляющихся разведчиков. В каждом шаре горело яркое пятнышко жизненного свечения. Он наблюдал за тем, как сжимаются эти пятнышки, исчезая вдали. Чуть погодя шлюп вернулся, и пилот доложил об успешной высадке. Пятнышки продолжали светиться без изменений. Никто не двинулся с места, пока солнце не вонзило в небо свой первый луч с востока.

Поместив второй опустевший стакан на поднос, Оли Кампенфельдт хмуро посмотрел в окутанное ночной мглою окно и произнес: — Уже два часа как стемнело. Они ушли на весь день. Ни завтрака, ни обеда, ни ужина — ничего. Мужик не может без ничего. Что-то мне это не нравится.

— Да и мне, признаться, тоже,— присоединился другой.— Может, в самом деле, что-то стряслось?

— Если кто-то из них сломал руку или того хуже — шею, другой давно бы прибежал позвать на помощь,— размышлял вслух еще один.— Кроме того, будь это кто другой, я бы давно пустился на поиски. Но мы же все знаем этих охламонов. Уже не в первый раз Джонсон и Грир выбираются в джунгли. Видно, у них головы отравлены после киношек про Тарзана. Это же просто пара здоровых переростков, у которых каждый бицепс с ляжку, а ума столько, что под наседкой найдешь больше.

— Джонсон — не ребенок,— возразил первый.— Он бывший морпех-тяжеловес, который все никак не от-

выкнет, что у него за плечами нет парашюта. Еще не напрыгался.

— Да, вероятно, они просто заблудились. Заплутать не сложно, особенно когда есть такое желание. Четыре раза я ночевал за пределами лагеря и все...

— Не нравится мне это,— твердо оборвал его Кампенфельдт.

— Ну, хорошо — тебе это не нравится. И что ж ты собираешься делать? Позвонить копам?

— Здесь нет телефона, как тебе не хуже моего известно,— отвечал Кампенфельдт.— Кто станет тянуть провода в такие дебри? — Он задумчиво вытер лоб.— Даю им время — до утра. Если они не вернутся на рассвете, я отправлю Сида на мотоцикле, чтобы сообщил лесникам. И никто не станет говорить, что я отсиживал задницу, махнув на все рукой.

— Сказал — как отрезал, Оли! — одобрил один из слушателей.— Ты приглядываешь за детьми природы, а они — за тобой.

Раздалось несколько смешков, правда, беззлобных. Через полчаса Джонсон и Грир были преданы забвению.

Полдень только-только вступил в свои права, когда в капитанскую кабину ворвались операторы слежения. Они настолько забылись, что не потрудились даже воспроизвести формы Ид-Вана. Оставаясь шарообразным и бледно-розовым, старший этой тройки выпалил, неистово жестикулируя:

— Двое ушли, капитан.

— Что значит — двое ушли? — вопросил капитан и уставился на него, как на телеграмму о собственном увольнении.

— Две динамические искры исчезли.

— Вы уверены? — Не дожидаясь ответа, Ид-Ван метнулся к приемникам.

Все оказалось правдой, жестокой правдой. Шесть шаров все еще держали крошечные огоньки. Две — оставались пусты, непричастные к процессу свечения. Пока капитан смотрел, не в силах вынести удара, погас еще один. Затем, один за другим, еще трое.

Начальник разведки вошел со словами:

— В чем дело? Что-то не так?

Медленно, почти задумчиво, Ид-Ван ответил:

— В несколько последних мгновений шесть разведчиков были окружены жизнью.— Он тяжело дышал, похоже, с трудом воспринимая очевидность пустоты шаров.— Эти приборы говорят, что они мертвы, и если это действительно так,— то они не могут сохранять прежнюю форму. Их тела автоматически перейдут в форму отцов. А вам известно, что это значит.

— Полный провал,— произнес командир разведчиков, уставясь на опустевшие шары.

Оба оставшихся огонька погасли.

— Полная боевая готовность! — завопил Ид-Ван.— Задраить люки! Прочистить дюзы! Стартуем! — Он дико оглянулся на По-Дука.— Штурман! Не мостите здесь, как эбельминт, застрявший в собственной скорлупе. Марш в кресло пилота, идиот, у нас нет времени на философствования!

Что-то пронеслось над их пропащими головами. Что-то тенью скользнуло в ближайшем иллюминаторе. Что-то продолговатое, пропорционально сложенное, но слишком уж проворное для детального осмотра. Оно улетучилось почти так же внезапно, как появилось, оставив после себя заметно отставший шум: какой-то вой с надрывом.

Раздался голос радиста:

— Источник мощного сигнала поблизости. Похоже, это их...

Дюзы корабля глухо кашлянули, зашипели, изрыгнули огонь и надсадно закашлялись вновь. Какое-то дерево занялось пламенем за периметром уже выжженной земли. Дым, поднявшийся от дерева, стал сигналом, различимым за многие мили. Ид-Ван приплясывал от нетерпения. Он ворвался на капитанский мостик.

— Стартуй, окаянный По-Дук, живо!

— Подъем нас не спасет, капитан, счетчики показывают, что...

— Смотрите! — возопил Би-Нак, указывая в последний раз...

Сквозь экран переднего обзора они смогли увидеть то, что близилось к ним: клин из семи стремительных точек. Приближавшиеся точки удлинялись, выпуская крылышки. Они беззвучно прострелили пространство над головами. Что-то черное и тяжелое посыпалось с неба, осыпая корабль и землю вокруг.

Гул авиамоторов опоздал — его заглушил рев и потрясающие взрывы авиабомб.

В своем последнем превращении ригелиане обрели форму единого облака разрозненных молекул.

Поудобнее устроившись в кресле, разъездной телерепортер загнусил:

— Не успел я сунуть нос в офис, как директор студии сцапал меня и велел без промедления мчаться сюда и дать затаившему дыхание миру честный и беспристрастный крупный план инопланетного вмешательства. На полпути меня задержали наши ВВС и на несколько часов отсекли от района боевых действий. «Что же,— спросите вы,— обнаружил я по прибытии?» — Он фыркнул — иронически и печально: — Свалку горящих бревен вокруг гигантской воронки! И — ничего более. Ни сосиски...

Вытянув свой почти бесконечный носовой платок из кармана, Кампенфельдт возил им по лбу.

— Мы здесь держимся на расстоянии протянутой руки от всего цивилизованного. У нас нет ни телефона, ни радио, ни видео. Так что я даже не знаю, о чем вы говорите.

— Похоже на то,— пустился в объяснения репортер,— что они разбросали своих шпионов ночью по окрестным паркам. Долго они не рыскали. Двадцать шагов и клэнси сцапали их.

— Че?

— Ну, значит, копы,— пояснил другой.— Мы взяли лиц первой пары по утренней телесводке. К нам поступил десяток тревожных звонков от очевидцев, опознавших Джонсона и Грира. Мы решили, что названные Джонсон и Грир были не в себе.— Тут он саркастически хмыкнул.

— Временами я о себе думаю то же самое,— признался Кампенфельдт.

— Затем, полчаса спустя, следующая станция в цепочке, бесцеремонно нарушив авторские права, также продемонстрировала Джонсона и Грира. Следующие сенсации доходили через каждые десять минут. К десяти часам появилось уже четыре пары наших героев дня, и все были схвачены в похожих обстоятельствах — они засветились в общественных парках. Создалось такое впечатление, будто весь окосевший мир вознамерился стать Джонсоном или на худой конец Гриром.

— Но только не я,— заартачился Кампенфельдт.— И никто из наших. Ни за какие коврижки.

— Ценность новостей об этом происшествии, естественно, возрастала с каждой минутой. Придя к соглашению, станции включили всю восьмерку в утренний рекламный блок. Единственной нашей мыслью было попридержать что-то напоследок. Чины военной разведки в Вашингтоне увидели трансляцию, надавили на местных копов, сложили два и два и получили, как говорится, четыре — если не сказать — восемь.

— И потом?

— Они очень серьезно заинтересовались всеми этими Джонсонами и Гримами. Они дали им то, что некоторые называют, посмеиваясь в кулак, обхождением. Ну, те отвечали, как полагается, только ничего из сказанного смысла не имело. Один из гостей предпринял попытку к бегству, естественно, неудачную, поскольку был сражен на самом старте. Он так и оставался Джонсоном, когда шмякнулся оземь, но уже через минуту его тело превратилось в нечто несусветное. Вы бы видели — у вас бы желудок вывернуло.

— В таком случае, отказываюсь от подробностей,— поспешил заверить его Кампенфельдт, оглаживая свое брюхо.

— Вот тут-то у всех глаза и раскрылись. То, что никак не может принадлежать этому миру, ясное дело, должно явиться из какого-нибудь другого. Власти обошлись очень круто с оставшимися семерыми, которые держали себя в руках, пока не поняли, что их раскололи. После

чего они тотчас же предпочли смерть бесчестию, оставив нам восемь порций студня и никаких комментариев.

— Фу ты! — вырвалось у Кампенфельдта.

— Наш единственный ключ лежал в Джонсоне и Грире. Раз уж эти существа копировали всамделишных людей, оставалось только отыскать следы по наводкам очевидцев. Тут как раз вмешались лесные братья, рассказали про ваше сообщение об исчезновении.

— Да, это я передал,— скромно подтвердил Кампенфельдт.— И скажу, положа руку на сердце, знай бы я, куда ушли эти двое, то сам бы заблудился, но искал, не переставая.

— Ну а потом прибыли ВВС. Им было приказано лишь провести осмотр. Если уж корабль был обнаружен внизу, значит, там ему и полагалось стоять — до прибытия корреспондентов. Но вы же знаете этих парней из ВВС — у них вечно руки чешутся. Они, как всегда, перестарались и не оставили ни вот такусенького кусочка металла,— обозреватель продемонстрировал свой мизинец.— И что теперь показывать в очередной сводке теленовостей? Воронку и обгорелые пни?

— Все не так уж и плохо,— заметил Кампенфельдт.— Кому по душе смотреть штуки, которые лезут к вам в постель, норовя обернуться дядюшкой Вилли? С такими тварями и вовсе не разберешь, кто есть кто вокруг тебя.

— Такого вам бы не захотелось! — Репортер ностальгически поразмышлял с минуту и продолжил: — Но симуляция, однако, была совершенной. Если бы не один досадный промах... Конечно, голых разведчиков нельзя было не заметить! — Он почесал затылок и задумчиво посмотрел на остальных.— Просто поразительно, как угораздило их выбрать местом высадки именно нудистский лагерь?

— Центр солнечного оздоровления,— гордо поправил его Кампенфельдт, отирая лоб.

И Я ВПОЛЗУ В ТВОЙ ШАТЕР...

Морфад сидел в каюте и хмуро созерцал переборку. Он был серьезно встревожен и не мог этого скрыть. Сложившаяся ситуация огорчала, как грандиозная крысоловка. Выбраться из нее можно было лишь при помощи прочих крыс.

Прочие, однако, не собирались даже пальцем пошевелить ради собственного спасения. В этом он был абсолютно уверен. Да и как убедить остальных избежать катастрофы, не имея возможности объяснить, что они уже увязли по самую шею?

Крыса мечется в капкане лишь потому, что испуганно осознает его существование. А пока остается в счастливом неведении насчет неволи, капкана как бы и нет. В этом удивительном мире орда высокоразумных инопланетян не производила ничего на протяжении всей своей истории. Пяти десяткам скептически настроенных альтаирян предстояло избежать ловушки, в которую попали четыре тысячи миллионов землян.

Он так и не тронулся с места, предаваясь скорбным размышлениям, когда вошел Харака с сообщением:

— Выступаем с рассветом.

Морфад не ответил.

— Жаль, конечно, покидать такое место,— добавил Харака, решив, что на сей раз может поболтать вволю. Капитан корабля был крупным, породистым экземпляром альтаирянской фауны. Потирая гибкие пальцы, он продолжал: — Нам необыкновенно повезло открыть эту

планету, повезло просто умопомрачительно. Мы обрели кровных братьев по разуму, их жизненные формы соответствуют нашим стандартам, они, как и мы, способны к пространственным перемещениям, дружелюбны и готовы к сотрудничеству.

Морфад не отвечал.

— Мы получили самый сердечный прием,— с энтузиазмом продолжал Харака.— Наш народ был чрезвычайно тронут. Великая будущность распахнута перед нами — в этом нет сомнений. Землянско-альтаирянский союз станет непобедим. Совместными усилиями мы сможем покорить всю галактику.

Морфад не отвечал.

Остывая, Харака окинул его неодобрительным взором:

— Что стряслось с тобой, каменнолицый брат мой?

— Радость не переполняет меня.

— Всякий бы сказал то же самое, взглянув на твой лик. Он хранит выражение необычайно кислого шамшсида — на старом высохшем кусте. И это в пору столь небывалого цветения и триумфа! Ты чем-то болен?

— Нет.— Медленно повернувшись, Морфад встретил его взглядом в упор.— Ты веришь в пси-способности?

Харака был застигнут врасплох:

— Ну, даже не знаю... Ведь меня, капитана, готовили на инженера-навигатора, и потому я не претендую на звание эксперта в области парапсихологии. Ты спрашиваешь меня о том, в чем я не компетентен. А что скажешь ты? Ты-то веришь в них?

— Сейчас — верю.

— Сейчас? А почему — сейчас?

— Вера утвердилась во мне.— Морфад колебался в нерешительности.— У меня открылся дар телепатии.

С недоверием осмотрев его, Харака наконец произнес:

— Ты — обнаружил? Ты хочешь сказать, это случилось недавно?

— Да.

— И когда же?

— С тех пор как мы прибыли на Землю.

— Я в этом ничего не смыслю,— смущенно признался Харака, сбитый с толку.— Уж не хочешь ли ты сказать, что какие-то особенные условия здешнего существования дали тебе возможность читать мои мысли?

— Нет, твоих мыслей я не читаю.

— Если мне не изменяет память, ты только что говорил, что стал телепатом.

— Так оно и есть. Я могу слышать мысли так же отчетливо, как и слова, произносимые вслух. Но — за исключением твоих мыслей — и мыслей прочих членов экипажа.

Харака наклонился, весь — внимание.

— Ах, так значит, ты читаешь мысли землян? И что ж ты там услышал, отчего на тебе лица нет? Морфад, не томи — я ведь все-таки твой капитан, твой командор! Твоя первейшая и священная обязанность — доносить мне обо всем подозрительном, что ты можешь узнать о землянах.— Выждав, он добавил, с заметно возросшим нетерпением: — Ну, давай же, не тяни!

— Об этих гуманоидах я знаю не больше вашего, капитан,— начал Морфад.— Все говорит, что они в самом деле искренни, но мне неведома природа их мыслей.

— Но, именем звезд, Морфад, не хочешь же ты сказать...

— Мы общаемся,— не дал ему договорить Морфад.— Но что бы я там ни подслушал, что бы ни пропустил мимо ушей — мысли землян будут зависеть лишь оттого, что они в них вкладывают.

— Не канителься,— торопил Харака, уже утомленный всей этой словесной игрой.— И какие же конкретно мысли ты успел прочитать?

Собравшись с духом, Морфад выпалил:

— Мысли земных собак.

— Собак? — Харака откинулся и ошарашенно уставился на него.— Собак? Ты это серьезно?

— Серьезнее не бывает. Я слышу собак — только их и больше никого. И не спрашивайте меня, почему — я все равно не смогу ответить, потому что — не знаю. Каприз природы.

— Так, значит, ты читаешь их мысли со времени нашего прибытия на планету?

— Да.

— И что же ты успел услышать?

— Предо мною метали жемчужины инопланетной мудрости,— объявил Морфад.— И чем больше я вникал в их содержание, тем в больший ужас приходил.

— А ну-ка, напугай и меня парочкой жемчужин,— попросил Харака, пряча улыбку.

— Цитирую: «Наивысший критерий разумности — способность жить в соответствии со своими желаниями, не работая»,— вспомнил Морфад.— Цитирую: «Искусство возмездия — в том, чтобы скрыть его от любого подозрения». Цитирую: «Самое отточенное, самое утонченное, самое эффективное оружие во всем космосе — то лесть».

— Хм?

— Цитирую: «Всякое разумное существо рано или поздно начинает видеть в себе бога. Обращайся с ним как с богом, и оно станет добровольным рабом».

— О, нет,— отверг последнее Харака.

— О, да,— настаивал Морфад. Он пренебрежительно махнул рукой в сторону иллюминатора, где светился пейзаж гостеприимной планеты.— Вот оно, место, где живут целых три, а то и все четыре миллиона божков, за которыми носятся с высунутым языком, которым прислуживают, на которых взирают преданно и самозабвенно. Ведь боги благосклонны к тем, кто обожает их! — Он цокнул языком.— Любовники знают это — и поэтому любовь достается дешево.

— У тебя явно не в порядке с головой,— озабоченно произнес Харака.

— Цитирую: «Для того чтобы успешно править мыслящим существом, его следует оставлять в счастливом неведении о происходящем»,— и снова цокнул языком.— Разве это — безумие? Не думаю. Тут есть определенный смысл. Это работает.

— Но...

— Взгляни сюда.— Он бросил что-то на колени сидящему Хараке.— Что это, по-вашему?

— То, что земные жители называют бисквитом, крекером.

— Совершенно верно. Так вот, чтобы изготовить такую простую вещь, некоторые земляне, невзирая на

погоду, в дождь, ветер и зной возделывают поля, засеивают их пшеницей, собирают урожай машинами, которые в поте лица изготавливают другие земляне. Затем они развозят зерно, укладывают его в специальные хранилища, подвергают размолу, обогащают муку с помощью различных процессов, выпекают, запаковывают и развозят по всему миру. Короче, если гуманоиду с Земли приспичит съесть крекер, это обернется его землякам в массу затраченных человеко-часов.

— Так и?..

— Когда гобы, земные собаки, хотят взять кого-нибудь в услужение, они становятся на задние лапы, сучат передними и восхищаются избранником как богом. Вот и все. Этого вполне достаточно.

— Но, комета побери, собака же — существо неразумное!

— Так нам кажется,— сухо откликнулся Морфад.

— Они по-настоящему и не могут ничего с д е л а т ь.

— Это смотря что считать н а с т о я щ и м.

— У них же нет ни пальцев, ни рук.

— А им этого и не надо — достаточно одной головы.

— Значит, так — смотри,— заявил Харака, явно задетый за живое.— Мы, альтаиряне, изобрели и построили корабли, способные странствовать в межзвездных пространствах. Того же достигли и земляне. Собаки же землян не сделали этого и не смогут в ближайший миллион лет. Когда хоть одна собака наберется ума и способностей достичь другой планеты, я съем свою шляпу.

— Можешь приступать к еде,— обронил Морфад.— У нас как раз две собаки на борту.

Харака позволил себе презрительный смешок.

— Этих мы получили от землян на долгую память.

— Конечно, они нам дали — но по чьему повелению?

— Это было... проявление доброй воли.

— Да ну?

— Неужели тебе взбрело в голову, что это собаки внушили им? — нахмурился Харака.

— Я в курсе,— парировал Морфад с хмурым видом.— И ведь они не дали нам пару самцов или пару самок, нет, разрази меня гамма-излучение! Самца — и

самку. Кобеля и сучку они, видите ли, преподнесли нам в дар. Щедрые дарители сказали, что мы сможем их разводить. Таким образом, в самом скором времени наши миры осветит неумирающая любовь лучшего друга человека.

— Чушь! — воскликнул Харака.

Морфад продолжал:

— Ты одержим старой, вышедшей в тираж идеей о том, что завоевание идет путем агрессии. Неужели тебе непонятно, что совершенно чужеродная, инопланетная нам раса естественным образом использует совершенно чуждые, инопланетные методы? Собаки пользуются своей тактикой, совсем не нашей. Они не станут брать над нами верх с помощью кораблей, пушек и оглушительного «ура!». Такова их натура — вкрасться в доверие, вползти на брюхе с глазами, в которых светятся расчетливый героизм и способность к самопожертвованию. И ежели мы не остережемся, то скоро окажемся целиком во власти пресмыкающихся подхалимов.

— Я нашел-таки слово, определяющее твое психическое состояние,— огорченно произнес Харака.— Это называется кинофобия, то бишь собакобоязнь.

— Вызванная вполне обоснованными причинами.

— Фантастическими.

— Вчера я заглянул в собачью лавку. Кто же делает все эти шампуни, ванночки, дезодоранты, присыпки и притирки? Другие собаки? Если бы! Земные женщины нянчатся с собачками днями напролет. Как тебе такая фантазия?

— Данный факт вполне можно списать на некоторую эксцентричность землян. Больше ничего за этим не стоит. К тому же и нам не чужды некоторые странности.

— Тут ты прав на все сто,— согласился Морфад.— И за тобой я заметил одну такую... странность. Как, впрочем, и вся остальная команда.

Глаза Хараки сузились.

— Что ж, ты можешь назвать ее. Я не боюсь взглянуть на себя со стороны.

— Хорошо. Смотри, сам захотел... Ты слишком много уделяешь внимания Кашиму. Твой слух всегда отдан

ему. Ты слушаешь его тогда, когда не хочешь слушать никого.— И все, что он говорит,— средоточие истинной мудрости — для тебя.

— Э-э, так ты завидуешь Кашиму?

— Ничуть,— заверил его Морфад, пренебрежительно отмахнувшись.— Я презираю его по тем же причинам, что и любой другой член экипажа. Он профессиональный лизоблюд. Большую часть своего времени он прислуживается, льстит, потворствует твоему самолюбию. Он — прирожденный подхалим, научивший тебя обращению с псами Земли. Его лесть для тебя как наркотик. Вот как обстоит дело, и не говори мне, что это не так, потому что все наши знают, что это именно так.

— Я не так глуп, как тебе кажется, и уже дал понять Кашиму его место. Он не властен надо мной.

— От трех до четырех тысяч миллионов землян содержат четыреста миллионов собак, знающих свое место, и также убеждены, что собака у них и пикнуть не может безнаказанно.

— Не верю.

— Еще бы ты верил. Но слабо надеюсь, что это когда-нибудь произойдет. Раз Морфад говорит тебе такие вещи — значит, он или безумен, или лжец. Но если Кашим, который стелется у подножия твоего трона, забросит удочку, ты проглотишь его крючок вместе с леской и грузилом. У Кашима — ум земного пса и та же логика, понимаешь?

— Неверие мое имеет более солидное основание, чем все, сказанное тобою.

— Например? — поинтересовался Морфад.

— Некоторые земляне — телепаты. Поэтому имей этот миф об изощренном владычестве собак место в действительности, они давно узнали бы обо всем. И ни одного пса не уцелело бы в здешнем мире.— Харака сделал паузу и выразительно закончил: — Но они же об этом ведать не ведают!

— Телепаты земли могут прослушивать мысли себе подобных, но не собачьи. Я же слышу только мысли собак, и — никаких других. Почему — не знаю, но это именно так.

— Мне все это представляется полной чепухой.

— Так и должно быть. Оттого-то мне сейчас всего дороже тот, у кого остался слух в мире глухом, как камень.

Харака поразмыслил и произнес немного погодя:

— Предположим, я готов внять тебе — и что, по-твоему, мне делать с этим дальше?

— Отказаться от собак,— выпалил Морфад.

— Легко сказать. Добрые отношения с землянами жизненно важны для нас. Как я могу отвергнуть дар от чистого сердца, не оскорбив при этом дарителей?

— Прекрасно. Не отвергай подарка. Измени его условия. Попроси двух самцов — или самок. Смягчи ситуацию цитатой из альтаирянского закона, запрещающего ввоз инопланетных животных, способных к естественному размножению.

— Я не могу этого сделать. Слишком далеко все зашло. Мы уже приняли животных и выразили свою благодарность. Более того, способность к размножению является существенной частью дара, она отвечает чаяниям дарителей. В наше распоряжение предоставили новый вид — расу собак.

— Ты это сказал! — заключил Морфад.

— По вполне понятным причинам, мы не сможем удержать их от размножения, когда прибудем домой на родную нашу планету. Теперь нам с землянами предстоит нанести друг другу массу визитов. Как только они выяснят, что наши собаки дали слабину в темпах размножения, они тут же расчувствуются и всучат нам еще дюжину для подкрепления генофонда. А то и сотню — с них станется. Так что нам придется еще солонее.

— Ладно,— Морфад пожал плечами, устало соглашаясь.— Значит, мы вообще можем сдаться без боя. Просто станем еще одним королевством собак. Еще раз процитирую: «Для успешного правления требуется счастливое неведение рабов».— Он одарил Хараку кислым взором.— Будь выбор за мной, я бы дождался выхода в открытое пространство и там сделал этой собачьей парочке маленький «вперед» с наилучшими пожеланиями, выбрасывая из ближайшего воздушного шлюза.

Харака цинично ухмыльнулся, словно поздний жилец в ответ на заученную присказку пьяного дворника:

— И твой поступок стал бы основным доказательством того, что ты находишься в плену иллюзий.

Испустив глубокий вздох, Морфад спросил:

— Это почему?

— Ты собрался вышвырнуть в открытый космос двух первых членов расы господ. Ничего себе узурпация! — Харака вновь ухмыльнулся.— Слушай, Морфад, а ведь, согласно твоей теории, ты знаешь нечто, никому не известное — то, о чем никто даже не догадывался. Короче, ты единственный носитель этого исключительного знания. Да ведь одно это делает тебя могущественным врагом целой расы собак. Они не позволят тебе задержаться на этом свете и перечить их воле или просто проговориться об их планах. Скоро ты будешь мертвее стартовой ракеты.— Он подошел к люку и распахнул его с прощальным салютом.— Хотя, на мой взгляд, по виду не скажешь, что ты собрался к праотцам.

В закрывающуюся дверь Морфад успел выкрикнуть:

— Это еще большой вопрос: слышат ли они меня, как я — их? Я сильно сомневаюсь на этот счет, потому как это просто странный каприз при...

Замок защелкнулся. Он сумрачно посмотрел на люк, раз двадцать прошелся взад-вперед по каюте, наконец, вновь подгреб кресло, в котором сидел во время разговора, и молча опустился в него, скрипя мозгами в поисках выхода. Как уберечься от самого отточенного, самого утонченного, самого эффективного оружия во всем космосе — лести?

Да, он искал способ, как совладать с четвероногими воинами, невероятно искусными в использовании этого самого отточенного из орудий Творения. Профессиональные подхалимы, лизоблюды, угодники, подмастерья у мехов самолюбия, выдрессированные почти до совершенства вековым естественным отбором в искусстве, против которого не видится никакого эффективного средства обороны.

Как отбить грядущую атаку? Как сдержать эту орду, чем противостоять?

«Да, мое Божество!»

«Конечно, мое Божество!»

«Все, что пожелаешь, мое Божество!»

Как защищаться от столь коварной техники, каким карантином или...

Во имя звезд! Вот оно! Именно — карантин! На Пладамине, отработанной планете, забытой и непотребной,— там они смогут размножаться, сколько заблагорассудится, льстить направо и налево и повелевать растениями и насекомыми. И утешительный ответ всегда наготове для любого земного туриста-проныры.

«Собаки-то? Ну, конечно, плодятся, что с ними станется? Такие проворные — прямо страсть. Мы им и мирок выделили. Прекрасное место! Называется Пладамин. Если желаете посетить, организуем с нашим превеликим...»

Просто чудесная идея. Разрешение всех проблем, не оставляющее тяжелого осадка в чувствах дружественных землян. Сослужит службу в будущем и на веки вечные. Однажды выброшенные на Пладамин, собаки при всем своем коварстве уже никогда не смогут перешагнуть его границ. Что же касается туристов с Земли, которые станут и впредь подсовывать четвероногих, то можно будет ненавязчиво убедить их оставлять свои подарки в собачьем раю, специально устроенном Альтаиром для этих милых животных. Там-то собачки обнаружат себя неспособными заправлять никем, кроме своих сородичей. Там они за милую душу смогут паразитировать друг на друге, а если не по нутру — ничего, стерпят.

Бесполезно излагать столь удачный план Хараке — само собой, он отнесется к нему предвзято. Придется подождать до возвращения домой, чтобы на месте изложить властям. Даже если им будет трудно поверить его истории, они все же предпримут необходимые меры предосторожности, ибо лучше семь раз проверить, прежде чем один раз отрезать. Да, они сыграют наверняка и предоставят Пладамин собакам. Сидя в кресле пилота, он взглянул на экран наблюдения. Далеко внизу многолюдное сборище землян ожидало торжественного момента отбытия космических гостей. Поодаль,

за толпой, он заметил крошечного, ухоженного до карикатурности пса, который волок землянку на другом конце тонкой легкой цепочки. Бедная девчушка шла, куда потянет ее собака,— и все же чувствовала себя, наивная, хозяйкой положения.

Отыскав свою стереокамеру, Морфад пощелкал переключателями, убеждаясь в исправности, и, пригнувшись, вылез в коридор к распахнутому люку воздушного шлюза. Самое время запечатлеть внушительную толпу провожающих. У самого выхода он с камерой в руке запнулся обо что-то четвероногое и короткохвостое, оно так внезапно сунулось между ног. Он выпал из люка, не выпуская камеры, и устремился к земле сквозь свист ветра в ушах и пронзительные женские крики провожающей публики.

— Похороны задержат нас дня на два,— с официальной печалью в голосе произнес Харака и после небольшой траурной паузы добавил: — Скорблю о друге. Блестящий ум, он был достоин лучшей участи, если бы не помрачение перед самым наступлением конца. Отрадно, однако, что нашу экспедицию постигла лишь одна роковая утрата.

— Могло случиться хуже, сэр,— подобострастно отозвался Кашим.— На его месте могли оказаться вы. Благодарение небесам, что этого не произошло.

— Да это вполне мог быть я,— Харака посмотрел на него заинтересованно.— И что, Кашим, тебя это огорчило бы?

— Еще как, сэр. Не думаю, что кто-либо другой на борту корабля мог бы почувствовать эту потерю столь глубоко. Мое уважение и восхищение вами таковы, что...

Он осекся, когда заметил: кто-то прокрался в рубку, положил голову на колени Хараке и задушевно-доверчиво уставился на капитана. Кашим досадливо нахмурился.

— Хоро-оший мальчик! — похвалил Харака, почесывая уши незваного гостя.

— Уважение и восхищение,— повторил Кашим, повысив голос,— таковы, что...

— Хо-роший мальчик! — вновь произнес Харака. Он ласково потрепал одно ухо, затем другое, не сводя умиротворенного взгляда с трепыхавшегося от удовольствия обрубка.

— Как я уже докладывал, сэр, мое уважение...

— Хороший мальчик! — Глухой ко всему прочему, Харака скользнул ладонью вниз и принялся скрести собачий подбородок.

Кашим одарил Хорошего Мальчика взглядом, в котором содержалась хорошо сконцентрированная ненависть. Пес с очевидным равнодушием покосился в ответ коричневым глазом. С этого момента участь Кашима была решена.

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Выскользнув дугой из золотистого неба, корабль приземлился ухарски, с шумом и грохотом, смяв добрую милю буйной окружающей растительности. Еще с полмили инопланетной флоры превратилось в пепел под последним выхлопом дюз. Прибытие было зрелищное, с огоньком,— словом, достойное нескольких колонок в любой земной газете. Однако ближайшее печатное издание находилось на расстоянии большего отрезка времени, отпущенного человеку на жизнь, и под рукой не оказалось ни одного встречающего, чтобы в столь удаленном уголке космоса осветить хотя бы самую крошечную из сенсаций. Так что корабль просто устало плюхнулся и замер — небо просияло, и весь растительный мир по сторонам торжественно замер, точно гвардеец в зеленом мундире.

Сквозь прозрачный купол обзора Стив Андер сидел и обдумывал ситуацию с самого начала. Это у него вошло в привычку — старательно все продумывать взад и наперед. Астронавты вовсе не отчаянные сорвиголовы, какими их привыкла воображать падкая на стереоэффекты публика широкоформатных кинотеатров. Они просто не могут позволить себе быть сорвиголовами. Опасная профессия требует осторожного и тщательного обдумывания каждой детали. Пять минут работы головой за время истории космонавтики сберегли немало легких, сердец и костей. Стив дорожил своим скелетом. Правду говоря, он не то чтобы особенно гор-

дился им, считая, что является обладателем какого-то особенного, незаурядного скелета. Однако уже свыкся с ним: скелет его устраивал вполне, как старый хорошо подогнанный скафандр,— так что Стив даже не мог вообразить ни себя без него, ни наоборот.

Потому-то, пока с привычным скрежетом остывающего металла остывали хвостовые дюзы, он откинулся в кресле пилота и непроницаемым взором, в котором читалась разве что глубокая внутренняя работа, уставился сквозь купол — обдумывал несколько вполне глобальных мыслей.

Во-первых, во время своей лихорадочной посадки он уже на глазок проделал предварительную оценку мира. Насколько мог судить Стив, эта планета раз в десять превосходила размерами Землю. И все же собственный вес сейчас, при таком раскладе вещей, не казался ему особо значительным. Хотя, конечно, любые впечатления о весе несколько диковаты, когда в полном обалдении месяцами чувствуешь его то в пятках, а то ходишь, точно приподнятый за ухо школьник, а в промежутках — вообще паришь в невесомости, когда невозможно передвигаться по-человечески. И это — не считая сомнительного удовольствия шлепать магнитами по обшивке корабля, увлекающего тебя в необъятную бездну космоса. Уверенную оценку дают лишь мышечные ощущения. Если чувствуешь себя, точно сатурнианский ленивец,— твой вес дал маху вверх. Если же ощущаешь себя суперменом, быком Ангуса Маккитрика — значит, тебя можно взвешивать на аптекарских весах, не опасаясь за их сохранность.

Нормальный вес и ощущение привычной земной массы вопреки десятикратному превышению размеров планеты означают легкую плазму. А значит — нехватку тяжелых элементов в ее коре. Отсутствие тория. Полное отсутствие никеля. А уж никелиево-ториумные сплавы для этой планеты — недосягаемая роскошь. Стало быть, учитывая все,— у него нет никаких шансов вернуться к земле, семье, привычному весу.

Кингстон-Кейновские ядерные двигатели требуют топлива в виде никелево-ториевой проволоки десятого калибра, вводимой в испарители. Денатурированный

плутоний мог бы ох как помочь делу, но он, мерзавец этакий, не встречается в чистой форме и должен синтезироваться. Правда, у него еще оставалось сорок пять с половиной дюймов никелево-ториевой проволоки на запасной энергобобине. Недостаточно. Похоже, он здесь застрянет надолго.

Замечательная штука — логика. Можно начать с простейшей посылки: что, если ты, например, сидишь, а в спину давит не больше, чем обычно? Тогда доходишь своим умом до неизбежного вывода, что твой путь космического скитальца уперся в тупик. Ты становишься местным жителем. Аборигеном. Отныне судьба определила тебе статус старейшего жителя планеты.

Стив скривился и изрек:

— Проклятие!

В данных условиях это был достаточно слабый комментарий, но какой смысл подыскивать слова, более подходящие обстановке?

Что касается его лица, то с ним дела обстояли не уж так плохо. Природа дала этой физиономии хороший старт. Хотя, надо признать, привлекательностью оно не отличалось. Это было вытянутое, худое лицо с орехового цвета бровями, с развитыми желваками, выдающимися скулами и тонким, чуть изогнутым орлиным носом. Все это, учитывая темные глаза и черные волосы, наводило на определенные мысли. Друзья, например, заговаривали с ним о вигвамах и томагавках всякий раз, когда хотели, чтобы он почувствовал себя как дома.

Абориген... И тем не менее он вовсе не собирался чувствовать себя здесь как дома. Эти иномирные джунгли не содержали настолько разумную жизнь, чтобы обменять сотню ярдов никелево-ториевой проволоки на пару ношеных ботинок. Вряд ли у какой-нибудь ленивой поисковой партии с Земли хватит ума вычислить эту космическую пылинку в облаках ей подобных и забрать его, страждущего, домой. Он оценивал такой шанс как один на бессчетные миллионы, шанс был настолько невероятным, что смело граничил с невозможным.

Потянувшись за пером, Стив Андерс открыл бортовой журнал и стал просматривать последние записи.

«Восемнадцатые сутки: пространственный катаклизм вышвырнул судно из зоны Ригеля[1]. Заброшен в неотмеченный на карте сектор.

Двадцать четвертые сутки: ушел на семь парсеков. Записывающий робот вышел из строя. Вектор полета неизменен.

Двадцать девятые сутки: вышел за пределы катаклизмального вихря и восстановил контроль над управлением. Скорость неизвестна — зашкаливает астрометр. Использовал тормозные дюзы. Резерв топлива: тысяча четыреста ярдов.

Тридцать седьмые сутки: приближаюсь к планетарной системе в пределах досягаемости».

Хмурясь, он поиграл желваками и медленно и разборчиво внес новую запись: «Сорок пятые сутки: приземлился на неизвестной, неоткрытой планете, координаты и сектор не определены. Никаких космических формаций после посадки не идентифицировано. Путь перемещения не записан и оценке не поддается. Состояние корабля: рабочее. Запас топлива: сорок пять с половиной дюймов».

Он закрыл журнал и вновь сдвинул брови, втиснул перо в держатель на пульте управления и пробормотал:

— Теперь выйдем на свежий воздух и посмотрим, вольно ли тут дышится.

Регистратор Радсона имел три шкалы. Первая указывала внешнее давление, эти показания он прочитал с удовлетворением. Второй указывал, что содержание кислорода высоко. Третий вообще имел двухцветную шкалу, наполовину белую, наполовину красную, и стрелка стояла в самой середине белого поля.

— Дышать можно,— изрек космонавт, закрывая металлическое веко регистратора. На другом конце рубки он сдвинул в сторону металлическую панель и заглянул в обитое войлоком отделение багажника.

— Ну что, выходим, Прекрасная? — спросил он.

— Стив любит Лауру? — донесся оттуда жалобный голос.

---

[1] Звезда в созвездии Ориона. *(Примеч. пер.)*

— Вопрос!..— пылко отвечал он. Стив сунул руку в багажное отделение и извлек из его глубин цветастого попугая макао.

— А Лаура любит Стива?

— Я не пр-родажная! — прокричала Лаура.— Не пр-родажная я!

Цепляясь клювом, птица вскарабкалась по его рукаву и забралась на плечо космонавта. Стив почувствовал уверенную тяжесть птицы и дружеское пожатие ее сильных когтей. Она посмотрела на него блестящими бусинками глаз, затем потерлась ярко-алой головкой о его левое ухо.

— Вр-ремя летит,— произнес попугай и издал хриплый гогот.

— Теперь это не имеет значения,— буркнул в ответ Стив.— Теперь времени у нас вагон и маленькая тележка. Так что не напирай.

Подняв руку, он погладил голову Лауры, пока она с бессмысленным восторгом вытягивалась и кланялась. Он обожал Лауру. Она была для него больше чем просто питомцем, призванным скрасить долгое томительное одиночество космонавта, и стала настоящим членом экипажа, поставленным на особое довольствие, исполняющим свои установленные обязанности. Экипаж каждого разведкорабля был обязательно укомплектован парой — человек и попугай. Впервые услышав о такой традиции, Стив поначалу счел ее экстравагантной, однако вскоре убедился, что подобный порядок вещей не лишен смысла.

«В одиночестве человек, заброшенный за пределы карт мироздания, пускаясь в свободный полет, сталкивается со странными психологическими проблемами и утрачивает все связи с родной планетой. Присутствие на борту макао создает необходимое содружество двух земных существ — и даже более того. Попугай — самое закаленное и устойчивое к пространственным перемещениям существо, какое только можно сыскать на земле, учитывая его незначительный вес и способность к осмысленной речи. К тому же макао на удивление долго может заботиться о себе и отличается занимательным поведением. На земле эта птица чувствует опасность задолго до того,

как ее успеет распознать человек. Любой странный плод или злак она может попробовать, прежде чем к нему прикоснется космонавт, и становится, таким образом, истинным церемониймейстером человеческого стола, испытывая всякий плод и злак, который предстоит вкусить хозяину. Множество жизней было спасено этим человеколюбивым попугаем. Береги своего попугая, парень,— и он еще не раз сбережет тебя».

Да, они старательно присматривали друг за другом, эти два землянина. Это было нечто вроде космического симбиоза. До наступления эры дальнобойной астронавигации никому и в голову не приходил подобный союз, хотя похожие вещи случались и на Земле — и под нею. Шахтеры со своими канарейками были тому примером.

Продвигаясь к узкому люку воздушного шлюза, он не стал возиться с насосами: не было смысла при такой незначительной разнице в перепаде давления. Он открыл оба люка нараспашку и почувствовал лишь легкий поощрительный толчок в спину со стороны внутренней атмосферы корабля. Встав на порожек люка, Стив спрыгнул. При приземлении Лаура вспорхнула и последовала за ним, возбужденно трепеща крыльями и временами вонзая острые коготки в плечо.

Дружная парочка в полном молчании совершила обход корабля, оценивая его состояние. Передние тормозные в порядке, задние ускорители ничего, хвостовые стартовые дышат. Состояние в целом оставляет желать лучшего, но в трудный момент техника не подведет. Обшивка корабля заслужила такой же оценки, и можно только похвалить ее за прочность и отсутствие серьезных вмятин. Теоретически трех или четырехмесячный запас пищи и какая-нибудь тысчонка ярдов проволоки могли бы стать путеводной нитью домой. Но — только теоретически. Стив не питал никаких иллюзий. Все складывалось как нельзя хуже, даже если бы он и обрел средства к передвижению. Как править Бог знает откуда и Бог знает куда? Ответ: ты погладил кроличий хвост и надежду на лучшее. А без надежды нет ничего, ничего того... что... ну и так далее...

— Что ж,— сказал он, закончив осмотр хвостовой части и очутившись там же, откуда отправился.— Это не

мир, в котором мы живем, но все же мир, в котором жить можно. Корабль уцелел, и поэтому с жилищным строительством проблем не будет. Хижины отменяются: да здравствует дворец без ядерного топлива! За билет домой заломят неслыханную цену в каком-нибудь выплетенном из проволоки металлическом бунгало или дикарском шалаше. Так что считаю: нам даже повезло. Здесь разобью я садик, там — парк с каменными горками, а вон там, сзади, устрою бассейн. А ты можешь надеть какое-нибудь легкое платьице и хлопотать насчет кухни.

— Кто, я? — взвизгнула Лаура, не веря ушам своим.— Ур-ра!

Оборотясь, он окинул взором окрестную растительность. Она имела все возможные формы и размеры, все оттенки зеленого с уклоном в голубое. Что-то было особенное, непривычное во всей этой растительности, но он никак не мог определить: в чем же заключалась эта непривычность? Не то чтобы она казалась какой-то чужеродной и незнакомой, такая попадалась ему в каждом новооткрытом мире. Тут же была подспудная, подчеркнутая странность, таившаяся во всем. Растения хранили некий смутный, туманный дух, определить который не получалось.

Какое-то крохотное растеньице росло прямо у его ног, доходя почти до колена, зеленое и односемядольное. Смотрелось оно при этом совершенно естественно, как вещь в себе, и ничего странного на вид не имело. Поблизости процветал еще один куст в ярд высотой — более темных оттенков, с зелеными, как у пихты, иголками, то бишь листьями, и бледными, воскового оттенка ягодами, разбросанными поверху. Оно тоже смотрелось вполне невинно под пристальным взглядом космонавта. Рядом с ним произрастало еще одно чудо, отличное от первого лишь тем, что его иголки были длиннее, а ягоды — чуть розоватыми. За ними высилось нечто вроде кактуса, сбежавшего из кошмара пьяного ефрейтора, а поблизости красовался какой-то зонтик, пустивший корни в землю и выбросивший на свет маленькие бордовые бутоны. Если их рассматривать по отдельности, то все они вполне приемлемы. Собранные же, приводили пытливый ум в смятение. И Стив никак не мог определить, в чем тут

дело. Странная особенность местной фауны озадачила. Определенно, на этой планете впереди мог поджидать еще не один сюрприз. Поэтому он не стал особо ломать голову. Еще успеет узнать подробности. Сейчас же предстояло выяснить для начала ближайший источник воды. Во время спуска примерно в миле пути он успел разглядеть озеро, содержавшее некую жидкость, которая вполне могла бы содержать H_2O. Идя на посадку, Стив заприметил серебристое сверкание и постарался сесть поближе к берегам. Если вода окажется не питьевой — что ж, выходит, не повезло. Перед тем как поставить корабль на вечную стоянку, он мог испытать последний шанс: топлива хватило бы еще на один орбитальный облет планеты. Вода ему была нужна позарез, раз он не собирался закончить свои дни в бессмысленном подражании мумии Рамзеса Второго.

Потянувшись ввысь, он схватился за край люка, ловко подтянулся и привычно проник в обжитое помещение. Пару минут шарился по кораблю, затем вернулся к выходу с четырехгалонной канистрой-охладителем, которую тут же сбросил на землю. Затем извлек свое духовое ружье, патронташ с разрывными зарядами и сбросил веревочную лестницу. Лестница понадобится. Он мог проделывать гимнастические трюки, чтобы запрыгнуть в дыру в семи футах от земли, но не с пятьюдесятью же фунтами припасов и питьевой воды за плечами.

В завершение он запер оба люка: внутренний и внешний, лихо спрыгнул с лестницы и подобрал канистру. При посадке он наметил направление: озеро должно было находиться как раз за деревьями. Лаура вновь ободрила его цепким пожатием коготков, когда он пустился в путь. Канистра качалась в его левой руке, правая держала ружье наготове. Стив держал его перпендикулярно, а не горизонтально земле, однако палец оставался на спусковом крючке: не хотелось терять чувствительность руки, очень важной в его небогатом арсенале защиты.

Поход выдался, надо сказать, не из легких. И не в том беда, что местность была в основном скалистой да каменистой, а в том, что любая тяжесть, взятая в дорогу, подчиняется скверному закону увеличиваться пропорционально пройденному пути. Раз ему под ногу по-

пался колючий кустарник, в другой он едва не наступил на толстое коренастое растение, готовившееся, видно, стать деревом. За стволом его подстерегало запутанное ползучее корневище, затем живая колючая изгородь и ковер прекрасного пушистого мха, за которым раскинулся великолепный гигантский папоротник. Продвижение, таким образом, состояло из перепрыгивания одного, ныряния под другое, лавирование вокруг третьего и карабканье меж ветвей четвертого.

Тут до него с опозданием дошло, что посади он корабль хвостом, вместо того чтобы бороздить последние километры носом, или дай волю тормозным ракетам поработать после приземления, он бы избавил себя от этого утомительного выкручивания и вывертывания. Куча препятствий вместе со всей ядовитой живностью, которая могла таиться в этих дебрях, попросту превратилась бы в пепел как минимум на полпути к озеру.

Последняя мысль прозвучала в его сознании, точно сигнал тревоги, когда он согнулся в три погибели, пытаясь пройти под чем-то низко нависшим: корнем или лианой. На одной достаточно известной планете такие лианы скручивались кольцами и удушали скоро и яростно. Макао в радиусе пятидесяти ярдов от таких чудищ закатывали адский концерт. Утешало, что в этот раз Лаура оставила его плечо целым и невредимым, однако рука по-прежнему не расставалась с ружьем.

Неуловимая особенность местной растительности, по мере того как он пробирался вперед, беспокоила его все больше. Неспособность обнаружить и назвать эту странность тревожила. Настороженное выражение не покидало его вытянутого лица, когда, продравшись через какой-то экзотический куст чертополоха, он уселся на камень посреди небольшой полянки.

Поставив канистру у ног, он бросил взгляд в направлении своей цели и мгновенно уловил в нескольких футах впереди короткий отблеск. Поднял голову... И тогда он увидел жука.

Это создание превышало размерами все, что могли раньше увидеть человеческие глаза в мире насекомых. Бывали, конечно, создания и покрупней, но не такие.

Гигантские крабы, к примеру. Жук, озабоченно семенивший по полянке, разбудил бы в любом крабе жуткий комплекс неполноценности, однако это был самый настоящий, двадцатичетырехкаратный жук чистой воды. Причем превосходного окраса. Вылитый скарабей.

Стив имел смутную и неоправданную уверенность, что маленькие жуки кусачи, а большие, напротив,— миролюбивы, и не испытывал никакого страха к жукам. Благожелательность больших жуков была теорией, зародившейся еще в школьные дни, когда он стал фанатичным владельцем трехдюймового экземпляра жука-оленя, упорно не отзывавшегося на имя Эдгар.

Поэтому сейчас просто встал на колени перед этим наползающим монстром и установил ладонь барьером на его пути. Жук обследовал препятствие подвижными усиками, вскарабкался на него и замер, размышляя. Он блистал восхитительным металлически-голубым сиянием и весил фунта три, а то и все четыре. Стив покачал жука на ладони, чтобы поточней определить вес, затем опустил на землю, пускай странствует дальше. Лаура проследила за насекомым проницательным, но лишенным интереса взглядом.

— Scarabeus Anderii,— выдал Стив с хмурым удовлетворением.— Я увековечил свое имя, но наука никогда об этом не узнает.

— Не бер-ри в голову! — возопила Лаура хриплым ревом, который импортировала прямиком с Абердена.— Не шали, женш-щина! Не ссыпь мне соль на раны! Ты мне не...

— Заткнись! — Стив дернул плечом, отчего птица тут же потеряла равновесие.— Ну почему охотнее всего ты заучила этот варварский жаргон?

— Мак-джилликудди! — вскрикнула Лаура с пронзительным наслаждением.— Мак-джилли-джилли-джилликудди! Ба-альшуш-щий черный ата-та!..— Выступление попугая окончилось словом, от которого брови Стива взлетели к линии волос, что удивило даже птицу. В восхищении она опустила пленки век, покрепче сжала его плечо и, открыв глаза, испустила серию сиплого кудахтанья, после чего радостно повторила: — Ба-альшуш-щий черный!..

Но птица не успела завершить это лирическое сообщение. Стив энергично махнул плечом, и попугай в самый неподходящий момент потерял равновесие и с протестующим клекотом перепорхнул на землю. Scarabeus Anderii рухнул под куст — его голубая броня блеснула, точно отполированная наново,— и неодобрительно уставился на Лауру.

Затем ярдах в пятидесяти раздался храп, схожий с рыком трубы Страшного суда, и кто-то чрезвычайно большой и грузный одним шагом сотряс землю. Scarabeus Anderii поспешно ринулся искать убежища под каким-то выступающим корнем. Лаура возбужденно бросилась на плечо Стива и отчаянно закрепилась там. Еще шаг. Земля затрепетала.

Ненадолго наступила тишина. Стив продолжал стоять, точно статуя. Затем раздался чудовищный свист— сильнее испускающего пар локомотива. Последовало несколько яростных «ух», и нечто приземистое и широкое просунуло грозных размеров голову сквозь густую растительность.

Колосс ступил ярдов на двадцать правее Стива. Ствол ружья шевельнулся ему вослед, однако выстрела не последовало. Стив приметил странный грифельно-серый отблеск шкуры этой толстобрюхой глыбы с зубчатым гребнем вдоль хребтины. Несмотря на ширину шага, туше понадобилось еще какое-то время, чтобы предстать во всей своей красе. Высотой эта красота в несколько раз превышала пожарную лестницу в раздвинутом положении.

Всколыхнулись кроны кустов, и деревья раздвинулись в стороны, когда чудовище протопало по прямой, уходившей куда-то в сторону от оставшегося позади корабля, и скрылось в неразличимой дали, оставив за собой протоптанную просеку шириной с порядочное загородное шоссе. Вскоре вибрации от его тяжкой поступи смолкли окончательно — чудище удалилось.

Левой, свободной, рукой Стив извлек носовой платок и вытер шею. Ружье он крепко удерживал в правой. Разрывные патроны — это не шутка: одним таким можно было превратить атакующего носорога в отбивную весом в пару тысяч фунтов. Если бы один из этих

зарядов угодил в человека, его бы размазало по окрестному ландшафту, точно масло по бутерброду. Однако этому расцвеченному под грифель скакуну, похоже, потребовалось бы с полдюжины патронов, чтобы почувствовать себя не в своей тарелке. Семидесятипятимиллиметровая базука была бы самым уместным средством для того, чтобы вбить ему зубы в глотку, но, к сожалению, разведывательный корабль не вооружен подобной артиллерией. Закончив утираться, Стив убрал платок и поднял цистерну.

— Хочу к мамочке,— меланхолически произнесла Лаура.

Он не ответил, почувствовав, что временами макао явно не попадают в тему разговора. По-прежнему ероша перья, Лаура дернула головой и погрузилась в обиженное молчание.

В озере действительно оказалась вода, холодная, чуть зеленоватая и слегка отдающая горечью. Ничего, кофе ее собьет. Во всяком случае, кофе это пойдет только на пользу. Предстояло, правда, протестировать жидкость, прежде чем отпить пусть даже самую безобидную дозу. Некоторые яды известны своим коварством: скапливаясь в организме, они действуют не вдруг, но обладают убийственным потенциалом. Безмятежно упиваться не следовало, пока не установлено смертоносное содержание свинца или кадмиума, либо чего-то еще столь же пагубного. Наполнив цистерну-охладитель, он сделал несколько привалов, пока тащил ее до корабля. Просека помогла: удобная тропа значительно сократила расстояние. Он здорово взмок к тому времени, когда достиг лестницы.

Забравшись на корабль, Стив задраил оба люка шлюза, открыл вентиляторы, включил вспомогательное освещение и врубил кофейник с ситечком, зарядив его остатками воды из бака. К этому часу золотистое небо потускнело до оранжевого цвета, багряные узкие полоски протянулись над линией горизонта. Озирая эту картину сквозь прозрачный купол, он обнаружил, что золотистая дымка тает вслед за уходящим светилом. Скоро придется переходить на собственные источники света.

Выдвинув раскладной столик, он поставил в зажим его опорную ножку и воткнул в ободок деревянный

стерженек, который был официальным насестом Лауры. Она тут же заявила права на свой шесток и не сводила со Стива глаз-бусинок, пока он насыпал ей рацион, состоявший из воды, семян и орехов. В повадках птицы чувствовалось все, кроме манер леди,— она набросилась на пищу, даже не дожидаясь, пока он закончит насыпать корм.

Пренебрежительно поморщившись, он уселся за стол, плеснул себе кофе и приступил к еде. Попугай настойчиво продолжал щелкать свою порцию, когда космонавт уже откинулся в кресле и задумчивым взглядом уставился в прозрачный купол.

— Сегодня мне попался самый крупный жук из тех, что когда-либо доводилось повстречать. И он был не единственный. Несколько штук поменьше я встретил под лианой. Один был длинный, коричневый и многоногий, вроде уховертки. Другой — округлый и черный с красными крапинками на надкрыльях. Попался еще желтый крошечный паук и паук зеленый — размерами поменьше, а еще жучок вроде тли. Но при этом — ни одного муравья.

— Мур-равья,— повторила Лаура. Обронив лакомую крошку жирного ореха, она скакнула за ней на пол.

— И ни одной пчелы.

— Ни одной пчелы,— откликнулась Лаура, судя по всему, нимало не тронутая.— Лаур-ра любит Стива.

Не сводя внимательного взора с купола, он продолжал размышлять:

— Сколько неувязок с растениями, столько же и с жуками. Хотел бы я разрешить эту загадку. В чем дело? Может, у меня уже с головой не в порядке?

И в этот момент внезапно упала ночь. Золотой, оранжевый и багряный утонули в глубокой, бархатной темноте, в которой не было ни звезд, ни отблеска светлячка. Не считая зеленоватого свечения панели управления, рубка пилота стала Стиксом с чертыхающейся на полу Лаурой. Протянув руку в темноту, Стив включил дежурное освещение. Лаура вновь заняла свой шесток, сжимая в клюве сбежавший лакомый кусочек и тут же сосредоточила на нем все свое внимание, оставив хозяина наедине с размышлениями.

— Scarabeus Anderii и еще какие-то жуки-паучки и все — разные. На другом конце шкалы этот гигантозавр. Но ни муравьев, ни пчел.— Это дедуктивное переключение от единственного ко множественному вызвало где-то в области затылка странное, давящее чувство тревоги. Непонятно каким образом, но он почувствовал, что прикоснулся к загадке.

— Нет муравья, а значит, нет муравейника,— пробормотал он. Нет пчелы — нет роя.— Он почти овладел тайной — но она по-прежнему не давалась в руки.

Оставив все на потом, Стив убрал со стола и занялся делами насущными.

Он извлек стандартную пробу воды из цистерны и провел лабораторное тестирование. Горечь вызывал сульфат магния, но присутствовал в количестве слишком незначительном, чтобы вызывать опасения. Питьевая — вот что главное! Вода, пища и убежище — три главных кита выживания. И от первого до последнего он был обеспечен на весьма продолжительное время. Озеро и корабль гарантировали жизнь и вселяли надежду.

Достав журнал, он приступил к детальному и беспристрастному отчету, придерживаясь только голых фактов. Тут, кстати, он вспомнил, что так и не подобрал названия для планеты. «Андер», решил он, дорого ему обойдется, если в одном на миллионы случаев он все же вернется в среду жестокосердых товарищей по Службе Разведки Дальнего Космоса. Что годилось для жука, не вполне подходит для планеты. «Лаура» тоже не особенно устраивало. Особенно для тех, кто знал птицу не хуже его. Не приставало так называться большому, золотому миру — в честь попугая-переростка. Поразмыслив над характерной особенностью — золотистым окрасом небес, он выдал имя «Оро» и тут же занес запись о новооткрытом мире в бортовой журнал.

К тому времени как состоялись крестины, Лаура уже засунула голову под крыло. Вдруг она принялась раскачиваться, все энергичней выпрямляясь. Его всегда поражало, как она умудряется сохранять равновесие даже во сне. Не сводя с нее нежного взгляда, он

вспомнил о неожиданном пополнении ее словаря. Это отбросило его размышления к одному совершенно отмороженному типу по имени Менцис, заклятому врагу некоего решительного спорщика по прозвищу Макджилликудди. Педагогическая практика в отношении попугая, проведенная Менцисом, заслуживала щелчка по носу. Если бы еще представилась такая возможность!.. Вздохнув, он отложил бортовой журнал, сверился с ртутным корабельным хронометром, отвалил от стены складную койку и улегся. Ленивым жестом погасил освещение. Лет десять назад при первой высадке он провел всю ночь в бдении и крайнем возбуждении. Сейчас он был далек от этого. Он высаживался на неведомые планеты так часто, что стал относиться к ним даже с некоторым флегматизмом. Глаза закрылись в предвкушении целительного ночного отдыха. Он действительно заснул — на пару часов.

Что могло пробудить его так скоро, он не знал, но внезапно обнаружил, что сидит на краю кровати, вытянувшись в струнку, готовый вскочить в любую секунду. Его слух и нервы были напряжены до предела, а ноги дрожали так, как никогда прежде. Все его тело клокотало странной смесью трепета и облегчения, такое случается, когда ты только что побывал на волосок от гибели.

Но это было нечто совсем иное, не похожее на тот, первый раз. В непроницаемой тьме его рука уверенно и безошибочно нащупала ружье. Он сжал ствол в ладони, в это время его рассудок тщетно пытался припомнить кошмар, хотя уже сознавал, что разбудили его вовсе не тревожные сны.

Лаура беспокойно задвигалась на своем насесте, еще не совсем проснувшаяся, но и не спящая — что было не похоже на нее.

Отказавшись от предположения «кошмар», он встал на койке и выглянул вверх — за купол. Темнота, глубочайшая и самая черная, самая непроницаемая, какую себе только можно представить. И тишина — абсолютная, замогильная. Внешний мир дремал во мраке и молчании, словно в саване.

И все же он никогда еще не чувствовал такой тревоги и такого возбуждения посреди ночи — самого времени для отдыха измученной души. Озадаченный, он медленно и неторопливо осмотрелся, совершил полный оборот и остановился на клочке черноты, отличающейся от прочей. Здесь окружающая тьма была вовсе не такой уж непроницаемой. Неподалеку, совсем рядом, двигалось высокое величественное сияние. Размеров его нельзя было оценить, но один вид потрясал душу до глубины оснований, заставив сердце Стива подпрыгнуть высоко в груди — точно одинокую лягушку в пустынном ночном болоте.

Он решил, что сильные потрясения не должны тревожить хозяина дисциплинированного ума и тренированного рассудка. Прищурил глаза и попытался определить природу загадочного свечения, в то время как мозг гадал: отчего простой болотный отсвет заставляет его душу трепетать, точно арфу? Нагнувшись, он нашел в изголовье кожаный саквояж и вытащил из него здоровенный, размером с порядочный акваланг, бинокль ночного видения. Свечение по-прежнему двигалось — неторопливо и целенаправленно, слева направо. Он нацелился на него биноклем, навел на резкость, и феномен вплыл в фокус.

Эта штуковина представляла собой гигантскую колонну золотистой мглы, подобной той, что царила весь день в небесах, разве что не столь яркой: нити серебра и изумруда были вплетены в золото, искрясь. То был сияющий луч, светящийся туман, несущий в себе фейерверки искр. Это было не похоже на все известные и описанные формы жизни. Да и было ли это жизнью?

Оно двигалось, хотя принцип движения оставался неясен. Способность к самоперемещению — первый симптом жизни. Это могло быть жизнью, хотя и не с земной точки зрения. Вообще-то он предпочитал думать, что видит странное и чисто локальное явление, вроде песчаных демонов Сахары или австралийских вилли-вилли. Подсознательно он верил, что это жизнь, настоящая, грандиозная по размерам и потрясающая воображение.

Он не отнимал бинокля от глаз, пока странный фантом не закончил своего перемещения вправо, а затем, медленно отступая во тьму, постепенно исчез. Доступное

обзору изображение вздрогнуло и буквально вырвалось из рук: он не смог унять дрожь в пальцах и опустил бинокль. И когда сверкающий туман бесследно растаял, Стив опустился на койку и затрясся в диком ознобе.

Лаура уже сновала взад-вперед по жердочке, совершенно проснувшаяся и возбужденная, однако он не стал включать свет, чтобы не превращать прозрачный купол в ночной маяк, на который слетелась бы вся планетная шушера, ведущая ночной образ жизни. Протянув руку, он нащупал Лауру. Она тут же вскарабкалась на его запястье, затем перебралась на колени. Она была нервной и несдержанной, так трогательно истомилась по спокойствию и дружеской руке. Стив погладил ее головку, приласкал — в то время как она прижалась к его груди, чуть слышно мурлыча. Убаюкав ее, через некоторое время заснул и он сам. Лаура взобралась ему на плечо, устало поквохтала и вновь сунула голову под крыло.

Больше ничего не случилось до того времени, как внешняя тьма расточилась и солнце вновь затопило купол своим золотым сиянием. Стив проснулся, приподнялся на койке и обвел взором окружающую местность. Все оставалось таким же, как вчера. Множество проблем занимали его ум, пока он готовил завтрак на двоих, а в особенности эта странная нервозность ночи. Лаура также была непривычно тихой и подавленной. Всего лишь раз такое с ней случалось — когда, слоняясь по Панпланетарному Зоопарку, он показал ей гигантского, увенчанного гребнем орла. Лаура совсем перетрусила под надменным взглядом пернатого хищника.

В его распоряжении было все время, отпущенное жизнью, но сейчас он как никогда чувствовал необходимость поторопиться. Прихватив ружьецо и канистру, Стив сделал двенадцать вылазок к озеру, не тратя ни одной драгоценной минуты на изучение загадочной растительности и живности в виде всяких букашек. Перевалило далеко за полдень, когда он влил в цистерну пятьдесят галлонов и с удовлетворением подумал, что теперь его запасы воды сопоставимы с резервами пищи.

На этот раз он ни разу не наткнулся на следы гигантозавров и прочих животных: по необъяснимой причине он видел в этом монстре скорее млекопитающее, чем

рептилию. Раз он заметил высоко в небе что-то крылатое, схожее ухватками не то с птицей, не то с летучей мышью. Лаура тоже обратила внимание на летуна, не проявив, впрочем, особого интереса. В данный момент ее куда больше занимал новый, пока нераспробованный фрукт. Стив сидел, свесив ноги из люка, и наблюдал за тем, как она взбирается по небольшое деревцо в тридцати ярдах. Ружье лежало у него на коленях. Он был готов шлепнуть из пушки каждого, кто попытается тронуть Лауру.

Птица тем временем пожинала древесный урожай, напоминавший какие-то волосатые орехи типа кокосов, только с голубой скорлупой. Она увлеченно вылущила один и тут же схватилась за другой. Стив откинулся в переходе люка, вытянулся, пытаясь дотянуться до саквояжа. Не вставая, схватил его за ручку, затем спрыгнул вниз и направился прямиком к дереву. Здесь он расколол и попробовал один из орехов. Начинка оказалась мягкой, сочной и сладкой с чуть заметной кислинкой. Он набил саквояж новооткрытыми плодами и зашвырнул его в корабль.

Поодаль стояло еще одно дерево, не совсем той же породы, но очень похожее. Плоды на нем были точь-в-точь как на первом, разве что размерами повнушительней. Сорвав один орех, он предложил его Лауре, которая распробовала и выплюнула ядро с заметным отвращением. То же вышло со вторым и третьим — вплоть до полного равнодушия к дальнейшим подношениям. Он распробовал один из орехов самолично, осторожно лизнув то, что скрывалось под скорлупой. Насколько он мог определить, вкус был точно такой, как у тех маленьких. Похоже, вкусовые рецепторы его подвели: диагноз Лауры не подтверждал оптимистических прогнозов. Разница, слишком незначительная для определения, могла привести к долгому и мучительному концу. Отбросив орех, он вновь занял свой пост в люке воздушного шлюза и предался все тем же размышлениям.

Неуловимая и не дающая покоя особенность растений и жуков могла быть рассмотрена на примере двух сортов ореха. Он чувствовал, что материала для заклю-

чения вполне достаточно. Если бы он смог раскрыть, почему, с попугайской точки зрения, один плод годится в пищу, а другой — нет, то угодил бы пальцем в самую что ни на есть тайну. И чем больше он думал о таких похожих друг на друга фруктах-орехах, тем яснее осознавал печальный факт, что палец его уже уткнулся в секрет,— но скорлупа непреодолима.

В досаде он вернулся к злополучным деревьям и подверг их детальнейшему обследованию. Зрение говорило ему, что оба дерева — представители одного и того же вида. Лаурино же чувство настаивало, что они совершенно разные. Следовательно, можно поверить в свидетельство одной из пар глаз. Но коль скоро у тебя есть основания не доверять своей оптике, то вполне законно попытаться узнать, почему ты не можешь доверять ей.

Устав от этой головоломной борьбы с собственным интеллектом, он вернулся к кораблю, задраил люки, вызвал Лауру на плечо, и отправился на разведку в сторону хвостовой части. Правила первых десантов были просты и максимально благоразумны. Пробираться медленно, выбираться быстро и помнить: все, что от тебя требуется, это решить, годится ли планета для человеческого обитания. Лучше тщательно обследовать небольшой участок, чем поверхностно — обширный; последующие картографические экспедиции довершат работу. Используй корабль, как базу, и размещай там, где сможешь выжить; не передвигай его без надобности. Ограничивай поиски светлым временем суток. Закрывайся после наступления темноты.

Годна ли, в самом деле, Оро для человеческого обитания? Неписаное правило гласило, что нельзя спешить с бодрыми оптимистическими заключениями типа: «Само собой! Я же — выжил!» Камерон, например, сбросивший свой корабль на Митру, решил было, что открыл новый рай, пока на семнадцатый день не заразился в этом раю грибковой чумой. Он стал похож на летучую мышь, вырвавшуюся за двери пекла, и провел немало безрадостных дней в Ботаническом центре Лунной Очистки, пока не был признан годным для проживания в человеческом сообществе. Корабль его обрыз-

гали ядохимикатами, разложив плесень на первичные элементы. Митра с тех пор стала табу. Каждый новооткрытый мир был потенциальным капканом, в который совались ученые головы. Задача Службы Разведки состояла в том, чтобы сунуться в такой капкан и стремглав вылететь, пока тот не успел захлопнуться. И вот тебе еще один кусок землицы для Земли, если, конечно, не сломаешь шеи.

Возможно, Оро окажется не по зубам. Штуковина, которая расхаживает здесь по ночам, производит жуткое впечатление нечеловеческой силы. Она больше напоминает смерч, чем какую-либо форму жизни. А кто станет тягаться силами со смерчем? И если этот Оросмерч обладает разумом, то освоение планеты окажется под большим вопросом. Стив должен получить представление об этом смерче, пусть даже безрассудно преследуя его по пустынным дорогам ночи. Возвращаясь к кораблю с ружьем наперевес, он так погрузился в рассуждения, что в смятении упустил из виду главное: в данный момент он никоим образом не выполнял обычной исследовательской работы. Не то чтобы решил, что ничья заблудшая нога уже не ступит на Оро в ближайшую тысячу лет, просто всякий человек, будь он даже разведчик дальнего космоса, подвержен привычке. Их работа состоит в выискивании смертельных опасностей и принятии мер, и эта привычка остается надолго.

Корабельный хронометр показывал пять часов до наступления темноты. По два с половиной часа в обе стороны: скажем, десять миль туда и десять — обратно. Заготовка запасов воды отняла массу времени. Теперь он будет пускаться в поход с утра, наращивая радиус до двадцати миль.

Эти размышления вылетели из головы, когда он выбрался из лесной чащи. Здесь тоже все было в высшей мере необычно: растительность не цеплялась последней хваткой за каменистую неплодоносную почву острыми шпорами и ответвлениями. Она внезапно обрывалась в светлом суглинке, словно бы обработанном тракторами,— и впереди распахивался вид на бескрайнее поле ростков, каждый из которых явно претендовал быть

экзотическим даже в этой массе. Новая фауна была совсем крошечной и — кристаллической. Он без особого удивления воспринял эти кристаллы, помня, что новизна — неизбежная примета любой незнакомой местности. Все это было из ряда вон выходящим, но лишь по земным стандартам. За пределами родной планеты ничего ненормального или сверхнормального быть не могло, поскольку целиком и полностью соответствовало местным условиям. Кроме того, следы кристаллической растительности, как известно, присутствовали на Марсе и никого не удивляли.

Один вопрос поднимал дыбом волосы на голове: как соседствовала обычная флора с кристаллической? Граница была настолько прямо и недвусмысленно очерченной, что вызывала состояние если не шока, то, по крайней мере, легкого столбняка: прямая полоса барьером вытягивалась на многие мили. Это наводило на мысль о высокоразвитом земледелии каких-то гигантов. Подобная аккуратность могла быть только искусственного происхождения. Для этого кто-то должен был приложить усилия.

Сидя на пятках, он внимательно осмотрел кристаллы и сказал Лауре:

— Цыпа, а ведь эту травку посадили. Кто мог посадить ее?

— Мак-джилликудди,— предположила Лаура, искренне убежденная, что одно имя ничем не хуже другого.

Он осторожно щелкнул пальцем по кристаллическому побегу у самого ботинка, зеленому и ветвистому, всего в дюйм высотой.

Кристалл завибрировал и ответил: «Цуй!» — нежным, высоким голосом.

Он щелкнул по его соседу и тот сказал: «Цай!» — в более низкой тональности.

Он щелкнул по третьему. Тот не издал никакого звука, вместо этого рассыпался на тысячу осколков.

Отрывая взгляд от грядок, Стив поскреб в затылке, вновь заставив Лауру бороться за равновесие, цепляясь когтями за одежду. Один цуйнутый, другой цайнутый и, наконец, последний — разлетевшийся в прах; два

ореха одинаковых, но в то же время — на-кася выкуси. Цуй-цай с орехами. Загадка была уже прямо в горсти, оставалось только разжать пальцы и посмотреть, что там.

Стив поднял полный смущения взор и увидел нечто, хаотично порхающее над кристаллическими посевами. Лаура с хриплым клекотом взмыла за летуном, ее голубые с алым крылья энергично работали в воздухе. Стив разглядел, что это была гигантская бабочка с фигурными оборочками крыльев, и окраской ничуть не уступающая пестрому оперению Лауры.

Птица нависла, преследуя насекомое. Он окликнул Лауру и поспешил наперерез. Кристаллы хрустели, обращаясь в пыль под его тяжелыми ботинками.

Полчаса спустя он достиг крутого, поросшего кристаллами склона, когда мысли его внезапно осеклись, и сам он остановился как вкопанный, так что Лаура слетела с его плеча и вынуждена была встать на крыло. Она облетела его кругом, а, возвращаясь на свой насест, сопроводила посадку бранным словом на неизвестном языке.

— Вот еще один уникум,— пробормотал он.— Ни двух, ни трех, ни дюжины, ни двадцатки. Ничего из того, что встретилось, не повторяется. Всего один гигантозавр, один Scarabeus Anderii, всего по одной из всех этих треклятых тварей. Каждая вещь в этом мире уникальна, неотразима, каждая — сама в себе. Что же это такое?

— Я не пр-родажная,— осторожно напомнила Лаура.

— Добром тебя прошу — заткнись!

— Добр-ром тебя прошу, добром тебя пр-рошу! — завопила Лаура, которой эта фраза явно пришлась по душе.— Ба-альшущий черный ата-та!..

И снова он вывел ее из равновесия, вынудив пуститься в орбитальный полет, меж тем как сам продолжал разговор с самим собой:

— Это наводит на мысль о постоянной и всеохватывающей мутации. Все воспроизводится, не оставляя никаких устойчивых следов, никакого наследственного

материала.— Он досадливо прикусил губу.— Но как можно воспроизводить себе подобное, когда оно не будет иметь с тобой ничего общего? И кто кого в таком случае оплодотворяет?

— Мак-джилли...— завела вновь Лаура, но вдруг передумала и успокоилась.

— В любом случае, если нет воспроизведения в буквальном смысле слова, это должно вызывать серьезную проблему с питанием,— продолжал он, тут же упуская из виду, что гигантозавр, вероятнее всего, как-то решил для себя этот вопрос.— Что вполне пригодно для одного растения, может стать губительным для его потомства. Сегодняшняя пища — завтрашний яд. Откуда знать фермеру, во что превратится его урожай? Если я верно понял, то на этой планете не прокормить и пары хряков.

— Нет, сэр. Лаура любит хряков.

— Молчать! — коротко распорядился он.— Мне вот только что пришел на память этот стотонный скакун. Стало быть, земля, неспособная прокормить и пары хряков, запросто кормит этакую тушу вместе с прочей живностью, паразитирующей на местной природе. Бред какой-то. На любой планете, обеспеченной фуражом, гигантозавр процветает. Но здесь, по всем моим расчетам, предположениям и прогнозам, гигантский ящер просто не имеет права выжить. В таких условиях он испустит последний вздох уже при рождении.

Рассуждая так, он достиг вершины холма и обнаружил, что интересующее его создание вольно раскинулось по другую сторону. Он уже издалека смог поставить летальный диагноз. Гигантозавр и в самом деле был мертв.

Способ, которым он определил состояние мастодонта, был чрезвычайно прост и эффективен. Грандиозное туловище распростерлось во всю длину, выложив перед тушей драконью голову размером со спасательную шлюпку и выставив как раз в его сторону два тусклых блеклых глаза, каждый с дно пивной бочки.

Под его подошвами вновь захрустели кристаллы, когда спуск продолжился; на этом пути, выстеленном экзотическими растениями, осталось одолеть пару со-

тен ярдов, чтобы обойти тело и ступить на следующий склон. В данный момент и тем более в таком состоянии гигантозавр интересовал его меньше всего на свете. Времени было в обрез, а он мог бы вновь навестить эти места, ну, завтра, например, а еще лучше — послезавтра, прихватив заодно стереоскопическую камеру. Гигантозавр еще получит снимочек в печать, но ему придется подождать.

Второй холм оказался намного выше и потребовал больше сил для подъема. На его вершине должна была пролегать приблизительная граница дневной вылазки, и Стиву не терпелось взобраться на него и осмотреться, прежде чем пускаться в обратный путь. Рука человека, оставившая следы на холме, была столь же сильной сегодня, как и на заре времен.

Он окинул взором то, что лежало перед ним, помня о шныряющем в ночи призраке-мародере. Насколько он успел оценить, странное явление исчезло из виду перед наступлением рассвета. Столп мерцающего тумана, золотой хобот, спустившийся с небес, мог двигаться без видимой цели, возможно, все это и было не более чем обычный природный смерч, вызванный брожением сил в воздушных потоках. Ну, скажем, к нему мог примешаться какой-нибудь рой светляков, пара-другая банд ночных пчел с искрящимся оперением, подобные виды насекомых уже встречались,— однако инстинкт настаивал на том, что это был не просто столп тумана или смерч и движение его было целенаправленным.

К какой же, с позволения спросить, цели стремился он?

Отдуваясь, Стив взобрался наконец на самую вершину и посмотрел вниз — на грандиозную равнину — и там нашел ответ.

Кристаллическая растительность обрывалась еще до вершины холма все по той же идеально прямой линии. За ней светлым суглинком пологий склон спускался в долину и взбегал на дальней стороне к выси гор. Оба склона были скудно усеяны странными, желеобразными кучками студня, которые дрожали, не тая, в золотом сиянии солнца.

Издалека, на фоне высоких гор виднелось гигантское сооружение с плоским фасадом и высоким квадратным проемом ворот в центре. Здание было выложено из грандиозных плит молочно-белого пластика и отчасти врастало в песчаный холм. Никаких украшений, символов, орнаментов не тревожило его безмятежно-гладкую, сияющую поверхность. Никаких дорог не вело к открывшемуся впереди.

Загадочный дворец, больше похожий на производственное здание вроде фабрики, хранил дух чего-то нового, выстроенного совсем недавно — и в то же время чрезвычайно древнего. Такие сооружения, как правило, оставляют за собой лишь очень древние и могущественные цивилизации, исчезнувшие в веках. Словно бы тысячи лет стоял здесь этот завод и в то же время производил впечатление чего-то новенького, только что снятого с иголочки, и устроенного так, чтобы производить впечатление пустого, в то время как внутри мог оказаться настоящим троянским конем.

Иссиня-черные волосы Стива по мере того, как он знакомился с этим инопланетным сооружением, вставали дыбом. Одно было очевидно: на Оро присутствует разум. И вероятнее всего, золотая колонна, странница ночи, и была этой самой жизнью. Да, плотские земляне и смерчеподобные вихреобразные ороны испытают немало трудностей, пытаясь отыскать почву для взаимопонимания и сотрудничества, в то время как вражда и ненависть ни в какой почве не нуждаются.

Любопытство и осторожность тянули его в разные стороны. Первое требовало немедленно сойти в долину, а другое тащило назад, пока еще оставалось время. Стив взглянул на часы. Если он немедля пустится в обратный путь, то дома будет с наступлением темноты. То есть — какое там дома! — на корабле. А этот молочный дворец расположен как минимум в двух милях. Считай, целый час плестись туда и обратно, не говоря уже о том, что возвращаться придется на другой, повышенной скорости. Эх, придется обождать. Назавтра, быть может, останется больше времени.

Осторожность восторжествовала. Он осмотрел ближайшую кучку желе типа «студень-холодец»: плоский,

чуть выступающий вверх этакой легкой шишечкой, зеленого цвета с голубыми полосками и множеством крохотных пузырьков, повисших в прозрачном веществе. Причем студень еще и пульсировал. Стив ковырнул его носком ботинка, как это делает вождь племени с попавшейся на его пути коровьей лепешкой, думая что-то вроде: «Ох уж эти непоседы-мустанги!» Лепешка отреагировала, вздувшись в центре, а затем медленно опустилась. Не амеба, решил он. Низшая форма жизни, но в то же время сложная. Лауре эта штука не понравилась однозначно. Она вспорхнула с плеча Стива, стоило только тому нагнуться над лепешкой, и выразила свои чувства тем, что сшибла в атаке несколько кристаллов.

Этот желеобразный блин не был в точности таким же, как его соседи-холодцы. Каждый из них был в своем роде — насквозь индивидуален. Работало старое правило: одна уникальная бабочка, один-разъединственный жук, одно-одинешенькое растение, одна из этих причудливых штуковин, назвать которые затруднялось воображение.

Последний взгляд на далекую и недоступную тайну в долине — и можно пускаться в обратный путь. Как только корабль появился в поле зрения, он ринулся вперед, точно блудный сын при виде отчего дома. Вокруг корабля обнаружились новые глубокие отпечатки трехпалых лап, оставленные кем-то большим и двуногим, приходившим в его отсутствие. Очевидно, некое неразумное животное слонялось здесь, ибо, судя по следам, не затруднилось даже обойти его, как следует, и осмотреть пришельца из космоса. Он сразу выбросил это существо из головы. Ведь это была одна и единственная в своем роде... как ее там?.. тварь, в чем он был уверен.

Очутившись на корабле, Стив тут же замкнул все входы и выходы, которых было немного, так что ему со счета не сбиться, выдал Лауре пайку и проглотил свой скромный ужин. Затем вытащил бортовой журнал и внес запись о дневных происшествиях. Осмотрелся из купола. Багряные полосы заката вновь повисли над горизонтом. Задумчиво нахмурив чело, осмотрел он окружающую растительность. Что за хреновина,

интересно, произвела все это на свет? И в какой еще холодец выльется все это в будущем? Да и как оно воспроизводится, в конце-то концов?! Даже инструктор-ксенобиолог затруднился бы дать ему прямой и однозначный ответ.

Массовая радикальная, всеохватывающая мутация подразумевает модификацию генов жестким радиоактивным излучением — настойчивыми и рассчитанными ударами. На такой легкой планете не может скопиться много радиоактивных элементов, славящихся в таблице Менделеева своей массой, и вряд ли радиация станет просто так изливаться с небес. Нет — здесь она, матушка-радиация, не хлещет с неба, не бьет из-под земли. Здесь она вообще, если говорить честно,— отсутствует.

Он был как-то по-особенному в этом уверен, потому что имел свой, специальный интерес и поклялся во что бы то ни стало вычислить загадку планеты Оро. Жесткая, проникающая радиация является вернейшим признаком присутствия радиоактивных элементов, которые, в крайнем случае, могут сгодиться в качестве топлива. На корабле найдется оборудование для такой задачи. Среди его игрушек были и счетчик космического излучения, и радиевая курочка, и электроскоп с золотыми листиками фольги. Покуда счетчик не зарегистрировал ничего экстраординарного, курочка ни разу не квохтала, кудахтала здесь одна Лаура. Он настроил электроскоп на положение «к земле», и лепестки его оставались по-прежнему горизонтальны. Атмосфера была сухой, ионизация — ничтожной, и листки могли не сворачиваться еще с неделю.

— Что-то неверно в моем предположении,— посетовал он, обращаясь к Лауре.— Шарики за ролики не заходят.

— Шар-рики за р-ролики,— преданно откликнулась Лаура. Она раскурочила здоровенный орех-пекан с дребезгом, от которого Стив заскрипел зубами.— Я же сказал, что это обреченный р-рейс. Обреченный кор-рабль. Не буду продавать. Нет, нет, проси, сколько хочешь,— не буду пр-родавать. Кто тр-резвый — тот рому тр-роснет! — Она сцапала еще орех, и как-то тускло на него посмотрела.— Кольца больше, чем у Сатур-рна. Кто

лжец? Ур-ра! Она сошла в Серой бухте, на Тетисе. Лицо ее пр-рекрасно, но стан — еще чудесней.

— Слишком много говоришь,— не одобрил Стив.

— Я не пр-родажная,— вернулась она к теме.— Вот тебе ор-решек.

— Давай,— он подставил протянутую ладонь.

Встопорщив свою пеструю макушку, птица внимательно осмотрела ладонь, клюнула, с серьезным видом выбрала пекан и отдала ему. Стив раздавил его и грыз, пока раскочегаривался генератор. Ночь, казалось, только и ждала электросвета. Она наступала, стоило ему только коснуться выключателя.

С темнотой пришло острое чувство беспокойства. Купол не давал покоя: он светился, точно маяк, и не было никакой возможности притушить его. Маяки известны своей способностью привлекать всякую дрянь. Стив не желал оказаться в центре внимания, особенно в нынешних условиях, тем более — ночью. Длительный опыт общения породил царственное безразличие человека к инопланетному зверью, вне зависимости от его курьезности или свирепости, но инопланетный разум — это уже совсем другой разговор. Он был так переполнен впечатлениями минувшей ночи и тем, что в феномене ночного скитальца присутствует что-то до боли знакомое, что даже не задавался вопросом, имеет ли светящаяся колонна глаза и прочие органы чувств. Да и подумай об этом, уютнее бы не стало.

Какая-то чертовщина рассуждений еще бродила в его голове, когда он выключил иллюминацию, улегся и приготовился ко сну. Ничто не потревожило его в этот раз, но когда Стив проснулся с золотой зарей, его грудь была мокрой от пота, а Лаура вновь искала убежища на его плече.

За завтраком он неожиданно сказал Лауре:

— Да едят меня черти, если стану я расшибаться в лепешку, как однорукий на трехсменной вахте. Нам довелось столкнуться с силами неизвестного происхождения, не желающими убраться прочь. Все эти штабные вояки, супермены в креслах, должны предвидеть ситуации, которым не нашлось места в своде правил.

— Рыг! — с одобрением подтвердила Лаура.

— Кто сражается и удирает, живет до следующего дня сражения,— процитировал Стив.— Это поговорка разведслужбы. Прямо верхушка чистейшей мудрости, когда есть куда удрать. Нам — некуда.

— Крыг! — с энтузиазмом произнесла Лаура.

— Для дамы твои манеры просто никуда не годятся,— заявил ей Стив и продолжил: — Я не собираюсь проводить куцый остаток своей жизни, оглядываясь в страхе за плечо. Единственный способ спастись от сил неизвестного происхождения, это превратить их в силы известные и понятные. Как дядюшка Джо сказал Вилли, когда тащил его к дантисту: «Чем дольше откладываешь, тем хуже становится».

— Не бер-ри в голову! — проорала Лаура.— Крыгкы-гыг!

Он посмотрел на нее в высшей степени неодобрительно.

— Итак, попробуем взять быка за рога. Такая тактика может сбить быка с толку больше, чем все остальное.— Он сцапал Лауру, засунул ее на место — в багажное отделение, и наглухо задвинул панель.— Наносим удар без промедления.

Забравшись в кресло пилота, Стив выжал старт. Хвостовые ракеты непокорно хлопнули пару раз вхолостую, прежде чем раздалось подавленное рычание. Ловко двигая рычагами и осваиваясь, он, наконец, выжал давление так, что весь корпус корабля содрогнулся, и передние дюзы стали наливаться вишнево-красным цветом. Корабль начал медленно подниматься с наклоном вперед. Огненный выхлоп в полмили длиной сверкнул, и корабль плавно взмыл вверх.

Развернувшийся корабль пророкотал над границей растительности, полем кристаллов и склоном позади него. Во вспышке, полыхнувшей над долиной, просияли тормозные ракеты. Это был рискованный трюк на столь ограниченном пространстве. Стив должен был скоординировать передний залп, задний выхлоп и горизонтальные струи вспомогательных дюз. Благоговейный ужас наблюдателей — все, что ему было необходимо. Судно приземлилось с пылом-жаром как раз на длинной мо-

лочной белизны крыше инопланетного дворца, соскользнуло по ней к склону холма и замерло.

— Человек! — прокричал он, решив особенно не церемониться.— Я — добрый! — Он подождал в кресле пилота, оглядываясь сквозь купол и ломая голову, что бы еще такое сказать.

— Я — слишком молод, чтобы умирать! — на всякий случай выкрикнул он.

Бросив взгляд на хронометр, Стив выждал еще немного. Вообще-то он и так уже достаточно громко постучался в их крышу — при посадке корабля, тут можно было разбудить и мертвого. Если внизу кто-то есть, они скоро повыскакивают, чтобы посмотреть, кто это там ставит стотонные бутылки на их крышу. Никто, однако, так и не появился. Он дал им полчаса форы на ответ, и все эти полчаса его ястребиный профиль оставался настроенным на атаку. Ничего не произошло. Тогда он встал, выпалил сгоряча: «Ах, так!» — и решительно покинул кресло пилота.

Освобожденная Лаура выкарабкалась на свет с нескрываемым раздражением — точно престарелая классная дама, чинно вступающая в комнату одинокого мужчины. Женщины в подобных случаях вели себя еще забавнее, так что Стив не придал значения такому поведению подруги. Отыскав ружье, он разблокировал люки и спрыгнул на крышу. Лаура явно нехотя последовала за ним, заняв свое место на плече с таким видом, словно бы оказывала ему высочайшую милость.

Приблизившись к самому краю крыши, он бросил взгляд вниз. Вид отвесной пропасти глубиной в пять сотен футов заставил его тут же отпрянуть назад. Под ногами в четырех сотнях футов находился вход, а сам Стив стоял на стофутовой ширины перемычке, увенчивавшей его. Единственный путь вниз вел к самому концу крыши и скатывался по склону, в который она была врыта.

Он покрыл как минимум милю, пока достиг этого самого склона, глаза его изучали странную загадочную поверхность крыши, но так и не нашли ни единой трещинки или зазора в мраморной глади. Несмотря на свои колоссальные размеры, здание было точно выточено из единого куска — факт, который никоим образом

не разрушал дурных предчувствий. Что бы — или кто бы ни создал это, пигмеем он не был.

С уровня земли вход производил еще более величественное впечатление. Отыщись похожая брешь на другом конце строения, и он мог бы через проем запросто завести туда корабль и вывести через другой. Проще, чем иголку.

Отсутствие дверей у такого гигантского входа не казалось чем-то странным. Трудно представить, что за дверь могла бы заполнить его и на каких петлях или шарнирах она бы держалась, чтобы каждый входящий или выходящий мог бы свободно ее распахивать и закрывать. В последний раз предусмотрительно обшарив взором местность и убедившись, что долина по-прежнему неподвижна, он, очертя голову, ступил в проем и зажмурил глаза, привыкая к освещению более слабому, чем золотое сияние, оставшееся за спиной.

Впрочем, там, внутри, тоже был свет. Но совсем иной: бедный, призрачный и зеленоватый. Он исходил из пола, стен, потолка. И яркости вполне хватало, чтобы не оставить в помещении ни единой тени. Он потянул носом, когда органы чувств освоились в незнакомой обстановке: доносился сильный запах озона, смешанного с другими, неопределенными ароматами.

Справа и слева высились тысячи футов гигантских ярусов из прозрачных ящиков. Он подошел к ближайшему справа и внимательно изучил содержимое. Это были кубы примерно в ярд высотой, широкие и достаточно просторные, сделанные из материала, напоминающего наблюдательный купол корабля. Каждый из ящиков-аквариумов содержал три-четыре дюйма суглинка и высаженный в него кристалл. Двух одинаковых кристаллов, естественно, не было, одни попадались куцые и ветвистые, другие — большие и неописуемо сложные.

Погруженный в раздумья, он обошел ряд монстров, за ним обнаружил следующий, устроенный подобным же образом, и еще, и еще. И все — с кристаллами. Число и многообразие экспонатов повергли его в смятение и головокружение. Стив смог осмотреть лишь два ниж-

них ряда из каждого штабеля, но они возвышались ряд за рядом над его головой и заканчивались почти у самого потолка, на высоте крыши. Общее количество клеток не поддавалось определению. То же самое находилось и слева. Тысячи и тысячи кристаллов. Присмотревшись внимательнее к одному превосходному экземпляру, он заметил, что на ящике приклеен небольшой, едва видимый ярлык, усеянный точками и гравированный ромбовидным завитком. Тщательный осмотр выявил, что поверхности всех клеток были отмечены схожим образом, отличаясь лишь количеством и узором точек. Несомненно, это был какой-то код, используемый в целях классификации.

— Оронский музей естественной истории,— произнес Стив почти благоговейным шепотом.

— Говор-рю тебе — это обр-реченный рейс,— вскрикнула Лаура с некоторой яростью, затем осеклась, ошарашенная собственным эхом, многократно отразившимся органными тонами: — Обречен-ный... обреченный...

— Священный Дым, да можешь ты помолчать! — прошипел Стив. Он пытался не спускать глаз с проема и одновременно оглядывался по сторонам. Однако голос его заглох в отдалении, так и не вызвав появления кого-то, желающего выяснить причину вторжения.

Стив торопливо пересек проход к следующему ряду экспонатов. Здесь были выставлены те самые желеобразные лепешки. Маленькие, размерами с циферблат наручных часов, несколько тысяч, и все — разные. Ничто не указывало, что они были живыми.

Обходя третью секцию, а также четвертую и пятую, он преодолел около мили пути по коридорам удивительного здания. Стив прошел мхи, лишаи и папоротники, все засушенные, однако чудесно сохранившиеся, и уже был готов переступить порог секции шестой — растений. Впрочем, похоже, он сбился со счета. В шестом ряду были жуки, в том числе и мотыльки, бабочки и еще какие-то странные незнакомые насекомые, напоминающие покрытых хитином колибри. Там не было ни единого экземпляра представителя благородного рода Scarabeus Anderii — в любом случае, если бы очередь дошла и до него, ему пришлось бы занять

полку где-нибудь далеко выше этажом. Или пустая коробка еще ожидала жука?

Кто же сделал все это? Нет ли места среди этих ящиков и для него? И для Лауры? Он представил себя, застывшего навечно, окостеневшего, скрючившегося на корточках где-нибудь в семнадцатом ящике двадцать пятого ряда десятого яруса в какой-нибудь секции млекопитающих, с аккуратной табличкой, где в точном наборе точек выражено все отношение к нему — частице мироздания. Отвратительная вышла картина. Мурашки пробежали по спине при одной мысли о такой участи.

Выискивая неизвестно что, он все глубже проникал в глубины грандиозного помещения. Ни души, ни звука, ни следа, только этот вездесущий, все заглушающий запах и незыблемое мерное освещение. У него было чувство, что это место часто посещают, но всегда ненадолго. Не притормозив, чтобы присмотреться к деталям, которых и так уже накопилось сверх меры, он прошел громадный ящик, содержавший существо, сильно схожее с носорогом, только вот голова у него была бизонья, затем другие клетки — размерами еще больше, с такими же крупными экземплярами и соответствующими табличками.

Наконец он обошел ящик, занимавший половину ширины коридора. В нем хранился прадед всех деревьев и прапрадед всех без исключения гадов. Как раз за этой монументальной стеклянной коробкой высились пятисотфутовые стеллажи с металлическими полками, каждая с кнопкой в полированной двери, и каждая украшена загадочным орнаментом точек.

Собравшись с духом, он нажал кнопку ближайшей полки. Дверца отъехала в сторону со звонким щелчком. Содержимое шкафчика разочаровало: он был забит прозрачными полосками, усеянными точками.

— Суперкаталог,— восхищенно прошептал Стив.— Старик профессор Джанкин отдал бы правую руку на отсечение ферулой, чтобы оказаться здесь.

— Правую руку, пр-равую р-руку,— пробормотала Лаура низким, неуверенным голосом.

Он снова метнул в нее непонимающий взор и укоризненно покачал головой. Она вновь заволновалась,

захорохорилась, выказывая быстро возрастающие признаки беспокойства.

— В чем дело, цыпа?

Она клюнула его в ухо и обратила сверкающий взор в направление входа, взволнованно переступая по его плечу. Хохолок ее приподнялся: перья на шейке встопорщились в широкий воротник. Испуганное квохтанье раздалось из ее музыкального клюва, и она чуть не заползла за пазуху его космолетной куртки.

— Проклятие! — вырвалось у Стива. Он ринулся в сторону, промчался за шкафы и наконец заскочил в коридорчик ярдов десяти шириной. Ружье было уже наготове, и палец лежал, как полагается, на спусковом крючке, меж тем как Стив продолжал смотреть перед собой, свободной рукой поглаживая Лауру. Она прильнула к нему, терлась головкой в самые чувствительные участки шеи и вообще пыталась спрятаться под его широким подбородком.

— Спокойно, дорогуша,— шепнул он.— Только держи себя в руках, не бросай Стива — и все будет в порядке.

Она покорно притихла, но он чувствовал, как трепещет ее тельце, готовое взорваться от нового приступа страха. Его сердце тоже забилось чаще — в унисон ей, хотя он не мог ни видеть, ни слышать ничего, оправдывающего страх.

Пока он так наблюдал и выжидал в абсолютной тишине, освещение стало прибывать — зеленоватые тона сменились золотыми. И внезапно он понял, что приближается. Стив знал, что это. Он присел на корточки, стараясь сделаться маленьким и незаметным. Теперь его сердце само собой начало трепыхаться в груди, и никакой рассудок не мог охладить его до нормального, мерного биения. Общее и жуткое спокойствие приближающегося было невыносимо. Сокрушающие удары увесистой стопы или копыта были бы сущим утешением по сравнению с этим. Колоссы не имеют права красться, как призраки.

И вот золотое сияние восстало, окончательно растопив зеленое излучение, исходившее с пола, отчего мириады ящиков тут же вспыхнули всем великолепием стеклянных граней. Сияние усиливалось до блеска зо-

лотого неба и даже превосходило его яркостью и жаром. Оно проницало, затмевало все мысли и чувства, не оставляло ни краешка темноты, в которой можно было спрятаться, никакого приюта для крошечной твари по имени человек.

Оно полыхало, точно встающее над горизонтом солнце или же нечто, извлеченное из самого солнца, и это излучение повергало коленопреклоненного наблюдателя в смятение. Он яростно боролся, чтобы вновь обрести владычество над своим умом, приструнить его, подчинить собственной воле — но тщетно.

По его вытянувшемуся лицу струился пот. Стив уловил краешек отблеска колонны, появившейся между рядами центрального прохода. Он увидел слепящую нить полированного золота, в котором мерцала чистая белая звезда, затем неистовое кипение, казалось, заполнило его череп, и он взорвался облаком крошечных пузырьков.

Все ниже, ниже и ниже плыл он сквозь мириады пузырей, водоворотов и брызг, фонтанов радужной пены, что сверкала и переливалась всеми вообразимыми цветами. И все это время его сознание лихорадочно пыталось сопротивляться и вытащить душу на поверхность. Глубоко, до самых нижних уровней тонул он, пока пузыри не закрутились вокруг, сверкая миллионами оттенков. Тут его продвижение замедлилось. Постепенно пузыри и пена остановили свое кружение, разворачиваясь в противоположном направлении. Он поднимался! Он поднимался целую жизнь, всплывая невесомо, точно во сне.

И вот последний из пузырей всплыл на поверхность, оставив его в кратковременном тупике небытия, затем Стив обнаружил себя распростершимся на полу с совершенно шокированной Лаурой, вцепившейся в рукав. Он сморгнул — медленно, несколько раз. Глаза были переутомлены и воспалены. Сердце еще колотилось, и ноги тряслись от напряжения. Оставалось неприятное ощущение в желудке, точно живое напоминание о страшном давнем потрясении. Он не сразу встал с пола: тело не слушалось, сознание смешалось. Пока

рассудок возвращался к нему вместе с самообладанием, он лежал, осознавая, что вторгшаяся в него золотая субстанция удалилась и освещение в гигантском помещении стало прежним: мягким и чуть зеленоватым, разгоняющим тени. Затем глаза отыскали циферблат, и он резко приподнялся на локте — оказывается, он валялся здесь уже два часа.

С трудом он встал на трясущиеся ноги. Вглядевшись в грандиозное скопище аквариумов, он увидел, что ничего не изменилось. Все осталось на своих местах. Инстинкт или интуиция подсказали ему, что золотой посетитель ушел и что когда-нибудь он, Стив, еще займет свое законное место в этом стеклянном дворце. Не обеспокоило ли хозяина присутствие постороннего? Может, ему не просто разрешили войти, может, все это было попыткой заманить его? И почему его выпустили? А корабль? Не сделал ли хозяин здешнего мира чего-нибудь с кораблем?..

Схватив свое бесполезное ружье, Стив осмотрел его. Затем поместил Лауру на плечо, куда она сама не могла забраться от слабости и страха. Она, родная, вцепилась, пьяно покачиваясь. Тогда он двинулся в глубь музея.

— Думаю, мы в безопасности, дорогуша,— говорил он ей.— Верно, мы птицы слишком низкого полета, чтобы обеспокоить хозяина этой клетки. Чем скорее мы поймем, с кем связались, тем лучше. Мы должны знать, что против нас.

— Я дальше не ходок! — заявила Лаура.— Полный назад!

Он сделал шаг, отказываясь признать, что его нервная система находится на пределе и что взвинченный, как никогда, он упадет от любого нового потрясения. Не то чтобы боялся, тут было что-то другое, чего он даже не мог определить.

Пройдя последний ряд штабелей, он наткнулся на какой-то странный механизм. Сложным и головоломным был этот агрегат, и производил он ту самую кристаллическую растительность. Рядом стояла другая, совершенно иным образом устроенная машинерия, выдававшая на-гора какую-то рогатую ящерицу. Не оста-

валось никаких сомнений и насчет процесса производства, так как сборка происходила прямо на глазах. Через пару часов изделия были бы совершенно готовы, им не хватало лишь... не хватало лишь...

Волосы его встали дыбом, и он бросился вон. Бесконечные машины — и все разные, производящие растения, жуков, птиц, грибы. Все было сделано электроникой: словно кирпич за кирпичом, атом наращивался на атоме, чтобы в результате построить дом. Это не было синтезом, здесь проходил настоящий монтаж — конвейерная сборка, вроде той, что ведется на производствах точной электроники. В каждой из этих машин, он знал, был какой-то ключ, код или шифр, какой-то головоломный ноу-хау невообразимой сложности, отвечавший за точность исполнения образца. Сами же образцы были уникальны и бесконечно разнообразны.

Местами попадались и бездействующие аппараты, уже выполнившие свою задачу. Попадались целые россыпи всевозможной механики и деталей: что-то разобранное, что-то в ремонте, что-то приготовленное к модификации. Стив замер перед машиной, которая только что завершила работу. Механизм обрабатывал мотылька с искусно выведенным узором теней на крыльях, этот крылатый шедевр казался творением рук гениального ювелира. Созданное было совершенно — иного слова было не подобрать ни на каком языке. Все это ждало лишь...

Одного недоставало этому мотыльку — дыхания жизни. Бисеринки пота появились на лбу. Стив выбросил из головы множество диких мыслей и предположений. Насущно важно было сохранить здравость рассудка, отвлечь внимание. «Выброси из головы,— твердил он себе,— отрешись, сосредоточься на другом!» Он цепко зафиксировал внимание на громадном, отчасти разобранном механизме, лежавшем поблизости. Внутренности агрегата были разверсты, открывая великое множество проволочных колец тускло-серой проволоки. Обрезки такой же проволоки были разбросаны по полу.

Подняв короткий кусок, он подивился его тяжести. Сняв наручные часы, Стив открыл заднюю крышку и

поднес проволоку к механизму. Главный камень венерианского дымчатого циркона немедленно осветился. Венерианский дымчатый циркон неизменно фосфоресцировал в присутствии близкой радиации. Неизвестный металл с планеты Оро мог бы послужить горючим. Сердце Стива так и подпрыгнуло в груди.

Может, стоило бы ухватить моток побольше да отволочь на корабль? Но металла понадобилось бы куда больше, чем он бы смог унести. И стоит ли надрываться, если Кингстон-Кейновский двигатель вообще не примет проволоку? А вдруг после кражи этого мотка, когда он вернется за следующим, его уже будет ждать ловушка?

Всегда стоит сначала остановиться да подумать, особенно если у тебя есть на это время; еще одно фундаментальное правило разведслужбы. Прикарманив небольшой кусочек проволоки, он стал искать, нет ли поблизости еще таких развороченных машин. Поиски завели его в глубину лабиринтов прозрачных коридоров, и все труднее становилось помнить о намеченной задаче. Попалась, например, настоящая собака, стоявшая в прозрачной клетке, точно изваяние, в долгом, затянувшемся ожидании. Это животное могло называться как угодно, но, несомненно, было прототипом земной собаки. Невозможно было ни остановиться, ни вглядеться пристальнее. Точно так же нельзя было пропустить другое, еще более знакомое, еще более родное, что наверняка еще не раз бы попалось здесь.

В процессе поисков Стив собрал семь разнокалиберных проволок. Австралийский попугай за стеклом завершил его странствия. Птица замерла в своей стеклянной клетке: голубой хохолок вздернут, алая грудка выпячена, светлый взор замер — ни жизни в нем, ни смерти. Тут Лаура закатила настоящую истерику, и исполинский холл огласился завываниями, стонами и проклятиями, отразившимися в смутном далеке. Ответ пришел мгновенно, и Лаура тут же притихла, как мышь, она явно больше не желала получать отзывы на свои выкидоны.

Стив еще быстрее устремился вдоль могучих рядов экспозиционных ящиков, уже не уделяя им внимания.

Проскочил гигантский проем выхода, вскарабкался по глинистому склону к поверхности крыши почти с той же скоростью, с какой съезжал отсюда. Стив тяжело дышал, когда достиг судна.

Первым делом надо было проверить, не проник ли кто-нибудь на корабль. Внутри никого не оказалось. Он осмотрел оставленные приборы. Лепестки электроскопа свернулись. Зарядив их, он смотрел, как они распускаются и складываются снова. Счетчик показал избыток радиации. Курочка энергично заквохтала. Как же он промахнулся — надо было свериться с приборами еще при посадке на крышу. Однако никакого значения это открытие уже не имело. Приборы показали бы излучение, но откуда он мог знать, что именно там радиоактивного — под крышей?

Лаура стала клевать, но без аппетита. Стив поддержал компанию, ел он бесстрастно и торопливо. Затем достал образцы проволоки. Здесь, естественно, не было двух с одинаковым сечением. Одна была слишком толста, чтобы войти в приемные гнезда Кингстон-Кейновских моторов. Но начать почему-то захотелось именно с нее. Полчаса ушло на то, чтобы подпилить кусок тускло-серого провода до подходящего диаметра. Вставив его, он привел рычаги в положение минимального прогрева двигателя и нажал кнопку старта. Ничего не произошло.

Он нахмурился и с досады прикусил губу. Он подумал, что в далеком будущем появятся двигатели получше, чем эти выносливые, но слишком уж избалованные Кингстон-Кейны,— двигатели, которые будут потреблять все — от арматуры до старых башмаков. Плотности и радиоактивности, видите ли, было недостаточно для этих Кингстон-Кейнов; металлическая смесь металла должна быть пропорциональной и строго выверенной либо хотя бы приблизительно соответствовать стандартам, чтобы устроить двигатели.

Стив вернулся к Кингстон-Кейнам и вытащил подпиленные проволоки. Он увидел, что на концах они оплавились. Видимо, не сработало зажигание. Сбой где-

то в системе — это можно сказать вполне определенно. Заменив проволоку, он вернулся к штурвалу и включил зажигание. Хвостовые ракеты тут же вспыхнули с низким ревом, в то время как шкала показала шестьдесят процентов от нормального заряда. Недостаточно.

Многие люди в такой момент легко теряют самообладание. Стив к таким не относился. Потрясанием кулаков и проклятиями ничего не добьешься. Он пошарил в кармане, достал третий экземпляр, заменил второй и хладнокровно проверил. Опять не повезло. Четвертый также дал сбой. По непонятным причинам пятая проба дала серию знакомых коротких выстрелов и основательно сотрясла корпус судна, причем стрелка на приборе резко и неопределенно качнулась между минимумом и максимумом. Он живо представил, как разведывательные корабли скачут сквозь космос с подвесными моторами. В любом случае, пятый образец не устраивал. Он испробовал шестой, чувствуя, что удача удаляется все быстрее. Шестой подвел, радостно взревев на ста восьмидесяти процентах от нужной мощности. И лишь седьмой сработал.

Он выбросил все, кроме остатков от седьмой проволоки. Калибром она была такова, что вполне входила в приемный патрубок. С виду она была точно потемневшая медь, только потверже и потяжелее. Если бы нашлось хотя бы с тысячу ярдов такого диметра, и если бы ему удалось их успешно притащить на корабль, и кабы золотой колосс не пришел разрушить его скромные планы по ограблению музея, то он смог бы взлететь. Тогда бы Стив мог добраться и до чего-нибудь более цивилизованного. Его будущее зиждилось теперь на кошмарном выборе из многих «если».

Самый очевидный способ добыть жизненно необходимое сокровище был прост: пробить дыру в крыше, забросить туда трос и вытянуть проволоку с помощью миниатюрной корабельной лебедки. Проблема: как пробить дырку без взрывчатки? Единственный ответ, который он смог найти, состоял в том, что крышу можно было просверлить, заполнить дыру тем, что имелось среди бое-

припасов, произнести молитву за успешное начинание и подорвать искрой от динамо. Попытка осуществить задуманное не удалась. Сверлильный бур погнулся так, будто пытался вгрызться в алмаз. Тогда Стив достал ружье и всадил заряд в неподатливую крышу. Ракета взорвалась с сокрушительным треском, и осколки оболочки с воем унеслись в небо. На месте взрыва остались пятно копоти и пара едва заметных царапин.

Что ж, предстояло спуститься вниз и попытаться унести на собственном горбу, сколько получится. Причем двигаться надо было как можно скорее. Ночь приближалась, а у него не было ни малейшего желания встречаться в темноте с золотым смерчем. Хватало и дневных впечатлений. Об остальных проблемах не хотелось и думать.

Замкнув Лауру, он возвратился в здание, торопясь к машинному отделению в глубине помещения. Он ни на чем не заострял взгляда. Сейчас ему было не до изучения загадок природы. Проволока — и только проволока — вот все, что интересовало его сейчас.

Он пустился на розыски провода, и его рассудок пылал роковым огнем страсти. Половина его рассудка, и лучшая, надо сказать, половина, не дремала, с минуты на минуту ожидая прибытия золотого столпа. Другая лихорадочно вычисляла пути к бегству. Внешне столь противоречивое состояние ума никак не проявлялось: поиск его был спокоен, уверен, методичен.

Минут через десять Стив нашел здоровенный моток того самого металла с какой-то хитрой насечкой — все это богатство валялось у корпуса разобранного станка. Он попробовал откатить его в сторону, но не сдвинул ни на дюйм. Одному эта штука была явно не по плечу. Для доставки на крышу ему предстояло порезать моток на куски и сделать несколько вылазок, чтобы переправить на корабль. Однако задачу усложняло то, что часть колец в мотке сплавилась. И это называется — уже у цели! Свобода висела на волоске, он не смог поставить груз вертикально. Стив пробормотал несколько Лауриных ругательств.

Хотя резаки у него были наготове, он решил пройти дальше, прежде чем приступить к такой трудной и неблагодарной работе. Это было мудрая мысль, ибо еще

через какую-то сотню ярдов он набрел на другой моток, круглый как колесо, в добром состоянии, удобный для качения и разматывания. Но даже он был чересчур тяжел — передвигать его можно было лишь на пределе сил, растягивая мускулы, перекатывая, точно исполинскую ворованную покрышку.

Несколько раз он останавливался, чтобы перевести дыхание, и бросал моток у выставочных ящиков. Один из ящиков содрогнулся от удара, и его светящиеся паукообразные обитатели забегали, изображая жизнь в момент стимуляции. Его врожденная брезгливость к паукам становилась все сильнее, в то время как бег насекомых становился все живее. Он не стал задерживаться в таком месте и покатил моток дальше.

Багряные полосы вновь прорезали горизонт, когда он прокатил свою добычу через громадный проем и достиг насыпи. Тут он остановился, нарезал проволоки, крепко ухватился за свободный конец и стал карабкаться вверх, утягивая его за собой. Проволока беспрепятственно разматывалась до самого верха: добравшись до корабля, он закрепил конец на блоке микроподъемника и включил намотку.

Ночь упала стремглав, точно кинжал разбойника. Руки слегка дрожали, но вытянутое лицо Стива было бесстрастно, когда он старательно пропускал проволоку сквозь инжектор-патрубок и оттуда — в топливное отверстие Кингстон-Кейна. Закончив работу, он отодвинул дверцу, за которой скрывалась Лаура, и дал ей фруктов, собранных с дерева Орона. Она как-то меланхолично приняла угощение, подавленная и явно не расположенная к общению.

— Побудь еще там, цыпа,— утешил он ее.— Если повезет, мы выберемся отсюда домой.

Поместив ее обратно в багажник, он забрался в кресло пилота, включил прожекторы, посмотрел, как они пронзают мрак, упираясь в скалу впереди. Затем выжал стартер и прогрел дюзы. Их рев был яростен и горяч. Нагрузка была на семьдесят процентов выше нормы, и приходилось соблюдать особую осторожность

в управлении и регулировке, чтобы не расплавить корму, когда удача идет в руки. Он чувствовал непривычное хладнокровие, словно каждая минута уже была сочтена.

Прогревая трубки Вентури, он дал пару прерывистых выстрелов с правого борта и увидел, как уходит в сторону утес и корабль проворачивается на брюхе. Еще один легкий холостой выстрел из дюз, и он направит корабль носом к краю исполинской крыши. Там мерещилась во мраке ясная аура, и он выключил прожектора, чтобы лучше разглядеть ее сияние.

Это был желтый смерч, сверкавший за краем противоположного склона. Электрическая дрожь пробрала затылок, когда он разглядел, что это такое. Смерч усиливался, рос. Глаза Стива напряженно смотрели сквозь пелену ночи, руки примерзли к рычагам управления. Пот проступил на спине. Лаура молчала, как неживая, даже не шуршала, как обычно. Верно, и она перетрусила не на шутку.

Мощным усилием воли он перевел рычаг на пару делений, удлиняя пламя кормовых дюз. Содрогаясь всем телом, корабль приподнялся. Собравшись с силами, Стив непослушными руками включил старт. С душераздирающим скрипом, отразившимся от скалы громовым эхом, небольшой корабль устремился вперед и вверх на столпе огня. Сквозь купол Стив улавливал короткие вспышки гигантской золотой колонны, величественно шествующей над вершиной холма, и в следующее мгновение направил хвост вниз, стрелой метнувшись к звездам.

Несказанное облегчение переполнило его душу, хотя он сам так и не осознал причины страха. Но облегчение было столь велико, что о прочих трудностях он уже не думал. Однако Стив был уверен, что в большом космосе он рано или поздно услышит знакомую морзянку Службы Разведки. И один-единственный сигнал выведет его из небесного лабиринта.

Удача не покидала его и после старта. Оптимистические прогнозы подтвердились, когда на двадцать седьмые сутки полета среди неопознанных созвездий он обнаружил отчетливую пульсацию Гидры-III. Этот

прерывистый сигнал показался ему светом домашнего очага.

Из его груди вырвался вопль торжества, и Стив подумал, что только Лаура может услышать его. Он не подозревал, что его могли услышать где-нибудь еще.

А там, на далекой уже Оро, в глубинах мастерской монстров, золотой гигант замер, словно бы прислушиваясь. Затем он скользнул вдоль бокового придела и добрался до картотеки. Отделение открылось. Оттуда были извлечены две стеклянные ленточки.

На мгновение они соприкоснулись с загадочным веществом, составлявшем тело Орона, и покрылись сложным крапом крошечных точек. Золотой смерч возвратился к багажному отделению, и дверь закрылась. Золотое сияние с заключенными в нем звездами скользнуло в секцию машин.

В упрощенном смысле одна из табличек гласила: «Двуногое, прямоходящее, розовокожее, человек разумный типа Р.739, обитает на планете СолIII. Сборщик БДБ — умеренно успешно».

Точно так же на другой табличке было записано: «Плоскокрылое крупное, кривоклювое, многоцветное, табачный макао типа К.8, обитает на СолIII. Сборщик БДБ — умеренно успешно».

Но сверкающий коллекционер уже забыл о своих коротких заметках. Он вдыхал свою сущность в ювелирно исполненного мотылька.

НИКАКИХ НОВОСТЕЙ

Корабль летел сквозь сверкающую искрами тьму. Огненные короны, водовороты пламени и дразнящие глаз спиральные туманности, напоминавшие о существовании многих миллиардов солнц и скрытых планет, рвущихся вперед, в бесконечность — и сквозь все это великолепие мчался корабль, сверхбыстрая пылинка в бескрайней пустоте — живой свидетель происходящего.

На такой скорости шло космическое судно, что ближайшие звезды в направлении полета расходились по сторонам час за часом, в то время как должны были — год за годом. Это была пылинка с такой мощностью, что и не снилась в дни далекого прошлого, когда даже какой-нибудь простой спутник с управлением с земли, выстреливаемый на орбиту, весь мир приветствовал триумфальными заголовками. Это была пылинка, чьи годы короче дней, а силы не знали границ пространства.

Человека в носовой части чудо-аппарата ничуть не занимал диковинный процесс расхождения звезд. Это было естественной чертой его возраста и времени — наблюдать чудеса с телеэкранов с хладнокровием видавшего виды домоседа.

Олаф Редферн, пилот, сидел за пультом управления и смотрел в сияющие небеса со спокойствием и даже флегматизмом человека, которому поручено отыскивать очень маленькие иголки в очень больших стогах

сена. С помощью карт, приборов, компьютеров с коробку сигарет да удачи, заложенной в земном гранате — камне, вмонтированном в перстень на указательном пальце, он проделывал это раз пятьдесят в прошлом и был уверен, что справится и сотню раз в будущем.

Проверив приборы, достаточно сложные, чтобы завершить вектор полета, он скорректировал курс, не сводя уверенного взгляда с экрана наблюдения. Вскоре Симкин, назначенный археологом экспедиции, занял соседнее кресло.

— Кто-то сказал,— заговорил он,— что лучше путешествовать, чем его завершать. Не согласен. Так можно, в конце концов, вымотаться, со свистом рассекая ночь, усеянную мириадами светил.

— Может, это оттого, что у вас мало работы на борту,— предположил Редферн.— Сядьте на место пилота — и я живо поставлю вас на ноги.

— Я слишком стар, чтобы начинать сначала, слишком освоился на избранном поприще.— Симкин проницательно улыбнулся Редферну.— Весь этот священный трепет открытия загадочных миров ничуть не сильнее того, что ощущаешь, выкапывая из земли целым и невредимым какой-нибудь древний артефакт.

— Честно говоря, я не понимаю радостей вашей работы,— признался Редферн.— Она коренится в далеком прошлом, где все уже завершено, сделано раз и навсегда, в то время как моя работа — испытывать будущее, к которому мы каждую минуту движемся. Будущее можно контролировать. С прошлым же такие штуки не проходят.

— Согласен. Однако и мы имеем свои сюрпризы и триумфы. Кроме того, ведь именно шайка гробокопателей доказала факт существования древней высокоразумной цивилизации в области сдвоенных миров Арктура.

— Для меня они и по сей день остаются мертвыми мирами,— признался Редферн.

— Может быть. Все равно, гробокопатели продолжают свою работу. Они роют глубже. Им надо узнать, отчего жизнь исчезла. Неужели арктурцы вымерли, и если да, то по какой причине? Может, случилось нечто

похуже, но тогда — как и отчего? Ответы на эти и другие вопросы нам могут очень и очень пригодиться. Знания — материя, которой никогда не бывает слишком много. В нашем мире невозможно стать всезнайками.

— Что ж, посмотрим,— пожал плечами Редферн.

Фальдерсон, масс-социолог, протиснулся в штурманскую рубку и плюхнулся на сиденье. Это был рослый мужчина с солидным брюшком и нервическим тиком левой брови. Его тик часто оказывал гипнотическое влияние на инопланетные жизненные формы во время их исследования.

— Приземление намечено в четырнадцать,— объявил он.— И молю Бога, чтобы аборигены не оказались бандой варваров, которые начнут метать в наш корабль что попало. С глубоким прискорбием признаю, что вынужденное ущемление в жизненном пространстве, эта инкарцерация — бич дальних перелетов! — сделала меня слишком толстым и неповоротливым для примитивных сражений.

— Скоро ты порастрясешь свой жирок,— посулил Редферн.— Все с тебя вытопит, как на сковородке.

— Не могу вообразить, чтобы бессмертные оказались безграмотными дикарями,— высказал мнение Симкин.

— Бессмертные? — недоверчиво посмотрел на него Редферн.— О чем это вы?

Симкин взглянул на него с недоумением.

— Разве вы не знаете, что планета, которую мы ищем, по слухам, населена бессмертными?

— Ну, начнем с того, что я-то слышал. Я получал те же инструкции перед полетом, что и капитан Жильди. Мы развозим экспертов туда-сюда, не спрашивая, что почем.— Нахмурившись, он добавил: — Просто не верится, что кто-то смог открыть секрет вечной жизни. Я тяжким грузом принял на борт эту идею.

— Так же и мы,— откликнулся Симкин.— Однако легенды зачастую оказываются правдой, пусть и сильно искаженной. Наша цель — определить степень достоверности.

— И откуда пришли эти легенды? Расскажите, коллега, ведь это касается ваших подопечных,— кивнул Симкин Фальдерсону.

Масс-социолог начал:

— Доводилось вам слышать об Альпедах, семипланетной группе неподалеку от Ригеля?

— Еще бы. Я там дважды бывал. Кстати говоря, мы и сейчас неподалеку оттуда.

— Стало быть, вам известно, что все семь планет населены разумными жизненными формами, более-менее цивилизованными, но недостаточно для того, чтобы соорудить даже хотя бы допотопный межпланетный корабль. Поэтому они не смогли установить контакт с соседями по планетам до прибытия землян, лишь те пару столетий назад помогли создать систему межпланетной почты.

— Помню, один из моих друзей как раз этим занимался.

— И вот,— с тяжелым чувством продолжал Фальдерсон,— какое известие, кроме политических и коммерческих расчетов на новые миры, донеслось во времена, когда еще никому в голову не пришло серьезно изучать таинственный семиугольник. Некий профессор Браун случайно наткнулся на эту проблему и ушел в нее с головой. Спустя пару лет от его сообщения последние волосы всемирного Совета Академий Наук поднялись дыбом.

— Это еще слабо сказано,— вставил Симкин.

Не обратив внимания на замечание коллеги, Фальдерсон продолжал:

— Все семь планет имели свои письменные хроники. И как это обычно бывает, массу легендарного дописьменного материала. Естественно, до контакта истории и легенды сходились только в мелочах, вызванных простым совпадением. Однако выяснилось одно чрезвычайно важное исключение: все семь планет сохранили одинаковую сказочную историю о мире бессмертных.

— Но это значит, что какой-то контакт все-таки был,— уверенно запротестовал Редферн.

— Совершенно верно! Тем не менее история упоминаний о контактах не сохранила. Главное событие

осталось незапечатленным в веках. Вершина достижений оказалась незамеченной и была предана забвению. Но почему? Думаю, нужны веские основания.

— И каковы ваши предположения?

— Мы предполагаем, что если контакт даже и имелся, то через неких посредников, как и сегодня. И состоялся он в далеком-далеком прошлом, до начала письменной истории, в туманные дни рождения легенд. Логично предположить, что эти бессмертные некогда посещали все семь планет. И запомнились космические гости своим самым потрясающим свойством — бессмертием.

— Хм-м,— пробормотал Редферн.— Два раза — это еще может быть совпадением. И три раза могут оказаться совпадением. Но та же история семь раз — это, по меньшей мере, странность. Она нуждается в объяснении.

— То же подумал и профессор Вейд. Он глубоко копался в семи мифологиях, в результате отыскал еще пару прелюбопытных вещей. Во-первых, бессмертные никогда не посещали Альпеды самолично. Это сыграло злую шутку с нашей логической предпосылкой, и единственной альтернативой, которая нам осталась, была версия о каких-то иных гостях из космоса, которые, фигурально выражаясь, подхватили и передали миф о бессмертии. Во-вторых же, все семь легенд сходятся, что бессмертные жили в огромном мире на единственной планете голубого солнца.

— Ну и...

— Ну и Вейд без промедления просигналил на Землю по лучевой связи. Космографологи и прочие ученые плеши сразу же страшно заинтересовались, зная, что благодаря таким ключам мы уже несколько раз совершали открытия.

— И в частности — благодаря археологии,— вновь встрял Симкин, вызывая досаду слушателей.

— Сектор Ригеля составляет лишь четверть района, назначенного к расследованию,— продолжал Фальдерсон.— Мы получили несколько неплохих спектральных карт местности. Анализ выявил солнце голубого типа неподалеку от группы Альпедов. Астрофизики

сошлись, что там самая вероятная звезда сектора, и рассчитали, что она должна иметь одну большую планету с умеренной массой.

— Это и есть то место, куда мы сейчас навострились? — спросил Редферн.

— Да, мой мальчик. И если нам посчастливится наложить лапу на секрет бессмертия, ты, парень, сможешь шастать по звездным тропам во веки вечные, аминь. Что же до меня, то надо срочно делать что-то с этим бемолем,— Фальдерсон встал и похлопал свое брюшко,— пока он не стал подставкой для носа.

Он покинул компанию, оставив их наедине с размышлениями, а корабль свободно, точно дикий скакун, мчался посреди ширившегося звездного поля. После секундной паузы Симкин заговорил.

— Понимаете ли вы теперь очарование прошлого?

— Вероятно, прошлое представляет интерес для пытливого типа ума,— согласился Редферн.

— В нем есть над чем поломать голову,— оживился Симкин.— И открытия сулят выгоду для любого из миров, пусть даже невозможно лицезреть эти другие миры. Возьмите хоть Землю, например. О своей планете мы знаем больше всех в мироздании, не так ли? И все же потрясающее количество вещей неведомо нам, и они, возможно, так и останутся тайной за семью печатями.

— Это, например, что?

— Самая широко распространенная и научно обоснованная легенда — о Великом Потопе. Почти не осталось сомнений, что она имеет реальную базу. Некогда в далеком прошлом нечто глобально-катастрофическое произошло с нашей планетой. Это бедствие отбросило человеческую расу на неизвестную дистанцию вниз по лестнице развития цивилизации. И самый центральный, я бы даже сказал, пуповой вопрос тут: с какой высоты пришлось падать?..

— Наверное, далеко падать не пришлось,— предположил Редферн.— Ведь до Великого Потопа мы еще ползали по деревьям.

— Если даже и ползали, что само по себе весьма спорно, то до Потопа у них в запасе еще оставались

бесчисленные тысячелетия. Времени хватало с избытком, чтобы раса гомо сапиенс вскарабкалась на самую верхушку и была сбита оттуда десяток раз. Посмотрите, как далеко мы зашли в нынешней, письменной истории, покрывающей менее десятка тысяч лет. Так куда же мы забирались, что делали и где были, когда океаны выходили из берегов и с грохотом устилали землю, обрекая нас на вымирание?

— И не спрашивайте,— ответил Редферн.— Меня там не было.

— Олаф, мы могли там изрядно покуролесить, но даже и не догадываемся о собственных подвигах,— совершенно серьезным тоном произнес Симкин.— И по этой самой причине я бы дал руку на отсечение, дабы достичь невозможного.

— В смысле?

— Я отдал бы вот эту руку за то, чтоб хоть одним глазом взглянуть, что может скрываться под сотнями кубокилометров соленых вод и многотонными слоями ила. Я многое отдал бы, чтобы посмотреть, что проживало на планете до того, как сравнялись долины и холмы и как смятенные группы уцелевших одичало странствовали по земле в убранстве вод.

— Что ж,— ответствовал Редферн, усмехаясь,— интересно было бы посмотреть на вас в тот момент, когда вы выудите из грязи космолет, дающий сто очков нашему чуду техники.

— А еще интересней было бы увидеть ваше лицо,— парировал Симкин,— когда вы узнаете, что мы в новом развитии пока не достигли той ветки, с которой когда-то свалились.

Редферн пропустил последнюю реплику мимо ушей. Ведь он был пилотом, человеком в высшей степени практичным, привыкшим иметь дело с насущными проблемами, не уделяя времени заумным рассуждениям.

Прогнозы астрофизиков оказались верными. У голубого солнца и в самом деле была одна большая планета с относительно низкой массой. Она не была газообразной или жидкой. Скудная растительность покрывала

поверхность, в грунте поблескивали редкие отложения легких металлов, среди которых, к сожалению, не попадалось тяжелых.

Ничто не препятствовало посадке. Тесты показали, что радиационный фон безвреден — по представлениям человека. Атмосфера планеты не была избыточной, однако кислорода имела достаточно.

Во время кругосветного плавания, совершенного на низкой орбите, прежде чем был встречен первый экземпляр, обнаружилось много свидетельств деятельности доминирующей жизнеформы. Самыми заметными чертами здешней жизни были разум и поголовное вегетарианство. Внизу раскинулись поселения и гигантские обработанные участки земли, но не паслись стада животных.

Трусливо отлеживаясь на носу и пялясь сквозь передний иллюминатор, Фальдерсон подал голос:

— Настоящее село. Обратите внимание — острая нехватка тяжелой индустрии. И города небольшие. Крупными они кажутся только из-за разбросанности жилья. При каждом доме сад акра на два, а то и побольше.

— Да и с транспортом никаких проблем,— заметил Жильди.— Ни тебе железных дорог, ни аэропланов, ни давки на проспектах.

— Даже если бы у местных обитателей хватило ума изобрести локомотивы, планеры и автомобили, их не создать без естественных ресурсов,— сказал Редферн.— Можно биться о заклад, что этот народец никогда не поднимался в космос, да и не мечтал о нем. Они привязаны к земле. Хм-м! Зверски интересно будет посмотреть, какие социальные проблемы вызвал недостаток того, что с лихвой отпущено большинству населенных планет.

— Жми вниз, Олаф,— распорядился Жильди, указывая, куда именно.— Посади вон у того города на берегу реки. С виду место вполне обитаемое, ничем не лучше и не хуже других.

— Пошел будить Тэйлора,— озабоченно пробормотал Симкин, торопясь к выходу из рубки.

В одной из кают он отыскал лингвиста и оторвал от продолжительного сна, навеянного наркотическими

препаратами. Тэйлор, хронически страдающий от космической мигрени, проснулся, приподнялся на кровати и захлопал глазами.

— Ты хочешь сказать, мы приехали?

— Уже. Тебя сбил с толку сон. Поторопись привести ум и память в порядок — для сбора новых слов, жестов и дымовых сигналов, которые, вероятно, последуют после нашего приземления.

— Я готов. Это же моя работа, разве не так? — Тэйлор зевнул, потянулся, разминая суставы, и глубоко вздохнул.— Будем надеяться, что этот мир не похож на Добропожуй. Там у меня ушло восемь недель на сбор языкового материала, от которого челюсти вывихнуть можно, да и после я еще сильно хромал в местном жаргоне. Человеческий язык слишком неповоротлив, чтобы воспроизвести все эти ритмические пощелкивания щупалец с усиками.

Его бросило на койке вбок, когда каюта качнулась. Симкин шатнулся, хватаясь за стену. В таком положении они оставались, пока корабль выравнивался и со скрежетом тормозил на приделанных к брюху полозьях.

— Благодарение небесам,— искренне произнес Тэйлор после остановки.

— Зачем же ты выбрал космос, раз тебе так нравится твердая почва под ногами?

— Кто выбрал? Не смеши! Сказали, что нужен доброволец и ткнули пальцем прямо в меня.

Оставив его каюту, Симкин заторопился в носовую часть. Фальдерсон, Жильди и Редферн уже безмолвно глазели сквозь экран переднего обзора на окружающую местность — объект их трехстороннего интереса.

Инопланетянин вышел из ближайшего дома: длинного приземистого строения, выложенного из резного орнаментального кирпича. Он спешил им навстречу по дорожке своего сада. Его совершенно инопланетная наружность не имела ничего из ряда вон выдающегося для космонавтов, чей изощренный взор давно привык к формам куда более поразительным. Удивляла лишь манера передвижения.

Инопланетянин устремился к кораблю без какой-либо угрозы, тревоги, воодушевления, любопытства и прочих симптомов первой встречи разумов в новооткрытых мирах. Напротив, он проявлял живости не больше, чем какой-нибудь флегматичный фермер при виде завязнувшего в грязи автомобилиста, которому требуется хороший толчок надежного рабочего плеча.

Но если он и собирался оказать помощь, то до нее оставалась еще масса времени, поскольку самый широкий из шагов не превышал того, на который способна улитка. Обитатель планеты голубого солнца — экземпляр двуногого чуть меньше средней человеческой особи, но коренастого и широкого в кости. Два сверкающих желтых глаза светились среди морщин, покрывавших его серокожее лицо. На нем был ладно скроенный и пригнанный костюмчик, из которого торчала пара ног, страдавших изначальной слоновостью, и таких же морщинисто-серых, как и лицо. Заканчивались ноги ступнями-подушечками, тоже несколько слоновьими.

— Внешневыраженный гуманоид,— определил Фальдерсон.— Обратите внимание на эти руки — совсем как мои, только длиннее и тоньше. Держу пари, что предки его были рептилиями; налицо морфология ящерицы, научившейся в древние времена ходить на задних лапах и бороться с окружающей средой с помощью мозга и передних конечностей.

— Но у него нет хвоста,— заметил Редферн.

— Так же как и у вас — на сегодняшний день.

— Что-то я такое уже читал,— задумался Симкин.— Древний тип по имени вождь Таумото или что-то вроде. Он был почитаем на островах Тонга на протяжении более двух столетий. Наука проявила к этой фигуре самый пристальный интерес, поскольку он был старейшим из живущих на земле существ.

— И сколько ж ему было? — поинтересовался Редферн.

— Точно неизвестно— нет свидетелей. Все, что можно сказать наверняка, он прожил еще лет двести на памяти ныне живущих и был гигантской черепахой, занимавшей в племени место вождя.

— У этого парня, похоже, тоже черепашья шея,— заметил Редферн, продолжая наблюдать усердное продвижение хозяина.— И скорость у него, доложу я вам, просто бешеная

— Где же наш Тэйлор? — поинтересовался Фальдерсон.— Олаф, немедленно открывай люк и выбрасывай трап. Если мы не двинемся навстречу этому типу, то придется еще с месяц дожидаться его прибытия.

Они спустились по металлическим ступенькам и пошагали к аборигену. Едва завидев гостей, местный житель остановился, видимо, решил приберечь силы. Вблизи он смотрелся не так человекообразно.

Итак, два разума стояли лицом к лицу, изучая друг друга: и если земляне проявляли дружественно-прямодушное любопытство, то серолицый выражал лишь покорность неизбежной процедуре.

Указывая на свой рот, Тэйлор старательно произнес несколько слов, стараясь придать им вопросительную интонацию. Другой разум ответил парой-тройкой жидких слогов, прозвучавших чуть громче шепота.

— Коммуникативный вокализм,— заявил Тэйлор с нескрываемым облегчением.— Уверен, что смогу разобраться с их речью, не срывая горла. Дайте мне несколько дней — и местный треп, считайте, у нас в кармане.

Прислушиваясь без всякого выражения на лице, местный подождал завершения тирады, ленивым жестом показал в сторону здания и гостеприимно произнес:

— Варм!

— Слово номер один,— оживился Тэйлор.— Варм — значит, «пошли!»

И они пошли. Хождение, однако, оказалось самой трудной задачей, с которой им пришлось столкнуться в последние годы. Колоссальная проблема преодоления расстояний сверхсветовыми спецсредствами оказалась сущим пустяком по сравнению с задачей идти спокойным шагом по полмиле в час.

С чужаком во главе они обползли дом, остановились перед парой деревянных дверей, покрытых сверху до-

низу ручной резьбой. Открыв их, серолицый выкатил из темноты машину.

Тэйлор не удержался от возгласа:

— Глазам своим не верю!

Хитрое приспособление — рама из алюминиевых трубок на четырех колесах, а вместо двигателя шесть рычагов с педалями. Агрегат венчали три парных ряда сидений для удобства источников энергии.

Выдвинув этот мультицикл из гаража, они водрузили его на узкую дорожку, словно бы выложенную из матового стекла. Серолицый взобрался на правое переднее сиденье, возложив опытную руку на штурвал. Другой рукой он пригласил землян последовать примеру.

— Вы у нас пилот опытный, вам и переднее место, рядом с хозяином,— намекнул Жильди Редферну.

Рассевшись по местам, они установили ноги на педали, похожие на небольшие тарелочки, расположенные на несколько дюймов выше, чем хотелось бы.

Мультицикл тронулся с места, постепенно наращивая скорость и, наконец, помчался по дороге с восхитительной скоростью двадцать миль в час, а дюжина ног ритмично выдавала ее на-гора. Докатившись до небольшой развилки, гуманоид дернул шнурок, связанный со штурвалом, и из коробки, расположенной позади, вырвалось душераздирающее: — И-и-и!

Ответное «И-и-и!» раздалось со встречной дороги, где в точности такая же машина с двумя членами экипажа притормозила, пропуская их вперед. Эта пара ничуть не удивилась при виде жмущих на педали землян.

Фальдерсон, работая на заднем сиденье рядом с Симкиным, пропыхтел: — Неплохой тренажер...

— Ничего не понимаю,— сказал Симкин, оглядываясь по сторонам.— Посмотрите только на эти богато декорированные дома, на эти ухоженные садики. Каждый дом — картинка. Коллеги, вам не кажется, что народ с такими высокими строительными стандартами мог бы создать более совершенный транспорт?

— А зачем? — спросил Фальдерсон.— Они не могут печь пироги без теста. Они не могут делать машины без стали и ездить на них без бензина. Судя по всему, у них

и электричества-то нет.— Он покачал головой, толкая педали.— Должно быть, они безнадежно потерянные существа.

— Почему?

— Уверен, они не более живучи, чем собака мисс Мерфи, а миф о бессмертии порожден кем-то другим. Возможно, они из ряда вон выходящие долгожители. Если так, у них в запасе куча времени, о чем, кстати, говорит и все это выкрашенное и вылизанное окружение. С другой стороны, кто знает, что они успели напридумывать за такие сроки? Может, они изобрели половину того, до чего додумались мы, включая средства покорения космоса, но только теоретически. Создатели грез, которым никогда не суждено воплотиться.

— Я бы не прочь остаться здесь на год-другой и как следует порыться в их прошлом,— заявил Симкин.

— Если у нас впереди еще десяток миль,— раздался хрип Фальдерсона, то я здесь точно останусь — по причине фатальной грыжи.

В этот момент машина свернула направо и завихляла по широкой площади, на которой полдюжины фонтанов посылали в небеса перистые струи. Затормозив у орнаментальных дверей величественного особняка, Серолицый спешился. Он вступил в зал, оставив космонавтов осматривать настенные росписи коридора.

Старейшина города Карфин приник к бумагам на столе с медлительностью и тщанием, которые свойственны почтенному возрасту. Он ощущал колоссальный вес своих годов, которые приближались к восемнадцати тысячам земных лет. Он пережил поколения многих и многих землян, он пережил подъем и падение земных цивилизаций, он пережил всю письменную историю Земли. Ничто не могло удивить здешний мир и населяющий его разум. Все для него было в порядке вещей.

Но теперь он сознавал, что становится слабее, протянет еще столетия три-четыре, а на большее его не хватит. Он поднял взгляд на распахнувшуюся дверь и вошедшего. Его старческие, помутневшие глаза остановились на

посетителе — твердо и не мигая, точно у греющейся на солнце ящерицы.

Совладав с волнением, посетитель произнес почтительным полушепотом:

— Высокочтимый Старейшина, мое имя Балейн.

— Да, Балейн, слушаю тебя.

— Высокочтимый старейшина, часов девять назад небесный корабль розоволицых двуногих приземлился в моем саду. Я привел их сюда, зная, что вы пожелаете встретиться с ними.

Карфин вздохнул и произнес:

— Они являлись еще в ранние годы моей юности. Помнится — если меня не подводит память,— они останавливались на разных орбитах и рассказывали о многих чудесах неба. А когда они перестали навещать нас, я решил было, что мы недостойны их внимания.— Он снова вздохнул.— Ну что ж, нельзя сказать, что они докучают частыми посещениями. Пожалуйста, проведи их сюда.

— С радостью, Высокочтимый Старейшина,— с этими словами назвавшийся Балейном торопливо пополз к выходу и вскоре возвратился с космонавтами.

Все пятеро землян выстроились перед ним и смотрели на Старейшину дерзкими, устремленными куда-то вдаль глазами, в которых светилась страсть к опасностям и приключениям, столь свойственная их расе.

И никто из них не ведал, что все это происходит не в первый раз.

УЛЬТИМА ТУЛЕ

Корабль, содрогаясь рябью, вынырнул из гиперпространства и застыл. Холодом металла отливала его поверхность. Бледные призраки сорока главных реактивных двигателей наконец обрели конкретность. Они стали твердыми, образуя счетверенное кольцо дюз, готовых выстрелить столпами огня длиною в восемь миль.

Лаудер вглядывался сквозь носовой иллюминатор переднего обзора и протирал глаза. В этот раз взгляд его задержался дольше обычного — намного дольше. Дрожащая рука нащупала бинокль. Но и мощные линзы здесь не помогали, так тряслись руки. Он отложил оптику и снова протер глаза.

— Что это тебя так гложет? — Сантел уставился на него в упор.— Что-то не так?

— Еще бы.

Слова его заставили Сантела встревожиться, он поскреб длинными пальцами в рыжем загривке, подошел к иллюминатору и уставился наружу.

— Как картинка? — спросил его Лаудер.

— Не может быть!

— Ха! — изрек Лаудер.

Сантел воззрился в бинокль, пристроив локти на толстую оправу иллюминатора.

— Ну, как? — поощрил Лаудер, которому не терпелось узнать мнение товарища.

— Не может быть! — остался при своем Сантел.

— Глазам не веришь?

— Первое впечатление может быть обманчивым.

— Мы заблудились,— Лаудер сел, уставясь невидящим взором в ботинки. Его осунувшееся лицо исказилось отчаянием.— Заблудшие души в колодце кромешной тьмы.

— Заткнись!

— В детстве я как-то засунул три мухи в одну бутылку. А потом заткнул пробкой. Вот так и мы теперь — точно мухи в бутылке...

— Заткнись! — гаркнул Сантел громче прежнего и встряхнул рыжей всклокоченной шевелюрой. Он снова бросил взгляд за стекло иллюминатора.— Я поговорю с Вандервееном.

— Потом я бросил бутылку в озеро. С той поры минуло тридцать лет, несколько мушиных веков. В озере холодном и темном, без берегов. Они, может, все еще там. Там еще, понимаешь. Все там же, под пробкой.

Включив интерком, Сантел проронил в микрофон несколько слов хриплым, надтреснутым голосом.

— Капитан, тут что-то не то. Вам бы лучше прийти да посмотреть.

— Я и отсюда прекрасно вижу,— пророкотало в динамике.

— Ну?

— Здесь четыре окна в навигаторской. Как раз чтобы наблюдать. Я увидел.

— И что вы думаете?

— Ничего.

— Потерялись,— бормотал Лаудер.— Сгинули бесследно, будто нас никогда и не существовало. Еще одна строка в списке пропавших кораблей. Память, что блекнет с годами, пока наконец не улетучивается окончательно.

— Из ничего можно получить только ничего,— сказал капитан Вандервеен.— Кто это там бредит?

— Лаудер.

— А кто еще может быть? — прокричал Лаудер в динамик.— Здесь только мы трое, и больше — никого. Плечом к плечу — и в кошмарном одиночестве. Всего — трое. Вы, я и Сантел.

— Как же трое могут быть в одиночестве? — спокойно спросил Вандервеен.— Одиноким может быть только один мужчина или женщина, один ребенок, в конце концов.

— Женщин мы теперь вообще больше никогда не увидим.— Костяшки пальцев на судорожно сжатых кулаках Лаудера побелели.— И насчет детей — тоже... никогда не узнаем, что это такое.

— Полегче,— посоветовал Сантел, глянув на него.

— Еще осталась четверть тралианского энергосплава во втором двигателе,— донесся командирский бас Вандервеена.— Дадим двойной толчок. Через минуту буду у вас.

Лаудер тяжело дышал. Через некоторое время он произнес:

— Прости, Сантел.

— Все в порядке.

— Мне что-то не по себе.

— Понимаю.

— Ты не понимаешь.— Он поднял левую руку и продемонстрировал перстень с печаткой.— Она подарила мне его два месяца назад. Я преподнес ей закаленные опалы с Проциона Семь. Мы собирались пожениться — в самом скором времени. Этот рейс должен был стать для меня последним.

— Вот как! — Брови Сантела чуть приподнялись.

— И он станет моим последним рейсом.

— Ну, ну,— утешительно пробормотал Сантел.

— Моим самым последним — навеки. Она может ждать, листать календарь, обыскивать космопорты, просматривать списки прибывших, надеяться, молиться. Она состарится, она поседеет в ожидании новостей. Или найдет себе другого. Который вернется к ней, улыбаясь, с подарками.— Рука его бессильно опустилась.— Дай-ка мне еще разок эту посудину.— Он сделал несколько продолжительных глотков, поднес бутылку к глазам, пристально вглядываясь сквозь темное стекло.— Мухи, вот кто мы.

— Твое детство наносит удар через года,— вынес диагноз Сантел.— Не стоило тебе делать этого.

— А ты, ты разве никогда не сажал мух в бутылку?

— Нет.

— И крылышки, крылышки никогда не обрывал, наблюдая их мучения?

— Нет.

— Счастливый человек.

— Похоже на то,— Сантел сухо кивнул в иллюминатор.

В рубку протиснулся Вандервеен — дюжий мужчина внушительной комплекции с шикарной окладистой бородой.

— Стало быть, посмотрели в окна, и пейзаж вам не понравился.— Вандервеен был, вероятно, единственным повидавшим виды звездным волком, который упорно называл иллюминаторы окнами.— Смотрите, значит, только через эти, а через другие не желаете. Не глупо ли?

Они отреагировали достаточно энергично.

— А вы, вы видели что-нибудь, капитан?

— Ничего. Во всех окнах — то же самое. Пустота кромешная.

Они вздохнули, разочарованные вконец.

— Осталось только одно неисследованное направление,— продолжил он.— С кормы. Пусть кто-нибудь из вас примерит скафандр и попытает счастья. Через носовой шлюз идти не стоит — основные двигатели давно остыли, и с тыла обзор открыт.

Сантел облачился без посторонней помощи. Они лишь помогли установить шлем и туго затянули болты. Скафандр ожил, зашевелился — и покинул помещение.

Каждый его шорох эхом раскатывался по кораблю, передаваясь с некоторым усилением. Стук тяжелых магнитных подошв. Шум двигателя за дверью воздушного шлюза. Тонкий пронзительный свист воздуха, выкачанного, прежде чем космонавт откинул трап у камеры внутреннего сгорания. Шелест скафандра по обшивке: удаляющийся, затем — приближающийся. Все те же звуки — только в обратном порядке.

Он вернулся. Ответ им был известен еще прежде, чем оказался сдвинут последний болт головного шлема. Ответ был написан на его лице за пластигласовым

визором. Сняли шлем. Мрачная безнадежность лежала на челе космонавта.

— Засада почище той, что у вас перед глазами.— Сантел размашисто расстегнул молнию скафандра и, извиваясь, стал выбираться оттуда, точно краб из усохшего панциря.— Похоже, нам кранты.

— Тьма кромешная,— безнадежно бормотал Лаудер, помахивая бутылкой.— Полнейшая тьма, плотная, непроницаемая. Ни искорки света. Ни тебе золотого или серебряного отблеска какой-нибудь далекой звезды. Ни бледно-розового следа ракетного двигателя. Ни призрачного фантома кометы.

Вандервеен стоял у иллюминатора, оглаживая бороду.

— Ни солнц, ни планет, ни зеленых полей, ни поющих... птичек,— тянул Лаудер, в перерывах щедро увлажняя глотку.— Бог дал — Бог и взял.

— Он здорово нализался,— предупредил Сантел.

— Пусть себе.— Вандервеен и глазом не повел.— Ему так лучше — и нам спокойнее.

— Может, у меня реакция замедленная,— голос Сантела оставался тверд.— Но я пока не нахожу причин для отчаяния.

— Естественно. Ты ведь инженер и мыслишь, как инженер. Ты знаешь, что гиперпространственным скачком можно испытать судьбу — куда вынесет. Остаются к тому же ракетные двигатели. Пусть мы сгинули с глаз долой, но еще целы.

— Да, конечно, гиперпространственный...— Видимо, это слово нашло отклик в пьянеющей с каждой минутой голове Лаудера.— Двадцать световых в час. Это спасет нас. Надо пользоваться любым шансом.— Он, ухмыляясь, стал озираться, мгновенно осчастливленный.

— Точно упавший в море аэроплан,— такое сравнение отчего-то вдруг взбрело в голову Сантелу.— Вошел в воду и не может взлететь...

Лаудер качнулся, замахиваясь бутылкой, точно стеклянной дубинкой.

— Молчи — тебе и дела нет, пусть мы здесь хоть заживо сгнием. Да и куда тебе возвращаться? В вонючую комнатенку в общаге для одиноких космонавтов? Месяц на мели лузгать семечки да храпеть в библио-

теке за гипнопедами, чтобы устроиться в коммерческий рейс на крупном судне — чего тебе никогда не светило. Живи и страждуй звездных трасс, что не приведут никуда,— и когда тебе уже ничего не будет...

— Еще будет, Лаудер,— оборвал его Вандервеен.

— А что до тебя...— обернулся Лаудер к капитану.

— ВСЕ БУДЕТ! — Борода Вандервеена встопорщилась. На дюжих ручищах вздулись кулаки.

В ярости Лаудер запустил в него бутылкой, всхлипнув: — Поговори у меня!

Капитан утробно рявкнул, взмахивая внушительной дланью. Больше он ничего не сделал, но этого оказалось достаточно, чтобы запустить напарника по комнате, точно шар в боулинге.

И — тишина. Они посмотрели на то, что рухнуло в углу с зажмуренными глазами, дыша тяжело и хрипло. Отвернувшись от тела, они вновь посмотрели в иллюминатор. Молчание и темнота. Ни звездочки, ни отдаленного светила. Ни отчетливо различимого сияния Млечного Пути. Лишь глубокая бездушность до дня Творения. Они были телами на забытой барке, покоившейся в океане без времени и берегов, без дна и перемен. Тьма африканская и умиротворяющая, как смерть.

— Это не путь астронавта.— Сантел ткнул пальцем в угол.— Он не сможет сохранить ясность рассудка.

— Его еще ждут. Это многое значит.

Сантел подмигнул.

— Тебя — тоже.

Капитан смотрел во тьму и, казалось, видел там только прошлое.

— Я совсем другой человек. Да и ты другой. В этом и прелесть человеческих отношений, что все люди — разные. Каждый делает то, что отпущено ему щедротами Господа. Лаудер не способен на другое.

— Нет, сэр,— согласился Сантел с безграничным уважением в голосе.

Лаудер скоро пришел в себя, проморгался, но ничего не сказал. Вскарабкавшись на свою койку, он про-

спал четыре часа кряду. Проснувшись, он сразу посмотрел на хронометр.

— Эй, ребята, мы что, так и стоим на месте?

— По большей части.

— Пялитесь в эту черную Тускарору? Что вы в ней нашли интересного?

Сантел не подумал отвечать, и не только ухом, но и бровью не повел.

— Думаем,— ответил Вандервеен.— Тяжко.

— Да ну? — Лаудер выкарабкался наружу, осторожно потянулся и ощупал челюсть.— Кто это так меня приложил?

— Может, я. А может, и Сантел. А может, ты сам себе двинул той бутылкой, которой все время размахивал. Неугомонный ты наш.

— Понял. Вопросов нет. Замяли.

— И пока я здесь капитан — никаких склок, никакой грызни. Тем более когда мы в этой западне. Группа у нас небольшая, и все повязаны.

Лаудер оглядел его, облизал пересохшие губы.

— Думаю, вы правы, капитан. Что ж, пойду попить. Пересох, как подошва.

— Полегче с водой,— посоветовал Вандервеен.

— Не понял?

— Там последняя.

«...Полегче с водой — там последняя. Это уже сегодня, в первый день. А завтра, на следующей неделе, в следующем месяце — что? Рацион строго по каплям, причем каждая следующая порция — дороже предыдущих. Каждый жадно смотрит на долю соседа, облизывается на каждую капельку, следит за тем, как она сползает, падает, издавая сладкое, восхитительное „кап!“

И три ума неодолимо занимаются нехитрой арифметикой: делить надвое гораздо дольше, чем натрое. А вершина всех вычислений, уже высшая математика: все для одного — куда больше, чем для двух. И сколько жидкости можно отыскать в чужом теле? Которому она уже все равно не нужна? Самое крупное, поди, накопило ее гораздо больше. Сколько плещется согревающих пинт в Вандервеене?..»

Взор капитана сопровождал его, когда он отправился за водой. Беду легче переносить в обвинениях, подозрениях и угрозах. Но их не было. Было хладнокровие, спокойствие, мужество. Переделка, в которую они влипли, что и говорить, из ряду вон. Лаудер обошелся одним-единственным глотком, прокатившимся незамеченным в пересохшем рту, и медленно побрел обратно в рубку.

— Что, так и будем корячиться здесь, пока не высохнем, как мумии? Почему не попробовать гиперпространственный скачок?

Большой палец Вандервеена уткнулся в иллюминатор.

— Потому что мы не знаем, в какую сторону скакать. Направление — путь для видимого мира. А здесь ничего видимого нет, одно только невидимое, поэтому никак не определиться, раз непонятно направление, Эйнштейнище ты наш.

— Мы знаем, как мы сидим. Все что надо — развернуться по линии первоначального движения.

— Легко сказать.— Если капитан и чувствовал беспокойство, то оно никак не отражалось на его мужественном лице.— Мы на самом деле не знаем — ни как мы сидим, ни даже, где сидим, хотя — где сидим, я бы мог сказать, поскольку, похоже, среди нас нет женщин. Прибавьте к этому, что мы даже не знаем, движемся ли куда-нибудь и с какой скоростью или просто стоим на месте. А может, мечемся на привязи вокруг какого-нибудь гравитационного кола, вбитого в самой середине черной дыры. Так что мы можем крутиться сколько угодно, вдоль оси, как ты говоришь, или поперек — ничего нового мы при этом не узнаем. Мы можем на самой высокой скорости перенестись в какую-то точку по прямой или вращаться по гигантской бесконечной дуге. Для нас нет никакой возможности узнать это.

— Но приборы...

— Приборы придуманы для пространственно-временных континуумов, в которых они и действуют. Теперь же нам нужны... новые инструменты для совершенно иного типа условий!

— Хорошо. Вы получите инструменты. Но для этого нам все-таки придется привести в действие гипер-

пространственные двигатели.— Лаудер встряхнул кулаком.— Они могут рвануть нас за четыре последовательных слоя гиперпространства, четыре сосуществующие вселенные. И там ничто не будет закрывать обзора, как в этой чертовой дыре. Там будут огни, маяки, сигналы — все, что может привести нас домой.

— Маяки,— уныло отозвался Сантел.— Красный карлик, старый, стерильный и лишенный планет, сейчас бы показался мне сущим раем.

— Но мы же можем попробовать? — настаивал Лаудер.— Что нам мешает?

— Можем,— Вандервеен был задумчив, отвечал неохотно.— Но если мы промахнемся...

— Тогда мы сделаем еще один скачок, более глубокий и решительный — в той же тьме кромешной,— закончил за него Сантел.— А потом уже окончательно сбрендим и станем скакать снова и снова, как блоха в скафандре. И будем погружаться все глубже и глубже, вместо того, чтобы выбираться ближе и ближе. Все больше барахтаться и все глубже увязать, точно мухи в пивной луже.

— Мухи! — воскликнул Лаудер на самой высокой ноте, доступной его голосу.— Вы мне их опять подбросили?

Вандервеен двинулся вперед и столкнулся с ним грудь о грудь.

— Спокойно! Слушай сюда! — Пальцы его в этот патетический момент служили гребнем шикарной бороде.— Мы располагаем множеством выходов. Право, лево руля, полный вперед и назад, по восходящей, нисходящей — и в тысяче других промежуточных направлений. И вдобавок все прочие координаты, столбцы которых заняли бы лист в десять ярдов длиной. И лишь одна из них может быть верной. Только одна может дать нам спасение, жизнь, дом, зеленые поля, ласковое солнце, тепло и дружеский локоть. Любой другой вектор может завести нас в тупик еще более глубокий и сделать наше безнадежное положение крайне безнадежным. Понятно?

— Да,— ответ прозвучал почти шепотом.

— Прекрасно. Задай направление, и мы испытаем судьбу.

— Я? — Лаудера трясло.— Но почему я?

— Потому что ты нытик,— сказал Сантел.

Капитан повернулся на его реплику.

— А вот это необязательно.— И снова, обращаясь к Лаудеру: — Ну, выбирай!

— Прямо сейчас? — Лаудер оттягивал момент, жутко боясь ошибиться.

— Точка?..— командирским голосом спросил Вандервеен. И повторил уже утвердительно: — Точка!

Обливаясь потом, Лаудер махнул рукой наугад. Это походило на сигнал к старту при заплыве в гиблом омуте.

— Назовите любое сочетание из трех цифр.

— Двести тридцать семь.

— Литера.

— «Б».

— И — угол.

— Сорок семь градусов.

— А вы,— обратился капитан к Сантелу,— слушайте, что он говорит. Направьте корабль по выбранным координатам. Включайте, как только будете готовы.

Сантел церемонным жестом извлек из нагрудного кармана крошечную деревянную обезьянку, трижды прихлопнул между ладоней, поцеловал и сунул назад. После чего сел за панель управления и, взявшись за штурвал, рванул с места.

Остальные стояли, как ни в чем не бывало, словно задержка гиперпространственного скачка была обычным делом. Очевидно, сам факт, что двигатели не отозвались, не сразу проявился у них в голове. Не было ни тряски, ни рывка. Ни этого головокружительного, пьянящего толчка, всегда сопровождающего сверхбыстрые перемещения от одного миропорядка к другому. Ни даже отчетливой дрожи в тканях обшивки.

Хмурясь, Сантел снова уселся за штурвал и попытался еще раз, затем отправился проверять двигатели. Он исчез в машинном отсеке, появился минут через двадцать и снова стартовал.

— Не работает.— Он склонил голову к плечу, лицо его хранило выражение тревоги и озадаченности.— Дви-

гатель в полном порядке. Все, как и должно быть. И тем не менее — не работает.

— Должно работать! — взорвался Лаудер.

— В таком случае,— предположил Сантел, освобождая место штурмана,— сделай так, чтобы работал.

— Я не инженер. Это твоя епархия.

— Что ж, тогда я — пас. Не могу отладить то, что не ломалось. Как устранять неисправности в механике или электронике, которых не существует? Попробуй, может, у тебя получится.

— Дайте-ка я попытаю счастья,— Вандервеен протиснулся вперед, сел за пульт управления и старательно набрал с десяток серий координат. Корабль так и не шелохнулся. Экраны оставались пусты, словно утонули в саже.— Счастье мое молчит.— Он тяжело поднялся, не выражая никаких эмоций, однако сразу как-то постарел и осунулся.— Двигатели не действуют.

Сантел поскреб в затылке:

— Не нравится мне это, капитан. Гиперпространственные переносят из пространства в пространство. Теоретически возможно лишь одно место, где они не могут работать.

— Ну?

— Непространственное или внепространственное — как вам больше придется по душе называть его. Место, которому совершенно чужды пространственные характеристики.

— Вздор,— тут же с азартом вмешался Лаудер.— Где это не бывает пространства? Всегда найдется тот или иной континуум. Где можно отыскать место вне космоса?

— За пределами мироздания,— мрачно изрек Вандервеен.

Эта сентенция загипнотизировала остальных. Они стояли бок о бок, ошалело пялясь на него, их мысли смешались, языки онемели и пересохли.

Наконец Лаудер совладал с голосом.

— Большие корабли ходят побыстрее и подальше нашего. Они могут пересекать проливы между островами вселенных. Они перепархивают из одной галактики в другую и за каждыми открывшимися пределами на-

ходят их еще больше. Всегда есть что-то, находящееся за пределами, бесконечная процессия выстроилась у дверей бытия, сияя в ночи. Творение не имеет границ.

— В самом деле?

— Нет,— однозначно заявил Лаудер.

— А можешь ты ДУМАТЬ о чем-либо вне ограничений?

— Ум человека на самом деле не способен постичь бесконечность. Ну, так и что?

— Значит, ты безапелляционно отвергаешь то, что не можешь понять.— Вандервеен внимательно смотрел на него из-под кустистых бровей.— То, что нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

— Попробуйте сами доказать то, что вы здесь говорите,— выпалил Лаудер. По мере того как сознание его воспринимало жуткий подтекст слов капитана, он все больше терял самоконтроль.

Вандервеен отвечал ровным голосом:

— Гиперпространственный крайне эффективен, однако и он не имеет стопроцентной гарантии. То есть он работает в любом пространственном континууме. Здесь же — не действует. Вдобавок — никакой свет не проникает в данный момент за борт корабля. И никакие радиосигналы — по бортовой рации.

— Рация,— Лаудер с досадой хлопнул себя по лбу.— Совсем забыл про нее.

— Мы уже пробовали, пока ты дрых. Рация молчит, как могила.— Скрестив руки перед грудью, капитан размеренно расхаживал по рубке.— Итак, мы имеем некое место, которое по сути не является космосом, пространством в нашем понимании. Нечто холодное и стерильное. Где не существует всех гравитационных и электромагнитных явлений, о чем красноречиво свидетельствует молчание всех наших приборов. Короче говоря, то, что стоит в стороне от всего материального и от любых созидающих сил материи. Полное отрицание. Ультима Туле. Место, забытое Богом.— Он посмотрел на них, выставив бороду.— Гиперпространственные вынесли нас на обочину, и мы — за пределами вселенной.

— Что ж,— заговорил Сантел,— вот как обстоит дело, на мой взгляд.— Все вещи, с которыми мы знакомы:

свет, гравитация, воздух, пища, тепло, общество и так далее,— заключены внутри корабля. По ту сторону — ничего, кроме, наверное, кораблей, рассеянных по бесконечному кладбищу мрака, сорок кораблей, тех самых, которые исчезли, не оставив ни сигнала, ни следа за три тысячи лет, после того как гиперпространственный двигатель вошел в широкое пользование. Ушли вовеки,— заунывно бубнил Сантел, видимо, получая странное болезненное удовольствие.— Во веки веков — аминь!

Лаудер в неистовстве стал восклицать:

— Мы еще выберемся отсюда. Мы улетим в сиянии славы. Мы не станем ждать, пока придет новое царство.— Он поочередно сверкал глазами на спутников, ожидая возражений.— Потому что я сейчас же стартую ракетными двигателями.

— Бесполезно,— отвечал ему Сантел.— Один час гиперпространственных покрывает большее расстояние, чем ракеты — за двести лет, даже если топливо...

— Плевать на топливо! Горите вы вместе с вашим топливом!

Двое молчали. Их взоры следовали за Лаудером, который усаживался в кресло пилота, возился с инжекторами, включал зажигание. Корабль ревел и трясся.

— Видите? — Он выскочил из кресла, стараясь перекричать шум, и сплясал небольшой танец триумфа.— Видели?

— Видишь? — крикнул Сантел еще громче. Он указал на шкалы измерителей. Их стрелки трепетали в полном согласии с вибрацией корабля, но больше ничего не происходило. Ни толчка вперед. Ни завывания скорости. Ни тяжести ускорения. Реагировал только термометр. Он проворно карабкался вверх. Тепло хлестало от кормы, почти никакой излучения вовне не было.

— Вырубай, Лаудер! — скомандовал Вандервеен, заметив, что показания термометра уже перебираются за красную линию.— Вырубай — или мы поджаримся заживо.

— Поджаримся! — взвыл Лаудер, не обращая внимания на термометр и продолжая свою безумную пляс-

ку у панели управления.— Кому какое дело? Ведь мы возвращаемся. Домой. Туда, где деревья и цветы. Где Винифред смеется, счастливая навсегда.

Ракетные двигатели ревели. Жар нарастал. Пот струился по его щекам, незамеченный в этом буйстве и торжестве.

— Моя Винифред. Мой дом. Мы — на пути.

— Пространственная эйфория,— хмуро прокомментировал Сантел.

— Лаудер, я же сказал — вырубай!

— Назад — к солнцам, лунам, морям, облакам! Назад к людям, к миллионам людей. Скажите спасибо мне. Бутылка откупорена, скажите спасибо.

— Вырубай! — Вандервеен двинулся к нему: волосы на голове слиплись, с бороды струился пот. До критической отметки оставалась всего треть пути ртутного столбика.

— Никогда! Никогда! Мы возвращаемся, я же сказал. Нравится вам это или нет.—Лаудер смотрел на приближающегося капитана, и его взгляд приобретал осмысленность и даже остроту.— Ни с места! Ракеты дадут газа без твоего приказа. Ни с места! — Распахнув бардачок пилота, он хватил рукой на ощупь, извлекая нечто увесистое и отливающее голубым металлом...

Тонкий огненный луч вырвался из запястья Вандервеена.

Лаудер замер у выдвижного ящика, опершись рукой. Он смотрел на Вандервеена, лицо его было мокрым от пота, взгляд — туманным. Ракетные двигатели сотрясались и громыхали. Он медленно сполз на колени, выпустил свою последнюю опору — выдвижной ящик, рассыпая его содержимое. Быстро переступив через него, Сантел выключил тягу основных двигателей.

В глубокой тишине Лаудер оправдывающимся тоном произнес:

— Я просто очень хотел домой... Винифред! Ты понимаешь? — Голос у него был, точно у ребенка. Он машинально встряхнул головой, рухнул и замер — дыхание его осеклось.

— Последний рейс,— Сантел застыл над его телом.— Это был его последний рейс.

Вандервеен вытер лоб.

— Я хотел только по касательной — для острастки. Неудачный выстрел.

— Это судьба.

— Неудачный выстрел,— упрямо повторил Вандервеен.— Не было времени ни сообразить, ни прицелиться. Он отвернулся с тоской.— Страдания выпали на его долю, наказание — на мою. На самом деле я сразил этим выстрелом сразу двоих.

Сантел посмотрел ему вслед — удалявшемуся, едва передвигая ноги.

Человек — никогда не остров.

Пять недель. Восемьсот сорок земных часов. Двадцать межгалактических временных блоков. Эоны лет в бериллиево-стальной бутыли. И по-прежнему непроницаемая внешняя тьма, плотная и насыщенная, самодовлеющая тьма, никогда не знавшая света жизни.

Слоняясь по кораблю, Сантел заглянул в капитанскую рубку, упал в кресло штурмана. Он был худ, бледен и вообще имел вид человека, которого давно не оставляют проблемы.

— С питанием все в порядке. Хватит на год. Но на что оно без годичного резерва кислорода?

Занятый какой-то писаниной за своим столом, Вандервеен не откликнулся.

— Если бы мы разжились хоть полуакром кислородного какти с Сириуса, какие есть на всех крупных кораблях, мы запросто протянули бы целый год. Да и ухаживать за растениями было бы полезно, это могло бы как-то скрасить времяпрепровождение,— последнее слово он выговорил ленивым тоном человека, привыкшего скучать, не оставляя при этом долгих и тягостных раздумий.— Можно было бы сосредоточиться на проблеме воды.

Скрип-скрип, продолжал Вандервеен.

— Воды нам, по всем подсчетам, еще на три с лихвой недели, если мы и дальше будем сокращать потребности в том же темпе.

Никакого ответа.

— После чего — туши свет! — Он с досадой уставился в широкую спину капитана.— Тебе это неинтересно?

Вандервеен со вздохом отложил перо и повернулся на винтовом кресле.— Так и будем делить — до самого конца.

— Понятное дело,— кивнул Сантел.

— Не такое уж понятное, как кажется.— Взгляд собеседника предстал Сантелу острым и проницательным, как только встретился с его глазами.— Ты смошенничал. Ты пытался обмануть меня. Последние десять дней ты брал меньше, чем рассчитано по твоей честной дележке. Но я вычислил тебя.— Помолчав немного, капитан добавил: — Я тоже уменьшил свою долю. Так что теперь мы квиты.

Покраснев, Сантел отвечал:

— И зря.

— Это почему?

— Ты же в два раза крупнее. Тебе нужно больше.

— Чего больше — жизни? — Вандервеен ожидал ответа, который так и не прозвучал.— Я старше тебя. У меня жизни и так было больше.

Не имея аргументов, Сантел с готовностью сменил тему разговора.

— Все пишешь и пишешь — как ни зайдешь, все только пишешь. Решил стать писателем?

— Веду бортовой журнал. Отчет обо всех деталях.

— Да его не будут читать миллион лет, если не больше. Мы попали в мертвую петлю. Мы по сути покойники, которые еще хорохорятся и не хотят ложиться — но за этим дело не станет. Так что вести бортовой журнал в данной ситуации — дело бессмысленное, не так ли?

— Это мой долг.

— Долг? — Сантел пренебрежительно усмехнулся.— Лаудер тоже думал о долге?

— В некотором смысле — да.— Капитан смутился на мгновение.— У него было благородное, всепоглощающее, естественное и вполне невинное стремление: женщина и дом на Земле. Он долгие годы отдавал им свои силы, был лишен желаемого и, наконец, почти достиг

своей цели. В кризисном состоянии он предался мечтам и поступился долгом, но так как мы чужды его внутреннему миру, то и сочли его слегка помешанным.— Вандервеен поднял журнал.— Поэтому я пишу, что он погиб при исполнении долга. Это все, что я могу для него сделать.

— Это все — пустая трата времени,— отмахнулся Сантел.

— Вот уже пятую неделю ты набираешь комбинации векторов на гиперпространственых. Это разве не трата времени?

— Какая-то комбинация может сработать. И потом, лучше жить в надежде, чем погибать в отчаянии.

— Совершенно верно! — Вандервеен вновь развернулся спиной к нему и завел пером свое бесконечное скрип-скрип.— Поэтому я, как командир корабля, исполняю свой последний долг. И хотя шанс на то, что это пригодится, невелик, полный и развернутый отчет о произошедших событиях может когда-нибудь сослужить службу. Даже если сможет спасти шкуру хоть какому-нибудь невежественному дикарю, и то уже не пропадет даром.

«Вести бортжурнал, который может пригодиться когда-то, где-то, как-то. Мрачная унылая рутина долбежки, пока жизнь по капле вытекает в оставшиеся три недели, а может, и того меньше. Одна из миллионов вероятностей — ради надежды спасти какого-то варвара, которому суждено появиться через тысячи еще нерожденых поколений. Несбыточная перспектива помощи какому-то кораблю или мореходу на дальних временных перелетах, когда гиперпространственные могут безнадежно устареть и вся множественность сущностей станет учтенной, отмеренной, взвешенной, оцененной».

— Последнее, что надо сделать,— добавил Вандервеен, видимо, размышляя,— остается на совести последнего.

Сантел приподнялся, заглядывая капитану за плечо, и увидел только бороду капитана, под которой напевало перо «скрип-скрип». Словно когти человечьих орд на заре Творения. Они вгрызаются, дабы обнажить

скрытые в земле сокровища, но, так и не выцарапав их у природы, умирают, продолжая скрести в агонии.

И все это живо напомнило скрип его пересохшего языка на обезвоженном небе. Вода, воды. Три недели. Дважды три будет шесть. Трижды три девять. Миссис Мери, шире двери — как растет ваш садик? Воды, ему бы воды. Три недели. Дважды три будет шесть.

— Так что и я беру меньше. Мы в расчете.

Сантел медленно вышел, прикрыв переборку. Походка его была затверженной, окаменелой: двигался он, точно оживший манекен, с застывшим лицом. Глаза его завязли на чем-то далеком и незначительном. Его мечты... Скрип пера по бумаге. Усохший сверток пергамента, несущий великую транскосмическую печать с его именем. Инженер первого класса. Возможно, имя будет записано скрипучим пером. И все — ради этого. Какая тщета.

Чуть погодя тонкий свист воздуха донесся издалека. Он поднялся до высокой ноты и пропал: точно кто-то всхлипывал вдали — жалостливо и беззвучно, глухо рыдая в одиночестве. Заслышав стон, Вандервеен отложил ручку. В смятении и тревоге он направился к переборке, отодвинул ее.

— Сантел!

Молчание.

— Ты здесь?

Загробная тишина.

— САНТЕЛ!

Он поспешил в носовую часть корабля, стальные подошвы взволнованно лязгали, борода простиралась вперед, точно знамя наступающего полка, в глазах командира стыло волнение.

Вот он, передний шлюз с закрытым внутренним и отодвинутым наружным люком — распахнутым в вечный мрак. Он озирался вокруг, судорожно сжимая кулаки. Три скафандра висели рядом, громоздкие, но пустые — точно искусственные люди, лишенные внутренностей. Записка была прикреплена к среднему:

«За мной — никого. За тобой — многие. Прощай».

Сняв записку, он перенес ее в рубку и сидел долго, перебирая этот клочок бумаги в пальцах и невидящим взглядом упираясь в обшивку. Наконец он снова взял в руки перо.

Еще шесть с половиной недель. Двадцать шесть межгалактических временных блоков.

Вандервеен писал медленно, кропотливо, щуря глаза и часто делая паузы, чтобы перевести дыхание. Бортовой журнал его уже не занимал. Долг службы лежал по одну сторону, отставленный, законченный вместе с днем, вступившим в свои права. Долг был выполнен до конца. Но он не отрывал руки от пера. Календарь пусто свисал со стены, разграфленный и поделенный на участки — он давно вышел из употребления. Хронометр остановился. С десяток кислородных рожков были открыты и пусты — ни дуновения жизни не доносилось из патрубков, в которые некогда изливали свое живительное дыхание ныне истощенные кормовые бункеры. Глубокий мрак небытия по-прежнему лежал за иллюминаторами, готовый к вторжению и дальнейшему завоеванию, когда давно уже туманные сигнальные огни поморгали напоследок и угасли навсегда.

Изнемогая от усталости, он все же смог написать:

«Я не один, пока лицо твое передо мною. Я не один, пока воспоминания живут. Я думаю о тебе, мой самый дорогой человек, о том, что ты дала мне, отчего я до сих пор не чувствую себя одиноким.— Он приостановился, чтобы почувствовать слабеющую руку.— Но пришла пора закончить с самой светлой любовью к тебе и детям — от их любящего отца Конрада В...»

Он тяжко боролся с собой, стараясь закончить имя, но так и не смог. И вошла тьма.

И многочисленные годы, и долго раскручивающиеся эоны неизмеримы смертью. Ибо нет времен за гранью живого.

И так же не было чувства прошедшего тысячелетия, когда пробудился Вандервеен. Был только слепящий

свет и непередаваемая боль, и еще множество трубок — сверкающих, точно новогодние погремушки, в которых разноцветные гремучие смеси кипели и переливались. И еще были голоса — глубоко в сознании.

— Больше мы ничего не можем. Теперь или никогда. Давай вот этот переключатель: посмотрим, способен ли он еще...

Боль возобладала, она прошла сквозь каждый нерв и артерию, каждую мышцу, но мало-помалу спадала. Беззвучные голоса росли и набирали силу.

Что-то совсем рядом звонко щелкнуло. Мучительная дрожь, овладевшая телом, прекратилась. Осталась лишь слабая пульсация сердца. Он чувствовал странную усталость.

— ВАНДЕРВЕЕН! — Неколебимый приказ ударил в глубине рассудка, и глаза распахнулись.

Он лежал на чем-то мягком, теплом и упругом. Его окружали трое. Он инстинктом угадал, что они — люди, хотя таких он еще не видел. С такими большими глазами и столь мощной психической аурой.

— Ты слышишь нас?

— Да,— вырвался едва слышимый шепот.

— За Кольцом ничего не меняется, ничто не разрушается. Это спасло тебя.

— Спасло? — Он силился понять.

— Ты воскрешен.

Вопросы наперебой всплывали в его сознании. «Где я?» «КТО они?» «Что сталось со мною?»

Наверное, они читали его мысли, ибо тут же ответили:

— Невозможно бежать из непространства. Но мироздание ширится с потрясающей скоростью. Со временем его границы вместили и это судно — жизнь взяла свое.

Постичь это было свыше его сил. Он и не пытался, только слушал их.

— Так корабли возвращаются вновь — сквозь эоны бесконечных лет, реликтами рассвета истории. Твой корабль по праву станет считаться реликтом неисчислимой ценности, ибо содержит жизненно важные данные, которые предотвратят дальнейшие исчезновения

кораблей. Больше не должно быть потерянных кораблей, никогда, никогда...

Но это не успокоило его: оставались другие опасения, мешавшие связать вчерашний долг с сегодняшним воздаянием.

— Моя жена,— выдавил он, замирая.

Они печально покачали головами, храня молчание.

Он попытался сесть:

— Мои дети...

Один из них вложил свою руку ему в ладонь и улыбнулся:

— Мы — твои дети.

Конечно, так и должно было случиться. Он лег, закрывая глаза. Он, служивший человечеству, сам являлся частью человечества, и дети человечества были его детьми.

Какой-то наблюдатель провернул громадный неповоротливый сканер, подвел его ближе, показал с нетерпением ожидающему миру, что человек, живший семнадцать тысяч лет назад,— снова живой.

И когда всеобщее внимание сконцентрировалось на нем, капитан Вандервеен заснул, зная, что он не одинок.

СОДЕРЖАНИЕ

Владислав Гончаров
Маленький человек в большом Космосе 5

Похитители разума
(Перевод В. Гончарова) 13

Часовые Космоса
(Перевод Б. Минченко) 185

Рассказы

Я — ничтожество
(Перевод С. Фроленка) 393

Пуповина
(Перевод С. Фроленка) 419

Разворот на 180°
(Перевод С. Фроленка) 429

Электрический стул
(Перевод С. Фроленка) 444

Дорогое чудовище
(Перевод С. Фроленка) 470

Персона нон грата
(Перевод С. Фроленка) 516

Дышите... Не дышите
(Перевод Т. Панкратовой) 521

Ранняя пташка
(Перевод Б. Минченко) 551

Без прикрытия
(Перевод С. Фроленка) 589

И я вползу в твой шатер...
(Перевод С. Фроленка) 612

Коллекционер
(Перевод С. Фроленка) 624

Никаких новостей
(Перевод С. Фроленка) 668

Ультима Туле
(Перевод С. Фроленка) 682

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – «Книги по почте»**

Литературно-художественное издание

Рассел Эрик Фрэнк

Звездный страж

Руководитель проекта А. Тишинин
Ответственный за выпуск И. Петрушкин
Ведущий редактор П. Киракозов
Редакторы Л. Веселова, А. Етоев
Художественные редакторы В. Андреева, О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Компьютерная верстка: Д. Сергеев
Корректоры Е. Зверькова, В. Домогацкая

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953 П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

**Отпечатано в полном соответствии с качеством
присланных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.**

Поклонники классической научной фантастики!

Кто из вас не знает имени Эрика Фрэнка Рассела?

И правда — трудно, наверное, найти в нашей стране любителя научной фантастики, не знакомого с именем человека, на книгах которого выросли ВСЕ МЫ — поколение за поколением.

Автора рассказов «Мы с моей тенью» и «Небо, небо», «Пробный камень» и «Мыслитель» — и множества других произведений, буквально знакомивших нас всех с «золотым веком» англоязычной фантастики? Автора тонкого, мудрого и откровенно, весело ироничного?

Перед вами — Эрик Фрэнк Рассел в лучшей, блестящей своей форме.

Не пропустите!

ISBN 5-17-010643-2

9 785170 106431